

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

22

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Редакционная коллегия: Николай Богомолов, Жан Бонамур, Эльда Гарэтто, Александр Добкин, Джон Малмстад, Ричард Пайпс, Марк Раев, Дмитрий Сегал, Анатолий Смелянский

Главный редактор: Владимир Аллой

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

22

ATHENEUM — ФЕНИКС

С.-ПЕТЕРБУРГ

1997

ББК 63. 3(2)
УДК [947 + 957]
М-62

М-62   **МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. 22.** — СПб.:
Atheneum; Феникс, 1997. — 652 с., ил.

ISBN 5-901027-08-6

В настоящем выпуске читатель найдет: воспоминания о русской эмиграции 1920—1930-х и 1970—1980-х; переписку М.Алданова, М.Арцыбашева, А.Амфитеатрова, Вяч.Иванова, М.Кузмина, Д.Философова; материалы о русских эгофутуристах; забытую публицистику И.Эренбурга и др. Все публикуемые тексты подробно откомментированы.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественным прошлым.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-901027-08-6

© Издательство «Феникс», 1997
World © «Atheneum», 1997

ВОСПОМИНАНИЯ

Д.А.Лутохин

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПАСТЫРИ

Вступительная статья и публикация Ю.И.Комболина
Комментарии А.Л.Дмитриева и Ю.И.Комболина

Далмат Александрович Лутохин (1885-1942), экономист и литератор, известен более всего своими связями с М.Горьким¹. Между тем примечателен не только этим. На протяжении жизни он был связан со многими выдающимися писателями, учеными, политиками и общественными деятелями². Сам обладал острым, хоть и подчас пристрастным взглядом, легким (правда, не всегда ловким) пером...

Лутохин происходил из дворян. Детство провел в Рязани, где его отец служил после окончания Технологического института в железнодорожных мастерских в 1892-1902³. Еще мальчиком Д.А. помогал отцу в организации театра и библиотеки для рабочих. Тринадцатилетним подростком начал писать в местные газеты («Рязанский листок» Н.Д.Малашкина), а затем и в столичные издания — «Курьер», «Сын Отечества», «Театр и искусство», «Неделя», «Русские ведомости» и другие⁴. В 1903 поступил в Технологический институт⁵. В 1905-1906, по-видимому, оказыва-

¹ См.: Лутохин Д. Горький (А.М.Пешков) // Горький: Статьи и воспоминания о М.Горьком / Под ред. И.А.Груздева. Л., 1928. С.387-400; Лутохин Д. Горький в период 1923-1924 г. // Литературный Ленинград. 1940. №11/12. С.24-26; Горький А.М. [Письма к Д.А.Лутохину] // Архив А.М.Горького. Т.ХIV: М.Горький: Неизданная переписка. М., 1976. С.378-443.

² В РО ИРЛИ фонд Лутохина содержит письма к нему более чем от двухсот корреспондентов, среди которых Ю.И.Айхенвальд, А.В.Амфитеатров, М.В.Бернацкий, В.В.Вересаев, С.И.Гессен, Г.П.Струве и др. См.: Две судьбы: Питирим Сорокин и Далмат Лутохин / Публ. Ю.В.Дойкова // Важская область (Шенкурск Архангельской обл.). 1992. №6. С.17-31; Русская литература. 1989. №2 (переписка с Б.А.Пильняком); Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин 1921-1923. Париж, 1983. С.300-303 (переписка с А.С.Яценко).

³ ОР РНБ. Ф.445. Ед.хр.б. Л.4.

⁴ Там же. Л.27.

⁵ Там же. Ед.хр.1. Л.1.

ется причастен к студенческому революционному движению⁶. Затем временно выезжает за границу «для углубленного изучения социальных наук». Вернувшись, в 1908 поступает в Петербургский университет, потом переводится в Харьковский, который и заканчивает в 1912 по юридическому факультету со специализацией по экономике⁷.

В период учебы в Петербурге бывал у падчерицы В.В.Розанова — Александры Михайловны Бутягиной, на журфикусы которой по воскресеньям приходили: «Мережковские, Белый, Бакст, Пяст, Е.А.Егоров, Г.С.Петров, Тернавцев, Н.П.Ге, Евг.Иванов, Зак. Хозяйничала Варвара Дмитриевна Розанова»⁸. Кроме того, однокашник Лутохина рекомендовал его своей сестре Марии Войцеховне Сабининой — «детской писательнице и весьма активной общественнице». Раз в месяц она «собирала своих знакомых, все людей с общественными именами. Бывали у нее Л.И.Лутугин, В.И.Бауман, проф. Долбня, М.К.Лемке, В.В.Каррик, Е.Н.Щепкина, инж. Венуховский, В.Я.Богучарский, В.П.Кранихфельд, Пименовы»⁹. Отчасти благодаря этим связям Лутохин начинает свою деятельность в Петрограде в 1914 помощником присяжного поверенного. Воспользовавшись несколькими рекомендациями, в это же время поступил на службу в Петроградское городское самоуправление. Сменив ряд должностей на государственной службе, поработав в крупнейших банках столицы, Лутохин в 1916 командировается Центральным военно-промышленным комитетом во Владивосток уполномоченным этого комитета. В августе 1917, по возвращении в Петроград, заведует отделом в этом комитете и работает в этой должности вплоть до ликвидации учреждения в 1918¹⁰. Далее, до 1922, Лутохин служит в бумажной промышленности. Одновременно он преподает на курсах и занимается редакционно-издательской деятельностью: «Я выпускаю два журнала. Необходимо было заведывать и /.../ редакторской частью. Часов в 8 утра /.../ — в типографию, к 10 на службу и там до 5, затем по книжным лавкам, в заседаниях и на лекциях /.../ Вечер и часть ночи проходит за правкой рукописей, за корректурами, за подготовкой к "Курсам"...»¹¹.

⁶ В разное время Лутохин сообщал об этом по-разному. В «Автобиографии» (1921) скромно пишет: «За время пребывания в Технологическом институте принимал участие в студенческой общественной организации и был избран старостой» (РО ИРЛИ. Ф.595. Ед.хр.1. Л.5); на допросе в НКВД 13 марта 1935 утверждает, что ни в какой политической партии никогда не состоял (Архив УФСБ по С.-Петербургу и области. Д.№П-59435. Протокол допроса. Л.2), одновременно показывает, что с 6 февраля 1905 по декабрь 1906 был членом студенческой социал-демократической группы (Там же), а в графе «Политическое прошлое» заполненной при аресте анкеты сообщает: «1905-6 г. будучи студентом, участвовал в революционных движениях и организациях» (Там же. Л.2); в более поздней автобиографии (8 февраля 1939) появляется новое обстоятельство — арест в декабре 1905 «по делу о подготовке вооруженного восстания в Петербурге» (ОР РНБ. Ф.445. Ед.хр.1. Л.1).

⁷ Там же. Л.2.

⁸ Там же. Ед.хр.6. Л.67.

⁹ Там же. Л.57.

¹⁰ Там же. Ед.хр.1. Л.2.

¹¹ Там же. Ед.хр.4. Л.10.

Упомянутые журналы — «Утренники»¹² и «Экономист»¹³. Похоже, что последний из всей сохранившейся к тому времени негосударственной прессы вызывал наибольшее раздражение властей: «К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции, — писал Ленин Дзержинскому 19 мая 1922. — Надо это подготовить тщательнее... Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей... Мои отзывы о питерских двух изданиях. "Новая Россия" №2. Закрыта питерскими товарищами. Не рано ли закрыта?.. Вот другое дело питерский журнал "Экономист", изд. XI отдела Русского технического общества. Это, по моему, явный центр белогвардейцев. В №3 (только третьем!!! Это nota bene) напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все — законнейшие кандидаты на высылку за границу. Всё это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих "военных шпионов" изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу»¹⁴. Не избежал ареста и высылки за границу и Лутохин.

Оказавшись в Берлине, он прочел несколько лекций, в основном, о состоянии русской советской литературы¹⁵. И почти сразу начинает при-

¹² Вышло два номера в 1922. С 1919 назывался «Вестник литературы» и выходил ежемесячно под редакцией А.Е.Кауфмана в Петрограде при Обществе взаимопомощи литераторов и ученых, а затем самостоятельно. В декабре 1921 Кауфман умер. И, как пишет Лутохин: «/.../ я, будучи ближайшим сотрудником А.Е.[Кауфмана] по журналу и одним из душеприказчиков покойного, с согласия остальных, взял на себя редактирование журнала. Издательницей журнала была теперь вдова А.Е. — М.С.Кауфман. Кроме заметок, посвященных памяти почившего редактора, все остальные статьи были уже выправлены покойным А.Е. И номер вскоре вышел, не встретив каких-либо затруднений в цензуре». Со следующего номера (двойного 38/39) у редактора Лутохина начались неприятности с цензурой. После его выхода с цензурскими купюрами (рассказ «Бандит»), «Вестник литературы» был запрещен. И уже следующий номер его был выпущен как новое издание под названием «Утренники» (См.: Лутохин Д. Советская цензура: По личным воспоминаниям // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. XII. С. 157-166).

¹³ Вестник XI отдела Русского технического общества. Лутохин редактировал его с №4/5 за 1922.

¹⁴ Цит. по: Гуреев Ю. Размышления о Ленине и ленинизме: Публицистика // Даугава. 1990. №5. С.81-82. Сам Лутохин на допросе в НКВД в 1935 характеризовал направление своей редакторской деятельности в 1922 так: «Основная цель была — вскрыть положительные и отрицательные сдвиги в стране под влиянием пролетарской революции, но были допущены статьи и чисто антисоветского порядка, в частности, статьи Бруцкуса буржуазно-капиталистического направления — свободный рынок, частная собственность, свободное образование цен и т.д. Статьи Питирима Сорокина реакционно-народнического направления. Я лично считал, выходящая периодическая печать недостаточно объективно освещает существующее положение. Я желал дать возможность открыто высказаться различным направлениям». И далее на вопрос, как расценивает вышеприведенное мнение, ответил: «Считаю, что это политически вредно».

¹⁵ 21 февраля 1923 Лутохин записал в дневнике: «Сделал доклад на собрании высланных. Народу было много, пришли и посторонние, всего человек 40-50. Все

обретать репутацию просоветски настроенного литератора. Об одной из этих лекций М. Горький написал К. Федину в письме, датированном 3 июня 1925: «Недавно в Праге Далмат Лутохин, высланный Соввластью, делал доклад о современной русской литературе и неосторожно похвалил всех нас за мужество, за все, что нами сделано. Доклад превратился в злейший диспут, на Далмата зверски бросились все правоверные эмигранты, все иезуиты, и его до костей изгрызли. Грызут и поднесь во всех газетах. А чешские жандармы уже справляются о его документах, связях и, кажется, вышлют Лутохина за "склонность к большевизму"»¹⁶.

Лутохину становится все труднее добывать средства на жизнь. Его попытки расширить круг изданий, где можно было бы публиковать свои критические работы, рецензии, успехом не увенчались: Питирим Сорокин в это время сообщает ему о невозможности пристроить лутохинские статьи на русском языке в Америке¹⁷. И Д.А. все серьезнее начинает заниматься устройством возвращения в Россию¹⁸. Хлопоты длились едва ли не 3 года, несмотря на помощь Б. Пильняка и М. Горького, — в Россию Лутохин попадает только в 1927¹⁹.

Вернувшись, работает экономистом в различных учреждениях и преподает. И много пишет, в основном мемуары²⁰. Что-то он печатает, в частности о М. Горьком (но не «Максимыч»), что-то *пытается* опубликовать. Например, на рукописи воспоминаний «У тех, кто бежал революции» стоит штамп издательства «Федерация» и помета, что рукопись запланирована к печати на 1929 г. тиражом четыре тысячи экземпляров.

очень бояться "советских шпионов"...». А 24 марта по приезде из Дрездена: «Доклад встретили очень тепло. Я указал, что, конечно, эмигрантам лучше возвращаться домой, но сейчас это только /.../ как идти под пулеметный огонь» (ИРЛИ. Ф.592. Ед.хр.3. Л.15, 24).

¹⁶ Федин К. Горький среди нас: Картины литературной жизни. М., 1967. С.271.

¹⁷ См.: ИРЛИ. Ф.592. Ед.хр.239. Л.13.

¹⁸ Борис Пильняк пишет Лутохину 1 января 1924: «О Вашем возвращении в Россию. Я думаю, что вернуться следовало бы, хоть Вам и трудно будет /.../ и, если Вы позволите, я приступлю к хлопотам. Я очень мало рассчитываю на свои силы, ибо нахожусь в опале, — но у меня есть друзья, с которыми я уже говорил, — и они обещают помочь — все это может произойти нескоро, через несколько месяцев». И в письме от 19 мая 1927: «По поручению Союза писателей я выяснял возможности Вашего возвращения и причины замедления разрешения на въезд. Из авторитетных источников я узнал, что Ваше возвращение будет почти обеспечено, если Вы напишете новое заявление во ВЦИК (копию в Союз писателей), где изложите Ваши взгляды, Ваше отношение к Советской власти — без такой бумаги хлопоты будут очень длительны». См.: Письма Б.Пильняка Д.Лутохину / Публ. Н.Ю.Грякаловой // Русская литература. 1989. №2. С.231, 234.

¹⁹ В автобиографии, написанной 8 февраля 1939, Лутохин сообщает: «В 1927 г. при содействии Московского союза писателей и персональном М.Горького, вернулся в Ленинград» (ОР РНБ. Ф.445. Ед.хр.1. Л.4). Как видим, о Б.Пильняке, который в 1937 был арестован, упоминания нет.

²⁰ В ОР РНБ и ИРЛИ находятся его рукописи: «Максимыч» (о М.Горьком), «Семь тощих лет», «У тех, кто бежал революции», «Пастыри зарубежные» (вариант названия «Зарубежные пастыри»), «Школа жизни», «О будущем». Фонды (соответственно) — 445 и 592.

Снизу красными чернилами написано от руки «Запретить» с датой 8.X, видимо, 1928 г. и красная же надпечатка: «Не печатать»²¹.

В «кировском потоке», 13 марта 1935, Лутохина арестовывают и на следующий день определяют сослать²². Видимо, и на этот раз решающую роль в судьбе Лутохина сыграло заступничество Горького: меньше, чем через год — Постановлением ОСО от 7 февраля 1936 — ссылка была отменена²³. Д.А. вернулся в Ленинград, где и умер во время блокады.

Из оставшихся после него рукописей, помимо мемуаров, представляет интерес и еще одна — «О будущем». Она не датирована, но написана, безусловно, не позднее июня 1936. О возможной ее судьбе автор пишет в предисловии: «Скорее, что пошлою ее Максимычу, так дома зовут у нас Горького: ему не понравится и останется у него в архиве. Наступит война. Архив эвакуируют за Урал. По дороге случится катастрофа, вагон разобьется и бумаги расхитят. Мою рукопись, если не уйдет на сигарки, подберет деревенский коллекционер, от него заберут в провинциальный архив. Лет через 100 на нее наткнется историк, сделает несколько выписок. До читателей вся она, конечно, не дойдет»²⁴.

В чем же видел автор интерес своего труда для будущего историка? Попробуем это понять, приведя несколько фрагментов:

В конце 30 годов 20 столетия одновременно на Западе и Востоке вспыхнула вторая мировая война. Ее начали против Советского Союза Германия, Польша, Япония, к ним примкнули Швеция, Финляндия, Италия. Советский Союз поддержали сейчас же Франция, Чехословакия, Литва, Латвия, Эстония, Румыния, Турция, Иран, весь Китай и, конечно, США. Англия формально осудила Германию и Японию, но держала себя двусмысленно, не спеша занять место среди воюющих.

Натиск, который проявили особенно немцы и японцы, ошеломил. Немцам удалось уничтожить часть заводов, лежащих у советских границ, в т.ч. и Ленинградский, занять Ковно, Минск, Ригу, Прагу, при участии поляк лавиной опрокинуть через Прикарпатскую Русь в Украину, с двух сторон через Альпы и по побережью Атлантического океана немцы проникли во Францию, итальянские подводные лодки выбивали из строя суда французской, а затем в Черном море и советской эскадры, блокировали Марсель. Японцы заняли Владивосток и разрушили часть Амурской дороги, двинулись из Маньчжурии на Якутск. Немцы и японцы применили множество технических новшеств, неизвест-

²¹ ИРЛИ. Ф.592. Ед.хр.35. Л.1.

²² В выписке из протокола ОСО при НКВД СССР от 14 марта 1935 значится постановление: «Лутохина Далмата Александровича как социально-опасный элемент вместе с семьей в числе 1-го человека сослать в Уфу сроком на пять лет, считая срок с 14/3-35 г. Дело сдать в архив» (Архив УФСБ по С.-Петербургу и области. Д. №П-59435. Л.11).

²³ Там же. Л.12. На этом листе имеется помета: «На Особое Совещание ходат. М.Горький». Самого ходатайства Горького в деле не обнаружено.

²⁴ ОР РНБ. Ф.445. Ед.хр.5. Л.1.

ных противникам, попытались с помощью своих агентов, которых оказалось особенно много в СССР, поднять восстание в тылу противников — восстания были подавлены, но отвлекали внимание.

Но и другая сторона не дремала. Берлин, Варшава, Стокгольм, Гельсингфорс были почти сметены налетами. Американцы пустили ко дну почти весь японский флот. Японская армия, сдавленная кольцом Красных войск и китайских повстанцев, сдалась. Японский налет на Америку был жестоко отбит. В Японии началась междоусобная война, императорский дом был вырезан.

Еще раньше вспыхнула революция в Европе. Она прежде всех, словно по сигналу, вздыбилась в сердцах, которыми правили фашисты. Блестящая работа подпольных служб и накопившаяся ненависть к притеснителям в массах /.../ довели возмущение против фашистских правителей до того, что они, покинув дворцы, бежали, но их схватили и раздирали тут же, вожди кончали с собой сами.

Рядовые фашисты спешили отречься от своих вождей. Новые революционные правительства, образованные в странах антисоветского фронта, тот час же попросили о перемирии.

События осложнились тем, что революция перебросилась и в нейтральные страны. Везде она шла под лозунгом: «Вся власть Советам!». Даже английское правительство, чувствуя свою обреченность, капитулировало. Советский строй был принят во всем мире за исключением Америки. Канада вошла в состав Соединенных Штатов, в Южной Америке все государства слились в один Южно-Американский Союз, президент которого, профессор Чилийского университета, попытался демократизировать быт народов, входящих в Союз, среди которых царили еще пережитки прежних диких полукOLONиальных нравов.

Не прошло и года после начала 2-й мировой войны, как мирная конференция, собравшаяся при участии всех новых суверенных государств, провозгласила учреждение Мирового Союза Советских Социалистических Республик, а центром МСССР — Москву, переименованную в Сталинополь²⁵.

Далее речь идет о всепланетном добровольном объединении народов и выселении «фашиствующих элементов» с Севера — в Гренландию, а с Юга — в Сахару. Там они под руководством комиссаров, выделенных правительством, проводят «грандиозные работы» по использованию природных богатств этих девственных земель.

Трудно решить, чего здесь для самого Д.А. было больше — пророчества, утопии, *антиутопии*, а может — стремления обезопасить себя и своих близких (рукопись посвящена сыновьям — 16-летнему Магну и 14-летнему Илье). Для нас ценность этого текста видится прежде всего

²⁵ ОР РНБ. Ф.445. Ед.хр.5. Л.1-2.

в мгновенной и емкой фиксации наиболее массовых настроений и ожиданий эпохи во всем их многообразии.

Сходным образом устроена и способность Лутохина запечатлеть прошлое. В публикуемом ниже тексте — мемуарном повествовании «Зарубежные пастыри» — перед нами пройдет галерея видных деятелей русской эмиграции 1920-х. Добросовестно выстроенные автором в соответствии с их политической ориентацией «справа — налево», они представлены хотя и пристрастно, но неизменно ярко и выпукло. Эти воспоминания датированы автором 1928 г.

Один из экземпляров «Зарубежных пастырей» под названием «Пастыри зарубежные» хранится в ИРЛИ (Ф.592. Ед.хр.26), а второй, выбранный нами для публикации, — в РНБ (Ф.445. Ед.хр.10). Экземпляры различаются незначительной авторской правкой стилистического характера. Орфография и пунктуация приближены нами к современным нормам. Вместе с тем сохранено характерное написание некоторых собственных имен (Зилоти, Ейхенвальд) и слов (с.р.-овский) и др.

Глава об А.А.Чупрове была опубликована А.Л.Дмитриевым и И.И.Елисеевой в «Известиях Санкт-Петербургского университета экономики и финансов» (1997. №2).

Выражаем сердечную благодарность сотрудникам рукописного отдела РНБ Л.И.Бучиной и Т.А.Тимковской, без которых настоящая публикация не состоялась бы.

*Памяти моего отца
Александра Павловича Лутохина,
скончавшегося 28 июля 1928 г.
на 68 году жизни*

Вместо предисловия

Я вернулся на родину около года тому назад, а пробыл на Западе пять лет: был выслан. Тотчас же по возвращении я постарался «обобществить» свои заграничные наблюдения, особенно же наблюдения над русской эмиграцией, в ряде докладов, сделанных мною в Ленинграде, — и в своих записках — «У тех, кто бежал революции» (найти для записок издателя мне пока не удалось).

И в докладах, и в ненапечатанной книге я пытался синтезировать свои наблюдения над Западом и эмиграцией; но не меньший интерес представляет запечатлеть те элементы, из которых складывается целостность жизнеощущения современника. В частности, при освещении русской эмиграции, покинувшей после 1917 г. Россию, весьма полезно выяснить, что представляют из себя эмигрантские «вожди», считающие себя волей и мозгом «настоящей России».

Со многими из этих людей мне приходилось за последние годы сталкиваться, с одними не редко, с другими мимолетно, и я старался всегда такие встречи крепко запомнить¹. Теперь в этой работе я пробую проявить заснятые моей памятью портреты: и те, что сделаны моментально, и те, которые удалось сделать с выдержкой. Ретушировать эти снимки я не хочу. Они будут менее эффектно, но зато ближе к действительности.

Надеюсь, что советский читатель, хотя многие изображаемые мною персонажи им уже основательно забыты, просмотрит не без интереса и пользы мои «портреты». Уверен, что когда-нибудь историк почерпнет из них кое-какие штрихи, дополняющие и освещающие то, о чем недоговарят другие летописцы...

Смею думать, что мои характеристики не предвзяты. На всякий случай, когда с людьми, о которых я рассказываю, я встречался и до невольного пребывания своего в эмиграции, я об этих встречах упоминаю.

Заранее готовлюсь к упрекам в субъективизме. Но могут ли быть иными «портреты» мемуариста? А я не стремлюсь выступить в качестве историка, биографа, памфлетиста... «Субъективна» каждая фотография, ибо она уловляет лишь мгновение, и то под одним углом. Пожалуй, я даже сознательно заостряю субъективность своего рассказа, чтобы подчеркнуть свое намерение поделиться ощущениями от непосредственных встреч с живыми людьми. Поэтому-то и буду избегать схематизации своих «портретов»...

Больше смущает меня другой неизбежный упрек: скажут, я спешу печатать то, что прежде полагалось оставлять по завещанию — для оглашения через столько-то лет по смерти автора. Но ведь эти обычаи уже отживают свое время. В нашу эпоху газет, кино, радио — всякий занимающийся общественной деятельностью перестает иметь личную жизнь, становится как бы предметом общего пользования. Возьмите те же мемуары о революции разных писателей, ну — скажем — от Н.Суханова, до М.Маргулиеса², разве они менее откровенны и интимны?!

И, может быть, в этой новой манере не щадить живых современников, говоря им в лицо, что о них знаешь, больше рыцарства, чем в прежнем обычае загробного свидетельства — мертвого — о мертвых же.

Живые могут за себя вступить, выступить с поправками, возражениями и... — даже с контрхарактеристиками...

Во всяком случае, лучше договориться до конца с живыми, чем ждать их кончины — и у неосевшей еще могилы спешить собрать и разгласить все дурное, что досужая молва распростра-

няла об усопшем: явление в эмигрантской журналистике, встречающееся даже в весьма уважаемых органах.

Наконец еще одно обвинение, которое я предвижу — и с которым выступят мои советские критики. Они, несомненно, упрекут меня в том, что о злейших врагах революции я и теперь говорю достаточно снисходительно, без ненависти и даже без гнева. Но я пишу искренно, без фальши — а ненависть и гнев нужно было бы «сочинять».

Те из «пастырей зарубежных», которые ненавидят новую Россию и с гневом библейских пророков ее обличают, кажутся мне заслуживающими скорее жалости, иногда презрения, и только...

Все, что в них есть человеческого, если мне удалось его подметить, я не укрою. Конечно, оно, человеческое, не чуждо и последнему преступнику, и махровому выродку. И упоминание об этом человеческом не может смутить и прельстить в пользу «пастырей» и самого наивного, благодушного читателя. Наоборот, упоминание об этом придаст больше выпуклости портретам.

К.С.Станиславский в своей замечательной исповеди актера и режиссера³ вспоминал, как в молодые годы не давались ему роли злодеев и благородных отцов, ибо он изображал их только злодеями или только добродетельными людьми. Но стоило ему несколько осложнить даваемый образ новыми чертами характера, иного — противоположного основному тону, — как он начинал с удовлетворением замечать, что нашел правду сценического воплощения. Те же законы действуют и в литературе — и они давно известны, что не мешает многим о них либо не знать, либо ими пренебрегать. Поэтому-то и приходится напоминать мне здесь о них...

Но как ни старался я разнообразить краски моей палитры для портретов «пастырей», многие из них — и их поклонники — упрекут мне вслед за Сорокиным⁴ — в хамстве, в похлопывании по плечу больших людей и непреклонно процитируют наполеоновское — «для лакея нет великого человека». Люди, не находящие в русском словаре достаточно обидных слов для характеристики русского рабочего, русского крестьянина и даже тех русских спецов, которые работают не за страх, а за совесть для упрочения революции, — обидятся за недостаток почтения к «великим людям». Как однажды выразился В.Г.Короленко, «почтительно возвращаю» П.А.Сорокину и иже с ним — этот эпитет, происходящий из библейского рассказа, но утративший свой первоначальный смысл — непочтительности к отцам. В последнем же смысле особенно стал бы оспаривать его уместность, ибо духовную родословную свою от этих «пастырей» вести не могу.

Ленинград

23 сентября 1928 г.

Я попал за границу в качестве высланного. Моя главная вина была в председательствовании редакционной коллегией журнала «Экономист»⁵, редакцию которого Г.Зиновьев охарактеризовал тогда в одной из своих речей как штаб контрреволюционной буржуазии...

В Лондоне заудалый портной не возьмет заказа от нового клиента, если у него нет «рекомендательного письма» («letter of introduction»). В эмиграции новым лицам вообще рады, а у меня, благодаря т.Зиновьеву, оказалась даже и рекомендация, поэтому я легко мог знакомиться со всеми, с кем хотел бы.

Кажется, впрочем, что к Василию Витальевичу Шульгину ввел меня Глеб Струве⁶, молодой поэт, сын Петра Струве. Гл.П.Струве прислал мне в Питер в 1922 г. для «Утренников» свои стихи⁷, они опоздали, журнал был уже закрыт, а имя автора мне ничего не сказало. Когда я приехал в Берлин, Г.П.Струве познакомился со мной, познакомил меня кое с кем и, кажется, сообщил обо мне Шульгину. Последний прислал мне любезное приглашение его навестить в Биркенвердере или устроить с ним randevu в другом месте. Я отправился к нему⁸. Жил он в часе езды по жел. дороге от Берлина, по направлению в Ораниенбург. Биркенвердер — вроде дачного места, где несколько санаторий. Он жил в отеле Kur-Garten, в 3 минутах от станции, — и я его застал дома, в небольшом номере, чистеньком, опрятном, ничем по обстановке не отличающемся от других номеров скромных немецких гостиниц. Главным украшением №22 была пишущая машина. В комнате было тесновато, а к тому же в нее до меня пришли гости: старичок, похожий на мастерового, и серенькая девица — как будто из поповн. На хозяйина они оба смотрели влюбленно, на меня — не без ревности. В.В. предложил мне для беседы прогулку, а старичка и девицу просил его обождать.

Kur-Garten построен в сосновом лесу — и мы, не пройдя и ста шагов, нашли полянку, на которой и расположились на поваленном и уже очищенном от сучьев дереве. Мой собеседник время от времени нервно поглядывал по сторонам и внимательно ко мне присматривался. — Я также изучал его. С первого же взгляда он мне не понравился. Его внешность очень дисгармонировала с литературным его обликом. Русский националист по идеологии; большой «барин» по стилю своих произведений, очень ярких, даже страстных, но всегда слабых по логике и не глубоких по багажу — таким я его знал заочно. Передо мной же сидел очень поношенный жизнью человек, с лысым черепом, восточного типа, с

малоинтеллигентным и даже не очень тонким лицом, с рано выцветшими и бегающими глазами: что-то скорее похожее на афериста средней руки...

Я старался воскресить в памяти любопытные рассказы киевлян о семье либерального историка проф. Вит. Шульгина, о близости к ней правого экономиста проф. Д.И.Пихно⁹, но не мог припомнить деталей...

Мой собеседник начал беседу — и в ней сразу сказалось шульгинское: привычка играть роль, быть в центре внимания, срывать аплодисменты. Опять то, что обыкновенно мало существенно для подлинного политика: скорей актерское — да, словно провинциальный гастролер — такое впечатление было первым, — оно осталось и после беседы.

Кажется, заговорили сначала о Германии, и он не без пафоса напомнил, что земли, в которых мы случайно нашли гостеприимство, искони славянские, сохраняющие до сих пор немало названий мест с чисто нашими корнями. В настойчивом интересе к правам, Россией давно утраченным, конечно, сказывался уже определенный строй мыслей, та ненасытная жажда территориальной экспансии, которая так любезна была помещичьим сердцам, последним трубадуром которых являлся Шульгин. Барства не было в манерах, но мысли были дворянские, с своеобразной «широтой» и удалью — и в то же время какие-то легкие, без корней, без подлинной веры. Но все время примешивалось и совсем неожиданное — от подпольщика, конспиратора — очевидно, недавно приобретенная настороженность...

Беседа перешла на последние произведения Шульгина. Он рассказал о своей поездке на моторной лодке из Константинополя в Советский Крым, о тщетных поисках сына и о непогаснувшей надежде его обрести¹⁰. Потом заговорил о новой России, которую он тогда знал лишь понаслышке, но, в отличие от других правых, все же допускал, что революция внесла что-то новое в жизнь, — но это новое для него могло быть только углублением всего здорового в прошлом и отказ от всего больного. То, что революция — роды нового общества, органически отличного от прежнего, то, что революция есть разрыв, решительный отказ от традиции, он, конечно, не понимал.

В.В. настойчиво повторил несколько раз, что разбуженные встряской массы медленно, но неизбежно будут повторять пути развития, уже пройденные еще раньше так называемой интеллигенцией.

«Каковы религиозные настроения теперь в России?» — неожиданно спросил он. Я отвечал, что церковности чужд, но что

по наблюдениям со стороны замечаю, что народ охладевает к церкви, особенно молодежь, а интеллигенция наоборот — искренно или нет, не знаю — нередко впадает в мистицизм, даже обрядность начинает соблюдать. «Вот это и есть начало возрождения, — обрадовался он, — всякое движение начинается с верхов; пройдет несколько лет — те же настроения захватят и деревню, и фабричных...»

Заговорил о роли в революции евреев. Для Шульгина, как и вообще для его единомышленников, дирижирующая роль евреев во всех революционных партиях, не только русских, бесспорна. Я напомнил ему, что еврейская интеллигенция у нас и до революции пользовалась, несмотря на преследования еврейской бедноты, громадным влиянием и в финансовом мире, и в газетном, и среди адвокатов, и среди врачей... Напомнил и о том, что еще недавно Зомбарт доказывал, какую громадную роль сыграли всюду евреи в насаждении капиталистического духа¹¹. «Деловому» еврейству и в будущей России было бы гораздо просторней при капиталистическом режиме, коммунизм, наоборот, мешает частной предприимчивости, частному накоплению...

— Вот я и считаю, — как-то идя мимо моих мыслей, сказал Шульгин, — что евреи могут быть очень полезными для разложения всяких национализаций и прочих ленинских экспериментов: недавно я напечатал статью, приглашая евреев покаяться и искупить свои грехи перед Россией активной помощью нашему делу...¹²

Беседа не клеилась. Шульгину хотелось встретить человека, который дал бы ему связь с оставшимися «под Советами», но им враждебными, нужен был преданный соратник... Перед ним же сидел человек ему чуждый, человек из какого-то другого — какого, он не мог понять — лагеря, пришел для того, чтобы информироваться и только, по-видимому, для этого. Он это почувствовал и даже что-то сказал о том, что если я буду писать о встрече, то... Я перебил его, успокаивая, что в газетах не работаю и интервью не печатаю.

Встать и откланяться было еще рано, могло показаться демонстративным, и я постарался перевести разговор на нейтральные темы, заговорил, между прочим, о монархическом движении у немцев. Для Шульгина эта тема оказалась, однако, не нейтральной. Он не скрывал того, что связь между русскими и немецкими монархистами очень сильна и что русские оказывают немецким немалую поддержку, иногда очень рискуя. «Неужели даже в таких делах, как убийство Ратенау¹³, не обошлось без русских?» — навивно спросил я его. «О, да, конечно», — быстро ответил он. Расспрашивать было неудобно, тем более, что я не очень уверен был в

прямоте собеседника; может быть, он просто рассчитывал усилить «авторитет» родственников ему групп...

Я собирался откланяться. Но Шульгину, видимо, хотелось оставить впечатление, блеснуть яркой мыслью... И напоследок он задал мне вопрос. «Вот вы только приехали из России, знали там, наверно, множество людей из общественных верхов; они, я знаю, одни открыто, другие — очень таясь — но почти все ждут не дождутся падения большевиков. Не известно ли вам, не работают ли хотя некоторые из них над проблемой о будущем страны, какими же должны стать устои России, преодолевшей большевизм. Неужели никто не работает над программными вопросами — неужели события могут опять застигнуть врасплох», — допытывался он.

Мысль была не лишена политического смысла: не под влиянием ли большевиков, усмеялся я мысленно, и Шульгин стал сторонником предвидения и перспектив.

— Нет, — должен был я огорчить Вас. Вит., — нет, насколько я знаю, в этой области оппозиционная мысль не работает. Сейчас никто серьезно уже не думает об уходе большевиков, об этом говорят лишь в минуты бессилия, как о возможности случайного «выигрыша 200 тысяч», понимая, что шансов на выигрыш почти нет. Понимают и то, что если бы случилась неожиданность — и большевики принуждены были уйти, то именно тогда и наступил бы окончательный крах интеллигенции... Теперь еще наблюдается некоторое единство настроений и почти бессознательная единая тактика у угнетенных диктатурой, пока лишь злоба к диктаторам объединяет всех, выброшенных «из седла», а не единство интересов и целей. Явись же снова возможность свободной политической работы — и тотчас же начнется вавилонское столпотворение: заговорят на разных языках, перестанут понимать друг друга — гораздо более разойдутся по группкам, чем расходились когда-то...

Шульгин задумался. «Я не раз уже говорил, — после паузы, наконец, заметил он, — что старое поколение вычеркнуто революцией из истории: это, знаете ли, как с травой на лугу. Проедет воз по старой траве — и она уже не встанет. А молодая оправится. Я и себя, — полушутя прибавил он, — к старикам отношу. Вот потому и работаем мы в эмиграции прежде всего над тем, чтобы воспитать новое поколение верным нашим идеям. Не нам, а молодежи суждено вернуться домой».

Я встал и поблагодарил за свидание.

Мы пошли обратно. Шульгин расспрашивал о том, остаюсь ли я в Берлине. Я рассказал о полученном приглашении ехать в

Прагу¹⁴. «Там неплохо, много наших, поезжайте, — посоветовал он. — Есть там, правда, и русская синагога, как я прозвал тамошний с.р.-овский Земгор¹⁵, но мы с ним боремся».

Мы простились. Ни я, ни он не проявили затем желания встретиться снова...

В 1926 г. Шульгин был в России¹⁶, вернулся накануне парижского съезда монархистов, но, говорят, не был допущен на съезд, так как заявил, что вынес из поездки убеждение о невозможности восстановления в России монархии. В 1927 г. он опубликовал книгу об этой поездке¹⁷ — и Бурцев пытался подорвать ее значение очередными разоблачениями: Шульгина-де возили по России советские агенты, Шульгина-де выпустили обратно за границу, чтобы дать ему опубликовать этими же агентами инспирированную и отредактированную книгу о поездке, а главное, намеревались соблзнить опытом Шульгина Врангеля, но тот-де хитрее.

Шум, поднятый разоблачениями Бурцева, был велик. Но шумевшие не понимали, что разоблачения раскрыли лишь слабость корней правых в России: только при попустительстве власти могут нелегально попасть туда и такие ловкие, как Шульгин. Доказать же, что и впечатления от поездки были Шульгину кем-то внушены, никто не пробовал — задача невозможная: не устраивались же для Шульгина новые потемкинские деревни. А он побывал и в родном Киеве, и в хорошо знакомых ему Питере и Москве.

Шульгин, по-видимому, любит сенсации около своего имени — и чем-нибудь об себе еще напомним. Обособляясь от обывательских настроений правой эмиграции и бросая ей какие-то «новые слова», он делает это, учитывая свою публику — и не порывая с ней.

А.И.Гучков¹⁸

Об А.И.Гучкове я услышал впервые в начале 900 гг. в Рязани¹⁹, где он навещал иногда семью М.М.Лермонтова. Рассказывали о богатом московском купце, ученике Моммзена и Шмоллера²⁰, ездившем в Китай бить хунхузов и в Африку сражаться волонтером с англичанами за свободу буров²¹. В 1905 г. о нем заговорили как видном участнике земских съездов²². Затем имя его приобрело всероссийскую известность. В правых кругах его имя часто упоминалось рядом с именем Столыпина: Минин и Пожарский. Уверяли, что «Минин» в качестве председателя Гос. Думы очень печется о решпекте к его положению и требует, чтобы его по должности величали «вашим превосходительством»...

Впервые увидел я Александра Ивановича в СПб. Гор. Думе в начале войны. Его плотная коренастая среднего роста фигура с прикрытыми обычно дымчатыми пенсне глазами, с очень уверенными спокойными, но быстрыми движениями не бросилась бы в глаза: солидный делец, крупный нотариус, директор банка — можно было бы предположить, не зная, кто это. Но около него, когда он появлялся в кулуарах Гор. Думы, тотчас же образовывался кружок из гласных и журналистов; с ним не беседовали, а его слушали. В заседаниях он выступал редко, но метко: бил без промаха.

Помню большой день в Гор. Думе. Амфитеатр с креслами гласных в полукруглом зале был заполнен, слушающие густо стояли в проходах, в ложи для публики нельзя было протиснуться. В порядке дня стоял доклад комиссии по сооружению новой канализации. Председателем комиссии был Гучков, его товарищами Д.С.Зернов и А.А.Воронов²³. В кулуарах уверяли, что противники проекта комиссии готовятся к решительной атаке, выпустят проф. Тимонова — специалиста²⁴, тогда как Гучков взялся за чем-то быть сам главным докладчиком и лишь в помощь себе пригласил автора проекта проф. Д.П.Рузского²⁵.

Гучков появился на кафедре — и сразу взял быка за рога. Вокруг нашего проекта, заявил он, много разговоров в городе. Не достойно было бы этой кафедры касаться обвинений, выдвинутых молвой, что за спиной противников проекта сильная промышленная группа, заинтересованная в перемене проекта. Я буду говорить лишь о самом проекте...

Удар по оппозиции был нанесен беспощадно... и главный оратор оппозиции появился потом на кафедре сконфуженный и... без голоса. Говорил он так, что его и не старались расслышать.

Мне не пришлось убедиться, что Гучков отличается большими организаторскими способностями, но заговорщик он был, видимо, совершенно исключительный. Я издали наблюдал его работу в Центр. Военно-Пром. Комитете²⁶, он сумел приобрести такое доверие и такое влияние в военном генералитете, которого до него никто из штатских, даже в положении министра, сановника, не имел. Но это было влияние политическое, может быть — моральное.

Дело само по себе не интересовало Гучкова, хозяином он и не был, и не хотел быть. Характерно, что у более мелкого и более ограниченного заместителя Гучкова по Центр. Военн. Пром. Комитету была та же черта: менее одаренный, менее образованный, с не таким жизненным опытом, но из той же чисто буржуазной и высоко буржуазной среды, А.И.Коновалов²⁷ также стремился

к политическому влиянию, передоверял воплощение мысли, технику работы другим: подручным и приказчикам. Пожалуй, — вообще людей, умевших одновременно делать оба дела — и политического вождя, и предпринимателя в широком смысле слова, — в старой России не было: Витте, значительнейший человек старого режима, был хозяином, а не идеологом; Столыпин — идеологом, а не хозяином.

Весной 1916 г. я уехал во Владивосток²⁸. Старожилы Китайской дороги вспоминали там службу Гучкова в корпусе таможенной стражи²⁹. Поразил он их тогда своим бретерством, доходившим до того, что с каким-то жандармским офицером, оспаривавшим у него казенную квартиру, хотел драться на дуэли³⁰... Был бесстрашен, но и только, говорили они.

Арrogантность оставалась у него в характере и потом. Весной 1917 г. в Москве на съезде военно-пром. комитетов он бросил рабочей группе комитетов: вы уроните красное знамя революции в грязь и кровь, а нам придется это знамя поднимать. Фраза была вызывающей, но в ней не было правды.

Вернувшись с Д. Востока, я сделал в его присутствии доклад³¹ с рядом практических предложений, имевших немалое значение. Он слушал благожелательно, но дал понять, что не стоит вмешиваться в хозяйственную самостоятельность мест: пусть-де кормятся и налаживают работу, как им нравится. У нас-де большие задачи и нам нужно всячески привлекать людей, на которых мы могли бы опереться, а не отталкивать их от себя, создавая вредное сопротивление. Дело так или иначе пойдет, нужно шире смотреть...

Мне и тогда и теперь кажется, что такой «широкий» подход был не только хозяйственно, но и политически ошибка, ибо система бросания «костей» элементам, морально ненадежным, никаких гарантий не дает, что эти элементы также [не] предадут в большом, как предадут и в малом, продавая обычно чужой интерес, им доверенный, за ломаную полушку.

Очень либеральный начальник, внешне поразительно простой и внимательный, А.И. Гучков бывал крут и жесток, когда шел к привлекавшей его цели.

Непосредственно с ним я не работал, посадил он меня на работу по внешней торговле³², и я получил полную самостоятельность*, но людей, которых он приближал, он гнул, обезличивал

---

* Несмотря на то, что весной 1917 г. какой-то аноним послал ему на меня донос из Владивостока: на лист бумаги была наклеена моя статья «Ленин и Столыпин» из газеты «Д. Восток»³³ и крупно написано было — «Ваш Лутохин — большевик»... Этот донос был случайно найден мною потом в делах комитета... (Здесь и далее подстрочные прим. автора).

— и, вероятно, поэтому подбирались около него люди всегда беспринципные, карьерные.

Одним из первых противников Советов оказался он на Юге, спасая из Кисловодска³⁴, когда там были расстреляны Рухлов³⁵ и другие, — говорят, скрывался в горах: ловким, как смелый охотник, остался и в пожилые годы...

Попад в Берлин в 1923 г., я заинтересовался судьбой деятелей военно-пром. комитетов. Об А.И.Гучкове мне говорили, что его положение трудное, правые отшатнулись от него, не могут простить ему, монархисту, отсутствие преданности династии Романовых и то, что он сделал первый решающий шаг для свержения Николая II.

В качестве бывшего деятеля Военно-пром. комитета я сделал визит Гучкову. Его не застал, приняла меня его жена Мария Ильинична (сестра А.И.Зилоти)³⁶, гостеприимная, радушная по-московски дама, но, конечно, более правая, чем даже ее супруг.

В гостиной над диваном, на котором мы сидели, громадный во весь рост портрет полк. Врангеля, на столе книжка галлиполийца Лукаша «Мертвое поле»³⁷.

Мария Ильинична расспрашивает меня о Советской России, как о сказочном царстве, полном ужасов, задает наивные вопросы, почему социалисты, которые столько перебили раньше своих противников, не уберут Троцкого и Зиновьева... В этих страшных словах не чувствуется кровожадности, повторяет то, что говорят все «ее круга»...

Мой объективный рассказ, мои ответы, даже мой язык, видимо, ее сильно смущают: очевидно, я не похож ни на кого из ей до сих пор встречавшихся.

«Александр Иванович в Париже, — сообщает она, — служит в тамошнем отделении страхового общества "Россия", но частенько наезжает в Берлин, скоро опять будет. Вы его не узнаете, — грустно замечает М.И., — он уже совсем не тот, что был в 17 году, когда вы его встречали. Все прихварывает, с ногой у него что-то...» Мария Ильинична потчует меня чаем с кексами, говорит обо всем, восхищается Врангелем, хвалит Лукаша, вспоминает Москву... Я оставляю свой адрес — и через пару недель получаю любезную открытку от Александра Ивановича: он приехал и приглашает навестить. Иду.

В его несколько осунувшейся и уже не такой подвижной фигуре сказываются не столько годы (ему тогда шел 62-й год), сколько пережитое. Но тон еще властный, принимает словно с очередным докладом. Больше слушает, чем говорит.

Я осторожно, но откровенно рассказываю ему о новой России и плохое и хорошее. По тому, что я теперь считаю плохим и что хорошим, он должен понять, что революция переделала и его собеседника. Но ни по его лицу, ни по репликам этого не заметно. Говорить с ним легко, как почти всегда легко с очень умным человеком, от которого нельзя ждать мелочности.

Вероятно, он оценил мою откровенность, ибо откровенен со мной и сам. Он считает белое движение разбитым, разбитым окончательно — и не видит никаких путей для возрождения движения извне. Если национальная русская идея и может воскреснуть — рано или поздно это случится несомненно, то придет это воскресение из нутра народного и пойдет какими-то своими путями.

Он, Александр Иванович, продолжает, правда, в меру для него возможную, вести общественную работу в эмиграции³⁸, но это объясняется не столько сознанием продуктивности такой работы, сколько привычкой к работе, потребностью хоть что-нибудь да делать, оставаться на посту, пока не изменили силы. Не скрывает, что работать тяжело очень, жалуется на интриги — и самым роковым, опаснейшим для эмиграции деятелем считает П.Н.Милюкова, в своих приемах борьбы с противниками не останавливающегося ни перед чем³⁹. «Да вы еще убедитесь сами», — добавляет он.

Он дает мне какие-то эмигрантские издания и просит зайти к нему еще раз. Я приношу ему его литературу, не скрываю, что газета «Русская Правда»⁴⁰ и ей подобные — если бы попали в Россию, не нашли бы читателей, как не читались патриотические листовки ген. Богдановича⁴¹. Мне немножко странно, что этот человек, который так соприкоснулся в военно-пром. комитетах с передовыми питерскими рабочими, так плохо представляет себе запросы масс, проделавших теперь еще и революционную школу. Видимо, и социальное движение Запада ему чуждо. Старика жалко. Несомненно, очень большой энергии и жадный до большого размаха работы, он переживает трагедию. Я не сомневаюсь, что он достаточно смел, чтобы заглянуть правде в глаза, но понимаю, что многое его глаза не воспринимают... Не его вина, что он человек определенного класса, но он один, пожалуй, из наиболее честных представителей этого класса, служащий ему не из личной корысти.

Из Праги я посылаю ему пару писем. Пильняк из Лондона просит снабдить его образцами эмигрантской литературы. Прошу Гучкова послать, что имеется в его распоряжении. Он посылает, но, кажется, посылка не доходит по назначению.

В Праге я окончательно знакомлюсь с белым движением, которое до того все еще не ясно себе представлял, и пишу Александру Ивановичу чистосердечно, что пути у нас совсем разные. Он корректно подтверждает, что мое письмо им принято к сведению⁴².

За прошедшие с тех пор годы его имя почти не появлялось ни в газетной хронике общественных организаций, ни в литературе. Кажется, он принял участие в организации защиты Конради, убийцы Воровского⁴³, старался привлечь к этому и Сорокина, и более левых эмигрантов, вроде Кусковой⁴⁴. Правые его стараются не выпускать на авансцену. Сколько помнится, на съезде монархистов в Париже он не выступал: его роль в перевороте в марте 1917 г. забыта ими не будет⁴⁵. И к чувству банкротства у него, конечно, примешивается и ужас политического одиночества. Вероятно, он оставит дневники⁴⁶, которые раскроют многое, пока нам не известное, из истории последней четверти века.

Из тех, кто пытался сделать Россию национально буржуазной, он был самый сильный человек. Он тщетно пытается идти к той же цели и после октября 17 г. Но если Струве коалирует теперь с Марковым II, Гучков готов сговариваться с Кусковой. Это все же лучше.

Было бы более мудро вообще принять постриг воздержания от политической работы, но на всякого мудреца довольно простоты. Да и у таких людей, как Гучков, решает не ум, а воля.

П.Б.Струве

Написал это имя — и невольно вспомнилось, как оно звучало для многих из моих сверстников на заре туманной юности. «Критические заметки»⁴⁷, опубликованные им 24-летним молодым человеком, дали ему всероссийскую известность, сделали его почти пророком для новой интеллигенции... И только «Освобождение»⁴⁸, которое он начал выпускать сначала в Штутгарте, потом в Париже в начале 900 гг., оттолкнуло от него революционные круги, зато выросла популярность его в чиновничестве, отчасти среди земцев.

В 1905 г. весной я поехал за границу⁴⁹ — и М.В.Сабина⁵⁰ снабдила меня рекомендацией к А.В.Тырковой — она-де познакомит вас и со Струве. Ариадну Владимировну я застал в Париже — и она предложила мне в ближайшее воскресенье, кажется, 7 мая, вечером прийти на журфикс к Струве. А в субботу я отправился на доклад Ленина⁵¹. — Где-то в заднем помещении какого-то кабинета за плас д'Обсерватуар выступал тот, кому суждено было че-

рез 12 лет потрясти мир: зал был небольшой и он был не полон; тусклое освещение; молодежь, перебрасывающаяся апельсинными корками; пять—десять «взрослых», — таких, для кого был смысл говорить, и, вероятно, никого, кто мог бы поспорить серьезно с докладчиком. Я как-то всегда чувствовал себя чуждым всякой эмиграции, даже революционной. Но Ленин начал говорить — и ни раньше, ни потом не пришлось мне уже слышать такого оратора, а слушал я и Бебеля, и Жореса, и огневых ораторов — синдикалистов: у Ленина поражала необычайная безыскусственность, доведенная до абсолюта, — простота приемов, — идеальная, очищенная от всяких эмоций трезвость — и какая-то покоряющая стальная логика, сверхчеловеческая целеустремленность.

И когда на другой день вечером я попал к Струве, куда-то на другой конец Парижа, за Трокадеро, — я все еще находился под впечатлением доклада Ленина. Я не знаю, кто был в тот вечер у Струве, было довольно много гостей, все весьма солидного облика. Тыркова постаралась ввести меня в разговор, сказала, что я рассказывал ей о любопытных настроениях питерского студенчества. Мне было 19 лет — и я постарался оправдать лестный отзыв. Со свойственной второкурснику прямоотой я поделился прежде всего, конечно, впечатлениями от доклада Ленина. Вот-де то, что близко, понятно — не только нам, студенчеству, но что легко дойдет и до масс. «А вы, Петр Бернгардович, издаете "Освобождение", в котором еще сравнительно недавно звали нас к Зимнему дворцу кричать царю "да здравствует армия, долой Плеве" и т.д. Уж если долой, то долой и царя, а армия восторгов в наших сердцах не вызывает... Только тот совершит дело "освобождения", кто понимает массы, стремится к ним, поведет их...» То, что я сказал, отдавало, вероятно, «подростком» и «идиотом», во всяком случае, свидетельствовало, что я еще ребячлив и к тому же enfant terrible — краснею и посейчас за свою тогдашнюю невоспитанность, но Струве был обижен и обозлен. Вместо того, чтобы меня отечески распечь, он начал говорить не без некоторой растерянности довольно плоские фразы: рабочее движение в России если когда-нибудь и начнет развиваться, то в английском стиле: потребловка, может быть, профсоюзы и только. «Освобождение» ведет переговоры о сотрудничестве с Плехановым... Ленин — может быть героем некоторых тесных эмигрантских кружков, но в России ему делать нечего... Вооруженные восстания — дикая фантазия: у нас если и будут, то только дворцовые перевороты...

Я должен был считать себя удовлетворенным, Струве спорил со мной не как с мальчиком, но я почувствовал, что все остальные возмущены мной и приняли иную тактику, чем Струве: меня

оставили в полном одиночестве. Я сидел, как на иголках, хлебал чай, которым потчевала Н.А.Струве⁵², и старался, несмотря на плохо подавляемое возбуждение, следить за беседой... Разговоры были о разных вещах. Подтрунивали над П.Б., что он не знает ночного Парижа, кто-то обещал его свести в один из ночных садов на Елисейских полях. П.Б. заявил, что он «без предрассудков» и воспользуется чичероне. Подошла ко мне Тыркова и, видимо, стараясь меня рассеять, стала шутить: ну — вот, пусть та революционная молодежь, к которой вы себя причисляете, идет своей дорогой — и если она сумеет победить, то и нам, либералам, проектировала А.В., раскроет дорожку домой... Будем благодарны...

Через полгода в н[ашей] Техноложке заседал Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, выступал Троцкий; Струве вернулся, издавая «Полярную Звезду»... и бездарную вечернюю газетку «Дума»⁵³, а потом стал профессором — и снова завоевал симпатии части молодежи, но уже не как политик. Я видал его иногда в Вольном Эконом[ическом] Обществе, где перед войной он вел в III отделении нечто вроде семинара. В 17 г. мне пришлось раз вместе с ним участвовать в одном междуведомственном совещании по внешней торговле⁵⁴... Я с интересом читал его чисто научные работы, но каждый раз при непосредственном соприкосновении с ним чувствовал определенное внутреннее, почти физиологическое отталкивание. В 1918 г. весной, будучи в Москве и готовя, по предложению Совета Кооперативных Съездов, сборник о мировом хозяйстве, я предложил и Струве дать статью в сборник⁵⁵. П.Б. согласился принципиально, но предупредил, что из-за какой-то девицы, собиравшей на белое движение и припутавшей его имя, он принужден жить полулегально и не уверен, что сможет статью написать... Вскоре он исчез из Москвы⁵⁶... То, что он делал потом у белых, мне оставалось до поездки за границу неизвестным — и когда я только что попал в Берлин, я даже защищал Струве и напомнил в печати о 30-летнем юбилее его «Критических заметок»⁵⁷. При этом, однако, я не только упомянул, в плюс юбиляру, что в молодом Струве было много «писаревского», но и деликатно заявил, что в позднейшей деятельности П.Б. было больше «литературы», чем политики; указал и на «органический порок» — любовь к историческим, уже пережившим себя формам культуры: «Струве знает, что без материального базиса духовная жизнь существовать не может или будет искусственной, но он не хочет жертвовать той чудесной русской литературой, русским искусством, даже дворянским русским бытом, которые, может быть, являются роскошью для нищего русского народа, роскошью, за которую ему приходилось платить... Струве силен в

критике настоящего, подвергать критике прошлое умирающее Струве не хочет. Вот почему такой же пенящийся мыслью, такой же чуткий к жизни, как и 30 лет назад, Струве сейчас уже не странен в качестве юбиляра. Идет какая-то новая Россия, новая общественность, новая литература, но литература в этой новой России, увы, не на первом будет месте...»

Струве благодарил меня за «снисходительное к нему отношение», звал в Прагу, но уже тогда в небольшой переписке⁵⁸, которая у меня с ним еще до того возникла, определилось коренное разногласие. Я, кажется, довольно откровенно написал ему, что мне непонятен «единый фронт» его и Маркова II — и он тотчас ответил:

«(Прага) Смихов

14.IV.23.

Глубокоуважаемый Далмат Александрович.

Насчет Маркова II Вы все-таки ошибаетесь и радикально. Какие бы глупости они не стали бы делать, и они безвозвратно покончат с государственным социализмом и вообще со всяким социализмом. Я подчеркиваю: и они.

В России нужна свобода в пределах X тома /.../⁵⁹. Остальное приложится. Но Марков или сверх-Марков не может не дать такой свободы, а Ленины и Подленины не могут ее дать. Вот и вся разница. Вдумайтесь в это. Всего хорошего.

Преданный Вам П.Струве»

У Г.П.Струве, о знакомстве с которым я писал выше, встретил я раз С.С.Ольденбурга⁶⁰ и И.Лукаша... Они уверяли, что Марков II уже не тот и что вообще правые, объединить которых стремится теперь Струве, гораздо более демократичны и сознательно становятся демократами, чем левые в эмиграции, поглощенные международными интригами, завязавшие опасные связи с представителями европейских правительственных кругов и т.п...

Первые месяцы пребывания за границей я набросился на научную литературу Запада, не читал почти вовсе эмигрантской литературы — и ограничивал знакомство с белым движением личными встречами с его представителями: я собирался в Прагу — и боялся, что там не найду тех книг, которые брал в Берлинской госуд. библиотеке. Но на 2-й день по приезде в Прагу я зашел к Струве. Перед тем я был у Сорокина, был у Гирса⁶¹, к которому заходил поблагодарить за по телеграфу высланные бесплатные визы и предложение стипендии; в приемной чешского министра я встретил много русских, которые расспрашивали меня о Сов. России... То, как я удовлетворял их любознательность, очевидно,

очень их шокировало, и, конечно, о подозрительности моей особы было дано знать всем, кому надлежит, в том числе и П.Б.

Струве был осторожен и сух, предложил пойти на манифестацию, устраиваемую в тот вечер крамаржистами при его участии, против гонений на русскую церковь. Я уклонился от приглашения, сославшись, что еще не понимаю по-чешски... Через пару дней, после диспута «о философском миросозерцании Герцена» молодого философа Г.В.Флоровского⁶², искавшего магистерской степени, Струве пригласил меня позавтракать с ним и А.С.Изгоевым⁶³ у Беранека, где я остановился... Это был не ответный мне визит, но все же какой-то дружественный акт. К нашему столу подошли потом К.И.Зайцев⁶⁴ и еще кто-то из молодых доцентов. Разговор шел не о России, а о Германии, будет ли там социальная революция. Я считал, что она там возможна и даже вероятна. П.Б. также не исключал ее в ближайшем будущем, но полагал, что выступи на сцену активно левые партии — и Германия расколется и гражданская война превратится в борьбу Красного Севера и Черного Юга; хотя Франкония будет за Север, но у Юга много шансов победить...

Когда мы остались одни, Струве жаловался на Большие Державы, которые уже не хотят помогать белому движению, повели политику двусмысленную, прямо мешают иногда тем эмигрантским группам, с которыми он солидаризируется: Европе-де Россия, «разлагаемая Советами», отчасти даже выгодна... Великая, сильная Россия, которая может быть только при монархии, их страшит... Нам же нужно вернуться к России 1902 года...

Когда я еще раз зашел к Струве, у него был вождь евразийцев П.Н.Савицкий⁶⁵... Струве писал для него какое-то рекомендательное письмо, — и мы, в ожидании, начали беседу. Савицкий почему-то заговорил о том, что в современной России возникает новое дворянство — влиятельные коммунисты, стаж партийный заменяет родословные... Я возразил, что пребывание в партии — не привилегия, а тяжелая повинность. Струве кончил писать и занялся мной. Предложил мне остаться при его кафедре для подготовки к магистерским экзаменам по экономике, но оговорил, что наложит на меня известное моральное обязательство по отношению к нему, руководителю моей научной работы... Я поблагодарил и сказал, что предпочту независимое положение. Тогда П.Б. дал мне ряд полезных указаний, как вести работу — и каковы его и его коллег по факультету требования к магистрантам. Для более детальной ориентировки он посоветовал мне побеседовать с недавно державшим магистерский экзамен по политической экономии К.И.Зайцевым.

Зайцев, поговорив о «железном инвентаре» экономической литературы, знание которого обязательно для магистрата, перевел беседу на политические темы. Борьба, которую они, белые, вели, еще не кончена... В этой борьбе определился «водораздел»: они, белые, — это слово для него дорого — будут бороться не только с большевиками, но одинаково и с социалистами. Первых нужно вырвать с корнем, вторых просеять: кое-кого можно будет допустить к муниципальной работе, пусть занимаются вопросами о канализации и прочими нужными, но не политикой... Я понял, почему П.Б., не ставя мне прямо политических вопросов, направил меня к Зайцеву. У последнего репутация была, как я потом узнал, определенная: это Лепорелло при Струве для поручений, когда тонкости излишни.

Условие успешного магистрирования было поставлено достаточно грубо — и я план свой об испытаниях тогда же решил не выполнять⁶⁶.

Осенью Струве прислал мне приглашение бывать в его семинаре⁶⁷. Раза два-три я заходил на заседания этого семинара. Состав его мало напоминал аудиторию научного кружка, здесь преобладали политические друзья Струве... Темы отличались крайним разнообразием: наряду с теоретическими проблемами экономики обсуждались и фрейдизм, и аграрное движение в России, и философия als ob⁶⁸...

Струве — универсален в своих интересах — и даже среди учеников мужей русского университета в Праге⁶⁹ пользовался непреложным авторитетом и в вопросах, выходящих за круг его специальности. Так, один русский историк пожелал магистрироваться — и ему нужно было держать экзамен и по всеобщей истории. Историков русских в Праге много, но ни одного по всеобщей истории профессора нет. Экзаменовать поручили Струве.

Струве кокетничает своей эрудицией и нудно утомителен менторским тоном, которым он высказывается на любую тему. Одна тема сбивает этот менторский тон: это тема об октябрьской революции и обо всем, к ней относящемся. У пражских знакомых моих зашла как-то речь, в присутствии П.Б., о новой орфографии. Он выскочил из комнаты, с ним сделалось что-то вроде истерики.

Наблюдал я его в истерическом состоянии на большом политическом собрании в «Русской Беседе», когда он выступал в прениях под докладу К.И.Зайцева. Струве доказывал необходимость «военной цензуры» в эмигрантской среде: ведь борьба только приостановлена, и легко случайно сорвавшимся словом выдать сокровенные помыслы; к тому же вообще в свободном слове таится

страшная опасность освобождения себя от дисциплины, от страха божьего, опасность поддаться искушению дьявольскому...

Струве заикался, как обычно выдавливал из себя фразы, но совсем необычно для него страстно выкрикивал их, словно заклиная собрание: он напоминал в это время какого-то шамана, он волхвовал...

Органически неспособный к красноречию, он производил впечатление своей возбужденностью, верой в свою правоту... Было ли это искренне — не знаю, как не знаю, что заставляет Струве ходить в православную церковь, подходить под благословение иереев, творить коленопреклонения. Вероятно, действуют законы известной социальной среды, с которой сблизился Струве, среды, вождем которой он захотел быть, но которая повела его за собой.

В перерождении Струве убедило меня его поведение на пражском съезде русских ученых в 1924 г.⁷⁰ Об этом съезде я тогда же напечатал статью в «Воле России» («Белая наука»)⁷¹. Мою статью монархическая «русская газета» в Париже⁷² назвала выстрелом из дальнобойного орудия, намекая, что я целюсь в Москву... но, право, я метил не туда и попал. Четвертый съезд пришлось созывать в 28 г. не в Праге, а на Балканах⁷³. Струве на третьем съезде был главным режиссером и премьером. Если в вопросах совести он против свободы, то в вопросах экономической политики он, наоборот, видит нечто абсолютное, богом предписанное миру, как условие здорового развития производственных сил. Не буржуазные экономисты XVIII и XIX веков открыли проповедь экономического либерализма, а еще Христос в притче о хозяине дома, нанимавшем работников для виноградника: «Разве я не властен в своем делать, что́ хочу» (от Матфея, 20. стихи 1-16).

Приложить работу с свободными упражнениями хозяйской воли Струве рекомендовал при помощи уступки рабочим части прибылей, солидарность интересов тогда будет достигнута...

Но друзья Струве были еще откровеннее. Г.В.Вернадский⁷⁴ пытался идеализировать крепостное право, доказывал, что объекты оного в некотором отношении могли быть и сами собственниками; за восстановление крепостного права докладчик, однако, не высказался и даже восхвалял Аракчеева как гуманиста, военные поселения которого он считает первым реальным шагом к отмене крепостного права.

В этом направлении съезд был выдержан, режиссер оказался и опытным, и ловким. После него с П.Б. я не встречался, но следил за дальнейшими шагами его политических трансформаций.

В Праге его положение, как явно примкнувшего к монархическому движению, становилось не особенно удобным, тем более,

что Струве очень близок с одним из правых чешских деятелей К.Крамаржом⁷⁵, ненавидящим Масарика и стремящимся всеми способами добиться победы правых групп. Крамарж женат на Абрикосовой, русская революция лишила его значительной части взятого за женой приданого — и поддержка русского монархического движения продиктована не одними идеологическими соображениями...

Несмотря на то, что таких друзей, как Крамарж, у Струве немало, достать денег на свою «Русскую Мысль»⁷⁶ в достаточном количестве он не мог. Богатых друзей много, но читателей мало: и «Русская Мысль», и изданный «Пламенем» на чешские деньги к 35[летию] литературной деятельности Струве юбилейный сборник⁷⁷ почти не расходились...

Но вот вскоре после юбилея Струве, отпразднованного в начале 1925 г., Гукасов⁷⁸ пригласил его главным редактором газеты «Возрождение», которая должна была подготовить монархический съезд. Струве согласился на переезд в Париж, рассчитывая сохранить за собой и материальную поддержку чешского министерства иностранных дел, но там воспользовались его отъездом и сняли его с профессорской стипендии. В связи с переходом Струве в стан правых монархистов А.А.Пиленко⁷⁹ опубликовал в ноябре 1925 г. открытое ему письмо, довольно язвительное:

«Вы стремительно несетесь навстречу мне, тихонько перебрасываемый в почтовой бричке справа налево, — говорится в письме, — я лучше вас знаю правых, удовольствия вы не получите. Желаю скорейшего возвращения...»

Уже на съезде монархистов обнаружилось, что монархисты используют Струве, а не пойдут за ним. Струве для них слишком идеолог и даже фантаст. Им нужны такие испытанные слуги старого режима, как В.Н.Коковцов⁸⁰. Последний, говорят, заявил Николаю Николаевичу Романову, проживающему в купленном им замке в Шуаньи (Вандея!), что все оставшиеся за границей денежные суммы бывшей Империи в распоряжении «его высочества» и что, кроме того, именитейшие в финансовом мире эмигранты готовы гарантировать потребные его высочеству на дело восстановления «Великой России» кредиты. Вряд ли это реально, но даже мечта о фондах вызывает в этом стане энтузиазм.

Струве удалось около 2-х лет вести «Возрождение»; осенью 1927 г., однако, Гукасов грубо рассчитал Струве⁸¹, выдав ему за 2 недели «выходные деньги», — и посадил на его место Ю.Ф.Семенову⁸². Обидевшись за П.Б., из газеты вышло 25 наиболее преданных ему сотрудников. Вместо газеты он начал издавать еженедельник⁸³ — дальнейшая судьба П.Б. мне неизвестна.

П.Б. замкнул кривую своей политической эволюции: автор манифеста РСДРП стал писать манифесты «претенденту на престол» Николаю Николаевичу Романову (бывшему главнокомандующему).

Острым, что кто-то из близких спросил П.Б., не думает ли он начать теперь вторично проходить по той же кривой, но обратно. «Не стоит, — якобы отшутился П.Б., — уже не успею...»

Первые номера «Возрождения» я читал, потом выпренное и бессильное резонерство Струве, кретиноподобная злоба Бунина и Ильина, уличное зубоскальство А.Яблоновского⁸⁴, весь концерт подобранных для прославления Николая III бывших либеральных литераторов, профессоров, журналистов стал для меня просто непереносим.

Но к самому Струве у меня осталось чувство глубокой благодарности. И не только за то, что в начале сознательной жизни под влиянием его статей я начал изучать культуру как целостную совокупность, но и за то, что теперь, в зрелые годы — он невольно раскрыл мне всю ограниченность идеи «культуры» в том понимании, какое придала этому сложному понятию защищающая «идеализм» русская философская школа, главным учителем которой является Струве. Для них «культура» — абсолютная ценность, ради которой они готовы жертвовать теми, кто создает культуру. Между тем, там, где культура становится самоцелью — и во имя ее обществу придается искусственная форма, и сама «культура» получает червоточину. Болезненность эллинской культуры, культуры рабовладельческого общества, раздираемого социальными кризисами, давно уже вскрыл такой консервативный историк, как Яков Буркгардт⁸⁵. Патологичность культуры капиталистического общества обличали и Карлейль, и Рескин⁸⁶, и Нитцше. «Гармоничность» известных нам исторических форм культуры один самых лживых мифов.

Струве договорил теперь до конца свои мысли — и тем раскрыл порочность не только своих выводов, но и предпосылок.

В этом его заслуга — он никогда не был оригинален, но он настойчив в поисках идеологического обоснования — пусть не своими собственными доводами — того, что другие делают, не заботясь об идеологии. Отсюда поучительность его попыток и их полезность.

Питирим Сорокин

Кажется, осенью 1921 г. я попал в Питерский Дом Литераторов, что помещался тогда на Бассейной улице, на публичную

лекцию проф. Питирима Сорокина. Его я никогда раньше не встречал, отзывы же о нем были разные. На кафедре появился высокий, худой, бритый молодой человек в очках; манеры его были не лишены комизма, он неуклюже жестикулировал длинными ручищами, часто поправлял очки. Говорил хриповатым баском не просто даже, а нарочито просто — и в то же время старался показать всеобъемлющую ученость. Но ученостью не томил, разбавляя ее разными случаями, достойными украшать уголковую хронику дешевой газетки.

Он сообщил аудитории о голоде в древности, в средние века и в новое время, о случаях голода во всех 5 частях света, о голодах в России и о послереволюционном голодании... Указал на надвигающийся снова голод ввиду гибели большей части урожая — и по программе должен был высказать предположения о том, каковы будут демографические, антропологические, этнографические, экономические, политические, культурные и иные последствия голода. Настроение полуголодной, хотя по тому времени даже «элегантной» аудитории было уже достаточно омрачено всем ранее сказанным. Но заключительного слова ждали все... Вдруг при самом же подходе к заключительной части лекции у лектора сорвался голос, вместо слов послышался какой-то страшный вскрик — и он стремглав, поправляя очки, ринулся с кафедры за кулисы... Лекция была порвана, оборвана высокодраматически, и аудитория оценила великого патриота, который так любит родину-мать, что не может сохранять самообладание, говоря о ее муках и злосчастиях... И в то же время никакая власть не могла привлечь к ответственности только за истерику, хотя бы и зело красноречивую.

Один старый журналист, которому я потом рассказывал об этом эпизоде, припомнил случай с его отцом, но давний, в бытность студентом на лекции проф. С.П.Шевырева⁸⁷. С тем также на одной из лекций случилась подобная история: расплакался и убежал, обронив около кафедры какую-то бумажку. Студенты подняли ее: там набросан был конспект лекции — а в конце значилось: «*восторг и слезы*»...

Тогда я так не истолковал «слез» Сорокина. Вскоре я с ним познакомился. Редактор «Вестника литературы» А.Е.Кауфман⁸⁸, от которого я потом этот журнал унаследовал, нередко советовался со мной о новых сотрудниках. Спросил о Сорокине. Я посоветовал его привлечь. Так мы и познакомились — по делам журнальным. Впрочем, подробностей первых встреч не помню. Может быть, я позвал его в Русское техническое об-во прочесть какой-либо доклад — и просьбу направил через Ф.И.Витязева⁸⁹. Ре-

шительно не помню. Отчетливы становятся в моей памяти лишь наши встречи в редакционной коллегии «Экономиста», которой я председательствовал. В коллегии П.А. бывал гостем, держал себя скромно и ничем не выявлял какой-либо определенной точки зрения. Насколько был решителен в статьях, настолько же сговорчив в разговорах. «Понимаю, понимаю», — примирительно басил он... Заходил в редакцию часто, привел как-то и свою красавицу жену Елену Петровну Баратынскую⁹⁰. Звал к себе в Детское Село, где его навещали «всякие народы», в том числе и особенно — американки из АРА⁹¹. Но я как-то не удосужился съездить.

Потом журналы были закрыты, а я арестован. По выходе узнаю, что без меня проводывали семью Сорокины. Он был в Москве, когда задерживали высланных; явился сам в Г.П.У., и с него взяли лишь обязательство уехать за границу⁹², не возвращаясь в Питер. Он все же съездил и даже моих проведаль.

В феврале 23 г. я попал в Берлин. И через несколько дней по приезде читаю в газете «Руль»: доставлено письмо для Д.Лутохина⁹³. Получил — от Сорокина из Праги. Узнал из газет о моем приезде, зовет в Прагу, уже исколотал мне стипендию⁹⁴. Я долго колебался⁹⁵, ехать ли, но в конце мая снялся с семьей и приехал в Прагу. Сейчас же по приезде отправился со всеми своими в Черножице, деревушку, где жили Сорокины. Видимо, наше нашествие их чем-то смутило, но оба старались быть ласковыми — и П.А. даже стал вдруг наставлять меня житейской мудрости, к которой я всегда был глух:

— Обязательно сходите к Е.А.Ляцкому⁹⁶. Имя рек..., но пригодится вам весьма — и ничего не имею, если при встрече ругнете меня, это расположит его в вашу пользу. Когда будете у м-ра Гирса, не скрывайте вашего положительного отношения к революции, чехам приелась эмигрантская узость.

Макиавеллиевский цинизм Сорокина только огорчил меня, но я старался найти этому цинизму приличествующее объяснение, тем более, что цинизм был так топорен, что скорее жалеть приходилось циника за наивность.

Сами ютились они в какой-то голубятне. Сорокин имел достаточное количество монет, но много тратил на английские уроки и копил на дорогу в Америку. Работал чрезвычайно много. Работал над английским языком; даже разгуливал по полям, прозносая вслух спичи и лекции — и потешая разговорами с самим собой чехов. Очень много писал. Кое-что и читал.

Тем не менее у него находилось время и для встреч с приятелями. Он несколько раз навещал меня, хотя я жил в часе ходь-

бы от него. Один раз Сорокины совершили со мной 40-килом. прогулку к Порогам Святого Яна на реке Влтаве, по-немецки Молдава.

А хороша дорога из Черножиц к этим Порогам. Вы идете сначала проезжей дорогой, обсаженной старыми сливами, орешником, яблонями, потом через густой тенистый лес пробиваетесь напрямик, не ища тропы, к обрывистому берегу Молдавы, спускаетесь вниз и идете дальше вдоль реки: скалы то сжимают ее, то расходятся далеко, оставляя простор для богатых селений... А там, где уже близко пороги, вдоль реки пройти трудно: нужно перевалить через высокую гору, всю покрытую лесом, полным птиц, зайцев, серн, и сойти прямо к порогам, около которых приютилась скромная харчевня. Вам дадут яичницу, сыр, пива — и даже могут зажарить курицу либо гуся.

Когда идешь к Порогам, по дороге освежая себя добрым пильзенским или иным чешским пивом, то, право, неохота всерьез заниматься политическими дискуссиями. Хочется вспомнить детство и резвиться. И когда ваш сосед начинает доказывать, что России нужен монарх, но монарх особенный — вот бы Форд согласился (уж лучше Пешехонов⁹⁷ — был бы мужицкий царь, заметил Чириков⁹⁸, когда я передал ему об этой «остроте» Сорокина); доказывает, что величайший государь был Александр III, а Победоносцев гениальный государственный человек и дальше в том же роде, и когда знаешь, что собеседник социолог и бывший с.р.-овский цекист, то становится сначала даже весело: здорово острит человек... Очевидно, я был простодушен. Такие исповеди, как Л.Тихомирова⁹⁹, кое-чему научат и простодушного — но ведь она еще не была напечатана.

А затем — кроме политики — разговоры шли и личные, автобиографические, так сказать. Питирим Александрович вспоминал свою жизнь, она не лишена в его передаче занимательности.

Родился что-то около 1890 г. Мать-зырянка умерла, когда ему было 3-4 года¹⁰⁰, отец русский, маляр, пьяница, заставил детей сызмальства помогать ему в ремесле; ходили по деревням, мазали крыши, поправляли иконки... Лет в 10 — Питирим бросает отца (все пропивал), и с братом начинают работать сами. Зашли как-то в сельскую школу, там Питирима уговорили начать учиться... И он начинает зимой посещать училище, летом по-прежнему малярничал. На выпускных экзаменах инспектор в восторге от успехов Сорокина, от того, как он прочел стихотворение «Клеветникам России», — и выхлопывает стипендию в учительский институт. С 14 лет в партии с.р.-ов. Потом — студент Психоневрологического института. Секретарь Ковалевского¹⁰¹, видный де-

атель партии с.р., личный секретарь министра-президента Керенского¹⁰², профессор... «Сон свершился наяву». Скачок по социальной лестнице сделал редкий — и когда Сорокин уже в годы революции был на родине, он не мог принимать у себя брата — спившегося рабочего...

Ну можно ли поверить, слушая такие рассказы о себе в ясный, теплый день, когда все кругом благостно, что «сын народа» — «враг народу»...

И к тому же молодой профессор еще просто не доучился. Он так стремительно делал карьеру, что читать много он не успевал вне самого главного; особенно поражала скудость его философских знаний.

— Сорокин — ха-ха-ха, — заразительно смеялся при имени П.А. один старый философ, — избрал своими учителями Сергея Радонежского... де Роберти¹⁰³ и Александра III «Миротворца», о котором Владимир Соловьев говорил, что это чурбан, упавший с неба к дикарям, из почтения смазывающим его калом. А для Сорокина — воплощение высшего разума...

В Праге Сорокин «умнел». Приехав, он сначала братался с старыми товарищами по партии, потом перекочевал в «Крестьянскую Россию»¹⁰⁴, политическую группку, созданную с.р.-овскими ренегатами С.С.Масловым и А.А.Аргуновым вместе с савинковцем А.Л.Бемом¹⁰⁵. Эта группка все же была под Милюковским патронатом. Перед отъездом в Америку Сорокин порвал и с ними — и стал работать с правыми аграрниками.

Его разговоры звучали своеобразно:

— Вот Гирс — умный человек, понимает, что в крестьянской Чехии социалисты долго не продержатся у власти — и перед выборами записывается в земледельческую (кулацкую) партию...

или:

— После всякой революции реакция неизбежна; но если реакцию осуществляют правые, она мягче;

— А мстить не стали бы разные Марковы, попав к власти? — спрашиваю я.

— Ну, конечно, *не без этого*, — злорадно хихикает Сорокин.

Больше всего огорчения испытал Сорокин перед отъездом из Европы в Новый Свет, узнав, что «Крестьянская Россия» не дала ему каких-то довольно больших денег. «Я-де думал, что коллеги бесплатно работают, — жаловался он, — и отказался от редакторского жалованья. Оказывается же, они получают, и немало, обсчитали почти на тысячу долларов...»

Иногда меня даже начинало чрезвычайно интересовать, как в голове этого молодого ученого совмещаются квакерский пурита-

низм и ненасытная жажда карьеры, несомненная потребность научной работы и дешевое политиканство, опускающееся до обывательского интригантства, стремление к сложным, хотя и путаным социологическим построениям и философское невежество...

И мне хотелось верить, что плюсы профессора органичны, а минусы от биографии: тяжелое детство, дурное влияние с.р.-овского подполья, убогая обстановка наших академических кругов. Попадет в Америку — исцелится от многого, надеялся я.

И когда Сорокины откочевали в Новый Свет, я довольно долго поддерживал с П.А. переписку. Он находил время присылать мне довольно обстоятельные сообщения о своих успехах — только успехах! — в Соединенных Штатах, писал немного о работах по ботанике жены — и только.

Прочтя ряд эпизодических курсов в разных университетах¹⁰⁶, он осел в Миннесотском университете (3-м по величине в Соединенных Штатах, отмечал он), стал full professor of sociology — «ординарным» по социологии, ведет свои семинары и курсы только с graduate students (вроде наших «оставленных»). Так в 1924/25 г. он читал курсы: «Социология деревни» (Rural sociology), «Историю социальных теорий», «Современная социальная проблема», «Социальную морфологию». И находил время очень много писать. Им ведь изданы за 4 года, что он в Америке, ряд толстых книг (мемуары, «Социология революции», «Социальная мобильность», «История новейшей социологии»)¹⁰⁷.

Жизнь в Штатах ему пришлась по душе, в одном из писем¹⁰⁸ он сделал отступление от обычных ему тем и описал ее: «библиотека университета великолепна, о внешнем комфорте университетских зданий нечего и говорить... поле — campus — университета занято всегда сотнями автомобилей (здесь, кажется, в ватер и то скоро будут ездить в автомобилях). Три читальных зала библиотеки более комфортабельны и такого же размера каждая, как, например, зала Публичной библиотеки (в Питере)... Отлична от европейской и система преподавания», — но ему по душе. «По душе даже и то огромное место, которое занимает здесь спорт и военное обучение. Даже сам я начал "американизироваться" и около часу каждый день занимаюсь спортом в hand-ball в великолепном здании для гимнастических и физических упражнений...

Американские профессора отличный народ. Я легко схожусь с ними. И что хорошо — здесь как-то среди американцев — нет наших академических интриг. Самое большое различие не мешает быть друзьями.

Штат Миннесота — фермерский и считается одним из самых радикальных, но опять-таки этот радикализм (рабочих, приезжающих на работу в собственных автомобилях, и фермеров, имеющих не только автомобили, но огромное большинство — дорогие радио, через кои каждый день узнают, сидя у камина, цены на все по всей Америке и Европе, слушают концерты, речи и т.д. из Нью-Йорка, Сан-Франциско или Чикаго; пришлось и мне говорить уже по радио три раза мои речи) — этот радикализм, я говорю, не похож на наш. Российский радикализм — это либо анархия, либо упадочничество, либо подлость, либо — глупость (извините, такова его история, сущность и общественная роль). В здешнем радикализме, подчас очень здравомысленном, — вы чувствуете реализм, баланс, силу, напор свежих сил. Он не отрывается от реальности, он очень по-своему консервативен. Такой радикализм я понимаю и принимаю. Наш российский — да будь он трижды проклят. Теперь еще более, чем год раньше, я презираю этих наших "социалистов" и всю шатию. Читаю, например, "Дни"¹⁰⁹ и так и хочется мне обозвать всех этих "стоящих на посту" — *телятами*, именно телятами — тех, кто из них честен, и *мелкими* плутами и бездельниками — тех, около которых Вы вертитесь (шатию из Воли России, Пламени¹¹⁰ и т.д.). На что они, куда они — эти паразиты, всю жизнь жившие на субсидиях либо из кармана глупого капиталиста, либо... из государственной казны. Поистине, великим несчастьем для России будет, если эти телята и баболожки станут у власти снова. Не дай, Господи. Всю свою жизнь они болтают о демократизме, а так и не знают, что такое демократизм. Ведь с их точки зрения, напр., автократическая власть президента ун-та, назначающего профессоров, — это реакция. Военное обучение студентов — реакция. А вот в демократической Америке это считают нормой — и хорошо делают. Ну, довольно об этом.

Вы видите, Америка меня не "исправила" (с Вашей точки зрения), а укрепила меня в "реакционности"...»

Дальше П.А. пишет о своих делах, сначала об успехах академических и литературных, а потом о бытовых: «сняли мы здесь по-американски скромную, по-нашему — отличную квартиру — газовая кухня, круглые сутки горячая вода, ванна, электричество, телефон и т.д. Автомобилия своего не завели еще, но можно было бы, т.к. стоит он здесь пустык. Если летом будем свободны — возможно, купим его и отправимся колесить вдоль и поперек по Америке — месяца на полтора от культуры к жизни на лоне природы — в палатках, в лесу, в горах (скалистых), как делают американцы. Такая резкая перемена жизни мне тоже нравится...

Все предыдущее, однако, не значит, что я перестал думать о России. Нет. Регулярно читаю не только и не столько "Руль", "Дни", но и "Известия" и "Правду". Сейчас я люблю Россию больше, чем раньше. Но не хочу ныть и стонать. Это бесполезно. А стараюсь многому научиться, многое приметить, что было бы приложимо для Родины, что я мог бы осуществить, если суждено, как я верю, мне вернуться. Для России — учусь и учу; и рад, что могу это делать, оставив эмигрантскую среду. Рад, что (биологически ощущая это) что-то во мне крепнет, оседает и "вопит". Да так, что никакие суждения "телят" и "балабол" или наоборот сумасшедших телят и одержимых справа — мне теперь абсолютно безразличны, их шатания — чужды, их сплетни — противны. Такая "кристаллизация" идет сейчас во мне...

Привет от нас обоих Вам обоим и милым вашим детям — сделайте их "крепкими" не как камень, а как упругая пружина...» Дальше следовала приписка: «здесь мы очень сошлись с М.И.Ростовцевым¹¹. Он чересчур большой пессимист по отношению к России, но я люблю его за его "крепость", бескомпромиссность и прямоту. Хороший парень и большой умница — не только ученый. За него теперь конкурируют лучшие американские университеты, предлагая ему одно условие лучше других (здесь ведь при контракте профессоров торговаться надо, как при "бизнес"). Мне это тоже нравится. Как нравится и то, что профессора ведут себя не как наши жрецы, а как простые смертные. "Плохо" одно здесь, в особенности в Middle West Америке: не пьют, черти, совсем. Не пьют да и только.

Волей-неволей — и я не пью. И вместо водки и пр. все мы пожираем без конца ice-creame — мороженое и пьем массу холодной воды Америки — очень хорошую действительно. (Здесь считается, что каждый человек в день должен выпить не менее 10 стаканов холодной воды: чем больше, тем лучше.) Я привыкаю к этому исподволь. Едят здесь много: но не так много мяса, как сырой зелени, масла, молока и особенно фрукты. Стоит все это сравнительно дешево».

Я привел довольно длинную выдержку из одного письма Сорокина (от 21/X. 1924), написанного через год после отъезда из Европы. Это письмо было менее «рекламно», чем прочие.

А через полгода он послал мне свою «Sociology of Revolution» и просил: «если будете писать что-либо о книге, то все же ругайте с резонаном, а не ругайте только из-за и во имя того, что следует ругнуть».

Должно быть, я опять писал ему, что меня тянет не на Запад, а на Восток — домой, т.к. следовала приписка: «Что же. Кому

хочется — пусть едет в Россию. Это даже хорошо, если только едущие не будут подхалимничать, а вести себя по-человечески. Что касается меня — я *органически презираю* теперешних голово-тяпов — т.е. правителей (даже не ненавижу, а презираю) и, несмотря на беспредельную любовь к России (могу повторить Макиавелли — *Amo la patria mia piu dell'Anima**) и готовность вернуться и работать для нее в самых тяжелых условиях — теперь мой возврат бесполезен, и ни на какие покорности и малейшие уступки этим мерзавцам я органически не могу пойти. Пока же, живя тут и работая, я — по выражению губернатора штата — делаю для России больше, чем я мог бы сделать в самой России. То же нужно сказать и о таких лицах, как М.И.Ростовцев. Встречаясь с нами, они, т.е. американцы, начинают понимать, что настоящие русские — это что-то совсем другое, чем они привыкли думать раньше, отождествляя русских либо с еврейскими эмигрантами, либо с полудикими крестьянами, да что говорить. Если бы Вы тут пожили, поняли бы, какую галиматью разводили тут наши, рисуя Россию как "погром" и дикую страну...»

Книга, присланная мне Сорокиным, и взволновала и возмутила меня. Она не только шла дальше того, что Сорокин говорил, но показывала, что Сорокин не просто проверяет себя и обостряет в разговоре мысли, а уже готов публично выступить на стезю Катковых. В книге было к тому же много лжи. И я дал, как умел, отповедь Сорокину. С.р-ы из «Воли России» напечатали мою статью, за что и получили потом нагоняй от «Дней», который так смутил их, что затем они не решались долго меня печатать.

«Дни» выразили удивление, о чем напечатали курсивом, «как могла появиться в органе, ведущем яркую и жестокую кампанию против большевиков, статья, написанная настолько двусмысленно, что ее можно принять за гимн большевицкой контрреволюции, упорно называемой ее автором последней русской революцией... Куда-то занесут попутные ветры г.Репейникова» — (псевдоним, под которым я напечатал эту и ряд других статей в «Воле») — «Нам кажется, что во всяком случае было бы хорошо, если бы они его поскорее унесли из "Воли России"...»

В своей статье я отметил и легковесность работы, и дурной научный аппарат книги, и передержки. Указал и на двусмысленность работы: П.А.Сорокин «стремился в научной форме дать памфлет против большевизма, предостеречь от повторения большевистских опытов иностранцами, которых он залугивает не-

* Люблю свою родину больше своей души.

исключенностью и для Америки революционных потрясений, с другой [стороны] он косвенно (сознательно или бессознательно) оправдывает деятелей великой русской революции, доказывая, что иными способами революции нельзя делать, к иным результатам революция не может привести. Внутреннее почтение автора к деятелям РКП выражается и в его сопоставлениях: «Кромвель, Робеспьер и Ленин», «Красины и Стекловы, Талейраны и Сиейсы¹¹²»...

Я подчеркивал, что П.Сорокин называет Александра III «великим императором», а старый порядок высшей формой по отношению к созданному революцией, и цитировал, между прочим, такую страницу книги: «горек и трагичен опыт людей, убеждающихся, что то, что они считали предрассудками и от которых они совершенно освободились, является комплексом условий, необходимых для комфортабельной жизни общества, для его существования и развития». Вместо свободы начинают тогда требовать порядка. «Каждый устойчивый социальный порядок, как бы ни несовершенен он казался с точки зрения незрелого радикализма, есть, тем не менее, продукт неимоверно сжатого реального национального опыта, результат несчетных напряжений, усилий, попыток многих поколений в поисках наилучших форм, совместимых с существующими конкретными условиями. Лишь невежда или человек, утопающий в фантазиях своего собственного мозга, может воображать, что порядок, создававшийся и существовавший столетия, может представлять только необъятную бессмыслицу, недоразумение, сплошную ошибку...» Общество, которое попадает в руки революции, оплачивает «наказание за свои прегрешения гибелью соответствующей части своих членов; оно уплачивает выкуп, требуемый всемогущим Господом». Уплатив дань, общество должно либо восстановить большинство былых устоев, учреждений, обычаев или «обречено на гибель и разрушение».

«Так пишет бывший социалист и бывший революционер П.А.Сорокин, — комментировал я эту цитату в своей статье, — dokonчив чтение его книги, мы вспомнили статью одного публициста, весьма близкого прежнему Сорокину, скрывшегося под несколько странным псевдонимом Н.Чаадаева, — "о псевдореволюционерах, приемлющих революцию": "Революция — страшное дело и великое таинство. Нужно или принимать ее всю, как великое таинство, пусть страшное, пусть мистическое, пусть трагически кровавое. Так принимает ее прирожденный революционер. Или следует принимать одно ее лицо, категорически отвергнув другое. Или, наконец, совсем не принимать"¹¹³. П.А.Сорокин

выбирает теперь последнее. Почему? Одни, склонные идеализировать людей, скажут: ушиблен революцией. Другие — отнесут его к разряду политических спекулянтов и карьеристов, применяющих социологические формулы: учитывая, что "по формуле" революции сменяются реакциями, он перестраивает личную идеологию, чтобы остаться на гребне волны... Третьи — крайние скептики, объяснят метаморфозу П.А.Сорокина более грубо. Они скажут, что он просто приспособился к требованиям академического рынка и учел, что наибольший спрос на социологов наблюдается в американских университетах, каждый из которых существует на средства одного или нескольких американских миллиардеров. В практике политической жизни Соединенных Штатов вошло в обычай выхватывать из революционной среды видных деятелей, соблазняя их положением, материальной обстановкой и всеми другими способами политического подкупа. Для того, чтобы рассеять миражи, открывшиеся американским рабочим "русским экспериментом", особенно убедительно выдвинуть обвинителем этой революции ученого, ее наблюдавшего, вышедшего из народа, работавшего в рядах революционеров... В предисловии к книге Сорокина проф. Hayes сообщает, что он выслан из России под угрозой смертной казни, если попытается вернуться /.../ В одной распространенной американской иллюстрированной газете печатались рекламные статьи о "Красном Робинзоне", так окрестили Сорокина в этой газете, причем подчеркивалось, что он бывший личный секретарь Керенского и т.д. Реклама, конечно, была пущена не даром.

Чужая душа — потемки. Не будем строить наших предположений. Напомним только, что и у писателей более крупных и стойких (напр., у Белинского) были свои "Бородинские годовщины"¹¹⁴, за которые им было потом мучительно стыдно. Мы были бы рады, если бы "блудному сыну" русской революции стало бы когда-нибудь стыдно за его "социологию революции".

Я подчеркнул под конец, что Сорокин в своем реакционерстве отнюдь не своеобразен, повторял Бэрка, Ад.Мюллера, Ле-Плэ и «Московский сборник»¹¹⁵.

Статью, которую я назвал «Лицо революции», я тотчас же по ее опубликовании послал П.А.Сорокину и просил его, если он будет мне отвечать, подождать появления второй моей статьи «Изнанка революции», дополняющей первую. «Воля России», напуганная предостережением Керенского, заявила мне, что напечатают «Изнанку»¹¹⁶ только в том случае, если на нее даст ответ сам В.М.Чернов. Последний от этого уклонился — и статья напечатана не была ни «Волей России», ни другими эмигрант-

скими изданиями. Она гуляла по редакциям — и кто-то ее оставил в свой архив.

Сколько помнится, основная мысль второй статьи была та, что изнанка у революции есть, однако изнанка вообще присуща жизни, но мы эту изнанку замечаем лишь тогда, когда начинаем вести тяжбу с историей.

Сорокин не стал ждать второй статьи. Я не знаю, ответил ли он мне в печати, но я получил от него длинное письмо¹¹⁷. Вот оно:

«Миннеаполис, Минн.

3 мая 1925

Далмат Александрович.

Только что прочел Вашу статью о моей книге. Мне не важно, что Вы говорите и как рассуждаете о моих взглядах — я всегда рассматривал Вас как милого человека и, конечно, безграмотного диллетанта (sic!). Но вот что важно: Вы позволяете в своей статье сделать ряд утверждений относительно моей честности ("Победоносцева не назвал, боясь евреев", "приспособляется к миллионерам" и т.д.). Я не знаю, отдавали ли Вы себе отчет, что это значит, когда Вы писали. Я не понимаю, как же, думая так обо мне, Вы находили нужным писать мне дружеские письма.

Если бы я *так же* думал о Вас, то ведь я легко мог бы сказать, что этой, как другими своими статьями за последнее время, Вы делаете себе карьеру у большевиков, с которыми, кстати, в 1918-19 г. Вы очень солидарно "национализировали".

Но... я этого не думаю. Эти и подобные утверждения я просто объясняю Вашею легкомысленностью, диллетантизмом и просто российской "беззаботностью" к фактам и лицам.

Тем не менее — и Вы это поймете, надеюсь, — с человеком, который мне говорит "подлец приспособляющийся", я не могу дальше быть ни в дружеских, ни в каких бы то ни было отношениях. Это — практический вывод.

Теперь в добавление пару слов о фактах. Если бы Вы чуть-чуть их знали, то поняли бы, что в Америке и в частности в этом университете "карьеристу" выгоднее быть "pink socialist"* или в худшем случае — либералом, раскланивающимся с революцией, чем быть тем, что я есть. Я себе сильно — очень сильно — порчу "карьеру" своими черносотенными взглядами. Это первое.

Второе — ссылки о моей начитанности. Читатель, не знающий ничего, может подумать, что Вы читали те книги, о которых пишете. А вот я говорю: Вы читали статьи v[on] Wiese¹¹⁸, и это почти все. Остальные ссылки "сдули" из этого немецкого сбор-

* розовым социалистом (англ.).

ника. Книгу Park and Burgess¹¹⁹ (моих хороших знакомых) Вы приплели ни к селу ни к городу (ибо она почти ничего не говорит о революции, кроме 2-3 страниц. Из этого Вы видите, я читал эти книги. Но не делал на них ссылок, потому что "безграмотные" стараются блеснуть ссылками, а для тех, кто немножко знает, — есть мера. Могу еще добавить, если уж на то пошло, я прочел целый курс истории теорий о революции, начиная с китайцев (Конфуций etc.) и кончая нашим временем. Но в книге у меня ни Конфуций, ни Платон, ни Теогнис, ни Аристотель, ни Bodin¹²⁰, ни сотни других не упоминаются. Если бы Вы были здесь, я показал бы Вам 3 толстых тетради конспектов и "цитат" из первоисточников этих авторов. Посему мне не обидно и немножко смешно читать Ваши "ученые" декларации и обвинения меня в неначитанности. Я вспоминаю: "дайте русскому школьнику, не знающему астрономии, карту неба, и он на другой день принесет ее исправленной".

Для Вас, может быть, будет полезным прочесть VI и следующие книги Платоновской "Республики" и главы о революции "Политики" Аристотеля; сличить места у Hobbes'a¹²¹, Bodin'a (в книге о республике и т.д.). Странное дело: почти все они отзываются о революции не лучше, чем я. Или и они были "подкуплены"? Или и они были "легкомысленны"?.. Я боюсь, что Вы и их снисходительно похлопаете по плечу, как хлопаете Le Play и Burke'a! (Извините, но это уж хамство).

Я раньше предвидел и писал Вам, что Вы напишете обо мне. Ваше мнение — особенно теперь, когда я имею блестящие отзывы крупнейших историков, социологов, психологов и даже биологов Америки о книге, — мне могло быть только "курьезно". И за резкий отзыв я не думал и не думаю обижаться. Но я никогда даже и не воображал, что Вы так думаете обо мне как о человеке. Раз я "мошенник", для меня, также и для Вас, полагаю, нет никаких резонов поддерживать сношения. Если бы я был на Вашем месте и так думал о Вас — я давно бы уже прервал всякую переписку. Теперь, узнав Ваши взгляды, я это делаю.

Кончаю письмо пожеланием, чтобы Вы немножко серьезнее относились к той ответственности, которая лежит на всяком пишущем и печатающем что-либо: "кондачок" хорош в танцах, но не в науке или публицистике.

П. Сорокин»

Письмо длинно, а еще Гейне сказал, что «когда хотят отставку дать, не станут длинно так писать»... Но я решил, что действительно пора поставить точку в наших отношениях.

Очень жалею, что до меня не дошли последующие его книги — и особенно его история современной социологии. Вероятно, я мог бы тогда еще раз подтвердить, что «авторитетный социолог» читает не все, что ему следует.

Эволюция политическая Сорокина, по-видимому, идет все дальше и дальше. Уже после того, как из «Возрождения» ушел Струве и его заменили обыкновенные желтые публицисты, на страницах газеты появилась политическая статья П.А.Сорокина, которую я не читал, но которая, судя по откликам, очень гармонировала с тоном газеты.

Следовательно, в оценке морального облика Сорокина, данной в изложенном выше отзыве о его «трактате» о революции, я был слишком осторожен и мягок: он не из тех, кто впадает в ошибки и потом за них краснеет...

С.В.Завадский¹²²

Читатель, лишь понаслышке знающий тех, о ком я написал предыдущие страницы, может заподозрить меня в том, что я склонен идейных противников своих недооценивать. Между тем, вообще мне свойственно как раз обратное. Я строже отношусь к своим — и стараюсь быть максимально беспристрастным к людям чужим и особенно ко мне лично враждебным. И мне приятно занести в эту серию «профилей» больших людей эмиграции два-три образа пастырей, которых как людей я весьма почитаю. Вот первый из этих людей.

Я встретился с С.В.Завадским впервые вскоре по приезде в Чехию на пароходе по дороге из Праги в Збраслав. Кажется, нас не знакомили, а мы просто разговорились, узнав в друг друга соотечественников. Высокий, представительный, с большой густой и уже седой бородой, С.В. и внешним видом своим, и манерами вызывал почтение, но держал себя отменно просто и был словоохотлив. Говорил же не только пленительно (чистая речь, красивые образы, цитаты, неожиданные сопоставления, много любопытнейших фактов), но и обнаруживал и глубокую эрудицию, и сильный ум, и ту «интеллектуальную совесть», которую в эмиграцию мало кто «захватил с собой»...

С.В.Завадский сын одного из сановников министерства юстиции эпохи великих реформ и сам сановник того же ведомства: последнее время пред революцией он был обер-прокурором гражданского кассационного департамента, а А.Ф.Керенский пригла-

сил его замещать председателя Чрезвычайной Комиссии, образованной Временным правительством для расследования противозаконных действий должностных лиц царского режима. В Праге же он читал курс гражданского права на русском юридическом факультете.

Еще в средние века сложилась поговорка — «Juristen sind böse Christen», юристы — плохие христиане, в смысле плохих людей, бесчеловечных... А в С.В.Завадском было столько человечности — что хватило бы и не на «юриста».

С.В. много рассказывал о себе и своих жизненных встречах.

С.В. был членом комиссии, образованной Деникиным для расследования большевицких «зверств», а все члены комиссии, по его словам, были объявлены вне закона. Жил он нелегально в России до 1921 г. по мещ. паспорту, выдавая себя за философа, не кончившего университет и живущего уроками. Отпустил длинную бороду, ходил в рубашке. Однажды, путешествуя по России с приятелем сенатором, также имевшим «фальшивку», оба они вместе вызваны были на допрос. Допрашивал их человек почти неграмотный, что не помешало ему толковать им декреты. «Вдруг, — улыбаясь, рассказывает С.В., — мой спутник не выдерживает: "да ведь я 40 лет юристам рязьясняю..." Я его толкаю за рукав: "Что вы, что вы, мы люди недоучившиеся..." Комиссар, увлеченный своей речью, не расслышал реплик... А то бы... Вот Струве, несмотря на свою внешность примечательную и фантастическую рассеянность, преблагополучно жил среди большевиков нелегально», — добавил С.В.

Запомнились его воспоминания о К.П.Победоносцеве. Почему-то С.В. обеляя его как человека. Победоносцев был друг его отца¹²³. Карьеру начал случайно. Искали преподавателя для наследника. Кавелин¹²⁴, читавший гражданское право в СПб. университете, слыл либералом, а московский цивилист был в заграничной командировке; его замещал Победоносцев. На нем и остановились. Он не был ни властолюбив, ни фанатик. У Александра III в кабинете с ним сделался обморок, когда царь предложил ему пост министра юстиции. Последние 13 лет он не получал орден, не мечтал о графском титуле, как Витте или Столыпин. Был добр, но дико вспыльчив. Отец Завадского служил в Москве — а Победоносцев каждый месяц туда ездил: ночь в вагоне успокаивала его нервы. Придет, начнет спорить и, разгорячившись, уйдет от обеда... Но через месяц опять в гостях — и опять споры...

В этом желании найти хорошее и в Победоносцеве отнюдь не было желания оправдать политическую позицию мрачного гения двух последних царствований...

Любил С.В. говорить о Горьком, и не только как о писателе, но и как о человеке, ценил его очень. Даже в беседах на чисто политические темы он стремился сохранить ту же объективность. Я не против Советов, подчеркивал он, а против понимания советскими деятелями природы права. Воспитанный в традициях классической юриспруденции, он не мог примириться с принципом диктатуры. И отец, и я, говорил он, боролись с диктатурой министров юстиции, а диктатура людей, лишенных юридического воспитания, еще страшнее. И пока в России диктатура — я не хочу возвращаться.

Но он независимо держался и по отношению к эмиграции. Когда умер Кони — и народнический институт изучения России¹²⁵ решил устроить в Праге заседание — поминки по Кони, никто из эмигрантов — не социалистов не захотел выступить на собрании. Завадский сразу согласился — и сказал изумительное слово о «жизненном подвиге Кони». Кони он знал хорошо, работал с ним в начале своей службы, подтрунивал над слабостями А.Ф., например, желанием говорить, но неумением разговорить, но здесь он остановился на общественном облике покойного — на его стойком служении идее права.

И, конечно, в условиях особенно эмигрантских жизнь самого Завадского, очень больного, обремененного всякими заботами, превращается — при неослабляемом упорном служении своему идеалу — тоже в подвиг.

Перед отъездом в СССР я был у него. На прощанье он обнял меня и просил ему писать. Я еще не исполнил его желания. «А не хотели бы вернуться теперь домой?» — спросил я его. «Нет, пока в России диктатура, все равно какая: правая или левая, не вернусь». Я подметил, что формула отрицания диктатуры несколько расширилась у С.В.

Пока мы беседовали, за стеной непрерывно стучала швейная машинка. Это жена С.В., Калерия Ивановна, обнаружившая в себе в эмиграции особый талант портнихи, работает, чтобы облегчить жизнь семьи.

Оставаясь за границей, С.В. внимательнейше следит за русской жизнью и в области права, и в области быта, и в области культуры... Тогда как большинство профессоров русского юридического факультета в Праге читали только о законах периода Империи, он первый стал знакомить студентов с советским правом... Он читает и Пильняка, и Бабеля, и Сейфуллину¹²⁶, с ней он познакомился и лично, когда та приезжала в Прагу, и потом хвалил ее: проста и бесхитростна, как Чириков... А ведь не только рядовые эмигранты «гнушаются» советской литературы, но и пр[офессор] А.А.Кизеветтер¹²⁷ в одном из своих публичных выступлений в

Праге заявил: русская литература кончается для меня на Н.Д.Телешове¹²⁸, потом выступают какие-то «милостивые государи»...

С.В.Завадский пытается охватить жизнь и везде подметить начало добра. Он — не враг революции, но если бы и был врагом, такие враги полезнее нам друзей.

В.А.Розенберг¹²⁹

Другой старый идеалист, даже внешне имеющий какое-то сходство с Завадским, патриарх — белая ворона в эмиграции — это последний редактор «Русских Ведомостей». Незадолго до закрытия «Утренников» я послал ему приглашение сотрудничать в журнале, но мы познакомились в изгнании, и старик любил подшучивать, что вместо того, чтобы сделаться товарищами по работе, мы оказались товарищами по наказанию.

Настоящий журналист, узнающий все первым и тотчас же ставящий новые события как звено в определенную цепь фактов, учитывающий его значение и предугадывающий его последствия. Поразительная память на людей, мысли, течения — живой архив. Такое понимание языка, такая... вкусная речь. И ввевшаяся в кровь и плоть привычка к независимости, к оппозиции силе и власти. 40 лет в газете вел он борьбу — в условиях подцензурной печати — с правительством старого режима, с дореволюционным бытом — и не может уже отказаться от оппозиции и новой жизни, которая не совсем такой складывается, как ему она представлялась должным.

Я пытался ему, между прочим, выяснить мою точку зрения, что сейчас задача печатного слова не столько в критике, сколько в одобрении, в выдвигании всего положительного в русской действительности. — Нет, нет — для него всегда задача печати одна — бороться, критиковать, критиковать и бороться: это почти обет, постриг для честного журналиста.

В частной беседе Розенберг все же позволяет себе частенько роскошь — споря с собеседником, пойти дальше его в радикализме, с точки зрения последнего его корректируя.

Помнится, разворчался я на советскую систему, что в ней много дилетантизма, никто ведь не сидит, пожалуй, на своем месте. И Вл. Ал. неожиданно возразил: «Некрасова забыли!» — и стал декламировать из «Современников»:

Полно, мы с тобой не детки;
Нынче царство подставных:
Настоящие-то редки,

Да и спроса нет на них.
Погляди: моряк на суше,
Инженер на корабле,
А дела идут не хуже
И не лучше на земле.

П.Н.Милюков

Вскоре после моего переезда из Берлина в Прагу туда приехал (точнее, прилетел на аэроплане из Парижа) на несколько дней П.Н.Милюков. Вновь образованная группа «Крестьянской России» попыталась договориться с ним и устроила для этого особое совещание, в котором участвовал и Сорокин. Через последнего я получил от П.Н. разрешение его навестить — и в один из следующих дней часов в 10 утра зашел к нему. В предоставленной ему в частной квартире комнатке было еще не убрано, но сам он уже закончил свой туалет. Несмотря на то, что тогда было ему 64 года, выглядел он бодрым, свежим, полным сил. А ведь помимо политических бурь испытал и лично много горя: за войну потерял сына и дочь, столькоких товарищей¹³⁰.

Я впервые видел его близко — и первое, что поразило, — это «космополитизм» П.Н. Даже в произношении чувствовался какой-то своеобразный акцент, словно говорит иностранец, превосходно владевший нашим языком. Ничего русского не было и в манере себя держать, и в подходе к вопросам, которых касалась наша беседа. Очевидно, долгая жизнь за границей, близкое общение с иностранцами наложили свой отпечаток, но, возможно, что и в самом характере П.Н. есть что-то не русское.

Принял он меня радушно, помянул годы своей ссылки в Рязань¹³¹, где я в те же годы жил мальчишкой. Мой отец, организуя в Рязани рабочую библиотеку, обратился за помощью в подборе книг к Милюкову, у которого гостил тогда Н.А.Рубакин¹³², — и они вдвоем просмотрели и дополнили списки книг, составленные жел. дор. учителем Я.И.Денисовым. П.Н. сказал, что еще недавно с Рубакиным вспоминали то время и моего отца.

Затем заговорили о новой России. Говорить с Милюковым и легче, чем с кем бы то ни было, ибо он умеет и слушать, и спрашивать, и крайне деликатен, — и труднее, чем с кем бы то ни было, ибо он все знает, за всем следит — его вопросы детальные, а реплики быстры и остры. Он совершенно чужд столь свойственной даже большим людям обывательщины — ум абстрактный, ум шахматиста — и все время целеустремленность: каждое по-

ложение можно и нужно использовать, как новый шаг на шахматной доске.

Вероятно, не профессия политика воспитала в нем эту черту, ибо далеко не всем политикам она даже и в более скромных размерах присуща, а наоборот — эта черта привела его от научной работы к политической деятельности — где же еще такой простор для комбинаций и для удовлетворения потребности чувствовать свое первенство.

Великолепно знающий литературу, и не только художественную, но и научную чуть ли не во всех областях знания, хороший музыкант, пылкий поклонник «вечно женственного» и на склоне 7-го десятка — он в то же время словно лишен всякого эротизма, даже и познавательного — эмоций, лиризма. Спортсмен прирожденный, избравший как спорт — политику.

Но, предаваясь, как спорту, политике, сам он остается в политической игре настоящим джентльменом; во-первых, он достаточно силен, чтобы оставаться чемпионом, не прибегая к сомнительным средствам, — что бы там ни говорили его враги, а во-вторых... для марких дел всегда можно найти подручных... даже не нужно нанимать, уговаривать, достаточно бросить мысль, подстрекнуть... глядь, уже нашлись их исполнители...

Вернусь, однако, к нашему разговору. Павел Николаевич довольно подробно ознакомил меня со своими взглядами на белое движение. В движении приняли участие и внутренние, и внешние силы. Внутренние силы, его поддерживавшие, оказались определенно *классовыми* силами и потому были фатально обречены на поражение. Под прикрытием национальных лозунгов шла борьба за сохранение владельческих интересов крупных земельных собственников, интересы которых не совпадали с запросами нашего народного хозяйства.

Внешние силы, организовавшие интервенцию в нашу внутреннюю борьбу, пытались осуществить реставрацию, да и всякая интервенция может только в случае победы создать реставрацию.

Вот почему его группа не будет поддерживать новых попыток интервенций. Следовательно, тем, кто не мирится с последствиями октябрьского переворота, остается ждать, когда революционные формы жизни перестанут отвечать объективному соотношению сил. Революция как бы отменяет нормальные законы общежития, но время берет свое — и всякая экстремность изживается. Советы будут демократизироваться, нэп лишь начало возвращения к частно-хозяйственному укладу, который, однако, еще полностью не проникал в русскую жизнь и до революции: слишком сильны у нас были пережитки крепостного хозяйства.

Мысль о возможности создания исключительно общественного хозяйства утопична не только для еще мало культурной страны. Это должны понять не одни коммунисты, но и социалисты.

Он понимает, что в России не легко живется, что особенно страдает от переходного периода интеллигенция, но ни теория, ни политическое искусство не знает магических средств для мгновенного оздоровления жизни — одним решительным ударом — одной хирургической операцией. Болезнь нужно переболеть — исторические кризисы имеют свои сроки.

В том, что эмиграции не суждено скоро вернуться домой, он усматривает и хорошую сторону. Люди, с молоком матери впитавшие в себя дух старого порядка, очутившись на Западе, многому могут научиться.

Уже теперь совсем не те настроения в эмиграции, что наблюдались в первые месяцы после эвакуации врангелевских войск из Крыма. Опыт соприкосновения с жизнью действительной демократии особенно назидателен именно для тех социальных групп, которые преобладают здесь в русских колониях.

Задачей своей и своих единомышленников он считает влияние на общественное мнение и критику, обращенную на оба фронта. В своей газете, в своих докладах он будет отмечать и разбирать все ошибки Советской власти, не боясь, что его критика может иногда сослужить большевикам консультацией. За ошибки власти расплачиваются и отдельные группы населения, и русский народ в целом.

Но он разоблачал и будет разоблачать реакционные настроения эмиграции, хотя и хорошо осведомлен, что его деятельность вызывает лютую ненависть тех, кого он разоблачает: В.Д.Набоков¹³³ пал от пули, направленной в него, Милюкова.

Реакционеры эмиграции опасны и для Запада. Врангель сохраняет военную организацию остатков белой армии¹³⁴, и эти отряды могут быть обращены и против европейских демократий.

Та определенность, которую внес в анализ белого движения Павел Николаевич в беседе со мной, была для меня в июне 1923 г. несколько неожиданной. Это все же было гораздо радикальнее того, что говорилось тогда на верхах нашей интеллигенции и внутри России и за рубежом.

Но одно обстоятельство оставило меня неудовлетворенным: в вопросах экономических П.Н. не хотел, а может быть, и не мог заглянуть глубже в движущие силы революции. Он почти не останавливался на анализе роли в истории России капиталистических групп... Как ученый он был не достаточно экономист, слишком историк, и к тому же историк, давно отказавшийся от новых боль-

ших, требующих поглощения себя одной задачей исследований. К тому же в истории последних двух десятилетий он слишком центральной был фигурой, чтобы смотреть на все поверх событий. Созданная им партия имела своей базой именно капиталистические круги. Эти круги оказывали ему поддержку — и пойти против них можно было, лишь найдя для себя новую социальную базу.

Правда, за последние годы П.Н. пытался это сделать. Он готов был сговариваться с авантюристами, заявлявшими себя вождями крестьянства. Он искал случайных связей с учащейся молодежью... Но все это не давало почвы...

А затем и в самом характере П.Н. не было ничего не только от революционера, желающего преобразить жизнь в ее сути, но и от реформатора, который подготавливает для жизни запасный новый путь, на который мирно, без потрясений — поворотом стрелок можно направить движение. Перед П.Н. лежала шахматная доска — и он играл теми фигурами, которые на доске стояли, по законам игры, давно установленным. Возможны были гениальные ходы, новые комбинации, но в известных пределах.

Политическую природу современного ему русского общества он прекрасно понимает. На многое, благодаря беседе с ним, я взглянул иначе. Уходил с сожалением, что в свое время среди своих университетских наставников — его не имел.

Но в то же время для меня было ясно, что будь Павел Николаевич и на несколько десятков лет моложе, и тогда он не сыграл бы в революционные годы роль Колумба.

Революция требует не открытий, а изобретений. Не ловкой перестановкой групп, действующих на авансцене, решаются события. Требуется привнести в жизнь совсем новое.

Идея общественного хозяйства — и есть то гениальное изобретение, которым только революция и может побеждать всюду. Творчество таких идей доступно Лениным, но не Милюковым.

После нашей беседы я слушал лекцию Милюкова. Чехи, которые склонны расписывать эмигрантов по табели о рангах, очень высоко ставят Милюкова. На его лекции был министр Гирса, о лекции дали отчеты и чешские газеты. В Чехии невозможны такие скандалы на его лекциях, которые разыгрываются в других странах. Лекция была более сдержанным и осторожным подходом к тем вопросам, которые в беседе со мной он поставил прямо. Поражала ясность мысли, легкость формы. Еще более блестящей по форме была полемика. Он не бил противника, а сдувал его аргументы, как сдувают карточные домики. И делал это без натуги, уничтожал оппонента логикой, щадя в то же время его самолюбие.

Потом, когда П.Н. приезжал в Прагу, я не ходил на его доклады и лекции, хотя, несомненно, даже случайные его выступления представляют немалый интерес. Помню, например, что много говорили в Праге о его речи в прениях по докладу правого философа и церковника В.В.Зеньковского¹³⁵ о религии и демократии в декабре 1925 г. П.Н. поразил аудиторию своей богословской эрудицией; подчеркнул, что демократия ведет оборонительную борьбу с церковью, защищается от последней, всегда к ней враждебной. Нужно примирить, по его мнению, религию и народ, а это можно сделать лишь создав новую церковь. Закончил свое слово просьбой к докладчику наметить, какой должна быть эта новая церковь. Тот растерялся и заявил, что ничего готового по вопросу не имеет.

Не посещая лекций Милюкова, я читал его книги, на одну из них откликнулся в печати. Характерно, что выступая и перед русским, и перед иностранным читателем с историей революции, П.Н. обходит скользкие моменты — даже тогда, когда по участию в событиях — он мог бы на многое пролить свет. И выступая в качестве историка революции, он остается прежде всего политиком.

Роль его и Гучкова в корниловском заговоре остается и по сию пору неосвещенной. Это была эпоха, когда завеса прикрывала еще «святая святых» командовавших политических партий.

В белом движении завесы были сорваны, то, что делали даже большие генералы, уже давно разоблачено.

Многие упрекают Милюкова в неустойчивости: настаивал на регентстве Михаила — и основал союз республикански демократический¹³⁶; был за немецкую интервенцию — и перекочевал в Париж; западник и связан с чешскими и болгарскими политическими кругами, то есть не чужд групп, стремящихся славянские вопросы решать, как общие.

Это не противоречия мировоззрения, это тактика. Тактика человека, мечтающего при удачной комбинации сделать «шах и мат». Незадолго до отъезда я слышал, как один из его близких сотрудников удивлялся, почему П.Н. до сих пор не привлечен в ряды советских деятелей.

Но ведь он слишком крупен, чтобы превратиться в агента, да и слишком либерален, чтобы проводить советскую политику даже в международных вопросах. Но, например, среди наших академиков он был бы не правым, а одним из левых. Наука, однако, давно уже стала для него... побочным делом.

Теперь Милюков только политик, большой политик, в эмиграции — политический чемпион.

— Вас очень ждет Прокопович, — предупредил меня Е.Л.Зубашов¹³⁸, когда я приехал из России в Берлин.

Е.Д.Кускова пришла на мой доклад в группе высланных¹³⁹, тепло приветствовала и сказала, что хотел быть и С.Н., но болезнь помешала, звала проведать их. Через неделю разыскал их. Небольшое общество: Пешехоновы, Розенберг. А в дверях уходящий А.Б.Петрищев¹⁴⁰. Прокопович сразу приглашает с ним уединиться, ведет в кабинет. Оказывается, он затевает при содействии А.С.Когана¹⁴¹ журнал «Экономический вестник»¹⁴² и рассчитывает на мое участие. Я простовато говорю, что из попов в диаконы перебираться трудно, что хотел бы иметь самостоятельное дело — и что еще в какой-либо новой области можно мириться с любым положением, но не в своей любимой.

Сергей Николаевич сразу обижается, но не оставляет намерения мне помочь. Спрашивает, что же я думаю делать.

— Да ведь я приехал не по своей охоте — следовательно, придется сидеть у моря и ждать погоды. Приехал с семьей, нужно найти источник существования, а уж потом выбирать общественную работу: до сих пор я отдавал ей досуг, а не кормился ей — так лучше сохранять независимость.

С.Н. предупреждает меня, что опаснее всего взять службу у иностранцев, нельзя-де продавать экономические секреты родины. Успокаиваю его, что тайнами не обладаю, а популяризировать знания о России за границей даже полезно, иначе у иностранцев сохраняются ложные представления о нашем отечестве. Правильная информация лишь усиливает мировые связи, столь нужные каждому государству.

Выражаю желание читать курс экономической географии в Русском научном институте, на днях открывшемся, причем ссылаюсь на разговор с В.И.Ясинским¹⁴³. С.Н. как декан экономического отделения считает это почти невозможным.

— Вы не университетский преподаватель, у вас нет степени, а меня и так упрекают, что я не вполне придерживаюсь унив[ерситетского] устава 1884 г.¹⁴⁴, — словно оправдывается он.

— На нет и суда нет, С.Н.

Он начинает давать мне советы, как устроиться лучше с квартирой — и иные житейские. Очень, очень благодарю.

Недовольный, он ведет меня обратно в столовую.

Е.Д. заваривает чай, готовит сэндвичи и говорит, говорит. ...На днях в Кремле в секретном заседании принято решение... Приехавший из Москвы видный коммунист сказал, что...

У Е.Д. маленькая слабость знать все тайны и узнавать обо всем раньше других. Она искренно верит в то, что говорит... А говорит всем, кого встречает, заменяя живую газету.

К Прокоповичам многие относятся хорошо. Прощают и сенсации Екатерины Дмитриевны, и склонность Сергея Николаевича до сих пор говорить, как подобает члену Временного правительства, провиденциальному для России человеку.

Авторитет Екатерины Дмитриевны все же. Как-то М.С. Маргулис даже пустил [воп мот? — слово не вписано]: гениальная женщина — Прокоповича министром сделала... Зовут ее и Екатериной III, и даже... мадам Кузьковой.

Она, как гувернантка, суфлирует С.Н., одергивает его, а сама, в качестве свободной, не сановной общественной деятельницы, позволяет себе менее тонкую политику.

Время от времени С.Н. напоминает о себе какой-нибудь декларацией. При отсутствии реальных политических вопросов в эмиграции, декларация всячески обсуждается в органах печати разного направления...

Декларации бывают и очень левы, и очень правы. С.Н. в одной заявляет, что начнись война против Советской России, он пойдет ее защищать, ибо и это Россия, Родина, Отечество... В другой С.Н. доказывает, что рабочий класс в СССР паразитичен, что он живет не по средствам, что на его долю приходится бóльшая доля национального дохода, чем следует, — в ущерб деревне. Однажды в журнале, им редактируемом, в доказательство сего приведена была справка, в которой заработная плата рабочего, без учета его иждивенцев, сравнивалась с средним доходом на душу в крестьянской семье... Доказывает С.Н., что рабочие плохо работают и т.д. Делается это без особого злопыхательства: отеческие наставления, увы, увы — не доходящие по адресу, но увеличивающие популярность автора обличений среди бывших хозяев обличаемых.

Очень много занимается С.Н. изучением экономики русской деревни — и, между прочим, в своих докладах доказывает, что вслед за землей мужику нужно дать и капитал, нужно снабдить его совершенными техническими орудиями, что, без крупных международных финансовых операций при участии Америки, осуществить не удастся. Кивки на Америку он делает довольно часто. Эти надежды на «заокеанского дядюшку Сэма» очень общи всем прежним деятелям правительства Керенского, теперь колеблющимся между последним и Милюковым.

Совсем иначе держит себя Е.Д. Выступает она чаще, истерично выбрасывает какой-нибудь крайний лозунг, а затем по-

дамски сводит его на нет. У нее темперамент, хлесткий язык, и к ней прислушиваются.

Свой и особенно мужа авторитеты она старается блюсти.

Еще в Берлине позвали меня как-то на собрание левых студентов, устроенное не без участия Е.Д. Председательствовал Н.М.Волковыцкий¹⁴⁵, записываюсь говорить. Обсуждается вопрос, возвращаться ли домой.

Е.Д. дружелюбно шепчет мне, что моего выступления побаивается (я уже тогда прослыл большевичествовавшим). Потом она шепчется с председателем — и очередь в списке ораторов до меня так и не доходит.

После этого я ни разу не выступал на собраниях, к которым Прокоповичи были так или иначе причастны.

Но мы не ссорились. Мне аккуратно вручались все издания Прокоповичей, при встречах бывали ласковы, она — как коллега, он — как особа, умеющая снисходить к «молодым»... Обычно же в эмиграции, наоборот, как и подметил Саша Черный:

Порой вам знаменитость
Подаст, забыв маститость,
Пять пальцев с миной льва.
Зато его супруга,
И то довольно туго,
Всегда подаст лишь два.

Но это мелочи. А важно то, что Прокоповичи сохранили кое-что от молодых лет, от традиций русской революционной эмиграции конца 90 гг., что они не все забыли. А возвращаются они в высоких сферах и русских, и иностранных и вносят туда «новый дух»: словом, почти чета Уеббов¹⁴⁶.

Да и для молодежи эмигрантской они, после всяких академических зубров и желтых журналистов, открывают Америки...

С.Н. работает много, запирается на целые дни в кабинете и все пишет — даже во вред здоровью. И, конечно, эти работы лучше, чем изыскания Косинских и даже Семенов Загорских¹⁴⁷.

Не плохие люди Прокоповичи, они несколько «не по силе древо гнут», как говорят крестьяне.

В борьбе с одним врагом они забывали «хороший тон» — с В.М.Черновым.

Как-то С.Н. мне сказал: «Я не совсем уяснил себе ваши взгляды, но и Чернов и Пешехонов для меня — коммунисты. Я три года работал в парижских библиотеках, изучая теоретиков социализма, — продолжал С.Н., — и пришел к безусловному выводу, что в социализме существуют только два основных течения: коопера-

тивное и коммунистическое. Да и априори по формулам распределения (каждому по способностям или каждому по потребностям) в социализме не может быть иных течений».

Конечно, не только то, что Чернов в глазах Прокоповича коммунист, вызывало враждебность к нему (к Пешехонову же было иное отношение, хотя он и последнему сказал: «Нам с вами, А.В., не по дороге»). Дело не в идеологии, а в политической роли Чернова... Борьба с ним ведется без перчаток. Об этом я расскажу потом.

Кое-чего Прокоповичи достигли. После приглашения их в Прагу влияние Черновской группы в чешских правительственных кругах сильно ослабло. Консультировать пражское министерство иностранных дел по русскому вопросу стали Прокоповичи. Бенеш¹⁴⁸ даже хотел С.Н. вести с собой на Женевскую экономическую конференцию 1927 г., но потом что-то помешало...

Прокоповичи — суррогат меньшевицкого социализма, так же, как группа «Крестьянской России» — эрзац народнического социализма.

Струве ведет борьбу с социализмом прямо, Милюков — действует более осторожно, сам оставаясь за кулисами.

Когда-то аббат Галлиани¹⁴⁹ рекомендовал действовать всегда постепенно. Отнимите сразу у пьяницы алкоголь, и вы его убьете, доказывал он необходимость *ступенчатой* политики.

Эрзацы полезны вдвойне: они разлагают и слева, и справа, увеличивая тот левый центр, создать который нужно Милюкову. Центр правый очень хотел бы организовать Н.И.Астров¹⁵⁰ («тихая мандолина», как его прозвали за вкрадчивость), но у него куда более скромный полет — и он невольно работает на Милюкова же.

Все эти политические интриги, даже интрижки — достаточно мелки, но их умело учитывают влиятельные европейские политики, которые не прочь про запас иметь для России несколько политических организаций и во главе их дюжину министериабельных людей...

Надеюсь, что названным мной людям не придется когда-либо оправдывать оказываемый им за границей кредит и что они и сейчас обходят подводные камни эмигрантского существования.

Но тем из них, кто понимает свое положение, приходится танцевать «танец мечей».

А.А.Чупров помог мне устроить доклад в русской колонии Дрездена, где он жил в 1923 г., — и я заодно посетил и его, и... Сикстинскую Мадонну.

У Чупрова было очень большое имя среди европейских статистиков, ему предлагали ряд кафедр в иностранных университетах, но он поглощен был научной работой, преподавание отняло бы у него много времени и, по тогдашней конъюнктуре европейской, не обеспечило бы его. «Выпить кружку пива я могу позволить себе в четыре месяца раз, — говорил он мне, — а начни я читать в Гейдельберге, куда меня зовут, пришлось бы поддерживать знакомство с профессурой...» И он предпочитал вести полуголодное существование, но целиком посвящая себя теоретической работе.

Он не был политиком, но его авторитет в общественных кругах был высок, а за русской жизнью он внимательно следил. И поведение его коллег его смущало.

Он рассказывал мне, что дал своему приятелю Струве статью для «Русской Мысли»¹⁵², но когда получил номер журнала, где она была напечатана, сконфузился и откровенно сообщил П.Б., что больше печататься в таком антураже не будет. И, сохраняя хорошие отношения со Струве как товарищем по научной работе, на юбилей П.Б. не пошел. «Оскоромиться боялись?» — спросил тот его потом при встрече...

Чупров отнюдь не был сторонником большевизма — да и социалистом он не был. Это был искренний либерал, во многом верный экономическим идеалам своего отца¹⁵³, то есть либерал с народническим уклоном.

Но он любил Россию, не стал реакционером — и все для него положительное в революции таковым и называл. Он очень высоко, например, ставил советскую организацию статистики, считал, что в этом отношении Россия заняла теперь третье место среди культурных государств после С.Штатов и Англии.

Говоря об этом в своей лекции по теории корреляции, прочитанной в Праге в марте 1925 г.¹⁵⁴, А.А.Чупров выразил пожелания, чтобы возвращающиеся в Россию специалисты-статистики оказались вровень с теми, кто остался и работает на родине.

Он поместил статью в московском «Вестнике статистики»¹⁵⁵ и был за это ошельмован своими коллегами. Приехав в Прагу, он собирался баллотироваться в члены академического союза, но докладчик, который должен был огласить его кандидатуру, узнав о статье в советском журнале, отказался представить такую кандидатуру собранию союза.

Этим «санкция» не ограничилась. Профессорской стипендии от чехов он не получил, и ему пришлось временно принять скромную синекуру, предложенную ему С.Н.Прокоповичем.

Это было незадолго до его смерти. Поехав на статистический конгресс в Рим¹⁵⁶, он в пути расхворался — и воспользовался приглашением погостить в Женеве у б[ывшего] русского посла в Стокгольме Гулькевича¹⁵⁷. Там он и скончался.

Он не собирался умереть так скоро. Припоминаю наш последний разговор. Он приехал ко мне в чешскую деревушку — и рассказывал об отце, дожившем до 75 лет. Незадолго до смерти А.И.Чупрову пришлось впервые вырвать зуб — здоровый зуб, так как воспалилась гайморова полость и проникнуть в нее можно было, лишь пожертвовав зубом. «Боюсь, что и мне придется когда-нибудь сделать такую операцию», — улыбнулся он, широко щуря рот и обнажая крепкие, белые зубы...

Врачи терялись, что за болезнь вдруг так ослабила сердце А.А.Чупрова, что больного приходится держать в постели, с которой он и не встал.

Очень возможно, что прием, оказанный ему в Праге, сильно ущемил его, тонкого, чуткого к неправде...

Для борьбы против «сплоченного большинства» мало было здоровья, требовалась и известная очерствелость — а его сердце оказалось легко ранимым...

К.Р.Кочаровский¹⁵⁸

Автора «Русской общины» я знал до Праги понаслышке — и представлял его одним из последних русских ортодоксальных народников. Оказалось, что это не совсем так: Карл Романович, маленький, торжественный старичок, типичный представитель городской богемы; он давно уехал из России, жил почти все время в Италии, одинок — и имеет все привычки холостяка. Встает в 2 часа дня, любит бродить по кафе, кушает пирожные и запивает их содовой... В кафе он тащит с собой учащиеся — юношей и девиц, угощает их и развивает перед ними за мраморным столиком свои теории. Он, конечно, народник, и его ученики должны переписывать Гл.Успенского и Н.Златовратского¹⁵⁹. У него систематические программы — и молодые должны выбирать по ним тексты из апостолов народничества.

Но он не только народник: в Италии он подпал под чары фашизма, его — очень женственного — пленила мужская, наглая,

плебейская воля Муссолини — и К.Р. говорит о нем, возбуждаясь и восхищаясь.

Даже д'Аннунцио¹⁶⁰ — и тот заслужил восторгов К.Р. Он очень красочно рассказывал о разных трюках автора «Огня»: в Фиуме подают ко дворцу, занимаемому д'Аннунцио, открытый автомобиль; почетный караул; играет музыка; поэт появляется из дверей высокого подъезда и вместо того, чтобы спуститься по длинной лестнице, делает смелый прыжок прямо в автомобиль.

Конечно, народники всегда были склонны к эстетике, а фашистская идея примирения классов в один пучок — очень сродни «гармоническому пониманию» ими структуры общества. Но старые народники были сильны этическим идеализмом, были полны любовью к обездоленным. Новые — достаточно аморальны и сильны ненавистью... к тем, кого они хотели облагодетельствовать и которые обошлись без их водительства.

К.Р. не всегда склонен отрицать, как иные народники, успехи революции, но для него все хорошее, что есть теперь у нас в СССР, имеет глубокие истоки в нашей истории.

Наибольшее впечатление произвело на него в общественной и научной жизни современной России краеведческое движение и, в частности, монографическая работа о деревне Феноменова. К.Р. и сам всегда старался «интегрально» охватить социальную жизнь крестьянства, не только производственную его деятельность. Но хвала краеведов, К.Р. всегда оговаривается, что движение это старое, еще кн. Щербатов¹⁶¹ в XVIII веке был краеведом...

К.Р. фантаст — до мозга костей. У него самые смелые гипотезы, вроде того, что насморк — вырождающаяся форма чумы. Так же приблизительно смел он и в своих социологических конструкциях. По его мнению, мировая культура переживает глубокий кризис. Эпоха урбанизма кончилась, мы накануне возрождения рурализма: деревня победит город. Доказывается этот прогноз с привлечением аргументов из всех областей знаний — вплоть до *космогонии*.

К.Р. очень не ладил с А.В.Пешехоновым, ревнуя его к Институту изучения России. Он, К.Р., вместе с А.Н.Челинцевым¹⁶² и С.С.Масловым затеяли раньше, на чешские деньги, Институт изучения крестьянской России... Но чехи решили расширить и программу работ Института и состав его сотрудников — и ограничительное слово «крестьянской» было отброшено, а организация работ по изучению России поручена — А.В.Пешехонову.

Помимо обиды у К.Р. и другая установка работы, и другие оценки. Он считает, что А.В.Пешехонов публицист и политик, а он, К.Р., чистый ученый. И он вел настойчивый подкоп под А.В.

Так, он протестовал против изданий Институтом своих трудов под общей обложкой (в виде сборников): «Нужно печатать каждое исследование отдельно, ибо разница взглядов так велика что, — полагал К.Р., — солидарной ответственности быть не может». Борьба велась упорная. По каждому вопросу — и большому, и самому маленькому — К.Р. выступал с длинными декларациями, отнимавшими время и тормозившими работу. В конце концов К.Р. рассорился с с.р.-ами, дорожившими участием в работе А.В.Пешехонова, а более правые аграрники, поддерживая его против с.р.-ов, отнюдь не склонны были его принять к себе... Ему предложили ехать на Балканы — и он ведет какой-то семинар, учрежденный при Земгоре в Белграде, обиженный, заброшенный, прижатый судьбой... И лишь возможность изредка съездить в дорогу ему Италию облегчает ему существование.

А на меня К.Р. все сетовал: «Вы когда-нибудь были профессиональным политиком? — допрашивал он. — Нет... так чего вы суетесь в самое пекло политической борьбы, затрагиваете самые острые проблемы и делаете это так оглушительно. Предоставьте подобные темы матерым политикам, таким как Чернов... и Маслов».

Карл Романович — наивный книголюб, исключительный чудака и безвреднейший человек.

Им написано тысячи две страниц дальнейших томов «Общины», он пишет и на другие темы — и лишь изредка судьба балует его возможностью напечатать где-нибудь пару листов.

В мрачных русских колониях на Балканах его, вероятно, считают и масоном, и тайным агентом III Интернационала.

Керенский

До февральского переворота мне пришлось раза два встретиться с Керенским. Кажется, однажды в редакции «Городского дела»¹⁶³ даже делал при нем какие-то сообщения, потом участвовал с ним и покойным Шингаревым¹⁶⁴ на совещании, устроенном М.П.Петровым, по коммунальным вопросам — у Д.М.Метта. Помнится, мне тогда он понравился — и, по тогдашнему моему пониманию, показалась его «государственная точка зрения» мудрой для с.р.-а... Переворот застал меня во Владивостоке — и доверенный фирмы «Кунст и Альберс» с гордостью сказал мне: «А министр юстиции — наш поверенный в С.-Петербурге; он протестовал по нашему поручению против высылки из Владивостока приамурским генерал-губернатором Гондатти¹⁶⁵ Альберса как не-

мецкого подданного». Я еще подумал: а нехорошо, что политики должны заниматься частными делами, чтобы существовать. Пути накладывает... Вот начнет еще какая-нибудь желтая газета трепать имя Керенского как немецкого прислужника. Этого, к счастью, не случилось... Наоборот, Керенский унизился до подобных обвинений против большевиков.

В кругах, хорошо знающих Керенского, уже тогда относились несколько иронически к представительству им демократии. «Ну, какой вы демократ и народник, Александр Федорович», — подтрунивали над ним, всегда изящным и манерным. «Я честно играю свою роль», — ответил он однажды.

Да, играл. И игра была не только от темперамента лицедея, но и еще от чего-то другого.

Года два назад один старый социалист завел с ним теоретический спор по программным вопросам. «Я никогда не читал программы партии СР», — неожиданно заявил Керенский...

В эмиграции я не возобновил знакомство с ним. Попав в Берлин, зашел в «Дни» к А.Б.Петрищеву — и столкнулся в коридоре с Керенским, даже не зная, что он главный редактор. Он быстро прищуренными близорукими глазами оглядел меня. Я не стал представляться и прошел мимо, даже потом через минуту пожалел: интересная встреча.

Но недели через две выступил в собрании Торгово-промышленного союза с докладом об экономическом положении России. Доклад возмутил промышленников, прения были горячие. После доклада подошли представители печати — «Руля»¹⁶⁶ и «Дней», просили дать им мои тезисы, у меня их не было, я импровизировал свое сообщение — и соображал, как им помочь. Но вдруг председательствовавший П.А.Бурыйшкин¹⁶⁷ вмешался — и властно заявил репортерам, что назавтра в канцелярии союза им дадут редакцию сообщений о докладе. Репортеры ушли, а через 2 дня я прочел в обеих газетах одно и то же лаконическое сообщение: был доклад Лутохина об экономическом положении Советской России, в прениях участвовали такие-то, союз остался при прежней точке зрения... После этого у меня как-то пропала вера в то, что «Дни» независимый орган. Конечно, это был эпизод, но он приподнимал завесу над кулисами газеты.

И все, что я узнавал о газете, подтверждало мое подозрение. Керенский был беспомощен во всем. Даже для технической работы ему пришлось привлечь сотрудника «Речи» и «Биржевых ведомостей» Н.М.Волковыцкого. Своих не оказалось. Беспомощна была газета и в финансовом отношении: сбыта не было... Но была и худшая беспомощность: политическая растерянность руководи-

телей и вечные уступки «общественному мнению» эмиграции. И в то же время нет-нет, да прорывались нотки «самодержца, милостию демократии», хотя милость давно сменилась милостыней — и от чужих притом «демократий».

В тысячном (юбилейном) номере «Дней» в списке литераторов, печатавшихся в «Днях», я увидел, к большому для себя удивлению, собственную фамилию. Написал письмо Керенскому, прося сообщить, почему произошло это недоразумение, ибо я ничего не давал из своих рукописей в «Дни», а если туда что попало без моего ведома, то прошу указать, когда было напечатано. Ответа я не удостоился.

В Праге я несколько раз наблюдал Керенского близко, но уже сознательно сторонился. И сейчас не жалею, что не искал «аудиенции» либо встреч у знакомых, хотя и жалею, что не беседовал кое с кем из других пастырей, и правых, и левых, ну, скажем — Даном¹⁶⁸, с которым меня на ходу познакомили, с В.А.Маклаковым¹⁶⁹, которого не видал никогда... Может быть, серьезный разговор с ними не только был бы любопытен, но и натолкнул бы на новые мысли. От Керенского жди позы, выкриков, истерики — и ничего другого.

Но на трибуне он артист — и я пошел на один из его докладов. Говорить он не разучился — и даже не отвык от наполеоновских «фасонов»... Пожалуй, прибавилось ходульности — и усилилось искательство перед правыми кругами аудитории. Он уже перед нею только демократ — и притом «пай»: «мальчик-пай». Однако в ответ он слышит: «главный дезертир демократии», «лежачего не бьют», а иногда убеждается, что даже не все столь лояльны, чтобы не бить... Тщетно заискивая перед правыми, в то же время в с.р.-овских кругах он плетет сети, стараясь стать лидером, уничтожив Чернова. Последний ведь даже отказался поехать на конференцию партии в Париже осенью 1927 г. Керенскому удалось «победить», но вряд ли лестно быть во главе партии СР, отказавшейся и от социализма, и от революционности.

Несмотря на беспечную легкость в подходе к социальным проблемам Керенского, к нему тяготеют и немногочисленные ортодоксальные старые с.р.-ы, весьма углубленные в программные тонкости, непримиримые противники коммунизма, ценящие в Керенском центральную фигуру, способную, по их мнению, поднять поход против III Интернационала.

Они очень хотели бы вернуться в Россию, но вернуться нелегально, для подпольной работы.

Один из таких старых с.р.-ов осторожно выяснил мне свою позицию: «да, цели у нас с большевиками почти одни и те же, но

большевики торопятся, насилуют жизнь, делают ее невыносимой. На Западе к социализму придут иными путями: капитализм эволюционирует...» — «Допустим даже, что он эволюционирует, но почему вы так терпимы к капиталистам — и так возбуждены против "фантастов-большевиков"?» — спросил я. Ответа не последовало.

Иностранцы правительства еще помнят услуги Керенского 17 г., однако с годами воспоминания тускнеют; под «историческое имя» дают все меньше и меньше. Но, конечно, не в этом драма его положения...

А в том, что уже «большой роли» сыграть не придется.

Впрочем, он не из тех, кто рано или поздно осознает свое положение.

М.Л.Слоним¹⁷⁰

До того, как я попал в Прагу, я очень мало встречался с с.р.-ами, да и вообще с народниками. Через несколько дней по приезде туда я получил от М.Л.Слонима приглашение зайти к нему в редакцию «Воли России» для переговоров о сотрудничестве.

Захожу. Большая квартира в доме, где когда-то жил Моцарт, — на Угольном рынке. Портреты Лаврова, «бабушки» (Брешко-Брешковской), Е.Е.Лазарева (он числится издателем «Воли»), Михайловского¹⁷¹... и Масарика. Папки со старыми газетами. Небольшой шкаф с книгами, присланными для отзыва, — и кладовая с комплектами журнала за прежнее время...

Застаю Слонима, В.В.Сухомлина¹⁷², Л.В.Россея. Знакомлюсь. М.Л. — молодой журналист, европейского вида, несколько тщедушный, очень изящный по внешности. Быстрый, лаконичный, пожалуй, официальный. В несколько слов решает вопрос — и погружается опять в рукописи. Сухомлин — постарше, широк в плечах, размашист, словно — простоват. Переговоры ведет Слоним. Берет у меня рукопись — статью о России, забракованную за месяц перед тем редакцией изд-ва «Ватага»¹⁷³, и предлагает давать еще материалы. Я предупреждаю, что не с.р. и не народник. «Ну, тем лучше, мы очень ценим новых друзей». Сухомлин начинает расспрашивать о России. Нашу беседу прерывает очень неприятный неопределенного возраста и хищного вида человек, который, когда я прощаюсь, предлагает себя в попутчики. Мы выходим. Представляется: Айолла, пражский представитель грузинского «правительства», заседающего в Париже. Он что-то рассказывает о своей роли в убийстве 26 бакинских комиссаров, я

плохо его слушаю, но он возбуждает во мне какую-то физическую неприязнь — и это чувство у меня не проходило и потом. Под конец моего пребывания и пражские грузины его перестали выносить...

Через несколько дней М.Л.Слоним говорит, что моя рукопись принята, но пойдет с купюрами и под другим названием. За купюры, уверяет он, я буду потом редакции признателен, ибо все, кто только что приезжают из Сов. России, рассматривают там происходящее под особым углом, а пожив на Западе, многое переоценивают в ней. Да, он был прав, и я ему за предупреждение признателен.

Четыре с половиной года после этого я сотрудничал в «Воле России» и под своей фамилией, и под рядом псевдонимов (Репейников, Дьбно, Книжный Червь, Столпник, А-г, Градарев и пр.). Писал статьи, рецензии. Печатали понемножку, но были благожелательны, выручали авансами, добрым словом. «Подосланным агентом» именно здесь меня не считали, но и в свои тайны не посвящали.

Сухомлин скоро переехал, сначала в Брюссель, потом в Париж, его заменил Е.А.Сталинский¹⁷⁴. Вернулся на недельку из своих постоянных разъездов Вл.Ив. Лебедев¹⁷⁵, бывший помощник Керенского по морскому министерству, а потом близкий советник социалистических правительств в Болгарии. «Дедушка русского флота», «би-ба-бо», как его прозвали в шутку его товарищи. Пылкий, подвижной и в то же время светский: в великую войну он служил во французской армии и набрался парижского лоска. Впрочем — и остальные члены редакции, за исключением Сухомлина, были *très comme il faut*: новое, совсем новое поколение народников.

Фактически всем дирижировал М.Л.Слоним. В изданном в Италии переводе его книжки «Спартак и Бела Кун» издатель поместил восторженную характеристику автора, «украинца», сообщая о нем с чьих-то слов не все очень точно. Кажется, произвел его и в руководители министерства иностранных дел Сибирского правительства, и в влиятельного члена Ц.К. партии. Но, конечно, биография Слонима занимательна, и в ней много романтического, не случайно он перевел мемуары Казановы. И все же его романтизм, романтизм одессита из культурной семьи (его мать — сестра Ю.И.Ейхенвальда¹⁷⁶), попавшего студентом в итальянский университет и проделавшего затем политическую карьеру, начатую мандатом в члены Учредительного Собрания от Бессарабии... Его романтизм уживается у него отлично с чутким реализмом, почти делячеством...

В первые годы моего пребывания в Праге «Воля России» была наиболее левым журналом эмиграции. Здесь работали не только Чернов, Шрейдер, Русанов¹⁷⁷, но сюда позвали и Пешехонова, которого вряд ли стал бы печатать какой-либо эмигрантский орган.

В то время «волеросы» занимали более левую позицию, чем меньшевицкая группа Абрамовича¹⁷⁸, носившаяся тогда с предсказаниями о грядущем в России Бонапарте. Е.А.Сталинский дал этим «бонапартистам» достойную отповедь, отметив, что они забыли своеобразную обстановку, в которой созрела потребность в «императоре» от революции: наступательная война, раскрепощение буржуазии и т.д.

Слоним очень тепло относился ко мне и вскоре после того, как мы познакомились, решил, что я такой человек, что в эмиграции хвалит большевиков, а вернись обратно — будет хвалить эмигрантов. Лишь однажды он с крайней резкостью выступил против меня публично в прениях по моему докладу о советской литературе: «на бульварах Парижа, — сказал он, — расставлены головы негров, на которых проходящие могут пробовать свою силу. Я не знаю, зачем Д.А.Лутохину захотелось взять на себя неблагодарное положение такой "головой" и подставить себя под удары со всех сторон...»

И каждый раз после того, как я громко высказывал какое-нибудь необычное для эмиграции суждение, он первый наносил мне самый чувствительный удар, на несколько месяцев откладывал в сторону мои статьи, а частью не возвращал их.

Но все же двери редакции окончательно не закрывались передо мной — и я даже получал приглашения на своеобразные расширенные редакционные собрания «Воли», на которых бывало много вкусных бутербродов, крепкого «Мартеля» — и где можно было поговорить откровенно: настоящих зубров там почти не бывало.

Припоминаю многолюдное заседание в редакции по случаю 5-летия журнала, собралось человек 150 русских и чехов. Вступительное слово произнес Слоним и, между прочим, указал, что группа с.р.-ов, ведущая журнал, свято хранит полученное от основателей революционного народничества идейное наследство, но и стремится внести и свою лепту: действенный, творческий интерес к культуре. И когда я упрекнул его, что журнал как раз мало уделяет внимания культурным проблемам современного Запада, он оправдывался тем, что работа в этом направлении ведется большая, но в журнале нет возможности с этой работой полностью знакомить.

Кажется, в 1926 г. Слоним ездил в Америку, выступал там с докладами и вернулся несколько поправевшим. Вскоре журнал приобрел себе типографию в Париже и редакция частью переехала туда же.

Еще до заокеанского путешествия Слонима группа Чернова отошла от журнала — и одновременно обнаружилось тяготение «Воли» к кругам Керенского. Было ли это влияние с.р.-овских групп в Америке — с ними Слоним соприкоснулся во время поездки, было ли это обусловлено личными внутренними склоками — я не знаю. Завершилось это осенью 1927 г. созданием «волеросами» своего собственного партийного политического органа «Социалист-революционер» для борьбы с центральным органом партии СР «Революционной Россией»¹⁷⁹, руководимой Черновым. С.П.Постников¹⁸⁰ уверял меня, что идеология здесь ни при чем¹⁸¹...

М. Л. Слоним и на прощанье говорил мне, что не только понимает мой отъезд на родину, но что и он, и многие его товарищи поехали бы в Россию, откройся перед ними такая возможность. «Только месяца через 3 именно вы там затоскуете, — старался охладить он мой пыл, — ведь никакой работы вам там не доверят...»

Очень волевой человек, он в то же время разъедается любовью к внешнему блеску, скользит по поверхности жизни, не имея времени углубиться в ее корни.

Если Сорокин ушел от социализма, то Слонимы уводят социализм от революционности к эволюционизму, фабианству, оппортунизму; для них социализм — не цель, а средство владеть сердцами масс.

Кажется, наши русские массы, воспитанные революцией, уже не способны стать игрушкой в руках честолюбивых парламентаров.

Но будь иначе — Слоним сыграл бы у нас роль русского Бенеша — и, вероятно, играл бы ее гораздо более эффективно. —

В Европе ценят «резвых» русских социалистов, с.р.-дипломат — редкость, и Слоним пожинает успехи в парижских и иных салонах. Не дешевые успехи — плохая школа, и я боюсь, что пусть фатоватый, но одаренный молодой человек — окажется пустоцветом в политике.

Оратор чеканной фразы, тонкий знаток европейской литературы — он имеет, однако, заранее готовые позиции для отступления с поля политических битв.

Чернова я впервые увидел на его лекции по аграрному вопросу в конце 1905 г. в Питере в Тенишевском училище. Читал популярно, с прибауточками и стишками, которые у него умещаются с «парением мысли», пафосом, образуя довольно тяжело перевариваемую политическую селянку, оставляющую после себя в голове «изжогу».

Лет десять назад разыскала меня дальняя моя родственница, ныне уже скончавшаяся на 9 десятке, — Е.Н.Никитина, которую я до того не знал; она сообщила мне, что в какой-то энной степени я прихожусь родственником — через нее — и В.М.Чернову. Интересуясь Гальтоном¹⁸², я не прочь делать изыскания в родословных. И очень обрадовался, когда в Праге в 1924 г. столкнулся с Черновым. Представился как родственник — и В.М. родства с Е.Н.Никитиной не отрицал.

— Как же, Камышинские мы, — посмеиваясь, говорил он, — живучи мы все, крепкая кровь. Вот мне 51 год — а я еще никогда ничем болен не был, — хвастал он... Недаром его приятели — почему-то с игривостью — зовут его *perpetum mobile!*

Любопытен внешний облик В.М., что-то лукаво монгольское в нем. Зомбарт в последнем издании своего «Пролетарского социализма»¹⁸³ отнес Чернова к евреям — и даже указал его якобы подлинную фамилию — Либерман*. Но у В.М. в роду все русские, только бабка была турчанка.

Всегда почти бодр, шлет улыбки, острит и сам раскатисто хочет. В быту он гораздо приятнее, чем на трибуне. Как-то спрашиваю его: «В.М., простите за нескромность, но откуда у вас этот неисчерпаемый запас жизнерадостности? Натуральный или наигранный?..» — «Всего понемножку», — добродушно ответил он.

Изумительная память на имена, тексты, память целеустремленная: купит на базаре слив — и через минуту уже забыл, сколько дал... А прочтет раз стихотворение и через 10 [лет?] продекламирует.

Его социологическая установка довольно путана, хотя и тяготеет к нео-марксизму à la Бернштейн¹⁸⁴. Отсюда и произвольность его политических и экономических диагнозов и невыдержанность тактики.

В одном из своих докладов в 1927 г. В.М.Чернов остановился на растущих мировых связях капитала, международных синдика-

* Спрашиваю его, откуда пошла сия версия. Говорит, что, кажется, в 1908 г. «Новое Время» сочинило.

тах, трестах; на роли крупных американских, английских, французских банков, которым легко доступны экономические интервенции в хозяйственную жизнь даже больших государств. С этими явлениями должнo считаться, говорил он, и революционное движение, которому пора уже перерастить национальную замкнутость.

Однако сам В.М. много работал над объединением славянских социалистических партий. Одно время был в Праге образован социалистический клуб, в нем в прениях чехи говорили по-чешски, сербы по-сербски, русские по-русски, но понимали друг друга очень плохо, да и связи настоящей не чувствовалось. Панславизм мало говорит сердцу социалиста.

Очень энциклопедичен в познаниях, но они не достаточно полны, и случается В.М. очень попадать впросак: раз, например, отнес литовцев к славянам.

Ум В.М. вообще не систематичен. Он эмоционален, лирик — а система дается ему с потом. Пришлось мне как-то участвовать вместе с ним в одной работе по классификации: плохо у него клеилось.

Дико ленив. Говорит, что в старые годы в Женеве с ним поступали решительно. Заберут у него товарищи сапоги, запрут в комнате — и говорят: пиши, номер журнала задерживаешь¹⁸⁵. А он из второго этажа через окно — и босиком на озеро, рыбу удить.

Природу он любит, любит сельскую жизнь. Под Прагой снимал он дачку, про которую его недоброжелатели говорили, что она куплена В.М., и при этом описывают пышность «черновской» виллы. Дачка скромная, скромная и обстановка, но довольно большая площадь земли (гектар!..), на которой В.М. сажает огурцы, помидоры, капусту... Раз зимой — из своих запасов — подарил мне кило брюссельской капусты.

Наблюдая, как В.М. гнется над грядками, сам выпалывает сорную траву, сам носит воду для поливки — слушая, с каким упоением он говорит о своих удачах и неудачах в огородном «промысле», умиляешься сложности человеческих запросов.

Насытившись огородом, идет домой и начинает писать 2-ю часть «Конструктивного социализма»¹⁸⁶. Грешен: я не читал и 1-й, но, говорят, что в работе есть материал и сделана она внешне неплохо. Но В.М. — «конструктивен» — гильдейский социализм, коммунизм — деструктивен. В.М. своей работой гордится. Обидно, что уделяя много времени публицистике, он разменивается, по старой привычке, на вульгарную дешевку.

Работоспособность его — несмотря на чудовищную лень — исключительна: когда засядет, пишет долго, быстро — четким,

словно печатным почерком. Изложить мысль коротко он не может, всегда дрожжей переложит. Пишет он обычно сразу набело — и прямо в типографию, переписывать не нужно, ясней машинописи, а вот речи свои говорит исподволь. Сначала развивает отдельные положения в разговорах, потом выступает с сообщением в тесном кругу, затем — доклад в партийной группе — и наконец публичная лекция, с которой он и делает затем турне.

С годами он стал говорить лучше, углубленнее, но без «селянки» не обходится... У него выработался уже определенный «стиль» — определенное отношение к аудитории.

Еще когда жив был Дзержинский, разговаривая со мной, В.М. восхищался его моральной строгостью: в голодные годы жил на паек, даже подарков от депутатий никогда не принимал. Настоящий монах-аскет. И действительно добрый человек. «Придут к нему наши девицы с р.-ки, — говорил В.М., — просить за кого-нибудь из случайно забранных членов партии, всегда прикажет срочно расследовать — и если действительно зря — немедленно велит освободить. Но беспощаден, никакие мольбы не помогут, если есть улики».

Этой суровости не хватает В.М. Я расспрашивал его, например, об Азефе¹⁸⁷. «Мы потом обнаружили его в Берлине, — заметил В.М., — но оставили в покое. Он был обезврежен, а мстить мы не хотели...»

После бесед с В.М. складывалось у меня впечатление, что он раздваивается: один в частной обстановке — и совсем другой перед «галеркой». Без «мундира» был он куда привлекательней. Но и в «мундире» не легко ему перед эмигрантами говорить.

Выступать ему не легко перед эмигрантской аудиторией, вообще ему враждебной, — но обычно еще подогреваемой против него правыми, распускающими про него в таких случаях всякие легенды. Дошло до того, что в 1926 г. в Брно, где подобались правые русские студенты, последние на его докладе — прежде чем дать ему говорить, потребовали от него ответов:

1) Куда он девал золотую статуэтку, поднесенную Александру II благодарным крестьянством и подаренную Керенским ему, Чернову (В.М. ответил, что слышит об этой статуэтке впервые) и

2) куда девалось золото русское, при его, Чернова, участии отданное чехам. В.М. спросил, откуда они сие взяли. Те сослались на какую-то брошюру. Тогда В.М. сказал, что даже в этом «документе» его, Чернова, имя не упоминается. Все же студенты ответами не удовлетворились, подняли скандал, и полиция закрыла собрание.

«Милюковцы» и вообще кадеты ведут игру более тонко. Они прежде всего не выступают в прениях на его докладах. Этот бойкот объясняют по-разному. Одни — инсинуируют, что Чернов в годы великой войны служил в иностранных контрразведках (старая клевета, опровергнутая еще в 17 г., но временами подновляемая его врагами, для которых все средства хороши; обвинения в материальной нечестности и т.д.). Другие, чистоплотней, обвиняют В.М. в отсутствии мужества, проявившемся будто бы в заседании Учредительного Собрания...

Насколько я мог узнать В.М., последнее обвинение затрагивает слабое его место. Вероятно, он достаточно храбр, когда этого требует сохранение авторитета, но по натуре он до странности осторожен. Я наблюдал скорее его трусость мысли, в действиях я его не видел. Не думаю, чтобы В.М. был трусоват. Вспоминал он, например, как-то свое путешествие к полковнику Мах[нрзб.]у через фронт гражданской войны осенью 1918. Ехал он с своей теперешней женой, Идой Самойловой (до 1911 г. была активной большевичкой). Вез татарин. Ночью их остановил разъезд. Какой — не видно, спросить нельзя. В.М. отказался назвать себя: «еду в штаб». Арестовали. Привезли в село. Оставили под конвоем на вознице. Начальник разъезда пошел в избу, В.М. последовал за ним следом, так, чтобы тот не заметил, а стража решила, что В.М. захватил начальник. Вошли в сенцы. В.М. отстал, притаился. Однако вышел хозяин: «Что нужно?» — «Да где здесь до ветру?» Хозяин повел во двор. А потом В.М. через забор, огородами... залез на какой-то чердак, наблюдает. Темно. Но через некоторое время стали отворяться ворота и выезжать подводы (оказалось потом — мобилизовали крестьянских лошадей для переброски войск). Чернов решил, что нужно объявляться, хотя и не знал, у красных или у белых он находится: да и белые разные были, дутовские бы не выпустили. Рассказывал В.М. с увлечением, как охотник, он, видимо, любит романтическую обстановку. То, что бросать жену среди солдат было не очень рыцарственно, ему не пришло в голову.

Идейная же осторожность у него — от склада ума.

В своих речах, докладах, которые всегда достаточно злободневны, он дает довольно широкое освещение темы, но как только переходит к выводам и практическим предложениям, так начинает расплываться в общих фразах и сходит на нет. Для лидера — порок недопустимый. Будь он иного темперамента, разве не попытался бы он использовать заговор Корнилова для того, чтобы усилить влияние свое и своей группы в августе 17 г. А когда я его, как и других эмигрантских лидеров, спрашивал об этом

важном, но еще до конца не раскрытом деле, он говорил о нем... «со стороны». Очень увлекательно рисовал заговор как инспирированный с двух сторон: Милюковым и Савинковым. В заседании в Мраморном дворце кадеты просили Савинкова, «случайно там оказавшегося», высказаться — и он сделал «случайный доклад» по заранее заготовленной «бумажке». Милюков, конечно, солиднее Савинкова, говорил В.М., и учитывал заранее его очередную интригу: в случае успеха разыграть Наполеона и оказаться и над Корниловым, и над Керенским... Разговор у нас был еще в бытность Савинкова за границей, но В.М. обо всем повествовал как свидетель — и только.

Вот в последние годы у В.М. хватило мужества не раствориться в эмигрантском болоте, не пойти по линии окадетиванья, которую избрали группы Керенского и «Современных записок»¹⁸⁸, и не хватило решимости оттолкнуться от антиреволюционных позиций 2-го Интернационала и пойти на сближение с 3-м, хотя, как уверяли, желание легально вернуться в Россию у Чернова и его единомышленников уже давно созрело.

Раза два, беседуя с ним на политические темы, я позволил себе указать ему, что в результате революции все старые политические фирмы обанкротились, что нужно в этом сознаться, а учредить новые — вдали от народных масс, в неведении тех скрытых процессов, которые совершаются внутри этих масс, — легкомысленно. Нужно признать, что «Октябрь» победил — и пойти на помощь революции...

В беседах с глаза на глаз В.М. спокойно выслушивал мои скромные, но, может быть, неуместные суждения, и указывал на то, что их «фирма» еще недавно собрала столько голосов на выборах в Учредительное Собрание, сколько не собирала никогда ни одна партия в мире — и что ему кажется вероятным, будто бы и теперь — там, в России, в скрытом состоянии, у них большие сохраняются резервы. На эти резервы, а не на эмигрантов он и ориентируется.

Наше несчастье, заметил он однажды, что «все кадеты, склонные к террору, вообразили себя с.р.-ами и полезли в партию», «у нас же всегда была чрезмерная жадность до расширения социальной базы партии».

Около В.М. небольшая, но довольно сильная группа старых соратников: Гр.И.Шрейдер, Ф.С.Мансветов, В.Я.Гуревич¹⁸⁹. Есть несколько толковых молодых народников: Е.Г.Шрейдер, Е.З.Зильберберг.

Кое-что они делают. Незадолго до моего отъезда они выступили с декларацией социалистической лиги Союза Восточной Ев-

ропы; под декларацией были подписи социалистов и других славянских стран. Это робкий шаг к признанию идеи СССР. С.р.-ы прочих группировок были этим шагом донельзя возмущены.

Характерно, что черновцы склонны обвинять большевиков в том, что последние живут за счет восполнения в практической программе марксизма народническими идеями, и В.М. не раз публично заявлял: «наша партия повержена, но наша программа победила». В действительности же они все — черновцы — внимательно изучают работу В.К.П. и идеологическую, и организаторскую — и многое усваивают — разбавляя водичкой и прикрывая фиговым листочком эпатирующие любезную их сердцам буржуазную публику наиболее «решительные» уступки. Очень характерно, однако, что, пожалуй, самый левый из русских социалистов за границей — если не считать А.В.Пешехонова — В.М.Чернов, а тем паче его единомышленники, не столько в вопросах политических, сколь в экономических, не могут допустить, что Россия может обойтись без частного хозяйства.

Меня интересовала психологическая разгадка этого столь непонятного «неверия» у социалистов в социализм. И я искал объяснений. Первое, что, по-моему, является производящим их неверие в осуществимость широкой коллективизации хозяйства, — это их собственная практическая беспомощность. Люди книжные, митинговые, но не производственники. Осуществляй они общественное хозяйство одни — провалились бы.

А «спецы» к ним не идут. «Спец» — увы — по социальной природе своей «без пяти минут буржуй» — и там, где есть буржуазное хозяйство, держится от социализма подальше.

Второй момент: политическая партия, тем паче политическая группа, принужденная «конкурировать» с другими политическими организациями, стремится обособиться, иметь «свой товар». Те с.р.-овские течения, которые воплощает Чернов, ориентируются на Россию — и в России пришлось бы, явись возможность здесь для них открытой работы, отбивать паству у большевизма. Сыграть на частно-хозяйственных инстинктах крестьянства — не плохой козырь, вероятно, думают они. К тому же осуществление общественного хозяйства путем внутреннего накопления требует немалых жертв от населения, возбуждает недовольство и среди тех слоев, которые сами по себе к кулацким отнести нельзя... С.-р.-ы всегда старались плыть по направлению наименьшего сопротивления.

Момент третий: Чернов пытается сохранить свою организацию в условиях эмигрантского существования. Раньше, до 17 г., — эмигрантские организации могли получать материальную под-

держку с родины, теперь приходится, главным образом, жить ссудами от иностранных правительств. Чем умеренней программа организации, тем легче ссуду раздобыть... А вопрос об осуществимости коллективистического хозяйства — основной вопрос при определении «благонамеренности».

И вот «социалистам» приходится в качестве наименее ценного багажа выбрасывать за борт идею социалистического хозяйства. *La politique c'est un sale métier* (Политика — грязное ремесло), не раз слышал я от В.М. — фразу, произносимую им с характерной, несколько жуликоватой ужимкой: не поймешь, иронизирует или сокрушается. «А англичане говорят, что честность — лучшая политика», — подавал я реплику.

«В.М. — бесчестен», — говорят эмигранты. Мне не приходилось, к счастью, в этом убеждаться. Людей я люблю — и предпочитаю видеть их морально «беленькими, а не черненькими», хотя и моральную «черноту» стараюсь извинять, объяснить.

У В.М. бесконечно много минусов, но и плюсы не малые. Пожалуй, и неприязнь к нему, как и к Милюкову, только во много раз большая, — объясняется именно «крупностью» этих деятелей.

Эмигранты не раз пытались ликвидировать Чернова; одно время его товарищи подарили ему даже великолепную полицейскую собаку Фери, так как ходить было без нее опасно: обнаружено было, что за «виллой» ведут слежку подозрительные эмигранты. Потом собаку кто-то отравил, но нападений не было. Правые эмигранты в Чехии должны держаться осторожно, ибо правительство не склонно делать в этом вопросе потачек, а лично к Чернову отношение Масарика, а отчасти и Бенеша, не плохое...

Когда я вспоминаю «пастырей эмиграции», то все же самым достойным, ярким и интересным человеком среди них кажется мне Чернов, хотя он отнюдь «не герой моего романа». Он не раз предлагал мне с ним работать в чисто научной области — по социологическому изучению современной России, не исключая моего одновременного сотрудничества и у А.В.Пешехонова, но я от этого уклонился. Делались мне намеки и на желательность моего политического сближения с черновской группой. Я был к этим намекам глух.

По отношению к Чернову мне хотелось бы отказаться от субъективного подхода и встать на позицию историка. И, может быть, я ошибаюсь, но мне думается, что из всех меньшевицких деятелей революции — это самая интересная для изучения фигура.

Пороки Чернова, однако, интересны не только для психолога и историка, в них, пожалуй, больше, чем в его достоинствах,

раскрывается сверхличная, социальная обреченность полуреволюционного социализма...

В.М. очень метко сказал о кадетях, вообразивших себя революционерами из склонности к террору, то есть, сказал бы я скорей, к политическому авантюризму. Но и сам В.М. сродни этой категории деятелей. Он человек того поколения, у которого революционный уклон вырождался в авантюризм, в любовь к приключенчеству, ибо эпоха, когда это поколение формировалось, еще далека была до сроков, историей данных для реализации социализма.

А когда сроки наступили — потребовались другие люди.

Только гениальные люди, как Ленин, оказываются выше своего времени, опережают его, не только предвидят даже, но и сокращают «сроки», а когда «сроки» исполняются — оказываются первыми и в положительной — «конструктивной» работе. Как-никак, а действительно конструктивным социализмом оказался пока лишь социализм Ильича.

Чернов боится в этом сознаться — и говоря все же несколько иначе о Ленине, чем другие с.р.-ы, навязывает ему «романтику». Для Чернова — позитивный социализм еще грядет.

А.В.Пешехонов

Как сейчас я помню молодого Пешехонова на студенческой вечеринке 28 ноября 1904 г. Днем была демонстрация у Казанского, работали плетки и сабли, была кровь — а вечером на Забалканском, у себя, как в бастионе, технологи взяли «реванш»: митинговали сразу в двух аудиториях — в одну пропускали лишь по рекомендациям, другая была открытой для всех. Пешехонов выступил в последней. Низенький, лохматый, страстный — он смахивал на народного учителя — и то, что бросал толпе, было очень смело, действительно революционно, проникнуто верой, пафосом, но, как мне показалось тогда, и ординарно. Впрочем, я юношей страстность не одобрял и, вероятно, был к А.В. пристрастен в плохую сторону.

Спустя лет 10 начал его встречать в разных собраниях, начиная с Вольной Экономии¹⁹⁰, на 4-й роте, — и раз в собрании городских выборщиков Петербургской стороны сделал при нем доклад (кажется, о роли банков в продовольственном деле).

Весной 1918 г. я, организовывая в Москве экономическую секцию Центрального совета экспертов, позвал на организацию собрания и А.В., он заходил, но потом наш Совет расстроился, и я потерял А.В. из виду. В 1922 г. я разыскал его на съезде статистиков в Москве¹⁹¹ и просил сотрудничать в выходивших тогда

под моей редакцией журналах. Он согласился, но не успел что-либо дать.

Через год он пришел в Берлине на мой доклад в группе высланных. Потом кто-то пригласил меня приходить в ресторан Шелля, где деятели бывшей «Задруги»¹⁹² собирались вечером по понедельникам и потчевали гостей пивом. В эмигрантских условиях это было пышной роскошью, в трактирчике было уютно и приходило много интересных людей: В.А.Мякотин, М.А.Алданов, М.А.Осоргин, бывали Мельгуновы, Бланк, братья Полнеры¹⁹³... и аккуратно появлялись А.Ф.¹⁹⁴ и А.В.Пешехоновы. Я усаживался, как мало знакомый гость, подальше от председательского места («хозяином» был С.П.Мельгунов, тогда еще не выживший свою политическую «эволюцию») и больше слушал, да беседовал с случайными соседями. Иногда ко мне подсаживался А.В.Пешехонов, и здесь впервые у нас завязалось более тесное знакомство.

Сначала его тяга к большевизму, постепенно за годы изгнания нараставшая, была мне еще не особенно понятна. Мне не приходилось тогда лаконично формулировать своих политических позиций, но, вероятно, я был сродни тем, кто удовлетворяется наивной формулой — за Советы, но без диктатуры большевиков.

Как-то я несколько фамильярно стал в разговоре с ним высказывать предположения, что известная примирительность в отношениях к победителям у некоторых политиков может объясняться мягкостью темперамента, усталостью, а у эмигранта играет-де еще роль и тоска по родине, особенно если жизнь Запада ничем к себе не привязывает. Не помню, что ответил в тот вечер А.В., конечно, намек он понял и как-то ответил, ответил деликатно, вероятно, умно и остро. Но в тот вечер, должно быть, я выпил пару лишних кружек пива — и забыл его ответ. Может быть, в этот, а может быть, в другой вечер А.В. стал рассказывать, между прочим, о своей нелегальной работе, в которой он был тверд, жесток...

В сущности все наше дальнейшее знакомство было (случайно, конечно) опровержением тогдашнего моего столь обывательского «намёка».

Вскоре я уехал в Прагу, а через год перебрался туда и А.В. Я обрадовался ему, ибо за этот год определился сам и определил свое отношение к эмигрантам. А.В. был единственным общественным деятелем, с которым я чувствовал солидарность. Зашел его приветствовать, а он неожиданно предложил мне стать его сотрудником. Потом он переехал на ту же станцию Вшеноры, возле которой жил я с семьей: вместе ездили в Прагу, вместе ра-

ботали — о многом переговорили. Много интересного рассказывал А.В. о себе, о прошлом.

Сын бедного священника, ребенком потерявший отца, он сизмальства должен был заботиться о больной матери, не встававшей с постели, и сам все делал по хозяйству. Учился в духовной семинарии, был народным учителем, потом статистиком — рано политически созрел... и, как неблагонадежный, отбывал воинскую повинность в Дагестане. Служба была не из легких. Да и работа в земской статистике была в те годы подвигом. Не только администрация давила, но и с крестьянством было соприкасаться не легко. Статистические обследования порождали в деревнях нелепейшие слухи, видели в этих обследованиях признак грядущего светопреставления, под влиянием таких слухов были случаи саможжения... В некоторых губерниях мужики решили, что обследования производятся для того, чтобы отправить крестьян на Амур-остров, «полученный в приданое за царицей», и т.п. «Да и теперь, — добавлял А.В., — не легко подойти к деревне. Ну, скажем, вы бы поехали туда, поехали бы с лучшими намерениями, а были бы, — уверял он, — гораздо более чуждым крестьянину человеком, чем был помещик, чем теперь кулак».

Писать А.В. начал сравнительно поздно, а писательскую школу проходил у Вл.Г.Короленко, память которого для него свята. Редко-редко когда он его не вспомнит. И все, что делал Короленко, для А.В. является заповедями. Он и меня наставлял писательскому ремеслу «по Короленке». Вот кое-какие из этих уроков, врезавшихся мне в память.

Писатель не должен быть абстрактен, исходить из общих схем, дедуцировать. Нужно накоплять материал, а затем стремиться к синтезу. Материал надо обязательно записывать и систематизировать. Газету и книгу читать обязательно с карандашом в руках, делая выписки в момент первого чтения, под непосредственным впечатлением. Но если выписку потом используешь в статье, не клеивай эту вырезку, а перепиши: многое покажется лишним. Статья должна быть всегда как можно сконцентрированной — хуже всего, когда в статье материал на 3/4 листа, а она занимает целых 3. «У меня, — добавлял А.В., — уже выработался нюх, и прочтя статью, я понимаю, в чем дело: был ли у автора материал, но его не использовал, либо и материала было мало — и легко могу указать, каков должен быть размер статьи».

Не верно сетуют молодые писатели на редакции, что в тех принимают рукописи по знакомству и не все присылаемое читают. Каждый журнал или издательство ищет новых дарований, хорошего материала. Его — не так много. Конечно, критерии различ-

ны. Например, А.В. сознавался, что к беллетристике он подходил с точки зрения занимательности: возьму рукопись на ночь — и если не засну, значит, автор даровит. Однако он признавал, что помимо дарования от писателя требуется и кое-что еще. Называл некоторых сотрудников «Русского богатства», которые своим обращением с фактами настолько себя дискредитировали, что от их участия в журнале пришлось отказаться.

А.В. долгое время был одним из соредакторов «Русского богатства». О Н.К.Михайловском он говорил сравнительно сухо, очень тепло зато о В.А.Мякотине, своем ровеснике, к которому, однако, он сохранил какой-то необычайный пиетет, несмотря на большие за эти годы политические разногласия.

О «Русском богатстве» он вспоминал по разным поводам.

Как-то разговорились с А.В. о «марких делах» в журнальном мире. А.В. вспомнил, что в 1905 г., когда он вел кампанию за национализацию земли, приехал к нему какой-то помещик, заявил себя восторженным поклонником его статей и выразил желание подарить ему имение — получил отказ. Очевидно, подосланный от какого-нибудь союза землевладельцев или Совета дворянских съездов. Игра на психологию, и теперь наблюдаемую [Так! — Ю.К.] среди бывших либералов, в эмиграции поправевших, не мало имеющих свои домишки и усадьбы в лимитрофах; такие особенно ратуют за институт собственности.

У журнала были и бескорыстные денежные друзья. А.В. же рассказывал о финансовых делах «Русского богатства». В период наибольшего распространения оно имело 14-17 тыс. подписчиков и некоторую розницу, с которой их здорово надували книжные магазины. Подписка же стоила 9 р. в год. Все-таки сводили концы с концами, но первые годы тираж был много меньше — журнал давал убытки, и выручила В.Морозова, жена редактора «Русских ведомостей» В.Соболевского¹⁹⁵, ссудив под расписку 30 000 р., расписку же вернула Н.К.Михайловскому. После смерти последнего редакция уполномочила Пешехонова съездить к Морозовой — узнать, что означало возвращение расписки: подарок Михайловскому или журналу. Она сказала, что — журналу.

Редакция, при скромных своих ресурсах, выплачивала пенсию в 25, потом 40 р. жене Н.К.Михайловского, с которой он жил не долго — и после разрыва она уехала в Кисловодск...

К людям А.В. строг очень — и подходит к ним с особой меркой. По-видимому, у него сильна в этих вопросах интуиция. Бессознательному началу в психологии он придает вообще несколько преувеличенное значение, очень верит в силу инстинктов. Например, когда я боялся своих ребятишек оставлять без присмотра,

он сердился, утверждая, что ребенок сам себя всегда слишком бережет: инстинкт.

Детство в деревне наложило глубокий отпечаток на А.В. Для него лучший отдых — забраться одному в лес, собирать ягоды, грибы. Природу он и знает и чувствует тонко. Ходок неутомимый, любит и выкупаться, но плавать не умеет — и потому глубокой воды опасается. А редь бесстрашности редкой.

В дни Февральской революции его автомобиль пронизали пули — и он наблюдал сам себя: ни малейшего волнения. Толпы не боится, но большой аудитории не любит, она его утомляет очень. Зато за письменным столом может сидеть целыми днями, изучая материалы. Вот для того, чтобы начать писать статью, ему требуется какой-нибудь толчок. Обычно перед тем, как приступить к статье, он долго «раскачивается». Настроение у него портится, он ходит хмурый... Но стоит ему простудиться, либо недоспать, вообще почувствовать себя несколько больным, как статья начинает писаться. Трудно, говорит он, написать первые 1/2 страницы, куда труднее, чем статью в 2-3 листа, раз она начата. Пишет чаще сразу набело, на полулистках — с полями. Почерк четкий, помарок почти нет. Работает аккуратно, но порывами. Писать каждый день 2-3 странички не привык: пишет «запоем».

От работы отдыхает за пасьянсом: помогает мысли перестраивать, уверяет он. А жена добавляет: «И Владимир Галактионович пасьянсы всегда раскладывал, только тот знал пять пасьянсов, а А.В. всегда только один раскладывает».

Многое делает А.В., как Короленко. И сапоги сам шьет и чинит. И опять воспоминания о Вл. Гал.: тот и колодки сам делал, уверял, что сапоги часто стаптываются от того, что у сапожников плохие колодки, Вл.Г. все хотел изобрести «идеальную колодку» — по ноге.

В этом нежном пиетете к памяти Короленки у отнюдь не наивного человека сказывается бескрайняя любовь к учителю.

Очень любит А.В. полемику. «Запустить парфянскую стрелу в стан врагов и потом наблюдать смятение, вызванное в этом стане, — большое наслаждение», — говаривал А.В. Полемист он тонкий и беспощадный. Каждая его статья в «Воле России» вызывала в эмигрантской прессе бурю негодования. Он не без любопытства читал отклики «собратий», собирал эти статейки и составил изрядный тюк вырезок о себе самом.

Тогда как часто и большие люди плохо переваривают суд над собой, даже суд глупца, — нервничают, омрачаются — А.В. не без удовольствия знакомился с резкими выпадами против себя, ибо всегда уверен, что сумеет противнику воздать сторицей.

Громадный ум, честный ум, ум, всегда доделывающий до конца логическую работу, побуждает А.В. не размениваться на мелочи, а брать большие вопросы и подходить к ним с какой-нибудь новой стороны. По природе ума своего А.В. теоретик — и притом типа математического, если воспользоваться его собственным делением умственных работников на две основных группы — математиков и филологов. Вероятно, из Пешехонова вышел бы первоклассный ученый, если бы не отврат к теории (не под влиянием ли семинарии, набившей оскомину богословской схоластикой?) и не жгучая потребность разрешения практических вопросов русской действительности. Но уметь отвлечься от мелочей и способность объективно анализировать и ставить точные диагнозы пригодились ему и как публицисту.

Мне пришлось в 1925 г. работать в Праге над старыми русскими газетами, главным образом 17-18 гг., и среди трафаретных рассуждений и искусственного пафоса передовых политиков и невторосортных журналистов, в левой печати поражали статьи Пешехонова. Укажу, например, статью о необходимости торопиться с решением аграрного вопроса, статью, написанную вскоре после Февральского переворота, когда большинство наших публицистов предполагало социальные запросы революции отложить... до Учредительного Собрания... На фоне газетной обывательщины статья А.В. производила впечатление пророческой.

А.В. никогда не боялся остаться «один в поле не воин». Его выступления в последние годы в эмиграции с обличениями белого движения, с призывом возвращаться на родину вызывали бурю негодования, но А.В. не сдал ни одной из позиций.

И в своей общественной работе он был всегда независим. Из Союза освобождения он вышел в 1905 г., когда Харьковское земство ассигновало 1 мил. руб. на помощь жертвам японской войны из сумм крестьянского страхового капитала, — и это постановление не встретило возражений Союза. В 1917 г. он выходит из Временного правительства, видя, что Керенский пытается усилить правую часть кабинета... В эмиграции он выходит из Ц.К. партии народников-социалистов. Правые эмигранты упрекали его, что своими статьями против идей белого движения он стремится купить себе прощение от советского правительства... Между тем, в одной из этих статей он написал совершенно определенно, что он в данный момент с Советами, но если в стране начнется кризис — и пойдет перераспределение сил, — он не знает, с кем он будет. Заявление (цитирую его на память), конечно, неудачное, но свидетельствующее, что автор его не надевает личи-

ны, не лезет в «Троянского коня», а если во многом и одобряет революционную власть, то без заднего умысла.

А.В. считает, что вообще политические настроения людей в период революционной (или контрреволюционной) борьбы отнюдь не предрешают их будущих политических позиций в иное, более спокойное время. Вероятно, к этому выводу пришел А.В., наблюдая политические метаморфозы среди белых. Как раз сам А.В. является теперь таким же революционером, каким был, начиная свою общественную работу.

Личная жизнь А.В. была очень драматична первые годы революции. Его единственный сын, способный студент-электротехник, был мобилизован на Украине белыми, служил адъютантом при генерале Болдареве и пал в борьбе с Красной Армией 21 года от роду¹⁹⁶; его брат, священник Тверской губернии, был убит на глазах семьи по подозрению в сношении с бандитами¹⁹⁷... У него нашли счет лавочника, подписанный именем разыскиваемого бандита (однофамилец)... После расстрела устроили тут же пирушку и, напившись, заставили плясать вдову казненного, 40-летнюю женщину. Дочь же покойного, 14 лет, не тронули... У многих такие удары судьбы вызывали разочарование в революции, чаще даже злобу, А.В. оказался выше этого. Он был и остался социалистом.

— Почему вы так гневаетесь на большевиков, — спрашивал он при мне на большом частном собрании с.р-ов, — ведь они осуществляют то, о чем вы мечтали. Их неудачи — не их, а ваши неудачи. Диктатура пролетариата, которая вас так раздражает, — пункт социалистической программы, который вы успели забыть.

И такие заявления не только результат абстрактного анализа, есть что-то подлинное революционное в самой сердцевине его характера. Как-то, немного смущаясь, рассказывал он мне, что чуть было не уничтожил оранжерею Ботанического сада. Дело было весной 17 г., когда он еще не был министром, а комиссаром Петербургской стороны, — пришел дивизион с фронта и требовал отвода помещения. Казалось, что свободных зданий не найти, что нужно очистить какое-нибудь помещение: либо пожертвовать коллекциями ботанического музея, либо редкими растениями, собранными в знаменитой оранжерее. А.В. решил, что коллекция музея ценнее — и хотел уже отдать приказание об отводе оранжереи. Солдаты устали, законно требовали себе крова, могла произойти катастрофа, кровопролитие. Случайно удалось их все же разместить иначе...

Но во всякий важный момент А.В. поступит так же — и пусть многих ужаснет возможность во имя революции жертвовать культурой — это ужас филистеров.

И А.В. даже не боится таких боевых испытаний. Как не похож он на П.Н.Милюкова, который в 1902 г. заявил, что в России пахнет событиями, — и поспешил отправиться в Америку, ибо «нужно беречь себя — пригодимся потом», говорил он друзьям. А.В. никогда не берег себя, отдавая себя всего революции.

И поэтому так томился он в эмиграции, в годы изгнания. Маленьких масштабов научная работа по изучению России издала, заочно, по чужим, трудно проверяемым показаниям. Невозможность печататься — за редкими исключениями. Небольшой кружок милых, но далеких ему по настроению людей, который все редел.

За границей А.В. добросовестно изучал языки: немецкий, чешский. Начинал изучение языка с чтения авантюрных романов, так легче быстро сделать успехи, полагал он. Немного понимал и английский, французский в чтении. Читал газеты, хотя и медленно. Но в театр, на лекции, на митинги не ходил — настолько чужие языки усвоить не мог. Да и особого интереса к Западу не проявлял. Жизнь Европы его не захватывала: помыслы были обращены к России. И притом к самому насущному: к советской экономике, к советскому просвещению. Читал и новых беллетристов, но как материал для познания современности. К чистому искусству А.В. достаточно равнодушен.

Уговорил я А.В. пойти в Праге в кино на эйзенштейновского «Потемкина». «Демократическая» цензура вовсе не хотела разрешать фильм, но ему подвезло. У Масарика завтракали Фэрбенкс и Мэри Пикфорд¹⁹⁸ — и на вопрос президента, какой из новых европейских фильмов им больше понравился, они назвали «Потемкина». Масарик заинтересовался фильмом и выразил желание, чтобы он был поставлен. Тогда цензура пересмотрела запрещение — и пустила в ход «ножницы». Но и после вырезок фильм производил впечатление. А.В. смотрел молча. При выходе к нам подошел один из знакомых студентов, из так называемого 4 Союза (милюковцев). «Ну, за кого вы, — спросил его А.В., — за матросов или за офицеров?» Тот нерешительно и конфузливо ответил: «Все-таки за офицеров». А.В.Пешехонов, загрустив, покачал головой...

После таких встреч А.В. как-то еще больше уходил в себя, замыкался у себя в деревне, почти не посещая пражское общество.

Зайдешь к Пешехоновым во Вшенорах. Две комнаты, в которых они ютятся вместе с своим воспитанником, Анатолием¹⁹⁹, мальчиком лет 12, всегда готовы принять к себе гостей, а Антонина Федоровна вытащит из буфета какую-нибудь ватрушку, ягод — угостит, обласкает: редкого радушия они оба. Как бы ни нуждались сами, а гостей примут с «хлебом-солью». Бывали у них и

знатные «пастыри», и всякая молодежь. Раз встретил я у них Е.К.Брешко-Брешковскую, уже переступившую девятый десяток, но все еще бодрую. О Керенском она говорит, как влюбленная, к похвалам Советской России относится недоброжелательно, но на вопрос мой, где было лучше: на каторге или в эмиграции, недолго подумав, ответила: здесь хуже — надежды вернуться на родину нет...

Забегали к А.В. разные деятели и в Институт²⁰⁰, очень разные. Помню, в октябре 1924 г. зашел покойный Аладьин²⁰¹. Имел он вид бывшего человека, но держался внушительно. Предложил А.В. дать ему справку об Институте изучения России для ознакомления с институтом финансовых кругов Америки, «может быть, раздобуду институту денежек», — прибавил он покровительственно. Он уверял, что организует крестьянский и казачий банк. Аладьин, про которого еще в 1906 г. ходили темные слухи, и который, как уверяли, служил в английской контрразведке, был близок Корнилову и вместе с ним составлял в августе 17 г. будущее правительство. А.В.Пешехонов смеялся потом, что и его включили без его ведома в состав корниловского «правительства». Аладьину он напомнил это время, сказав, что тогда все трусили, начиная с Керенского, а вот в Совете рабочих депутатов трусости как и не бывало.

Но большинство тех, кто приходил к А.В., бывали у него, так сказать, приватно — по старой памяти, по дружбе. Общественно же его старались обходить.

2 февраля 1927 г. исполнилось ему 60 лет. Попытки ряда лиц публично отпраздновать юбилей А.В. не удались. Даже близкие ему люди говорили: не надо юбилея, им только повредят А.В., обострив около его имени еще больше страсти и подчеркнув его одиночество.

Правда, по скромности своей, он просто и не хотел торжества, категорически отказавшись даже от интимного чествования: «Мы с В.А.Мякотиным погодки, и оба, когда нам минуло 56 лет, решили начать каждый год "молодить" на год до тех пор, пока нам не исполнится 36 лет», — отшучивался он.

И в день юбилея пришли к нему запросто — провели вечер, но общественных тем не касались.

Те, кто знал А.В. давно, как бы ни были они не согласны с ним, ему верят, хотя и не все прощают то, что он не с ними. Но масса легко поддается демагогическим обвинениям против него желтых журналистов, нагло обвиняющих его в том, что за 30 серебряников продал он Родину «жидо-масоновскому» Интернационалу.

Пытался А.В. объединить около себя кружок молодежи. Объединил немногих, ибо тех, кто за Октябрь, таких теперь в эмиграции не мало, влекло в массовое движение, а А.В. все-таки был сам по себе.

Собрания Союза, говорят, были занимательны, на них выступали с докладами Кускова, Чернов и т.д. Много интересного вносил в прения А.В. Раз он, не без ехидства в улыбке, сопровождавшей вопрос, «интерпеллировал» докладчика Чернова, вылезут ли, по его мнению, большевики из болота, в которое попали, — Чернов, отвечая на вопросы, об этом — забыл...

Но и работа по созданию Союза, отнюдь не занимавшегося подготовкой мировой революции, вызывала крайнее озлобление.

Не только крайние правые, но и Керенский, например, в передовице «Дней» (12/11 1926 г.) требовал высылки возвращенцев, т.к. они угрожают порядку в Европе, вредят интересам эмиграции в целом и т.д. И А.В. предвидел, что его могут выслать из Чехии, — и меня предупреждал о той же возможности, хотя в Союзе возвращенцев я не состоял.

В июле 1927 г. его пригласили консультантом по экономическим вопросам в Рижское торгпредство — и он рад был, что может, хотя и за границей, но вести практическую работу для Советской России...

Провожали Пешехоновых из Праги не многие: больше дамы да члены Союза возвращенцев. Видимо, «общественники», даже товарищи по Институту изучения России, опасались придать проходам демонстративный характер... Тут же рядом уезжал в Соединенные Штаты историк Г.В.Вернадский, из евразийцев, приглашенный читать курс русской истории в одном из американских университетов: его провожала внушительная группа белых деятелей, были и маститые. Кто-то из них подошел и торопливо пожелал А.В. счастливого пути. Это были два военных лагеря, «братание» между которыми не терпимо. Через несколько дней в «Возрождении» появился соответствующий фельетон с обычными для белых намеками: сколько дадено? — А историк Кизеветтер пустил крылатое слово об А.В.: испортил себе некролог человек...

Только вера в свою правоту и понимание, что из себя представляет белый лагерь, давало А.В. возможность стойко идти наперекор «общественному мнению» эмиграции, среди которой у него было немало недавних друзей. С тех пор я его не видел, лишь изредка получал от него письма. Писать их он не любит²⁰²...

В октябре 27 г. для меня открылась возможность вернуться в СССР. Как хотелось бы встретиться с А.В. на родной земле — снова поработать вместе, но уже в революционной атмосфере!..

Как-то утром в Праге сижу я в Институте изучения России над свежими номерами советских газет — входит какой-то неприятный человек с воровскими глазами — и спрашивает, здесь ли В.М. Чернов. Отвечаю, что нет — и начинаю расспрашивать, зачем он ему нужен. Мелькнула мысль, не подосланный ли правыми лихой человек. «Да я вот много о нем хорошего слышал, единственный, говорят, честный человек в эмиграции, нашим крестьянским интересам предан. Хочу побеседовать с ним. Нас, крестьян, все обижают, пора нам начать борьбу за свои права. Я эту борьбу вел с Махно на Украине, да мы люди сами в политике неискушенные, не то, что надо, до сих пор делали...» Я ему пояснил, что в Институте работают несколько знатоков деревни, разных понимающих ее нужды, — уж пусть со всеми поговорит: с Пешехоновым, с Масловым... «Этих имен я не знаю», — отвечает. «Да кто вы такой?» — «Атаман Сагайдачный».

Потом рассказываю об этом посещении не только Чернову, но и Маслову. Последний хохочет: «а уж ко мне он два раза приходил на 6-й этаж в редакцию "Крестьянской России" и тоже говорил, что я единственный честный деятель в эмиграции...»

Маслов смеялся, но, наверное, серьезно беседовал с этим атаманом, ибо — на безрыбье и рак рыба — и со всяким авантюристом готовы эмигрантские вожди нянчиться, ибо не авантюристов около них нет. Сколько раз попадал впросак и умнейший Милюков.

Трагикомично положение эмигрантских «пастырей». Жаждают «демократии» около себя, демократию презирая — такую, какая она есть на самом деле.

«Демократический» генерал Деникин, для которого всякое общественное собрание — «совдеп» (жаргонное слово у белых в смысле порицания), сидит где-то в Брюсселе и том за томом пишет историю русской «смуты».

Величайшая же смута, смута умов — это сама белая эмиграция, которая не нашла еще своего историографа.

Проглядывая свои дневники, нашел я в них заметку под 20 марта 1926 г. о шутилом разговоре с В.И. Лебедевым, упрекнувшим меня в небрежливости («Вы и со Струве разговаривали») — «Вот поеду домой ("не пустят", — подал он реплику) — опишу всех, и вас, с.р.-ов в том числе», — подтрунивал я. «Ну, а мы тогда, — сверкнув глазами и уже начиная не на шутку злиться, пригрозил он мне, — такие документы против вас сфабрикуем, что большевики вас расстреляют...»

Если не с.р.-ы, то монархисты, конечно, на фабрикации способны. Пусть фабрикуют: они ведь представляют Россию 1928 г. не такой, какова она.

Я же ничего не фабриковал в своих портретах, а пытался изобразить всех, о ком говорил, даже без ретушировки...

Фотографический аппарат мой скромных размеров, но объектив его не испорчен.

Не пеняйте же на «фотографа», что кое у кого получились кривые лица.

Но стоило ли изучать эти кривые лица, не ложны ли были внутренние запросы, побуждавшие автора искать общения со многими из этих пастырей?

Напомню слова утописта Сен-Симона: «Моя жизнь представляла ряд ошибок и неудач, но они были не напрасны: я не опускался, а шел все выше, и следовательно, ни одна из моих ошибок не отбросила меня к исходной позиции».

Да, бывают плодотворные ошибки — и своим опытом, из них почерпнутым, я и хотел здесь, главным образом, поделиться.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Д.А.Лутохин вел за границей дневник, хранящийся ныне в РО ИРЛИ (Ф.592. Ед.хр.3).

² *Суханов* (наст. фам. Гиммер) Николай Николаевич (1882-1940) — участник революционного движения, экономист и публицист. Расстрелян. Автор «Записок о революции» (Берлин, 1922-1923: Серия «Летопись революции»); Переизданы: Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3 тт. М., 1991-1992). *Маргулис* Мануил Сергеевич (1868-1939) — адвокат, врач. Защитник по делу первого Петроградского Совета 1905 г., пытался организовать в 1905 «радикальную партию», один из руководителей возникших в годы Первой мировой войны Всероссийского союза городов и Центрального военно-промышленного комитета, гласный Петроградской городской думы. После октября 1917 — член Бюро Совета государственного объединения России, в 1919 — министр торговли, снабжения и народного здравоохранения в Северо-Западном правительстве. Автор мемуаров «Годы интервенции» (Т.1-3. Берлин, 1923). Умер в эмиграции. См.: Русское прошлое: Историко-документальный альманах. СПб., 1992. Кн.3. С.370.

³ Имеются в виду воспоминания К.С.Станиславского «Моя жизнь в искусстве» (М., 1926).

⁴ О социологе Питириме Александровиче *Сорокине* (1889-1969) см. его воспоминания «Долгий путь» (Сыктывкар, 1991), а также: Голосен-

ко И.А. Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар, 1991. Сорский был дружен с Лутохиным и, узнав о высылке того, пригласил его в Прагу. См.: Две судьбы: Питирим Сорокин и Далмат Лутохин // Важская область (Шенкурск Архангельской обл.) 1992. №6.

⁵ Журнал «Экономист» — вестник XI отдела Русского технического общества — издавался в 1922. Вышло всего пять номеров. В редакционную коллегию входили Б.Д.Бруцукс, А.И.Буковецкий, С.И.Зверев, Д.С.Зернов, Е.Л.Зубашев, А.С.Коган, В.И.Ковалевский, И.М.Кулишер, Д.А.Лутохин, Н.В.Монахов, А.Л.Рафалович. Был закрыт после известной статьи Ленина «О значении воинствующего материализма» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С.23-33). Сам Д.А.Лутохин вспоминал: «Рассылая "Экономиста" для отзыва разным лицам, я считал нужным послать один экземпляр первого и второго номера В.И.Ленину /.../ В №3 журнала "Под знаменем марксизма" за 1922 год Ленин разразился статьей против "Экономиста", в которой отметил, что один молодой коммунист с восторженным отзывом принес ему "Экономист": коммунист этот-де или плохо читал его или не понял. О том, что журнал прислан был ему от редакции, Ленин не упомянул. Журнал, по мнению Ленина, преследует сознательно или бессознательно крепостнические тенденции, и Ленин советует господам, подобным сотрудникам "Экономиста", предложить проехаться в Зап. Европу, чтобы на своей шкуре они оценили прелести той "демократии", о которой мечтают для России. (Ленин уже тогда не мог различить "крепостничества" от "демократизма"...). Статья написана была Лениным на одре болезни — вероятно, в один из светлых промежутков, и являлась как бы его политическим завещанием — блюсти за "крепостниками из интеллигенции". ГПУ статью приняло к сведению, и началась подготовка списков тех, кого надлежало ознакомить с "прелестями демократии на Западе" /.../» (Лутохин Д. Советская цензура: По личным воспоминаниям // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т.ХII. С.163). На смену «Экономисту» стал издаваться журнал «Экономическое возрождение» под редакцией М.И.Боголепова и В.М.Штейна. В 1922 вышло всего два номера этого журнала, также закрытого.

⁶ *Струве Глеб* Петрович (1898-1985) — литературовед, журналист, переводчик, педагог. Окончил Выборгское коммерческое училище в Петербурге. Весной 1917 отправился добровольцем на фронт, служил в гвардейской артиллерии в Карпатах. В 1918 вступил в Добровольческую армию генерала Алексева, в декабре с фальшивым паспортом пересек границу Финляндии. Учился в Оксфордском университете, получил диплом по новой истории. Десять лет работал в качестве журналиста сначала в Берлине, где ведал изданием отцовского журнала «Русская мысль», затем в Париже, где сотрудничал в газете «Возрождение», входил в редакцию еженедельников «Россия» и «Россия и славянство». Затем преподавал в университетах Лондона и Беркли. Известен своими исследованиями русской литературы XIX и XX вв. (См.: Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С.605-607).

⁷ Об «Утренниках» см. прим. 12 к предисловию наст публ. Стихи Г.П.Струве так и не были напечатаны в виду закрытия альманаха.

⁸ Дневниковая запись об этой встрече датирована 23 марта 1923 (ИРЛИ. Ф.592. Ед.хр.3. С.23).

⁹ *Пихно* Дмитрий Иванович (1853-1913) — экономист, отчим В.В.Шульгина. Окончил юридический факультет Киевского университета. С 1877 — приват-доцент, а в 1888-1902 — профессор Киевского университета. С 1885 — чиновник особых поручений министерства финансов, занимался вопросами выкупа частных железных дорог в государственную казну. В 1907-1913 — член Государственного Совета. В 1879-1907 — редактор газеты «Киевлянин», после событий 1905 г. возглавил киевское отделение «Союза русского народа». Автор многих работ по политической экономии и финансам.

¹⁰ В дневниках записано: «В.В. рассказывал, что был в 21 г. в Крыму, куда приезжал на парусной лодке, искал сына, но не нашел» (ИРЛИ. Ф.592. Ед.хр.3. С.23). См. также: Судьба Юрия Никольского / Публ. С.В.Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. Вып.19. М.; СПб., 1996. С.141-142.

¹¹ *Зомбарт* Вернер (1863-1941) — немецкий экономист, социолог и историк. С 1890 доцент в университете Бреслау. В 1917-1934 профессор Берлинского университета. Сторонник «научного социализма». В последние годы жизни перешел на позиции фашизма. Имеются в виду его работы «Евреи и их участие в образовании современного хозяйства» (СПб., 1910) и «Евреи и хозяйственная жизнь» (СПб., 1912).

¹² Взгляды В.В.Шульгина по еврейскому вопросу нашли свое выражение в работе 1929 г. «Что нам в них не нравится: Об антисемитизме в России» (СПб., 1992).

¹³ *Ратенау* Вальтер (1867-1922) — германский промышленник и финансист, в 1922 — министр иностранных дел Германии. Подписал вместе с Л.И.Виртом Раппальский договор с Советской Россией. Убит членами террористической организации «Консул».

¹⁴ К этому времени Лутохин получил письмо от П.Сорокина из Праги от 11 марта 1923, в котором сообщается о высылке визы и есть такие слова: «Вы можете рассчитывать получать здесь от 2000 до 2400 крон в месяц, работая в вновь учреждаемом исследовательском институте крестьянской культуры в качестве экономиста и ученого секретаря» (ИРЛИ. Ф.592. Ед.хр.239).

¹⁵ Объединение русских земских и городских деятелей, образованное в Праге 17 марта 1921. Целью этого объединения была организация широкой и всесторонней материальной и духовной помощи большой массе русских беженцев, скопившихся на территории Чехословакии. Земгор включал отделы помощи, труда, культурно-просветительный, юридический, медицинский, финансово-бухгалтерский (См.: Пражский Земгор // Воля России. 1923. №4).

¹⁶ В.В.Шульгин побывал в России в конце 1925 — начале 1926. Поездка действительно контролировалась ОГПУ в рамках операции «Грест» (Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1986. С.152). Ср.: Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979. С.189-191.

¹⁷ Книга «Три столицы» с описанием посещения В.В.Шульгиным Киева, Москвы и Ленинграда, изданная в Берлине. Отрывки из нее перед этим были опубликованы в парижской газете «Возрождение». См. также современное издание: М., 1991.

¹⁸ Об Александре Ивановиче *Гучкове* (1862-1936) см. также: Боханов А.Н. Александр Иванович Гучков // Исторические силуэты. М., 1991. С.63-105.

¹⁹ В указанное время отец Д.А.Лутохина — путейский инженер — работал в железнодорожных мастерских Рязани.

²⁰ *Моммзен* Теодор (1817-1903) — немецкий историк, автор многочисленных работ по истории Древнего Рима и римского права. *Шмоллер* Густав (1838-1917) — немецкий экономист, профессор университетов в Галле и Берлине.

²¹ Имеется в виду служба Гучкова с конца 1897 по начало 1899 младшим офицером в Оренбургской казачьей сотне в составе Особой охранной стражи Восточно-Китайской железной дороги. В 1900 вместе с братом Федором прибыл в Южную Африку и в качестве волонтера участвовал в войне на стороне буров против Англии. Был ранен в ногу, в результате чего стал прихрамывать, попал в плен к англичанам и был отпущен «под честное слово» (См.: Боханов А.Н. Указ. изд. С.72).

²² *Земские съезды* — нелегальные совещания участников земского движения с целью выработки общей политической программы и координации выступлений в земских собраниях. Зародились в 1870-х. В 1903-1905 состоялось 5 всероссийских земских съездов.

²³ *Зернов* Дмитрий Степанович (1860-1922) — инженер и общественный деятель. Профессор Московского технологического училища по кафедре прикладной механики. В 1898 назначен директором Харьковского технологического института, в 1907-1912 — директор и профессор Петербургского технологического института. С 1904 занимался общественной деятельностью и сыграл видную роль в Союзе профессоров высших учебных заведений. В 1917 член ЦК партии кадетов. *Воронов* Александр Александрович (1861-1938) — физик. С 1897 — профессор Петербургского технологического института.

²⁴ Имеется в виду Всеволод Евгеньевич *Тимонов* (1862-1936) — инженер путей сообщения, гидротехник. Профессор Петербургского института путей сообщения (См.: Будрогаев Н.М. Всеволод Евгеньевич Тимонов — выдающийся деятель отечественной гидротехники [1862-1936]. М., 1959).

²⁵ *Русский* Дмитрий Павлович (1869-?) — инженер и изобретатель. До 1898 работал помощником начальника дистанции на железной дороге, затем конструктором судостроительного отдела Невского завода в Петербурге. С 1903 — ординарный профессор, а в 1904-1906 — декан инженерно-строительного отделения Киевского политехнического института. С 1913 — главный инженер на строительстве петербургской канализации. С 1914 преподавал в Петроградском политехническом институте. В 1919-1921 — ректор Политехнического института. В 1924 выехал в Югославию, профессор Политехнического института в Загребе (см.: Смелов В.А. К истории гидротехнического факультета. Ч.1. СПб., 1995. С.159).

²⁶ *Центральный военно-промышленный комитет* — создан в 1915 с целью мобилизации промышленности для военных нужд. А.И.Гучков был одним из организаторов и председателей комитета. Ликвидирован в 1918.

²⁷ *Коновалов* Александр Иванович (1875-1948) — государственный деятель. В ноябре 1905 один из организаторов Торгово-промышленной партии и партии прогрессистов. В 1915-1917 — заместитель председателя Центрального военно-промышленного комитета, руководил его рабочим отделом. В марте—июле 1917 — министр торговли и промышленности. В 1918 эмигрировал во Францию. В 1924-1940 — председатель правления редакции газеты «Последние новости».

²⁸ Этот факт отмечен в автобиографии Лутохина записью: «В 1916 г. был командирован Центральным Военно-промышленным комитетом, как его уполномоченный, во Владивосток, где пробыл 16 месяцев» (ОР РНБ. Ф.445. Ед.хр.1. Л.1).

²⁹ Точнее, в составе Особой охранной стражи, где А.И.Гучков проявил особое мужество в стычках с участниками вооруженных банд.

³⁰ Такой случай действительно имел место, и так как офицер отказался драться, Гучков ударил его, за что и был уволен из стражи министром финансов С.Ю.Витте, в подчинении которого находилась и КВЖД. За Гучковым прочно утвердилось репутация дуэлянта: до поединков дело у него доходило шесть раз (См.: Боханов А.Н. Указ. изд. С.71-72).

³¹ По итогам работы во Владивостоке Лутохин подготовил работу «Промышленность и торговля на Дальнем Востоке» (См.: Труды отдела внешней торговли Центрального народно-промышленного комитета. Вып.3. М., 1918). На основе ее и был, видимо, сделан доклад.

³² В августе 1917 Гучков, возглавлявший тогда Центральный военно-промышленный комитет, назначил Лутохина заведовать отделом внешней торговли этого комитета. На этой должности Лутохин находился и после реорганизации комитета в Народно-промышленный, вплоть до ликвидации его осенью 1918.

³³ В списке работ Лутохина, которые он считал главнейшими (64 наименования), эта статья отсутствует (См.: ОР РНБ. Ф.445. Ед.хр.1).

³⁴ А.И.Гучков перебрался на Северный Кавказ накануне Октябрьской революции. Из Кисловодска он выехал в июне 1918, переодевшись протестантским пастором, и некоторое время скрывался в районе Ессентуков, а затем, после прихода белых, переехал в Екатеринодар. См.: Кончина А.И.Гучкова // Возрождение (Париж). 1936. 15 февр.

³⁵ Рухлов Сергей Васильевич (1852-1918) — в 1903-1905 — товарищ главноуправляющего торговым мореплаванием и портами, в 1909-1915 — министр путей сообщения. С 1905 — член Государственного Совета. Один из учредителей (1903) и первый председатель монархической организации «Всероссийский национальный союз». Взят большевиками в заложники и расстрелян.

³⁶ Зилотти Мария Ильинична (1871-1938); Зилотти Александр Ильич (1863-1945) — пианист и дирижер. С 1919 — в эмиграции.

³⁷ Лукаш Иван Созонтович (1892-1940) — писатель и журналист. В 1918-1920 — в Добровольческой армии. После эвакуации из Крыма жил в Константинополе, Галлиполи, Тырново, Софии, Вене, Праге, Берлине, Риге, Париже. Имеется в виду сборник его очерков о жизни эвакуированных врангелевцев в Галлиполи — «Голое поле» (София, 1921). См. о нем: Струве Г. Русская литература в изгнании / Изд. третье, испр. и доп. Париж; М., 1996. По указ.

³⁸ С 1921 Гучков принимал участие в деятельности зарубежного Красного Креста по оказанию помощи русским беженцам.

³⁹ В дневнике Лутохина есть запись о Гучкове: «Ненавидит Милюкова, считая его способным на скверную политическую интригу. Особенно не может он простить ему отношений к Врангелю» (ИРЛИ. Ф.592. Ед.хр.3. С.29).

⁴⁰ Вероятно, имеется в виду журнал «Русская правда», выходивший в Берлине под редакцией П.Н.Краснова и С.А.Соколова-Кречетова в 1922-1933. (Подзаг.: Голос свободной русской мысли; позднее: Голос вольной русской национальной мысли). Выходил под эгидой «Братства русской правды» — организации, приписывавшей себе активные агитационные и диверсионные действия на территории СССР.

⁴¹ Речь идет об Евгении Васильевиче Богдановиче (1829-1914), генерале от инфантерии, писателе, авторе брошюр религиозно-нравственного и патриотического содержания: «Наварин, 1827-1877 гг.», «Синоп, 18 ноября 1853 г.», «Россия на Дальнем Востоке», «Кафедра Исаакиевского собора» (сборник проповедей) и др.

⁴² Упомянутое письмо в фондах Лутохина в ИРЛИ и ОР РНБ не обнаружено.

⁴³ Подробнее об убийце В.В.Воровского — швейцарце Морице Морицевиче Конради (1896 -после 1931) и об участии Гучкова в организации защиты Конради и А.П.Полунина на Лозаннском процессе см.: Минувшее: Исторический альманах. Вып.13. М.; СПб., 1993. С.116-117.

⁴⁴ О позиции Екатерины Дмитриевны Кусковой (1869-1958) по отношению к убийцам Воровского см. там же.

⁴⁵ Монархисты видели в Гучкове одного из главных виновников гибели романовской России. Дело доходило до публичных скандалов: в начале 1921 он был избит на станции берлинского метро будущим убийцей В.Д.Набокова — Таборисским.

⁴⁶ О дневниках сведений нет, но незадолго до смерти Гучков начал диктовать воспоминания, оставшиеся незаконченными.

⁴⁷ Имеются в виду «Критические заметки. К вопросу об экономическом развитии России. Вып.1» (СПб., 1894). Эта книга вызвала массу откликов и явилась обстоятельной критикой доктрины народничества. Фраза «Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму» принесла огромную известность П.Б.Струве.

⁴⁸ «Освобождение» — нелегальный двухнедельный политический журнал либерального направления. Издавался в 1902-1905 в Штутгарте, затем в Париже под ред. П.Б.Струве. Журнал проводил идеи либерализма и подготовил почву для создания «Союза освобождения» — первой русской либеральной организации.

⁴⁹ По-видимому, автор путает год: 24 декабря 1905 он был арестован в связи с участием в революционных событиях. За границу уехал позже, занимался там в Парижской школе социальных наук, Берлинском университете и в Берлинской высшей торговой школе (См.: ОР РНБ. Ф.445. Ед.хр.1. Л.1).

⁵⁰ Сабина Мария Войцеховна — детская писательница и общественный деятель. Лутохин познакомился с ней через своего однокашника по Технологическому институту Е.В.Кнорре, который был ее братом (См.: Там же. Ед.хр.6. Л.60).

⁵¹ В ОР РНБ хранится авторская копия письма Лутохина, посланного им в Институт В.И.Ленина при ЦК ВКП(б) по поводу выхода книги «Даты жизни и деятельности В.И.Ленина» (М., 1931). Он пишет: «/.../ пропущен, между прочим, один момент. В 1905 г. в мае, возвращаясь с III съезда, Владимир Ильич поехал из Лондона в Женеву через Париж и сделал там публичный доклад о вооруженном восстании и участии во временном правительстве. Доклад был сделан в конц. залеке какого-то кафе, где-то около Place d'Observatoire. Зал был далеко не полон — публика собралась случайная. Мне пришлось присутствовать на докладе — и было обидно, что аудитория недостаточно сосредоточенно воспринимает доклад. На меня он произвел исключительное впечатление, неизгладимое — на всю жизнь. Доклад был в пятницу или субботу — должно быть, по новому стилю. После доклада — на другой или на 2 день я попал на журфикс к Струве, который, кажется, собирал в воскресенье, — и под влиянием доклада Влад. Ильича наговорил Струве много резкостей. Об этом подробнее рассказано в неизданной рукописи "Зарубежные пастыри", но прямого отношения к цели настоящего письма встреча со Струве не имеет.

Я лишь восстанавливаю в памяти клубок личных событий, связанных с докладом и подтверждающих верность моего припоминания» (ОР РНБ. Ф.445. Ед.хр.8).

⁵² *Струве* (урожд. Герд) Нина (Антонина) Александровна (1869-1943) — педагог, жена П.Б.Струве.

⁵³ Струве вернулся в Россию в октябре 1905. «*Полярная звезда*» — еженедельное общественно-политическое и культурно-философское издание. Издавалось в 1905-1906. «*Дума*» — ежедневная вечерняя общественно-политическая и литературная газета, выходившая в 1906 под ред. А.В.Винберга.

⁵⁴ В марте 1917 П.Н.Милюков назначил П.Б.Струве директором экономического департамента министерства иностранных дел. В мае после ухода Милюкова свой пост покинул и Струве.

⁵⁵ Всероссийский *Совет кооперативных съездов* был образован в апреле 1917. Активными деятелями его были С.Н.Прокопович, С.Л.Маслов, С.В.Бернштейн-Коган, А.В.Чаянов и др. Советом было издано большое количество сборников по текущим экономическим вопросам. Но «*сборник о мировом хозяйстве*», видимо, так и не был издан.

⁵⁶ П.Б.Струве покинул Москву в августе 1918, уехав через Новгородскую область и Петроград к Вологде, а затем в декабре нелегально перешел финляндскую границу.

⁵⁷ Об этом юбилее см. также: Струве П.Б. На духовных развалинах народничества и марксизма // *Русская мысль*. 1923. №3/5.

⁵⁸ По словам Лутохина, «в милом и ласковом письме» Струве давал ему рекомендации о сдаче экзаменов на магистра (ИРЛИ. Ф.592. Ед.хр.3. С.28).

⁵⁹ Пропуск в оригинале.

⁶⁰ *Ольденбург* Сергей Сергеевич (1887-1940) — историк и публицист, сын акад. С.Ф.Ольденбурга. В эмиграции — один из ближайших сотрудников «Возрождения». В 1927 ушел оттуда вместе с П.Б.Струве, сотрудничал вместе с ним в его «*России*» («*России и славянстве*»). В 1930-е вернулся в «Возрождение».

⁶¹ *Гирс* Михаил Николаевич (1856- не ранее 1928) — дипломат, в 1916-1917 посол России в Италии, в эмиграции — председатель Совещания бывших русских послов.

⁶² *Флоровский* Георгий Васильевич (1893-1979) — философ и богослов. Окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета. Эмигрировал в 1919. Жил сначала в Софии, с 1921 — в Праге, где читал курс русской истории в Высшем коммерческом институте. Диссертацию «*Историческая философия Герцена*» защитил в июне 1923. Сотрудничал в журналах «*Русская мысль*», «*Путь*», «*Современные записки*». С 1926 жил в Париже — профессор Православного богословского

института. С 1948 жил в США, где преподавал в Колумбийском, Гарвардском и др. университетах. См.: Блейн Э. Завещание Флоровского // Вопросы философии. 1993. №12.

⁶³ *Изгоев* (наст. фам. Ланде) Александр Соломонович (1872-1935) — публицист и социолог. Начал политическую деятельность в 1890-е как легальный марксист, позднее — член ЦК кадетской партии, участник сборника «Вежи». В ноябре 1917 вместе с А.В.Тырковой издавал антибольшевистскую газету «Борьба». Неоднократно арестовывался и ссылался. Печатался, в частности, в редактировавшихся Лутохиным сборниках «Утренники». В ноябре 1922 выслан из Сов. России. Жил в Берлине, Праге, Париже. Умер в Хаапсалу (Эстония).

⁶⁴ *Зайцев* Кирилл Иосифович (впоследствии архимандрит Константин; 1887-1975) — экономист, юрист, литературовед и богослов. Ученик П.Б.Струве. В 1920 эмигрировал. В Праге был приват-доцентом Русского юридического факультета и профессором Русского института сельскохозяйственной кооперации. Затем жил в Париже, был заместителем П.Б.Струве в газетах «Возрождение» и «Россия и славянство». С конца 1930-х — в Харбине. С 1948 в США. В 1949 принял монашество (См.: Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. М., 1997. С.243-244).

⁶⁵ *Савицкий* Петр Николаевич (1895-1968) — экономист-географ, историк и философ. Окончил в 1917 экономическое отделение Петроградского политехнического института. Ученик П.Б.Струве. После октября 1917 уехал на Украину. Воевал в рядах русского корпуса на стороне гетмана Скоропадского. Начальник экономического отделения Управления иностранных дел в правительстве Юга России (1920). С 1921 в Праге. Преподавал на Русском юридическом факультете, в Русском институте сельскохозяйственной кооперации. В 1935-1941 преподавал в Пражском немецком университете. В 1940-1944 — директор русской гимназии в Праге. В мае 1945 арестован, привезен в Москву и осужден на 10 лет. В 1956 возвратился в Прагу (См.: Степанов Н.Ю. Идеология евразийства: П.Н.Савицкий // Евразия: Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992).

⁶⁶ В это время Лутохин записал в дневнике: «О магистратуре я мечтал по окончании университета, тогда переговорил об этом с М.И.Фридманом, встречался, советовался с ним... Удачно ли доведу эту задачу до конца теперь?» (ИРЛИ. Ф.592. Ед.хр.3. С.28).

⁶⁷ С мая 1922 П.Б.Струве был профессором политической экономии Русского юридического факультета, состоявшего под протекторатом Пражского Карлова университета.

⁶⁸ *Als ob* — как будто (нем.) — формула, с помощью которой обозначается фикция.

⁶⁹ Речь, видимо, идет о Русском юридическом факультете.

⁷⁰ Имеется в виду Третий съезд русских академических организаций за границей, проходивший в 1924 в Праге.

⁷¹ Речь идет о статье Лутохина «Белая "Наука"» (Воля России. 1924. №16/17), напечатанной под псевдонимом Ф.Репейников.

⁷² Речь идет о еженедельнике «Русская газета в Париже», выходившем под редакцией Е.А.Ефимовского и А.И.Филиппова с 12 ноября 1923 по 10 июня 1925. Затем слилась с «Вечерним временем» Б.А.Суворина и выходила под названием «Русское время».

⁷³ Четвертый съезд русских академических организаций за границей проходил в Белграде в 1928.

⁷⁴ *Вернадский* Георгий Владимирович (1887-1973) — историк, сын В.И.Вернадского. В 1910 окончил Московский университет, где входил в студенческую секцию кадетской партии. Через три года — приват-доцент Петербургского университета. Весной 1917 принял кафедру истории в Пермском университете. После того как войска Колчака оставили Пермь, вынужден был переехать в Симферополь во вновь открывшийся Таврический университет. С сент. 1920 — начальник Главного управления по делам печати в администрации Врангеля, в ноябре эмигрировал в Константинополь. С марта 1922 жил в Праге, участник евразийского движения. В 1922-1927 — проф. Русского юридического факультета. С 1927 жил в США, преподавал в университетах и вел научно-исследовательскую работу.

⁷⁵ *Крамарж* Карел (1860-1937) — в 1890-1918 один из лидеров партии младочехов, с 1919 — Национально-демократической партии, глава правительства Чехословакии в 1918-1919. С 1935 — руководитель партии Национальное объединение.

⁷⁶ «*Русская мысль*» — журнал начал выходить в начале 1921 в Софии, затем — в Праге, а с конца 1922 по конец 1923 редактировался в Праге, но печатался в Берлине. Журнал продолжал дореволюционное русское издание, выходившее под редакцией того же П.Б.Струве. См., напр.: Колеров М.А. Русские писатели и «Русская мысль» (1921-1923): Новые материалы // Минувшее: Исторический альманах. Вып.19. М.; СПб., 1996. С.234-253.

⁷⁷ См.: Сборник статей, посвященный П.Б.Струве: Ко дню 35-летия его научно-публицистической деятельности (1890-1925). Прага, 1925.

⁷⁸ *Гукасов* (наст. фам. Гукасян) Абрам Осипович (1872-1969) — издатель «Возрождения», до революции — крупный нефтепромышленник. Решение об издании газеты было принято им совместно с П.Б.Струве и П.Н.Врангелем.

⁷⁹ *Пиленко* Александр Александрович (1873-1948) — юрист и журналист, сотрудник «Нового времени», член Государственного Совета, гласный Петербургской городской думы. При гетмане участвовал в деятельности правых организаций на Украине. В 1919 в Одессе издавал газету «Призыв», был членом Совета государственного объединения России. Затем в эмиграции: преподавал международное право на русском отделении юридического факультета Парижского университета, сотрудничал в

эмигрантской печати. После Второй мировой войны — активист движения за возвращение в СССР. См. также примечания Б.И.Колоницкого к воспоминаниям В.В.Шульгина (Лица: Биографический альманах. Вып.5. М.; СПб., 1994. С.290). Год смерти сообщен Г.Г.Суперфином.

⁸⁰ *Коковцов* Владимир Николаевич (1853-1943) — граф, министр финансов в 1904-1914 (перерыв 1905-1906), председатель Совета министров в 1911-1914. С ноября 1918 — эмигрант, жил во Франции. Автор двухтомных воспоминаний (Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903-1919. Париж, 1933; М., 1992).

⁸¹ А.О.Гукасову не нравилась позиция П.Б.Струве как «политика вне политики» и его излишняя самостоятельность, в частности, по вопросам внутренних интриг в политической эмиграции, мешавших духовному цементированию антибольшевистских сил (Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Указ. изд. С.611).

⁸² *Семенов* Юлий Федорович (1873-1947) — журналист и литератор, политический деятель. До революции подолгу жил во Франции. После революции — учитель тифлисской гимназии, участник Белого движения. Командировался П.Н.Врангелем для переговоров с окружением премьер-министра Мильерана. С 1920 — в эмиграции, там — в 1927-1940 редактировал «Возрождение». См.: Новый мир. 1957. №3. С.173; Чуваков В.Н. Русский зарубежный некрополь. М., 1967 [Машинопись]; Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Указ. изд. С.357-358; см. также публикацию мемуаров С.: Закавказская республика: Глава из воспоминаний // Возрождение. 1949. №1. С.14-39. Ср.: Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т.2: Россия во Франции. Н.-Й., 1984. С.187; Минувшее. Вып.18. М.; СПб., 1995. По указ.

⁸³ П.Б.Струве учредил и начал издавать собственную еженедельную газету «Россия», просуществовавшую с августа 1927 по март 1928. Затем преобразована в газ. «Россия и славянство», выходившую «при ближайшем участии П.Б.Струве» до 1938.

⁸⁴ *Ильин* Иван Александрович (1883-1954) — правовед, философ и публицист. В 1918-1922 — профессор Московского университета. В 1922 выслан из Сов. России. В 1923-1931 — один из создателей и профессор Русского научного института при Берлинском университете. До 1934 — преподавал в самом Берлинском университете. В 1938 переехал в Швейцарию (См: Полторацкий Н.П. Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение. Тенефлай; Нью-Йорк, 1989). *Яблоновский* (Снадзский) Александр Александрович (1870-1934) — писатель, журналист. С 1920 жил в Париже. Работал в «Возрождении» при П.Б.Струве, сотрудничал и в других эмигрантских изданиях (См.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин 1921-1923: По материалам архива Б.И.Николаевского в Гуверовском институте. Париж, 1983. С.45, 64, 189).

⁸⁵ *Бурхгардт* Яков (1818-1897) — швейцарский философ и историк культуры. Зачинатель культурно-исторической школы в историографии.

Автор многочисленных трудов по истории греческой культуры и культуры Италии в эпоху Возрождения.

⁸⁶ *Карлейль* Томас (1795-1881) — английский публицист, историк и философ. Автор работ о Французской революции, Кромвеле и Фридрихе II. *Рескин* Джон (1819-1900) — английский писатель, теоретик искусства, художественный критик и публицист. Последователь Т.Карлейля.

⁸⁷ *Шевырев* Степан Петрович (1806-1864) — русский историк литературы, критик и поэт. В 1832-1857 преподавал историю русской литературы, всеобщую историю поэзии и теорию поэзии в Московском университете.

⁸⁸ *Кауфман* Абрам Евгеньевич (1855-1921) — журналист. В 1881-1882 — секретарь редакции газеты «Молва». В 1889-1904 — редактор «Одесского листка». С 1919 председатель правления Общества взаимопомощи литераторов и ученых и редактор-издатель «Вестника литературы» (1919-1922).

⁸⁹ *Витязев П.* (наст. имя и фамилия Седенко Феропонт Иванович; 1886-1938) — историк, библиограф, издатель и публицист. Возглавлял издательства «Революционная мысль» (1917-1918), «Колос» (1918-1926). Председатель Союза ленинградских кооперативных издательств (1921-1925). См. о нем: Звенья: Исторический альманах. Вып.2. М.; СПб., 1992. С.442-473.

⁹⁰ *Баратынская Елена Петровна* (1894-1975) — ботаник-цитолог. Дочь помещного дворянина Таврической губернии. Окончила Севастопольскую женскую гимназию и Высшие женские Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге. В 1925 защитила докторскую диссертацию в университете Миннесоты (США). Позднее преподавала в ряде вузов США (См.: Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар, 1991. С.47).

⁹¹ *АРА* (сокращенное от American Relief Administration — Американская администрация помощи) — общенациональная благотворительная организация США. Создана в 1919 для безвозмездной помощи населению Европы, пострадавшему в мировую войну. Действовала до 1923. 20 августа 1921 АРА подписала с РСФСР договор о помощи и действовала там с 1 октября 1921 по 1 июня 1923 под руководством полковника Уильяма Хаскела. В.И.Ленин поставил АРА условие: «За малейшее вмешательство во внутренние дела — высылка и арест» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.53. С.110-111). Из США прибыло до 300 сотрудников, и более 10 тысяч служащих наняли на местах (См.: Русское прошлое: Историко-документальный альманах. Кн.4. СПб., 1993. С.323).

⁹² Сам П.А.Сорокин об этом пишет так: «Явившись в ЧК с вещами и представившись, я подождал некоторое время, а затем был приглашен в кабинет чиновника, ведущего дела высылаемых ученых и преподавателей». Ему дали подписать две бумаги и, взяв обязательство покинуть территорию РСФСР в течение 10 дней, отпустили (Сорокин П. Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992. С.42). В одной из подписанных бумаг было предупреждение, что по статье 71-й Уголовного кодекса

РСФСР высылаемый может быть расстрелян, если самовольно возвратится в Россию (См.: Велидов А. Николай Бердяев — арест и высылка: Открывая архивы // Совершенно секретно. 1991. №8).

⁹³ Д.А.Лутохин телеграфировал редактору «Руля» И.В.Гессену о переезде через границу уже из Ревеля, и эта информация была напечатана. П.А.Сорокин прочел ее и, не зная адреса Д.А.Лутохина, послал ему письмо из Праги на редакцию (См.: ИРЛИ. Ф.592. Ед.хр.3. С.13).

⁹⁴ Сорокин писал Лутохину 13 апреля 1923: «/.../ получать, но не более 1500 кр. в месяц /.../ через комитет помощи писателям. (Получение их не обязывает Вас ни к какой работе, кроме Вашей собственной) /.../ На эти 1500 кр. можно надеяться. Через неделю-две напишу Вам окончательный ответ» (ИРЛИ. Ф.592. Ед.хр.239. Л.2). И в следующем письме от 30 марта 1923: «Раз /.../ Вы /.../ предпочитаете идти по Комитету, я полагаю, что [на] 1300-1500 кр. в месяц Вы можете рассчитывать» (Там же. Л.3).

⁹⁵ Колебания эти основывались на нежелании ехать в «провинциальную» Прагу, но в конечном итоге верх одержал прагматизм — Лутохин записал в дневнике: «Это большое счастье не заботиться о хлебе насущном, не дрожать за семью в перспективе голода...» (См.: ИРЛИ. Ф.592. Ед.хр.3. С.17).

⁹⁶ *Ляцкий* Евгений Александрович (1868-1942) — этнограф, фольклорист, историк литературы. В 1893 закончил историко-филологический факультет Московского университета. Начал печататься как поэт, первые научные труды — по белорусской этнографии и фольклору. В 1901-1907 — старший этнограф и хранитель библиотеки Русского музея. В конце 1917 уехал в Финляндию и после ее отделения от России не вернулся. Занимался журналистикой, издательской деятельностью. В Праге жил с 1922 — являлся профессором Карлова университета, заведовал кафедрой русского языка и литературы. Организовал издательство «Пламя» и руководил им, был редактором газеты «Огни», сотрудничал в пражских, берлинских и парижских изданиях, занимался литературной, научной и общественной деятельностью (Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Указ. изд. С.377-378).

⁹⁷ *Пешехонов* Алексей Васильевич (1867-1933) — политический деятель, статистик, экономист, один из создателей и лидеров партии народных социалистов. В 1917 — министр продовольствия ВП, после октября — гл. «Союза возрождения России». Вскоре после высылки из России (1922) выступил с брошюрой «Почему я не эмигрировал», в которой призывал к признанию советского государства. По заявлению в советское полпредство в Праге о желании вернуться на родину, в августе 1927 получил предложение из Москвы занять место экономического консультанта в странах Балтии. Служил в советском полпредстве в Риге. Похоронен в Ленинграде. (Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Указ. изд. С.496-498).

⁹⁸ *Чириков Евгений Николаевич* (1864-1932) — писатель. С 1920 — в эмиграции. См. его восп.: Лица: Биографический альманах. Вып.3. М.; СПб., 1993. С.281-416.

⁹⁹ Видимо, Лутохин имеет в виду мемуары народовольца-рenegата Льва Александровича *Тихомирова* (1852-1923): Воспоминания. М.; Л., 1927.

¹⁰⁰ П.А.Сорокин родился 23 января 1889. Мать его — Пелагея Васильевна Сорокина, в девичестве предположительно Ячменева, родом из села Жешарт Яренского уезда Вологодской губернии (ныне Усть-Вымский р-н Коми), скончалась 7 марта 1894 в селе Коквицы (Сорокин П. Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992. С.255).

¹⁰¹ *Ковалевский Максим Максимович* (1851-1916) — социолог, историк, правовед. С 1914 — академик Российской АН. Преподавал в Петербургском ун-те, открыл в Париже Русскую высшую школу общественных наук (1901). Один из основателей партии «демократических реформ», депутат 1-й Государственной думы, с 1907 — член Государственного Совета.

¹⁰² П.А.Сорокин был секретарем Керенского по вопросам науки.

¹⁰³ *Де Роберти Евгений Валентинович* (1843-1915) — социолог и философ, сторонник так называемого социального психизма (психологического редукционизма), сводящего общественные явления к психологическому взаимодействию людей и социальных групп.

¹⁰⁴ «*Крестьянская Россия*» — периодическое издание — «сборник статей по общественно-политическим и экономическим вопросам». Издавался в 1922-1924 в Праге под редакцией А.А.Аргунова, А.Л.Бема, С.С.Маслова и П.А.Сорокина. Вышло 6 томов, из них 3 — сдвоенные.

¹⁰⁵ *Маслов Сергей Семенович* (1887-1945) — экономист, политический деятель, публицист. За революционную деятельность несколько раз арестовывался. После революции работал в сельскохозяйственных учреждениях. В конце 1921 эмигрировал. Заведовал заграничным отделом пражского Института изучения России. Преподавал в Русском народном университете в Праге. Руководил Кабинетом сельского хозяйства и кооперации Института изучения России. В 1925-1933 редактировал «Вестник "Крестьянской России"». Во время войны несколько раз арестовывался гестаповцами. *Аргунов Андрей Александрович* (1867-1939) — революционер, один из лидеров партии эсеров, младший брат историка П.А.Аргунова. Издатель журналов «Революционная Россия» и «Призыв». В гражданскую войну входил в состав белого правительства в Уфе. После 1920 в эмиграции. Редактор «Воли народа». *Бем Альфред Людвигович* (1886-1945) — филолог, славист, литературовед. С 1920 — в эмиграции. С 1922 — в Праге, преподавал там в вузах и вел научную работу. Арестован после занятия Праги советскими войсками. Погиб в заключении.

¹⁰⁶ П.А.Сорокин деботировал в Америке курсом лекций по русской революции в Иллинойском университете в начале 1924. Затем работал приглашенным профессором в университете Миннесоты во время летней сессии и до конца учебного года.

¹⁰⁷ Книга «Социология революции» была задумана П.А.Сорокиным в годы гражданской войны, но к написанию ее он приступил в Праге в 1922-1923. Книга вышла в свет в 1925 на английском языке. Работа П.Сорокина «Социальная и культурная мобильность» вышла в свет в 1927. Работа «Современные социологические теории» — в 1928.

¹⁰⁸ Имеется в виду письмо от 21 октября 1924 (ИРЛИ. Ф.592. Ед.хр.239. Л.10).

¹⁰⁹ «Дни» — эсеровская ежедневная газета, редактор А.Ф.Керенский. Берлин (1922-1925); Париж (1925-1933). До того, как ее купили эсеры, газета носила название «Голос России» и была общедемократического направления, не являясь органом какой-либо партии.

¹¹⁰ Одновременно с «Днями» в Берлине эсеры начали издавать ежедневную газету и в Праге, дав ей название «Воля России» (издатель — Е.Е.Лазарев). С начала 1922 «Воля России» превратилась в еженедельник, к концу года — в выходящий два раза в месяц журнал. Он стал органом левого крыла эсеровской партии (редакторы — В.И.Лебедев, М.Л.Слоним и В.В.Сухомлин при прежнем издателе). С 1925 стал ежемесячным и выходил до 1932 как общественно-политический и литературный журнал. «Пламя» — издательство в Праге, организованное Е.А.Ляцким в 1923 и просуществовавшее до 1926.

¹¹¹ *Ростовцев* Михаил Иванович (1870-1952) — историк античности и археолог. После 1905 — член партии кадетов. Академик (1917). В 1918 Академия наук командировала его в Европу, из командировки в Россию не вернулся. В 1920 уехал в США, где занимался преподавательской деятельностью в ведущих университетах страны, создал научную школу.

¹¹² *Сьейес* (Сиейес, Sieyes) Эммануэль Жозеф (1748-1836), деятель Великой французской революции. Один из основателей Якобинского клуба. Участвовал в выработке Декларации прав человека и гражданина.

¹¹³ См.: Чаадаев Н. О псевдоревOLUTIONерах, приемлющих революцию // Утренники. 1922. Кн.2. С.187-189.

¹¹⁴ Статья В.Г.Белинского «Бородинская годовщина. В.Жуковского /.../ Письмо из Бородина от безрукого к безногому инвалиду» впервые была опубликована в журнале «Отечественные записки» (1839. Т.VI. №10). Она, по словам Герцена, проповедовала «покой созерцания и теоретическое изучение вместо борьбы» и оправдывала даже «чудовищное самодержавие» (См.: Былое и думы. Ч.IV. Гл.25). Уже 3 февраля 1840 Белинский сообщал Боткину, что готов «истребить» начало статьи о «Бородинской годовщине», а в письме к нему же от 16 апреля 1840 он определил ее всю как «глупую статейку» и свой «промах» (См.: Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 тт. Т.2. М., 1977. С.550).

¹¹⁵ Видимо, имеется в виду *Бёрк* Эдмунд (1729-1797) — английский публицист и философ, один из лидеров вигов. Автор памфлетов против Великой французской революции. *Мюллер* Адам Генрих (1779-1829) — немецкий социолог и экономист. *Ле-Пле* Фредерик (1806-1882) — француз-

ский социолог и экономист. «Московский сборник» — видимо, имеется в виду: Из Глубины: Сборник статей о русской революции. М.; Пг., 1918.

¹¹⁶ Статья Лутохина «Лицо революции» (Воля России. 1925. №4) была напечатана под псевдонимом Ф.Репейников. Статья Лутохина «Изнанка революции», видимо, так и не была опубликована.

¹¹⁷ Речь идет о последнем письме П.А.Сорокина в адрес Лутохина, датированном 13 мая 1925 (ИРЛИ. Ф.592. Ед.хр.239. Л.14).

¹¹⁸ Речь идет о работах немецкого социолога Леопольда фон *Визе* (1876-1969).

¹¹⁹ Имеется в виду работа американских социологов Роберта Парка (1864-1944) и Эрнеста Богардуса (Burgess, 1886-1966). См.: Park R., Burgess E. Introduction to the science of sociology. 2-d ed. Chicago (Ill.), 1927.

¹²⁰ *Боден* Жан (1520-1596) — французский философ и государственный деятель, автор трактата «Республика».

¹²¹ *Гоббс* Томас (1588-1679) — английский философ. Рассматривал государство, уподоблявшееся им библейскому чудовищу Левиафану, как результат договора между людьми, положившего конец естественному состоянию «войны всех против всех».

¹²² *Завадский* Сергей Владиславович (1871-1935) — юрист, сын сенатора. Служил в Петербургской судебной палате (прокурор, затем председатель). В марте 1917 назначен Временным правительством товарищем председателя Следственной комиссии. В 1918 — державный секретарь правительства Скоропадского. С 1921 в эмиграции. Печатался в журнале «Право» (См.: Последние новости. 1935. 13 июля).

¹²³ *Завадский* Владислав Ромулович (1840-1910) — судебный деятель, сенатор. В 1894 назначен директором 2-го департамента министерства юстиции при Н.В.Муравьеве. Затем управляющий межевой частью на правах товарища министра.

¹²⁴ *Кавелин* Константин Дмитриевич (1818-1885) — историк и юрист. В 1844-1848 профессор Московского, в 1857-1861 Петербургского университета. Преподавал русскую историю и гражданское право цесаревичу Николаю Александровичу (ум. в 1865).

¹²⁵ Имеется в виду Институт изучения России в Праге, основанный в 1924.

¹²⁶ Ср. воспоминания о Лидии Николаевне *Сейфуллиной* (1889-1954) Р.Гуля: «Лидия Сейфуллина была первым советским писателем, с которым я встретился в Берлине. Было это в 1927 году. /.../ Сразу почувствовалось — Сейфуллина умница и талантливый человек. Литературно тогда она была, как говорится, "в зените славы". Вышло ее "собрание сочинений". Вещи ее переводились на иностранные языки. Особенно "гремела" "Вириная", были известны и "Перегной" и "Правонарушители"». В ответ на осторожное замечание собеседника о слабости советской литературы: «Она не выдержала и раздраженно перебила: "Так что

же вы думаете, что мы не понимаем, что мы только навоз для какой-то будущей литературы? «» (См.: Гуль Р. Указ. изд. Т.1: Россия в Германии. Нью-Йорк, 1984. С.272-274).

¹²⁷ *Кизеветтер* Александр Александрович (1866-1933) — историк и политический деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Ученик В.О.Ключевского. С 1898 — приват-доцент Московского университета. С 1905 член кадетской партии. В 1911 покинул университет в составе группы ученых в знак протеста против нарушений университетской автономии (вернулся в марте 1917). В 1922 выслан из России. С 1923 жил в Праге. Был избран председателем историко-филологического отделения Учебной коллегии.

¹²⁸ *Телешов* Николай Дмитриевич (1867-1957) — писатель. В 1898 организовал кружок писателей «Среда», в который входили М.Горький, Семенович, Вересаев, Бунин. Под Москвой организовал первую в России деревенскую гимназию для крестьян, рабочих и железнодорожных служащих. После Октябрьской революции принимал участие в работе литературно-просветительских организаций. Автор мемуаров «Записки писателя» (1925-1943).

¹²⁹ *Розенберг* Владимир Андреевич (1860-1932) — журналист и писатель, экономист и общественный деятель. Выслан из Сов. России в сент. 1922. В Праге (с 1923) был членом пражского «Союза писателей и журналистов», сотрудничал в РЗИА, Русском экономическом кабинете и др. Умер в Праге.

¹³⁰ Младший сын Милюкова Сергей (1895-1915) ушел добровольцем на фронт и пал в первом же бою. (См.: Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С.398-399). О Наталье Павловне Милюковой (1897 или 1898-1921), умершей в Полтаве от дизентерии, см.: Минувшее. Вып.16. М.; СПб., 1994. С.320.

¹³¹ П.Н.Милюков находился в ссылке в Рязани с 1895 по 1897 после увольнения из Московского университета за прочтение в 1895 в Нижнем Новгороде курса лекций «Об общественных движениях в России» (См.: Милюков П.Н. Указ. изд. С.122-125).

¹³² *Рубакин* Николай Александрович (1862-1946) — библиограф, писатель и популяризатор научных знаний. В 1890-1892 редактировал журнал «Мир Божий». Автор многочисленных работ по библиографии, методических пособий по самообразованию, исследований по истории книжного дела в России. В 1907 эмигрировал в Швейцарию. В 1919 в Лозанне создал Международный институт библиологической психологии (См.: Рубакин А. Рубакин: Лоцман книжного моря. М., 1967).

¹³³ *Набоков* Владимир Дмитриевич (1869-1922) — один из лидеров кадетов, юрист, публицист. Депутат 1-й Государственной думы. В 1917 — управляющий делами Временного правительства. В эмиграции был одним из соредкторов газеты «Руль» (См.: Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979. С.133-137).

¹³⁴ Речь идет о Русском общевоинском союзе, организатором и председателем которого в 1924-1928 был П.Н.Врангель.

¹³⁵ *Зеньковский* Василий Васильевич (1881-1962) — религиозный философ, историк философии, церковно-общественный деятель. Окончил Киевский университет по классическому отделению. В 1920 эмигрировал в Белград, затем в Прагу. В Праге занимал кафедру экспериментальной и детской психологии Русского педагогического института. В 1924 избран председателем Русского студенческого христианского движения. В 1927 переехал в Париж и был профессором Богословского института. Автор «Истории русской философии» (Т.1-2. СПб., 1991). Подробнее о нем см.: Верховский С. О В.В.Зеньковском // Новый журнал. 1962. №70.

¹³⁶ Речь идет о Республиканско-демократическом объединении, созданном Милюковым в 1921 на основе парижских кадетов, поддерживавших его «новую тактику» борьбы с большевиками.

¹³⁷ *Прокопович* Сергей Николаевич (1871-1955) — экономист, статистик, общественный и политический деятель, публицист. С 1899 сотрудничал в Вольном экономическом обществе, Русском техническом обществе, кооперативных учреждениях. В конце 90-х годов входил в Союз русских социал-демократов за границей. В 1904 сменил политическую ориентацию и вошел в ряды либерального Союза освобождения. В июле 1917 министр торговли и промышленности Временного правительства, а с сентября министр продовольствия. После Октябрьской революции преподавал в ряде московских вузов. В 1921 выступил одним из организаторов Комитета помощи голодающим. В 1922 выслан за пределы России. Основал в Берлине Экономический кабинет, деятельность которого с апреля 1924 была перенесена в Прагу. Под редакцией Прокоповича издавались «Экономический вестник», «Русский экономический сборник», «Бюллетень». В 1939 переехал в Швейцарию. См. также: Письма А.В.Чаянова / Публ. Р.М.Янгирова // Минувшее. Вып.18. М.; СПб., 1995. С.496-529.

¹³⁸ *Зубашов* Ефим Лукьянович (1860-1928) — профессор химии и директор Томского политехникума. Член Государственного Совета. В эмиграции занимал пост товарища председателя правления Общества сибиряков в Чехословакии. Был членом редакции сборника «Вольная Сибирь» (См.: Последние новости. 1928. 29 дек.).

¹³⁹ В дневнике Лутохина есть запись по этому поводу, сделанная 21 февраля 1923: «Сделал доклад в собрании высланных. Народу было много, пришли и посторонние, всего человек 40-50» (ИРЛИ. Ф.592. Ед.хр.3. С.15).

¹⁴⁰ *Петрищев* Афанасий Борисович (1872-1938) — публицист. Эмигрировал в 1922. Вел всю внутриредакционную работу в «Последних новостях», сотрудничал в «Днях».

¹⁴¹ Каган (*Коган*) Абрам Саулович (1889-1983) — издатель, участник петроградского «Петрополиса». В 1922 выслан за границу, жил в Германии, продолжал там издательскую деятельность, затем в США.

¹⁴² «*Экономический вестник*» — научный журнал, выходивший в Берлине в 1923-1924 под ред. С.Н.Прокоповича. Вышло 3 книги.

¹⁴³ *Ясинский* Всеволод Иванович (?-1933) — профессор Технического училища в Москве, конструктор паровых турбин. В 1922 выслан из России (См.: Последние новости. 1933. 23 дек.).

¹⁴⁴ Речь идет о последнем Университетском уставе 1884 г., действовавшем до февраля 1917. Этот устав упразднил университетскую автономию.

¹⁴⁵ *Волковысский* Николай Моисеевич (1881 — не ранее 1940) — журналист. Один из организаторов петроградского Дома литераторов (1918-1922). Выслан из Сов. России в 1922. Жил в Берлине, сотрудничал в газ. «Сегодня». В 1933 перебрался в Варшаву, а в октябре 1939 — под Тернополь.

¹⁴⁶ Имеются в виду Сидней (1859-1947) и Беатриса (1858-1943) Вебб (*Уэбб*), английские общественные деятели, экономисты, историки английского рабочего движения. Идеологи «Фабрианского общества».

¹⁴⁷ Имеются в виду: *Косинский* Владимир Андреевич (1866-1938) — экономист и статистик. Профессор Новороссийского университета, Киевского политехнического института. Товарищ министра труда в правительстве гетмана Скоропадского. После падения Рады эмигрировал в Прагу, а затем в Ригу. В Праге преподавал в Русском институте сельскохозяйственной кооперации, в Русском народном университете. Затем — профессор Рижского политехникума. Докторская диссертация «Крестьянское помещичье хозяйство» (1906). (См.: В.А.Косинский [Некролог] // Последние новости. 1938. 11 ноября). *Загорский Семен* Осипович (1882-1930) — экономист, приват-доцент Петербургского университета по кафедре политической экономии; при Временном правительстве возглавлял один из департаментов министерства труда. В эмиграции состоял во главе отдела международного труда в Женеве (См.: С.О.Загорский [Некролог] // Возрождение. 1930. 19 марта).

¹⁴⁸ Речь идет об Эдуарде *Бенеше* (1884-1948) — в 1918-1935 — министре иностранных дел, в 1921-1922 председателе правительства Чехословакии.

¹⁴⁹ *Галлиани* Фердинандо (1728-1789) — итальянский экономист, государственный деятель, аббат. С 1759 — секретарь неаполитанского посольства в Париже, затем посол. С 1777 — министр королевских земель.

¹⁵⁰ *Астров* Николай Иванович (1868-1934) — политический деятель. С 1890-х работал в органах московского городского самоуправления. Многие годы был секретарем городской думы. Член кадетской партии и ее московского городского комитета. Сотрудник газеты «Русские ведомости». В марте 1917 избран московским городским головой. В июне 1919 командирован Деникиным в Париж для участия в работе Русского политического совещания. В 1920 эмигрировал, обосновался в Праге. Был в числе ближайших сотрудников П.Н.Миллюкова. После раскола кадетской партии в 1921 создал группу центра, разойдясь с Миллюковым. Организатор и руководитель Русского заграничного архива в Праге. Автор «Воспоминаний» (Париж, 1941).

¹⁵¹ *Чупров Александр Александрович* (1874-1926) — статистик и экономист. Член-корреспондент РАН (1917). Окончил физико-математический факультет Московского университета в 1896. Изучал экономические науки в Берлинском и Страсбургском университетах. По возвращении в Россию сдал магистерские экзамены и возглавил кафедру статистики экономического отделения Петербургского политехнического института. Магистерская диссертация «Очерки по теории статистики» удостоена степени доктора (1909). В мае 1917 выехал за границу и больше не возвратился. До 1920 жил в Стокгольме, в 1920-1925 — в Дрездене (См.: Шейнин О.Б. А.А.Чупров: Жизнь, творчество, переписка. М., 1990).

¹⁵² Речь идет о статье А.А.Чупрова «Проблема индетерминизма в свете статистической физики» (Русская мысль. 1922. №4).

¹⁵³ *Чупров Александр Иванович* (1842-1908) — экономист, статистик и общественный деятель. Профессор Московского университета в 1878-1899. Член-корреспондент АН (1887).

¹⁵⁴ Лекция Чупрова была прочитана на курсах в «Экономическом кабинете проф. С.Н.Прокоповича».

¹⁵⁵ Речь идет о статье А.А.Чупрова «Основные задачи стохастической теории статистики» (Вестник статистики. 1924. Кн.19. №10-12). Она же была опубликована в «Сборнике статей памяти Н.А.Каблукова» (М., 1925. Т.1).

¹⁵⁶ Имеется в виду Международный статистический конгресс в Риме (1926).

¹⁵⁷ *Гулькевич Константин Николаевич* (?-1935) — дипломат. Одно время директор департамента МИД, затем — посол в Турции, Италии, Швеции. Об этом эпизоде см. также: Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979. С.14-15.

¹⁵⁸ *Кочаровский* (Качоровский) *Карл Август Романович* (1870-?) — экономист-аграрник, статистик. В начале 1890-х входил в петербургскую группу народолюбцев. Сотрудничал в газете эсеров «Революционная Россия», но формально в партии не состоял. Главный труд «Русская община. Возможно ли, желательна ли ее сохранение и развитие. (Опыт цифрового и фактического исследования)» (СПб., 1900). С 1917 в эмиграции.

¹⁵⁹ *Златовратский Николай Николаевич* (1845-1911) и *Успенский Глеб Иванович* (1843-1902) — писатели, близкие к народничеству.

¹⁶⁰ *Д'Аннунцио Габриеле* (1863-1938) — итальянский писатель и политический деятель, близкий к Муссолини.

¹⁶¹ *Щербатов Михаил Михайлович* (1733-1790), князь — историк и публицист. Автор трактата «О повреждении нравов в России».

¹⁶² *Челинцев Александр Николаевич* (1874-1962) — экономист-аграрник, статистик. Окончил Новоалександрийский институт сельского хозяйства и лесоводства (1900), где затем и преподавал. С 1913 — профессор Сель-

скохозяйственной академии. В 1913-1919 организовал бюджетные обследования крестьянских хозяйств в 14 губерниях Украины. В 1917 участвовал в разработке аграрной реформы Временного правительства. Эмигрировал. В 1920-1925 жил в Сербии и Чехословакии, где вел научно-исследовательскую и педагогическую работу в Русском институте сельскохозяйственной кооперации. В 1925 возвратился в СССР и работал в НИИ сельскохозяйственной экономики. В 1930 арестован по делу «Трудовой крестьянской партии» (См.: Вайнштейн Альб.Л. А.Н.Челинцев (1874-1962) // Ученые записки по статистике. 1964. Т.8. С.321-325).

¹⁶³ *«Городское дело»* — журнал, издававшийся в Петербурге в 1909-1916 под редакцией Л.А.Верихова и М.П.Федорова.

¹⁶⁴ *Шингарев* Андрей Иванович (1869-1918) — врач и политический деятель, участник земского движения. С 1908 член ЦК партии кадетов. Депутат 2-й — 4-й Государственной думы. Убит матросами и красногвардейцами в Марининской больнице в Петрограде.

¹⁶⁵ *Гондатти* Николай Львович (1863-?) — исследователь северной и северо-восточной Сибири, сибирский администратор. Начальник Амурской экспедиции (1910). С 1911 состоял в должности Приамурского генерал-губернатора.

¹⁶⁶ *«Руль»* — ежедневная газета, выходившая в Берлине (1920-1931) под редакцией И.В.Гессена.

¹⁶⁷ *Бурышкин* Павел Афанасьевич (1887-1955) — крупный предприниматель и общественный деятель. Входил в так называемую группу «молодых капиталистов» с П.П.Рябушинским. В 1915-1917 — член Центрального и Московского военно-промышленных комитетов. В 1919 — министр финансов в правительстве Колчака. С 1920 в эмиграции (Франция). Автор воспоминаний «Москва купеческая» (Нью-Йорк, 1954; М., 1990).

¹⁶⁸ *Дан* (наст. фам. Гурвич) Федор Ильич (1871-1947) — один из лидеров меньшевиков. Выслан из Сов. России в 1922. В Берлине вошел в состав «Социалистического Вестника», делегат конгрессов Социалистического Интернационала. После прихода Гитлера к власти переехал в Париж. В 1940 переехал в США.

¹⁶⁹ *Маклаков* Василий Алексеевич (1869-1957) — юрист, политический деятель. С 1896 присяжный поверенный округа Московской судебной палаты. Член 2-й — 4-й Государственной думы. С 1915 — один из лидеров московских кадетов. В феврале 1917 комиссар в Министерстве юстиции. Посол Российской республики в Париже. В 1919 вошел в состав Русского политического совещания. С 1924 председатель Эмигрантского комитета. Автор книги «Из воспоминаний» (Нью-Йорк, 1954).

¹⁷⁰ *Слоним* Марк Львович (1894-1976) — политический деятель (эсер), литературный критик, публицист, переводчик, автор ряда книг. Эмигрировал из России в 1919. Возглавлял журнал «Воля России» (1922-1932) и ряд других изданий. С 1927 жил в Париже, с 1941 — в США.

¹⁷¹ *Лавров* Петр Лаврович (1823-1900) — философ, социолог и публицист, один из идеологов революционного народничества. До революции неоднократно арестовывался и ссылался. *Брешко-Брешковская* Екатерина Константиновна (1844-1934) — одна из организаторов и лидеров партии эсеров, «бабушка русской революции», участница процесса 193-х, неоднократно арестовывалась при царе. С 1919 в эмиграции. Жила в Праге, продолжала общественно-политическую деятельность. *Лазарев* Егор Егорович (1853-1937) — политический деятель. Эсер. В 1890 через Японию бежал в США, посетил ряд стран Европы. В 1897 — лейб-медик австрийской императрицы Елизаветы. В 1917 — избран в Учредительное Собрание. После Октябрьской революции эмигрировал. *Михайловский* Николай Константинович (1842-1904) — социолог, публицист, литературный критик, один из идеологов народничества. Один из редакторов «Отечественных записок», «Русского богатства».

¹⁷² *Сухомлин* Василий Васильевич (1887-1963) — публицист, член ЦК партии эсеров. В 1917-1918 печатался в журнале «Дело народа». Эмигрировал. С начала 1920-х жил в Праге, соредактор «Воли России», член Исполкома Социнтерна. С 1927 жил в Париже, в 1941-1945 в США. После Второй мировой войны вернулся на родину (1954). Переводчик советских писателей на французский язык. Член Союза писателей СССР.

¹⁷³ Издательство «*Ватага*», по сути, — заграничный отдел российского кооперативного издательского Товарищества «Задруга» (1911-1922). Организованное в Берлине С.П.Мельгуновым, издательство «Ватага» (1923-1925) выпустило 13 номеров исторического сборника «На чужой стороне» (со 2-го номера совместно с пражским издательством «Пламя»). (См.: Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Указ. изд. С.405).

¹⁷⁴ *Сталинский* Евсей Александрович (1880-1953) — публицист и политический деятель (эсер). В 1908-1917 — в эмиграции во Франции. В 1917-1918 — соредактор петроградской газеты «Воля земли» («Воля народа» и др.). С 1919 — вновь в эмиграции. В 1920-е подолгу жил в Праге. В 1924-1932 — соредактор «Воли России». В начале Второй мировой войны переехал в США.

¹⁷⁵ *Лебедев* Владимир Иванович (1883-1956) — общественный деятель, публицист, прозаик; эсер. С 1908 — в эмиграции, участник Первой мировой войны (доброволец Иностранного легиона). В апреле 1917 вернулся в Россию. Затем — участник Белого движения, с 1919 — вновь в эмиграции. В 1920-1932 — соредактор газеты и журнала «Воля России». Жил в Праге, Белграде и Париже. Один из руководителей Земгора в Белграде. В 1929 нелегально посетил СССР. В 1936 переехал в США, там — сотр. газеты «Новое русское слово».

¹⁷⁶ Имеется в виду Айхенвальд Юлий Исаевич (1872-1928) — литературный критик. В эмиграции сотрудничал в «Руле». Попал под трамвай в Берлине.

¹⁷⁷ *Шрейдер* Григорий Ильич (1860-1940) — экономист, публицист и политический деятель. В 1904-1905 — второй редактор петербургской га-

зеты «Сын Отечества», в 1905 издавал «Экономическую газету» (СПб.), после закрытия «Сына Отечества» эмигрировал в Италию, посылал из-за границы статьи по муниципальным вопросам в «Русские ведомости» и др. периодические издания; эсер, с 30 июня 1917 — городской голова Петрограда, после Октябрьской революции эмигрировал. Проживал в Праге. Сотрудничал в «Крестьянской России». *Русанов* Николай Сергеевич (1859-1939) — публицист. В 1877 поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию. В 1878 арестован. С 1879 печатался в «Деле», «Новостях», «Отечественных записках». С 1882 жил за границей. Ученик П.Лаврова. Один из организаторов группы «Старых народовольцев». В 1914-1917 издавал «Русское богатство». В 1917 эмигрировал. Сотрудничал в берлинском «Голосе России». С конца 1920-х проживал в Праге (См.: Последние новости. 1939. 4 авг.).

¹⁷⁸ *Абрамович* (наст. фам. Рейн) Рафаил Абрамович (1880-1963) — политический деятель. С 1901 — член Бунда. Участник революции 1905-1907. Член Петербургского Совета. В 1910 арестован, послан в Вологодскую губернию, бежал и эмигрировал. Работал в редакциях ряда зарубежных изданий. Во время Первой мировой войны — центрист. После Февральской революции вернулся в Россию. Вошел в ЦК Бунда. В период гражданской войны поддерживал тактику «мира с большевиками». В 1920 эмигрировал. Возглавил Заграничную делегацию ЦК «С.-д. Бунда». Участвовал в издании «Социалистического вестника». Член бюро исполкома Социалистического рабочего Интернационала. С 1940 проживал в США (См.: Памяти Р.А.Абрамовича // Социалистический вестник. 1963. №5/6).

¹⁷⁹ *«Социалист-революционер»* — журнал, выходивший в Париже в 1927-1932 под ред. «членов Заграничной делегации партии социалистов-революционеров» С.П.Постникова, М.Л.Слонима, Е.А.Сталинского, В.В.Сухомлина. Вышло 6 номеров. *«Революционная Россия»* — журнал, «центральный орган партии социалистов-революционеров»; «основан В.М.Черновым». Выходил в Ревеле (1920-1921; 15 номеров), Берлине (1922-1923; 17 номеров) и Праге (1924-1929, 1931; 46 номеров). См.: Вильданова Р.И. и др. Краткий биографический словарь русского зарубежья // Струве Г. Русская литература в изгнании / Изд. третье, испр. и доп. Париж; М., 1996. С.406, 407.

¹⁸⁰ *Постников* Сергей Порфирьевич (1883-1964) — литератор, библиограф, политический деятель. Окончил Коммерческий институт в Москве. В 1912 организовал неонароднический журнал «Заветы». Служил в Союзе городов. В марте 1917 основал эсеровскую газету «Дело народа». В 1921 эмигрировал. В 1922-1923 жил в Берлине, где заведовал литературно-художественным отделом газеты «Голос России». В 1924-1927 редактировал в Праге журнал «Революционная Россия». С 1923 работал в пражском Русском заграничном историческом архиве, собрав 100 тысяч книг и журналов на всех языках по истории русского революционного движения, эмиграции и Советской России. В 1924 под его редакцией вышла работа «Русская зарубежная книга». Принимал участие в Пражском вос-

станции в мае 1945. Арестован органами контрразведки СМЕРШ и приговорен к 5-ти годам лагерей. Затем проживал в Никополе (Донецкая область). В начале 1960-х вернулся в Чехословакию.

¹⁸¹ В рукописи, хранящейся в ИРЛИ, сделана вставка от руки: «только будто бы личные склоки».

¹⁸² *Гальтон* Фрэнсис (1822-1911) — английский психолог и антрополог. Один из создателей евгеники. Один из основателей биометрии, дифференциальной психологии и метода тестов.

¹⁸³ Такая работа Зомбарта не обнаружена.

¹⁸⁴ Имеется в виду *Бернштейн* Эдуард (1850-1932), лидер германской социал-демократии, один из инициаторов ревизии марксизма, выступал против идеи диктатуры пролетариата. В 1917 вместе с К.Каутским участвовал в создании «Независимой социал-демократической партии».

¹⁸⁵ Имеется в виду журнал «Заветы», выходивший в 1912-1913.

¹⁸⁶ Речь идет о второй части работы В.М.Чернова «*Конструктивный социализм*», которая была написана, но так и не была опубликована. Первый том вышел в Праге в 1925.

¹⁸⁷ *Азеф* Евно Фишелевич (1869-1918) — провокатор, член эсеровской партии и ее боевой организации, одновременно служил в царской охранке. В 1908 был разоблачен В.Л.Бурцевым. Осужден партийным судом, но скрылся.

¹⁸⁸ «*Современные записки*» — ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. Редакционная коллегия: Н.Д.Авксентьев, И.И.Бунаков, М.В.Вишняк, А.И.Гуковский, В.В.Руднев. Выходил в Париже в 1920-1940. Задуман был журнал группой партии социал-революционеров. Редактируемый пятью эсерами, журнал с самого начала считал себя внепартийным и не стремился стать боевым политическим органом. См. также: Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С.201-204.

¹⁸⁹ *Гуревич* Виссарион Яковлевич (1876-1940) — публицист. Присяжный поверенный, сотрудник журнала «Северный вестник» (См.: Новое русское слово. 1940. 20 мая).

¹⁹⁰ Имеется в виду Императорское Вольное экономическое общество.

¹⁹¹ Речь идет о Всероссийском съезде статистиков (1922). В это время Пешехонов работал научным сотрудником в Наркомземе. В июле 1922 Пешехонов был арестован на улице, а в октябре выслан из России.

¹⁹² «*Задруга*» — кооперативное товарищество издательского и печатного дела в Москве (1911-1922). См. о нем в комментарии Я.В.Леонтьева — Звенья: Исторический альманах. Вып.2. М.; СПб., 1992. С.469-470.

¹⁹³ *Мякотин* Венедикт Александрович (1867-1937) — историк, публицист, политический деятель. В 1922 выслан из России. *Алданов* (наст. фам. Ландау) Марк Александрович (1886-1957) — писатель, философ,

химик. В марте 1919 эмигрировал. *Осоргин* (наст. фам. Ильин) Михаил Андреевич (1878-1942) — прозаик, эссеист, публицист. В 1922 выслан из России. *Мельгунов* Сергей Петрович (1879-1956) — историк, публицист, редактор и издатель, политический деятель. В 1922 выслан из России. *Полнер* Тихон Иванович (1864-1935) — журналист и историк. С 1919 — в эмиграции. Основатель издательства «Русская земля» в Париже.

¹⁹⁴ *Пешехонова* (урожд. Старментова) Антонина Федоровна (1875-1959) — жена А.В.Пешехонова, врач-педиатр. После возвращения жила в Ленинграде. Похоронена рядом со своим мужем на Волковом кладбище в Петербурге.

¹⁹⁵ *Морозова* (ур. Хлудова) Варвара Алексеевна (1850-1917) — владелица Тверской мануфактуры и благотворительница, была главной пайщицей «Русских ведомостей». Оформить свои многолетние отношения с редактором газеты, профессором Василием Михайловичем *Соболевским* (1846-1913) не могла из-за угрозы утраты наследства (так было составлено завещание).

¹⁹⁶ Пешехонов Борис Алексеевич (1898-1920). Автор ошибается: Б.А.Пешехонов сражался под командованием А.Н.Гришина-Алмазова.

¹⁹⁷ Имеется в виду младший брат А.В.Пешехонова Константин Васильевич.

¹⁹⁸ *Фэрбенкс* Дуглас (1883-1937) — американский киноактер. *Пикфорд Мэри* (1893-1979) — американская киноактриса.

¹⁹⁹ Пешехонов *Анатолий* Алексеевич (1917-1987) — приемный сын А.В.Пешехонова, родители которого умерли во время гражданской войны. По специальности — военный врач, работал в Военно-медицинской академии в Ленинграде.

²⁰⁰ Имеется в виду Институт изучения России (Прага).

²⁰¹ *Аладьин* Алексей Федорович (1873-1927) — один из лидеров трудовиков. За участие в нелегальных кружках в 1890-х был исключен из университета и арестован. Девять лет пробыл в эмиграции. Член 1-й Думы от Симбирской губернии. До роспуска Думы был командирован на межпарламентскую конференцию в Лондон. В Россию вернулся в 1917. После Октябрьской революции в эмиграции. (См.: Руль. 1927. 6 авг.). См. также справку С.В.Шумихина: Минувшее. Вып.20. СПб., 1996. С.614.

²⁰² Несмотря на это утверждение, в архиве Лутохина сохранилось 35 писем А.В.Пешехонова за 1923-1932 (ИРЛИ. Ф.592. Ед.хр.207).

Владимир Аллой
ЗАПИСКИ АУТСАЙДЕРА¹

III

— Вы — Аллой?..

Я стоял в коридоре «движенческого» дома на рю Оливье де Серр, рассеянно изучая расписание церковных служб и всевозможные объявления о поисках жилья и работы, деятельности кружков, занятиях русской школы, записи детей в летний лагерь... Здание было неказистое, маленькое, двухэтажное, зажатое обычными доходными домами. Контора РСХД находилась наверху, в нее попадали по узкой винтовой лестнице. На первом этаже располагался небольшой зал с роялем и портретами отцов-основателей по стенам, за ним — крохотная, почти домовая по размерам, Введенская церковь да по другую сторону коридорчика несколько служебных помещений, где хранились церковная одежда и всевозможный движенческий реквизит. Перед домом маленький дворик и флигель — со стороны улицы там помещалось бюро Кирилла Ельчанинова, со стороны двора — собирались кружки и проходили занятия русской четверговой школы для эмигрантских детей. Четверговой (вместо воскресной) она называлась лишь по местной традиции — у французских школьников неделя разбита выходным, который раньше приходился на четверг.

В Русское студенческое христианское движение я попал буквально через несколько дней по приезде в Париж. Жил я тогда в

---

¹ Продолжение. Начало см.: Минувшее. Т.21. С.104-152. (Пользуюсь случаем исправить замеченные опечатки в тексте: на с.113, 1-й абз. сверху фамилию адвоката «Русской мысли» следует читать Посохов; на с.123, 3-й абз. сверху дату следует читать 1978-й год. — В.А.).

крохотной арабской гостинице на рю Леон Жост, куда устроил меня Дима Рыбаков. Отельчик находился всего в нескольких кварталах от «Русской мысли». В первый же день моего появления в Париже после неудачного похода к Максиму мы отправились с Володей Марамзиным в газету, где были благосклонно приняты Шаховской, которая в конце аудиенции пригласила меня к продолжению сотрудничества и выплатила причитающийся гонорар, после чего мы откланялись и зашли к журналистам. В их числе был и Дима, взявший на себя труд пристроить только что прибывшего соотечественника в известном ему отеле. Гостиничка состояла всего из десятка комнат на втором этаже да стойки администратора при входе. В маленьком узком номере, напоминавшем школьный пенал, помимо кровати обнаружили шкаф, столик и раковина, окно выходило в глухой колодец, отличавшийся от ленинградских разве тем, что был светлее — стены большинства старых парижских домов выкрашены в белый цвет. Достоинств у своего нового жилища я насчитал лишь одно, зато неоспоримое: цена — 30 франков в день. Жара в то лето в Париже стояла совершенно африканская, и самую душную часть дня я проводил в раковине, сложившись вчетверо и поливая себя водой из-под крана. Остальное время бродил по городу или бегал по людям, пытаюсь завести хоть какие-то связи и понять, чем заниматься дальше.

Среди телефонов, данных при первом свидании Марамзиным, были номера Кирилла Ельчанинова и Никиты Струве. Сам Володя с ними, кажется, не общался, но Татьяна нередко навещала Кирилла, который возглавлял фонд помощи верующим, созданный при РСХД и занимавшийся в основном посылкой в Россию литературы и медикаментов. Надо сказать, что поначалу мысль о налаживании материальной помощи друзьям и знакомым приобретает у эмигранта почти маниакальный характер. Возможно, это связано с привкусом вины, о котором я упоминал, присутствующим постоянно, даже если он не всегда осознан, возможно — с желанием хоть в минимальной степени разделить с близкими то сказочное, совершенно непредставимое в России богатство мира, которое обрушивается на эмигранта при пересечении границы и которого лишены оставшиеся на родине (имеется в виду не конкретное материальное богатство, само наличие которого тоже, конечно, оглушает, но скорее — неопишуемая гамма впечатлений от распахнувшегося перед новичком многоцветия, многозвучия, удивительной насыщенности и праздничности нового мира, даже если сам он пока имеет ко всему этому лишь косвенное отношение). К тому же внутреннего отрыва от родины еще не произошло, пуповина, связующая тебя с прошлым, еще не отрезана окончательно, и за

каждым углом ты натыкаешься на знакомый профиль или затылок, видишь знакомое платье или походку, родное лицо в окне автобуса или поезда метро, а все происходящее с тобой, тобою увиденное, открытое — постоянно примериваешь на друзей, пытаешься представить себе их реакцию и продолжая непрерывный диалог с ними. Часто это странное ощущение преследует тебя годами, слабея лишь по мере вхождения в новую жизнь, новую языковую, культурную, бытовую и человеческую среду. Кажется, я избавился от него лишь на исходе третьего года, когда, возвращаясь из любимой Италии в не слишком любимый Париж, неожиданно ощутил, что приехал домой.

Но все это пришло после. А в те первые дни парижской жизни я был совершенно потерян. Я бродил по городу без карты, исключительно литературными маршрутами, знакомыми из книг, и не узнавал ничего из прочитанного, привычного и, казалось, столь отчетливо представляемого мною. Париж был совсем иным, это несоответствие угнетало, раздражало, даже вызывало обиду, словно он в чем-то обманул мои ожидания, и потребовалось несколько лет, чтобы привыкнуть, а затем и полюбить реальный, а не вымышленный город...

Еще из Рима я послал в «Вестник» пару статей, которые Никита так и не напечатал, но, по-видимому, запомнил мое имя, судя по первому телефонному разговору. Он назначил мне встречу в РСХД, куда я и отправился с некоторым душевным трепетом. Такое состояние объяснялось просто: Никита представлялся личностью легендарной, а «Вестник РХД» последние годы был одной из наших настольных книг, номера журнала появлялись на двести три ночи, немедленно прочитывались и фотографировались, затем следовало уже повторное, более внимательное чтение. На дворе стоял конец «догуттенберговской эпохи», и съемка входила в неприменный ритуал самиздатской деятельности: создание библиотеки негативов почиталось едва ли не первой заповедью «серьезного самиздатчика» тех лет. Сама библиотека хранилась у одного из наших друзей — Юры Булучевского, в «мирской жизни» скромного редактора издательства «Музыка». Пленки наиболее интересных книг затем печатались на тонкой «документной» фотобумаге, полученное таким образом «издание» переплеталось и в дальнейшем служило «обменным фондом». Чаще всего печать происходила в фотолаборатории Зоологического института Академии Наук, где я тогда служил сторожем, а Рада лаборанткой и где всю ночь моего дежурства кипела работа по проявке и просушке. Последнее осуществлялось самым примитивным способом: мокрые листы наклеивались на стекла гигантских шкафов с

коллекциями, и необходимо было собрать еще влажные фотографии до восьми утра, когда могли явиться первые сотрудники. Помню, как, печатая «Сдачу и гибель советского интеллигента» Аркадия Белинкова, мы с Радой едва не сожгли фотолабораторию и до утра пытались замести следы своего вторжения, отмывая столы и стены от копоти. По счастью, народ в ЗИНе был довольно флегматичным, интересовался больше сплетнями, тряпками и лабораторным спиртом, нежели состоянием вверенного ему государственного имущества, и наше преступление осталось безнаказанным...

— Вы — Аллой?

Я обернулся. У дверей стоял невысокий человек в очках, со светлыми, коротко стриженными седеющими волосами, с седою бородой клинышком, в кургузом пиджачке, сбившемся галстук, взмокшей сорочке и волокущихся чуть не по земле серых брюках. (Не совсем обычные отношения с последним аксессуаром мужской одежды я постоянно замечал в дальнейшем у старых эмигрантов: либо, как у Никиты, брюки вечно свисали, либо, как у Глеба Петровича Струве, Николая Михайловича Зернова или Бориса Николаевича Лосского, — были непомерно задраны, начинаясь где-то на уровне груди и завершаясь много выше лодыжек, чуть не на середине голени, — эта забавная деталь придавала старикам несколько неуклюжую, но чрезвычайно уютную, какую-то диккенсовскую внешность.) В руках вошедший держал портфель и полиэтиленовый мешок. Несмотря на взъерошенный вид, отчасти объяснявшийся парижской жарой, он вполне соответствовал фотографии, помещенной в сотом — юбилейном выпуске «Вестника».

— А вы — Никита Алексеевич? Здравствуйте.

— Здравствуйте, — Никита сильно грассировал, голос у него был довольно высокий, с какими-то мальчишескими, немного странными для моего слуха модуляциями (интересно, что через два десятка лет в Москве мне тоже скажут о необычности моей русской интонации). — Ну, вот, — он подал мне руку, освободив ее от мешка, и улыбнулся. — Давайте сделаем так: подождите меня минут десять, я зайду наверх, а потом поедem к нам ужинать, там и поговорим.

Через полчаса мы уже парились в пробке на окружном бульваре. Несмотря на опущенные стекла, снятые пиджаки, расстегнутые рубашки — раскаленный белый «Пежо-504», недавно подаренный Никите семейством Солженицыных, напоминал пыточную. По счастью, Никита, сам не куривший, любезно открыл пепельницу, приглашая не стесняться, чем я немедленно и восполь-

зовался, засмолив свой «Житан». Это были единственные местные сигареты, по крепости напоминавшие привычный «Беломор». Я ужасно мучился, покупая их в кафе, поскольку французские гласные оставались для моего варварского произношения недостижимы; бармены презрительно вздергивали бровь: «comment?» либо совали мне в руки жетон для телефона, но я упорствовал, и месяца через три мое упорство было вознаграждено — то ли бармены привыкли, то ли я улучшил произношение. В сущности, мне еще повезло — рассказывали, что Олега Целкова долгое время вообще принимали в кафе за глухонемого, поскольку объяснялся он исключительно жестами...

Жил Никита с женой Машей (дочерью отца Александра Ельчанинова, сестрой Кирилла) и тремя детьми в Villebon-sur-Yvette — деревушке километрах в тридцати к юго-западу от Парижа, в небольшом очень скромном доме, основную прелесть которого составляла, по-видимому, его дешевизна. О скромности жилища и некоторой безалаберности жизни его обитателей говорит уже то, что ванна стояла прямо на кухне за занавеской, в соседней комнате на столах и стеллажах валялись кисти, доски и незаконченные иконы (Маша занималась иконописью), а в следующей — рукописи попеременно с детскими вещами и бельем для глажки... Домик этот нашла семейству Струве Вера Николаевна Ильина, вдова философа, занимавшаяся посредническими услугами по найму жилья и числившая среди постоянных своих клиентов множество русских парижан. Впоследствии мне тоже приходилось неоднократно прибегать к ее помощи, одновременно уклоняясь от настойчивых просьб об издании работ Владимира Николаевича. Целый шкаф рукописей покойного мужа стоял в коридоре ее старой, запыленной квартиры, но, перебрав их, я так и не нашел ничего возможного к изданию. Впрочем, это обстоятельство никак не отразилось на наших отношениях, и Вера Николаевна, никогда не смешивавшая дела коммерческие и семейные, с готовностью откликнулась на любую мою просьбу о поиске квартиры или комнаты для новоприбывших...

Дом же в Villebon-sur-Yvette стал для меня родным на четыре последующих года, сюда приезжал я каждую неделю, а иногда и вовсе ежедневно, здесь нашел, может быть, самого близкого за годы эмиграции друга, а поначалу и единомышленника, здесь, как и на рю де ла Монтань Сент Женевьев, где помещалась ИМКА, восстановилась для меня атмосфера нормального дружеского, делового, человеческого общения — одним словом, здесь сосредоточилась утраченная с отъездом из России вселенная... Я сказал на четыре года, потому что в октябре 80-го именно здесь, в Ни-

китином доме, произошел разговор, обозначивший трещину в наших отношениях, ту трещину, которая в конце концов их разрушила, а меня самого еще через год с небольшим привела к уходу из ИМКИ и из «Вестника»...

В тот первый раз мы проговорили далеко за полночь, я даже остался у них ночевать — Маша постелила мне на тахте в столовой у книжной полки с томами сочинений Хомякова, Данилевского, Лескова. Трудно, если вообще возможно, восстановить, о чем велась беседа: как всякий первый разговор — ни о чем и обо всем сразу. Такой разговор либо случается, либо нет, главное — не в его содержании, а в обоюдном интересе участников, в той искре, которая иногда проскакивает меж собеседниками, создавая чудо душевного контакта... Никита много расспрашивал, сам рассказывал об эмиграции, о Солженицыных, о встречах с Ахматовой (ставил на магнитофон пленки с записями ее голоса), о Бродском. С Иосифом мы с Радой виделись всего два месяца назад: он приехал в Италию, созвонились, и, выгуливая нас по «своему» Риму, Бродский на правах старого умудренного опытом эмигранта поучал, как следует выбирать страну проживания, как привязаться к ней, как освоить язык...

Говорили, конечно, и о дальнейших планах. Мой временный паспорт для иностранца был действителен в продолжение трех месяцев. За это время надо было как-то определиться. Но наступал мертвый сезон отпусков, и Никита посоветовал мне не пережидать его в Париже, а отправиться на месяц-полтора в летний лагерь РСХД — руководителем студенческой группы. «Познакомьтесь со здешней публикой, осмотритесь, да и заработаете немножко... Ну, а осенью будет видно...» В моем положении это, пожалуй, и вправду был выход: несмотря на дешевизну отеля, долго продержаться в нем мне бы не удалось, так что имело смысл отложить оставшиеся деньги на осень — неизвестно, как все обернется, а пока ехать в лагерь. На том и порешили...

***

Летний лагерь РСХД находился в Сен Теофре — горном местечке между Греноблем и Гапом, недалеко от старой наполеоновской дороги через Альпы. На небольшом участке, который местный фермер сдавал в аренду Движению, стояло в ряд несколько длинных палаток, где жили воспитанники — дети от девяти до шестнадцати лет, чуть поодаль, ближе к самой ферме, — одиночные палатки для обслуживающего персонала и гостей; за ними — еще пара шатровых среднего размера — для студентов и для класс-

ных занятий. Ну и, разумеется, походная церковь, столовая и всевозможные хозяйственные службы.

В советском пионерлагере мне лишь однажды пришлось провести две недели (после чего меня вышибли за поправку юннатской клубники), так что воспоминаний о нем почти не осталось. По-видимому, здешний лагерный быт мало отличался от быта соответствующих российских заведений, разве что своей идеологической направленностью: непререкаемыми молитвами — утренней, вечерней и перед едой, церковными службами, преподаванием Закона Божия, летним «малым» движением съездом. В остальном же — походы, купания, костры, дежурства, кружки, академические занятия языком и русской историей, бесконечные поделки...

Окормляли молодую паству в те годы отец Борис Бобринский, бывший настоятелем нижней церкви на рю Дарю, и отец Николай Озолин. С последним мы очень подружились и многие годы — вплоть до моего отъезда в Россию и даже после — сохраняли теплые отношения. А отец Борис, с которым впоследствии мы вместе оказались в Совете РСХД, долгое время уговаривал меня поступать в Свято-Сергиевский богословский институт, от чего я, однако, уклонился, отрицательно решив для себя этот вопрос еще в Питере, когда на рубеже 70-х обдумывал возможность поступления в семинарию, — не умея навести порядок в собственной душе, я никогда не мог представить себя в роли пастыря. По-видимому, отец Василий Лесняк, некогда меня крестивший и вплоть до самого отъезда бывший моим духовником, держался того же мнения. Был он книголюбом и работником, ко всякого рода экзальтации, особенно неопитской, относился с недоверием и строгостью, предпочитая трезвение, исполнение правил, книжные занятия и ежедневный труд, — что и внушал своим духовным детям. Полагал, что твердый прихожанин лучше нерадивого или дурного попа. Недаром из всей нашей тогдашней компании благословил на священнический путь лишь Костю Смирнова (ныне отца Константина — настоятеля «пушкинской» Спаса Нерукотворного образа церкви на Конюшенной)...

В Сен Теодре я пробыл немногим больше месяца, но эта неожиданная «лагерная интерлюдия» стала решающей для моей парижской жизни. Думаю, Никита это учитывал, предлагая мне «познакомиться со здешней публикой»: смотрины, видимо, были обоюдными. Преподавание истории и языка, репетиции и постановка спектакля силами студентов, постоянное общение с движением молодежи и взрослым составом руководителей и «гостей» (в прошлом бывших такими же «лагерниками»), чуть

не еженощные бдения до петухов в моей палатке, куда набивалось по десять-пятнадцать человек, — все это незаметно и естественно ввело меня в круг РСХД, почти непроницаемый для новых эмигрантов.

В те годы парижская «третья волна» была несколько особой. Осесть во Франции было непросто, и в Париж ехали в основном люди определенной идеологической ориентации: «общественные деятели», оппозиционно настроенные литераторы, неофициальные художники — т.е. гуманитарии, в прошлом политически активные и своей активности при переезде границы оставлять не желавшие. С предыдущими волнами эмиграции они почти не смешивались, за исключением разве что «возвращенцев» — тех, кто после войны, взяв советский паспорт, покинул Францию (или был из нее выслан) и репатриировался в Россию, а теперь вновь вернулся сюда. Такие тоже были (Кривошеины, Остен-Сакены, Сеземаны, Шетинские), но оставались скорее исключением. В целом же контакта меж «новыми» и «старыми» не получалось, а когда он происходил, то бывал довольно болезненным. В сущности, это легко объяснимо: эмиграция по сути своей бесплодна — ее второе, а тем более третье поколение почти полностью ассимилируется, сохраняя свои национальные особенности лишь в бытовом и религиозном планах. Реальными детьми эмиграции становится, таким образом, следующая волна, и проблема «отцов и детей» возникает неизбежно, уже в силу различий воспитания, жизненного опыта, ценностной шкалы, представлений о покинутой родине. Особенно резкими столкновения делаются, когда и те и другие оказываются на крохотном пятачке «работы на Россию» и стремятся влиять на события в метрополии. Помню, когда я впервые спросил Володю Максимова об отношениях с Никитой и «Вестником», он ответил кратко, но выразительно: «Вооруженный нейтралитет». Зинаида Алексеевна Шаховская, в свою очередь, писала мемуары под многозначительным названием «Невстреча». Когда через пару лет мы вместе с «Континентом» и «Русской мыслью» в попытке объединить русскую общину устроили «Вечер трех эмиграций» — громадный зал Mutualité, находившийся рядом с ИМКОЙ, оказался забит до отказа, но в целом зрелище получилось довольно жалким: никто не слышал друг друга, выступления превратились в череду монологов, единственной связью меж ними было слово «Россия», но при этом понимаемое каждым по-своему: для первых — град Китеж, для вторых — царство зла, для третьих — политический режим, требовавший разрушения. По-видимому, Георгий Иванов все-таки прав: «Что связывает нас? Всех нас? — Взаимное непониманье...»

Определенную роль играли здесь, конечно, национальная принадлежность «третьих» и глубокий внутренний атеизм большинства из них. Это вполне естественно: правила игры, навязанные властью, обусловили легальный выезд из страны в подавляющем большинстве случаев лишь для еврейско-русской интеллигенции, а воспитание советского человека почти исключало наличие у него церковной культуры.

Первое обстоятельство усиливало неизбежную напряженность в отношениях «новых» и «старых» (помню, как на весеннем движенческом съезде 77-го года, где я выступал с сообщением о положении церкви в России, отец Александр Шмеман, ведший заседание, обратился к аудитории с предложением задавать вопросы докладчику, и первый, если не единственный, вопрос последовал от патриарха местного клира — престарелого отца Александра Ребиндера, который, поднявшись со своего места и приблизившись к кафедре, чтобы лучше слышать ответ, спросил: «Вы меня извините, но кто вы по нации будете — уж больно фамилия у вас необычная»).

И тем не менее, настоящим водоразделом стала не столько первая, сколько вторая особенность новых эмигрантов. Несмотря на определенную моду на «религиозные искания», возникшую в семидесятые годы в России, и на естественное стремление новоприбывших прибиться к общей массе родных по языку людей — они либо усваивали чисто внешнюю, ритуально-обрядовую сторону: крещения, реже венчания, посещения храма на Пасху или на Рождество, либо — что было еще хуже — превращались в неофитов со всеми комплексами, свойственными этому состоянию. Но и в первом и во втором случае новички оставались абсолютно чуждыми самому внутреннему механизму жизни «старых» эмигрантов, в значительной мере связанному с церковью. Не стоит принимать сказанное за какой-то оценочный критерий, в мои намерения не входит судить тех или других, я лишь пытаюсь пояснить одну из причин «неслиянности». Для большинства «первых» церковь тоже являлась скорее клубом, местом национальной идентификации, нежели храмом в прямом смысле. Различие скрывалось в другом: религиозная культура прививалась им с детства — в семье, в четверговых школах, лагерях, церковных хорах, в непременно посещении воскресной литургии с личной, а не общей исповедью и следовавшим за ней причастием — все это естественным образом определяло систему координат их мировосприятия, даже если в дальнейшем они полностью уходили от церкви. У «третьих» такая система координат в быту напрочь отсутствовала: они любили порассуждать за водочкой о Булгакове, Бердя-

еве или Флоренском, могли зайти в храм на панихиду, перекрестить лбы, зажечь свечку и даже встать на колени при возгласе «Со святыми упокой...», могли при случае постоять на литургии, но спеть праздничный тропарь, прочесть ежедневное правило или объяснить расположение икон в храме — подавляющему большинству из них было явно не по силам, да и внутренней потребности в этом не ощущалось.

Тот же поверхностный по своей сути процесс «оцерковления» происходит и в нынешней России, где православие стало *de facto* официальной государственной религией, где Патриарх говорит о церкви как о самой массовой (наряду с профсоюзами!) организации страны, батюшки кропят святой водой милицейские «воронки», церковные купола превратились в обязательный атрибут государственной символики, а новая номенклатура, включая президента, считает неперемennым долгом по двенадцатым праздникам отстаивать церковные службы — в свете юпитеров и под объективами снимающего их телевидения...

Пребывание в лагере имело и чисто практические следствия. Из Гренобля я возвращался с одним из постоянных «гостей» — Мишей Сологубом, моим сверстником, внуком Бориса Константиновича Зайцева, экономистом, преподававшим в университете и писавшим тогда свой докторат. Жена его Катя Лопухина с детьми оставалась в лагере, и, зная о ~~моей~~ бездомности, Миша предложил мне на время своей холостяцкой жизни поселиться у них в Бурла Ренн — южном предместье Парижа. Я принял это с благодарностью и почти три недели провел в их доме, после чего Никита устроил меня к своей матери Екатерине Андреевне, в старую, потемневшую от времени запущенную квартиру на рю Эрланже, где вырос и он сам. В его детской я и поселился. Что же до Миши, то он впоследствии стал моим гарантом при найме первой собственной квартиры — крохотной меблированной студии у подножия Монмартра, рядом с лицеем Кондорсе (гаранта требовали хозяева, поскольку я не мог доказать своей платежеспособности, да и документы у меня были еще временные...)

Никите я позвонил сразу по возвращении и на следующий же день отправился в Villebon-sur-Yvette. И он и Маша были полностью в курсе лагерных дел — по рассказам Кирилла, совершавшего постоянные поездки Гренобль—Париж и обратно. Оба весело подтрунивали над моими «романами», над тем, что я окончательно споил всех «гостей» и приучил их к варварским песням Высоцкого, но в целом было видно, что «смотрины» удались...

Сами они назавтра уезжали отдыхать на Лазурный берег, правда, ненадолго — недели на две. Что до меня, то лагерная моя эпопея завершилась, и я снова провисал, не слишком понимая, как жить дальше. Формально я еще мог вернуться в Италию к отцу Нилу, до истечения срока моего временного паспорта оставался месяц. Но делать этого не хотелось. Да и Никита уговаривал оставаться в Париже, убеждая, что все как-то образуется — есть Земгор, и можно будет достать у старушки Недошивиной стипендию на первое время, есть Давыдов — и можно попытаться найти преподавательскую работу в каком-нибудь лицее... главное — не падать духом, в конце концов все устраивается. Отбыв на отдых, он передал мне записку, развивавшую ту же тему: «Дела много, делателей мало...»

***

И я решился. Прежде всего это означало, что надо легализоваться — получить беженский статус во Франции. Я отправился на бульвар Капуцинов, 33, где находилось тогда бюро Международного комитета по беженцам. Фауст встретил меня с удивлением и в ответ на высказанное желание остаться во Франции — назвал сумасшедшим. (Через пятнадцать лет, когда я сообщу приятелю — Ричарду Дэвису, британскому слависту и хранителю русского архива в Лидсе, о своем намерении переехать в Россию, — Ричард ответит более развернутой формулой: «Володя, по-моему: а. вы сошли с ума, б. полностью сошли с ума и в. окончательно сошли с ума».) Но поскольку желание было высказано вполне твердо, Фауст запросил мое дело из Рима. Оказалось, однако, что оно уже ушло в Штаты, куда мы с Радой получили въездную визу и где я давно должен был находиться. Ситуация становилась нестандартной, что затрудняло любые демарши перед французскими властями. Ко всему прочему, в Италии у меня украли сумку с выездной визой из Союза — единственным документом, подтверждавшим мое советское происхождение. Теперь на руках у меня был лишь итальянский паспорт, хоть и временный, хоть и для иностранца — но все же вполне официальный документ, выданный властями западной демократической страны, в которой я, по существующей практике, и должен был просить убежище.

Тем не менее, я отправился в городскую префектуру, находившуюся против Нотр-Дам, и на последующие три месяца почти ежедневные хождения туда, выстаивание в громадных очередях, состоявших из таких же иностранцев — по большей части черных и арабов, мучительные беседы с полицейскими чиновни-

ками, не желавшими говорить по-английски, и заполнение бесчисленных анкет — стали непрременным ритуалом моей парижской жизни. В конце концов мне удалось получить временный вид на жительство, а затем и статус политического беженца, но должен сказать, что даже в такой открытой и в целом доброжелательной стране, как Франция, процедура эта чрезвычайно тяжела и унизительна. В последующие годы мне часто доводилось ходить в Парижскую префектуру с новоприбывшими друзьями и знакомыми, служа для них переводчиком, и посещения эти не раз завершались слезами, а то и настоящими истериками раздавленных собственной беспомощностью новичков, которых приходилось отпавивать в ближайшем кафе, успокаивая и приводя в чувство.

Все остальное время я продолжал бегать по людям, пытаюсь найти хоть какое-то занятие. Это оказалось не просто. Журналистские заработки были смехотворны, если вы не состояли на штатной службе, получить же постоянное место в «Русской мысли» или на «Свободе» (Международное французское радио, закрытое в 74-м году, тогда еще не возобновило своей деятельности) считалось практически невозможным. Что до преподавания языка, то на ближайший год оно исключалось, поскольку заявки на такую работу претенденты подают в Управление лицеев и университетов до конца апреля, а результаты конкурса становятся известны в августе, то есть на предстоящий учебный год все вакансии уже были заняты. К тому же до полной легализации и получения французских документов об этом не приходилось говорить всерьез. Пообщавшись со старожилами, я несколько скис: ни Ефим Григорьевич Эткинд, сильно остывший к планам создания Русского университета, ни Мария Васильевна Синявская, которая в то время вела на «Свободе» собственный журнал «Мы за границей», ни Александр Аркадьевич Галич, ни Володя Максимов — ничего конкретного посоветовать не могли. Еще более скептически смотрели на мою парижскую будущность эмигранты первой волны, занимавшие «официальные» посты. Виктор Ризер, начальник парижского бюро «Свободы», принял меня чрезвычайно ласково, был мил и обходителен, накормил прекрасным обедом в ресторане у Сен Жермен де Пре и даже обещал помочь в получении вида на жительство, но в том, что касается работы, ограничился лишь общими советами и жалобами на трудность нынешней ситуации. Куда более категорично высказался Макс Ефимович Раллес, возглавлявший исследовательский отдел «Свободы». После часовой беседы в своем просторном бюро на бульваре Распай, великолепно обставленном мягкой кожаной мебелью, — он вполне откровенно заявил, что не видит для меня места

в Париже и советует отправляться в Штаты, пока моя въездная виза еще действует...

Рассчитывать на работу в чисто французской среде без знания языка не приходилось. Оставалось либо попробовать прибиться к какой-нибудь крохотной и нишей русской организации, которых тоже было в городе наперечет, — библиотеки, антикварные и книжные магазины, рестораны, — либо искать технические переводы. Последний вид заработка был довольно распространен среди эмигрантов в 70-е; кажется, он не утратил своей привлекательности и до сего дня.

Такая работа вполне прилично оплачивалась, а в удачном случае давала реальную финансовую независимость. Правда, рынок труда был крайне ограничен (торговля с Советским Союзом в те годы переживала не лучшие времена), так что пробиться на него считалось почти невозможным. Подавляющее большинство заказов от французских фирм сосредоточили в своих руках несколько крупных переводчиков, давно занимавшихся этим делом, наладивших личные контакты с большими компаниями и державших целую армию «рабов» из новоприбывших, которым за половину, а то и за треть цены отдавали «субподряды». Последним оставалось соглашаться на работу по-черному, к тому же почитая ее за счастье. Такое положение объяснялось просто: непосредственные связи с западными компаниями возможны лишь на легальной основе, что предполагает оформление статуса независимого переводчика, регистрацию в бесчисленных фискальных и социальных ведомствах, уплату всевозможных налогов и сборов. А это, в свою очередь, требует наличия официального вида на жительство, беженских документов, постоянного жилья и, естественно, приличного знания французского языка — одним словом, массы вещей, недостижимых для новичка в первые год-два. Поэтому даже статус «негра» считался необычайной удачей, и за него велась непрерывная борьба: предложение значительно превышало спрос, и если вам везло, и вы получали работу, то шла она буквально на износ. Переводы осуществлялись в последний момент, после заключения контрактов и непосредственно перед поставками оборудования, а потому необходимо было выполнять их крайне быстро, и когда на вас сваливался серьезный заказ, вы пахали буквально сутками, засыпая на диктофоне и просыпаясь на пишущей машинке. Это отнюдь не метафора, и чтобы пояснить ритм подобной работы, замечу, что в последующие годы нам с Радой приходилось делать до пятисот страниц в месяц. Нечего и говорить о том, что отказываться от предложенного перевода не рекомендовалось, поскольку вместо вас работу тут же получал кто-

либо другой, а вы почти автоматически выпадали из числа постоянных «негров» — и оказывались в исходной точке...

Переводческой деятельностью подрабатывал в то время и Марамзин, получавший заказы от Нины Деранти — несколько странной и чрезвычайно прижимистой дамы, с которой в дальнейшем сотрудничала и Рада, а одно из замечательных mots которой вошло у эмигрантов в поговорку: не желая расплачиваться за выполненную работу и всячески оттягивая этот мучительный для нее момент, Нина любила повторять: «Понаехали тут всякие евреи и считают, что я им деньги должна». Мне с ней сработаться не удалось, зато с другим крупным переводчиком — Володей Слепяном — мы вполне сошлись. Его телефон дал мне все тот же Марамзин, чьи переводы Слепян когда-то забраковал.

Эта фигура, необычайно колоритная даже на парижском фоне, заслуживает более подробного рассказа. Московский художник-авангардист, возглавивший депутацию таких же, как он, неформалов к Давиду Бурлюку, когда «отец русского футуризма» приезжал в Советский Союз, Володя Слепян появился в Париже еще в шестидесятые, когда ни о какой эмиграции и речи не было. Помыкавшись годик-другой среди художников и осознав, что спроса на его живопись нет и не предвидится, он вспомнил о своей «доисторической» профессии на покинутой родине, записался в Сорбонну, прослушал курс математических лекций, а затем начал заниматься техническими переводами, в значительной мере связанными с информатикой. Сам он переводил с французского, однако не отказывался ни от каких работ, и когда попадались тексты на английском и иных языках, отдавал их на сторону.

Жил Володя в гигантской, чуть не двухсотметровой квартире, занимавшей почти целый этаж в доме на бульваре Сен Жермен, неподалеку от Национального собрания. Адрес в одном из самых аристократических районов Парижа, по-видимому, поднимал престиж переводческой конторы, а ее хозяину должен был придать некоторую уверенность в себе, каковая была ему явно необходима. Когда я встретился с ним впервые, он чрезвычайно боялся консьержки и соседей по дому, избегал ближайшего кафе, где официанты казались ему слишком заносчивы и недружелюбны, предпочитая более демократическое — чуть не за квартал, и вообще производил впечатление человека крайне робкого, напуганного чем-то на всю жизнь и явно не понимающего, как он оказался в этой квартире. Последняя тоже являлась собой зрелище довольно необычное: огромные гулкие комнаты, куда почему-то забыли завезти мебель. Звуки скрадывались лишь толстенным пушистым ковролином красного цвета, покрывавшим весь пол.

Поднявшись на третий этаж, вы попадали в абсолютно пустой холл с прекрасной свисавшей с потолка люстрой; далее — в приемную, с колченогим журнальным столиком и одним креслом, затем шел кабинет — письменный стол и два стула, в соседней комнате — китайский лаковый шахматный столик с расставленными фигурами и более ничего, в гигантской столовой — необъятных размеров обеденный стол и один стул, на котором сидел маленький, сгорбленный, заросший, небритый человечек, с черными обкусанными ногтями, в поношенном вельветовом пиджаке и несвежей сорочке, и куда *femme de menage* время от времени приносила из таинственных глубин необъятной квартиры тарелку с очередным блюдом... Кстати, разделить с ним трапезу дома Володя за все годы знакомства и совместной работы так ни разу меня и не пригласил — то ли за отсутствием второго стула в комнате, то ли из соображений экономии...

При всех своих странностях, бесчисленных маниях и фобиях, был он человеком добросердечным, совестливым, честным и безусловно творческим — набор качеств, которые не слишком способствуют успешным занятиям коммерцией. В конце концов это его и погубило. К сожалению, косвенно приложил в этому руку и я.

Кажется, летом 79-го Володя как-то пришел ко мне в ИМКУ со странным предложением: купить его дело. Сам он просто физически не мог больше заниматься переводами — при взгляде на текст у него начинались головокружения и к горлу подступала тошнота. Такое бывает, я знал это по себе: каждый раз, получая новый заказ, два или три дня я должен был уговаривать себя взяться за перевод, преодолевая отвращение к лежащему на столе фолианту и чуть ли не привязывая себя к стулу. Правда, когда работа все-таки начиналась, тошнотворное чувство отступало — до следующего раза. У Слепяна был явный перебор, причем столь сильный, что он вообще хотел сменить профессию. Володя готов был за сравнительно небольшую сумму уступить свою клиентуру и создать новую фирму, куда сам он собирался войти лишь на ролях соучредителя и начальника маркетингового отдела, что было крайне важно при его многолетних связях с крупными французскими компаниями и чиновниками, от которых зависело распределение заказов.

К тому времени я уже отошел от постоянной переводческой деятельности, сохранив связи лишь с бюро Организации Объединенных Наций в Женеве, для которого изредка выполнял заказы. Сделавшись директором ИМКИ, я, исключая преподавание в Институте политических наук, полностью отдавался редакционно-

издательской работе, которую любил безмерно и которая занимала все свободные валентности. Но я вспомнил о Марамзине, в то время отчаянно бедствовавшем и готовом даже переехать в другую страну (речь, помнится, шла об Италии), если там найдется приличная работа. Для него создание совместного со Слепяном дела было бы спасением. Я предложил Володе создание фирмы «на троих», где Марамзин стал бы управляющим и вел повседневную работу, Слепян занимался бы своим делом, а я, внося первоначальную сумму, имел бы гарантированные заказы, если таковые когда-нибудь потребуются (Рада, уже работая в ИМКЕ, продолжала делать переводы). Володя ухватился за этот вариант. Мы отправились к Марамзину, который, конечно же, с восторгом принял предложение. До юридического оформления предприятия в течение почти месяца мы колесили по Франции, и Слепян везде представлял его как нового директора переводческого бюро. Происходило это, кажется, в сентябре. Затем я вернулся к издательским обязанностям, а в начале декабря Слепян прибежал ко мне до крайности взвинченный и стал жаловаться на Марамзина: тот тратит казенные деньги, как свои, противится разделению банковских счетов, не ведет никакого бухгалтерского учета — так дело вести невозможно, все неизбежно кончится банкротством и скандалом, надо срочно что-то предпринимать... Попытка «что-то предпринять» завершилась полным разрывом отношений. После разговора с Марамзиным тот прислал мне на редкость грубое, едва ли не матерное письмо, в котором уведомлял, что дальнейшее сотрудничество не считает возможным, возвращает внесенные мною деньги и прекращает всякие контакты. В начале года такое же уведомление получил Слепян, а поскольку до юридического оформления компании соучредители так и не добрались и все договоренности — в лучшей русской традиции — носили лишь устный характер, изменить он уже ничего не мог: дело полностью перешло к Марамзину, а бывший его владелец остался без работы и практически без средств к существованию. О квартире на бульваре Сен Жермен можно было лишь вспоминать, жил теперь Володя в микроскопической комнате для прислуги — семиметровой мансарде со скошенным потолком, абсолютно пустой, если не считать валявшегося на полу матраса, колченогой тумбочки у окна да каких-то остатков одежды, висевших на вбитом в стену гвозде. Бедствовал он ужасно, но к переводам возвращаться не желал или не мог решиться начинать все сначала. Иногда заходил ко мне в издательство — несчастный, оборванный, жалкий — поговорить, выпить чашку кофе или позавтракать, стрельнуть три-четыре сотни франков... Помочь ему чем-то более существенным

я, увы, не мог. Одно время он пытался стать фоторепортером, затем я иногда встречал его на террасе «Клозери де лила», где Володя часами сидел перед чашкой кофе или стаканом лимонада, постоянно записывая что-то в блокнот. Результатов этого творчества à la Хемингуэй мне видеть не приходилось, во всяком случае, в печати. К концу восьмидесятых Слепян окончательно исчез из поля моего зрения... Что же до Марамзина, то, спровадив Самсона Силыча в долговую яму, наш Лазарь Елизарыч купечествовал всласть, забросив литературные труды и сменив ценности духовные на более осязаемые — материальные. Кажется, он продолжает, хотя и сильно полиняв, купечествовать по сей день, во всяком случае, несколько моих знакомых на него по-прежнему работают.

Но тогда — в первый год моей парижской жизни — Володя Слепян был еще в зените своей переводческой карьеры. Он дал мне на пробу несколько страниц английского текста, остался доволен результатом, но предупредил, что сможет предоставлять работу более или менее постоянно лишь при наличии у меня пишущей машинки IBM: форма переводов стандартизована, и необходимо либо иметь собственную IBM со съемными головками, либо пользоваться услугами профессиональной машинистки. Сам Володя советовал приобрести машинку и диктофон, объяснив, что несмотря на относительную дороговизну оборудования (то и другое стоило около двух с половиной тысяч долларов), я почти ничем не рискую: фирма IBM полностью компьютеризована, и первые полгода после покупки напоминания об оплате будет автоматически выдавать машина, а к тому времени, когда дело дойдет до реального инспектора, я уже достаточно заработаю, чтобы расплатиться за все сразу. Трудность заключалась лишь в том, чтобы найти организацию, которая согласится сделать заказ вместо меня, и тем самым избавиться от необходимости предварительной оплаты. Такой организацией после разговора с Никитой стала ИМКА, закупившая все оборудование, и, водрузив машинку на письменный стол в детской на рю Эрланже, я часами тренировался в слепой печати — практика, необычайно пригодившаяся впоследствии, когда пришлось самому набирать книги...

Володя оказался совершенно прав: к концу года я смог не только полностью расплатиться за оборудование, но снять собственную квартиру, наладить минимальную помощь в Союз и даже отправлять деньги в Филадельфию, где жизнь оказалась отнюдь не столь безоблачной, как представлялось Раде в Италии.

К марту 77-го Рада наконец решила и переехала во Францию, чему была несказанно счастлива, с первого взгляда и навсе-

гда влюбившись в Париж. Почти сразу включилась она и в нашу переводческую деятельность, в коей очень быстро меня превзошла, что вообще характерно для Рады: будучи по природе консервативной и предельно в себе неуверенной, она мучительно и с каким-то суеверным ужасом входит в любой новый род занятий, но чрезвычайно быстро и хорошо его осваивает и до следующей перемены чувствует себя в нем, как рыба в воде, после чего история обычно повторяется. Так было с переводами, которые в первые месяцы она воспринимала как наказание Господне, так было в издательстве, где она поначалу всего боялась, так было и на Французском международном радио, когда после увольнения из ИМКИ и задолго до начала реальной работы у микрофона мне приходилось чуть не силой заставлять ее делать для тренировки обзоры печати или сводки последних известий по приносимым домой депешам...

К лету мы уже переехали в нормальную трехкомнатную квартиру в замечательном месте — на рю Паскаль — южной оконечности Латинского квартала, в двух шагах от Тургеневской библиотеки и двадцати минутах ходьбы от ИМКИ, причем ходьбы самым живописным путем: по рю Муфтар, чьим продолжением, собственно, и являлась наша улица, а началом (после крохотной, огибавшей Политехническую школу рю Декарт) — улица горы Святой Женеьевы, где расположено издательство. Это район сорбоннских студентов и артистической богемы. Он дивно описан Хемингуэем в «Празднике, который всегда с тобой», и хотя с двадцатых годов он сильно изменился, а в последние лет пятнадцать очень подорожал и сделался отвратно респектабельным, нам еще довелось застать его почти в нетронутом виде, со старыми прокопченными домами, с чудной и запущенной пляс Контрескарп, где у фонтана под деревьями на теплых вентиляционных решетках круглый год жила компания клошаров, с россыпью маленьких ресторанчиков и кафе, с разрушенным ныне старым «Театром Троглодитов» в центральной части улицы и, вероятно, самым красочным парижским рынком Муфтар в южном ее конце. На пляс Контрескарп по праздникам устраивались народные гулянья и танцы, на воздвигавшейся по случаю эстраде играл импровизированный муниципальный оркестрик, а в конце улицы в церкви Сен Мидар весь год почти еженедельно проходили концерты старинной музыки... Именно здесь, в греческих ресторанчиках, куда после работы мы заходили с Радой и Юрой Николаевым выпить реттины и закусить острым овечьим сыром, в кафе «Мэйфлауэр», на рынке, где в рыбных лотках ползали живые крабы и омары, а молочные, мясные и зеленные лавки ломились от всех умопо-

мрачительных чудес французской гастрономии, где в африканском ряду, сегодня напрочь исчезнувшем, мы учились отличать маниоку от папайи и таро от макабос, — я окончательно примирился с городом, почувствовал и полюбил его. Здесь прожили мы, возможно, самые счастливые парижские годы, когда окружающий мир еще сохранял ослепительную свежесть и красочность, иллюзии оставались в самой поре цветения, предельно наполненная жизнь ощущалась как праздник, а любимое дело было только в радость, не омрачаясь никакими посторонними обстоятельствами...

***

Переводческая работа имела и еще один плюс: в ней отсутствовала регулярность, то есть вам не требовалось постоянно ходить в присутствие и высиживать от звонка до звонка: вы либо пахали сутками, либо были совершенно свободны до получения следующего заказа, а поскольку плата за страницу текста, даже уполовиненная, была довольно высока (в те годы Слепян платил 65 франков), то крупный перевод обеспечивал два-три месяца нормальной жизни.

Все свободное время я целиком посвящал ИМКЕ и Движению, а также разбору шестовского архива, который младшая дочь философа — Наталья Львовна — готовила тогда к сдаче в библиотеку Сорбонны. Жила она с мужем Владимиром Николаевичем Барановым в Robinson, маленьком местечке в южном предместье Парижа, где старики имели собственный двухэтажный дом с великолепным спускавшимся по склону холма садом, откуда открывался, особенно в ясную погоду, восхитительный вид на город. В Шестова я тогда (да, пожалуй, и теперь) был просто влюблен, почитая его, может быть, наряду с Розановым, самым блестящим из русских мыслителей нынешнего века. Еще в Питере настоящим откровением стали для меня «Добро в учении Толстого и Ницше», «Афины и Иерусалим» и «На весах Иова», а уж затем в Италии я буквально проштудировал все, что было собрано в Гоголевской библиотеке.

Находилась библиотека в самом чудном районе Рима: на площади Сан Панталео — крохотной площади прямо на Корсо Витторио Эмануэле между piazzа Навона и кампо ди Фьоре. На последней, оправдывая ее название, располагался цветочный и зеленый рынок, а в центре площади стояла черная, закопченная фигура Джордано Бруно, у ног которого ежедневно сжигали мусор, заставляя несчастного еретика гореть буквально на вечном огне.

Управлял библиотекой Василий Николаевич Дюкин — милейший семидесятипятилетний старик, в прошлом врангелевский артиллерист, затем — галлиполиец, чернорабочий на греческих и итальянских шахтах, солист казачьего хора и еще бог знает кто. Теперь, на склоне лет, он делил жизнь между заботами о библиотеке и о русской церкви на виа Палестро, где подвизался регентом и чью маленькую общину раздирали нешуточные страсти — в борьбе за влияние на престарелого отца Виктора Чернышева. Был Василий Николаевич высок и строен, сохранял офицерскую выправку и твердые принципы, например, никогда не пил раньше полудня — времени, когда он обычно появлялся в библиотеке, перед чем непременно заходил в бар на Корсо Витторио Эмануэле за чашечкой кофе и рюмкой-другой граппы. Библиотеку он обожал, ухаживая за ней с такою же трогательной и ревнивой заботливостью, как за своей женой Евгенией Альбертовной: полы в комнатах всегда были наводнены, на столах — ни пылинки, книги расставлены по ранжиру на полках и в шкафах, портреты Государя-императора и всей царской фамилии — в подобающем порядке развешаны на стенах. Особую заботу проявлял Василий Николаевич о переплетах, которые ему, человеку военной закалки, казались, видимо, столь же неременной принадлежностью книги, как для офицера — застегнутый на все пуговицы мундир. В отдельной укромной комнатке, куда посетители обычно не допускались, на столах были сложены стопки книг и журналов, предназначенные для переплетных работ, а на стеллажах стояли убранные с глаз подальше книги Солоневича, Дикого и всевозможные брошюры антисемитского содержания. Нечего и говорить о том, что Василий Николаевич был монархистом до глубины души и последнего вздоха и в начале массовой эмиграции никак не мог опомниться, когда в библиотеку в качестве постоянных читателей и посетителей повалили всевозможные рабиновичи, каценельсоны и блюмштейны. Правда, к моменту нашего появления в Риме он уже успел смириться с этой странной неизбежностью и даже начал различать в массе новоприбывших отдельные лица, а в Раду, которая, по просьбе Саша Тимофеева, входившего в правление библиотеки, привела в порядок генеральный каталог, — просто влюбился, буквально оплакивая ее приближавшийся отъезд в Штаты.

В прохладных комнатах библиотеки с деревянными резными потолками, гулкой тишиной и каким-то особым запахом, настоящим на воске и старых книгах, проводили мы почти ежедневно время римской сьесты, когда раскаленный город замирает до четырех пополудни, чтобы вновь ожить в предвкушении вечерней прохлады. Рада занималась библиографическими карточками, я

кропал какую-нибудь очередную статью, просматривал журналы и книги, либо просто потягивал вино с Юрой Николаевым — ленинградцем, жившим в Риме уже два года, работавшим здесь библиотекарем и фактически заместителем Дюкина...

Увы, недолге после нашего отъезда патриотические чувства попечительского совета возобладали, что и стало несколько лет спустя причиной гибели одного из старейших книгохранилищ русского зарубежья, существовавшего с начала века и включавшего в свое собрание около двадцати тысяч томов. Кажется, году в 77-м или в конце 76-го в Риме появился Евгений Вагин, проходивший некогда по делу ВСХСОН, — монархист, истинный патриот, молодец, удалец и вообще рубаха-парень, окладистой бородой и горящим взором напоминавший не то Федора Михайловича Достоевского, не то Григория Ефимовича Распутина, а рассказами об Игоре Огурцове и «русской идее» будивший в попечителях надежды на «скорое духовное возрождение России». Для характеристики его образа мыслей приведу лишь один анекдотический эпизод. В домике при русской церкви во Флоренции была пара комнат, где иногда с разрешения княгини Олсуфьевой останавливались приезжавшие в город эмигранты. Сторож церкви, американец Филлипс, держал специальную книгу, в которую необычные гости заносили свои благодарственные записи. Естественно, подбор фамилий в те годы был соответствующим. В этом альбоме Вагин расписался следующим образом: «Стопроцентному американцу от стопроцентного русского»...

После описанной выше ситуации с каценельсонами и рабиновичами появление «стопроцентного русского» было воспринято римской общиной как знамение, а Вагин, оставшись с женой и дочерью в Италии и устроившись работать на радиостанции «Голос Ватикана» и в венецианском университете, сделан был сначала заместителем, а затем, в связи с болезнью Василия Николаевича, кажется, году в 81-м, — и директором Гоголевской библиотеки. Для последней это оказалось фатальным. Вначале до нас доходили лишь смутные слухи о резком снижении читательского состава и странности новой обстановки на пьядца Сан Панталео да во время наших наездов в Рим жаловался на полную невозможность работы Юра Николаев и грустно вздыхал старик Дюкин. Несчастный Юра с горя запил сильнее обычного, а к концу семидесятых и вовсе расстался с Римом и перебрался в Париж, куда я пригласил его заниматься книжным антиквариатом при ИМКЕ. В 84-м, когда Василий Николаевич совсем сдал, — разразилась катастрофа, принявшая уже отчетливо уголовную окраску. Вагин отказался признавать попечительский совет, закрыл библиотеку,

сменил замки в дверях и начал тайком переправлять книги, иконы, картины и бронзу в Германию. После бесконечных скандалов и выяснения отношений дело дошло до вмешательства полиции. Когда в августе попечители во главе с Дюкиным и Тимофеевым в присутствии комиссара римской квестуры взломали дверь, перед ними предстали пустые полки, картонные коробки с книгами и стопроцентный патриот Вагин с пятидесятипроцентным помощником Немчиновым, паковавшие остатки библиотечных фондов. Через несколько дней полиция произвела обыск у Вагина дома, обнаружив около полутора тысяч еще не отправленных за рубеж книг, часть картин, бронзу и иконы. Более пяти тысяч томов пропало бесследно...

Но, пожалуй, самым запредельным во всей этой дикой истории оказалось то замечательное обстоятельство, что и после разграбления библиотеки Вагин как ни в чем ни бывало остался работать на «Голосе Ватикана» и по-прежнему просвещал своих слушателей на предмет христианских добродетелей, патриотизма, нравственности и русской идеи...

Еще многие годы после этих событий, приезжая в Рим и бродя по любимому городу, мы с тоской глядели на запыленные, мертвые окна второго этажа дома на пьядца Сан Панталео — бывшие окна Гоголевской библиотеки...

Если вернуться после этого грустного отступления в Robinson, то работа моя с шестовским архивом состояла главным образом в составлении аннотированного каталога рукописей, а заодно — копировании всех неизданных фрагментов, которые я незамедлительно тащил в «Вестник». Что же до Натальи Львовны, то с ней и с ее мужем мы подружились и в дальнейшем поддерживали самые теплые отношения: уже после ухода из ИМКИ я издал подготовленную ею двухтомную биографию отца по шестовской переписке и воспоминаниям современников, а позже опубликовал в «Минувшем» неизданного «Плотина» и гершензоновские письма к Шестову. Еще в «Вестнике» хотел я напечатать и брошюру Льва Исааковича «Что такое русский большевизм?», весь тираж которой в двадцатые годы сразу по выходе в берлинских «Скифах» был уничтожен директором издательства Евгением Лундбергом, перепугавшимся остроты шестовской книги. Однако в те годы Наталья Львовна воспротивилась изданию, сославшись на то, что у Владимира Николаевича родственники в Союзе, что они туда время от времени ездят и не хотели бы слишком портить отношения с властями. «Вот перестанем ездить — тогда и опубликуете...» К сожалению, это уже не осуществилось. После смерти Баранова

родственники Натальи Львовны переселили ее в дом престарелых в Кошан, и все вопросы об издании материалов постепенно перешли в их руки, что обычно затрудняет любые деловые контакты. Это, впрочем, естественно: если дети ощущают недавнее прошлое вполне живым и нередко посвящают жизнь разбору и публикации наследия великих отцов, то третье поколение чаще всего оказывается в иных условиях: с одной стороны, уже мало понимает в существовании дела, а с другой — убеждено, что «сидит на золоте»... Кончилось все тем, что брошюру по одному из немногих сохранившихся экземпляров напечатал в Мюнхене Кронид Любарский, кажется, даже не испрашивая разрешения у наследников...

***

Но основным занятием оставались для меня, конечно, Движение, «Вестник РХД» и ИМКА. В Движении я вел театральную группу и историко-литературный кружок, собиравшийся раз в две недели сначала на рю Оливье де Серр, а затем на рю де Бернарден — меж бульваром Сен Жермен и набережной Сены, в доме, принадлежавшем католическому колледжу.

С театральной группой мы подготовили к весне тургеневского «Нахлебника», которого и представили в мае в большом зале в Issy les Moulinaux, вызвав некоторый ажиотаж в русской публике и прессе. (Последнее, правда, свидетельствовало скорее не о качестве постановки, а об общественном голоде на подобные события. Что же до качества, то после представления Толя Шагинян заметил, что предпочел бы вовсе ничего не ставить, нежели выпускать подобные спектакли. С профессиональной точки зрения, он, вероятно, был прав и в полном согласии со своими убеждениями все парижские годы ограничивался «режиссурой» на «Свободе»... Но что же делать, если с актерами-профессионалами в Париже в то время было туго: ни Круглые, ни Саша Курепов, ни Толстый еще не появились, да и после их приезда о русских театральных постановках ничего не было слышно — вплоть до того, как за дело в начале 90-х взялся такой же любитель Алеша Хвостенко, устроивший несколько веселых представлений в созданном им художественном сквате. По-видимому, один профессионализм еще не решает проблемы...)

Что до историко-литературного кружка, то на его заседания публики собиралась вполне разношерстная: от молодых движущих до самых древних стариков, приходивших либо по многолетней привычке посещать все культурные мероприятия русской общины, делавшиеся за последние годы все более редкими, либо из

любопытства — послушать заходящих знаменитостей (вроде Пьера Паскаля, Володи Максимова, Алика Гинзбурга и т.д.), коих я приглашал время от времени для поддержания интереса слушателей...

Вообще кружки являлись одним из главных направлений работы РСХД: они помогали собирать вокруг Движения довольно значительную группу людей не только на время летних каникул, но и в продолжение всего года, вовлекая их одновременно и в круг движенческих идей, и в каждодневную деятельность по их непосредственной реализации, — как бы воссоздавая тем самым живую, саморазвивающуюся среду, что некогда принято было называть в России христианской общественностью. Среди кружков были и патристический, и социальной помощи, и иные. Устраивались и общедвиженческие мероприятия: осенний и весенний съезды, киносеансы, всевозможные лекции и праздничные сборища... Если добавить к этому приходскую работу, имевшую четкую церковную направленность, но так же органично входившую в движенческую жизнь, добавить возглавлявшийся Кириллом Ельчаниновым фонд, четверговую школу, издание журнала и всю деятельность ИМКИ, стоявшей несколько поодаль, но юридически и идейно принадлежавшей Движению, то делаются ясными роль и место РСХД в русскоязычном Париже.

Особенно очевидным становилось это на фоне общего угасания «староэмигрантской» общественной жизни. Не говоря уже о баснословных предвоенных временах, когда Париж был столицей русского рассеяния, даже пятидесятые годы казались цветущими в сравнении с более поздними. Причины тут были и чисто биологического свойства — старение и физический уход из жизни множества социально активных людей, и демографические — переезд значительной массы эмигрантов из нищей и разоренной Европы в Соединенные Штаты в первые послевоенные десятилетия.

Появление «третьей волны» в начале семидесятых и ее активные попытки наладить собственную социальную жизнь оказались не слишком успешными: малочисленность новой эмиграции не давала возможности реально возродить русскую общественность, а специфический состав ее — в основном люди творческие — приводил к заведомой ущербности всевозможных затей: существование культуры требует наличия отнюдь не одних творцов, но в не меньшей степени и потребителей. Отсутствие последних создает безвоздушное пространство, в котором культурная жизнь неизбежно задыхается и вместо естественных путей развития обречена на паллиативы. Для «первых» это оборачивалось либо полным замыканием на себе (как было, например, с Русским мор-

ским собранием: наведавшись туда несколько раз в поисках биографических справок, нужных для подготовки колчаковских материалов, я обнаружил в прекрасном, отлично сохраненном доме — лишь нескольких глубоких стариков — бывших гардемарин, почти ничего не помнивших и ничем связанным с покинутой родиной не интересовавшихся; единственным, кто смог дать мне хоть какие-то сведения, оказался сын адмирала Развозова, хранивший память об отце), либо — в лучшем случае — попытками наладить связи с «единомышленниками» в метрополии. Для «третьих», наоборот — стремлением к интернационализации, когда региональный анклав заменяется всемирным, издания на иностранных языках ценятся больше, чем на своем собственном, а любым конференциям или собраниям натужно придается статус международных съездов и симпозиумов (чтобы убедиться в сказанном, достаточно взглянуть на состав редколлегии парижского «Континента» или на провалившуюся попытку создания «Интернационала сопротивления»).

Отсутствие собственной компактной среды, включающей массового потребителя культуры и своих же меценатов, неизбежно приводит еще к одному, поистине роковому обстоятельству: финансовой удавке и поискам «спонсоров» в иноязычном окружении, чаще всего государственном или достаточно тесно с государством связанным (в большинстве случаев — с Соединенными Штатами как страной, наиболее богатой и по геополитическим соображениям заинтересованной в подобного рода деятельности). Чем это оборачивается, нетрудно понять: выколачивание грантов и дотаций становится условием *sine qua non* самого существования эмигрантских органов печати или общественных организаций и настолько прочно входит в сознание, что представляется уже естественным порядком вещей, а социальная значимость самих изданий определяется в большой мере стабильностью и размерами добываемых субсидий, которые, понятное дело, редко бывают совершенно бескорыстными. Нет нужды говорить и о том, насколько это противоестественное положение разлагает эмигрантскую среду, ломает людей, уродует и мертвит весь культурный процесс...

***

В РСХД, во всяком случае, в середине семидесятых, когда я в нем появился, — ситуация была несколько иной: хотя упомянутые биологические факторы чувствовались и здесь, — оно еще не окончательно заостенело. Вероятно, причины столь необычной для

эмигрантской организации «живучести» следует искать в самой изначальной идее Движения, заложенной еще отцами-основателями — Булгаковым, Бердяевым, Зандером, Зеньковским — и восходившей к русскому религиозному возрождению начала века, вслед за Владимиром Соловьевым осознавшему вселенскость церкви и вселенскость христианской культуры, воспринимаемой как процесс ежедневного воцерковления жизни. Сочетание религиозной и культурной составляющих, понимаемых таким образом, спасало Движение от двух самых распространенных опасностей: ухода в национальную замкнутость, столь обычного для множества «первоэмигрантских» организаций, и крайней политизации любых культурных начинаний, характерной для «вторых» и «третьих».

Хотя деятельность Движения со времен войны сильно сузилась географически (отпали все прибалтийские и центральноевропейские его ветви), в семидесятые годы оно еще чувствовало себя вполне интернациональным. Поддерживали это ощущение и постоянные встречи с экуменическими организациями во Франции и во всей Европе, и контакты с зёрновским Содружеством святомученика Албания и преподобного Сергия Радонежского в Англии, и тесные связи с Американской автокефальной церковью (достаточно сказать, что владыка Сильвестр — архиепископ Монреальский и Канадский, был председателем Движения, а отец Александр Шмеман — декан Свято-Владимирской семинарии под Нью-Йорком и один из фактических строителей православной церкви в Соединенных Штатах — его вице-председателем)... Это вполне естественно: перечисленные выше лица (и не только они) были в прошлом, да и в настоящем, — активными движенцами (скажем, Николай Михайлович Зернов — одним из первых редакторов «Вестника») и сохраняли верность своей молодости и движеническим идеалам. К этому добавлялись дружеские или родственные связи, с давних лет соединявшие большинство из них. По существу, Движение составляло как бы одну большую, разбросанную по всему свету семью, ощущавшую свою кровную (или духовную) связь с парижским центром и при всей неровности отношений, при всех коллизиях и драмах, разрывах и отпадениях, неизбежных в любой семье, эту связь любовно хранившую...

Именно такое ощущение «семьи» было для меня наиболее сильным в те годы. Возникло оно уже в лагере, а по возвращении в Париж укреплялось с каждым днем — по мере общения с Никитой и все более тесного вхождения в РСХД. (Впоследствии мне пришлось познакомиться и с оборотной стороной этого «семейного» уклада...) Помню нашу первую довольно едкую пикировку

с Марией Васильевной Синявской — в кафе на авеню Рапп, где находилось тогда парижское бюро «Свободы». Она только что закончила монтаж своего журнала, а я вышел от Ризера. Мы отравились чего-нибудь выпить, и в продолжение часа Маша на правах старожилки доказывала мне, сколь отвратительны «первые», в особенности «клерикалы и ханжи, как ваш Струве», и насколько важно противопоставить им свои культурные начинания. А я, только недавно вернувшийся из Сен Теофре, с горячностью неопита защищал честь вновь обретенной семьи, пытаюсь убедить собеседницу в том, что сеять при дороге бессмысленно, и гораздо плодотворнее найти общие точки с Движением и ИМКОЙ, за которыми полувековые корни, философская традиция и едва ли не единственная на сегодня конструктивная идея, возможно, более всего нужная в России...

И все-таки даже столь необычные внутренние связи, скорее всего, не уберегли бы Движение от неизбежной судьбы эмигрантских организаций, не будь еще одного обстоятельства: попытки выхода за собственные пределы — «открытие» в сторону метрополии. Это не поиск мифических «единомышленников», чаще всего подставных (на чем горели все: от Шульгина и Савинкова, евразийцев и младороссов — до НТС), а поиск реальной страны во всей ее непохожести ни на град Китеж, ни на империю зла, и в ней — отыскание и поддержку всего живого, что могло вселять хоть какую-то надежду на ее будущее, особенно в сфере христианской культуры...

В этой попытке «открытия к России», безусловно, неопенима роль Никиты Алексеевича Струве. Начиная с середины шестидесятых годов, с поразительным упорством рыхлил он движенческую почву, отыскивая пути в метрополию и доказывая Совету РСХД и акционерам издательства, что без постоянной живой связи с Россией Движение обречено, — мысль, ставшая в последующие годы для большинства зарубежных организаций азбучной, хотя и недостижимой истиной. Но в 60-70-е такая направленность чаще всего встречала у старой эмиграции полное непонимание: для одних РСХД, а в особенности ИМКА и «Вестник», представлялись «масонской ложей», для других — приложением к церковно-приходским журфиксам (как называли некогда острословы бердяевские домашние собрания). Если учесть, что и само рождение ИМКА-Пресс было связано с иноверческой — протестантской — организацией (Young Men Christian Association), то для ревнителей чистоты православных риз в деятельности издательства всегда ощущался привкус какой-то неортодоксальности и уже в силу этого — подозрительности...

Много раз задавался я вопросом: почему именно Никита стал настоящим мотором этого процесса открытия в сторону метрополии? Ну, допустим, счастливое стечение обстоятельств: семейная традиция (дед и дядя), знакомство с Ахматовой, через нее, а затем в еще большей степени через Надежду Яковлевну Мандельштам — выход на Солженицына, на московских и питерских интеллигентов... Ну, крушение Чеховского издательства, пришедшее на эти годы и буквально вытолкнувшее ИМКУ из того круга интересов, что описывался ходившей по Парижу эпиграммой «...отвечает ИМКА — мы издаем одни псалмы»... Но все эти внешние обстоятельства еще ничего не объясняют. Ахматова встречалась в ту зарубежную поездку со множеством людей, в Европе и Штатах действовали и другие русскоязычные издательства, да и тех, кто ощущал необходимость связи с метрополией, было в эмиграции немало, в том числе и в самом Движении...

Никита не был харизматиком, как Солженицын, златоустом, как отец Александр Шмеман, крупным ученым, как Глеб Петрович Струве, или даже работягой, как Борис Андреевич Филиппов. Он плохо говорил, волновался до заикания, выступая перед большой аудиторией, мучительно писал передовицы для «Вестника», любил посибаритствовать, не слишком легко сходился с людьми, обладая репутацией человека едкого и высокомерного, да еще и интригана... Но несмотря на все это, именно ему суждено было на рубеже 60-70-х превратить скромный движенческий бюллетень в серьезный, наиболее читаемый и почитаемый в России тамиздатский журнал, а небольшое, даже по заниженным эмигрантским понятиям, книгоиздательское дело — в легендарную ИМКУ...

Иногда мне казалось, что в основе этого феномена лежала как раз личностная «сглаженность», отсутствие ярко выраженного таланта, темперамента и пристрастий, которые неизбежно увели бы Никиту в научную, общественную или церковную область. Ему всегда было мало какого-либо одного рода занятий, он любил жизнь целокупно, получая удовольствие от самых разных ее проявлений и не заикливаясь ни на каком. Я сказал бы, что в нем открывались черты образованного русского барства (толстовско-левинского типа), хотя Никита был скорее разночинцем (интеллигентом) по своим пристрастиям и склонностям. Но определенная приподнятость над событиями, ровный и довольно поверхностный интерес ко всему, какая-то «онегинская» легкость перехода от одного к другому, определенный гедонизм — не только желание, но и умение получать удовольствие от жизни, — этими качествами (отмечу в скобках: совершенно мне недоступными) он был наделен сполна. По существу, он всегда оставался

дилетантом, не в pejоративном, а в нейтральном значении этого слова, или скорее тем, что во французском языке называется «*touché a tout*» — человек, берущийся за все. Здесь нет ничего ужасного, наоборот, для профессиональной «общественной деятельности» такой склад личности, по-видимому, необходим, даже если по «гамбургскому счету» он остается поверхностным. В сущности, Никита был не творцом, а, скорее, популяризатором. При этом, в силу своего дилетантизма, в любом тексте (письменном или устном) он всегда поднимал планку как можно выше — туда, где детали, требующие практического знания, делаются малозначимыми, зато полет мысли становится упойтельным, слова — завораживающими, а любое утверждение приобретает некий метафизический привкус. Это, на мой взгляд, — вообще глубоко русская черта, в огромной степени свойственная отечественному «образованному обществу» уже в эпоху Великих реформ, а в нынешнем веке — и подавно. Как удалось эмигранту, родившемуся во Франции, сохранить это «посконно-русское» качество — особый вопрос, но оно было присуще ему в высшей степени, равно как и какое-то инстинктивное ощущение России, как бы «поверх реалей». (Вот лишь маленький пример: сидим у нас дома, я ставлю на магнитофон записи Жванецкого — еще молодого, целиком построенного на абсурдистском синтаксисе и лексике брежневских времен; Маша вежливо молчит, не в состоянии уловить смысла, Никита — от хохота сползает со стула...)

Может быть, именно здесь — в этом инстинктивном, «поверх реалей», ощущении страны — и следует искать причины «попадания в десятку», здесь объяснение той необычайной популярности, какой пользовался «Вестник» в 70-е годы у советских интеллигентов, после полувековой амнезии открывавших для себя заново русскую религиозную философию. Имена Бердяева, Флоренского, Булгакова, Франка, Федотова служили паролем для вхождения в «приличное» общество, копавший немного глубже (т.е. читавший Флоровского, Карсавина, Вышеславцева, о.Киприана Керна или Зеньковского) почитался духовным авторитетом, а ссылавшийся на отцов церкви — чуть ли не классиком... Казалось бы, все это — самые обычные «подростковые» явления, но для российской общественности, по сути необычайно молодой, они остаются едва ли не главной родовой чертой, постоянно и роковым образом воспроизводясь с каждым новым поколением, с каждым новым пересмотром интеллигентских взглядов и ценностей... Для такого сознания популяризаторская деятельность «Вестника» была альфой и омегой: она открывала совершенно иной угол зрения, давала пищу для размышлений и анализа, информацию о прошлом и

настоящем, а заодно с этим — набор имен, ссылочный аппарат и прочие атрибуты «серьезно и патриотически мыслящего человека»...

Все эти рассуждения отнюдь не призваны умалить достоинство журнала или его редактора. В продолжение многих лет «Вестник» оставался моим любимым чтением, а годы работы в нем и в ИМКЕ я до сих пор вспоминаю как самые счастливые в своей жизни. Просто я отношу себя к тем же дилетантам, но уже из поколения «поздних шестидесятников», и теперь, по прошествии четверти века, когда очевидны плоды этой деятельности, пытаюсь определить реальную, а не мифологизированную ее суть. Безусловно нужна в те годы, работа ИМКИ и «Вестника», тем не менее, оставалась в значительной мере популяризаторской, если не по интенции, то по своему общественному восприятию. Возможно, для издательства и журнала такое направление и следует считать нормальным (поклоняются же нынче в России Сытину или даже Суворину), однако мне всегда казалось, что здесь все зависит от точки отсчета. «Литературное наследство» — ведь тоже было «всего лишь» издательским проектом, но если что и останется от культурно-исторических начинаний советского периода, то именно такого рода книжная деятельность, по сути своей гораздо более творческая, нежели популяризаторская. Мы часто спорили с Никитой на эту тему, особенно когда он приводил в оправдание очередного ляпа привычный довод: «ну что же вы всем недовольны, оглянитесь на других, у них еще хуже», — а я никак не мог взять в толк, почему мы обязательно должны оглядываться, а не смотреть вперед...

В целом же сегодня я склонен думать, что хотя ИМКА считалась «культурным издательством» (и, бесспорно, была таковым), подняться выше этого уровня ей в 70-80-е годы так и не удалось, несмотря на все опубликованные бестселлеры. И как любое популяризаторское дело, она обречена была постоянно бежать за временем и общественными вкусами и в конце концов проиграть эту гонку — при изменении условий в метрополии и появлении новых, всегда более радикальных взглядов и отражающих эти взгляды изданий...

«Блюдите как опасно ходите...» — начиналась одна из передовиц «Вестника» (№124). Обращена она была к ленинградскому журналу «37», который мы представили в предыдущем номере отдельным разделом: «журнал в журнале». По существу же это предостережение относилось ничуть не в меньшей степени и ко всему Движению, что стало очевидно несколько лет спустя, да и к самому автору передовицы, в конце концов так и не разглядев-

шему опасности, позабывшему, что острота ощущений с годами притупляется, а харизма (особенно, если это харизма мести) — отнюдь не графский титул, что дается его обладателю раз и навсегда...

***

Впервые попав в ИМКУ, я был поражен несоответствием «союзных» представлений о ней с открывшейся реальностью: небольшой книжный магазинчик, да три с половиной издательских комнатки на втором этаже, тринадцать человек персонала, из которых едва ли не половину составляли «божьи одуванчики», мало понимавшие в том, что происходит, испытывавшие скорее дискомфорт, нежели интерес от расширения издательской деятельности, появления новых авторов, странных отношений с ними (большинство авторов ведь были чужаками, «советскими», да и жили за «железным занавесом», что вносило в работу дополнительный и особо пугающий элемент конспирации).

Представления мои об издательской или журнально-редакционной работе базировались тогда исключительно на советском опыте: миллионные тиражи, громадные типографские комплексы, редакции журналов с десятками служащих — от литсотрудников до курьеров и неперемных вахтеров, — словом, хоть и второсортное, но вполне номенклатурное царство. Здесь же обстановка напоминала скорее о мемуарах начала века, ощущение было таким, как если бы вы оказались в каком-нибудь «Мусагете», чудом пережившем полувековые потрясения, но при этом изрядно полысевшем, заросшем паутиной и плесенью... (По-видимому, это было не только мое впечатление: как-то через несколько лет, когда Толя Гладилин пришел в магазин получать деньги за отданный на комиссию «Большой беговой день», — милейшая Мария Вадимовна, наш бухгалтер, явно желая ему польстить, поздравила автора с успехом: продано двадцать экземпляров, — на что Гладилин задумчиво и печально ответил: «Это успех?! О чем вы говорите? В Москве у меня были полумиллионные тиражи, которые расходились, как горячие пирожки...»)

Издательство и магазин составляли единый комплекс, к которому примыкал и «Вестник», формально относившийся к ведению РСХД.

В те годы в Париже, если не считать антикварных лавочек, было три крупных русских книжных распространителя: «Дом книги», «Глоб» и «Les Editeurs Reunis» («Объединенные издатели»). Естественно, каждый имел свою специфику.

Оптовую продажу советской литературы монополизировал «Дом книги», основанный Михаилом Капланом еще в 30-е годы, а в 50-е ставший главным контрагентом советской Межкниги. Каплан обслуживал университетские и публичные библиотеки по всей Европе, отчасти даже в Соединенных Штатах, где конкурировал с книготорговой фирмой Камкина. В семидесятые годы «старик», правда, уже отошел от активной работы и лишь «отсиживал в лавке», общаясь с покупателями или просматривая новинки. Реально делом управляли его сыновья: Георгий и Борис. Располагался «Дом книги» в помещении бывшей русской читальни, находившейся здесь еще с прошлого века, в тихом крошечном дворике на rue l'Erignon, в двух шагах от старейшего медицинского факультета Сорбонны. Лавка имела вид вполне патриархальный, состояла из двух комнат, от пола до потолка набитых самыми разнообразными книгами, точного перечня коих никто толком не знал. Как-то, копаясь в завалах верхних полок, Юра Николаев обнаружил несколько первоизданий Набокова, на которых стояла смехотворная для таких раритетов цена, правда, купить их он так и не смог, ибо хозяин, мгновенно оценив находку, заявил, что книги не продаются...

Впрочем, лавка оставалась лишь данью традиции и представительским помещением. Настоящая жизнь кипела на складе — гигантском подвале на Монпарнасе, где царствовал Георгий Михайлович и где, собственно, и осуществлялась перекачка советской печатной продукции в западные библиотеки. Здесь велась работа по приему, сортировке и отправке книг, составлялись каталоги новых поступлений, ежемесячно рассылаемые покупателям, принимались и делались заказы. Сам Жорж дважды в год ездил в Москву — для заключения договоров и отбора книг по издательским планам. Был он чрезвычайно жизнелюбив, бодр, всегда элегантен, весел и прямо-таки излучал деловую энергию, в отличие от своего антипода, старшего брата Бориса — человека тихого, медлительного, застенчивого и грустного, уступавшего Жоре и в темпераменте, и в коммерческой хватке, и в знании книги. Впоследствии Борис заменил отца в магазинчике на rue l'Erignon, полностью оставив бразды правления неумемному брату...

«Дом книги» разорился незадолго до моего переезда в Россию, летом 90-го года, когда лопнула Межкнига, немедленно прекратившая выплату денег кредиторам. Неудачная попытка спасти если не все дело, то хотя бы помещение на rue l'Erignon, издавна принадлежавшее русским, — было последнее, чем довелось мне заниматься в Париже. Вместе с Николаем Васильевичем Вырубовым, возглавлявшим Земгор, и Марией Васильевной Синявской

мы попытались составить ассоциацию для возрождения русской лавки-читальни. Братья Капланы готовы были уступить помещение за сравнительно небольшую сумму, с тем условием, что Борис останется служащим в лавке (Жора решил вовсе расстаться с книжным делом). Выкупить аренду магазина в одиночку, тем более в столь дорогом районе, оказалось затруднительным, и поэтому решено было действовать вскладчину, создав некоммерческое общество, которое управляло бы читальней. Объединение усилий представлялось тем более важным, что предприятие обещало навсегда остаться «планово-убыточным» — рассчитывать на последующую прибыль от продажи книг не приходилось. Вырубов привлек к делу племянника — Никиту Лобанова-Ростовского, однако тот поставил условием своего участия в затее привлечение к ней также и Советского фонда культуры, интересы которого представлял бы журнал «Наше наследие». Когда все уже было оговорено, а документы практически готовы — случилось непредвиденное: таинственная гибель британского газетного магната «красного миллиардера» — Роберта Максвелла, издававшего журнал. В результате «Наше наследие» исчезло из ассоциации столь же стремительно, как и появилось в ней, а Лобанов-Ростовский и вслед за ним Земгор приостановили свое участие в деле... Все начинание рухнуло, по сути так и не начавшись, магазин отошел к французам, а несчастная Маша, приобретающая у Капланов множество книг со склада, еще долго хранила их во флигеле в Фонтене-о-Роз. Часть этих книг, запакowanych в полиэтиленовые мешки для мусора, и сегодня лежит у нее во дворе...

Другим русским магазином в Париже был «Глоб» — местный вариант советской «Березки», созданный при участии французской компартии. Если подводной частью «Дома книги» оставался склад на Монпарнасе и комплектация библиотек, то профиль «Глоба», помимо книготорговли, определяла квазикультурная деятельность совместно с Обществом франко-советской дружбы и другими организациями подобного толка. О подводной же части этого «айсберга», если таковая существовала, лучше не думать... Занимал «Глоб» роскошное двухэтажное помещение на рю Бюси, все в том же Латинском квартале. Здесь продавались советские книги и единичные эмигрантские издания, а первый этаж отведен был под художественные альбомы, путеводители, пластинки и россику.

Наконец, третьим были «Объединенные издатели» вместе с ИМКОЙ. Хотя небольшая часть помещения отводилась под советские книги, основу деятельности магазина составляло распространение эмигрантской литературы, а с 79-го года к этому доба-

вился и антикварный отдел, открытый нами в крохотном магазинчике на соседней rue de Cernes. (Последний, увы, просуществовал недолго: вскоре после моего ухода из ИМКИ в начале 82-го покинул «Объединенных издателей» и Юра Николаев, что фактически привело к свертыванию антикварной работы.)

Но сердцевиной всего дела была, несомненно, книгоиздательская активность, с начала семидесятых годов постоянно возrastавшая.

Управлял ИМКОЙ и «Les Editeurs Reunis» Иван Васильевич Морозов, ставший директором издательства еще в 62-м году, когда оно переехало с Монпарнаса в Латинский квартал — на улицу горы Святой Женевьевы. Правда, когда я появился в Париже, директорство это было уже в значительной мере формальным, распространяясь скорее на магазин, чем на деятельность ИМКИ, которую реально возглавлял Никита, сосредоточивший в своих руках все связи с авторами, особенно в метрополии. Здесь Иван Васильевич просто не ткнул, не понимая ни специфики, ни даже сути новых отношений, стремительно расширявшихся и полностью проходивших помимо него.

Уроженец Печорского края на Псковщине, до войны входившего в состав Эстонии, Ваня Морозов приехал в Париж в 38-м году поступать в Свято-Сергиевский богословский институт и застрял на подворье из-за начавшейся войны. После освобождения Франции и возобновления деятельности РСХД он стал его секретарем и первым редактором послевоенного «Вестника», а впоследствии, когда Международная УМСА решила передать Движению свое издательство, — возглавил книжное дело. В его представлении оно полностью идентифицировалось с той движенческой семьей, в которую он вошел с юности, к которой привык и которой отдал большую часть жизни, а книгоиздание ограничивалось публикацией пятитомного Закона Божия, служебников, требников, трудов подворской профессуры и отчасти философов начала века. Появление рукописей совершенно иного направления (а в число авторов входили не только Солженицын, но впоследствии и Войнович, и Веничка Ерофеев, и Кормер...), изменение масштабов, а главное — самого характера издательской деятельности оставалось ему абсолютно недоступным, пугало и раздражало, никак не укладываясь в привычные, десятилетиями не менявшиеся представления. К тому же, новые издательские программы несли в себе ощутимый материальный риск, а это — при резком сокращении финансовой помощи со стороны Международной УМСА — представлялось Ивану Васильевичу уже совершенно недопустимым...

Патриархальные нравы, царившие в издательстве, не смогло серьезно изменить даже появление солженицынских книг. Конечно, это было необычно — и по содержанию, и по общественному резонансу, конечно, пушечный успех «ГУЛага» внушал надежды на неопределенное, хотя и довольно приятное будущее, в котором новой России, а вместе с нею и ИМКЕ, принадлежала бы совсем иная роль... Но в сущности эта новая Россия была далеко и во времени и в пространстве, а парижская повседневность — здесь, под боком: и надо было ежемесячно выплачивать персоналу хоть и нищенскую, а все же зарплату, снимать складские помещения, выписывать бесконечные чеки типографам, налоговому ведомству, бумажным фирмам... Да и Солженицын оказался вовсе не такой уж высокоудойной коровой. Ну, первый том «ГУЛага» действительно стал бестселлером: за ним — едва ли не впервые в послевоенной эмигрантской истории — стояли очереди в магазин. Но второй уже пошел похуже, а на третьем и вообще пришлось думать о сокращении тиража. Не говоря уже о «Теленке», тридцать тысяч экземпляров которого почти полностью гнили на складе...

Столь разный подход к издательской деятельности, к самому пониманию задач и смысла ее, вызывал постоянное глухое противостояние Никиты и Ивана Васильевича. Один твердил о «новом вине» и «новой крови», все больше ориентируясь на «союзных» авторов, вводя в орбиту издательских интересов неизвестные доселе темы и рукописи, другой — отстаивал традиционное направление дела, считая Никитину политику, как минимум, авантюрной. Бороться в открытую с Никитой и стоявшим за ним к тому времени Солженицыным он не мог, но на уровне повседневной работы это сказывалось постоянно. Никита преподавал в университете Нантера и появлялся в ИМКЕ два-три раза в неделю, а подписывать чеки, делать заказы, заключать договоры приходилось ежедневно... Нет, Иван Васильевич вовсе не саботировал Никитину деятельность, он просто ужасался ее, панически боясь банкротства и обмирая при одной мысли о своей ответственности в этом случае. А ужасаясь — совершал действия либо бессмысленные, либо просто убийственные, на исправление или хотя бы смягчение которых уходило время, нервы, деньги, силы... Как говорил отец Игорь Верник — настоятель движенческой церкви и старый Ванин друг — «*ça lui depasse*»... Страх этот усугублялся душевной болезнью, которую Иван Васильевич перенес в 70-м году и от которой так никогда и не оправился. Он мучился, страдал, ощущая, как дело, которому отдана жизнь, в буквальном смысле выезжает из-под него, но страдание это было не катарсическим,

а скорее — разрушительным, все больше загоняя его в замкнутое, мертвое, отгороженное от всего мира пространство. Появляясь в издательстве, он поднимался на второй этаж, запирался у себя в кабинете и почти не выходил из него, разве что на обед или покидая ИМКУ.

Большинство персонала относилось к несчастному Ване полупрезрительно, полуснисходительно, полагая настоящим своим лидером Никиту, а Ивана Васильевича воспринимая как печальную неизбежность. Лишь однажды — осенью 76-го года — это отношение приняло более резкие формы, когда сотрудники магазина устроили забастовку — в связи с покупкой Ваней нового «Рено» для «издательских нужд» и снятием дорогого подземного паркинга, — в то самое время, когда платить жалованье было почти нечем, а о повышении его все забыли и думать...

Если на подворье, где Иван Васильевич преподавал в Свято-Сергиевском богословском институте историю Русской Церкви, у него еще сохранялись старые дружеские связи, то в издательстве он был совершенно одинок. Одиночество и ужас усугублялись недавней историей, когда после высылки Солженицына из Союза в 74-м году и первого появления его в издательстве Александр Исаевич потребовал немедленного удаления Морозова с поста директора, поставив это условием дальнейшего сотрудничества с ИМКОЙ. Тогда Совет РСХД отверг ультиматум, в результате чего Солженицын на короткое время перешел в «Посев», который немедленно объявил собрание сочинений писателя и сильно на том погорел, ибо непредсказуемый автор вскорости вернулся в ИМКУ, уполовинив свои требования: отныне он не настаивал на немедленном снятии директора, но оговаривал, что ведет дела лишь с Никитой, и никто другой не может в них вмешиваться. Компромисс был принят, однако история эта окончательно показала Ване, по ком звонит колокол...

***

По-видимому, для понимания дальнейшего необходимо сказать несколько слов о структуре Движения и ИМКИ и о юридических взаимоотношениях их.

Повседневная жизнь РСХД направлялась Советом, который выбирался общим съездом. Кроме избранных членов, в Совет автоматически входили настоятель движенической церкви, руководитель фонда и молодежного отдела, редактор «Вестника» и директор ИМКИ. Совет имел право кооптации новых членов (в частности, меня, по предложению Никиты, кооптировали в начале 77-го года).

Что же до издательства — оно представляло из себя обычное акционерное общество, управляемое комитетом пайщиков. Бывший владелец его — Международная УМСА, — приобретя помещение в Латинском квартале, передала Движению большинство акций, оставив лишь небольшую часть за своими представителями — Титболом и Андерсоном.

Некоторая трудность заключалась в несовместимости статуты двух организаций. Движение являлось некоммерческой ассоциацией, подчинявшейся законам, принятым еще в начале века и запрещавшим РСХД любую торговую или промышленную деятельность. Чтобы обойти это ограничение, Совет выделял несколько человек, которым передавались издательские акции и акции на недвижимость. Эти люди, собственно, и представляли РСХД в книжном деле. Тонкость состояла в том, что акции оформлялись юридически как частная собственность получавшего их лица (то есть могли передаваться по наследству, дариться, продаваться и т.д.), и вернуть их легальным образом Движение не имело никакой возможности. Так что все строилось на полном доверии. Но, с другой стороны, эти доверительные отношения обуславливали и то, что влиять на направление книгоиздательской политики РСХД могло лишь в самой общей и расплывчатой форме, а контроль за публикаторской и книготорговой деятельностью осуществлялся вполне формально — в виде общих годовых отчетов о состоянии магазина и утверждения приблизительных планов, которые затем обычно менялись...

Финансовое положение ИМКИ к середине семидесятых было катастрофическим. Передав акции Движению, Международная УМСА практически устранилась от субсидирования издательства: небольшие вливания были спорадическими, все более редкими и мизерными. Магазин, который должен был материально обеспечивать книгоиздание, своей функции явно не выполнял. Несколько облегчал положение фонд Кирилла Ельчанинова, закупавший книги для пересылки в Союз, но даже при том, что Кирилл умудрялся добывать финансовую помощь от швейцарских протестантов, от католиков и от Джорджа Миндена, — его закупки никак не покрывали расходов. В начале 70-х несколько поправило ситуацию появление книг Солженицына: и «Август 14-го», и «В круге первом», и в особенности «ГУЛаг» на некоторое время стали для ИМКИ кислородной подушкой, но состояние больного улучшилось не надолго. После второго тома «ГУЛага» его русская продажа сильно упала, а издание тридцатитысячным тиражом «Теленка» и вовсе оказалось убыточным. От иностранных же переводов издательство не имело ничего: международными

публикациями ведал Клод Дюран, и хотя после его ухода из «Seuib» бюро мировых прав на солженицынские издания разместилось в ИМКЕ, материально это ей ничего не давало. Правда, существовали еще гонорары за радиопередачи на русском языке («ГУЛаг» читали все западные радиостанции), которые оседали в ИМКЕ и из которых нередко черпались средства для затыкания дыр. Но это была палка о двух концах, и второй ее конец Иван Васильевич ощутил в 78-м году, когда вновь встал вопрос о снятии его с должности директора...

Справедливости ради надо сказать, что почти таково же было и финансовое положение РСХД. Самообложения его членов катастрофически не хватало для оплаты всевозможных трат. Киносеансы, спектакли и прочие затеи давали крохи, а лихорадочные поиски средств на стороне успеха не приносили. Едва ли не каждая встреча Совета начиналась с дискуссий о том, где найти деньги на содержание движенческого дома. Дело доходило до анекдота. Помню, как на одном из заседаний всерьез обсуждался вопрос о покупке сена и последующей его перепродаже — операция почему-то должна была принести крупные барыши, во всяком случае, так полагал один из сыновей отца Александра Ребиндера — Серафим, работавший в банке и выступавший в данном случае финансовым экспертом... Все это уже сильно напоминало сцену из мюзикла Саша Журбина и Асара Эппеля (по бабелевскому «Зака-ту»), когда евреи обсуждают в синагоге цены на овес...

***

Осенью 76-го, получив наконец от своих американских друзей переправленную через них коллекцию бардов, я предложил Никите издать ее. Собрание было достаточно обширным и представительным, а советская авторская песня оставалась на Западе практически неизвестна: посебовская пластинка Галича, два французских диска Володи Высоцкого да несколько пластинок Булата Окуджавы, выпущенных «Мелодией», — вот и все, чем располагал в то время рынок. Здесь же было более тысячи песен, десятки авторов, различные школы и направления — словом, вполне целостный срез неофициальной песенной культуры, столь популярной в Союзе. В общем, можно было рассчитывать на успех, если не у западного слушателя, то уж наверняка у советских эмигрантов, которым не хватало привычной культурной среды. Да и не только у советских — та же Мария Вадимовна, когда впоследствии Володя Высоцкий, появляясь в Париже, заходил за гонорарами, смотрела на него почти влюбленными глазами. С удовольствием слу-

шал его и Никита, а кассету Бори Алмазова и несколько песен в исполнении Валеры Агафонова (главным образом, на слова Юрия Борисова — «Все теперь против нас, словно мы и креста не носили...», «Пятый год, эсеры жгут хлеба...», «Все февраль на душе...», «Прощание») даже попросил записать отдельно — «для отправки Исаичу в Вермонт...»

Главное же заключалось в том, что ИМКА практически ничем не рисковала: я предложил сначала смонтировать все издание, подготовить и набрать тексты, что брался осуществить сам, а затем объявить подписку с предварительной оплатой. Таким образом, тираж делался на полученные деньги и в том объеме, какой определялся подпиской. В случае успеха ИМКА зарабатывала небольшие средства, в случае неудачи — не теряла ровным счетом ничего. Полагаю, что последнее обстоятельство и стало решающим: Никита полностью принял и саму идею, и план ее реализации, а я засел за магнитофон и машинку.

К весне 77-го монтаж и перепечатка текстов были завершены, пора было переходить к изготовлению матриц.

Совершенно не помню, как я познакомился с Жилем Бернаром, кажется, это произошло в студии какого-то художника на Монмартре. Бернар был личностью абсолютно для меня необычной. Эстрадный певец, начинавший свою карьеру рядом с Джонни Холидеем и Эдди Митчелом как исполнитель роковых композиций, он впоследствии полностью от них отошел и, обратившись, стал исполнять исключительно религиозную музыку, в протестантском, довольно широко в те годы распространенном понимании: сочинял и пел песни, славящие Господа, Его творение и радость созданного Им мира...

Жил он в восточном предместье Парижа с женой — милейшей, невероятно гостеприимной и добросердечной сорокалетней женщиной, и двумя детьми, один из которых, Даниэль, был инвалидом — страдал от последствий полиомиелита и практически не передвигался. Кажется, именно болезнь сына послужила причиной обращения Жилия в христианство. Супруги имели небольшой уютный коттедж и рядом громадный двухэтажный сарай, превращенный в студию, где Бернар записывал и размножал кассеты со своими песнями, хранил оборудование для концертных поездок и изредка выполнял заказы со стороны по изготовлению кассет. Гастрольные выступления проходили постоянно, и, набив старенький «Пежо-404» акустической аппаратурой, Жиль почти каждую неделю исчезал из дома на два-три дня, оставляя дела на жену и своего единственного помощника — семнадцатилетнего несколько странного, болезненно затормо-

женного парня, которого, при всей его очевидной беспомощности, в семье очень привечали.

В Высоцкого Жиль влюбился сразу, окрестив его «советским Брелем». По-русски Бернар не понимал ни слова, но ухо музыканта безошибочно выделило Володю из других исполнителей. Он согласился не только произвести за не слишком высокую плату весь тираж, но и предоставил мне студийную аппаратуру для окончательного монтажа и подготовки матриц. Почти три месяца провел я на втором этаже его сарая за двумя громадными стационарными магнитофонами, бесконечно перепишивая и переклеивая пленки, стараясь придать им более представительный вид. Здесь же совершил я и первую ошибку, свойственную всем новичкам: качество некоторых записей было не самым лучшим — ведь производились они в России, часто на совершенно допотопной аппаратуре во вполне диких условиях. Однако хотелось сделать издание как можно более полным. Часть некачественных записей удалось переделать здесь же: Александр Аркадьевич Галич перепел десяток своих песен в студии на «Свободе», и хотя лично мне старое исполнение было гораздо ближе, чем его новая «концертная» манера, — я, естественно, заменил плохие варианты. Гораздо хуже оказалось дело со знаменитым «политическим» концертом Юлия Кима и с некоторыми записями совсем еще молодого Володи Высоцкого. Здесь деться было просто некуда, приходилось выбирать: полнота или качество. Я выбрал первое. (Точно такую же ошибку повторил я через несколько лет — в начале своей работы на радио, когда в семиминутный скрипт хотелось воткнуть как можно больше информации, поэтому приходилось говорить очень быстро, — и о том, что оставалось после такого рода скороговорок в голове у слушателя, можно было лишь догадываться.) В результате после выхода собрания в свет мы получили несколько возвратов и рекламаций от заказчиков. По счастью, во втором издании удалось эти просчеты устранить — благодаря доброму ленинградскому знакомому, страстному коллекционеру Володе Ковнеру, который сидел в то время «в отказе» и по выходе «Собрания песен русских бардов» составил полный перечень ошибок в текстах и переправил мне лучшие варианты записей. Так что при новых изданиях мы уже не имели претензий со стороны заказчиков...

К концу весны все было готово, и в мае мы объявили подписку на собрание песен, дав рекламу в «Новое русское слово» и в «Русскую мысль».

Обложку четырех томов с текстами сделал Лева Нусберг, некогда довольно известный питерский художник, живший тогда

неподалеку от меня, на рю Рошешуар, с двумя роскошными русскими борзыми, привезенными из Питера. Впоследствии он переехал в Штаты, где осел под Нью-Хевеном, занявшись исключительно разведением борзых и изготавливая «для души» рисованные ручной работы книжки в единственном экземпляре, а «для тела» — попывая «смирновку» и парясь в сауне в компании Эдика Штейна и Юза Алешковского...

Заказы пошли незамедлительно, и к концу июня уже было понятно, что издание себя оправдало.

Мы принялись за тираж. Его изготавливал Жиль, а мы с Радой прослушивали каждую кассету — технология изготовления была достаточно примитивна, а поскольку Жиль не знал ни слова по-русски, при ракордировании начала и конца дорожки мог возникать брак: потеря слов. Уж не знаю, сколько тысяч раз прослушали мы с Радой «То ли шлюха ты, то ли странница...», «Сидели, пили вразной...» и прочие начальные строки каждой дорожки на кассетах. Но к октябрю тираж «Собрания песен русских бардов» был готов.

Подписка давно завершилась, а заказы все шли, и, несмотря на некоторое число возвратов, становилось ясно, что придется делать второй завод. В исправленном и дополненном виде мы выпустили его в следующем году, присовокупив тираж десятка отдельных авторских кассет наиболее популярных исполнителей, что, по существу, составило третье издание. (Одновременно ИМКА объявила подписку на полное собрание сочинений Солженицына, и мы с Никитой заключили шуточное пари о том, кого эмигрантский народ любит больше. Весь год по числу заказов лидировали барды, и лишь в следующем — 79-м, когда подписка на «Собрание» завершилась, — Александр Исаевич начал постепенно, но уверенно выходить вперед, правда, уже в отсутствие конкурента...)

В целом успех всей затеи — сорокачасового собрания и отдельных кассет — оказался неожиданно велик, ИМКА заработала где-то около восьмисот тысяч франков, что позволило ей, хотя бы некоторое время, дышать гораздо свободней.

Правда, деньги за подписку приходили постепенно, и по мере поступления исчезали в черной дыре текущих трат и долгов. Я требовал от Никиты открыть отдельный счет, чтобы сохранить хоть часть полученной прибыли, но сделать это оказалось крайне сложно ввиду противодействия Ивана Васильевича: деньги нужны были каждый день. В результате первое издание оказалось полностью проедено, и лишь на втором мы смогли пустить заработанное в дело: приобрели наборную машину и постепенно перевели

издательство на собственное изготовление оригинал-макетов, что сэкономило почти треть в расходах на производство книг...

Наезжавший в Париж Володя Высоцкий очень радовался выходу Собрания — впервые и наиболее полно (более четырехсот песен) представившего его творчество. Ликовал и Александр Аркадьевич, после неудачи с посевовским диском потерявший надежду увидеть все свои песни изданными. Он сам выверял тексты (непоправимо уродуя верстку, поскольку вносил поправки гигантским фломастером), прослушивал записи, рассказывая при этом массу сопутствующих баек и веселясь, как ребенок. Увы, радость оказалось недолгой. 15 декабря 77-го года Галича не стало. Погиб он дико, нелепо — от электрического разряда, закоротив розетку при установке новой, только что приобретенной им антенны. Ньюша позвонила в три часа дня, совершенно вне себя, из крика и рыданий можно было вычленить лишь одно слово: «Саша»... Я прыгнул в машину и помчался к ним — на пляс Виктор Гюго. В квартире была Таня Максимова, пытавшаяся хоть как-то унять бившуюся в истерике вдову. Александр Аркадьевич лежал на полу своего кабинета, на спине, в распахнувшемся халате, держа в руках антенну. Рядом валялась инструкция по ее установке и упавший с ноги тапок... Приехали Максимов, Некрасов, кто-то еще... Потом явилась полиция. Тело забрали для судебно-медицинской экспертизы. Лишь незадолго перед этим разразился скандал с «болгарским зонтиком» (убийство журналиста «Свободной Европы» Маркова, осуществленное агентом болгарской спецслужбы с помощью зонта с отравленной иглой на конце), и все искали в происшедшем след КГБ. Тем более, что в момент несчастного случая Галич был в квартире один: Ньюша вышла за покупками... Потом — панихида на рю Дарю, похороны на Сент Женевьев де Буа, долгие, прочувствованные и бессмысленные речи. Все были потрясены: Галич стал первым из «наших», кто ушел из жизни, едва переехав на Запад. Вторичное потрясение испытал я через две недели, когда в новогодней передаче «Свободы» неожиданно услышал его голос: Александр Аркадьевич рассказывал о том, как счастливо сложилась его жизнь в 1977-м: концерты, поездки, бесчисленные встречи с людьми, выход книги в «Посеве», а к концу года — бесценный подарок издательства ИМКА-Пресс, выпустившего практически полное собрание его песен...

***

В том же 77-м пришла из Питера и рукопись второго тома «Памяти». Первый Наташа Горбаневская отдала Чалидзе еще полтора года назад. У Валерия Николаевича он оказался по при-

чинам вполне очевидным: «Континент» книг не печатал, а при моем отъезде из Ленинграда никому (и мне первому) не могло прийти в голову, что через год я окажусь в Париже, в ИМКЕ, и смогу издавать сам. Что же до Натальи, то для нее сомнений не существовало: Чалидзе — плоть от плоти диссидентского движения, к тому же старый «хроникер», и публиковать пришедшую из Союза самиздатскую рукопись, совершенно естественно, следовало ему.

Неприятность заключалась в том, что «князь» (прозвище Чалидзе) гробил буквально каждую рукопись, оказавшуюся в его руках. Вид выпускаемой им продукции был таков, что книгу неприятно было даже взять в руки: серая или белая «слепая» обложка, просвечивающая бумага, неопрятная печать, отвратительная верстка и макет, дикое число ошибок с переставленными или утерянными строчками, явной абракадаброй в тексте — создавалось впечатление, что корректуру в издательстве Валерия Николаевича держит он сам, да и то лишь в свободное время. (На всю жизнь запомнил я слова нашего типографа — многому меня научившего милейшего Леонида Михайловича Лифаря: «корректурa требует смирения»; впрочем, о нем — несколько позже.) Не исключаю, что столь странное отношение к выпускаемым книгам осталось у Чалидзе от старой самиздатской деятельности, где значимость «Хроники текущих событий» определялась ее информативной стороной, а не полиграфическими изысками, которых «Эрика» все равно не давала. Но как бы то ни было, результат его работы оказывался катастрофическим: книга почти не могла дойти до читателя, тем более вызвать серьезный отклик, оставаясь предметом изучения лишь для узкой группы советологов и заполняя полки минденковского Международного литературного центра — в ожидании отправки в Россию. Возможно, для самиздатской и правозащитной публицистики такая судьба была допустимой, но «Память»-то претендовала на совершенно другой статус — научного, почти академического труда...

Следить за ходом работы через океан Наталья не могла, попытка забрать у Чалидзе рукопись окончилась провалом: «князь» заявил, что уже сильно вложил в нее материально и намерен довести книгу до конца. В результате первый том «Памяти» вышел в совершенно непотребном виде, ребята были расстроены и даже решили было, что издание окончательно загублено и никогда не сможет выйти из обычного самиздатско-диссидентского ряда.

По счастью, со вторым томом все случилось иначе. Правда, когда я приволок его в ИМКУ, Иван Васильевич засомневался, стоит ли вообще браться за шестисотстраничную махину, коммер-

ческий успех которой отнюдь не обеспечен, а имена авторов и публикаторов практически никому неизвестны. Но после успеха «Собрания песен русских бардов» приводить этот довод стало значительно труднее, да и Никита полностью поддержал книгу, сразу оценив содержание рукописи и поняв, что издание открывает целую серию историко-культурных работ и обеспечивает выход на совершенно новые круги внутрисоюзных авторов...

Обложку для сборника сделал Аркадий Мошнягер — кишиневский художник, эмигрировавший с матерью в Израиль, а затем перебравшийся в Париж и пытавшийся в те годы закрепиться во Франции. Для нас он выполнил несколько заказов, но бесспорно лучшая его работа (и вообще едва ли не лучшая обложка всех изданных мною книг) была связана именно с «Памятью»: строгая, чрезвычайно благородная шрифтовая надпись в правом верхнем углу, а в нижней половине — серебряный прямоугольник, представлявший собой разорванный и сложенный по линиям разрыва лист бумаги. Все это было сделано «вывороткой», то есть белой и серебряной краской, проступавшей на темном фоне (черном, синем, бордовом — в зависимости от тома), что усиливало ощущение лаконичности и вместе с тем изысканности книги, при этом без нажима, но вполне четко и однозначно определяя ее смысл.

Печатали мы «Память» в украинской типографии на рю дю Сабо. Была она крошечной: три лино типа, кассы ручного набора и одна старенькая печатная машина (брошюровка производилась в другом месте); выпускала на «рідной мове» газету умеренно националистического направления «Украинский голос», печатала сочинения самостийных авторов, но в основном работала на заказ, чтобы сводить концы с концами, поскольку финансовая помощь, приходившая от американо-канадской украинской общины, была крайне нерегулярной и недостаточной. Управлял типографией тогда еще совсем новый директор — Малинович — человек милый, хотя и ничего не понимавший в деле, за которое взялся. Правда, были у него и несколько «зубров», тащивших на себе все дело: старейший парижский наборщик Жозеф, печатник Зебио и заместитель Малиновича — «мсье Александр», который, став года через три-четыре директором, руководил типографией до осени 96-го.

В те времена в Париже было четыре «русские» типографии (конечно, русские книги не были их основной продукцией, но эта цифра сама по себе достаточно говорит об издательской активности эмиграции): наиболее крупная — совместное дело Березняка и Лифаря; кроме него, небольшая печатня на улице Акации в шестнадцатом арондисмане; типография Шарля на Менильмонтан, где

печаталась «Русская мысль»; и украинцы. Фотонабор еще только входил в обиход, и подавляющее большинство русских книг делалось горячим способом — в металле, на линотипах. При небольших тиражах эмигрантской литературы такой способ изготовления был значительно дешевле, да и вообще работа с металлом имеет свою прелесть: по богатству гарнитур горячий набор далеко опережал только зарождавшиеся электронные машины, а сам вид металлической гранки несравним с бромюром и вызывает забытое ныне ощущение избранности типографского труда, недаром же печатники всегда составляли рабочую элиту... Кстати, даже перейдя полностью на фотонабор, я впоследствии не раз пользовался ручными кассами украинцев для изготовления шмуцов «Минувшего» или набора титульных листов...

Корректуру держала Наташа, после неудачи первого тома чувствовавшая себя виноватой. Она же выверяла по верстке подготовленный ребятами именной указатель. Последняя корректура делалась прямо в типографии, ибо при горячем наборе для исправления одной ошибки переливается вся строка, что может дать целую кучу новых ляпов...

В результате книга получилась отличной, и выход ее вызвал очень сильный резонанс. По существу, «Память» сразу же сделалась единственным самиздатским сборником, воспринятым научными кругами на Западе как полноценное академическое издание, без ссылок на которое отныне считалась невозможной ни одна серьезная работа по советской тематике. Ребята были счастливы, написав несколько восторженных писем о качестве новой книги, о том, что издание, кажется, спасено, и о том, как все чудесно складывается: «говнюшка», она же «лапочка» (клички «Памяти») — под присмотром от начала до конца, и за судьбу ее можно теперь не бояться. Мне они предложили поставить свое имя рядом с Натальей в качестве официального представителя редакции на Западе, от чего я тут же отказался: во-первых, слишком дорожил нашими отношениями, а для Наташи, крайне чувствительной к подобным условностям, это стало бы выражением недоверия и публичным оскорблением, а во-вторых, совершенно не стремился к тому, чтобы красоваться на обложке. Надо сказать, что долгое время видеть свое имя напечатанным было мне крайне неприятно и вызывало совершенно аллергическую реакцию. Даже на «Минувшем» я впервые поставил свою фамилию вынужденно — лишь потому, что по французским законам для периодических изданий обязательно указание имени редактора, что и пришлось сделать со второго тома, когда стало ясно, что альманах «пошел» и будет продолжаться...

Вообще, эти годы были для меня временем какого-то необычайного подъема, почти перманентной эйфории. Я успевал делать тысячу дел, и, как ни странно, все удавалось: переводов вполне хватало, чтобы нормально жить, не задумываясь о завтрашнем дне и обеспечивая помощь в Союз; работа в ИМКЕ и «Вестнике» доставляла в буквальном смысле наслаждение; в РСХД я вошел полностью и ощущал себя полноправным членом семьи; с осени 77-го начал преподавать в Институте политических наук, что дало выход на дипломатические круги и позволило наладить прямые связи с Питером.

Последнее было одним из самых главных и труднорешаемых вопросов: пересылка книг и денег в Союз, получение рукописей отсюда, постоянное письменное общение — по вполне понятным причинам все это являлось неременным условием нормальной совместной работы. С журналистами становилось общаться на сей предмет все труднее: если раньше неприятности с КГБ или высылка из России почитались большим плюсом в профессиональной биографии и могли даже способствовать продвижению по служебной лестнице, то к концу 70-х положение резко изменилось, и «проштрафившегося» в Москве корреспондента могли задвинуть в какой-нибудь второсортный отдел надолго, если не навсегда... Поэтому они все с большим трудом соглашались на контакты или на перевозку книг, рукописей, почты, денег. Но даже тут мне везло.

В Институте политических наук я преподавал среди других студентов и людям, готовившимся держать конкурс в МИДе. Через них познакомился с несколькими служащими французского консульства в Питере, а затем, уже через последних, — и с самим генеральным консулом. Период конца 70-х — начала 80-х стал «золотым веком» в смысле регулярности и безопасности общения через бугор. На нас «работала» едва ли не половина французского представительства в Ленинграде, и даже генеральный консул Лёгрэн чуть не ежемесячно приносил лично стопку книг, письма и деньги к одному из наших ближайших друзей — Валере Звереву, бывшему основным «почтовым ящиком», и забирал от него рукописи и корреспонденцию. После Питера Лёгрэн («зернышко», по нашей тогдашней терминологии) сделался французским послом в... Монголии, ездил из Улан-Батора в Париж через Москву каждые три месяца и регулярно вез с собою в оба конца «отдельный груз». Досматривать на таможне господина посла и создавать дипломатический инцидент госбезопасность вряд ли решила бы,

по крайней мере, без особого указания с самого верха... (Забавно все-таки, как неискоренимо въелась в нас та, советская, жизнь — с ее конспирацией, особыми законами и табу: даже сегодня, рассказывая о «технологии» работы тех лет, я испытываю некоторый страх и инстинктивный внутренний дискомфорт, хотя времена вроде бы полностью изменились, Лёгрэн давно скончался, а Валерка — много лет живет во Франции...)

В любом случае такое «везение» было ненормальным и уж всяко небесконечным. Известное ведь дело: на полдороге в рай нас поджидает дьявол. Что-то должно было случиться. Правда, в то время я об этом не задумывался, а когда это «что-то» произошло, даже не заметил поданного мне знака, еще долго не понимая, во что все выльется...

С начала 77-го года Никита предложил мне стать заместителем редактора «Вестника», тогда же меня, по его представлению, кооптировали в Совет РСХД. Собирался Совет ежемесячно в большом зале движенческого дома. Отец Игорь произносил молитву Святому Духу, все подпевали, затем шло обсуждение движенческих и издательских проблем, после чего устраивалась общая трапеза — народ ведь собирался вечером, после работы, то есть проголодавшимся. Си-бемоль (очаровательная Наташа Зими́на, движенческая секретарша) протоколировала заседания, девочки из конторы приносили бутерброды, печенье, соки, вино. Обстановка домашности, семейности. Почти все были прихожанами движенческой церкви, тоже оставлявшей вполне «семейное» ощущение.

Еще в Питере предпочитал я маленькие храмы, крайне редко посещая Преображенский, Никольский или Свято-Владимирский. Кладбищенская церковь на Охте или шуваловская церковка были гораздо уютней, теплее, и внутреннее чувство пробуждалось в них легче и естественнее, чем под высокими, какими-то очень уж официальными и анонимными сводами соборов, в толпе совершенно незнакомых людей, стоящих перед алтарем или ожидающих очереди, после общей формальной исповеди, подойти под омофор...

Естественно, что и в Париже пошел я во Введенскую церковь, крохотную, под плоской стеклянной крышей, в пристройке движенческого дома. Да и отца Игоря Верника, настоятеля храма, очень полюбил. При обычной своей благожелательности и какой-то простоватой веселости был он на редкость строгим духовником, и идти к нему на исповедь каждый раз оказывалось мукой мученической. Это качество у знакомых священников мне приходилось встречать довольно редко. Отец Александр Шмеман (как

и раньше, еще в бытность мою в Союзе, отец Александр Мень или даже самый строгий из них — отец Василий Лесняк) исповедовал людей знакомых, к которым относился хорошо, — легко, если не формально, то во всяком случае снисходительно, не углубляясь в детали и как бы стараясь не касаться наиболее интимных отношений исповедуемого с Богом. Отец Игорь вынимал тебя до желудка, до аппендикса, не признавая общих покаянных разговоров и постоянно требуя конкретики. После исповеди ты выходил от него, как из парной, — мокрым с головы до пят, но облегченным. Служил он просто, без затей, проповеди читал спокойно и, опять-таки, основываясь на вполне конкретных вещах и деталях, хорошо известных присутствующим...

Обычно после воскресной литургии мы ехали завтракать к Никите, иногда целой компанией...

Однажды, кажется, в конце 77-го, во всяком случае, была зима, холод и дождь с промозглым ветром, — после литургии к нам с Никитой подошел Борис Юльевич Физ, не часто появлявшийся на рю Оливье де Серр. Борис Юльевич возглавлял комитет акционеров ИМКИ, входил в попечительский совет Сергиевского подворья и еще в массу каких-то советов и комитетов. «Boris est devenu quelqu'un», — говаривал о нем отец Игорь, имея в виду служебную карьеру, сделанную Физом, его обеспеченность, респектабельность и неперемное членство в руководстве всевозможных общественных институций. А Никита, намекая на наши общие иудейские корни, любил повторять, что Борис Юльевич передал мне свою милоть...

На этот раз Физ был до чрезвычайности взволнован и попросил нас выйти: нужно побеседовать.

Мы отправились в ближайшее кафе, где Борис Юльевич сообщил, что говорил с финансовым экспертом ИМКИ, что тот вне себя и отныне отказывается работать с Морозовым, а потому Ваню надо срочно убирать.

— Кто-то из вас должен взять на себя обязанности директора, — закончил Физ, обращаясь главным образом к Никите.

Воцарилось довольно долгое молчание. Потом Никита сказал, что, будучи государственным служащим (профессором с кафедрой в Нантере, то есть чиновником министерства просвещения), не может стать директором.

— Значит, придется вам, Володя, — Физ повернулся ко мне. Я взглянул на Никиту, ожидая помощи или хотя бы совета. Никита молчал.

— Как вы себе это представляете, Борис Юльевич? — спросил я.

— Очень просто. Внешне все пока останется как было, только к вам перейдут все подписи и вы будете вести реальную работу. С Ваней я поговорю сам и этот вопрос улажу. А потом мы все решим на Совете...

Я снова взглянул на Никиту.

Он по-прежнему молчал, явно устранив и оставляя выбор за мной.

Я помедлил — и ответил «да».

Зачем?!!

Множество раз впоследствии я спрашивал себя об этом. Положение мое в издательстве было идеальным. Принеся туда деньги и рукописи, приведя новых авторов, я мог издавать все, что хотел, при этом в финансовом смысле оставаясь полностью независимым от ИМКИ, что делало мою позицию в моральном отношении «absolument intouchable». Даже Никита оплачивал телефонные разговоры с Вермонтом и свои американские поездки — за счет ИМКИ. Я не брал от издательства ни гроша, а лишь приносил... Тщеславие? — надеюсь, что нет, во всяком случае, я всегда совершенно искренне отрицал в себе этот порок. Честолюбие? — возможно, поскольку никогда не считал это свойство дурным, полагая его едва ли не главным двигателем человеческого прогресса: сделать лучше других, добиться большего результата... Гордыня? — может быть...

Однако все эти вопросы приходили в голову потом, когда я пытался отразить события.

Тогда же единственным (во всяком случае, единственно осознанным) мотивом ответа — была неожиданно представившаяся возможность реформировать издательство, сделать из него настоящее дело, о каком мы мечтали с Никитой, какое нам обоим в те годы представлялось (или мне казалось, что представляется нам обоим)...

В общем, так или иначе, я ответил «да», не заподозрив ни на секунду, что это и был «первый звонок». Куда там... Когда я вернулся из церкви домой, ни о чем не ведавшая Рада, женщина вполне проникательная, открыв мне дверь, сказала: «Здравствуйте, господин директор», — по-видимому, на моей физиономии все было написано, как в школьных прописях...

Знать бы тогда, во что выльются последующие события, чем обернется фраза Бориса Юльевича «а потом мы все решим на Совете», каким мучительным, долгим, для всех унижительным и все разъедающим станет процесс реорганизации издательства... И еще знать бы, что всего через год, когда мы с Радой таким же дождливым промозглым вечером 8 ноября вернемся из Амстер-

дама, я позвоню Никите, он скажет: «Приезжайте немедленно», и когда я приеду, сообщит о том, что Ваня 6 ноября покончил с собой, а затем — в качестве резюме долгого разговора — произнесет первую из нескольких своих убийственных фраз: «Меня простят, хоть и не сразу; Вас — никогда»...

Впрочем, не берусь утверждать, что такое «знание» изменило бы ход событий...

(Продолжение следует)

***ИЗ ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖИЗНИ***

ПИСЬМА М.А.КУЗМИНА С.К.МАТВЕЕВСКОМУ

Вступительная статья, публикация и примечания
Н.А.Богомолова

До сих пор единственными источниками сведений об отроческих годах Михаила Алексеевича Кузмина (1872-1936) оставались два текста: написанное им летом 1906 года краткое повествование, озаглавленное «*Histoire édifiante de mes commencements*»¹ и обширная переписка с одноклассником, будущим советским наркомом иностранных дел Георгием Васильевичем Чичериным (1872-1936). Именно эта последняя, опубликованная до сих пор лишь частично², использовалась исследователями

¹ Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С.150 (Публ. С.В.Шумихина).

² Впервые, насколько нам известно, небольшие фрагменты из писем Чичерина использовал Г.Б.Кизельштейн в статье «Молодые годы Г.В.Чичерина» (Прометей. Т.7. М., 1969), чуть большие отрывки писем обоих корреспондентов опубликовала С.Чимишкян (Tchimichkian Satho. Extraits de la correspondance Mihail Kuzmin — Georgij Cicerin // Cahiers du monde russe et soviétique. 1974. Vol.15. №1/2), обширно цитировал письма Кузмина Дж.Э.Малмстад в своей биографической работе о Кузмине: *Mikhail Kuzmin: A Chronicle of His Life and Works* // Кузмин М.А. Собрание стихов. Т.III. München, 1977), в еще большем объеме письма обоих корреспондентов использованы в книге: Богомолов Н.А., Малмстад Дж.Э. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. М., 1996. В последнее время довольно значительная часть писем Кузмина опубликована А.Г.Тимофеевым в двух работах: «Итальянское путешествие» Михаила Кузмина // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1992. М., 1993; «Совсем другое, прошлое солнце»: Михаил Кузмин в Ревеле // Звезда. 1997. №2. Последняя из названных публикаций имеет для нас особое значение и в дальнейшем будет обозначаться сокращенно: Тимофеев (с указанием страницы). Не указываем других, более мелких публикаций фрагментов из писем. Весьма обширная переписка в основном хранится: ОР РНБ. Ф.1030. №17-22, 52-54 (письма Кузмина); РГАЛИ. Ф.232. Оп.1. Ед.хр.430-433 (письма Чичерина). Нам известны также несколько писем Чичерина, отколовшихся от основного корпуса: ГЛМ. Ф.111. №ф-2633 (частично процитированы: Кузмин М. «Высоко окошко над любовью и тлением...» / Вст. ст. и публ. Н.А.Богомолова // Наше наследие. 1988. №4. С.71; Тимофеев. С.139) и указание на еще одно письмо, хранящееся в фонде Б.М.Кострицы в кабинете рукописей Российского института истории искусств (Путеводитель по кабинету рукописей: Дополненное

чаще всего и практически безо всякой проверки, ибо возможностей для верификации сведений, почерпнутых из писем, не было никаких.

Публикуемые ныне письма такую возможность предоставляют, ибо обращены к другому гимназическому приятелю и касаются тех же самых тем, которые возникают и в переписке с Чичериным.

Итак, перед нами семь писем, относящихся к 1890-1891 и обращенных к Сергею Константиновичу Матвеевскому. Как следует из сведений, введенных в научный оборот А.Г.Тимофеевым, в 1878-1891 Матвеевский учился в санктпетербургской VIII гимназии, то есть окончил ее в один год с Кузминым, в том же году поступил в Императорскую Академию художеств³. В печатных источниках по истории Академии находим некоторые дополнительные сведения о Матвеевском: он родился 27 июня 1870 в семье некласного художника, проучился в Академии по классу живописи с 1891 по 1895 и был выпущен с тем же званием некласного художника, что и его отец⁴. О дальнейшей его судьбе сведений у нас почти нет. Как сообщила Г.К.Маркина, заведующая отделом письменных источников Новгородского музея-заповедника, где хранятся письма, в двадцатые годы он переехал из Новгорода, где ранее жил, куда-то в район, и следы его теряются.

В 1890 он входил в наиболее тесный круг друзей Кузмина. 21 июля этого года Чичерин сообщил Кузмину: «Мы очень много выдались с Викт. Влад. и моим давнишним другом Влад. Павл. Звонаревым /.../ Я очень рад, что наконец он познакомится с нашей компаниею (ты, Столица, Сергей, Соковнин, Григорий)»⁵. Из писем Кузмина Чичерину мы узнаем, что Матвеевский сделал портрет Сергея Столицы, их одноклассника, в которого Кузмин тогда был страстно влюблен⁶.

Впрочем, жизнь и судьба Матвеевского нас в данный момент не слишком занимают. Наиболее существенно то, что публикуемые письма проливают новый свет на некоторые ключевые моменты в жизни Михаила Кузмина, издавна волнующие тех исследователей, для которых его биография во многом определяет и все его творчество.

Вот как сам Кузмин вспоминал о тех годах, к которым относятся публикуемые письма:

Одно лето я жил в Ревеле, и, как Юша вообразил, что влюблен в Мясоедову, так я себя представил влюбленным в Ксению Подгурскую, девочку лет 16, с манерами полковой дамы. Это было наиболее детское из всех приключений. Скоро мы кончили гимназию. Мое религиозное (до того, что я просился в священники, и в гимназии, зная это наряду с несчастной влюбленностью

и исправленное издание «Путеводителя по архивным фондам Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии». СПб., 1996. С.41.

³ Тимофеев. С.161.

⁴ Юбилейный справочник Императорской Академии художеств: 1764-1914 / Сост. С.Н.Кондаков. Т.2. [СПб., 1915]. С.126; Список академистов Академии художеств за 1892/93 учебный год. СПб., 1892. С.23.

⁵ РГАЛИ. Ф.232. Оп.1. Ед.хр.430. Л.11-11об.

⁶ См.: Тимофеев. С.143 и др.

в Столицу, о связи с Кондратьевым и потом с другими уже одноклассниками, надо мною смеялись) настроенье прошло, я был весь в новых французах, нетерпим, заносчив, груб и страстен. Летом, гостя у дяди Чичерина, Б.Н. Чичерина, я готовился в консерваторию, всем грубил, говорил эпатажные вещи и старался держаться фантастично. Все меня уговаривали идти в университет, но я фыркал и говорил парадоксы⁷.

Напомним, что этот текст писался уже в 1906 для чтения своим друзьям, и потому события в нем несколько искажены. Прежде всего на это обратил внимание А.Г. Тимофеев, предположив, что подробно изложенный в письмах Чичерину из Ревеля «роман» с Ксенией Подгурской (или Подгорской, как называет ее Кузмин и в письмах к Чичерину, и в письмах к Матвеевскому) был для Кузмина весьма важен психологически:

Только одно объяснение принципиального невнимания М.Кузмина к ревельским каникулам 1890 года представляется нам психологически достоверным — искреннее, неподдельное увлечение Ксенией Подгурской /.../ Это чувство находится в видимом противоречии с той сексуальной ориентацией Кузмина, которая во многом сформировала облик и предопределила популярность нового поэта и писателя. Поэтому по мере того, как отходит в прошлое период юношеских исканий и поисков своего «я», писатель, определившийся литературно и психологически, «вычеркивает» эпизод, отягощающий его память, из творчества и образа своей жизни⁸.

Думается, что гораздо менее восторженные упоминания об этом романе в письмах к Матвеевскому (отметим, впрочем, что одно письмо, где об увлечении рассказано наиболее подробно, пропало на почте и до адресата не дошло) позволяют заподозрить вовсе не столь напряженные переживания, какими они кажутся по письмам к Чичерину. Не имея возможности безоговорочно настаивать на своем толковании, поскольку и ныне материал ограничен, все же предложим вернуться к более традиционной точке зрения, по которой мимолетные симпатии к нескольким сразу девушкам прошли для Кузмина без особых последствий.

Еще более важной представляется следующая группа писем, написанных из имения Чичериных Караул в Кирсановском уезде Тамбовской губернии, поскольку она позволяет несколько скорректировать само представление об отношениях Кузмина с Чичериным. Когда в нашем распоряжении были только письма двух друзей, казалось естественным следовать позднему свидетельству самого Кузмина:

В пятый класс к нам поступил Чичерин, вскоре со мной подружившийся, и семья которого имела на меня огромное влияние. Я радовался, отдыхая в большой, «как следует», барской

⁷ Михаил Кузмин и русская культура XX века. Указ. изд. С.150.

⁸ Тимофеев. С.139.

семье и внешних видах обеспеченного житья. Мы сошлись в обо-
жании музыки, вместе бегали на «Беляевские концерты», изучали
Моцарта, ходили на галерею в театр⁹.

Исходя из этого, строилась общая картина этой дружбы в биогра-
фической книге о Кузмине¹⁰, тем более, что и сохранившийся корпус пере-
писки не давал оснований для другой трактовки. Какими бы острыми
ни были споры между друзьями, они всегда, как казалось, заканчивались
мирным исходом.

Публикуемые здесь письма дают основания говорить о том, что даже
в самые ранние годы разногласия часто выстраивались в целую систему
противостояния, особенно когда это касалось не только взаимоотноше-
ний между двумя молодыми людьми, но и всего отношения Кузмина к
разветвленному семейству Чичериных, а особенно к наиболее известному
его члену — Борису Николаевичу. Конечно, отчасти это отношение явля-
лось плодом «эпатажности», но, судя по всему, в нем было и нечто, опре-
деленное реальными взглядами Кузмина. Прежде всего это относится
к той доктринальности, которая для Кузмина останется неприемлемой на
протяжении всей его жизни, будь то доктринальность Б.Н. Чичерина,
или Вяч. Иванова, или кого-либо еще. Но в то же время и «пустое фразер-
ство» младшего Чичерина, стремление ко всепониманию и постижению
как можно большего количества разнообразных культур также воспри-
нимается Кузминым как нечто совершенно чуждое. С известной степенью
условности можно было бы, видимо, обозначить его собственные устрем-
ления как желание глубочайшим образом пережить ряд избранных куль-
турно-исторических образований, сделав их основанием собственного
творчества. Все же остальное должно было, видимо, восприниматься
как дополнительные свидетельства, лишь подкрепляющие основные вы-
воды. Те же эпохи мировой культуры, которые в поле зрения не попа-
дали, слишком мало интересовали Кузмина, тогда как для Чичерина было
характерно стремление к всеобъемлющей универсальности при относи-
тельном безразличии к ценностной наполненности оказавшегося в поле
зрения материала. Вероятно, именно это и служило глубинной причиной
всех разногласий двух друзей. И письма Кузмина из Караула ценны для
нас прежде всего тем, что приоткрывают истоки расхождений, став-
ших впоследствии непреодолимыми.

Кроме этого, письма интересны тем, что позволяют хотя бы до
некоторой степени восстановить атмосферу искусства, неизменно окру-
жавшую если не всех, то хотя бы некоторых одноклассников Кузмина.
Живопись, музыка, поэзия составляют ту среду, в которой эти моло-
дые люди существуют. Свободное переживание разнообразных худо-
жественных впечатлений является для них уже в те годы существовшей
необходимостью. Помыслить свою дальнейшую жизнь вне этого
контекста было уже невозможно: она виделась не иначе как романтически

⁹ Михаил Кузмин и русская культура XX века. Указ. изд. С. 150.

¹⁰ См.: Богомолов Н.А., Малмстад Дж.Э. Михаил Кузмин: искусство, жизнь,
эпоха. Указ. изд. С. 17-71.

воспринятая жизнь художника (см. конец письма 5). Если раньше это можно было заключить лишь из переписки с Чичериным, то теперь новые свидетельства подтверждают это впечатление с высокой степенью достоверности.

Письма хранятся в отделе письменных источников Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Ф.193. Инв.№ 1915-1917. Приносим сердечную благодарность Е.Е.Степанову, указавшему нам на существование этих документов, и заведующей ОПИ Г.К.Маркиной, любезно разрешившей публикацию и много способствовавшей получению ксерокопий. Как следует из надписи на конверте, в котором хранятся письма, они были переданы в архив самим адресатом в 1920.

1

13 июня 1890 г.
Ревель

Мой милый друг,

я сегодня узнал твой адрес от Юрия и посылаю письмо в Петербург, надеюсь, оно тебя застанет¹. Я приехал в Ревель 2-го; погода была чудная, и мы доехали очень хорошо; поездка по морю меня очаровала: прелестные картины моря. Ревель сам по себе очень интересный город: такой древнегерманский: старые башни, высокие каменные дома с узенькими окнами и с выступами, загромождающими улицы, старинные кирпичи, ратуша, ворота, вал, все так скучено, так тесно. Мы живем не в городе, а в Екатеринентале — дачное место, лежащее около прекрасного парка с дворцами Петра и Екатерины. Парк очень хорош; меня очень забавляют названия аллей: «философии», «любви», «меланхолии» и т.п.²

Окрестности довольно хороши, но однообразны. Боюсь, что будет скучно, хотя я уже перезнакомился; кроме того, тут живут Мясоеды³. Все уж слишком аккуратно, такие немцы!

Я решил приводить в ужас благочестивых баронов и баронесс своими выходками, в чем и успеваю⁴. Мы имеем инструмент, и это дает возможность заниматься музыкою, хотя я более занимаюсь композиторством (как важно!), чем играю. Я продолжил «Дон Жуана»: окончил пролог (56 стр.) и начал первую сцену 1-го акта; кроме того, я написал «Improvisato» для форт[ельяно], скрипки и флейты и несколько переложений из Бетховена. В «Дон Ж[уане]» приходится делать множество сокращений, тем более, что я ввел лишнее действующее лице [так! — Н.Б.], в чем мне помог Юрий⁵. Вообще процветаю... Как ты? Что твоя скрипка? твоя кисть? твой резец?⁶ твой тенор? отпиши мне подробно обо всем, не то я надую губы. Вот мой адрес: Ревель, Екатериненталь. Ин-

ститутская улица, дом №151 (Нюлька) Михаилу Андреевичу К.⁷ Хотя здесь % [так!] 20, но мне холодно. Противный север! Милый юг и...⁸! Ведешь ли ты переписку с Юрием?

Долго ли ты пробудешь в Питере и как твой адрес впоследствии?

Напиши, если только желаешь от меня цедулоч [так! — *Н.Б.*]. Нахожусь в вожделенном здравии как духом, так и телесами. Не скучаю, так как уж такой природы, что «не способен к грусти томной»⁹, но все-таки не похож на Ольгу, избави Боже! Прости, не забывая находящегося на чужбине среди готских варваров твоего Михаила.

¹ 3 июня Кузмин просил Чичерина: «Напиши мне адрес Сергея» (Тимофеев. С.145).

² См. описание приезда в Ревель и первых впечатлений от него в письмах к Чичерину (Тимофеев. С.144-147). Ср. также сделанное через 10 лет В.Я.Брюсовым описание летнего пребывания в Ревеле, отчасти дающее представление о бытовых подробностях аналогичного пребывания Кузмина:

Поселились мы в Катеринентале. Липы, каштаны, дубы и море. За две комнаты под крышей у ф[рау] Ден платим в лето 35 р. Зато мебель старинная и тщательно сохраненная: все ящики запираются, ото всех замков есть ключи. Старушка, сдававшая кушетку, поторопилась дать нам вторую кровать. Разговаривала она с нами по-немецки, но говорит и по-французски, а с прислугой еще по-латышски.

Кстати, это смешение наций очень характерно. Пока мы искали комнату, мы вдоволь на него насмотрелись. Латыши грязны и пьяны, немцы, по преимуществу, прибраны и точны; а русские (они-то преимущественно и сдают комнаты) беспечны и беззаботны: за голые стены с ободранными обоями спрашивают 25 р. в месяц. /.../

Услуживает нам дворничиха Мина — чухонка. В первый же день под окном у нас какая-то довольно изящно одетая барышня читала какой-то другой много стихов и твердила: «Ах, я очень поэтична. Стихи, музыка и природа, без этого и не могу жить. Я сама сочинила много песен, только по-немецки». Оказалось после, что это дочь Мины. /.../ Ревель — северный Неаполь, eine Weltstadt, как говорил Бартенев. Немцы-ревельцы не надеются на свой Ревель, для них лучшего города быть не может. Несомненно, что Ревель европейский город. Он самодовлеющий, в нем есть все, что ему надо; он мог существовать, если бы весь мир пропал. /.../ все иное, что может искать культурный человек, тоже есть в Ревеле.

В нем свой постоянный театр, цирк, каждый год бывает обязательно выставка. Немало книжных магазинов, где на окнах выставляют последние новости Петербурга, Берлина, Парижа, так что окна пестреют декадентскими обложками. В городе несколько музеев (один — так называемый Provincial Museum, где собраны древности как местные, так и египетские, греческие etc., и, кроме того, есть недурной отдел изящных искусств и прекрасная публичная библиотека; другой музей в доме Schwarzenkopfer'ов; третий в Ратуше). Но это уже само собой понятно, ибо Ревель старинный город, сам являющийся как бы музеем.

В окрестностях Ревеля тоже словно нарочно все так подобрано, чтобы иметь все у себя. В Катеринтале [так! — Н.Б.] есть дворец (лето там живет эстляндск[ий] губерн[атор]) и «домик Петра Великого». Среди Катеринталя — горы Laasberg. Подальше есть развалины древнего монастыря св. Бригитты, обычное место для всяких воскресных пикников, до которых такие охотники немцы. Близ Бригитты сосновый лес над речкой и роскошный парк, куда пускают гуляющих (по билетам). В другую сторону от города — песочные горы, Голубой Грот и, наконец, верстах в 30 знаменитый замок Фалль, принадлежавший когда-то гр. Бенкендорфу, со всеми пышностями современного устройства.

В городе очень много клубов. Есть спортивные, устраивают скачки, гонки велосипедистов, катанье на лодках, пешеходные прогулки.

Очень много певчих обществ. Есть ученые общества, особенно известное «Литер[атурное] Общ[ество]». Затем клубы. В городе выходит 9 газет, это при населении в 100 000 человек. Я уже не говорю о внешних удобствах жизни — конка, дилижансы, расчистые пыльные etc.

При всем этом прелесть моря и особенное оживление жизни как большого порта. Чем не Weltstadt!

Брюсов В. Дневники. М., 1927. С.88-89, с дополнениями и исправлениями по рукописи — РГБ. Ф.386. Карт.1. Ед.хр.15(2). Л.17об.-18об.

³ О семье Николая Николаевича Мясоедова (1839-1908) см. в комментарии к письмам Кузмина к Чичерину (Тимофеев. С.162 и др.). Наиболее дружеские отношения у Кузмина были с дочерью Н.Н.Мясоедова Еленой Николаевной.

⁴ О провокативном поведении Кузмина см. в письме Чичерину от 12 июня: «Я вообще в сообществе с Леночкой [Е.Н.Мясоедовой] решил приводить в негодование благочестивых баронов. Одну баронессу мы довели уже чуть не до обморока тем, что оборвали в ее саду целый куст жасмину. В аллее *Любви* мы, сидя на скамейке, начинаем отчаянно болтать ногами. В аллее *Меланхолии* кричать петухами. Лазаем по водопаду; спускаемся, чуть не вниз головой, с самых крутых обрывов; бегаем по каменным заборам около моря...» (Тимофеев. С.147).

⁵ О музыкальных занятиях Кузмина этого времени см. в письме к Чичерину от 12 июня: «Мы достали пианино, довольно плохое, но играть можно. Я начал первую сцену, кроме того, я переложил *largo* из 2-й симфонии [Бетховена] /.../ Очень странно мне показалось то, что хозяин пианино требовал от нас расписки, что мы не будем об нем (т.е. хозяине) говорить и не иметь личного интереса. Что за фантазия?!» (Тимофеев. С.147). Говоря о конце 1880-х, Кузмин вспоминал: «Я начал писать музыку, и мы разыгрывали перед семейными наши композиции. Написав несколько ценных по мелодии, но невообразимых по остальному романсов, я приступил к операм, и всё писал прологи к "Д[он] Жуану" и "Клеопатре" и, наконец, сам текст и музыку к "Королю Милло" по Гоцци. Это первое, что я рискнул в литературе. Тогда я стал безумно увлекаться романтизмом немцев и французов: Hoffman, J.P.Richter, Фукс, Тик, Weber, Berlioz и т.д. меня увлекали страшно» (Михаил Кузмин и русская культура XX века. Указ. изд. С.150). «Дон Жуан» — опера Кузмина по мотивам драматической поэмы А.К.Толстого. См. подробнее: Тимофеев. С.162.

⁶ Возможно, скрытая цитата из стихотворения Е.А.Баратынского «Все мысль да мысль! Художник бедный слова!..»:

Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком
К ним, чувственным, за грань их не ступая!
Есть хмель ему на празднике мирском...

⁷ Ср. письмо Чичерину от 3 июня (Тимофеев. С.144-145).

⁸ Точки в оригинале.

⁹ Слова из арии Ольги (опера П.И.Чайковского «Евгений Онегин»). Эти же слова цитирует Кузмин в письме к Чичерину от 12 июня.

2

24 июня 1890 г.
Ревель.¹

Дорогой Сергей,

благодарю за ответ. Узнал из газет о подробностях происшествия в Любани. Очень трогательно! Случись это в первые века христианства или в мистические средние века — эту девочку причислили бы к лику святых². Ты просил подробности о «Дон Жуане»? Изволь. Это — опера, следовательно — вещь оркестровая, но пишется [?] в виде клавираусцуга. Пролог я написал еще в Петербурге. Там две сцены (я пишу, следуя доктринам Вагнера, все сплошь, разделяя только на сцены, а не на нумера³). Первая включает хоры: духов, облаков, ласточек, журавлей, цветов и песнь соловья; 2-ая — диалог Сатаны с духами и его рассказ. Первый акт состоит из 3-ех картин и 6 сцен: из них написаны: 1 сцена 3-ей картины и начата 1 сцена 1-ой картины.

1-ая картина: 1 сцена — монолог Д[он] Ж[уана] (начат)

2 сцена — диалог с Лепорелло

2-ая картина: 1 сцена — сцена Д[он] Ж[уана] с д[онной] Анной.

2 сцена — сцена с Командором.

3-ья картина: 1 сцена (*написана*): введение (слова Юрия), серенада, элегия, хор девушек и монолог Инезилья;

2-ая сцена, заключительная.

Дальше не пишу плана: слишком долго. Всего будет 3 акта. Действующих лиц — 20. Начал еще маленькую вещь для скрипки между делом⁴.

Ужасно скучаю. Я с некоторых пор впал в «тоску по родине», по югу. Просто ужасно! по ночам плачу, днем грущу.

Единственное мое удовольствие — это злить своим поведением чопорных баронов, в чем и преуспеваю. Можешь себе представить? Ты пишешь, что захватил свою скрипку, — я, грешный человек, изменил своему кларнету и оставил его в Петербурге. Впрочем, кажется, результат будет и у меня, и у тебя один и тот же — инструменты пролежат в футлярах. Что же касается твоего рисованья, то я решительно не понимаю, почему ты им не занимаешься. Неужели оно кого-нибудь беспокоит? Если же это просто лень, то это непростительно! «И сказал господин рабу, скрывшему свой талант: "лукавый раб и неверный"»... и т.д.⁵ Берегись! Кроме того, тебе нужно привыкать работать, если ты хочешь, что, конечно, всего удобнее, заниматься академиею вместе с университетом⁶.

Извини за наставления.

У нас отвратительная погода: каждый день дожди. Вздумал было купаться, но простудился. Бываю на музыке и гуляньях, все это производит удручающее впечатление: так все глупо и пошло! Скучно!⁷

Прощай!

Твой друг

М.Кузмин

Пиши, пожалуйста.

¹ Ответ на неизвестное нам письмо Матвеевского, полученное Кузминым 22 июня, о чем см. в письме Чичерину от 23 июня: «Вчера получил письмо от Сергея: ты с ним ведешь переписку?» (Тимофеев. С.150).

² Имеется в виду событие, описанное в газетной хронике:

16-го июня в Любани случилось *трагическое происшествие*. Три девочки (старшей с небольшим 13 лет, второй 11 лет и третьей 9 лет) пошли купаться с горничной. Прежде чем девочки

успели совсем раздеться, горничная была уже в воде. Случилась ли с ней судорога или что другое, только она стала тонуть. Старшая девочка Вера, не умея плавать, бросилась, не снявши даже рубашки, спасти тонущую горничную, и обе погибли! Вторая девочка, видя утопающую сестру, пошла также в воду, но, когда вода дошла до рта, решила вернуться /.../ В газете «Свет», сообщившей об этом происшествии, сегодня анонимным корреспондентом передается чрезвычайно трогательная характеристика погибшей девочки:

«В 11 лет, по ее настоятельной просьбе, ей дали читать евангелие, прочитав его, она уже не расставалась с этой книгой /.../ она с поразительной ясностью понимала дух евангельского учения и возлюбила его всею сильною своею отроческою, чистою душой /.../ Она очень хорошо познакомилась с историей, отлично помнила эпохи и оценивала по-своему деяния людей /.../ последним ее чтением была книга "Жизнь Иисуса Христа" Фредерика В.Фаррара, которую читала еще за минуту перед тем, как идти купаться /.../ Несмотря, однако, на чрезвычайно серьезное свое развитие, это был ребенок, постоянно веселивший и одушевлявший всех. /.../ В дополнение к этому надо добавить, что когда вторая сестра дошла до обрыва по рот в воде и подала руку сестре, барахтающейся в омуте, то утопавшая схватила ее и моментально бросила. Этот поступок был поступком сознательным, о чем можно заключить из следующего. Девочка множество раз говаривала, что, когда человек тонет, то надо схватить утопающего, не допуская, чтобы он схватил спасающего /.../ Поэтому надо думать, что она вспомнила свои слова в тот момент, когда схватила руку сестры, и бросила, чтобы не погубить ее, и затем погрузилась в глубь.

Новости и биржевая газета. 1890. 24 июня. №171

³ Об отношении Кузмина к творчеству Р.Вагнера см.: Шмаков Г. Михаил Кузмин и Рихард Вагнер // *Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin. Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 24. Wien, 1989.* К слову, приведем цитату из несколько более позднего (9/21 июня 1896) письма Чичерина к Кузмину о Вагнере: «Вагнеровское искусство, массивное и претенциозное, как Берлинские здания, монументальное, как Вавилонская башня, но с повсеместным веянием действительного величия; колоссальный фасад должен быть целен, и нужно мириться с необходимыми на нем голыми или однообразными местами» (РГАЛИ. Ф.232. Оп.1. Ед.хр.430. Л.197об.).

⁴ О музыкальных занятиях Кузмина в это время см. в письме к Чичерину от 23 июня: «Мне много дела по музыке: хочу непременно за лето окончить 3-ю сцену [«Дон Жуана»], нужно дописать «Une nuit ou bord du lac», переписать «Larghetto» Beethoven'a, дописать «Chant d'Emmanuel» и все свои романсы привести в порядок» (Тимофеев. С.150; отметим, что, судя по всему, название второго из упоминаемых произведений долж-

но читаться «Une nuit au bord du lac», т.е. «Ночь на берегу озера», а не «Ночь, или Брег озера», как переведено в тексте публикации).

⁵ Неточная цитата из: Мф. 25:26.

⁶ Нам не известно, учился ли Матвеевский в университете параллельно с Академией художеств.

⁷ См. также в уже цитированном письме Чичерину от 23 июня: «Я только что вернулся с гулянья, т.е. с музыки, представления и т.п. Видел на нем прелестную девочку лет 13. Прелестные пепельные кудри, причесанные так, как будто она не знала, что с ними делать, так их много. Большие сине-серые глаза и правильный нос. Ужасная кокетка: не идеальна и не небесна. /.../ Ах, Боже мой, какая скука в Ревеле! /.../ Кто хочет умереть с тоски — поезжай в Ревель! /.../ Я начал купаться и простудился» (Тимофеев. С.150). Как представляется нам, описание времяпрепровождения Кузмина, сделанное в письме к Матвеевскому, заставляет несколько усомниться в том, что увлечение Кс.Подгорской (Подгурской) было серьезным.

3

12 июля 1890 г.

Ревель

Милый друг,

прежде всего я должен извиниться, что так долго не отвечал тебе: все было как-то некогда¹. Я не знаю, почему Юрий тебе не пишет: я посылал письма также в Умени и в Ножавино вместо Умёта и Инжавины, но письма дошли². Почему ты от Юрия ждешь письма более, чем от меня? а?

Я уже перестал приводить в негодование благочестивых баронов или, вернее сказать, они перестали возмущаться; а чтобы их возмутить, нужно очень немного, стоит только оборвать цветы в чужом саду, влезть на недоступную, по их мнению, скалу, пойти босиком в море, запеть громко в парке, раскланяться незнакомым дамам и т.п. *Ce sont des betises* [так! — Н.Б.].

Я немного скучаю, хотя тут бывают спектакли, танцы и музыка, и я приобрел еще несколько знакомых, в том числе одну барышню, Ксению Подгорскую, которою очень увлекаюсь³. Но это пройдем молчанием, как говорит Цицерон. Я уже начинаю думать о Петербурге и о вас, мои милые друзья. Вообще, это бывает всегда так со мною: начиная с декабря, я начинаю думать о лете, с июля — о городе. Когда ты думаешь приехать в Петербург? Мы, вероятно, к 12-му. Эту зиму ты непременно должен бывать у меня: неужели тебе это так строго запрещено родителями? или, может быть, ты думаешь, что наш дом неприличен: спроси об этом у

Юрия. Может быть, ты скажешь, что ты не бываешь у меня совсем не потому, а потому, что я недостаточно представляю интереса — в таком случае, конечно, мне останется — молча проглотить пилюлю... Нехорошо!

Я тоже припомнил историю, но немного при других обстоятельствах, чем ты. Здесь есть развалины монастыря Св. Бригитты. Это был католический монастырь, разрушенный Иваном Грозным. Подземный ход между ним и Ревелем был завален, монахини были замуровлены — энергичная расправа. И теперь еще в лунные ночи можно видеть огни в окнах заброшенного монастыря и тихое пение молитв. Прелестно! Он произвел на меня сильное, очень сильное впечатление. Это так поэтично, так фантастично, так мистично, так романтично! Под влиянием его я написал «Ave Magia» для соло сопрано, 5-тиголосного женского хора и оркестра⁴. Сюда на днях прибыла практическая эскадра: 10 кораблей — это красиво⁵. Но все-таки скучно: скорей бы осень! Там Петербург, там все, там концерты, там театры, там-там-там... (Прибавь сам, что придумаешь).

Как-то я составил список моих недостатков (набралось до 14), достоинства хочу попросить написать других: неловко же хвалить самого себя⁶!

Осенью покажу, если хочешь.

Извини за почерк.

Твой друг

М.Кузмин

Пиши скорее; не бери примера с меня⁷.

¹ См. в письме к Чичерину от 9 июля: «Получил недавно письмо от Сергея, где он почти все время жалуется на то, что ты его забыл и не пишешь к нему. Целая Иеремиада!» (Тимофеев. С.154).

² Ср. в письме к Чичерину от 12 июня: «Предыдущее письмо я послал в Умени» (Тимофеев. С.148). Ст. Умет находилась в Тамбовской губ., там жил В.Н.Чичерин. Ст. Инжавино находится в 12 верстах от Караула и яляется ближайшей к имению.

³ См. подробнее в письмах к Чичерину и комментарии А.Г.Тимофеева. Согласно его разысканиям, Кс. Подгурская училась в санктпетербургском Елисаветинском институте и окончила курс в 1894.

⁴ См. описание этого монастыря в письме к Чичерину от 3 июля.

⁵ *Практическая* (т.е. предназначенная для практики гардемарин) эскадра прибыла в Ревель 6 июля (Русский инвалид. 1890. 10 июля. №149).

⁶ Самоаналитические тексты подобного рода были весьма распространены в конце XIX века. Ни один такой текст Кузмина нам, с сожалением, не известен. Однако отчасти его можно восстановить по письмам к Чичерину. 9 июля Кузмин писал: «Находят, что я дерзкий мальчишка, но вместе с тем очень остроумный. Я до сих пор не знал, что я дерзок. Я как-то написал список моих недостатков (набралось до 14); достоинства же хочу попросить написать другого, т.к. неловко же хвалить самого себя. Осенью покажу». И далее, 16 июля: «Неужели я — смел? Если это так, то вот еще одно достоинство к моему списку. Леночка [Е.Н.Мясоедова] мне сказала 2 моих достоинства: добр и остроумен. Теперь еще смел — 3. Только?! а недостатков — 15» (Тимофеев. С.154, 156). Любопытно, что существует аналогичный текст 1930 года, принадлежащий Г.В.Чичерину и восстанавливающий по памяти сделанный в юности (описание его см.: Чичерин А.В. Сила поэтического слова: Статьи: Воспоминания. М., 1985. С.267-290, фрагменты опубликованы: Бронфин Е. Г.В.Чичерин-музыкант и его книга о Моцарте // Чичерин Г.В. Моцарт: Исследовательский этюд. Л., 1987. С.21-22).

⁷ Ответом на это письмо является письмо Матвеевского от 15 июля (Тимофеев. С.170).

4

1-го августа 1890 г.
Ревель

Представь, мой друг, я хотел сегодня сам писать письмо, начинающееся с такого же вопроса, как и твое! Дело в том, что 21-го я тебе написал длинное письмо и с нетерпением ожидал ответа; и вдруг получаю: «Что ты меня совсем забыл?» Отчего оно не дошло, это ведает один Алла [так! — *Н.Б.*], а, может быть, и ваш дворник. Но не знаю, упрекать ли мне судьбу или благословлять ее за то, что она воспрепятствовала моему письму дойти до тебя. С одной стороны, там было много глупостей, которых тебе лучше было бы не получать, с другой стороны, там было много интересного о переселении душ, о моем увлечении некоею Ксениюю, о Гофмане и т.п.¹ Конечно, я мог бы все это снова написать, но это — скучно. Повторю только 2 вопроса, на которые прошу покорно ответить поскорее, а не откладывать до личного свидания. Во-первых: веришь ли ты в сверхъестественное? твоим ответом обуславливается некоторое объяснение осенью. Во-вторых (я представляю себе твое лицо, когда ты будешь это читать, но не обижайся). Спрашиваю тебя как искреннего друга, который не будет скрывать своего мнения из вежливости: находишь ли ты во мне черты неестественные? Если да, то напиши, и я по возможности постараюсь исправиться. Ес-

ли же они составляют основные черты моего характера, то они не могут быть неестественными (т.к. они врожденные).

Я уже начал считать часы до моего отъезда: доказательство, как мне весело. Впрочем, мне летом скучно везде, если только я живу более 2-х недель на одном и том же месте. Как твоя переписка с Юрием? Я веду довольно энергичную. Относительно начала занятий произошло разногласие между директорами гимназий: одни говорят, что надо прибавить 2 недели, считая с 7-го, другие — с 13-го². Вероятно, нас соберут 16-го и объявят, что мы можем расходиться до 21 или 29-го. Акт, во всяком случае, будет не 16-го, а в октябре, так как и директор и инспектор³ вернутся из-за границы не раньше сентября. Впрочем, все эти сведения я получил от Алексея или из газет (что почти одно и то же), так что за достоверность не ручаюсь. Мои бароны и баронессы все по очереди умирают (только не от холеры); вероятно, оттого, что они сюда и приехали полуживыми. А живые все еще воюют с нами, особенно один баронет, которому мы попали в лоб крыжовником, бросив его в открытое окно etc.

Я думаю, что работа и не есть главное отличие человека от животных: работать может и лошадь, и вол. Разум не может производить физического труда. Машина не имеет преимуществ над человеком, т.к. она сама — плод разума.

Я написал на днях «Мадагаскарскую песню» для сопрано и «Узника» для баса⁴.

Еду 9-го августа. Впрочем, кто знает?⁵

А китайский император по дороге к японскому сюда действительно заедет: теперь он еще у королевы Сандвичевых островов⁶. Прощай.

Остаюсь жив и здоров, чего желаю тебе и твоей лодке.

Целую тебя в сахарные уста твои (как пишут обыкновенно кормилицы своим мужьям).

Михаил Кузмин

Твой друг, конечно!

¹ Имеющееся здесь в виду пропавшее письмо Кузмина так описано в письме к Чичерину от 20 июля (отметим, что, таким образом, дата 21 июля — неверна): «Я имею в виду посоветоваться осенью с тобою насчет одного плана, который может иметь для меня решающее значение. Письменно объяснять было бы слишком долго и неудобно. Недавно послал Сергею письмо мистико-фантастического содержания — пробный шар! Как ты думаешь, можно ему довериться относительно Эммануэлы? Это нас сблизило бы». Отчасти содержание этого письма можно восстановить по другим письмам к Чичерину. Помимо письма от

3 июля, где рассказано о начале увлечения Кс. Подгурской, см. также в письмах от 9 июля («Я увлекаюсь Гофманном, хотя и не читаю его. Чтобы еще более походить на его героев, я хочу зимою завести черного кота...»); 11 июля («Случалось ли тебе при встрече с кем-ниб[удь] совсем незнакомым припоминать, что его когда-то давно, давно видел /.../ Приходит на ум, не посещала ли твоя душа раньше эти места давно, давно; начало идеи о переселении душ. Это со мною случилось с Ксенией! Сладко и страшно! Я видел уже ее образ прежде, но не помню когда...» и т.д.); 16 июля («Увлекаюсь Гофманном. Ты его, кажется, не признаешь? Увлекаюсь до поклонения, наравне с Берлиозом, Вагнером, Листом и Гюго! Чудо!»). См.: Тимофеев. С.154-156.

² См. в газетной хронике: «Между директорами учебных заведений возникли, по словам провинциальных газет, разногласия по поводу министерского циркуляра, которым продлены каникулы на две недели. Одни из директоров считают эту прибавку со дня начатия, по прежним правилам, занятий, то есть с 7-го по 21-е августа, другие же считают начало занятий с 13-го августа, как сказано в циркуляре. Недоразумение это будет, по всей вероятности, препровождено на разрешение попечителей подлежащих учебных округов». — Новое время. 1890. 30 июля (11 августа). №5178.

³ Директором 8-й гимназии в это время был Я.Г.Мор, и о инспектора — К.В.Фохт. О них см.: Лавров А.В., Тименчик Р.Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях современников // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1981. Л., 1983. С.136.

⁴ О «*Мадагаскарской песне*» на слова К.Н.Батюшкова см. в письме к Чичерину от 16 июля. «*Узник*» — романс Кузмина на стихи А.С.Пушкина.

⁵ По данным, собранным А.Г.Тимофеевым, пароход «Рига», на котором, видимо, и отправился Кузмин, ушел из Ревеля в Петербург 8 августа.

⁶ Ироническая фраза, по всей видимости, пародирует постоянные известия «Нового времени» о разнообразных перемещениях коронованных особ по всему миру.

Мой друг, извини меня и не брани за мое молчание, которое, без сомнения, тебя печалило. Все как-то не случалось мне писать: то было впечатление дороги и путешествия, и потом было слишком грустно; хотя теперь не менее грустно, даже еще хуже, но я все-таки пишу. Мне тяжело, потому что я остаюсь совершенно

чужд здешней природе и не могу говорить, как Юша, что «я видел Италию, Францию, Германию, но ничто мне не переворачивает внутренности, как караульский выгон!»¹, а у меня внутренности переворачиваются только после обеда. Во-вторых, мне тяжело, так как все-таки я живу в чужом семействе, которое совершенно мне не знакомо и смотрит на меня чуть ли как не на приживальца. Впрочем, тут, может быть, я мелочно самолюбив, но все-таки неприятно. Я раскаиваюсь отчасти, что я поехал, я ужасно тоскую по морю. С внешней стороны все любезны и гостеприимны, но иногда что-то проскальзывает, что заставляет меня предполагать, что на меня смотрят именно таким образом. Может быть, я ошибаюсь — дай Бог.

Его дядя и тетя² очень умны и образованны, но односторонни и довольно нетерпимы, так что часто приходится уходить, чтобы не слышать глумления над тем, что дорого и свято для меня. Юша очень подпадает под их влияние и часто высказывает взгляды, совершенно отличные от прежних. Вообще я более и более замечаю, что все то, что он так логично, убедительно и даже красноречиво иногда доказывает, не составляет для него сердечных, субъективных убеждений, а он сам их себе привязывает, считая это удобным. Я не знаю, что действительно составляет его убеждения, разве то, что за отсутствием убеждений нужно говорить фразы, образуясь с обстоятельствами. Он «все признает, все понимает, всем может восторгаться, все допускает». А в сущности он ничего не признает, ничего не понимает, ничем не может восторгаться, а его терпимость имеет целью [с] помощью пустых фраз привести всех к его нетерпимости. Ядро этого составляет пустое фразерство и педантизм. И так во всем, во всем!

Не думай, что я забыл правило: «Не судите, да не судимы будете». Я не сужу, я не упрекаю (всякий человек сам себе судья), но мне горько, бесконечно горько.

Я получил правила из консерватории³. Довольно туманно, хотя и не Шуман. Но все-таки готовлюсь, там — что Бог даст. Как ты? пиши, пиши, чтобы я здесь не умер с тоски. Скоро мы оба предадимся искусству, и как светло потечет наша жизнь. Светло не в матерьяльном отношении, а в занятиях обожаемым делом. Я знаю, что иду не на розы, а на чердак, и все-таки иду с блаженством, с глубоким блаженством.

Прощай, мой милый, мой дорогой друг.

М. Кузмин

¹ Подобные пассажи в письмах Чичерина к Кузмину регулярны. См., напр., фрагмент письма от 16 июня 1893 г., опубликованный: Богомолов Н.А., Малмстад Дж.Э. Указ. изд. С.26-27. Реакция Кузмина на такие заявления была достаточно однозначной. См., напр., в письме от 20 июля 1890: «Не согласен с тобою и относительно простора степей. Я видел эти степи в Саратовской губернии, я видел их в Тамбовской губернии (из окна вагона, положим), я видел их в Самарской губернии очень близко и довольно долго. Странное дело! Они не производили во мне восторга и энтузиазма, но они и не производили на меня такого болезненного, шемящего, безысходно-тоскливого впечатления, как это бывает с некоторыми нервными людьми. Я оставался совершенно холоден, я безучастно смотрел на них, я не понимал их прелестей, я чувствую себя совершенно чуждым им...» (Тимофеев. С.157). Описание Караула и интеллектуальной жизни там (хотя и значительно более позднего времени) см.: Чичерин А.В. Сила поэтического слова. Указ. изд. С.272-314.

² Имеется в виду историк, в 1860-е профессор государственного права Московского университета Борис Николаевич Чичерин (1828-1904) и его жена Александра Алексеевна (1845-1920). О них Чичерин писал Кузмину 1 июля 1890: «И дядя и тетя оба — необыкновенные люди по уму и по развитию, так что здесь в высшей степени интеллектуальная атмосфера, и пребывание здесь дает мне очень многое» (цит. по: Кизельштейн Г.Б. Указ. изд. С.230; там же см. портреты Б.Н. и А.А.Чичериных). Ценные материалы об отношениях Г.В.Чичерина с его родными см.: Наумов Е.Ю. Переписка Г.В.Чичерина с Б.Н. и А.А.Чичеринными в фондах московских архивов // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981.

³ Как раз в это время Кузмин готовился к поступлению в С.-Петербургскую консерваторию (см. во вступ. статье). О своих занятиях он так вспоминал: «В консерв[атории] я был у Лядова на сольфеджио, у Соловьева — на гармонии, у Р[имского]-Корсакова на контрап[ункте] и фуге» (Михаил Кузмин и русская культура XX века. Указ. изд. С.150). Несколько подробнее см.: Богомолов Н.А., Малмстад Дж.Э. Указ. изд. С.24-25.

28 июня 1891

Мой друг, ты, я думаю, заключил по моему последнему письму, что я поссорился с Юшей не на живот, а на смерть; на самом деле никакой ссоры, никакого разрыва не происходило, а просто распадение. Пока я все принимал за чистую монету, были сердечные отношения; мало-помалу глаза мои стали открываться, отношения охлаждаться; теперь совсем исчезли; я не говорю приятельские отношения, а дружеские, когда открываешь всю душу, все мысли, все желания, все планы, встречаешь живое участие и бодро идешь вперед рука об руку. Я думал, что такие отношения воз-

можны, а они невозможны. Что ж? тем лучше: лучший друг — сам я¹. Приятельским же отношениям нет причины прекращаться: я буду ходить к ним, он — ко мне, будет развивать мой невежественный ум, будет давать мне читать произведения своего дядюшки, которые валяются у меня под столом², ходить на русские концерты³, доказывать с жаром разные софизмы, патетически делать вид, что восторгается произведениями искусства. Нет сил перечислить всего, что я в ослеплении считал доказательствами искренней дружбы. Впредь буду осторожнее⁴.

Жизнь в Карауле делается все более и более несносной: каждую минуту слышишь самое легкомысленное надругание над всем, что я боготворю⁵, исключительно потому, что они имели несчастье не понравиться Бор[ису] Н[иколаевичу], который считает себя не только первым историком (выше Тэна и Момзена⁶, по его словам), но и безапелляционным судьей по всем отраслям науки и искусства. Все слушают его афоризмы и благоговеют. Нетерпимость ужасная, уважения к чужому мнению никакого. Вообще все окружающие несносны до невозможности, исключая графини Капнист⁷, которая, действительно, очень проста, изящна, умна и остроумна. Приехал вчера учитель к Капнист, московский учитель латинского языка. В тот же вечер схватился спорить с Б.Н. Какая вульгарность, запальчивость, пошлость, глупость, ни одной дельной мысли, придирка к словам, просто руготня. И подумать, что это маститый философ обменивается мыслями с представителем молодежи! К счастью, можно предположить, что это не представители, а претенциозные посредственности, решающие судьбы мира и произносящие приговоры гениям⁸. К счастью!

Приезжали аристократические гости — пустота и сплетни (напр[имер], [?] Петровы-Соловые). Теперь дождь и холод.

Прощай, мой милый, ты можешь представить, какое удовольствие доставляют мне письма из Петербурга.

М.Кузмин

Юша велит сказать: «Мнемоника здравствует [так! — Н.Б.]». Но по-моему, это просто шарлатанство, которое дает возможность запоминать 1000 бессмысленных слов. Хронологию всякий запоминает посредством общей линии событий, а не голою памятью, стихи и музыку также. А мнемоника годится только для ярмарочных фокусов. Я говорю: «По-моему».

¹ В тексте помета рукой, очевидно, Матвеевского: «Достоевский?».

² В тексте помета: «К чему ирония?»

³ Имеются в виду т.н. «Беляевские концерты», т.е. «Русские симфонические концерты», учрежденные музыкальным критиком М.П.Беляевым. Кузмин часто посещал их вместе с Чичериным.

⁴ В тексте помета: «Жребий человека ошибаться».

⁵ Исправлено на: «над всеми, которых я боготворю???»

⁶ Ипполит Тэн (1828-1893) — французский философ, в круг внимания которого часто входила история. Теодор Моммзен (1817-1903) — прославленный немецкий историк.

⁷ Кто именно из родственников А.А.Чичериной (урожд. Капнист) здесь имеется в виду, определить вряд ли возможно.

⁸ Сверху вписано: «Не единому и пришлому человеку решать судьбы мира».

7

9 июля 1891 г.

Спасибо за письмо. Я не ратую против такого способа переписки: одно письмо общее, другое — частное. Ты даешь мне довольно непроизводительный совет: «С волками жить — по-волчьи выть»; это — не совет и не правило, а констатирование факта, т.е., живя с волками, приучаешься выть по-волчьи. Я так понимаю эту поговорку, потому что, во-первых, эта же самая поговорка выражена у других народов в повествовательной, а не в повелительной форме, во-вторых, потому, что было бы бесполезно и безнравственно советовать менять свои утверждения соответственно с обстоятельствами. Может быть, это имеет значение: относиться к людям так, как они к тебе. Но это слишком произвольное толкование. И, во всяком случае, — это не правило, а просто вывод, насколько сильно влияние обстановки и общества.

Придется просто терпеть и повременить топиться в Вороне¹: в Неве все же лучше. Конечно, бывают светлые проблески: когда я за музыкой или один, но редко — виновато леченье: все время занято бездельем и ни минуты свободной для дела — приходится ночью. Тем лучше, меньше спать — больше жить. Жить?! В таком-то муравейнике? Когда-то в Петербург!

О Юше я высказал свои убеждения, не смягчая их; ты этого не потребуешь, да и они не настолько жестки. Скептицизм в нем такой же привязной ярлык, как и все остальное; искренен он потому, что сам поддается обаянию своей прицепленной фразы, которая одна неограниченно царит над ним. Влияния, совершенно чуждого духу данного человека, не может быть, и из неродственных духу влияний не может создаться своего. Человек имеет опре-

деленный склад души и не может поддаться противоположному влиянию. Таким образом, влияние может быть только близко подходящее под субъективность данного лица и может только расширять и усиливать личные убеждения, а не изменять их. Человек стремится к сохранению своей субъективности и должен к этому стремиться, так как это истинно и велико — полнейшее обособление своей индивидуальности и развитие ее до возможных пределов. Объективность — это отсутствие субъективности, отсутствие личности, безличность, ничтожество, нуль. Никакое влияние радикально изменить мнений не может, если только мнения не привязные.

С годами ничего не проходит, кроме годов, и фразерство — не отличительная черта юности.

Ты говоришь, что истины нет, но это совершенный вздор. Есть у Ал.Толстого, кажется, стихотворение, где истина изображена в виде огромного города, окраины которого совершенно различны. Несколько людей захотели узнать, что это за город, и все подъехали с разных сторон. Когда они съехались, то один утверждал, что это — большой каменный город с церквями, другой — что это большая деревня с садами, третий — что это большая гавань с кораблями и т.д. И они поссорились и убили друг друга, и все были правы².

Иисус не отвечал Пилату: они бы не поняли друг друга. Иисус не мог понять, что светлая частная жизнь — веселые праздники очаровательных балов, внешняя красота природы и жизни составляют для Пилата истину. И Пилат не мог понять, что этот оборванный, замороженный еврей — представитель истины³.

Иисус не мог обратить Пилата, он это знал и не начинал бесполезного труда. Он знал, что нужно не меткое слово, не страстная мистическая импровизация (как Нагорная проповедь⁴), а доказательная речь, основанная на логических законах и фактических примерах: он этого не мог дать — и промолчал. И Иисус был прав, и Пилат был прав; оба были правы со своей субъективной точки зрения; а другой и быть не может: это — высшее мерило всего. Как может сказать человек человеку: «Это — черное», когда тот видит, что это — белое; третий скажет, что это — красное, и все будут правы.

Раз мне кажется, что это белое, то для меня несомненная истина — что это белое. А абсолютно никто не может сказать, что это такое. Каждый сообразуется со своею субъективностью, это — так, и должно быть так, так как это — так. А личности, у кого нет определенной личности, будут, как Полоний в «Гамлете»⁵. Один скажет: «Смотрите, как это облако похоже на слона». —

«Совершенный слон». — «А по-моему — это жираффа». — «Вот-вот, вот я это и хотел сказать». — Только Полоний из угодливости притворялся ничтожеством, а те — ничтожество по самому своему ничтожеству и пустоте. Скажут им добрые люди: «Это черно». — «Как чернила», — ответят они. Другие скажут: «Протрите глаза, смотрите, ведь это — бело!» — «Как снег», — ответят они. Это с годами не проходит.

Я Юшу очень люблю и жалею, что мы не можем быть друзьями. Я односторонне субъективен; он всесторонне объективен. Авторитет человека — он сам, идеал — в нем, зависит от его субъективности и, следовательно, то, что я говорю, не мешает тому, что ты говоришь, что идеал — авторитет. Я только беру более общее понятие — субъективность.

Завидую тебе, что ты живешь среди музыки. Здесь не очень много ее, в определенный час я не могу, во всякий час я тоже не могу. Там духовно, тут матерьяльно. Юша болен; лихорадка; теперь легче; он очень мнителен: не понимаю. Пиши мне ответ. Согласен? с тем, что ты мне напишешь, и с тем, что я тебе написал. Поклон Петербургу. Прощай.

Твой друг

М.Кузмин

Объясни про женщин и полтаву [так! — *Н.Б.*]. Будь здоров и счастлив.

¹ *Ворона* — река в Тамбовской губ., протекающая и через Караул.

² Кузмин не вполне точно пересказывает сюжет стихотворения А.К.Толстого «Правда».

³ См.: Ин. 18:37-38.

⁴ Мф. гл.5.

⁵ См. Шекспир У. Гамлет. Акт 3, сц.2 (у Шекспира в качестве подобия облака называются верблюд, хорек и кит).

Константин Олимпов
ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭГОПОЭЗИИ ВСЕЛЕНСКОГО
ФУТУРИЗМА

Публикация А.В.Крусанова и А.М.Мирзаева

Поэт Константин Олимпов (К.К.Фофанов, 1889-1940) мало известен современному читателю. Имя его упоминается, как правило, только в мемуарах современников и специальных работах¹.

Формирование футуризма в России представляло собой сложный процесс взаимодействия ряда художественных и литературных группировок Москвы и Петербурга в 1908-1914. Термин «футуризм» закрепился за этим движением только в 1913. До этого времени художники и поэты пользовались разнообразной терминологией, иногда применяя синонимичные «футуризму» самоназвания: будетляне, будущники, эго-футуристы, кубо-футуристы. В 1914 термин «футуризм» уже приобрел широкое толкование, покрывавшее множество отдельных авангардистских направлений и групп (лучизм, всёчество, эгофутуризм, кубизм, нео-примитивизм и др.), и был экстраполирован в ближайшее прошлое.

Следует отметить, что И.Северянин впервые назвал себя футуристом в мае 1910, анонсируя тетрадку стихов «Сады футуриста». Термин «эго-футуризм», созданный Северянином, впервые появился в печати в июле 1911 как подзаголовок к стихотворению «Рядовые люди. (Из цикла "Эго-футуризм")». Само стихотворение датировано апрелем 1911. Сам же Северянин считал, что «вселенский эго-футуризм» основан им в ноябре 1911, когда было напечатано стихотворение «Пролог. Эго-футуризм».

---

¹ Марков В. К истории русского эго-футуризма // *Orbis Scriptus*. München, 1966. S.505-511; Кузьминский К., Янчек Д., Очеретянский А. Забытый авангард: Россия: Первая треть XX столетия. Wien, [б.г.]. С.21-23; De Michelis C.G. Note su Konstantin Olimpov // *Rassegna sovetica*. 1972. №4. P.66-76; Anemone A., Martynov I. Towards the history of the Leningrad avant-garde: the «Ring of Poets» // *Wiener Slavistischer Almanach*. Bd.17. 1986. S.131-148; Крусанов А. Дороги и тропы русского литературного авангарда: эго-футуризм (1911-1922 гг.) // *Русский разъезд*. 1993. №1. С.109-148; и др.

И, наконец, в январе 1912 «вселенскими футуристами» назвалась группа поэтов, включавшая И.Северянина, К.Олимова, Г.Иванова и Грааль-Арельского. В последующие годы И.Северянин утвердился в общественном мнении, а также в истории литературы как создатель и наиболее яркий представитель эгофутуризма. В 1920-е титул «отца российского футуризма» закрепился за Д.Д.Бурлюком — представителем успешно конкурировавшей с эгофутуристами группировки кубофутуристов. К.Олимов оспаривает сложившееся общественное мнение, выдвигая себя единственным «основателем литературного футуризма». Обоснованию этих претензий и посвящена его рукопись «Возникновение Эгопоэзии Вселенского футуризма».

Рукопись содержит автобиографические сведения, а также краткую историю эгофутуризма и взаимоотношений К.Олимова с Игорем Северянином и Иваном Игнатьевым. Претензии Олимова необходимо учитывать, как факт его биографии, с той, однако, существенной поправкой, что в полемике с И.Северянином в 1912 он еще не претендовал на роль единственного основателя всего литературного футуризма, а лишь подчеркивал, что петербургская школа «"Вселенский эго-футуризм" /.../ основана Константином Олимовым совместно с Игорем Северяниным». В 1920-х Олимов в соответствии с созданным им литературным мифом о себе как «Великом Мировом Поэте» и «Родителе Мироздания» пересмыслиет и собственную роль в создании литературного футуризма. Давая крайне субъективную интерпретацию событий и называя подтасовками всякие утверждения о главенствующей роли Северянина в истории эгофутуризма, К.Олимов в то же время чрезвычайно точен в передаче фактов.

Публикуемая ниже рукопись хранится в РГАЛИ. (Ф.1718. Оп.1. Ед.хр.1). Текст написан по новой орфографии, очевидно, не ранее 1922. Рукопись не была подготовлена к печати и содержит явные следы авторской работы: пестрит более поздними вставками, а также изобилует синтаксическими и орфографическими небрежностями.

В той же единице хранения находятся незаконченные тексты (Л.29-35), частично дублирующие и дополняющие основную рукопись. Некоторые из этих материалов использованы нами в комментариях.

Памятуя, сколь значительную роль отводили некоторые футуристы черновикам, ошибкам, опускам и т.п., публикаторы сочли возможным поместить текст без каких-либо изменений. Конъектуры публикаторов, дописывания слов и условно прочтенные фрагменты текста даны в квадратных скобках.

Предисловие к книге
«Возникновение Эгопоэзии Вселенского футуризма»

Все мои выступления в печати и на эстраде вызывали скандал в литературе. Последствием скандала было появление течения футуризма. Он разросся и принял такую форму, что во многих лекциях и рефератах о футуристах моя фамилия умалчивается, или представляется в уродливой форме.

И вот чтобы объяснить эти причины¹, я вынужден выступить с настоящей книгой.

Основателем литературного футуризма являюсь я — Великий Константин Олимпов и никто — другой.

Многие личности подтасовкой фактов и популяризацией своих подтасовок добились рекламным путем извращения истины.

Разворовывание моих идей продолжалось долго и я все смотрел и чтобы не закрыть свои глаза от невидимой рекламы и узнавать про все, я должен был одеть тогу Гамлета, притворяться, показываясь в обществе вечно пьяным и казаться в своих действиях ненормальным для нормальных людей. Я слышал, что про меня говорили: и эпилептик, и параноик, и алкоголик и что я не переслышал.

Но я все наматывал на клубок памяти и теперь перед глазами человечества хочу развернуть, чтобы оно увидело и поняло, как опасно иногда доверяться окружающей среде, которая стоит много менее самого.

Общество помнит, что существовал «Петербургский глашатай»².

Общество знает, что существовал при журнале «Русская мысль» Валерий Брюсов.

Общество слушало лекции Корнея Чуковского о футуристах³ и слышало о их сборниках и их вечерах.

И общество знает, что существуют энциклопедические словари, в которых обязательно будет занесено о футуристах и поколения станут читать о футуризме.

И так как во всем, в настоящее время, Моему Творчеству уделяется мало внимания, между тем, как от меня пошел футуризм, я очень радуюсь, что футуризм разлился широкой рекой, но к сожалению пошел на наклонный путь.

Ключ возникновения футуризма лежит в первом моем печатном выступлении.

Итак, как составители энциклопедических словарей должны будут пользоваться извращенной подтасовкой, я должен, еще раз напоминаю, выступить с разъяснением.

Со смертью моего отца — поэта К.М.Фофанова не осталось ни одного первоклассного поэта. Я — стал на его место.

Автор.

Возникновение Эгопоэзии Вселенского Футуризма

Константин Константинович Олимпов-Фофанов воплотился в земной чехол жизни в 1889 году 19-го сентября в С.Петербурге.

Мой дух не имеет ни начала и ни конца, для появления на земле избрал себе родителей воплощения:

Отец — Константин Михайлович Фофанов — величайший лирик — Поэт, одаренный гениальным созерцанием психологии Природы.

Мать — Лидия Константиновна, урожд. Тупылева, ее дед получил от Александра I потомственное дворянство за боевое крещение под Псковом, в государственном ополчении против маршала Даву в 1812 г.

Отец и мать православные.

С возникновением земли появился и мой произношении RRRR... особую гармонию и казалось этой буквой можно выразить что угодно, стоит только дать ей определенный тон⁴.

В 1897 меня нарисовал пером Илья Репин.

В 1898 г. по случаю болезни матери меня поместили в детский приют Императорского Человеколюбивого Общества, а затем через полгода перевели в другой, для подготовки в классическую гимназию. Но в гимназию через год не поступил, так как директор классической гимназии Императорского Человеколюбивого Общества заявил, что у него принимаются только дворяне, а не крестьяне; тогда хлопотами ныне покойных С.А.Венгерова и П.И.Вейнберга⁵ был определен в пансион на Пушкинскую стипендию в реальное училище Принца Ольденбургского.

Училище окончил в 1907 г. и осенью того года хотел поступить в Высшее Учебное Заведение, но увлечение поэзией отца привязало меня к отцу-поэту и до самой его смерти жил неразлучно с ним.

В 1908 г. с отцом переезжаем в Петроград, а я поступаю вольнослушателем в Императорский Археологический Институт⁶, который и окончил, приобретая еще побочные знания в посещении Императорской Публичной библиотеки, которую начал посещать с 14-ти лет, читая книги и журналы по всем вопросам.

В 1910 г. я с отцом переселяюсь в Сергиевскую Пустынь под Петроградом и сдачу экзаменов в Археологическом Институте бросил, считая лишним получать ненужные дипломы, да еще пла-

тить десять рублей за его, когда и так мы нуждались в деньгах. Надо заметить, что Арх[еологическо]му Инст[иту]ту я тоже за слушание лекций не платил, — был освобожден.

Мелькнуло детство и отрочество, а приходящая юность потянула к славе.

[Нрзб.] шарманка поэзии от рождения не дремала, развивалась.

В литературе гремели декаденты и модернисты, а я, отстраняя их [наивные?] песни, плыл своим личным развитием духа, мировоззрения, игнорируя редакции журналов и газет.

В 1909 г. появилась в Италии кучка общественных деятелей, носящая кличку футуристов, проповедующая Футуризм⁷.

Это слово я задумал перевести на русскую почву, желая свое творчество, не подходящее ни к модернистам, ни к декадентам, окрестить футуризмом.

Итак, с 1909 г. я стал считать себя футуристом. Изучение мировой литературы навело меня на мысль создать манифестом новое течение.

Мое мировоззрение, прошедшее через беседу с веками, с выдающимися философами и в особенности — с поэтом-отцом, убедило, что должна существовать, как наука, *Эгопоэзия Вселенского Футуризма*, которая с годами нашла у меня такое толкование.

Существовало положение аксиомы: кратчайшее расстояние между 2-мя точками есть прямая и только тогда, когда это плавающее в воздухе положение было формулировано словом «прямая» древним математиком-философом, то эта формулировка привела к созданию геометрии. Так аксиома бесконечного прогресса человеческого духа, вложенного в индивидуальность [нрзб. позднейшая вставка] впервые формулируется мною К.Олимповым, словом футуризм. *Футуризм — бесконечный прогресс творческого духа, делающий [минуты?] будущего настоящим.* Слово футуризм, как аксиома, должно послужить фундаментом для новейшей науки — поэзии и прогресса творческого духа в индивидуальности. Индивидуальность имеет свой мир Я — «Его», который при вдохновенном подъеме увеличивается до невероятных размеров и сливается с гармонией мироздания. Чем шире строй нервной организации, чем шире кругозор — дробь Бога. Дробь бывает разного размера и окружность человеческого Я — Еgo — разносторонна. Известно, что во всякую окружность можно вписать равносторонний Δ -ник, а также описать у ней, причем при неограниченном удвоении [числа] сторон равносто-

ронних Δ -ов — описанного и вписанного — они будут стремиться к пределу — к кругу — в данном случае к человеку — дробь Бога. Поэтому мной был взят Δ -ник и внутри Я — «Его». Описанный Δ -ник — мироздание опирается на кругозор — окружность. Вписанный Δ -ник — мир нервной организации. При вдохновенном переживании стороны двух Δ -ов интуитивно графически в одном — уменьшаются, в другом — увеличиваются — стремясь к одному и тому же пределу — кругу, составляющему человека и поэта. *Переживание индивидуальности при вдохновении есть Эго-футуризм.* Но так как индивидуальность не может при вдохновении стесняться государств[енной] территорией, она интернациональна, космополитична и смотрит глазами к вечности; даже, погружаясь в нее, растворяясь своим духом, становится бессмертием, то Эго-футуризм духа для земли делается своим творчеством бессмертием. *Вот это-то бессмертие вдохновенного творчества индивидуальности на земле и есть «Вселенский Эго-футуризм».*

Самостоятельность моего духовного «я» не подчинялась ничьему влиянию, а, горя собственным мирозерцанием, разбило формулы других мировоззрений.

17 мая 1911 г. умирает отец. Я помещаю по приглашению в газете «Биржевые Ведомости» две статьи экспромтов отца⁸, а в благотворительном журнале «Отмена визитов» за 1 января 1912 года, издав[авшемся в пользу детских приютов] Вед[омством] Учр[еждений Императрицы] Марии, заметку о творчестве отца-поэта Фофанова под заглавием «Царственный Соловей» и под псевдонимом Константин Олимпов⁹.

Время пришло и вот я, Константин Олимпов, совместно с Игорем Северянином, 13 января 1912 года, после беседы, подумываем писать теорию Эгопоззии Вселенского Футуризма. Нервы у нас наполняются трансом, восторгаемся чеканкой афоризмов и после написания теории желаем немедленно сдать в типографию, а сами не имеем в кармане денег, рассчитывая как-нибудь достать их, полагая, что набор не дорого обойдется.

Клише «Его»¹⁰ находилось у Георгия Иванова, выпускавшего свою тетрадь «Отплытие на остров Цитеру». Пришлось ехать на Петерб[ургскую] ст[орону] к Георгию Иванову, которого дома не застали¹¹, зашли на Б.Белозерскую к Граалю Арельскому¹², прочли ему свою теорию, которую мы считали большим открытием. Она ему видимо понравилась, но чувствовалось в нем к нам скептическое недоверие, не мог он сразу, вероятно, проникнуться всей глубиной наших афоризмов.

Вернулись от Грааля домой, решили Георгию Иванову немедленно писать письмо, чтобы он непременно на другой день вернул нам клише.

После принялись снова к тщательному пересмотру скрижалей Вселенского Футуризма: перебрали все вопросы мира, на которые наша теория блестяще отвечала.

Переспали, а на другое утро нового дня повторилось тоже, — теория выдержала экзамен. Пришли в типографию Бородина, где печаталась книга Георгия Иванова¹³, по Гороховой ул., 12, напечатать скрижали на листках, но Бородин посоветовал нам получить прежде разрешение градоначальника.

Приобратили домой, переписали в двух экземплярах теорию, пошли в канцелярию градоначальника, но нам сказали, что разрешение на всякого рода объявления даются с 4-х часов дня.

Вышли на улицу, решили попробовать напечатать без разрешения и зашли в типографию «Улей», в Кирпичном переулке¹⁴. Управляющего не было. Оставили один список теории, обещая зайти через час. Типография «Улей» находилась в том самом помещении, где прежде была контора и редакция газеты «Голос Правды», в которой печатался отец.

Вернулись домой на Сред[нюю] Подъяческую¹⁵, встретили ожидавшего нас Георгия Иванова, приглашенного по письму. Прочли ему теорию, он ничего не понял, со многим не согласился в душе и начал смотреть на нас, видимо, как на сумасшедших. Игорь же сказал: «Не думайте, Георгий Владимирович, что мы с ума сошли».

Прошел час, решили опять идти в типографию «Улей» для переговоров. Пошел и Георгий Иванов с нами. Чем ближе подходили к типографии «Улей», тем более у Георгия Иванова прояснялась наша теория и ему сильно хотелось, видимо, попасть в наш ректориат¹⁶. Пришли в типографию и договорились. Мы, интуитивно сговариваясь, желали увеличить число участников в ректориате для большего веса, решили внести Георгия Иванова и Грааля Арельского в ректориат Академии Эгопоззии, а затем еще получить по рублю с каждого, чтобы собрать сумму четыре рубля, которую надо было платить за набор — вписали тут же двоих на листке.

Вечером были у кн. Шахназаровой¹⁷, захотели и ее записать в ректориат, чтобы нечетное число участников могло решать точней голосование о вступлении новых членов.

Привожу теорию.

Академия Эгопоэзии
(Вселенский Футуризм)

19 Его 12

Предтечи:

К.М.Фофанов и Мирра Лохвицкая.

Скрижали:

I Восславление Эгоизма.

1. Единица — Эгоизм.

2. Божество — Единица.

3. Человек — дробь Бога.

4. Рождение — отдробление от Вечности.

5. Жизнь — дробь Вне Вечности.

6. Смерть — возрождение.

7. Человек — Эгоист.

II Интуиция. Теософия.

III Мысль до безумия: безумие индивидуально.

IV Призма стиля — реставрация спектра мысли.

V Душа — Истина.

Ректориат:

Игорь Северянин

Константин Олимпов (К.К.Фофанов)

Георгий Иванов

Грааль Арельский

16 января 1912 г. выработали устав Академии Эгопоэзии.

В выработке пунктов принимали участие: Игорь, я и Георгий Иванов. Альманахи, сборники в издании Академии Эгопоэзии приняли называть нервниками¹⁸ по взаимному соглашению, накануне, меня с Игорем.

17 января 1912 г. были получены из типографии печатные листы в количестве 510 штук (10 на бристоле) и разослали часть по петербургским и провинциальным изданиям. Решали теорию и устав перевести и издать на итальянском и французском языках.

Через неделю всему обществу стало известно о существовании Академии Эгопоэзии вселенского футуризма¹⁹. О московских кубо-футуристах еще и помину не было нигде²⁰. Они все тогда группировались в содружестве «Гилея» в «Союзе Молодежи»²¹.

Спустя месяц после оглашения наших устоев Вселенского Футуризма в Москве был выкинут содружеством «Гилея» флаг со словом «футуризм»²² и потекли от него уставы, декларации, диспуты, желающие перекричать шум в печати, поднятый нашими скрижальями Эгопоэзии Вселенского Футуризма.

В то же время И.В.Игнатьев²³, познакомившийся с нами в конце 1911 года, задумавший издавать газету «Петербургский Глашатай»²⁴, докучая письмами, просит дать ему в газету по одному стихотворению для первого номера «Петербургского Глашатая» всех вошедших в ректорiat академии эгопоззии. Мы согласились и в феврале 1912 г. выходит первый номер «Петербургского Глашатая», совершенно далекий от футуризма, где мое стихотворение «Тройка в тройке» мгновенно было подхвачено печатью, как образец новой поэзии. Футуристы а также и стихи других лиц были приняты за новость и начался гвалт прессы.

В конце февраля 1912 г. я выпускаю свои «Аэропланые поэзы», а Игорь Северянин — «Качалка грезерки».

Манифест футуризма²⁵ был разослан по редакциям газет и был перепечатан повсеместно. Появление же вдобавок моих «Аэропланых поэз» произвело сенсацию в повременной печати и повсеземно пошли перепечатки поэз и глумление над моей поэзией, ставшей на другой путь, не пошедшей по стопам отца — поэта К.М.Фофанова.

Такой шум произведенный в печати подействовал на Игнатьева и Игоря Северянина, который стал сближаться с Игнатьевым, написавшим тогда о нем статью²⁶.

В середине марта 1912 г. Игнатьев выпускает №2 «Петербургского Глашатая», когда я дал поместить «Абан». О содержании номера мне не говорил, но с Игорем Северянином я замечал, что то подстраивал. Игорь Северянин, зная, содержание №2 от меня утаивал, очевидно боялся, что узнав его, я потребую свое стихотворение «Абан» обратно, и у них задуманная идея распадется, так как стихи их блекнут перед моими по экспрессивности.

Когда я увидел вышедший №2 «Петербургского Глашатая», то был поражен извращением моего футуризма и тогда же, в душе, решил отказаться от сотрудничества в нем. Георгий Иванов и Грааль Арельский стихов не дали, они отказались от футуризма²⁷, их перетянули к себе Гумилев и Городецкий, в журнал «Аполлон», где в противовес нашему футуризму в [нескольких?] №№ поместили манифест акмеизма, объединившись в цех поэтов.

Не заводя ссоры, составляется программа первого поэзконцерта Вселенского Футуризма и рассылается²⁸.

В июне же издается «Оранжевая урна»²⁹. Летом мной основывается газета «Дачница»³⁰, где я хотел проводить идеи футуризма, как ни должен быть в сущности, но по летнему застою решил подождать осени, поместив несколько характерных идей, удачно выраженных «Теосом»³¹.

В конце июля я серьезно заболеваю аппендицитом и пролежал в болезни до октября.

В сентябре же без моего ведома Игорь Северянин, полагая, что я умру, без стеснения издает под одной своей фамилией все воспринимающие идеи, напечатанные «Теосом» в газете «Дачница» и разослал по редакциям³². Я начал поправляться и узнал из посторонних источников о поступке моего соратника, не известившего меня об этом, был возмущен.

Поправился и в октябре, предварительно известив соратника, издал свою хартию³³ для восстановления истины, и лично пошел на объяснения. Он был видимо поражен, но я по-хорошему растался, прося ответить; через пять дней получаю «открытое письмо Игоря Северянина»³⁴, довольно презрительного характера и я решил ему ответить своей декларацией от 27 октября 1912 г.³⁵. Через две недели, в середине ноября, узнаю от поэта Л.Н.Афанасьева³⁶ о появлении «Эпилога Эго-футуризма», где [уделил] мне строчки:

Я зрил в Олимпове Иуду,
Но не его отверг, а — мечь.

(Эпилог Эго-футуризма)

Помечен довольно странной датой 24 октября 1912 г.³⁷ Это автор очевидно сделал для того, чтобы показать, что он будто-бы первый прекратил полемику об основании футуризма, так как у меня в декларации от 27 октября 1912 г. заявлено, что я прекращаю всякую полемику, зная, что с годами творчество все выяснит и докажет, кто был прав. История годов показала, что я был прав, а Игорь Северянин — примазывавшийся к футуризму, отстал, упал, как дворянский выродец после революции.

В последствие в «Громокипящем кубке» моя фамилия была выкинута Игорем Северяниным по настоянию поэтов Валерия Брюсова и Сергея Кречетова³⁸, которые были посредниками при издательстве.

В ноябре же выходит в издании Игнатьева «Орлы Над Пропастью»³⁹, где хитрой уловкой слов и подтасовкой в заметке «Первый год Эго-футуризма» автор — Игнатьев вывертывается из неловкого положения, клеймя умалчиванием моих знаменитых «Аэропланых поэт», обидевшись, что я назвал его «критическим»⁴⁰.

Почти тогда же появляется «Письмо в редакцию Игоря Северянина» в газете «Биржевые ведомости» за №13260⁴¹, где он доводит до сведения, что отказывается от сотрудничества в «Петербургском Глашатае», ссылаясь на то, что если бы он был

руководителем газеты, то наряду с произведениями В. Брюсова и Федора Сологуба, не помещались мои поэмы, но упоминание моей фамилии и все я считал только личным сведением счетов, потому что с выходом №2 «Петербургского Глашатая» я принципиально ничего не давал в издание Игнатьева.

Я считаю себя выше Валерия Брюсова и Федора Сологуба и помещать свои поэмы с их стихами никогда не считал особенной честью.

Я, искушенный поэзией Фофанова, манерную деланность поэзии презираю.

Волею обстоятельств «Петербургский Глашатай» остался не при чем.

Я прервал со всеми сношения, оставшись *единственным* Вселенским Эго-Футуристом.

Приезжает из Ростова на Дону молодой человек Василий Ив[анович] Гнедов со своими ритмеями и приходит к Игнатьеву, читает ему, который, хватаясь, как утопающий за соломинку, умоляет Василия Гнедова издать «Гостинец Сантиментам» в декабре⁴². В январе 1913 г. Василиском (он же Василий) Гнедовым предложено издать скрижали в пояснительном виде и вырабатывается грамота интуитной ассоциации «Эго-Футуризм»⁴³. Тогда же выпускаются «Дары Адонису» Ассоциацией Эго со своим портретом⁴⁴.

В апреле выпускается «Смерть Искусству» Василиска Гнедова, а раньше в марте «Засахаре Кры»⁴⁵, где обнародывается грамота интуитной ассоциации и опять критика написана с теми же вывертами, как в «Орлах Над Пропастью».

Первый годовой отчет Эго-Футуризма того же автора — Игнатьева.

Относительно содержания грамоты интуитной ассоциации могу заметить, что она служит развитием пунктов скрижали Эго-поэзии Вселенского Футуризма. В скрижалях сказано: человек — дробь Бога.

Математическая дробь может быть неправильная, правильная, смешанная, периодическая и если при неправильной дроби числитель больше знаменателя, то человек будет сверхбогом, а при смешанной даже в несколько раз. Все зависит от личной индивидуальности Духа.

В грамоте: Бог — Тень Человека в Зеркале Вселенной.

Содержание всей грамоты ассоциации я считаю только раз'яснением скрижалей Вселенского Эго-Футуризма

I Восславление Эгоизма

в пункте: Человек — дробь Бога

II Интуиция. Теософия.

---

17 мая 1913 года во вторую годовщину со дня кончины моего отца — поэта К.М.Фофанова встречается со мной на могиле отца в Новодевичьем монастыре И.В.Игнатъев и просит разрешение переиздать мои Аэропланные поэзы в своем издательстве. Я разрешил и сделал добавления. Но «Аэропланные поэзы» переиздались с такими небрежными опечатками в тексте и с такой подтасовкой статей о футуризме различных авторов во «Всегдае»⁴⁶, что я возмутился и проявлялось у меня даже желание пойти по магазинам и заняться уничтожением оттисков из «Всегдая» — «Жонглеры-Нервы». (вставить отзыв [нрзб. фамилия] о моем творчестве [два листка?]).

В августе 1913 г. меня нарисовал пером И.Е.Репин и этот набросок я безвозмездно отдал опубликовать И.Игнатъеву в «Развороченных черепах»⁴⁷, думая, что он раскается в своих подтасовках, но он остается в заблуждении. Выпускает альманахи после «Развороченных черепов», а сам на «Развороченных черепах» помещает их раньше вышедшими⁴⁸.

Все это меня огорчает, в виду того, что колесо истории литературы движется усиленным темпом и широкая публика за исключением некоторых критиков вводится в нелепые заблуждения.

Запутавшись в подтасовках, издатель «Петербургского Глашатая» И.В.Игнатъев, желая избежать бесславия, позора, угрызания совести, кончает в январе 1914 г. самоубийством⁴⁹. Так скончался футуризм «Петербургского Глашатая»⁵⁰, сделавшего популярным Игоря Северянина и вначале поставившего его своим руководителем.

Я сделал истинное освещение возникновения футуризма в России и никого не проклиная, — памятью строчки поэта Фофанова в стансах сыну Борису:

Пусть лучше ты обманут дважды
И проклят ложью не за ложь,
Чем сам обманешь хоть однажды
И на проклятье посягнешь.
Мы, проклиная, сердце губим
И свет любви теряем с ним.
Мир наш, пока его мы любим,
Разлюбим, станет он чужим.

Константин Олимпов

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так в тексте. По-видимому, речь о *причинах* замалчивания или искажения той роли, которую Олимпов, по его мнению, сыграл в создании футуризма.

² «*Петербургский глашатай*» — газета, издававшаяся И.В.Игнатьевым в 1912. Параллельно газете функционировало одноименное издательство, выпускавшее сборники и книги эгофутуристов.

³ Лекции К.И.Чуковского о футуристах состоялись осенью 1913 в Петербурге и Москве. По материалам этих лекций Чуковский опубликовал статью «Эго-футуристы и кубо-футуристы». Шиповник: Лит.-худ. альманах. Кн.22. СПб., 1914. С.95-135, 137-154). См. также книгу К.Чуковского «Футуристы» (Пг., 1922).

⁴ Так в тексте. В другом (неполном) варианте авторской рукописи вместо этого абзаца находится следующий текст (авторская орфография и синтаксис сохранены):

С возникновением земли появился и мой человеческий род. / В своей автобиографии мой отец довел историю нашего рода до Ив.Ив.Фофанова, но я глубоким постижением своего духовного «я», углубляюсь во тьму веков истории и праистории, восстанавливаю древность рода по мужской линии. / По семейным преданиям предки Ив.Ив. произошли от приехавшего из Новгорода в Лодейное Поле Олонецкой губ., Феофана, но в олонецком наречии исказилось имя в Фофана. / Все они были грамотны и проникновенны. Их считали колдунами. / Предки Феофана из Новгорода принадлежали к новгородской вольнице, завоевательнице севера, которая, поднимаясь в ладьях, к северу родилась с чукчами, кореллами, финнами. / Родоначальник[и] предков Феофана из Новгорода на берега Волги и Оки пришли с юга России — Скифии, где предки предков родоначальника предков Феофана из Новгорода принадлежали к знатым скифам и царь Фофос, живший в IV веке по Р[ождестве] Хр[истовом] был предком. / Предки Фофоса были выходцами из Византии, потом Греции, затем из областей Римской империи, где они были кочевыми философами, выступая на уличных диспутах. / Предки кочевых философов вышли из Малой Азии, жили в Иерусалиме, долго проживали в Передней Азии, куда они пришли из глубины Китая со стороны Австралии, когда к Австралии примыкал большой материк, ныне исчезнувший и магнитные полюсы земного шара находились в других точках. / Кстати замечу, что китайский проповедник Фо тоже был предком. / Вижу дальше: предки живут на тонкой коре огненной земли, далее — в хаосе солнечных систем.

Я в семье поэта был второй сын. / На втором году по воплощении из С-Петербурга был переведен в Гатчина, где и провел детство до 1898 г. На шестом году выучился азбуке и грамота да-лась легко.

⁵ Венгеров Семен Афанасьевич (1855-1920) — историк литературы, критик, библиограф; Вейнберг Петр Исаевич (1831-1908) — поэт, переводчик, литературовед.

⁶ Археологический институт был основан в Петербурге в 1877. Срок обучения 2 года. Принимались лица с высшим образованием, плату за обучение не вносили. В 1922/23 уч. году преобразован в Отделение археологии и истории искусств факультета общественных наук университета. Помещался на 9-й линии В.О., 37/2, затем на Екатерининском канале, 14.

⁷ Футуризм был провозглашен Ф.Т.Маринетти 20 февраля 1909.

⁸ Неизданные экспромты К.М.Фофанова (17-го июня — 17-го ноября) / Сообщено сыном покойного поэта К.К.Фофановым // Биржевые ведомости. 1911. 17 ноября. №12640. С.3 (Утр. вып. 18 ноября. №12641. С.6).

⁹ Там же К.Олимпов опубликовал стихотворение отца и два неизвестных его портрета. Заметка «Царственный Соловей» была перепечатана также в альманахе «Оранжевая урна. Альманах памяти Фофанова» (СПб., 1912. С.2).

¹⁰ Поэтический кружок «Его», включавший К.Олимпова, И.Северянина, Г.В.Иванова, Грааль-Арельского и др., был образован в октябре 1911. Издательская марка «Его» стоит на стихотворных брошюрах К.Олимпова «Аэропланские поэзы» (1912), Г.Иванова «Отплытие на о.Цитеру» (1912) и ряде книг И.Северянина.

¹¹ Г.В.Иванов жил в то время на Б.Зелениной, 266. кв.69.

¹² *Грааль-Арельский* (Петров Стефан Стефанович; 1888-1938?) — поэт, беллетрист.

¹³ Книга Г.Иванова «Отплытие на о.Цитеру» (СПб., 1912) к этому времени, по-видимому, была уже отпечатана; она зарегистрирована «Книжной летописью» в период 20 дек. 1911 — 3 янв. 1912.

¹⁴ Типография «Улей» помещалась по адресу Кирпичный пер., д.3. Там, в частности, печатались книги И.Северянина («Качалка Греззрки», «Очам твоей души»), К.Олимпова («Аэропланские поэзы»), П.Кокорина («Песни девушек») и др.

¹⁵ На Средней Подъяческой, д.5, кв.8 жил И.Северянин. Описание квартиры см. в мемуарах Б.Лившица «Полутораглазый стрелец» (Л., 1989. С.455-456).

¹⁶ Имеется в виду «ректориат» придуманной Северянином и Олимповым «Академии Эгопоэзии», от имени которой была написана эта листовка.

¹⁷ Мелик-Шахназарова Арусян Амбарцумовна — поэтесса, княжна. Принимала участие в ряде литературных вечеров с участием эгофутуристов. Жила на 10-й линии В.О., д.15.

¹⁸ Вышел в свет только один нервник — сборник К.Олимпова «Аэропланские поэзы» (1912), анонсировалась, но не была издана книга Олимпова «Фиургия — Нервник II-ой». Другие члены «Академии Эгопоэзии» этой терминологии не придерживались.

¹⁹ Листовка получила резко негативную оценку в печати. См., напр.: Вечернее время. 1912. 20 января. №47. С.3; Раннее утро. 1912. 20 января. №16. С.3; Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 20 января. №16. С.3; Волгарь (Н.Новгород). 1912. 26 января. №25. С.1; Рыбинская газета-копейка. 1912. 8 апреля. №93. С.2-3; Рыбинский вестник. 1912. 8 марта. №55. С.3. Ср.: Лившиц Б.К. Полутораглазый стрелец. Указ. изд. С.367-368.

²⁰ К московским кубофутуристам (иначе бюджетляне, группа «Гилея») относились Д.Д.Бурлюк, В.В.Каменский, В.В.Маяковский, В.Хлебников, А.Е.Крученых. Зарождение этого поэтического содружества, во многом определившего главные тенденции авангардистской литературы, ее эволюцию и историческое лицо, относится к весне 1910 — времени выхода сборника «Садок судей» (СПб., 1910).

²¹ Название «Гилея» возникло зимой 1911-1912 после присоединения к содружеству бюджетлян Б.К.Лившица, В.В.Маяковского и А.Е.Крученых. В печати термин «Гилея» появился весной 1913 и употреблялся до лета 1914, охватывая наиболее активный период деятельности группы. Петербургское общество художников «Союз молодежи» было образовано в конце 1909 при активном участии некоторых членов содружества бюджетлян (М.В.Матюшин, Е.Г.Гуро). Впоследствии (1913) группа «Гилея» активно сотрудничала с «Союзом молодежи» (диспуты, совместные сборники, спектакли).

²² Члены «Гилеи» приняли название футуристов только летом 1913, хотя газетные критики и фельетонисты окрестили их футуристами гораздо раньше.

²³ *Игнатъев* (Казанский) Иван Васильевич (1892-1914) — поэт, критик и теоретик эгофутуризма, директор изд-ва «Петербургский глашатай».

²⁴ В 1912 вышло четыре номера этой газеты.

²⁵ Имеются в виду «Скрижали» Академии Эгопоэзии.

²⁶ К.Олимпов имеет в виду статью И.Игнатъева «Футуристы и футуризм. Игорь Северянин. К выходу его "Качалки Грезэрки"» (Петербургский глашатай. 1912. 11 марта. №2. С.1-2), провозглашавшую Северянина «первосвященником» и «верховным жрецом» Академии Эгопоэзии.

²⁷ Г.Иванов и Грааль-Арельский публично объявили о разрыве с эгофутуристами в ноябре 1912 (см.: Гиперборей. 1912. №2. С.29-30).

²⁸ Первый весенний концерт планировался в мае 1912 на мызе Ивановка (ст. Пудость Балт. ж.д.) в парке при Охотничьем дворце Павла I. Программа перепечатана в статье Казанского «Первый год футуризма» (Орлы над пропастью. СПб., 1912; см. также: Манифесты и программы русских футуристов. München, 1967. С.28-29). Среди различных причин

отказа от этой идеи указывались: болезнь И.Северянина, плохая погода, противодействие со стороны администрации. Разосланная по редакциям газет и журналов, программа концерта вызвала серию насмешек.

²⁹ «Оранжевая урна. Альманах памяти Фофанова» (СПб., 1912) выпущен издательством «Петербургский глашатай» И.В.Игнатьева. Зарегистрирован «Книжной летописью» 22-29 мая 1912.

³⁰ Газета «Дачница» издавалась в июне—августе 1912. Вышло 8 номеров. Редактор-издатель И.А.Блинов, директор К.И.Есеновский, секретарь И.В.Игнатьев. Формально К.Олимпов к изданию газеты отношения не имел. Фактически газетой руководил К.И.Есеновский (Валентинов) — близкий знакомый К.Олимпова, участник первых выступлений эгофутуристов.

³¹ *Теос* — псевдоним Фофанова Петра Михайловича, дяди К.Олимпова.

³² Имеется в виду следующая листовка И.Северянина:

Интуитивная школа
«Вселенский эго-футуризм»
(Грядущее осознание жизни и искусства)
Основана Игорем Северяниным в ноябре 1911 г.,
изданием его пролога «Эго-футуризм»
Его

Доктрины:

Признание Эгобога (Объединение двух контрастов).
Обрет вселенской души (Всеоправдание).
Восславление Эгоизма, как своей индивидуальной сущности.
Беспредельность искусственных и духовных изысканий.
Каждый искусствовик или мыслитель солидарный в доктринах с основателем есть Эго-футурист.

Эго-футуризм не имеет ничего общего с футуризмом Итало-французским: 1) Иностранцы футуристы осмертили местоимение «я», 2) Они не знают всеоправдания.

³³ Рукопись хранится в РГАЛИ. (Ф.1718. Оп.1. Ед.хр.11. Л.4). Текст «Хартии» опубликован в статье И.В.Игнатьева «Эго-футуризм» (Засухаре кры: Эго-футуристы. V. СПб., 1913. С.5-6):

Хартия. Интуитивная школа Вселенский Эго-футуризм
Основана 13 января 1912 года
начертаны скрижали Эго-поэзии Вселенского Футуризма
Константином Олимповым (К.К.Фофановым) совместно с Игорем-Северяниным, а в октябре 1911 года образован кружок «Его» причем знак Его принят по предложению Константина Олимпова. Слово «Поэза» создано и впервые начертано Константином Олимповым 19 мая 1911 года на траурной ленте надгробного венка своему Отцу-Поэту. К.М.Фофанову — «Велико-

му Психологу Лирической Поэзы» с одного конца ленты, с другого эпитафия из Фофанова — «Поэзия есть зверь пугающий людей».

Основные поэты Вселенского Эго-футуризма Константина Олимова овсемиренны: «Интерлюдия», «Эван Эвое!», «Абан», «Шмели», «Тройка в тройке». Беседы Константина Олимова о Вселенском Эго-футуризме запечатлены частью «Теосом» в ряде статей, напечатанных истекшим летом в газете «Дачница» (№№2, 3, 4, 5). Идеи доктрин Футуризма, изданных в сентябре 1912 года, заимствованы Игорем-Северяниным из напечатанного. Вселенский Эго-футуризм признает мнения в искусстве иностранного Футуризма с некоторыми оговорками, о которых будет своевременно сообщено.

P.S. Настоящее разъяснение выходит с большим опозданием, вследствие опасной болезни Константина Олимова, потерявшего возможность следить за последними новостями в литературе с конца июля по октябрь текущего года.

Октябрь 1912 года

Константин Олимов
П.М.Фофанов (Теос)

³⁴ «Открытое письмо» И.Северянина, датированное 23 октября 1912, приводится в статье И.В.Игнатъева «Эго-футуризм» (Засахаре кры. Указ. изд. С.6): «Константин Олимов в печати оклеветал меня. Я прощаю его: мое творчество доказательно. Теперь, когда для меня миновала надобность в доктрине: "я в будущем", и находя миссию моего Эго-футуризма выполненной, я желаю быть одиноким, считая себя только поэтом, и этому я солнечно рад. Моя интуитивная школа "Вселенский Эго-футуризм" — путь к самоутверждению. В этом смысле она бессмертна. Но моего Эго-футуризма больше нет: я себя утвердил. Смелые и сильные! от вас зависит стать Эго-футуристами!»

³⁵ Черновик «Декларации Константина Олимова», подписанный К.Олимовым и П.М.Фофановым, хранится в РГАЛИ (Ф.1718. Оп.1. Ед.хр.11. Л.11-12). Текст декларации за подписью одного Олимова приводится в статье И.В.Игнатъева «Эго-футуризм» (Засахаре кры. Указ. изд. С.6-7):

Декларация Константина Олимова

Вторично утверждаю: идеи доктрин Футуризма, изданных в сентябре 1912 года, заимствованы Игорем-Северяниным из напечатанного, и о моей клевете на него в печати — речи быть не может, также его словесный жест прощения излишен.

Опровергаю его толкование Футуризма: усматриваю софизм, позволяющий выйти ему из крайне неделикатного положения и Вечную Перчатку Бессмертия — Эго-футуризм — ометафорозить в Галантерейную.

Свидетельствую: первоначальная рукопись скрижалей Эго-поэзии, начертанных 13-го января 1912 года, хранится в настоящее время у Игоря-Северянина.

Уверяю: теоремы моей интуитивной школы «Вселенский Эго-Футуризм» докажутся грядущими поколениями Вселенского Эго-Искусства и — утвердятся аксиомами.

P.S. Этой декларацией полемика об основании «Вселенского Эго-Футуризма» — прекращена.

³⁶ *Афанасьев* Леонид Николаевич (1864/65-1920) — поэт; в 1912-1913 печатался в некоторых эгофутуристических изданиях.

³⁷ Листовка И.Северянина «Эпилог. Эго-футуризм» зарегистрирована «Книжной летописью» 23 ноября — 3 декабря 1912. В тексте «Эпилога», вошедшем в «Громокипящий кубок», строка «Я зрил в Олимпове Иуду» была изменена: «Среди друзей я зрил Иуду» (см. далее в тексте).

³⁸ *Кречетов* С. (Соколов Сергей Алексеевич, 1878-1936) — поэт, критик, издатель, основатель и владелец издательства «Гриф».

³⁹ Альманах эгофутуристов «Орлы над пропастью» (СПб., 1912) зарегистрирован «Книжной летописью» 12-19 ноября 1912.

⁴⁰ Одну из подаренных И.В.Игнатьеву листовок К.Олимпов подписал: «Критическому Игнатьеву» (РГАЛИ. Ф.1718. Оп.1. Ед.хр.1. Л.34). В указанной статье Игнатьев называет Северянина «мэтром» эгофутуризма.

⁴¹ Северянин И. Письмо в редакцию // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1912. 21 ноября. №13260. С.4.

⁴² Книга В.Гнедова «Гостинец Сентиментам» (СПб., 1913), изданная И.В.Игнатьевым, зарегистрирована «Книжной летописью» 21-28 января 1913.

⁴³ «Грамата Интуитивной Ассоциации Эго-футуризм», подписанная И.В.Игнатьевым, П.Д.Широковым, В.Гнедовым, Д.А.Крючковым, датирована 9 (22) января 1913. Первоначальное написание «грамата» впоследствии изменено на нормативное. Опубликовано в виде листовки. Перепечатана в альманахе «Засахаре кры: Эго-футуристы. V» (СПб., 1913. С.8). См. также: Игнатьев И. Эго-футуризм. СПб., 1913. С.5-6; Манифесты и программы русских футуристов. München, 1967. С.41:

I Эго-футуризм — непрестанное устремление каждого эгоиста к достижению возможностей Будущего в Настоящем.

II Эгоизм — индивидуализация, осознание, преклонение и восхваление «Я».

III Человек — сущность.

Божество — Тень Человека в Зеркале Вселенной.

Бог — Природа.

Эгоист — Интуит.

Интуит — Медиум.

IV Созидание Ритма и Слова.

⁴⁴ Альманах «Дары Адонису. Эдиция Ассоциации Эго-футуристов. IV» (СПб., 1913) зарегистрирован «Книжной летописью» 25 февраля — 4 мар-

та 1913. В альманахе помещен коллективный фотопортрет В.Гнедова, П.Д.Широкова, Д.А.Крючкова, И.В.Игнатъева.

⁴⁵ Книга В.Гнедова «Смерть искусства» (СПб., 1913) зарегистрирована «Книжной летописью» 1-8 апреля 1913. Альманах «Захаре кры. Эго-футуристы. V» (СПб., 1913) зарегистрирован «Книжной летописью» 11-18 марта 1913.

⁴⁶ В изд-ве «Петербургский глашатай» «Аэропланнные поэты» К.Олимова были выпущены в июле 1913 под названием «Жонглеры-нервы»; кроме того, они были включены в альманах эгофутуристов «*Всегда*». Этот альманах (Всегда: Эго-футуристы. VII. СПб., 1913) зарегистрирован «Книжной летописью» 1-8 июля 1913. В альманахе помещена только одна статья: Ивей (И.В.Игнатъев) «Эго-футурист о футуристах».

⁴⁷ Альманах «Развороченные черепа. Эго-футуристы. IX» (СПб., 1913) зарегистрирован «Книжной летописью» 24 сентября — 1 октября 1913.

⁴⁸ Имеются в виду анонсированные в «Развороченных черепах» среди изданных книг, но вышедшие чуть позже книги Д.Крючкова «Падун немолчный» (зарегистрирован «Книжной летописью» 8-15 октября 1913) и И.Игнатъева «Эшафот» (зарегистрирован «Книжной летописью» 5-12 ноября 1913).

⁴⁹ Вряд ли мотивы самоубийства И.Игнатъева были именно таковы.

⁵⁰ В неполном варианте авторской рукописи с этого места идет следующий текст (РГАЛИ. Ф.1718. Оп.1. Ед.хр.1. Л.35):

В виду того, что первоначальная идея эгопоэзии вселенского футуризма была с первой же деятельности «Петербур[ургского] Глашатая» извращена и приняла направление эгопшютизма и будуарности, то я отмежевался во Вселенский эго-футуризм, на который смотрел, помимо разгрома старых традиций искусства, как на развитие человеческого духа до торжества над мирозданием. Человек будь Родителем Мироздания. В 1914 г. я этот путь назвал Вселенным Олимпизмом и в листовке «Эпоха Олимпова» огласил в печати.

Теперь Игорь Северянин погиб.

В одной из своих книг «Падучая стремнина» он говорит:

Впоследствии Олимпов футурист
Сошел с ума, когда отец скончался.
Пункт — мания величья. Вырожденцом
Он несомненно был.

Я ему ответил кляксой:

Хотел стать солнцем, быть за тучей,
Но череп мозгом нищеват
И — пролетел своей «Падучей»,
Откуда не придешь назад.
Эх, на кого ты стал похож, —
Живя в кругу своих любовниц,

Творишь и здравствуешь как вошь,
Возясь под задницей коровниц.

Много времени прошло от возникновения эгопоэзии Вселенского футуризма. Мое духовное развитие достигло вершин Титанизма Величайшей Умственной Эволюции. Что он из себя представляет? Я разьясню впоследствии, а пока ограничусь выпиской контура своей книги «Товарищ Воскресенье».

«Я Звездной Жизни бытие,
Воспел Себя Необычайно Ново, —
Немеет Человеческое Слово,
Чтоб Выразить Величие Мое»...

1. Я есть возникновение эгопоэзии Вселенского футуризма, — мое духовное развитие переходит в 1914 г. в европейскую войну.

2. Рождение моего Вселенного эго-олимпизма. Мое духовное развитие поражает мой Вселенский эго-футуризм.

3. Смертельное поражение моего Вселенского эго-футуризма моим Вселенным Эго-олимпизмом создает февральскую революцию 1917 года. Борьба ожесточается между моим Вселенским эго-футуризмом и моим Вселенным Эго-олимпизмом и приводит к победе мой Вселенный Эго-олимпизм через мой октябрь 1917 г.

4. Мой Вселенный Эго-Олимпизм есть мой октябрь 1917 года. Через мой футуризм Коммунизма человечество духом приходит к моему Вселенному Эго-Олимпизму.

5. Да здравствует мое Олимпианство.

6. Да здравствует развитие человеческого духа до титанизма Величайшей Умственной Эволюции, которого я достиг.

7. Человек будь Родителем Мироздания.

ИЗ ИСТОРИИ ЭГОФУТУРИЗМА:
МАТЕРИАЛЫ К ЛИТЕРАТУРНОЙ БИОГРАФИИ
КОНСТАНТИНА ОЛИМПОВА

Публикация А.Л.Дмитренко

И лишь поэт, безвозрастный ребенок,
Юродивый, блаженный и пророк,
Чья мысль свята, чей слух прозрачно тонок,
Кто знает путь в заоблачный чертог /.../ —
Лишь он один властитель дум народа,
Постиг, взойдя на нерушимый трон,
Какую мощь таит в себе Природа,
Каким бы сам ничтожным ни был он.

И. Северянин

Слава эгофутуриста увенчала, пожалуй, лишь Игоря Северянина как наиболее талантливого, хотя и не самого последовательного представителя этого течения. Заметным было и творчество Василиска Гнедова, также примыкавшего к эгофутуристам, но оно вплотную смыкалось с авангардистскими течениями другого рода — заумничеством и дадаизмом. Несостоятельность Олимпова как поэта оставила его на периферии литературного процесса начала века.

Уже после своего выхода из кружка «Его» Игорь Северянин в одном из интервью заявил: «Конечно, я сочувствую всем эго-футуристам, но, к сожалению, среди них много *вечных*, которые никогда не узнают способа *перестать быть* эго-футуристами... Мешает им отчаянная бездарность и тупые трюки»¹. Надо полагать, что среди *вечных* в первую очередь подразумевался Константин Олимпов. Он действительно никогда не изменил своему эгофутуристическому кредо, и, вероятно, именно поэтому его художественная идеология оказалась интереснее его поэтического наследия.

¹ Моя поэзия: Исповедь Игоря Северянина для «Синего журнала» // Синий журнал. 1913. №41. С.5.

Известно, что Северянин чрезвычайно высоко ценил творчество отца Константина Олимпова — Константина Михайловича Фофанова (1862-1911). Его поэзия, наряду с творчеством Мирры Лохвицкой, оставалась идеалом для Северянина всю жизнь. Он отмечал в стихах годовщины их смерти едва ли не каждый год, а однажды заявил, что считает Лохвицкую выше Данте, Байрона и Пушкина². Неудивительно, что кружок «Его» (в 1912 провозгласивший себя Академией Эгопоэзии), основанный И. Северянином, К.Олимповым, Г.Ивановым и Грааль-Арельским, объявил своими «предтечами» К.М.Фофанова и Мирру Лохвицкую.

Эстетическая программа Академии Эгопоэзии, выраженная прежде всего в ее «Скрижалях» (1912), в значительной мере ориентировалась на художественные образцы «предтеч». Мы не рассматриваем здесь всех аспектов влияния творчества К.М.Фофанова на эту программу главным образом потому, что представители эгофутуризма трактовали ее по-разному³. Остановимся на творчестве Константина Олимпова, как уже говорилось, наиболее последовательного среди эгофутуристов. После смерти отца Олимпов стал своего рода посредником — как в поэтическом, так и в личном плане — между «предтечей» и его последователями — представителями нового течения. Именно Олимпов изобрел слово «поэза»: оно впервые появилось на траурной ленте надгробного венка отцу 19 мая 1911 — «Великому психологу лирической поэзы»⁴ и стало впоследствии эгофутуристическим эквивалентом слова «стихотворение»⁵. Олимпов же предложил и марку кружка «Его» — мистический треугольник с вписанным внутри названием кружка. Сам он носил и соответствующий значок. «Основными поэзами» Вселенского эгофутуризма Олимпов считал пять своих стихотворений — «Интерлюдия», «Эван, эво!»⁶, «Абан», «Шмели» и «Тройка в тройке»⁶. Происхождение же самого названия школы, по Олимпову, выглядело так: «Бессмертие в Вечности плюс "Alter Ego" Фофанова плюс Футуризм и — обобщение — "Вселенский Эго-Футуризм"»⁷.

² Markov V. Russian Futurism: A History. Berkley; Los Angeles, 1968. P.62.

³ Об этом см., напр.: Крусанов А.В. Дороги и тропы русского литературного авангарда: эго-футуризм (1911-1922 гг.) // Русский развезд. 1993. №1. С.133.

⁴ Уже отмечалось, что это обстоятельство осложняет проблему не только биографических, но и литературных отношений К.М.Фофанова и И.Северянина (De Michelis C.G. Note su Konstantin Olimpov // Rassegna sovetica. 1972. №4. P.67). Любопытно, что И.Е.Репина Олимпов называл «Великим Психологом Лирической Живописи» (см. рукописный сб. Олимпова «Моя Мудрость»: ОР РНБ. Ф.150. Ед.хр.407).

⁵ См.: Никольская Т.Л. Олимпов // Русские писатели: 1800-1917: Биографический словарь. Т.4 (в печати).

⁶ См. «Хартию» К.Олимпова и П.М.Фофанова (Теоса) «Интуитивная школа "Вселенский Эго-Футуризм"», изданную в виде листовки в октябре 1912. Эти пять стихотворений вошли в книгу Олимпова «Жонглеры-Нервы» (СПб., 1913. С.3-7).

⁷ Олимпов К. Жонглеры-Нервы. Указ. изд. С.1. Возможно, под «Alter Ego» К.М.Фофанова здесь имеется в виду как его одноименное стихотворение (Фофанов К. Тени и тайны. СПб., 1892. С.74-76), так и образ двойника из этого стихотворения — воплощение идеального начала лирического героя.

В К.М.Фофанове, с его видом «вдохновенного лунатика»⁸, современники легко обнаруживали черты его лирического героя. Олимпов, по свидетельствам видевших его людей, также производил впечатление чудаковатого безумца, поэта «не от мира сего». «...Страшный, с белокурыми растрепанными волосами, творец неба, земли, бога, всей вселенной /.../ В нем была квинтэссенция "эгофутуризма"⁹ — эта характеристика облика Олимпова-поэта хорошо согласуется с исповедовавшейся им мистической, граничащей с самообожествлением, разновидностью идеологии «эго». Образ Олимпова, зафиксированный современниками, практически тождествен образу его отца:

...призракоподобный, худой юноша на тонких, как соломинка, ногах и в огромных волосах, прямых, густых и светлых, похожих на побелевшую соломенную крышу. Лицо у него было удлинненное, бледное и резкий сумасшедший голос /.../ [К.М.]Фофанов произвел впечатление очень застенчивого и даже стыдливого молодого человека. И, несмотря на стыдливость и застенчивость, такого же самонадеянного /.../

Можно сказать, он пьянствовал всю жизнь. Он не мог писать, если не выпьет. Выпивши он говорил невероятные глупости, сравнивал себя с Иоанном Кронштадтским, с Толстым и Иисусом Христом /.../

Этот чудака, лунатик, галлюцинат, сочетание идиота и гения, по временам становился, однако, задумчивым, нежным и трезвым. Правда, он переставал тогда писать стихи, но он становился положительно прекрасным в своей обворожительной застенчивости¹⁰.

Кроме портретного сходства, было сходство в характере, в отношении к творчеству, было и сознательное стремление Олимпова подчеркнуть и усилить это сходство — даже в своей подписи Олимпов стремился графически воспроизвести подпись отца. Теми же мотивами — желанием подтвердить эстетическую и духовную преемственность — можно объяснить и настойчивость пассажей Олимпова о положительном отношении отца к его творчеству¹¹. Олимпов таким образом стремился

⁸ Ясинский И. Роман моей жизни. М.; Л., 1926. С.177.

⁹ Пяст В. Встречи. М., 1929. С.264.

¹⁰ Ясинский И. Роман моей жизни. Указ. изд. С.173-174, 177.

¹¹ Теплое отношение К.М.Фофанова к сыну отразилось в ряде посвященных ему стихотворений. См., например, «Блажен, кто понял сласть науки...», приведенное в листовке Олимпова «Аэропланые поэзы» ([СПб.], 1912); «Нам в детстве мил пустынный Крузе...» (опубл. в кн.: Марков А. «Храните у себя эту книжку...». М., 1989. С.251). Однако отношение Фофанова к поэтическому творчеству сына, судя по всему, было неоднозначным. Г.Иванов пишет, что «о старой и новой поэзии шел у них вечный бестолковый спор» (Иванов Г. Мемуары и рассказы. М., 1992. С.227). По свидетельству Грааль-Арельского, К.М.Фофанов, узнав о том, что сын пишет стихи, «запретил ему писать, считая это профанацией искусства» (запись А.Г.Островского от 3 мая 1929 — архив А.Е.Парниса. Цит. по: Никольская Т.Л. Указ. изд.). См. также: Гинзбург Л. О старом и новом. Л., 1982. С.367.

предстать кем-то вроде alter ego своего отца, живым двойником Фофанова.

С момента зарождения нового течения Олимпов явно претендовал на роль гениального вселенского поэта, который должен был явиться из рядов эгофутуристов. Пророчество на эту тему встречаем, например, в сочинении поэта и теоретика эгофутуризма, дяди Олимпова, Петра Михайловича Фофанова (Теоса). Примечательно, что здесь представление о будущем мессии, который должен «затмить славу даже Льва Толстого потому, что он будет не только философ, но и Поэт», пронизано отчетливыми «космическими» мотивами:

Я чувствую, в сферах мировой
Субстанции рождается гений,
который воплотит в себе все
идеи человечества, все
Электричество, пронизывающее
Земной шар. Он будет искренно
любить человечество, ненавидя
ту жизнь, в которой оно живет¹².

Романтический образ лирического героя — поэта, который стремится вырваться из обыденной действительности, «хочет властвовать /.../ не покоряясь ничему», приобщаться «тайнам божества», характерный для поэзии К.М.Фофанова, был унаследован и Олимповым. Его герой, похоже, одержим тем же стремлением вырваться из «земных цепей» (К.М.Фофанов) и уйти в мир мечты и грез:

Я хочу быть душевно-больным,
Чадной грезой у жизни облечься...¹³

Конфликт мечты и действительности приводил К.М.Фофанова на пути разочарования и пессимизма, у Олимпова же он разрешался в рамках идеологии «эго».

Человек может освободиться от власти земного, от «земных цепей», если осознает себя бессмертным творцом — то есть самим Богом, создателем мира. Возможность такого пути, согласно Олимпову, обусловлена неограниченными способностями человеческого духа. «Человек хотя и усовершенствованное животное, но имеет в себе То, чего нет у животного. И это То ведет человека к торжеству над всем Мирозданием, заставляет осознавать, что человек есть Родитель Мироздания»¹⁴. Суть Вселенского Олимпизма выражена Олимповым предельно лаконично — «развитие человеческого духа до торжества над всем мирозданием»¹⁵.

Олимпов доводит до предела романтическое представление о поэтическом творчестве как о божественном откровении — поэт-пророк, тво-

¹² Теос. Предвещание; Его; Интуиция // Дачница. 1912. 22 июля. №5. С.2.

¹³ Олимпов К. Жонглеры-Нервы. Указ. изд. С.2.

¹⁴ Из письма К.Олимпова к неустановленному лицу (Владимиру Николаевичу) от 2 марта 1928 (РО ИРЛИ. Ф.172. Ед.хр.303).

¹⁵ См., напр., публ. А.В.Крусанова и А.М.Мирзаева в настоящем изд. С.204.

рец, приобщающийся к высшей реальности, в результате развития своего духа превращается в поэта-бога, который в буквальном смысле подчиняет себе реальность «низшую», и землю, и толпу.

Кстати, именно эти понятия, неизменные атрибуты «мира лжи и прозы» в художественном мире К.М.Фофанова, Олимпов «уничужает» в своей листовке, возвестившей в 1914 начало Эпохи Олимпова и манифестировавшей Вселенский Олимпизм. Здесь в стихотворении «Флейта Славы» он впервые применяет своеобразную символику прописных букв. Как видим, даже предлоги здесь — «от Бога», в то время, как слова «толпа» и «земля» пишутся со строчных, знаменуя низкое положение обозначаемых ими, с точки зрения Олимпова, понятий:

Флейта Славы

Я От Рожденья Гениальный —
Бог Электричеством Больной.
Мой В Боге Дух Феноменальный
Пылает Солнечной Весной.

Сплетая Радуги Эона,
Огни Созвездий Сотворил.
Давно-Давно От Ориона
Пути Вселенных Искрылил.

И На земле Явился В Нервах,
Сверкая Сердцем Красоты.
Строфами Светозарных Перлов
Спалил толпу Грозой Мечты.

Войдя В Экстаз — Великолепен —
В «Пенатах» Пением Звучал.
Тогда Меня Великий Репин
Пером Великим Начертал.

Я — Самодержец Вдохновенья,
Непогрешимец Божества.
Собою Сам, Творец Творенья,
Бессмертной Жизни — Голова!¹⁶

С рождением Вселенского Олимпизма в 1914 связано и появление двух титулов Олимпова — Родитель Мироздания и Великий Мировой Поэт, ставших с этого времени чем-то вроде его «визитной карточки». В 1915 Олимпов издает своего рода космогонический эпос — «Феноменальную Гениальную Поэму Теоман Великого Мирового Поэта Константина Олимпова». Издание это было конфисковано цензурой — по-видимому, за религиозное кощунство и фамильярное обращение к царским особам¹⁷. Как указал Олимпов в специальном примечании, в книге опубликован только фрагмент (около 500 строк), представляющий собой одну

¹⁶ Олимпов К. Эпоха Олимпова; Вселенский Олимпизм. Рига, 1914.

¹⁷ См. об этом: Никольская Т.Л. Указ. изд.

сотую часть поэмы «Теоман». В поэме речь идет о создании Олимповым Вселенной, об эволюции жизни на земле, о том, как Константин Олимпов «облекся в земной чехол» и явился человечеству, «Строфами Светозарных Перлов Спалил толпу Грозой Мечты» и т.п. В 1916-1917 Олимпов издал четыре листовки — «Глагол...», «Прозмий...», «Исход...» и «Паррезию...» Родителя Мироздания — единственные в своем роде «документы» Эпохи Олимпова, представляющие собой продолжение или, скорее, новые фрагменты «Теомана».

В эти же годы Олимпов обращается к словотворчеству. Опыты его в этой области, по замечанию В.Смиренского, были «во многом близки хлебниковской зауми»¹⁸. Два небольших стихотворения, написанные Олимповым в этом духе, датированы В.Смиренским 1915-м («Шакал») и 1916-м («Хопо-хопо-хопотом...»). Более родственны хлебниковской зауми стихотворения из книги «Эхоляллы», одно из которых приводим:

Умина уматый умняк
Умехал умори умло
Уминь умовяк
Умыть умупло.
О, умче, о, умов, о, ум!
О, Олимпче, о, Олимпов, о, Олимп!¹⁹

Словотворческие эксперименты, по-видимому, были случайным эпизодом в творческой биографии Олимпова. Возможно, что для Олимпова, порвавшего с Северянином и нащупывавшего почву для новой «олимпианской» поэтики, обращение к словотворчеству в духе Хлебникова было обусловлено стремлением избавиться от «северянинизмов». Но его поэтический язык, бывший для него прежде всего средством выражения эгоидеологии, выходящей за пределы собственно поэзии, не мог органично воспринять хлебниковскую концепцию «самовитого слова». Словотворчество Олимпова, как и других эгофутуристов, не обладало тем онтологическим статусом, что был свойствен заумному языку Хлебникова или Крученых. Можно сказать, что если для Хлебникова новый язык был *языком будущего*, то для эгофутуристов — *языком для того, чтобы говорить о будущем*. А в подчеркивании Олимповым в своих «заумных» стихотворениях звукоподражательных моментов («Шакал зеркал фискал искал / Икал шакал зеркал...»²⁰) можно усмотреть лишь явные черты вульгаризации идеи «самовитого слова».

¹⁸ Смиренский В.В. Олимпов // Краткая литературная энциклопедия. [М., 1968]. Т.5. С.423.

¹⁹ Приводится по списку В.Смиренского (РО ИРЛИ. Ф.582).

²⁰ РГАЛИ. Ф.1718. Оп.1. Ед.хр.19. Л.162.

В соответствии с доктриной Олимпизма события российской и мировой истории напрямую соотносились с этапами собственного духовного развития автора, которое к октябрю 1917 достигло «Титанизма Великой Умственной Эволюции». Определение Вселенного Олимпизма получило более конкретную форму: «Мой Вселенный Эго-Олимпизм есть мой октябрь 1917 года»²¹. Как и многим другим футуристам, Октябрьская революция представлялась Олимпову открывающей путь к достижению возможностей будущего в настоящем, к воплощению мечты о преображенном человечестве будущего. В одной из автобиографий Олимпов детально описал свою деятельность в годы революций и гражданской войны:

В 1917 г. я обрадовался свободе печати и, опубликовав «Парезию Родителя Мироздания», занялся общественной работой.

Я организовал гражданский комитет, а затем они появились и в других районах.

Когда приехал В.И. Ленин и поселился по Широкой ул. д.39, — то мне приходилось неоднократно встречаться с ним на улице²². Он производил положительное впечатление, и я хотел организовать партию Олимпистов, как блок поэзии футуризма с коммунизмом, о котором тогда кричали журналы: «Ленинская группа — политические футуристы. Им, так же, как и всевозможным, ныне полузабытым Бурлюкам и Олимповым, прежде всего нужен шум» («Журнал журналов». №15, Май, 1917 г.)²³.

Приезд В.И. Ленина в запломбированном вагоне напоминал мне мое хождение с галстуком в петлице (см. вech. вып. «Бирж. Вedom.» №13905 от 13 Дек. 1913 г.)²⁴. Но в июле В.И. Ленин скрылся и я его больше не встречал.

При наступлении выборов в Учредительное Собрание я был избран председателем трех участковых комиссий по выборам в Учред[ительное] Собр[ание]. Незадолго до их начала Центральная Управа просила представить ей список членов гражданского комитета с указанием партийности и кто какой партии сочувствует. Из всего состава гражд[анского] ком[итета] только один

²¹ См. публикацию А.В.Крусанова и А.М.Мирзаева в настоящем издании. С.205.

²² Ср. в воспоминаниях В.Смиренского: «А Костя рассказывал мне, что он очень часто встречал Владимира Ильича. Ленин носил, по рассказам Кости, далеко не новое осеннее пальто и черную кепку. И много раз Костя видел его с круглым черным чайником в руках: Ленин ходил в общественную столовую за кипятком» (Смиренский В. Он в памяти у нас живет // Ленинец (Волгодонск). 1965. 6 апреля. №54. С.2). Ленин жил в квартире №24 дома 48/9 (ныне 52/9) по Широкой улице, в семье своей старшей сестры А.И.Елизаровой, с 4 (17) апреля по 5 (18) июля 1917 (см.: Колосков П.В. Улица Ленина, 52. Л., 1979. С.6).

²³ Источник цитаты — статья Бор. Мирского «Зодиак в штанах».

²⁴ В «Биржевых ведомостях» (веч. вып. С.5) была помещена групповая фотография с Олимповым в центре. На лацкане Олимпова — галстук, в руках — плетка.

оказался большевик, да им сочувствующий — один я. До этого времени партийностью никто не интересовался, да и не спрашивали. Когда члены гражд[анского] ком[итета] узнали, что я сочувствующий большевизму и при этом состою председателем трех участковых комиссий, то они восстали против меня и на ближайшем заседании исключили из гражданского комитета.

Это было 10 или 13 октября.

Спустя две недели после моего исключения совершился октябрьский переворот. Гражданские комитеты забастовали, а всех уполномоченных домов вызвали на собрание, на котором объявили, чтобы уполномоченные прекратили работу. Я, как уполномоченный своего дома, заявил, что буду работать, не дело мутить население, и гражданский комитет обязан не прерывать деятельность. Если прервет, то я сам возобновлю его занятия, только пусть возвратят печать и дела комитета. Бастующие члены гр[ажданского] к[омитета] кричали, что не возвратят ничего и грозились.

Из 181 человека, присутствовавших на собрании, только четверо рабочих примкнули ко мне. И вот я с двумя из них, на другой день утром пошел на Б.Монетную, в военно-революционный комитет. Меня провели к председателю Скороходову, которому я объяснил цель прихода и рассказал о вчерашнем собрании. Он был рад нашему порыву, благодарил, выдал временную печать б[ывшей] Районной Управы, с печатью которой только и стали действительны удостоверения, о чем он объявил кому нужно.

Мне предложил немедленно арестовать состав гражданского комитета, но я пожалел народ и, взяв красногвардейцев, вызвал к себе членов президиума гр[ажданского] к[омитета] и объявил, что если в 24 часа не возвратят спрятанное, то будут взяты под стражу. Печать и дела были возвращены. Я стал работать и выдавал всем свободный выезд из города. Через неделю у моего гр[ажданского] к[омите]та образовались большие очереди жажущих выехать и разрешение на выезд пришлось перевести в Районный Совет.

В 1918 году я отправился с продовольственным отрядом в Саратовскую губ. и был назначен в одну из волостей Вольского уезда агитатором, где я делал то, что мне казалось лучше: избирал комитеты деревенской бедноты, помогал брать мельницы на учет, разъяснял на сходах о событиях, организовывал крестьянские шествия в первую годовщину красного октября.

В 1920 г. я был мобилизован в Красную Армию и откомандирован в полевую почтовую контору Лит. Б., которая стояла в Гатчине. Там я написал «Третье Рождество».

В 1921 г. демобилизовался и был направлен в главный почтамт продолжать работу, но я сбежал, потому что морковь Р.К.П. была заедена, а партия редиски и ошпаренных раков, вроде Троцкого и Зиновьева, грызлась и ликовала. Я написал рит-

мею «Объяснение Дезертира Труда», которую привожу, и предпочел бродить по деревьям, по которым скитался до 1925 года²⁵.

В этой автобиографии, написанной в 1927 для И.В.Владиславлева, Олимпов, хотя и упоминает себя как Родителя Мироздания, очень мало говорит о той стороне своей деятельности, которая непосредственно отражала его представления о своем предназначении. Чтобы полнее познакомиться с биографией Олимпова после 1917, сопоставим его самописание с показаниями на следствии его приятеля — прозаика Василия Михайловича Андреева (1889-1941). В 1930 Андреев и Олимпов проходили по одному делу «об антисоветской агитации». Конечно, к такому источнику, как протокол допроса, следует относиться с крайней осторожностью, однако большинство фактов, сообщенных Андреевым следователю, подтверждается другими источниками.

[1 ноября 1930]

Фофанов с октября 1917 года или с начала 1918 г. именует себя «родителем мироздания» не только в поэзии, но и вообще. На этом основании он считал своим долгом вмешиваться в правительственные дела. Он «делал указания» Совнаркому и Ц.К. Партии все это время, т.е. с 1917-18 гг. По его словам выходит так: «Красная армия одержала победы на фронтах потому, что он, Фофанов, дал совет Совнаркому, как действовать», «Идея НЭПа возникла сперва у Фофанова, и он послал Ленину письмо соответствующего характера, после чего и была введена Новая Экономическая политика». Другими словами, т. Ленин воспользовался идеей Фофанова, как утверждал последний. Фофанов ежегодно до сего времени посылал по несколько писем в Кремль, большинство в стихотворной форме. Копии всех подобных посланий Фофанов хранил дома. Признав себя «родителем мироздания», Фофанов, безусловно, пользуясь подобной маской — симуляцией душевно-больного — не признает никакой государственной власти. Отсылал в Совнарком, напр., такие стихи:

«...вы, вожди, остались позади
Вас ждет судьба дензначного рубля,
Идущего сейчас на пониженье»²⁶ и т.д.

В 1923 году Фофанов послал письма в стихах тт. Ленину, Троцкому, Зиновьеву и Каменеву и просил ответа на письма, причем сделал приписку: «Ваше молчание сочту за слабость мысли перед моим величием».

²⁵ Олимпов К. Мои сведения для труда «Литература великого 10-летия» (1918-1927) И.В.Владиславлева. — РО ИРЛИ. Ф.172. Ед.хр.302. Л.6-9. Далее следует текст ритмеи, который нами опущен. В библиографический справочник И.В.Владиславлева «Литература великого десятилетия» (Т.1. М.; Л., 1928. С.185) вошла только краткая справка об Олимпове.

²⁶ В.М.Андреев по памяти цитирует стихотворение Олимпова «Моим хулителям» (сентябрь 1923), приобщенное в 1930 к делу «об антисоветской агитации» группы литераторов, в состав которой входил и К.Олимпов.

Фофанов был на испытании в сумасшедшем доме, но был признан врачами душевно-нормальным²⁷.

После провозглашения Вселенского Олимпизма в 1914, Олимпов как поэт несколько лет пребывал фактически в полном одиночестве. Однако в 1920 трое молодых поэтов при непосредственном участии Константина Олимпова образовали кружок, деятельность которого можно назвать последней вспышкой эгофутуризма.

В сентябре 1920 с Олиповым знакомится восемнадцатилетний поэт Владимир Викторович Смиренский (1902-1977)²⁸, служивший в то время инструктором библиотечного дела во втором Тяжелом Артиллерийском дивизионе в Шувалове. В.Смиренский был страстным поклонником творчества К.М.Фофанова и к тому времени уже несколько лет собирал о нем материалы. 28 мая 1917 он вместе с поэтом Леоном Одиноким основал даже свой частный Литературный музей имени К.М.Фофанова²⁹. Знакомство сразу же переросло в дружбу. Вскоре вокруг Олимпова образовался кружок, в который, кроме В.Смиренского, вошел его старший брат Борис (1900-1970)³⁰, в то время слушатель Артиллерийской академии,

²⁷ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и области. Дело № П-75890. Л.148.

²⁸ Наиболее подробные сведения о В.Смиренском см. в сопроводительных статьях к публикациям его воспоминаний о А.М.Ремизове (Смиренский В. Воспоминания об Алексее Ремизове / Предисловие, публ. и комм. Е.Р.Обатниной. Лица: Биографический альманах. Вып.7. М.; СПб., 1996. С.161-190) и о Ф.Сологубе (Смиренский В. Воспоминания о Федоре Сологубе / Вступ. статья, публ. и комм. И.С.Тимченко // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С.395-425).

²⁹ Информацию об этом см. в письме А.Скорбного (В.Смиренского) к К.Олипову от 3 июля 1921 — РГАЛИ. Ф.1718. Оп.3. Ед.хр.50. Л.3. Фанатическое увлечение Владимира и Бориса Смиренских К.М.Фофановым, по-видимому, послужило причиной возникновения в писательской среде слуха о том, что они являются незаконнорожденными детьми поэта. Слух этот нашел отражение и в научной литературе: Anemone A., Martynov I. Towards the History of the Leningrad Avant-Garde: The «Ring of Poets» // Wiener Slavistischer Almanach. Bd.17. 1986. P.133.

³⁰ Приведем фрагмент из автобиографии Бориса Смиренского (19 августа 1923): «В 1907 году поступил в Екатерининское Воспитательное заведение СПб Дворянства, которое окончил в 1909 году с двумя наградами от училища и одной наградой от Предводителя Дворянства. Виду малолетства, принят в 1-й Кадетский Корпус по Высочайшему повелению. Окончил семь классов Корпуса в 1916 году и поступил на действительную военную службу юнкером рядового звания в Константиновское Артиллерийское Училище. Писать стихи начал в Корпусе, с 1912 года. Первое выступление в печати — стихотворение "Сны", напечатанное в журнале "Весь мир" №4, январь 1915 года. Окончил училище портупей-юнкером и произведен в офицеры 15 февраля 1917 года. Находился в Действующей Армии, на передовых позициях, в составе войск XIX Армейского Корпуса по 1918 г. После революции служил ночным сторожем, газетчиком, метельщиком и т.д. В 1919 г. поступил в Артиллерийскую Академию, которую в будущем году и кончаю» (РО ИРЛИ. Ф.582). До середины 1920-х Борис был неизменным спутником своего более "литературно ангажированного" брата Владимира. В 1921-1928 издал пять

а также Николай Иванович Позняков (1902-?), близкий друг Владимира Смиренского, служивший вещевым каптенармусом в одной с ним батарее в Шувалове³¹.

«Нам, по молодости лет, особенно нравилось, — вспоминал много позже В.Смиренский, — что эго-футуристы не ожидали, когда их признает придиричивая публика, а признавали себя сами, и, как говорится, — без ложной скромности, присваивали себе почетное и, казалось бы, недостижимое звание — великих /.../ Мне Олимпов присвоил высокое звание "великого европейского поэта", чем я немало гордился. Это звание, разумеется, обязывало и меня к известной наглости, и я тоже писал стихи о собственной гениальности. Я помню из этих стихов только четыре строки, в достаточной степени выразительных и дерзких, что, видимо, я сознавал и тогда — полвека тому назад:

Греми теперь мой смелый стих,
Я буду дерзок и нахален.
Я знаю сам, что я — велик,
Что я, как Пушкин, гениален...»³²

Об увлечении Владимира Смиренского эгофутуризмом свидетельствует и его письмо к В.С.Миролюбову от 15 ноября 1920: «По Вашему совету постоянно я пополнял свое образование, и в творчестве моем было очень и очень много изломов. Не так давно я даже взшел на престол, к[а]к некогда взорлил Игорь Северянин, но — очень быстро бросил это, снял свой царственный венец, и символически поступил в Монастырь. Поэтому последняя моя книга, — книга этих дней — называется "Песни Венценосного Инока". Я теперь скромный инок из Храма Поэзии, — живущий на Волшебном Острове»³³.

стихотворных книг. Впоследствии сочетал работу военным инженером со стихотворчеством и историко-литературными изысканиями. Писал о С.Ф.Дурове, Н.А.Дуровой, Н.Ф.Павлове, Д.В.Веневитинове, И.Северянине и др., выпустил книгу о литературных мистификациях «Перо и маска» (М., 1967).

³¹ В сентябре 1920 Н.Позняков (встречается и другое написание фамилии — Поздняков) поступил на словесное отделение факультета общественных наук Петроградского университета (прошение о приеме написано рукой В.Смиренского), где учился до декабря 1923, когда был отчислен «вследствие невыполнения академической активности». Немногие биографические сведения почерпнуты нами из его студенческого дела. По окончании реального училища Позняков два с половиной года служил в Кавалерийском дивизионе 21-й дивизии, а затем полгода — вместе с В.Смиренским — во втором Артиллерийском дивизионе. В анкете (30 сентября 1922) он называет своей основной профессией литературу и указывает, что его «средства к существованию» складываются из «участия на вечерах поэзии» и чтения лекций по литературе в Центродромпросвете. Пишет также, что устраивал в Петрограде вечер поэзии в пользу голодающему Поволжью и «был ближайшим участником по организации Мытнинского студенческого общежития» (ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.4. Ед.хр.1267). Входил в Кольцо Поэтов имени К.М.Фофанова (1921-1922).

³² Смиренский В. Мой вечер: Воспоминания (РО ИРЛИ. Ф.582).

³³ РО ИРЛИ. Ф.185. Оп.1. Ед.хр.1071.

Иноками, живущими в Храме Поэзии на Волшебном Острове, называли себя все трое юных друзей Олимпова. Остров был по крайней мере два. Одним из них было Шувалово, где служили Владимир Смиренский и Позняков, вторым же считался поселок Отрадное на берегу Невы, где с 1911 жила семья Смиренских³⁴. Позняков писал стихи под псевдонимом «Валентин Печальный», а Владимир Смиренский с 1920 взял псевдоним «Андрей Скорбный», которым пользовался до 1923.

Сохранилось несколько обращенных к «инокам» патетических стихотворных посланий Константина Олимпова, вроде этого:

При Красном Веке Коммунизма
Три Инока, Как Спички в Коробке
Несут Знамена Фофанизма
Как Буря — Наводнение Реке.

Бурлится Молодостью Сила.
Вздыхает Солнцами Волна.
Да Здравствует Война!
Всему Прошедшему — Могила!
Всему Грядущему — Весна!³⁵

Приведем и образцы ответных сочинений Андрея Скорбного и Бориса Смиренского:

Великому Мировому Поэту Константину Олимпову

Шлю приветные знаки с Волшебного Острова, из Храма Поэзии. Смиренный иннок — я сгибаю свою измученную спину перед Аполлонским Величием Гения, — и жму его смелую и гордую руку. Руку, которой написан «Теоман». Иннок Валентин (в мире Николай) свидетельствует свое уважение. Иннок Борис — тоже. Ждем все трое — Послание с Вершин Олимпа. Сверкай, — и вдохновляйся, божественный, — в улицах Гатчины, где вдохновлялся когда-то бессмертный Константин Михайлович!!!

«Жонглируй нервами, стучи зубами,
Взметаешься облаком, и хохочи
Рыдай над сильными и над рабами, —
И пламя Мудрости — вокруг взлучи»
Иннок Андрей Скорбный (Владимир Смиренский)³⁶

Константину Олимпову

За гранью Призрачного Рая
В Преддверьи в Звездные Края

³⁴ См. письмо Н.Позняка и В.Смиренского к Ф.Сологубу от 2 ноября 1920, приведенное в комм. И.С.Тимченко к воспоминаниям В.Смиренского о Ф.Сологубе (Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С.416).

³⁵ Олимпов К. Троице Инокам (письмо в буквах) // РО ИРЛИ. Ф.172. Ед.хр.6. Приводим фрагмент текста.

³⁶ РГАЛИ. Ф.1718. Оп.1. Ед.хр.56. Л.144.

Престол Олимпова сверкает
Эдемной Славой Бытия.

Горят Несбыточными Снами
Его Фантазии Мечты...
Курыт Кадильницы Огнями
Непревзойденной Красоты.

И в Ослепительном Чертоге
Ошую Трона возлежат
Землей Непознанные Боги —
Поэтов Грез Триумвират.

Февр. 1921 г. Академия Поэзии
Учителю и Собрату. Борис Смиренский³⁷

30 октября 1920 Владимир Смиренский и Николай Позняков встречались с Блоком и показывали ему свои стихи. «Днем у меня эго-футуристы из Шувалова...», — отмечает Блок в записной книжке. 7 ноября Блок дал положительный отзыв о стихах братьев Смиренских для приемной комиссии Петроградского отделения Всероссийского Союза Поэтов, но из-за негативных отзывов М.Лозинского и Н.Гумилева «эго-футуристы из Шувалова» в Союз Поэтов не прошли³⁸.

Члены кружка разработали манифест «Академии Эго-Поэзии Вселенского Олимпизма», который предполагали напечатать в сборнике «Вселенные — по черепам»³⁹. Сборник этот так и не вышел. Манифест распространялся в рукописи, в нем, по словам К.Олимпова, шла речь «о революции в Космосе»⁴⁰. По свидетельству Бориса Смиренского, там, например, были такие строки (принадлежащие К.Олимпову):

Как юность дразнит стариков,
Устроив пляски над могилой,
Так мы грядем с душевной силой
Дразнить грядущее веков!⁴¹

Как указывает Владимир Смиренский, взамен сборника «Вселенные — по черепам» вышли — листовка Олимпова «Анафема Родителям Мироздания» ([Пг.]: Аббатство Гаеров, 1922), книга Олимпова «Третье Рождество Великого Мироздания Великого Титанизма Великой Социальной Революции Константина Олимпова Родителя Мироздания» ([Пг.]: Руины неба,

³⁷ РГАЛИ. Ф.1718. Оп.1. Ед.хр.69. Л.1.

³⁸ Подробнее об этом см.: Блок в архиве Вс.А.Рождественского / Публ. и предисловие М.В.Рождественской. Комм. Р.Д.Тименчика // Литературное наследство. Т.92: Александр Блок: Новые исследования и материалы. Кн.4. М., 1987. С.689, 683.

³⁹ Анонс помещен в книге Олимпова «Третье Рождество...» ([Пг., 1922]. С.8).

⁴⁰ Олимпов К. Мои сведения для труда «Литература великого 10-летия...» Указ. соч. Л.10.

⁴¹ Смиренский В. В стране поэзии: [Воспоминания] — РГАЛИ. Ф.2823. Оп.1. Ед.хр.6. Л.4.

[1922]), а также миниатюрная листовка С.Нельдихена и А.Скорбного «Отрывки из писем великих людей» ([Пг.: Аббатство Гаеров, 1922)]⁴².

По свидетельству Владимира Смиренского, юные эгофутуристы неоднократно выступали «с устными альманахами в Шувалово, в Мытнинском общежитии Петроградского университета и в ряде клубов. Была предпринята небезынтересная попытка создания театра олимпизма — театра импровизаций, без актера и определенного репертуара. Первые постановки были осуществлены в Шувалове и Петрограде при участии К.Олимпова, Вл. и Б.Смиренского, Н.Ф.Белявского, Н.И.Позняка, А.Р.Брянского, артисток Ираиды Рихтер и Доры Тургеневой»⁴³.

Границы литературной деятельности «Академии Эго-Поэзии Вселенского Олимпизма» существенно размываются из-за того, что ее члены одновременно были организаторами и участниками ряда других литературных кружков. Среди них назовем обладавшее вполне официальным статусом «Кольцо Поэтов имени К.М.Фофанова» (30 апреля 1921 — 25 сентября 1922), «Аббатство Гаеров» (существовало между 1920 и 1922), «Союз Писателей имени А.А.Измайлова» (1922), «Кувырколлегия» (1921) и др. Хотя проекты театра олимпизма относятся к 1923, историю Академии Эго-Поэзии к этому времени можно считать фактически завершенной.

Члены кружка долгие годы поддерживали между собой дружеские отношения. В 1927 они торжественно праздновали 15-летие литературной деятельности Олимпова. Приведем письмо, преподнесенное Олимпову его друзьями в день юбилея:

1927.02.24

Дорогой Костя,

Ровно полвека твоего творческого пути прошло на наших глазах. Оттого радостная для тебя годовщина — для нас радостна и дорога вдвойне.

Мы — оба — одни из немногих, подписавших вместе с тобою — незабываемый манифест Вселенского Олимпизма.

Мы оба, вместе с тобою, рука об руку шли в самые тяжелые, голодные годы России.

И для нас навсегда памятна твоя необычайная комната с зеленым фонарем в пустынном доме на Широкой улице, где мы провели много чудесных ночей, слушая твои стихи и стихи Фофанова.

⁴² См. об этом: Смиренский В. Академия эго-поэзии: [Воспоминания; 1957] — РО ИРЛИ. Ф.582.

⁴³ Там же. См. также письмо В.Смиренского к Олимпову от 19 ноября 1923: «Я сейчас беседовал с нашим академическим режиссером (он профессиональный артист) и поставил его, между прочим, в тупик. Когда он уходил от меня, то со слезами на глазах признался, что я выбил у него из-под ног почву, и что теперь он не знает, что ему делать. Он уже 15 лет режиссерствует, а мне удалось доказать ему с беспощадной ясностью (и, разумеется, обоснованно), что Театр — гибнет, и что у нас только два выхода — или пантомима — или театр Олимпизма. Потом я рассказу тебе все это подробнее. Он хотел бы поставить показательный спектакль Олимпизма при нашем участии» (РГАЛИ. Ф.1718. Оп.3. Ед.хр.50. Л.8).

Для нас навсегда памятна холодная кухня и жидкая кровать, на которой мы ухитрились ночевать втроем, и плотный дым крепкой деревенской махорки.

Ты один из немногих замечательных людей, встреченных нами — в тусклой и слишком обычной жизни. И нам трудно выразить и глубокую благодарность, которую мы чувствуем по отношению к тебе, — и большую любовь, которая связала нас всех воедино. Да будет для тебя жизнь всегда так же высока и прекрасна, как было в те голодные и тревожные годы, когда мы тебя узнали.

Владимир Смиренский
Н.Позняков⁴⁴

Публикуемые ниже воспоминания Владимира Смиренского являются единственными известными нам монографическими воспоминаниями, посвященными Олимпову. Воссоздаваемый в них образ поэта оказывается несомненно глубже традиционных представлений о нем как чуде и психопате. Вместе с тем следует указать и на некоторую тенденциозность В.Смиренского, проявляющуюся, например, в настойчивом стремлении представить лирические (то есть не «космические») стихи Олимпова как «настоящие». Отметим также, что воспоминания об Олимпове — одни из лучших в мемуарном наследии В.Смиренского. Многие другие его тексты, написанные по большей части в 1950-1970-е годы, или мало-содержательны или отягощены чрезмерной конъюнктурной заданностью.

Воспоминания печатаются по авторизованной машинописи (1970-е), хранящейся у наследников Б.В.Смиренского (Москва). Самый ранний вариант этого текста датирован 1941-1945. Впоследствии он был значительно расширен и дополнен. Другие варианты, машинописные и рукописные, хранятся в РО ИРЛИ (Ф.582) и в РГАЛИ. По рукописи РГАЛИ небольшой фрагмент был опубликован в кн.: Марков А. «Храните у себя эту книжку...» М., 1989. С.253-254. Публикатор выражает благодарность А.В.Крусанову за помощь в составлении примечаний.

В старом «Синем журнале» мне попалось на глаза любопытное объявление: «Обязую каждое читающее ухо высылать мне денег, сколько которое может, по адресу: Широкая 39, кв.12, К.К.Фофанову-Олимпову, для просеивания мебельной одежды планеты сквозь решето суточного движения мозга на земном шаре»¹. Имя автора объявления было мне хорошо знакомо. Я знал, что это сын известного поэта К.М.Фофанова, сам тоже поэт, первый эго-футурист в России.

По адресу, указанному в объявлении, года три спустя, я собрался, наконец, сходить к Олимпову лично².

Поднимаясь по давно не метеной лестнице, я встретил человека, невольно привлечшего к себе мое внимание.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф.1718. Оп.1. Ед.хр.56. Л.140.

Он был среднего роста, худощав, в осеннем пальто и сильно помятой фетровой шляпе, из-под которой выбивались пряди белесых, цвета соломы, волос.

Небесно-голубые глаза смотрели в пространство. В руках человек бережно сжимал мочалку.

— Послушайте, — сказал я, — не вы ли Констатин Олимпов?

— Да, это я, так это, — ответил человек скороговоркой, — а вы ко мне?

— К вам, — улыбнулся я. — Правда, я пришел, как видите, поздно, через несколько лет, но все было некогда. Я — по объявлению.

— А-а-а... — тоже улыбнулся Олимпов, обнажив редкие и плохие зубы. — Ну, это было давно, так это. Идемте! Я собирался в баню, да это успеется.

Мы поднялись в квартиру. Она состояла из двух необитаемых комнат и обитаемой кухни. Одна комната была открыта и завалена всяким хламом: дверными ручками, гвоздями, мешками, рогожами и предназначалась любезным хозяином для воров. Вторая комната всегда запиралась и служила мемориальным музеем. В ней были аккуратно развешаны портреты отца-поэта, все под стеклом и в рамках, стоял шкаф, наполненный до отказа отцовскими рукописями, отцовский письменный стол с гипсовой маской поэта, стояла потрепанная мягкая мебель. А жил Олимпов в маленькой кухне, в которой плита хоть изредка, но топилась. Там стояли его кровать, стол и два стула.

Мы прошли туда. Олимпов показывал мне свои и отцовские книги и подарил мне целую кипу своих футуристических листовок. На одной из них написал: «Небо — синий хлеб, а ветер, тонкий нож, намазывает белую сметану — облака. В знак первой встречи Владимиру Викторовичу Смиренскому. К.Олимпов. Осень 1920 года»³.

Потом он читал.

Читал он замечательно, красиво и вдохновенно, несколько нараспев. Особенно хорошо у него звучали отцовские стихи. Он страстно любил отца, считая его великим поэтом, и был по-детски обрадован, узнав, что я работаю над его биографией. Сейчас же, сам себя перебивая, временами заикаясь и путаясь, он начал общаться мне всякие биографические факты, поминутно сопровождая их чтением стихов.

Читая, он разжег плиту, вскипятит чайник весь черный от сажи и копоти. Ушел я от Олимпова поздно ночью.

С того дня мы подружились. Человек несомненно странный, очень одаренный, но изломанный, Олимпов, когда его узнавали

поближе, производил на всех прекрасное впечатление. Он был поистине не от мира сего и, как все люди этой породы, был исключительно честен и чист. У него было много непонятных людям привычек, много чудачеств. Он однажды повесил у себя на дверях такой плакат:

Я живу в тишине и затворником.
Принимаю народы по вторникам.⁴

Стихи свои он подписывал всегда так: «великий мировой поэт Константин Олимпов».

Иногда добавлял: «родитель мироздания»⁵.

В сущности, футуристы почти все считали себя великими поэтами, а Велемир⁶ Хлебников называл себя «председателем Земного шара». Так что такого рода подписи привычных людей даже не удивляли. Но Олимпов, кроме футуристических стихов, писал и такие стихи, которые были известны очень немногим, самому тесному, избранному кругу друзей.

В этих стихах Олимпов был совершенно неузнаваем. Публика знала его футуристические книги: «Аэропланная поэзия», поэмы «Теоман», «Третье Рождество». Эти стихи ошарашивали читателя своим нарочитым сумбуром, непонятными словосочетаниями, игрой звуков: «Водорная водина водезит водопенью»⁷.

Или:

Хопи-хопи-хопотом,
Шлёпотом копытом,
Аплодируй топотом,
Топотом копытом.

Это он подражал стуку копыт рысака, бегущего по асфальту. Иногда он впадал в экзотику:

В перуанских Кордильерах
Индианки в красном пончо
Пьют из глиняных кувшинов
Виноградное чичи⁸,

или в своеобразный юмор:

На площади Перикл
Как воробей чирикал,
А толстый Фемистокл
Щипал грудастых Фекл.

Но чаще всего он в своих стихах утверждал себя властителем мира и кричал истошным голосом:

Где только возможно, на всех перекрестках
Я буду кричать о величье своем.

Пусть будет известно на этих подмостках,
Что я выше Бога сверкаю венцом!⁹

Прокричав такие стихи, Олимпов обычно застенчиво улыбался и спрашивал:

— А здорово, так это, у меня вышло?

И он настолько наивно верил в свое непререкаемое величие и так, наряду с этим, скромно говорил о нем, что ему все прощалось. Он — не раздражал.

Ленинградская публика хорошо помнила Олимпова по кабаре «Бродячая собака»¹⁰, по поэзо-концертам Игоря Северянина. Она привыкла к тому, что Олимпов — это неудачный беспутный сын двух великих отцов (Олимпов был крестным сыном Ильи Репина), что он способен только на крик, на истерические или хулиганские выходки. Памятны были его слишком частые, скандальные выступления в камерах мирового судьи¹¹.

А тут вдруг открывалось второе лицо поэта, и лицо настоящего поэта. Вот, например, такие стихи (до сих пор неопубликованные):

Мне хочется любить. Побывать у глаз твоих.
И плакать без конца, рыдать слезой горячей.
Поверь, что в юности я мог любить иначе,
Блаженны песни петь в сиренях голубых.
Года прошли. Смотрю на жизнь иначе...
Сирени отцвели желаний голубых.
Мне хочется любить, побывать у глаз твоих
И плакать без конца, рыдать слезой горячей.¹²

Или такое:

Любовь

Для тебя, сияющей над всеми,
Много слов истратили поэты.
Ты у всех встречаешься в поэме,
В честь тебя слагаются сонеты.
Отчего же я тебя не славлю,
Не хвалю, как хвалят все поэты?
Оттого, что скоро я оставлю
Плотский мир, голодный и раздетый.¹³

Такие стихи, повторяю, никак не вязались с обликом футуриста Олимпова, известного своими необычными выступлениями, выходившего на эстраду с чучелом кошки или же с плеткой¹⁴. Но эти стихи никогда не публиковались, лежали под спудом. Между прочим, пора сказать о причинах этого. Олимпов был самым любимым из детей Фофанова¹⁵, к тому же единственным, сохранившим внешне с ним сходство: у него были такие же голубые глаза,

тоже слегка безумные, такие же соломенные волосы, кроме того, у него был такой же нервный и неразборчивый почерк.

Олимпов считал, что, поскольку у него на руках хранится весь огромный, изданный и неизданный фонд отцовских рукописей, он не может и не должен подписываться отцовским именем и писать лирические стихи. Он придумал себе поэтому псевдоним «Олимпов» и, переломив себя, «становясь на горло собственной песне», как говорил Маяковский, писал стихи, совершенно отвлеченные, потусторонние, на тему о мироздании, никак и ничем не похожие на стихи отца.

Но в нем жила душа подлинного поэта, и вот, изредка, настоящие стихи прорывались.

У меня сохранилось несколько лирических стихотворений Олимпова. Вообще же их была целая книга, оставшаяся неизданной, под названием «Ты»¹⁶.

В продолжении десяти лет Олимпов постоянно бывал у меня, и я ходил к нему очень часто. Нас связывала настоящая, редкая дружба. «Огромным другом» называл меня Олимпов в письмах.

По поводу книжки моих стихов «Волшебный остров» Олимпов посвятил мне такие стихи:

В.В.Смиренскому

Мне надоело есть, плодить в земле картофель,
Работой тяготит планетная тюрьма.
Я Бога высмеял, стал гордостью ума,
Мудрее Сатаны, как новый Мефистофель.

Мной проклят Саваоф, мной прокляты все бездны,
Нет радости, нет светлости в сердцах,
И подо мной все сны, и всех поэтов песни
Разбито ползают, как змеи на горах.

Но в океане тьмы, как солнце, возникает
Комета, вьющаяся в звездных кудрях гроз.
Люблю ее восход. Пусть жизнью засеркает
В.В.Смиренского Волшебный остров грез.

1922 г.¹⁷

У него была любопытная особенность — каждое слово в своих стихах, но не только в своих, он писал с большой буквы. А Петербург или Петроград он неизменно называл «Окном Европы». Он почитал Пушкина. Задолго до стихов Маяковского «Александр Сергеич, разрешите представиться!»¹⁸, — Олимпов написал:

Здравствуй, Пушкин! Как дела?
Как живешь? Чем промышленяешь?

Между прочим, он рассказывал мне, что название для поэмы Маяковского «Облако в штанах» было придумано им, Олимповым¹⁹. Я не могу поручиться за достоверность этого, но должен сказать, что это похоже на правду. Олимпов был большим мастером на придумывание неожиданных названий. Одна из его книг называлась так: «Этажерка под подушкой»²⁰.

В 1921 году Олимпов, оставшийся как футурист совсем один, вновь возглавил «Академию эго-поэзии». К нему примкнул я, брат мой Борис Смиренский и Николай Позняков. Мы были последними эго-футуристами в России. В 1922 году эго-футуризм вторично и уже окончательно умер.

Очень запомнилось мне одно из выступлений Олимпова. Я был с ним в Доме Искусств на очередном вечере поэтов. Олимпов сидел спокойно и слушал, меланхолически свертывая обычную свою сигарку. И вдруг на эстраде появился поэт Георгий Иванов, давний приятель Олимпова, подписавший вместе с ним в свое время «Манифест футуристов».

Георгий Иванов давным-давно отошел от футуризма. Великолепно одетый, тщательно выбритый, он вышел и начал, слегка картавя, читать:

В середине сентября погода
Переменчива и холодна.
Небо — точно занавес. Природа
Театральной нежности полна.²¹

Олимпов оглянулся. Дом Искусств в те годы посещала изысканная публика, последние отпрыски петербургских аристократов. Они слушали Георгия Иванова с восторгом.

Это взорвало Олимпова. Как только Иванов кончил читать, Олимпов дрожащими руками вычиркнул спичку, закурил и неожиданно для всех очутился на эстраде. Это было интересное зрелище. На фоне фешенебельного зала с блистающим паркетом, люстрами и бра, на месте только что выступавшего вылощенного эстета и франта, — появилась загадочная фигура в солдатской шинели и папахе, с сигаркой в зубах.

— Бросьте курить! — выкрикнул кто-то из зала.

— А вот докурю и брошу, — спокойно ответил Олимпов. Он очень не любил оставлять свои сигарки недокуренными. Он снял папаху. Копна его соломенных волос упала на плечи. — Я прочитаю вам, — сказал он, — мою поэму «Третье Рождество»²².

Здравствуй, улица! Из Космоса приехал
Поэт бессмертия, поправший божество.
Я духом упоен, величием успеха
И в сердце — благовест и третье Рождество!

Аристократический зал был явно шокирован.

Раздался шум, топот, отдельные выкрики: «Не надо!», «Довольно!», «Долой».

Олимпов не обращал на выкрики никакого внимания. У него был сильный голос с металлическим тембром.

Он продолжал читать:

Эй, подымайся, человек,
На новую ступень культуры!
Громлю стихом литературы
Продажный отошедший век.
Эй, просыпайся, человек!
Смотри, ударили в набат
Заводы, фабрики и шахты,
Нет императоров на яхте...
Эй, слышишь в молниях раскат...

А выкрики все продолжались. Тогда из первых рядов поднялась высокая фигура Корнея Чуковского. Он сказал: «Дайте ему дочитать, все равно его не перекричишь».

И зал успокоился, затих. Олимпов дочитал свою поэму.

Из Дома Искусств мы возвращались вместе. Я часто ночевал у Олимпова. Мы спали всегда на его железной кровати — поперек, подставляя под ноги стулья.

Олимпов своим выступлением был доволен. Он сказал мне: «Они думают, что я умер, а я жив. Я, вообще, так это, бессмертен».

И в совсем другой обстановке, в нищете нетопленной кухни как-то даже не верилось, что это он, все тот же Олимпов, который только что в Доме Искусств кричал:

Да будет всем близка свобода!
Долой, земные короли!
Я быть могу вождем народа,
Предсовнаркомом всей земли!

На моих глазах он переменял ряд работ и профессий: служил в почтамте, был в Красной Армии добровольцем, ходил по деревням коробейником, был черноработчим на городской свалке, долгое время он проработал на городской бойне.

На моих глазах Олимпов, страстный игрок, проиграл в карты всю свою обстановку, на моих глазах он дважды женился.

На первой его свадьбе я и писатель Леонид Борисов²³ были шаферами.

Но какие бы ни были в его жизни резкие перемены, удачи и неудачи, сам он был неизменен. Удивительно, что он совсем не

старел, и в сорок лет ему по-прежнему по внешнему виду можно было дать лет двадцать пять, не больше²⁴. Не менялся и характер его, добрый и мягкий, потому что не было в его большом сердце места ожесточению. У него были правильные и тонкие черты лица, и несмотря на плохие зубы, он был красив.

У себя дома Олимпов был крайне гостеприимен. Он любил угощать и угощал несколько необычно. Подавая, например, на стол гречневую кашу, он убеждал:

— Ты ешь, гречневая каша укрепляет мозг.

Наливая чай, советовал:

— Побольше клади сахара, сахар придает эластичность нервам.

Предлагая овсяный кисель, говорил, что этот кисель придает ногам бодрость.

В каждом блюде он находил какое-то особое, подчас ему одному известное, свойство.

В гостях же он, наоборот, был на редкость стеснителен, тих и скромн. И мне, опять-таки, всегда казалось странным это второе лицо Олимпова, отчаянного скандалиста и крикуна. В гости он приходил в сюртуке, причем, если на дворе была зима, то с сюртуком он ухитрялся сочетать валенки.

В августе 1913 года и в конце 1916 года академик И.Е.Репин дважды написал портреты Олимпова: первый раз пером, тушью, второй раз — маслом, под названием «Портрет футуриста».

Снимок с первого портрета был воспроизведен в альманахе футуристов «Развороченные черепа», снимок со второго — в популярном журнале «Нива»²⁵.

Олимпов очень гордился этими портретами и в одном из своих стихотворений сказал:

Войдя в экстаз, великолепен,
В «Пенатах» пением звучал.
Тогда меня великий Репин
Пером великим начертал.²⁶

Кстати сказать, местопребывание последнего портрета и в наши дни не установлено. Есть слухи о том, что он находится будто бы в Норвегии, где экспонируется как портрет... Маяковского! Но с Маяковским у Олимпова не было ни малейшего сходства.

Репин любил своего крестного сына и в письмах к нему называл его «божественный, сверкающий Костя». Он писал ему часто, даже из эмиграции²⁷.

Порывистый, увлекающийся Олимпов ходил по городу несколько суетливой, как бы крылатой походкой, бормоча на ходу

стихи, не замечая прохожих. Он всегда был внутри себя, и работа его мозга, кажется, не прекращалась ни на минуту.

Даже во сне он продолжал бормотать и выкрикивать отдельные строки. Нервная система его была совершенно разрушена. По его собственным словам, он «жонглировал нервами».

По образованию Олимпов был археолог и имел большие познания в этой области²⁸. Но никогда не применял их.

Обладая замечательной памятью, он читал сотни отцовских и своих стихов наизусть, однажды он прочитал целую пьесу отца в стихах, в четырех актах. Он мог был написать блестящую по охвату биографию Фофанова, но так и не собрался заняться ею, хотя кое-какие отрывочные записи у него были.

Интересно он сочинял стихи. Если это происходило дома, то он усаживался у себя на кухне и начинал выкрикивать отдельные слова настолько громко, что эти выкрики были слышны даже на лестнице.

Как-то я спросил его:

— Зачем ты, Костя, кричишь?

— А это я, так это, стихи пишу. Я кричу какое-нибудь одно слово, оно летит, стучается об стены и возвращается ко мне обратно или полностью, или как эхо. Так я нахожу рифмы. Вот, например, прокричишь слово «смехом» — и к тебе прилетят рифмы «мехом», «мхом». Так отыскал я редкую рифму к слову «чудовищ» — «овощ». Кричал — долго. А когда я наберу полную голову рифм, я начинаю сочинять отдельные строки и тоже кричу их, потому что стихи надо выверять обязательно на голос. В рукописи никакие недостатки не выпячиваются так, как при громком чтении.

Все это он рассказывал с большой охотой, захлебываясь от вечнообуревавшего его радостного оживления. О чужих стихах он отзывался всегда очень благожелательно, причем чаще всего говорил одно слово: «колоритно».

В двадцатые годы жить было в Ленинграде голодно. Олимпов собирал в нежилых домах всякий хлам — дверные ручки, гвозди, шпингалеты, скобы — и выходил с этим богатством на базар. Торговля шла бойко. Олимпов, довольный, покупал горячие пирожки и тут же на базаре, прожевывая, выкрикивал стихи:

Я, как великий спекулянт,
Брожу по рынкам и торгую.
Ем пирожки, свой ум волную,
Не голодает мой талант.²⁹

Бывало скажешь ему: «Что же ты, Костя, не пользуешься своим положением? Ведь ты — родитель мироздания, неужели тебе нельзя и питаться и жить иначе?»

— Христос, — отвечал он вполне серьезно и проникновенно, — тоже имел неограниченные возможности. Помнишь, например, как он насытил пятью хлебами несметную толпу? А для себя он всегда сам изыскивал пропитание, ездил со своими апостолами на рыбалку, ловил рыбу. Надо быть выше собственных интересов и нужд. Только тогда и можно заслужить от людей уважение и веру в себя, как во что-то высшее, недостижимое.

— А не кажется тебе, — приставал я, — что эти мысли граничат с манией величия?

— Ну, что ж, — соглашался Олимпов очень спокойно, — и пусть. Мне безразлично, что обо мне думают. Я сам свой высший суд. И потом, ты ведь помнишь, что до меня еще Сологуб сказал: «Я создал небеса и землю!» А кроме того, у меня есть стихи: «Я хочу быть душевно-больным»³⁰...

В голодные годы Олимпов ходил по хуторам коробейником. Наберет всяких мелочей — гребенок, ленточек, наперстков, спичек, уходит в деревни, километров за тридцать, за сорок от города. Иногда его подвозили попутчики, но чаще всего он совершал это путешествие пешком. Особенно любил он район Сиверской, под Петроградом.

Шел один, лесом, и на ходу сочинял стихи.

У него бывали встречи в лесу с волками. Он отбивался от них своеобразным способом: вынимал рожок и трубил.

Обратный путь с хуторов всегда был труден. Олимпов выменивал там муку, творог, яйца, молоко, и подчас мешки и бидоны, которые ему приходилось тащить, достигали двух-трех пудов.

Я всегда удивлялся его выносливости и физической силе.

— А ты знаешь, — объяснял он, — как я делаю? Очень просто. Я воображаю, что я лошадь, и что я должен идти и тащить груз, как бы я ни устал. И тащу.

Об этой силе воображения свидетельствует столь же ярко одна из суровых ленинградских зим.

Дров у Олимпова по обыкновению не было. Нечем было топить даже плиту. Тогда он каждый вечер стал уходить в один из игорных клубов на Петроградской стороне и просиживал там до утра в тепле. Там же он иногда и работал.

А утром он возвращался в свою нетопленную квартиру, садился в пальто и в папахе на кровать и воображал, что он едет в холодном вагоне в Москву. Так он спал.

— Конечно, — рассказывал он, — в холодной квартире не уснешь, а если вообразишь, что едешь в Москву и что ехать надо, так все равно спишь, будто в холодном вагоне. И потом, знаешь, — радостно сообщал он, — это же очень полезно. Репин всегда спал зимой на веранде.

Иногда, впрочем, Олимпову в этом отношении везло: жители окраин часто разламывали на дрова заборы. Олимпов любил принимать участие в таких работах и нередко даже возглавлял их, командуя стихами:

Ломайте, что только возможно,
Сжигайте, чтоб сердце дышало теплом!
Жить в мире борьбою единственно можно,
Не надо скорбеть о былом!

Прокричав эти строки, он бодро взваливал себе на плечи дрова и шел домой — топить свою кухню.

Так совершенно неожиданными, кружными путями обходил Олимпов свою нищету. Человек несомненно крупных возможностей, но неудачник, ко всему этому — наследственный алкоголик и потому человек безвольный, Олимпов так и не осуществил ни одного из своих неизменно огромных замыслов. Он обладал большими способностями к математике и был превосходным шахматистом. Это свидетельствует о том, что он способен был логически мыслить. Но был какой-то предел, какая-то черта, до которой он доходил и круто поворачивал назад, в ту бездну, которая его погубила как поэта, и которую он саму называл Мирозданием. Это был своеобразный уход от мира, тот уход, во имя которого отец его создал свой, собственный мир иллюзий, во имя которого Грин создал свою «Гринландию».

В 1928 или 1929 г. я опубликовал в одной из ленинградских газет статью об Олимпове под названием «Поэт на свалке»³¹. Под тем же названием он сам написал большую поэму, в которой рассказывал, как он, великий мировой поэт, живет в нищете и как нищета эта прогнала его на свалку.

Олимпов всегда нуждался. Нельзя без горечи перечитывать его ранние стихи, где он признавался:

Я считаю фунт хлеба за роскошь,
Я из чайной беру кипяток.
Одолжить семь копеек попросишь
И поджаришь конинный биток.
У меня даже нет полотенца,
Чтобы вытереть плотски лицо.

Я блаженной любого младенца
Пробираюсь сквозь будней кольцо.³²

Как почти все нервные люди, Олимпов очень много курил. Трудно припомнить его без сигарки в зубах. Он сооружал эти сигарки из газет, набивая махоркой, и — характерная особенность — ухитрялся докуривать их до самого конца. Поэтому он часто обжигал себе губы, а пальцы его были темно-коричневыми от дыма.

Но сколько я ни дарил ему мундштуков, они неизменно и очень быстро терялись.

Как поэт Олимпов очень напоминал чудесное свое стихотворение «Не в тот вагон попавшее письмо». И хотя он говорил в этом стихотворении, что

Не в тот вагон попавшее письмо
Износится, скитаясь понапрасну.
Но я в пути мышленьем не погасну,
И я по адресу, когда-нибудь, дойду,³³

все-таки Олимпов — письмо, по адресу еще явно не дошедшее.

Однако, мне думается, что очень скоро Олимпова все-таки вспомнят, как вспомнили о Велемире Хлебникове, и его пристальная работа над словом будет оценена, а она небезынтересна. «Отвечаю, — говорил он, — за каждое слово и за каждую строчку стихов».

Рукописи его сохранились. Они находятся в Центральном Государственном архиве и в Институте Русской литературы. Около ста его стихотворений сохранилось и у меня.

Нельзя, разумеется, вычеркнуть Олимпова из числа русских поэтов. Олимпова, которому отец Фофанов завещал:

Я отдаю тебе корону
С моих прославленных седин,
И с ней гряди, мой нежный сын,
К неопороченному трону.

В истории русской поэзии, безусловно, сохранится имя Константина Олимпова как одного из зачинателей футуризма, как автора книги стихов «Ты», как автора великолепной поэмы «Песнь о площади жертв революции». Вот ее начало:

Где прежде бывали народы,
Царица творила забавы,
Там выросло кладбище славы,
Достойное новой Эллады.

Сохранится история его интереснейших взаимоотношений с Игорем Северяниным, сначала дружеских, а позднее — враждебных. Уже в 1914 году Северянин заявлял:

Я год назад сказал: Я буду!
Год отсверкал — и вот я есть!
Я зрил в Олимпове Иуду,
Но не его отверг, а мечь!³⁴

А много спустя, уже в эмиграции, в своем романе «Падучая стремнина» Игорь Северянин вспомнил об Олимпове так:

...Он нас повел к себе, где познакомил
С женой и сыном Костей... Этот мальчик,
Впоследствии Олимпов-футурист,
Сошел с ума, когда отец скончался.
Пункт — мания величия. Вырожденцем
Он несомненно был. Его мне жаль.³⁵

Я показывал Олимпову эти стихи. Он усмехнулся и сказал: «Ничего, так это, пусть пишет...».

Оригинально издавал Олимпов свои листовки. Помимо необычных названий: «Глагол родителя мироздания», «Анафема родителя мироздания», он делал интересные примечания к тексту: «цена тысяча рублей за прочтение», или «буквы на языке дышат баритоном», или: «разгоните Святейший Синод!» — но самое забавное скрывалось в посвящениях, например: «негодьям и мерзавцам», или «прохвостам и прощальгам», или «идиотам и крестинам».

Отпечатав очередную листовку, Олимпов сразу же рассылал весь тираж по столичным и провинциальным редакциям. Разумеется, стихи его подвергались ожесточенной критике, и даже не столько критике, сколько брани. Бюро газетных вырезок присылало Олимпову статьи и заметки о нем, и он бережно собирал их, вклеивая в толстые книги. Если он заявлял в стихах, что он «бесмертной жизни голова»³⁶, — то критики говорили: «Эх ты, голова с мозгами!». А чаще всего о нем писали так: «у двух великих отцов — такой неудачный сын!»

Олимпов нисколько на такие отзывы не обижался.

— Конечно, — говорил он, улыбаясь своей светлой и мягкой улыбкой, — им никогда не сочинить таких стихов, они лопаются от зависти, — потому так ругаются. Ну и пусть! Брань на воротах не виснет.

При этом он всегда ощупывал свой воротник.

По своим убеждениям Олимпов был, по существу, анархистом, но ни к каким партиям он никогда не примыкал, называя себя надпартийным³⁷.

Поэтому у него были довольно частые столкновения с органами власти и до революции и после.

Любопытен, например, такой эпизод. В 1922 году Олимпов написал стихи под названием «Анафема родителя мироздания». Это были мрачные стихи, в которых он слал изумленному миру проклятье. Заканчивались стихи так:

Достойно* ль вниманья, достойно ль сочувствий
Земля и планеты, созвездья, вселенства,
Когда я, Олимпов, гордыня искусства,
Себя прославляю, свое совершенство?

Эти стихи были напечатаны в виде листовки, и Олимпов разослал их по всем редакциям. Кроме того, он послал их некоторым из тогдашних членов правительства, в частности Луначарскому и Зиновьеву, с просьбой прислать ему отзыв об этих стихах. Причем в конце этой просьбы заметил: «Ваше молчание сочту за слабость мысли перед моим величием». Подписался и указал свой адрес.

Никто, кроме Г.Е.Зиновьева, не обратил, конечно, внимания на эту листовку и на оригинальную просьбу об отзыве. Зиновьева же, по-видимому, что-то задело, потому что он прямо на листовке наложил такую резолюцию: «Выяснить, кто такой Олимпов, и не сумасшедший ли он?»

Вскоре после этого к дому, где жил Олимпов, подъехала карета, и Олимпова увезли в диагностический институт, где он пробыл на испытании с неделю. Заключение врачебной экспертизы о нем (так же как и резолюцию Зиновьева) я читал лично. Несмотря на тяжкую наследственность Олимпова (сходил с ума отец, и неоднократно психически заболела мать), заключение врачей сводилось к следующему: «Олимпов страдает переразвитием отдельных умственных способностей, в частности — памяти, но, вообще, нормален».

Поскольку Олимпов оказался нормальным, он был предан суду за нелегальное издание листовки. Тут мне пришлось выступить в защиту Олимпова. На стихах, по вине типографии, действительно не было необходимой пометки революционной цензуры, но печатать листовку было разрешено. Я сходил в цензурный комитет и без труда достал там официальную справку о том, что

* Так и в листовке. — А.Д.

листочка «Анафема» такого-то числа и под таким-то номером к печати разрешена³⁸. На суде я предъявил эту справку, и Олимпов был оправдан. Тогда и ему, и мне было разрешено ознакомиться с делом, и тут мне и довелось увидеть и резолюцию Зиновьева, и заключение медицинской экспертизы.

С Велемиром Хлебниковым у Олимпова было много общего: оба они никогда не имели документов, оба совершенно официально считались помешанными, оба по этой причине неоднократно освобождались от воинской повинности, и оба, безусловно, страдали манией величия. Но, судя по воспоминаниям Дмитрия Петровского, много лет дружившего с Хлебниковым, Олимпов был значительно человечнее, добрее, мягче и проще³⁹. Чувство дружбы, например, в Олимпове было развито до чрезвычайности, и он не только не был эгоистичен, а, напротив, был очень отзывчив и чуток, и помогал, когда мог, многим.

Вспомним, что именно он, при наличии других братьев, вырастил двух своих младших сестреночек Анастасию и Варвару в самые трудные и голодные годы.

Умер Олимпов вдалеке от родного Ленинграда, в Барнауле⁴⁰, 17 января 1940 года, в семье своего покойного брата. На память об Олимпове я написал стихи, в которых отражен один из зимних дней его неуютной жизни:

Сонет

Не топится проклятая плита,
И кухню холодом опять сковало!
В чернилах — лед. Похожий на Христа
Хозяин спит в унынии развала.

Хозяин спит. В карманах — пустота.
Есть нечего. Стихов для жизни мало.
Так лучше спать! Авось, во сне мечта
Над ним свое развеет покрывало...

А вечером он встанет. В клуб пора —
Идти играть и греться... Козья ножка
В зубах дымится... Снова до утра
Постель — пуста. И в инее окошко.

Стихи к чертям! Теперь не до пера!
Теперь бы хлеба черного немножко!..

ПРИМЕЧАНИЯ

Многочисленные списки стихотворений Олимпова, выполненные В.Смиренским, хранятся в РО ИРЛИ: Ф.582 (в неразобранной части); Р.1. Оп.31. Ед.хр.132. В примечаниях местонахождение того или иного списка каждый раз не указывается.

¹ Это объявление помещено в листовке К.Олимпова «Прозмий Родителя Мироздания» (Пг., [1916]). Текст листовки, сопровождаемый издательской рецензией, был воспроизведен в «Синем журнале» (1916. №43. 22 октября. С.15). Объявление процитировано В.Смиренским неточно.

² В.Смиренский посылал письмо Олимпову еще в ноябре 1917, будучи кадетом 6-го класса (см.: РГАЛИ. Ф.1718. Оп.3. Ед.хр.50. Л.1). Очное же знакомство произошло, очевидно, в 1920. Днем начала дружбы В.Смиренский считал 19 сентября 1920 — день рождения Олимпова. На автографе рассказа В.Смиренского «Разорвалось черное грешное Небо...», подаренном Олимпову 19 сентября 1921, имеется помета: «годовщина дружбы» (Там же. Оп.1. Ед.хр.56. Л.17-18).

³ Надпись была сделана на листовке Олимпова «Аэропланые поэзы» ([СПб.], 1912). См.: Смиренский В. Поговорим о книгах / Публ., подготовка текста, предисловие и прим. А.П.Егорова // Книга: Исследования и материалы. Сб.63. М., 1991. С.150 (здесь — несколько отличающийся текст надписи).

⁴ В списке В.Смиренского это двустихие датируется 1917. Ср. также заключительные строки «Объяснения дезертира труда» (1921):

Лучше стану я жить в тишине и затворником,
Принимая народы по вторникам.

РО ИРЛИ. Ф.172. Ед.хр.302. Л.10

⁵ Олимпов не всегда так подписывал свои произведения. Титул Великого Мирового Поэта впервые возникает в «Феноменальной Гениальной Поэме Теоман Великого Мирового Поэта...», вошедшей в одноименную книгу ([СПб.], 1915). В этой же книге, в стихотворении «Эпиглот Теомана» (1914) — впервые появляется титул Родителя Мироздания. Впоследствии это стихотворение было перепечатано под названием «Моя футурналия» в книге Олимпова «Третье Рождество...» ([Пг., 1922.] С.7).

⁶ Правильное написание псевдонима Хлебникова — Велимир.

⁷ Стихотворение «Водун» из неизданной книги «Эхоляллы». Приводим текст по списку В.Смиренского: «Водорная водина / Водагой водозорна / Водезит водопень / Водерью водогарно. / Водузарь водигары / Водори водотень / Водешной водозари / Водися водопенью».

⁸ Это и предыдущее стихотворения имеются в списках В.Смиренского. Датированы 1916-м.

⁹ «Исповедь футуриста». В списке В.Смиренского датировано 1917-м. С разницей в 3-й строке («клубных» вместо «этих») напечатано в книге «Третье Рождество...» в качестве эпиграфа к одноименной поэме.

¹⁰ По свидетельству В.А.Пяста, Олимпов выступал и в «Бродячей собаке», но чаще «до нее», то есть на открытых лекциях (Пяст В. Встречи. М., 1929. С.264). См. также: Шкловский В. Жили-были. М., 1966. С.322.

¹¹ Возможно, речь идет о скандале, произошедшем 7 декабря 1913 на лекции «Поэзия вне групп» в зале Тенишевского училища. Олимпов, обвиняемый в устройстве скандалов и появлении в пьяном виде на лекциях, вскоре был вызван к мировому судье, который приговорил его к аресту на 7 суток. Подробнее см.: Пяст В. Встречи. Указ. изд. С.264-265. В отчетах об этом вечере упоминается о скандале, но Олимпов конкретно не назван (Биржевые ведомости. 1913. 8 дек. Утр. вып. С.2; Современное слово. 1913. 9 дек. С.2). О судебном разбирательстве см.: Финал футуристического концерта // Свет. 1914. 6 февр. С.3; Футурист на суде // Колокол. 1914. 7 марта. С.4; Дело футуриста // Петербургский курьер. 1914. 20 марта. С.4; Футурист-скандалист // Петербургский листок. 1914. 20 марта. С.4; [Без. назв.] // Речь. 1914. 20 марта. С.6.

¹² Стихотворение вошло в книгу «Ты». В списке В.Смиренского датировано 1925-м.

¹³ В списке В.Смиренского это стихотворение датировано 1928-м.

¹⁴ Инцидент «с кошкой» произошел на лекции «Поэзия вне групп» (см. прим. 11). Олимпов с плеткой запечатлен на групповой фотографии, опубл. в веч. вып. «Биржевых ведомостей» (1913. 13 дек. С.5). С хлыстом в руке выступал также Маяковский на диспуте «Общество и молодежь» 12 февраля 1914 в аудитории Политехнического музея в Москве (см.: Крусанов А.В. Русский авангард: 1907-1932. Т.1. СПб., 1996. С.178).

¹⁵ В семье К.М.Фофанова было 11 детей, из которых двое умерли в раннем возрасте. Об отношении Фофанова к сыну см. предисловие к наст. публ.

¹⁶ Сохранился рукописный сборник под названием «Четырнадцать "Ты"», подаренный Олимповым И.И.Ясинскому в 1925-м, содержащий 14 стихотворений, начинающихся со слова «ты» (ОР РНБ. Ф.150. Ед.хр.408). Ряд стихотворений из книги «Ты», датированных 1925-1926, имеется также в списках В.Смиренского. Дата создания этой книги, приводимая В.Смиренским в КЛЭ (Т.5. С.423), — 1930-1940, очевидно, является ошибочной.

¹⁷ В списке В.Смиренского стихотворение датировано 1923.

¹⁸ Начало стихотворения Маяковского «Юбилейное» (1924).

¹⁹ Сам Маяковский давал по крайней мере два, причем, существенно между собой расходящихся, объяснения названия поэмы, не упоминая об участии Олимпова. См. комментарии В.В.Макарова в кн.: Маяков-

ский В. Собр. соч.: В 12 тт. Т.1. М., 1978. С.423-424. По свидетельству В.Смиренского, Олимпов был знаком с Маяковским, который «вечно с ним спорил /.../, утверждая, что стихи надо писать о земле, а не о небе» (ОР РНБ. Ф.1049. Ед.хр.2. Л.5). В сентябре 1928 на одном из выступлений Маяковского в Ленинграде В.Смиренский подошел к нему и завел разговор об Олимпове: «Мы поговорили о судьбах футуризма не только оживленно, но даже весело. Во всяком случае, Маяковский все время улыбался, а вспомнив петербургское крыло футуристов — Игоря Северянина и Константина Олимпова, — даже расхохотался.

— Разве это поэты? — сказал он. — Они чирикали, как воробьи, а разве услышишь чириканье в громе и грохоте революции?» — Смиренский В. Владимир Маяковский: Из воспоминаний // Ленинец (Волгодонск). 1963. 19 июля. №106. С.2. См. также: Смиренский В. Поэт революции // Там же. 1962. 18 июля. №47. С.4.

²⁰ Сборник под таким названием хранится в РО ИРЛИ (Ф.582). Он состоит из списков рукою В.Смиренского стихов Олимпова разных лет.

²¹ Первая строфа стихотворения без названия из книги Г.Иванова «Сады» (1922). Г.Иванов, подписавший в январе 1912 «Скрижали» Академии Эго-Поэзии, в ноябре того же года публично заявил о своем разрыве с эгофутуристами (см.: Гиперборей. 1912. №2. С.29-30).

²² Поэма «Третье Рождество...» вошла в одноименную книгу ([Пг., 1922]).

²³ Леонид Ильич Борисов (1897-1972) — прозаик и поэт. Был знаком с Олимповым с начала 1920-х. 27 февраля 1927 Борисов отметил в своей записной книжке:

Вчера в Союзе Писателей видел Олимпова — сына Фофанова, — не так давно женившегося вторично. Спрашиваю у него:

— Дети у тебя есть?

Он снисходительно и просто улыбнулся.

— У меня все звезды — мои дети!

Частный архив

²⁴ Этим, очевидно, объясняется тенденция мемуаристов к преуменьшению возраста Олимпова. См., напр.: Иванов Г. Петербургские зимы // Иванов Г. Собр. соч.: В 3 тт. Т.3. М., 1994. С.28; Бахтерев И. Когда мы были молодыми // Воспоминания о Н.Заболоцком. М., 1984. С.76.

²⁵ См.: Нива. 1917. №39.

²⁶ Цитата из стихотворения «Флейта Славы». См. наст. изд. С.210.

²⁷ Одно из писем И.Е.Репина к Олимпову опубликовано в журнале «Образотворче Мистецтво» (1940. №10. С.10).

²⁸ В 1908-1910 Олимпов прослушал полный курс в Петербургском Археологическом институте.

²⁹ В списке В.Смиренского датировано 1922.

³⁰ Стихотворение вошло в книгу Олимпова «Жонглеры-Нервы» (СПб., 1913. С.2).

³¹ См.: Смиренский В. Писатели и алкоголь: Писатель-нищий; Поэт на свалке // Иллюстрированная бытовая газета. 1929. 1/5 июля. №43. С.6. Первая из этих заметок посвящена А.Тинякову, вторая, текст которой приводим, — Олимпову:

Поэт на свалке

В 1912 году в Петербурге, — никому дотоле неведомые молодые люди, — Константин Олимпов и Игорь Северянин заставили говорить о себе весь город. Они выпустили манифест, манифест эго-футуристов. Вслед за этим в книжных магазинах начали появляться их книги с нелепейшими названиями: «Ананасы в шампанском», «Мороженое из сирени», «Теоман» и «Жонглеры-нервы». Молодые люди были очень высокого мнения о себе: Северянин называл себя «королем поэзии», а Олимпов уверял, что он никто иной — как «родитель мироздания».

Школа эго-футуристов давно уже не существует. Остался только последний осколок ея — Константин Олимпов, упрямо и твердо идущий по старым своим путям.

Когда пришла революция, — Олимпов принял ее восторженно. Им написаны две больших вещи: «Песня о площади жертв революции» и «Третье Рождество». Но найти себе постоянную работу Олимпов, как и прежде, конечно, не смог. В первые годы гражданской войны он был в армии, на телеграфе, был лектором, но позже богема взяла свое.

На плечах Олимпова тяжкое наследство: его отец (известный поэт К.М.Фофанов) был алкоголиком, его мать восемь раз сходила с ума. С годами в нем обостряется мания грандиоза. Только ею можно объяснить его более чем странное обращение во ВЦИК с просьбой об издании его стихов. Секретарь Вцика, ответив ему отказом, упомянул в письме, что стихи Олимпова могут быть изданы любым издательством.

Но по издательствам Олимпов не ходит: он слишком для этого... горд. (Родитель мироздания!) Чтобы не умереть с голоду — он пошел чернорабочим на свалку. Для нас, помнящих его стихи о себе: —

Гордись, Совдепия, поэтом!
Я всех враждебность победил,
Разбил религии заветы,
Нерв мироздания претворил.

Да будет всем близка свобода,
Долой земные короли!
Я быть могу вождем народа,
Предсовнаркомом всей земли!*

* Стихи напечатаны в кн. «Третье Рождество» [прим. Смиренского. — А.Д.]:

— конечно, такой шаг показался странным. Но сам Олимпов относится к положению своему весьма спокойно. Он даже написал недавно большую поэму под интригующим названием «Поэт на свалке».

³² Цитаты из «Глагола Родителя Мироздания» ([Пг., 1916]).

³³ В списке В.Смиренского датировано 1924.

³⁴ Листовка И.Северянина «Эпилог. Эго-футуризм», где впервые было напечатано цитируемое стихотворение, вышла в конце 1912. В тексте, вошедшем в «Громокипящий кубок», строка «Я зрил в Олимпове Иуду» заменена на «Среди друзей я зрил Иуду».

³⁵ Источник цитаты: Северянин И. Падучая стремнина: Роман в 2-х частях. Berlin, 1922. С.73. О реакции Олимпова на эти строки см. также наст. изд. С.204-205

³⁶ Цитата из стихотворения «Флейта Славы».

³⁷ Именно так Олимпов написал в графе «партийность» в анкете для «Словаря Современников», заполненной 8 ноября 1928 (ОР РНБ. Ф.103. Ед.хр.153).

³⁸ Копия справки, выданной В.Смиренскому, сохранилась в архиве Главлита. Из ее текста следует, что дело обстояло далеко не так просто, как пишет В.Смиренский.

Исх.2052. 30-IX-[19]22.

В Г.П.У.

Политотдел Госиздата Петроградского Округа уведомляет Вас о том, что разрешения на листок «Анафема родителя мироздания» дано не было. Данная листовка была прислана нам в печатном виде как приложение к заявлению о регистрации издательства «Аббатство Гаеров», причем издательство это зарегистрировано не было, а следовательно и листок *не разрешен*. Что же касается Вашего указания на №№ от 800 до 900, то в конце апреля м[еся]ца за №848 было дано разрешение на объявление изд-ва «Кольца поэтов», которое представил А.Скорбный, один из участников издательства «Аббатство Гаеров».

Зав. Политотделом [подпись отсутствует]

Секретарь Т.Борисова

ЦГАЛИ СПб. Ф.31. Оп.3. Ед.хр.4. Л.17

³⁹ По-видимому, В.Смиренский намекает на эпизод из воспоминаний Д.Петровского, связанный с охлаждением его дружеских отношений с Хлебниковым. См.: Петровский Д. Воспоминания о Велемире Хлебникове. М., 1926. С.43-44.

⁴⁰ Это же место смерти указывает сестра Олимпова Е.К.Устинова-Фофанова (1895-1979), см.: Марков А. «Храните у себя эту книжку...» М., 1989. С.251. Однако В.Смиренский в статье об Олимпове в КЛЭ указывает другое место смерти — Омск.

В своих воспоминаниях Владимир Смиренский умолчал о том, что в 1930-1931 он вместе с Олимповым проходил, по крайней мере, по двум делам «об антисоветской агитации» (по статье 58-10), в результате чего оба получили по 10 лет лагеря.

Нам удалось пока ознакомиться только с одним из этих дел: «Об антисоветской группировке среди части богомствующих писателей, журналистов и артистов гор. Ленинграда» (№3651 — 1930 г.; современный шифр — № П-75890 в Архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и области).

В обвинительном заключении по этому делу говорится, что «группировка» собиралась в Михайловской пивной («Вокзал»), которая еще до революции являлась местом собраний питерской писательской богемы — «во главе с ныне белым эмигрантом — Куприным». Руководителем определили журналиста, служащего Госиздата Александра Николаевича Мельникова (1886-?), прозванного «председателем Михайловской пивной», до революции — сотрудника «Петербургской газеты», в 1918-1923 заведующего информационным отделом Губздрава, затем — штатного сотрудника «Торгово-промышленного курьера» при Торговой Палате, вечерней «Красной газеты» и «Транспортной газеты».

Социальный состав завсегдатаев Михайловской пивной, по определению следствия, — «люди, которых революция лишила материальных ценностей» (например, бывший владелец лесных складов Э.Л.Гинтер), а также «возможности печатать свои произведения в силу их антисоветской сущности». К последним были отнесены Мельников, В.Смиренский и К.Олимпов. Кроме того, в числе собиравшихся было несколько бывших «артистов Императорского Придворного оркестра и воспитанников Императорской капеллы» (Ф.М.Афанасьев, А.Т.Гришин). По мнению следствия, с момента своего возникновения в начале 1924 до ликвидации в октябре 1930 группа возросла с 10 до 50 человек, «и рост этот происходил, главным образом, за счет журналистов и начинающих писателей». Группе вменялся «ряд контрреволюционных стихотворений, бывших в употреблении в последние годы». Кроме того, проходивший по этому делу писатель Василий Андреев показывал, что его повесть «Преступления Аквилонова» (написана в 1926, вошла в одноименную книгу — Л., 1929), «изъятая из библиотек по причинам идеологического порядка, написана под влиянием этой группы».

Помимо сочинения собственных произведений, члены группы обвинялись в распространении чужих. Так например, Мельникова уличали в чтении в Михайловской пивной и раздаче в машинописном виде текста приписываемого Есенину стихотворения «Послание евангелисту Демьяну». Один из этих машинописных экземпляров приобретен к делу в качестве вещественного доказательства. Также к делу приобретены изготовленные следствием копии четырех стихотворений — Олимпова, В.Смиренского, Мельникова и С.Н.Холявинского.

Все члены группы были арестованы в ночь на 19 сентября 1930. В.Смиренский показывал, что в Михайловской пивной «был раз десять,

в конце 1929 и в начале 1930 г.». Приведем фрагмент из его показаний от 21 сентября 1930:

Новая экономическая политика меня разочаровала в революции. Я почувствовал большую серость и выключенность жизни. Я считаю, что романтика сейчас осмеяна и поругана, что мы переживаем сейчас варварскую эпоху. Кроме того, я считаю, что свободное слово сейчас угнетено. Я прихожу к выводу, что я человек ненужный в настоящее время. Мои стихи лирически-уподобные и мистические могут принести вред советской обществу. Сознание своей ненужности толкало меня к пьянству с определенными людьми и в определенной обстановке. В этой компании я допускал резкие выпады против существующего строя, в частности, передал, что чекиста Петерса называют «кровавым мальчиком» за допускаемую властью жестокость, и заявил, что чекисты — садисты. Вообще я против крови. Я мог говорить и говорил очень часто в кругу различных лиц: «Чорт знает, что делается», подразумевая здесь в данном случае мероприятия советской власти. Остальные свои подобные выпады я плохо помню. Некоторые мои стихи, в частности, «Очередь за счастьем» [текст см. ниже. — А.Д.] и др., направлены против существующего порядка вещей. Смысловое содержание моего стихотворения «Очередь за счастьем» для меня таково, что наше время, переживаемая нами советская действительность не дает личного счастья, но признаю, что это мое стихотворение может быть истолковано читателями и в том смысле, что во 1) Наша действительность приносит живущим в Советской стране только несчастье, и во 2) что читатель с низким уровнем развития может истолковать и в том смысле, что люди у нас лишены материальных благ.

Тройка при Полномочном представительстве ОГПУ 2 января 1931 приговорила Олимпова к трем, а В.Смиренского к пяти годам заключения в концлагере. Но 20 февраля 1931 заседание Тройки продлило этот срок до десяти лет, поскольку Олимпов и В.Смиренский были привлечены также по другому делу (№4977 — 1930 г.), ознакомиться с которым нам пока не удалось.

Приводим ниже тексты стихотворений, приобщенных к делу, а также протокол допроса К.Олимпова от 21 сентября 1930. Орфография приведена в соответствии с современными нормами, исправлены очевидные опечатки и описки. Сохранены некоторые особенности пунктуации оригинала.

Моим хулителям¹

Я вижу: рушатся создавшие грозу,
Не падайте так скоро с пьедестала.
Поэт миров находится внизу,
Он скоро будет из металла,
А вы — без головы.

От революции остался только дым,
Ползущий тлением земным,
И где легла ее стопа,
Там также движется толпа.

Пустая, мрачная, как тень,
И это — новой жизни день.
Но вы, кричащие вожди,
Ведь вы остались позади.

Вас ждет судьба дензначного рубля,
Что с каждым днем идет на пониженье
А там и гроб земного разложенья,
О, современники без моего руля.
Зажали рот искусству и глядят,
Как корчится в конвульсиях удушый
Живой души бессмертия снаряд,
Взорвавшийся над суетливой сушей.

Вселенные — по черепам.

А хлам — хам

Ам-ам

Начинает злобой хлопать.
Языков расстегнут клапан.
Воздух глоткой оцарапан
И ползут слова, как копать.
Я смотрю, как солнце в саже
Обретает серость мыши
И дрожит, боится даже
Подниматься светом выше.

Эй, искусство, поднимайся.¹

Очередь за счастьем

Шуми, осеннее ненастье,
Хлещи и ветром и дождем.
Как прежде, с юношеской страстью, —
Я стану в очередь за счастьем
В любимом городе моем.

Стоят: усталые от службы,
И злые, как цепные псы,
И ждут: кто радости, кто дружбы,
Запрятав в воротник носы, —
(как в ожиданьи колбасы).

Пронесят ящики бутылок.
В закрытый кооператив.
Я молча становлюсь в затылок
И, безо всяких предпосылок, —
Свищу заученный мотив.

И настает блаженный миг:
Дверь отворяется со скрипом.
Над ужасом заборных книг
Я подымаю воротник,
Став деклассированным типом.

Иду к прилавку, торопясь,
Старушек сгорбленных толкая,
И вижу: на прилавке грязь,
И чей-то пыльный бюст, смеясь,
Глядит на публику, зевая.

Над бюстом — колыхает свет.
(Чтоб не уснул — мелькают мысли).
— Да что вы над душой повисли —
Как будто чорт на коромысле, —
Кричит приказчик, — счастья нет.

— Как нет, — кричу тогда и я,
Позеленев от возмущенья, —
Чего ж я ждал. Ведь у меня —
Есть дома целая семья,
Вот мой талон на получение.

Приказчик — даже не глядит.
«Подите вы с талоном к бесу».
Я вижу: очередь молчит,

И, принимая мрачный вид, —
Как бы разыгрывает пьесу.

Так счастья нет. Ну хорошо-с,
Вся наша жизнь подобна мигу.
Но тем, кто много перенес —
Тоски, безумств и горьких слез, —
Тем дайте жалобную книгу. —

И в книге, за большим столом,
Уже спокойно и бесстрастно, —
Я написал, скрипя пером, —
Прекрасна жизнь в бреде моем,
Но наяву — она ужасна.

А.Н.Мельников

В бардаке с открытым воротом,
Нализавшись вдоволь рома,
Вот, идет с серпом и молотом
Председатель Совнаркома.
А за ним с лицом экстерна
И с глазами из миндалин,
Тащит знамя Коминтерна
Наш хозяин Оська *Сталин*.
Вот идет походкой барской
И ступает на панель
Анатолий Луначарский
Вместе с лэди *Розенель*.
И бежит, лицом невинен,
Одержим грудной одышкой,
Президент мосье *Калинин*
С полбутылкою под мышкой.
Посмотрите, в позе конной,
Шпоры втиснув зло в бока,
На коне сидит *Буденный*,
Конь умнее седока...²

С.Н.Холявинский³

Да, премиленькое дело
Пятилетки нашей путь.
Ноги босы, грязно тело
И едва прикрыта грудь.

Протокол допроса, произведенного в ПП ОГПУ в ЛВО
старшим уполномоченным А.В.Бузниковым

1. *Фамилия* Фофанов-Олимпов
2. *Имя, отчество* Константин Константинович
3. *Возраст* 1889 г.
4. *Происхождение* из мещан г.Петербурга, сын поэта Фофанова.
5. *Местожительство* Можайская д.14. кв.5
6. *Род занятий* чернорабочий на кишзаводе, кроме того литератор. На предприятии работаю с 1929 г.⁴
7. *Семейное положение* женат
8. *Имущественное положение*
9. *Партийность* б/п
10. *Отношение к воинской службе* в запасе
11. *Политические убеждения*
12. *Образование: общее* реальное училище принца Ольденбургского
специальное нет
13. *Чем занимался до Революции (подробно)* жил стихами и уроками.
14. *Сведения о прежней судимости* никогда не судился

Будучи предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний, по существу дела показываю:

Занимаюсь поэтическим творчеством с 1908 г. Печататься начал с 1911 г. главным образом на свои средства. Основной своей профессией считаю профессию поэта. В советских издательствах никогда свои стихи не печатал. По-моему, меня не печатают потому, что в советских издательствах сидят и поощряются такие люди, которые не дают расцвести творчеству поэта. Когда Госиздат отказал мне в печатаньи моей поэмы «На площади жертв революции», я ответил ГИЗу ругательной открыткой в стихах следующего содержания: «Ленгиз, как склеп с прохвостами 6-го этажа, [нрзб.] ослеп и т.д.», которую посылал в Дом книги шесть раз, чтобы там все прочли и все ознакомились бы с ней, как работающие там, так и приходящие туда. Потом я хорошо запомнил это свое стихотворение и читал его многим. Мои космические стихи, которые составляют большинство моего стихотворного архива, несозвучны, по-моему, нашей действительности. Стихотворение «Моим хулителям», безусловно политического характера, было направлено против тогдашних вождей партии Троцкого и Григ. Зиновьева. Это стихотворение не устарело до сих пор и я его читаю и теперь всем и рабочим читаю также. Строчки сти-

хотворения «Моим хулителям» — «А вы без головы, вас ждет судьба дензначного рубля, идущего на понижение» направлены против тогдашних вождей партии и руководителей советских литературных организаций. Это стихотворение было вызвано озлобленностью моей на мое тяжелое положение. В то время я также написал стихотворение «Спецкульпродком», где выводил коммунистов в образе редиски: сверху красное, а внутри белое. В феврале 1930 года я был вместе с Вас. Андреевым в Михайловской пивной, мы пили там целый день в группе лиц, которые сидели уединившись от всех за столом у стены. Из этой группы я припоминаю сейчас Мельникова, который показался мне подозрительным человеком, и старался спить меня, одного немца, кажется, по фамилии Гинтера, Афанасьева. Там я читал громко свое стихотворение «Моим хулителям» и вызвал одобрение у присутствующих. Это стихотворение я и позже очень часто читал своим товарищам писателям.

Записано с моих слов верно
22 сентября 1930 г.

К.Фофанов-Олимпов

¹ В списке В.Смиренского (ИРЛИ. Ф.582) стихотворение называется «Моим угнетателям» и представляет собой монтаж из следующих строк публикуемого нами варианта: 1-5, 14-22, с добавлением оформленной в виде постскриптума строфы:

P.S. Но я пишу большую повесть,
И утверждаю без труда:
Мне присягнет народов совесть
И революции года.

Машинопись, хранящаяся в следственном деле, была составлена по автографу, неверное прочтение которого, очевидно, послужило причиной появления нескольких нелепых в смысловом отношении сочетаний. Два из них устранены нами предположительно: в 28-й строке мы исправили «лапоть» на «копоть», в 30-й — «линии» на «мыши». По списку В.Смиренского исправлена также опечатка в 20-й строфе: «взорвавшийся» вместо «ворвавшийся».

² Согласно показаниям В.М.Андреева, стихотворение «В бардаке...» было сочинено Мельниковым в его присутствии во второй половине марта 1930. Мельников был осужден на пять лет заключения в концлагере. Отбывал наказание на Соловках. Постановлением Тройки от 3 февраля 1934 был досрочно освобожден.

³ Сергей Никитич *Холявинский* (1887-?) — весовщик артели «Север». Происходил «из крестьян Ленинградской губернии», окончил четырехклассное городское училище, до революции был чиновником министерств-

ва почт и телеграфа, «по своим мировоззрениям анархист». Осужден к трем годам заключения в концлагере.

⁴ В «Анкетe для арестованных и задержанных», заполненной 19 сентября 1930, К.Олимпов писал о своей работе после 1917: «Чернорабочий на "Электросиле", "Трубочн[ом] завод[е] Керн"; на складе табака и др., последнее [время] чернораб[очий] на Кишзаводе при Ленингр[адской] скотобойне».

Борис Фрезинский

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ В КИЕВЕ (1918-1919)¹

*Светлой памяти
Ирины Ильиничны Эренбург*

Поэт, прозаик, журналист и общественный деятель Илья Григорьевич Эренбург родился в Киеве. Сохранилась (несмотря на все войны, прошедшие через Киев в первой половине XX века) «Книга для записи родившихся евреев на 1891 год»; в ней под №36 сделана запись о рождении будущего писателя. Дата рождения — 14(26) января; отец — киевский 2-й гильдии купеческий сын Герш Гершанов Эренбург², мать — Хана Берковна, урожденная Аринштейн³. В графе «Кто родился и какое ему или ей дано имя» написано: «Мальчик, наречен "Илья"»⁴. Указано также, что

¹ В настоящей работе документальная хроника жизни и деятельности И.Г.Эренбурга в Киеве 1918-1919 сочетается с публикацией статей, выступлений, стихов и писем Эренбурга и других авторов. Ряд материалов публикуется впервые; большинство републикуемых статей воспроизводится впервые по изданиям, отсутствующим в российских собраниях.

² Г.Г.Эренбург (1852-1921) вопреки воле своего отца окончил русскую школу и фактически ассимилировался; все звали его Григорий Григорьевич (только в официальных документах употреблялось его подлинное имя; в некоторых полицейских бумагах его именовали Герш Германович, а будущего писателя — Илья Гиршев Эренбург). Отмечу, что надпись на надгробном памятнике Г.Г.Эренбургу в Харькове была сделана на двух языках: идише и русском (как и на могиле матери писателя в Полтаве).

³ Х.Б.Аринштейн (1857-1918) в Москве звали Анной Борисовной, хотя ее связи с еврейской традицией были прочнее, чем у мужа; во время Первой мировой войны на ее средства содержалась койка в еврейской больнице в Москве (соответствующая табличка возле койки была написана на идише). В некоторых источниках девичья фамилия А.Б.Эренбург, как и фамилия ее родственников, писалась: Аренштейн; через «е» писал свою фамилию и ее брат, полтавский юрист М.Б.Аренштейн (1867-1917).

⁴ В монографии Дж.Рубенштейна «Tangled Loyalties. The Life and Time of Ilya Ehrenburg» (N.Y.: Basic Books, 1996. P.10) написано: «Родители назвали его Эльяху,

21 января (1 февраля по н.ст.) мещанином из Ярошева Мошко Сорочиним мальчику, как и полагалось по еврейскому обряду, сделано обрезание.

Родители Эренбурга поженились 9 июня 1877⁵ в Киеве; они были из состоятельных семей. В фонде городской управы Киевского городского архива сохранилось дело 1876 г. о надстройке усадьбы по Александровской улице №37/39, принадлежавшей деду писателя, купцу 1-й гильдии Берке Зеликовичу Аринштейну (построена усадьба была в 1859 для киевского 1-й гильдии купца Генриха Кельна, а затем приобретена у него Б.З.Аринштейном⁶). После свадьбы родителей Эренбурга эта усадьба была куплена у Аринштейна Г.И.Эренбургом, также купцом 1-й гильдии, дедом писателя по отцу⁷; однако в 1884 усадьба уже числилась за другим купцом. Усадьба эта сохранилась в прежнем, двухэтажном виде в самом центре Киева (нынешний ее адрес — Музейный переулок, 8)⁸.

Вскоре после свадьбы родители Эренбурга переехали в Харьков, где у них родились три дочери: Мария (1881-1940?), Евгения (1884-1965) и Изабелла (1886-1965). В конце 1880-х они вернулись в Киев и поселились в доме 8-10 по Институтской улице, где и родился будущий писатель (дом этот сгорел во время последней войны). В 1895 Г.Г.Эренбург получил место директора Хамовнического медо-пивоваренного завода, и семья переехала в Москву.

Среди киевских своих родственников в мемуарах «Люди, годы, жизнь» Эренбург упоминает обоих дедов — по отцу («Отец мой принадлежал к первому поколению русских евреев, попытавшихся вырваться из гетто. Дед его проклял за то, что он пошел учиться в русскую школу. Впрочем, у деда был вообще крутой нрав, и он проклинал по очереди

библейским именем пророка». Это не так. Замечу, что в январе 1891 в Киеве родилось 66 мальчиков-евреев, их назвали 50 различными именами, только трое получили русские имена: Александр, Семен и Илья (ЦГИА Украины. Ф.1164. Оп.1. Ед.хр.428). Будущего писателя назвали в память прадеда по отцу. Возможно, прадеда писателя и звали Эльяху, но в документах, сохранившихся в киевских архивах, дед писателя именуется Григорием Ильичем. Всяко, три внука Г.И.Эренбурга были названы именем Илья: Илья Захарович (присяжный поверенный в Петербурге), Илья Лазаревич (художник; Харьков) и Илья Григорьевич (писатель; Москва). В 1908-1917 в Париже Эренбург иногда писал свое имя по-французски Elie, а не Иуа; отмечу также, что 24 января 1967 поэтесса Инна Лиснянская с некоторым вызовом надписала свою книгу стихов: «Элье Григорьевичу Эренбургу, с большим почтением к его писательскому и гражданскому мужеству» (РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.2916).

⁵ Устанавливаю из даты, выгравированной на серебряном подстаканнике к серебряной свадьбе родителей Эренбурга (Собрание И.И.Эренбург. Москва).

⁶ Киевский гор. гос. архив (далее — КГГА). Ф.163. Оп.58. Ед.хр.62. Л.1-4.

⁷ Там же. Оп.46. Ед.хр.157.

⁸ Сообщено киевским краеведом М.Б.Кальницким. «Первые мои воспоминания — это большой двор, куры, бело-рыжая кошка, а напротив дома (на Александровской) красивые фонарики — там помещалось летнее увеселительное заведение "Шато де флер"» (Эренбург И. Люди, годы, жизнь (далее — ЛГЖ). Т.1. М., 1990. С.284) — это воспоминание явно относится к усадьбе на Александровской, а не к дому на Институтской. Возможно, в 1890-е усадьба вернулась к Эренбургам.

всех детей; к старости, однако, понял, что время против него, и с проклятыми помирился⁹) и по материнской линии: «Дед по матери был благочестивый старик с окладистой серебряной бородой. В его доме соблюдались все религиозные правила... В доме деда мне было всегда скучно»¹⁰.

С несомненной симпатией упоминает Эренбург и младшего своего киевского дядюшку Льва, который «писал стихи и содержал бродячий цирк... Помню книгу, которую он сам издал, называлась она неоригинально — "Мечты и звуки"... Я в ту пору не чувствовал никакого влечения к поэзии, но дядя Лева мне нравился тем, что не походил на приличного родственника»¹¹. Лев Григорьевич Эренбург был известен в Киеве под псевдонимом Лев Печорин; он выступал в качестве куплетиста в кафешантане. В городском архиве сохранились тексты его сомнительных куплетов в деле о тяжбе с варьете «Аполло», откуда уволили его жену, актрису Чинарову¹²; в этих бумагах он аттестуется как «человек без денег» и «театральный агент, живущий с ангажемента». Название его книжки племянник запомнил неточно, на ее титульном листе значится: «Звуки сердца. Маленький альбом стихотворений Л.Г.Печорина. Екатеринослав. Типо-литография Буравой. 1905 г.». В альбомчике 25 стихотворений (из них 4 перевода из Петефи и по одному из Гейне, Гервега, Гартмана и Рейнеке).

Живя в Москве, Эренбурги на лето обычно отправляли детей в Киев, чаще всего к тете Маше — Марии Борисовне Лурье (урожд. Аринштейн; 1847-1939), бабушке Л.М. и Г.М.Козинцовых¹³, жившей в Лукьяновке. На Львовской (теперь — Артема) стоит и по сей день большой трехэтажный дом №89 (теперь в нем помещается районная администрация), принадлежавший М.Б.Лурье, а впоследствии ее сыну — известному киевскому венерологу, профессору А.Г.Лурье¹⁴.

В последний раз до своего отъезда в Париж в декабре 1908 Илья Эренбург приезжал в Киев летом 1908. В январе того года он был арестован в Москве по обвинению в принадлежности к подпольной большевистской организации; 26 июня (9 июля) его выпустили из тюрьмы под залог с обязательной высылкой под гласный надзор полиции; после некоторых колебаний Эренбург выбрал для ссылки Киев. 28 июня (11 июля) 1908 он приехал в родной город и поселился у М.Б.Лурье.

⁹ ЛГЖ. Т.1. С.53.

¹⁰ Там же. С.55. Б.З.Аринштейн был уважаемым в Киеве человеком, и сообщение о его смерти, последовавшей 28 апреля (11 мая) 1904, на следующий день поместили на первых полосах крупным шрифтом газеты «Киевлянин», «Киевское слово» и «Киевская газета».

¹¹ ЛГЖ. Т.1. С.54.

¹² КГГА. Ф.163. Оп.7. Ед.хр.1949. На этот материал мое внимание обратил киевский журналист В.В.Ковалинский.

¹³ Г.М. изменил написание своей фамилии (через «е» — чтоб не возникало путаницы с ударением) в 1940-е; вслед за ним это сделала и Л.М.Козинцева-Эренбург. В журнальном и первом отдельном изданиях мемуаров Эренбург писал их фамилию через «о» (см.: Новый мир. 1961. №1. С.124, 134; №2. С.121; Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М., 1961. С.450, 475, 477, 632).

¹⁴ КГГА. Ф.163. Оп.6. Ед.хр.224. Л.143.

В Киеве Эренбург не оставил подпольной деятельности — он установил связи с местными социал-демократами, активно переписывался с товарищами (его почта, понятно, перлюстрировалась). Охранка перехватила текст корреспонденции, направленной им в Москву для подпольного большевистского «Красного знамени»: «Общественной жизни в Киеве нет. Выборы в Думу прошли тихо. Социал-демократы выставили своего кандидата, но, благодаря контрагитации местной легальной прессы, которая в другое время не прочь поиграть в социал-демократию, кандидат их собрал всего 200-300 голосов. Недавно вызвал некоторое оживление юбилей Толстого¹⁵, празднование которого было разрешено в театре "Соловцов", нечего и говорить, что празднование было отнюдь не торжественное. Между прочим, здесь сильно чувствуется оторванность от партийных центров и отсутствие руководящих органов вроде "Пролетария"...»¹⁶.

Тщательно следившая за Эренбургом охранка решила положить конец его киевской активности. 11(24) сентября Эренбург пишет в Москву младшей сестре: «Меня высылают из Киева. 12 сентября вечером еду в Полтаву»¹⁷.

23 сентября (6 октября) 1908 начальник Киевского охранного отделения надворный советник Кулябко докладывал начальнику Киевского губернского жандармского управления: «Ввиду полученных во вверенном мне отделении сведений, что проживающая в г.Киеве по Львовской улице в №89 Мария Борисовна Лурье посредничает в переписке лиц политически неблагонадежных и в квартире ее находит себе приют некий Илюша, по установке оказавшийся б. студентом Ильей Эренбургом, у ней в ночь на 20 сентября был произведен обыск, каковым в числе отобранной у нее переписки взято письмо на бланке "Гранд отель Европа" за подписью "Любящий тебя Г.Эренбург", в котором говорится о неприятности, причиненной Илюшей, и высылке какого-то паспорта. Доносы об этом, представляю при сем Вашему Превосходительству на распоряжение протокол обыска с отобранной на нем перепискою, заключенною в сверток, опечатанный печатью отделения, где к осмотру материала для немедленной разработки не оказалось. При сем докладываю, что по имеющимся в отделении сведениям, упомянутый Эренбург находится в Полтаве, где проживает без документов, о чем начальнику полтавского губернского жандармского управления мною вместе с сим сообщено»¹⁸.

Уезжая в 1908 из Киева, Илья Эренбург не знал, что он вновь увидит родной город только через 10 лет.

I. Киевская публицистика 1918 года

Эренбург приехал в оккупированный австро-германскими войсками Киев из Москвы в сентябре 1918. В мемуарах «Люди, годы, жизнь» об

¹⁵ 80-летие со дня рождения писателя.

¹⁶ ЦГИА Украины. Ф.275. Оп.1. Ед.хр.1538. Л.5-6.

¹⁷ Там же. Л.7.

¹⁸ Там же. Л.34.

отъезде из Москвы написано так: «Моя мать умерла в Полтаве осенью 1918 года. Я знал, что она тяжело больна, торопился...»¹⁹; затем описывается Полтава, а потом уже Киев 1918 года; действие предыдущей главы происходит в Москве. Читатель может подумать, что Эренбург поехал к больной матери из Москвы, а уже из Полтавы попал в Киев. Подлинные обстоятельства тех событий в мемуарах опущены; они восстанавливаются по письму Эренбурга М.Волошину, отправленному из Полтавы в Коктебель 30 октября 1918²⁰: «В сентябре мне пришлось бежать из Москвы, ибо большевики брали меня заложником. Путь кошмарный, но кое-как доехал я. Вскоре за мной поехали на Украину родители. Мама в пути заболела воспалением легких и, приехав в Полтаву, умерла. Меня вызвали телеграммой, но я не успел»²¹. Полтавская кузина писателя А.М.Аренштейн в 1982, рассказывая мне о событиях осени 1918, подтвердила, что телеграмму Эренбургу ее мать послала в Киев, откуда он и приехал в Полтаву. В вечернем выпуске киевских «Последних новостей» 17 ноября 1918 сообщалось (видимо, со слов Эренбурга), что его сборник «Молитва о России» (он вышел в Москве в январе 1918) запрещен в Москве и за него «И.Эренбург был внесен в список заложников и покинул Москву».

Выбор Киева легко объясним — там не было большевистской власти, это была родина — город, который он знал, там жили родственники, у которых можно было остановиться, и, наверное, главное — это был крупный культурный центр, в котором можно было прожить литературным трудом. Родители же Эренбурга вместе с дочерьми (всего 5 человек) отправились в Полтаву: там жила семья скончавшегося в марте 1917 брата А.Б.Эренбург — присяжного поверенного М.Б.Аренштейна; в его просторном доме можно было разместиться впятером, не особенно стесняя хозяев.

Угроза ареста и бегство из Москвы, несомненно, связаны с открыто антибольшевистской позицией Эренбурга — вплоть до запрещения всей небольшевистской прессы (7 июля 1918) Эренбург печатал в эсеровских газетах статьи, содержавшие резкую критику советского режима, его вождей (он знал их лично в пору парижской эмиграции и московского подполья) и прислужников; этим же духом проникнута и книга его стихов «Молитва о России».

В Киеве Эренбург поселился у своего кузена А.Г.Лурье на Большой Подвальной, 2; в этой шестикомнатной квартире тогда проживало 8 человек²². «У меня долго не было комнаты, и я спал на диване в квартире моего двоюродного брата, профессора-венеролога А.Г.Лурье. Порой утром на улицах стреляли, а в приемной уже сидели мрачные пациенты, они неизменно отворачивались друг от друга, некоторые пытались закрыть лицо газетой»²³.

¹⁹ ЛГЖ. Т.1. С.281.

²⁰ Все даты далее приводятся по новому стилю.

²¹ Звезда. 1996. №2. С.199.

²² КГГА. Ф.163. Оп.6. Ед.хр.152. Л.5.

²³ ЛГЖ. Т.1. С.289.

Киевская пресса за сентябрь-октябрь 1918 не содержит информации о пребывании Эренбурга — он не печатал статей и не выступал публично. Надо полагать, это диктовалось осторожностью: Эренбург — военный корреспондент столичных российских газет на франко-германском фронте, автор многих статей о немецких зверствах во Франции, — прояви он себя заметно в Киеве, мог вызвать непредсказуемую реакцию немецких оккупационных властей.

13 октября 1918 в Полтаве умерла мать писателя; 30 октября он сообщил из Полтавы: «Я буду от 1-15 ноября в Киеве»²⁴. В этом письме, вспоминая последние московские месяцы и замечая, что «совершенно опустошен», а «душа полна лишь отрицательным и разрушением всего налицо», Эренбург все же пишет: «Здесь мерзко, и порой грущу даже о Москве последних дней». Провинциальная, сонная жизнь для деятельного Эренбурга была невыносима.

В ноябре 1918 Эренбург вернулся в Киев и прожил там до начала ноября 1919.

За недели, проведенные Эренбургом в Полтаве, положение в Киеве радикально изменилось. 11 ноября немцы подписали в Компьенском лесу акт капитуляции; австро-германские войска начали готовиться к эвакуации с Украины. Союзники приняли решение о высадке войск на юге России, и в ночь с 15 на 16 ноября их флот вошел в Черное море.

14 ноября в киевской газете «Русский голос» Эренбург выступает со статьей «Завтра Европы» с размышлениями о судьбах послевоенного мира. 20 ноября в той же газете — статья Эренбурга «Франции», содержащая прямое обращение к союзникам. Тон этих выступлений существенно отличается от газетных статей Эренбурга лета 1917. Тогда эйфория от русской революции продиктовала ему такие слова: «Все во Франции почуяли, как в душевной Европе повеял свежий дух. Истомленная, окровавленная Франция услышала слово "мир", сказанное смело и громко, не дипломатами или парламентскими граммофонами, а самим народом. Мало-помалу все поняли, что Россия не ищет лазейки, чтобы улизнуть, не сепаратного мира, а справедливого завершения войны»²⁵. Теперь писатель расстается с недавними иллюзиями о спасении Европы Россией.

ЗАВТРА ЕВРОПЫ

Европа с замиранием сердца смотрит на кровавое зарево нового дня. Что несет это неведомое, страшное, сладострастное завтра? Многим кажется, что оно будет лишь верным продолжением нашего вчера, что жизнь, прерванная катастрофой, возродится в ее былых формах. Правительства разрабатывают сложные проекты промышленной демобилизации, депутаты готовятся к новым выборам, артисты к новым постановкам, а скучающие кочевники

²⁴ Звезда. 1996. №2. С.200.

²⁵ Биржевые ведомости (Петроград). 1917. 21 июля.

по международным курортам укладывают свои запылившисьшие чемоданы. И мало зрячих, которые понимают, что старое ушло безвозвратно, что июльский вечер, когда беспечные газетчики смутили фланирующую публику Больших Бульваров или Фридрихштрассе известием о Сараевском убийстве, лег непереходимой гранью между привычным минувшим и страшным непонятным новым веком.

Вместе с роспуском армий и переводом на мирное положение промышленности Европа должна перейти к духовной демобилизации. Религия, искусство, наука — все было приспособлено для одного дела взаимного истребления. На пушках гордо значилось «Господь с нами». Аббаты, священники, пасторы, раввины, муллы не успевали благословлять солдат, идущих на штыки. Святые Георгий, Михаил, Иоанна и другие были реквизированы различными армиями для своих надобностей. Все были убеждены, что Господь и небесные силы заняты исключительно уничтожением вражьих войск: Господь указывал путь летчику, несущему неприятельским детям динамит, изобретал удушающие газы, и не без Его участия, очевидно, расстреливались соборы и церкви другого «безбожного» врага. Теперь за общей демобилизацией предстоит безработному Богу найти новое занятие.

Поэты в безупречных сонетах обличали предательство и низменность другого племени. Скульпторы лепили статуи усатых полководцев и полногрудых «Побед». Музыканты слагали военные песни и добродетельные гимны. В тиши кабинетов ученые усердно работали над смертельными газами, горящими жидкостями, новыми снарядами. На земле, как и на небе, наступила страшная безработица. Правда, трудолюбивые жрецы готовы тоже освятить столы мирной конференции, как недавно они кропили святой водой полевые батареи. Правда, вы уже читали немало стишков, прославляющих мир, и Гаага или Версаль увидят достойные и соответствующие моменту зрелища. Но, как мы уже указали, только слепые могут надеяться на столь безболезненное возвращение к «доброму старому времени».

Задолго до войны, в Париже, в маленькой лавочке напротив Сорбонны помещалась редакция мало кому известного журнала «Cahiers»²⁶. Там в те дни работали вместе Жорес и Сюарес²⁷, Ро-

²⁶ Имеется в виду выходивший в начале века в Париже журнал «Cahiers de la quinzaine» («Двухнедельные тетради») под редакцией поэта и публициста Шарля Пегги (1873-1914); Эренбург вспоминал, как в редакции этого журнала он однажды беседовал с Пегги (ЛГЖ. Т.1. С.118).

²⁷ Андре Сюарес (1868-1948) — французский писатель, автор книг «Вот человек» и «Путеводитель кондотьера».

мен Роллан²⁸ и Пеги. Двое последних сыграли большую роль в духовной жизни Франции, а с ней всей Европы в годы войны. Роллан своими книгами, своей жизнью, Пеги своей смертью. Когда началась война, Ромен Роллан сразу увидел ее ложь: «построчный» патриотизм газет, каннибальство участников, ханжество светских дам, наконец, мелькающие за кулисами тени героев всяческих «желтых», «белых», «синих» и прочих книг. Он слишком хорошо видел, и поэтому он был слеп. Он увидел мозг войны — ноты дипломатов и акции оружейных заводов, но просмотрел ее сердца, в измельчавших пошлых людях — подлинные любовь к родине, жертвенность, подвиг. Отрицая войну, он видел в ней не грех, не святотатство, но лишь бесцельность, неразумную потерю человеческой энергии. Патриотизму он противопоставил духовный интернационал, забывая, что нет любви к дальнему вне любви к ближнему, и что человек, неспособный до потери разума, до слепоты любить свой край, никогда не положит души за умопостигаемую вселенную. Материализму современного общества он противопоставил отвлеченный идеализм. Война его потрясла, как нелепый взрыв на прекрасном заводе.

Один из последователей Ромена Роллана, французский писатель Анри Барбюс в нашумевшем романе «Le Feu»²⁹, занимаясь интересующим нас вопросом о завтрашнем дне Европы, высказывает суждения, характерные для Роллана и для многих других, идущих его путями. Солдат, тонущий в болоте, мечает о грядущей Франции. Он вспоминает горделивый девиз (правда, давно перешедший на золотые луи и стены тюрем): «Свобода. Равенство. Братство». Свобода? но ведь это понятие отрицательное, отказ от насилия, на ней нельзя построить жизнь — справедливо рассуждает герой Барбюса. Братство? но почему люди должны любить друг друга, самое большое, они не хотят причинять друг другу бесцельного зла. И взгляд солдата устремляется к более понятному ему равенству. Сравнять людей, ввести математическую справедливость, вот что претворит старую Европу в рай. Более уточенно, а следовательно и менее определенно, то же самое высказывает Ромен Роллан. Социализм для него является религией. Место божества занимает человек из «Декларации прав».

²⁸ В журнале «Cahiers» Р.Роллан напечатал «Жана-Кристофа» до того, как разошелся во взглядах с Пеги по вопросу о национализме.

²⁹ «Огонь» — знаменитый антивоенный роман Барбюса (1916). Эренбургу принадлежит первая в России рецензия на этот роман (Биржевые ведомости. 1917. 24 февраля; см. также: Иностранная литература. 1983. №10. С.209-211); впоследствии Эренбург писал, что «эта книга сыграла огромную роль в отрезвлении миллионов людей».

Но обожествленный материализм конца XVIII века здесь переживает свою «реформацию», становится рассудительным, обнаженным и пресным. Грядущий рай сохраняет всю сущность прежнего общества, с некоторой перестановкой кресел. Немудрено, что идеи Ромена Роллана должны были прельщать наших карикатуристов на буржуазное общество. Луначарский еще в былые годы на вечеринках в Париже читал будущим членам Совнаркома страницы из «Жана-Кристофа». Книга «Au dessus de la mêlée»³⁰ с восторгом была принята циммервальдцами³¹. Ромен Роллан отплатил своим поклонникам тем же: он напечатал статью, в которой высказывает всемерные симпатии русской «социалистической революции»³². Иначе и быть не могло. Ромен Роллан любил в современном обществе его материализм и безверие. Он не возмущался земной несправедливостью. Он не хотел чуда, ибо не верил в него. Но зато верил глубоко в фокусы с декретами, в «равенство», в безлюбное преображение мира. Он должен был дойти до наших большевиков. И в этом смерть, ибо ныне каждому ясен тот смертельный водоворот, который поглощает людей и народы вращением в себе, всеокрушающем вихре, вне возможности какого-либо народного творчества.

Шарль Пеги давно изведal иступленную любовь лоррэнской пастушки³³ и жертвенное сердце св. Женевьевы³⁴. Быть может, смутно предчувствуя свой конец, он писал:

Блаженны погибшие в великих боях
За четыре угла родимой земли.³⁵

³⁰ «Над сваткой» (*фр.*) — название знаменитой статьи Р. Роллана, отражавшей его отношение к мировой войне; впервые напечатана в Швейцарии в «Journal de Geneve» (1914), отдельное издание — 1915. Отметим, что этим французским выражением Эренбург назвал свою статью о современной русской литературе, в которой, в отличие от эмигрантской и советской критики, не делил авторов на уехавших из России и оставшихся там. — Русская книга (Берлин). 1921. №7-8.

³¹ Участники международной социалистической конференции (сентябрь 1915, Циммервальд, Швейцария), выступившие против мировой империалистической войны и шовинизма.

³² Видимо, статья «Привет свободной и несущей свободу России» (1917).

³³ Героиня французской песни XVI века о любви деревенской простушки Марго «По дороге по лоррэнской» (пер. Эренбурга см.: Собр. соч. Т. 6. М., 1996. С. 90-91).

³⁴ Св. Женевьева (423-512) — покровительница Парижа, предсказавшая, что город не пострадает от Аттилы.

³⁵ Эти строки Ш. Пеги в своем переводе Эренбург часто цитировал; о том, как они мешали ему соглашаться с полеводательными социалистами-интернационалистами, см.: ЛГЖ. Т. 1. С. 179. В статье «Война и французская поэзия» (Биржевые ведомости. 1916. 14 декабря) Эренбург писал, что эти строки «служат эпитафией не только Пеги, но всем сидящим кругом под белыми и черными крестами в жирной глине полей».

Гул современности не мог заглушить перезвон соборов; бие-ние сердца покровительницы Парижа. Он писал и по вопросам эконо-мическим и по философии, писал политические статьи и мистери-и, но все преображалось верой. Не созерцательной уверенно-стью в существовании Божества, но действенной, жертвенной ве-рой. Неутомимый каменщик, он бегал по лесам невозможного здания. Он не хотел и не мог знать законов архитектуры. Он ду-мал, что достаточно преобразить в своей душе мир. Но жизнь оставалась прежней, и Пеги — одинокий, бессильный — томился. Его спасла смерть. В первые дни войны, казалось, мир переродил-ся. Пеги слышал «Марсельезу» не казенную, но песню детей, иду-щих на смерть, слышал поцелуи и слезы на вокзалах. Он увидел все то, что не мог увидеть Ромен Роллан. Но он был слеп к той жизненной правде, которую так страстно и едко вскрыл Роллан. Пеги ошибался священной ошибкой. Жить он не мог. Во главе Франции Бриана—Клемансо³⁶ он ставил Жанну д'Арк, в руку ста-туи третьей республики вкладывал святой крест. Он погиб дейст-вительно в «великом бою», в сентябрьское утро 1914 г., когда на полях Марны решалась судьба Франции и Европы.

Он умер, еще не зная, что даже катастрофе суждено было вы-родиться в какое-то огромное предприятие истребления народов. Его «священной ошибки» было мало, чтобы жить, но она дала ему прекрасную смерть, далекую от бесславного разложения женев-ских циммервальдцев.

На страстном распутье стоит Европа. Усталая, обескровлен-ная, она вместо желанного отдыха должна напрячь все силы в поисках новых путей. Война не случайный гость, и не случайным является все варварство, бесчеловечность, вскрытые ею. Под роскошными одеждами давно таились на теле Европы страшные язвы. Идеалом являлось личное благосостояние, культ благо-устроенных уборов. Все и всё кланялось перед всеильным Чер-вонцем. Сами революционные идеи, бродившие в обществе, выро-дился в жажду комфорта для себя, в мечту о лучшем ужине. Марксизм в странах более культурных вел к погоне за избиратель-ными бюллетенями, у народов примитивных — к российскому: «социализм — это учет». Религия балансировала между воспоми-наниями об инквизиции и ловким «модернизмом», между воинст-вующим депутатом и светским духовником. Над всем возвыша-лась машина, и человек, ее создавший, лишь по традиции считал себя господином. Машине служили ученые, аббаты и художники.

³⁶ Аристид Бриан (1862-1932) — министр иностранных дел Франции; Жорж Клемансо (1841-1929) — премьер-министр Франции в 1917-1920.

Искусство либо стало прикладным, либо, удалясь от человека, занялось дьявольским анализом. Мюнхенцы изобретали стильные ночные столики. Бакст и Дягилев диктовали парижанам моды и пр. А в стороне Пикассо, придавленный всемогуществом матери, в своей лаборатории разлагал вещь на составные части, твердо уверенный в отсутствии духа. Поэты, строившие все на хитрой рифме, вплоть до «заумного» языка футуристов, кротко поклонялись оболочке слова. Из народной души было вытравлено все не подходящее под действие машины: истинная вера, бескорыстная любовь, жажда чудесного, тоска по небу. От огня войны она иступилась, но рассудочным иступлением, и изобрела подводную войну и танки. Она же, эта оскопленная и порочная душа вчерашней Европы, замечталась пошлым интернационализмом и вместе с Роменом Ролланом теперь стоит на краю пропасти, уже поглотившей Россию и Австрию.

Но не может Европа и убежать вместе с Пеги к прошлому, ко сну. Для этого она должна умереть. Никогда современный человек не сроеет парламентов, не разрушит фабрик. Одной невоплощенной любовью не может жить наше общество. Сумеет ли Европа «завтра» сочетать все ценное обличье свое с новым духом? Сможет ли человек, не поклоняясь машине и не разбив ее, снова стать не рабом, но господином? От этого зависит, будет ли жить она. На смрадных полях долголетних битв, на развалинах городов и сел могут расцвести дивные соборы, забить ключи новой Веры, и могут люди в отремонтированных кафешантанах, в советских казармах или в буржуазных биржах еще прозябать, ожидая новой неизбежной катастрофы, которая сметет их с лица оскверненной Земли.

ФРАНЦИИ

Газеты сообщили о наивных солдатах, которые просят у воинских начальников «удостоверения», ибо боятся наказания союзников за дезертирство.

Но не со страхом ждем мы все наших «бывших» союзников и неизменных друзей. Нет, только со смущением, с виноватой нежностью. И стыд покрывает нашу радость. Будто в руках наших не цветы, а серебряники, а на челе каждого высечено «Брест»³⁷. И с особенной радостью и с особенным смущением ждем мы на-

³⁷ Имеется в виду Брестский мир, т.е. мирный договор, подписанный Советской Россией с Германией и Австро-Венгрией в Брест-Литовске 3 марта 1918, по которому за выход из войны Сов. Россия заплатила германской стороне аннексией значительной части территории и контрибуцией; аннулирован в ноябре 1918.

ших давних друзей — французов. Ибо Франция сильнее всех верила и горче всех было для нее разочарование. Она потеряла слишком много детей, и Брест и весеннее наступление Германии были смертным приговором ее младшим сыновьям.

Помню, в апреле прошлого года в одной французской деревушке, только что очищенной германцами, разговаривал я со стариком фермером. Показал он мне развалины сожженного дома, срубленные яблони и, молча постояв немного над кладбищем всего, что было его жизнью, вдруг бодро и радостно сказал:

— Я слышал от немцев, что у вас революция... Свобода... О, теперь вы будете сильнее. С вами освободим все это.

И он показал на залитые весенним солнцем, но истерзанные и поруганные поля. Как часто потом вспоминал я с болью его доверчивое улыбающееся лицо. Я читал каждый день имена новых городов и деревень — все ближе и ближе к родному Парижу, я видел развалины церкви, домов и ферм. Теперь она освобождена, эта нежная и прекрасная земля туманной Фландрии, голубой Лоррэни и кирпичной Пикардии. Но не «с нами», а несмотря на нас. И мучительно взглянуть в глаза Франции, матери, из-за нас потерявшей еще много и много детей.

И все же с радостью встретим мы Францию, и, верим, она поймет нас. О, как не похожи мы на ловких предателей! Нет серебряников у нас в руке, но следы гвоздей на ладонях. Нам не нужно оправдываться — наши рубища, и тернии, и раны, и смертный стон скажут все. Как Роланд³⁸, умирая, мы звали друзей и отчаянием звенел прощальный рог. Мы не были в Бресте, не перекраивали географические карты, не сочиняли дружественных посланий. Пока Троцкий и Голубович³⁹ произносили тосты на торжественных обедах в Бресте, Шингарев и Кокошкин⁴⁰ в Петропав-

---

³⁸ Герой старофранцузского патриотического эпоса «Песнь о Роланде» (XII век); отметим, что в 1943, в разгар Отечественной войны, русский перевод «Песни о Роланде» был издан в Москве с предисловием Ильи Эренбурга.

³⁹ Всеволод Александрович Голубович (1890-1930-е) — лидер эсеровской партии Украины; с января 1918 председатель Совета министров Украинской народной республики; глава украинской делегации в Бресте, заключившей 9 февраля 1918 мирное соглашение с Германией и Австрией. Погиб в заключении в СССР. Замечание Эренбурга о совместных тостах Троцкого и Голубовича, видимо, не соответствует действительности: взаимоотношения советской делегации и делегации Украины в Бресте были крайне враждебными. Министр иностранных дел Австрии О. Чернин вспоминал, что представители Украины осыпали советскую делегацию дикой бранью и что поэтому «Троцкий был в таком расстроенном состоянии, что на него было жалко смотреть» (Чернин О. В дни мировой войны. М.; Пг., 1923. С.264).

⁴⁰ Лидеры кадетской партии, депутаты Гос. Думы А.И. Шингарев (1869-1918) и Ф.Ф. Кокошкин (1871-1918) были убиты питерскими матросами и красногвардейцами в дни разгона Учредительного Собрания.

ловке ждали шагов убийц. Россия расчлененная, поруганная, бес- сильная внимала словам предателей, говоривших за нее.

Мне вспоминается страшный день 5-го января. Демонстрация «за Учредительное Собрание». Навстречу толпе идут два французских летчика, и, завидев их, демонстранты кричат:

— *Vive la France!* Да здравствует Франция!

Залп. Через несколько минут на улице валяются трупы. И может быть, последними возгласами этого молоденького безусого студента было «*Vive la France!*», ибо для него это означало: «Да здравствует Россия единая, великая и свободная!»

Да, мы можем сказать французам, что тысячи и тысячи русских погибли под знаменем, на котором среди иных святых слов значилось «верность союзникам». Предать могло Временное правительство — оно не сделало этого, не купило своего существования. Россию победили, прислали в специальных вагонах (забыв про надпись «срочный возврат») своих людей⁴¹, и только эти полубезумцы, полуагенты приложили руку к позорному пакту.

Большевики ненавидели Францию и не только протеста против измены, но и выявления дружеских чувств не допускали. «Мир» (московские «Новости дня»)⁴² мог спокойно выходить даже в дни красного террора. Но когда мы, несколько московских писателей, выпускали номер «Понедельника»⁴³, посвященный Франции, нас «предупредили» — излишний пафос недопустим. Для насильников одно имя «Франция» звучало мятежным призывом, ибо звало к истинной свободе. Павел I за французскую речь сажал в крепость — боялся революции, за дружбу с французами «чрезвычайка» ставит к стенке — боится «контрреволюции». Больше века прошло, но, как прежде, пламенным зовом к борьбе за свободу звучит слово «Франция». За это слово нас преследовали, и не только в «Совдепии». И в иных частях разодранной России мы должны были молчать. Мы не молчали — об этом говорят переполненные тюрьмы и выросшие кладбища.

Французам, которые на днях войдут на русскую землю у Одессы или в Кубани, мы расскажем о минувшем годе. Мы напомним

---

⁴¹ Намек на группу большевистских лидеров во главе с Лениным, приехавших в Россию весной 1917 (пломбированный вагон, в котором они ехали, прошел через территорию Германии с разрешения ее властей).

⁴² В московской газете «Новости дня» в марте—апреле 1918 было напечатано 5 статей Эренбурга (четыре из них содержали резкие нападки на большевистских вождей).

⁴³ В московской газете «Понедельник» в 1918 было опубликовано несколько материалов Эренбурга, посвященных Франции: «Леон Блуа» — 11 марта, «Среди кубистов» — 3 июня, «Парижские кафе», «На костре», «Париж» (отрывок из романа в стихах «В звездах») — 10 июня, в номере, посвященном Франции.

им августовский день 1914 года, когда русские студенты, художники и революционеры пошли добровольцами умирать за Францию и честно выполнили обет у Кразна, у Сан-Назэра. Мы напомним им, как в течение трех с половиной лет русская армия, бедная снарядами, крепкая духом, боролась за общее дело. После революции в апреле 1917 г. наши полки пошли в атаку и захватили один из наиболее важных фортов Реймса. Мы еще напомним им о русских кладбищах, оставленных там, во Франции, в белой Шампани у Обериве и Реймса. Мы скажем им о русских офицерах и солдатах, павших в безнадежном, но прекрасном прорыве 18 июня⁴⁴. О всех сраженных в долинах и деревнях, на Дону, в Кубани, в Сибири, на Волге. Не «Брест» на нашем челе, но Екатеринодар, Самара, Ярославль⁴⁵ и сотни других этапов крестного пути. И когда наши друзья увидят за флагами развалины и кресты, услышат среди гимнов слезы и стоны и спросят нас, радостные и победившие, что с нами, — мы ответим:

— Еще раз умирающий Роланд подносит рог к устам и зовет своих соратников.

Тогдашняя обстановка в Киеве описана многими мемуаристами. Вот два независимых высказывания: «Сравнительное благополучие Киева в гетманское время резко оттенялось быстрым обнищанием Петрограда и Москвы, подпавших под власть большевиков. На севере начинался уже голод, который был нам еще совершенно неизвестен. А начиная с осени, после покушения на Ленина, начался и красный террор, с расстрелом заложников, чрезвычайками и ревтрибуналами. Все, кто только как-нибудь мог, устремились к нам на юг. Киев, хоть и на короткое время, стал подлинным всероссийским центром. К нам переехали правления всех банков, крупные промышленники и финансисты, представители аристократии, придворных и бюрократических кругов. За ними потянулась и интеллигенция — адвокаты, профессора, журналисты. Всё устремилось в Киев /.../ В эти несколько месяцев, с августа по декабрь 1918 г., у нас, можно сказать, перебивал "весь Петроград" и "вся Москва". Были основаны газеты с петроградскими редакторами и сотрудниками, в театрах гастролировали столичные артисты /.../ Город был переполнен, найти комнату становилось почти невозможным, квартиры продавались за сотни тысяч. На улицах было необычное оживление»⁴⁶. И второе свиде-

⁴⁴ «Французские солдаты, сражавшиеся в Шампани, достойно оценили подвиг русских, — писал Эренбург в газете "Труд" 20 августа 1917. — Но в это же время уличная пресса вела кампанию против новой России. Слово "изменники", "предатели", "ублюдки" раздавалось нередко. Обыватели повторяют днем то, что они прочли утром в газете. Мудрено ли, что они русских солдат, шедших с битвы, встречали: "Русские — боши! Русские — капут!"».

⁴⁵ Имеются в виду центры антибольшевистских восстаний 1918.

⁴⁶ Гольденвейзер А.А. Из киевских воспоминаний // Архив русской революции (Берлин) (далее АРР). Т.6. 1922. С.226.

тельство: «Киев — переполнен. Особенно много беженцев из Совдепии. Шумящие улицы пестрят шикарными туалетами дам. Элегантные мужчины, военные мундиры. Битком набитые кафе, переполненные театры, музыка, гул, шум, проститутки, спекулянты. Но в этом чаду ощущается какая-то торопливость, предчувствие неминуемого конца. Как будто веселящиеся люди чувствуют за собой погоню и спешат провести "хоть час". На фоне кутящей, пьющей, одуряющейся толпы мелькают серые мундиры чопорных немецких офицеров и каменных солдат — это те, кому обязана толпа своим весельем. Уверенность в близкой опасности разделяется всеми»⁴⁷.

В такой атмосфере протекала и литературно-художественная жизнь. 14 ноября 1918 киевская газета «Вечер» сообщила: «Во вторник 19 ноября литературно-артистический клуб устраивает вечер литературы и музыки. В первом отделении поэт Илья Эренбург прочтет слово "О современной поэзии", о "Двенадцати" Блока, об Андрее Белом и группе поэтов из "Знамени труда". Второе отделение отдано писателю Андрею Соболю и поэтам И.Эренбургу и Л.Никулину, которые выступят с отрывками из своих произведений. В третьем отделении будут исполнены произведения современных композиторов».

Газета «Русский голос» за 17 ноября 1918 дала подробное изложение доклада Эренбурга о современной живописи (изложение это подписано П.П. — возможно, это художник, ученик А.А.Экстер — Павел Георгиевич Пастухов, иллюстрировавший в 1919 не вышедшую книгу детских стихов Эренбурга «Заячья елка»; во всяком случае, запись сделана профессионально).

Доклад поэта И.Г.Эренбурга в Студии А.А.Экстер

12 ноября И.Г.Эренбург прочел учащимся студии глубоко интересный доклад на тему о ценностях современного искусства, о его грядущих судьбах в связи с мировой катастрофой.

В спокойно-вдумчивой манере несколько замедленной речи лектора, как бы идущей из самой глубины сознания, чувствовалась вся пережитость и выстраданность тех роковых надломов культуры и искусства, которые мы переживали.

Излагаем доклад этот в самых крайних чертах.

На наших глазах европейская культура обнаруживает свою полную несостоятельность. Расцвет этой культуры накануне войны был пышным, беззаботным праздником, и, быть может, в последний раз был возвеличен культ ее роскошных одеяний, под которыми анемичное, дряблое, обессиленное тело уже начало разлагаться. Этой культурой, чисто механической и внешней, питалось художественное творчество.

⁴⁷ Гуль Р. Киевская эпопея // АРР. Т.2. 1921. С.60.

Специализированное искусство нашего времени с блестящим и обновленным ремеслом едва ли, по мнению лектора, способно создать новое и значительное, то значительное, которое бы отвечало духовной сущности в природе человека. Рассматривая все последние течения поэзии и живописи, И.Г.Эренбург приходит к выводу, что почти все достижения последнего времени покоятся на удовлетворении лишь чувственных, почти физических сторон человека, ибо животное искусство, так изощренное в цвете, вступило на путь чисто вкусовых ощущений, стало утонченно-декоративной забавой, тешащей пресыщенный глаз.

Такую живопись, ярким выразителем которой является Матисс, лектор называет искусством *прислуживающим*, прислуживающим прихотям избалованной, выхоленной, все изведавшей современной культуры. Искусство этого порядка — в полном смысле *буржуазное* искусство. Наряду с этой внешнедекоративной живописью мы видим живопись абстрактную, высоким представителем которой является Пикассо. Последний, при всем расчленении, разламывании видимого мира, остается романтиком берегов южной Испании. И эта романтическая вуаль, невольно набрасываемая художником — анатомом вещей на распластанный им мир, не раз спасала его от неизбежного одиночества. Но вся трагедия Пикассо в том, что *сначала хотел понять, потом веровать*.

Говоря о кубизме, И.Г.Эренбург символизирует его как последнюю попытку завоевания религиозного пафоса. Но кубисты, если и воплотили этот пафос, то пафос *отрицательный*. Диего Ривера с его бесплодной тоской по синтезу, Леже с его «заводом для истребления людей» вместо военных рисунков, Брак и т.д.

Подход футуристической школы — подход общественно-литературный. В основе принципов этой школы — на первом месте блистательное изображение современности. С другой же стороны — это старый импрессионизм на новый лад. Наконец, супрематисты низвели живописное искусство до «плотоядного» любования краской как таковой, докатившись в своем стремлении к беспредметности до вышитой дамской сумочки.

Искусство стоит над бездной. Какие формы, какое содержание готовит неясное будущее обнищавшему, утопающему в рассудочных теориях искусству? По мнению лектора, не видимы даже контуры завтрашнего искусства. Ибо погибает та культура, которая воспитала и взрастила то искусство, та культура, которая привела нас к переживаемой всенародной драме. Искусство этой культуры, искусство без Бога, без мечты, без молитвы, обречено на покой в недрах истории. Подлинное искусство, необходимо

отмеченное печатью божественного в человеке, может родиться тогда, когда нашим девизом будет: *сначала уверовать, а потом понять*; когда мечта и молитва будут импульсирующим началом в художественном творчестве.

Нужно *верить в чудо*, чтобы пережить гибель того, чем мы прежде жили.

Эренбург выступает на вечерах, участвует в литературных изданиях; в декабре в издательстве «Летопись» выходит сборник его стихов «В смертный час» (расширенное издание «Молитвы о России»). В декабре же театр «Соловцов» принял к постановке пьесу-мистерию Эренбурга в 4-х действиях «Золотое сердце» (написанную еще в Москве), по сообщению газеты «Утро» 15 декабря, премьера должна была состояться в бенефис актрисы В.Алексеевой-Месхиевой, однако более информированная газета «Наш путь» днем раньше объявила, что предполагавшаяся к постановке пьеса Эренбурга не вошла в репертуар.

В декабре 1918 положение в Киеве резко меняется. Хотя союзники предписали германским войскам находиться в городе до вступления союзных войск, немцы, опасаясь брожения в войсках и полного их разложения, начали эвакуацию, а союзные войска оккупировали лишь прибрежную зону (Одесса, Севастополь, Новороссийск), не внедряясь в глубь Украины. Этим воспользовались лидеры разогнанной немцами в апреле 1918 Украинской Рады — в ночь на 14 ноября они провозгласили в Белой Церкви Украинскую Директорию (председатель В.К.Винниченко, командир войск С.В.Петлюра) и вскоре выступили на Киев. 14 декабря Киев был ими взят и восстановлена Украинская народная республика.

Эренбург вспоминает петлюровский Киев: «Названия газет изменились. Вывесили желто-голубые флаги. На ассигнациях был трезубец. Приказали переделать вывески магазинов...»⁴¹. Понятно, что газета с названием «Русский голос» не могла более существовать: шла ускоренная украинизация. В декабре Эренбург напечатал две статьи в газете «Утро»; она выходила дважды в день, и эти выпуски назывались соответственно «Утро» и «Вечер»; в газете энергично сотрудничал молодой фельетонист М.Кольцов, писали Дон-Аминадо, А.Дейч, А.Дерман, В.Регинин, П.Рыс и др. Статья «О праведниках» выражает тоску по Москве; Эренбург вспоминает поэтов и мыслителей, с которыми встречался в Москве; о новой России он думает, как о чуде.

О ПРАВЕДНИКАХ

Цепляясь за спасательные круги, балки и перевернутые лодки, мы стали и бояться смерти и верить в спасение. Мы не считаем

⁴¹ ЛГЖ. Т.1. С.289. Вот свидетельство другого мемуариста: «Время владычества Директории было временем самого необузданного украинского национализма и русофобства и, вместе с тем, это было время неслыханно кровавых и жестоких еврейских погромов» (АРР. Т.6. С.231).

набегающих грозных волн, из которых одна, быть может, будет для нас последней. Нам больше не снятся прекрасные фрески в каютах и сладкая музыка, звеневшая в тот миг, когда злая мина пробила броню корабля. Мы не видим друг друга, жалобы и крики сливаются с гулом вод, и усталому глазу мнится, что уж пробил час и кругом лишь одна клокочущая пустыня. Погибнет ли все, вся культура, все этажи и классы — Достоевский и the tango, Россия и ванны из оникса, погибнет ли? Или, быть может, помощь-чудо, размягчающая сердца американская проповедь, угодник, разорвавший красные полотнища на кремлевских стенах, лодочка с сенегальцами, вооруженными амулетами и увесистыми косарями. Мы устали ждать и верить, ибо слепые приходят в Лурд⁴⁹ на один день, чают, молятся и, незрелые, вновь идут по своим дорогам покорно выпрашивать гроши. Вы еще живы, Иван Иванович? Да? Тогда спешите, еще можно достать мартелевский коньяк, познакомиться с m-lle Лили из Вены и ночью побаловаться в «Би-ба-бо»⁵⁰.

Усталые, неверящие, не помнящие даже былого, обломки все-сильного корабля, мы еще можем жевать в паштетных и пить в кабачках. Поет труба архангела, но Марья Петровна еще хочет разок в «баре» выпить коктей. И раздастся над пучиной океана не величавый псалом, но визгливая «ойра». Еще час, день, год? Все равно...

Но, Господи, не ради ли десяти праведников Ты хотел пощадить грешный Содом? И среди «буржуазной черни» Крещатика, слушая запах пудры и жирных котлет, я думаю о далекой Москве. Не о бывшей Москве, смуглолицей, барской, ревнивой и веселой, нет, о страдальце, трижды распятой. О Москве, которую я видел в последний раз в эту злую и темную осень. Я думаю о просторных пустых площадях, о заколоченных лавках, о буйных матросах, ночью шатающихся по Тверской, и о призрачных светящихся личиках голодных, умирающих ребят. Я думаю о Москве тихой, безмолвной, которая среди оркестров китайцев и гудков автомобилей нема, перст наложив на искривленные уста, о Москве, явившей лик «возвышенной стыдливости страдания». Я думаю о людях, погибающих там, которые тоже ждут смерти от таинственного вала, но без танго и без котлет. И еще я думаю о далеких поэтах, оставшихся там, за рубежом...

⁴⁹ Город в департаменте Верхние Пиренеи (Франция), место поклонения католиков (явление Лурдской Богоматери).

⁵⁰ Киевский театр-кабаре; в 1918 в нем выступали Н.Агнiewicz и Ю.Морфесси; типичная программа «Би-ба-бо» описана в газете «Наш путь» 20 ноября 1918: румынский оркестр, цыганские романсы и пляски.

Есть дни, когда искусство вновь из гостиных уходит в катакомбы. Искусство — жертва, подвиг, Голгофа. Ибо в граде, где Господь гоним, не потерпят его жрецов. Вновь торжественным и величавым становится искусство, которое накануне казалось лишь тонкой игрой. О, до забавы ли на Кресте? Здесь, в Киеве, читайте стишки о «Стилосах Александрии»⁵¹ или об извращенной болонке, покупайте, киевлянки, сумочки с футуристическими разводами⁵², за сосисками взирайте на мистирию. Не все искусство еще пошло на домашнее употребление; кроме румынских музыкантов, портных и драпировщиков, есть еще мученики.

Я вижу в кабинете под сладким грузом мудрых книг Вячеслава Иванова. На юном лице блуждает улыбка, будто прислушивается он к далекому смутному голосу. Что слышит он и почему склонился над исписанным листом? Слагает ли прозрачные ямбы о видениях своего младенчества⁵³ или подымает пелену с эллинских мистерий? Кто он? Мудрый отрок? Или юный старец? За окном пустынный бульвар, на котором постреливают красноармейцы, и дальше дома черные, дома опустелые, ожесточенные люди. Ведь это смерть, и кому нужны дивные зовы пылающего сердца?

Но смуглеет Иван Великий, а над ним в осеннем небе золотое светило, и вдохновенный поэт среди смерти славит Бытие.

В эту комнату приходит неистовый Бердяев, светящийся тихим светом Булгаков, непримиримый и мятежный Гершензон. Во тьме, объявшей землю, горят еще окна кабинетов, где мудрецы и поэты творят свое «ненужное» дело. Вы любите детям говорить о героях, не забудьте же сказать им о людях обреченных, гонимых, голодающих, поруганных, которые в кабинете «Вячеслава Великолепного»⁵⁴ горели высшей тоской и любовью, беседуя о пророчестве Соловьева.

Пробегают по грязным, замызганным улицам величавый и нелепый Бальмонт. Прохожие, разыскивая фунт хлеба, ко всему безразличные, на минуту останавливаются. Как тропическая пти-

---

⁵¹ Название единственного сборника сонетов и поэм (Киев, 1918) Владимира Николаевича Маккавейского (1891-1920). «Он великолепно знал греческую мифологию, — писал в мемуарах Эренбург, — цитировал Лукиана и Асклепиада, Малларме и Рильке, словом, был местным Вячеславом Ивановым /.../ Маккавейскому очень хотелось быть александрийцем, но время было неподходящее» (ЛГЖ. Т.1. С.293).

⁵² Такие сумочки делали ученики студии А.А.Экстер по ее эскизам.

⁵³ Со сборником стихов Вяч. Иванова «Младенчество» (Пг., 1918) Эренбург познакомился еще в Москве.

⁵⁴ Так (всерьез, без иронии) звали Вяч. Иванова его поклонники (первоначально — название достаточно едкой статьи Л.Шестова; подзаголовок: «К характеристике русского упадничества» — см.: Шестов Л. Соч. в 2-х тт. Т.1. М., 1993. С.243-277).

ца, яркий и нездешний, он напоминает им о золоте солнца, о заре-
ве зорь, о синеве лазури. Он глядит и не видит, слушает и не слы-
шит и, рассеянный, откинув назад голову, неуклюжей походкой
птицы бежит куда-то. О, и для него, для поэта светлой радости
ныне страдные дни! Он объездил весь свет, но и в Египте и в Мек-
сике тосковал о России. Он бы замолк от муки теперь, если бы
мог молчать. Но он должен петь, ибо на то Господня воля. Пом-
ню, на фронте, когда замолкали пушки, иной раз на рассвете жут-
ко звенел птичий щебет — не так ли поет Бальмонт, и не оттого
ли страшно было слушать его стихи с длинными и звонкими «ннн»
в дни сентябрьских убийств?

Они все остались там... Тихий, задумчивый Зайцев, знающий
мир на земле и Хозяина в мире. Он переводит ныне дантовский
«Ад». Исступленный и неутомимый Чулков пишет книгу о нацио-
нальном лике Пушкина. Уединившись, работает, лихорадочно
спеша, глядя на невидимые часы, Степун⁵⁵.

⁵⁵ С философом, историком, социологом культуры Федором Августовичем
Степуном (1884-1965) Эренбург познакомил летом 1917 в Петрограде Б.В.Са-
винков (см.: ЛГЖ. Т.1. С.230-231). В 1917 Эренбург сотрудничал в газете «Армия и
Флот Свободной России», редактором политического отдела которой был Сте-
пун. 24 апреля 1918 Эренбург опубликовал статью «Две правды» о книге писем с
фронта Степуна и газетных статей Савинкова в газете «Жизнь» (Москва); летом
1918 Эренбург по приглашению Степуна сотрудничал в правозсеровском «Возро-
ждении» (Степун вел там культурно-философский отдел), напечатав в ней 3 статьи
(4-я была анонсирована в последнем перед закрытием номере 22 июня). Уже первые
выступления Эренбурга в «Возрождении» («Стилистическая ошибка», 5 июня)
вызвали ядовитый отклик эренбургского антагониста Сергея Ауслендера (Ли-
тературная демагогия // Жизнь. 1918. 11 июня; заметим, что еще 27 апреля 1918
Эренбург публично заявил о разрыве с газетой «Жизнь» по политическим мотивам):
«Неужели В.Иванова, Гершензона, Степуна, Ходасевича, Муратова, принимающих
участие в культурно-литературном отделе "Возрождения", не коробит
близкое соседство мечтающего о карьере Буренина Ильи Эренбурга?» Спустя
много лет Ф.А.Степун вспоминал: «Среди постоянных сотрудников культурно-фи-
лософского отдела наиболее интересным человеком был, бесспорно, Илья Эрен-
бург»; объективности ради продолжим цитату: «который, начав свою политиче-
скую карьеру с добровольческой защиты царской России в рядах французской
армии [Эренбург во французской армии не служил, он был корреспондентом рус-
ских газет на франко-германском фронте и защитником *царского режима* считать
его все-таки некорректно. — Б.Ф.], уже давно славословит Советский Союз и Ста-
лина. Что толкнуло бесспорно талантливого и очень умного Эренбурга на этот тя-
желый и бесславный путь, мне не ясно. Может быть, обида на то, что его "Еврей-
ских колыбельных песен" [такого сочинения у Эренбурга нет. — Б.Ф.] русская чи-
тающая публика как-то не заметила, а "Молитвам о России", несмотря на его доб-
ровольчество, не поверила» (Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995.
С.474). Отметим, что Степуно, надо думать, сложная и длительная эволюция поли-
тических взглядов Эренбурга в 1920-е осталась неведомой; отношение публики к
«Молитве о России» (и резко отрицательное, и восторженное) на эту эволюцию не
повлияло. В Киеве в 1919 Эренбург рассказывал о Степуне своим молодым друзь-
ям (см.: Минувшее: Исторический альманах. Вып.17. М.; СПб., 1994. С.131).

Погибнем, но будет жизнь, и когда-нибудь для человека иного мира, иной культуры все же будет возвышающей легендой этот страшный закат в Москве.

А если придет чудо, передадут немногие в руки новой России светильники, зажженные верой и любовью, сбереженные в дни черных бурь. Ибо не только заревом пушек и доменных печей спасается страна, но и слабыми огоньками в тиши осажденных кабинетов...

И подумав о Москве и досказав дорогие имена, снова на своей доске погружаюсь в небытие, гляжу на темные воды и лениво гадаю, погибнет, спасется, погибнет...

Нет, не погибнет! Господи, Ты видишь праведников — верую, ими спасемся.

Утро. 1918. 10 декабря

Вторая статья Эренбурга вызвана распространившимся в Киеве ложным, а вернее — преждевременным слухом о гибели писателя В.В.Розанова (1856-1919).

Газета «Вечер» 11 декабря поместила некролог Розанову, подписанный А.М.; днем раньше в газете «Наш путь» публицист Петр Пильский патетично восклицал: «Убит Розанов, гениальный русский писатель, интереснейший человек, ни с чем не сравнимая фигура литературной современности, автор двадцати книг...» Статья Эренбурга — плач не столько по Розанову, сколько по России.

ВОСКРЕСЕНИЕ

Теснясь в большом соборе, немногие и случайные кажутся пониженными, потерянными и ничтожными. Глухо отмирает молитва об убиенном рабе Василии. Пугливо трещат свечи, и наверху над коленопреклоненными людьми горит и летит безумный архангел. «Убиенном»... и сердце не хочет мира, и на меч небесного воина, а не на всепрощающий перст теперь обращены очи всех. Убить Розанова — как понять, как простить?..

О, если б можно было ненавидеть! Как часто и я с безмерной враждой открывал его притягивающие и страшные книги. Но его убили не как врага, не как еретика, не иступленные против его темного учения инаковерующие, а случайно, мимоходом... Что знали о нем даже вожди большевиков, даже эстет от Совдепии Луначарский? А, Розанов? Тот самый, который... «Нововременец»... Нельзя печататься с ним в одном журнале... И самые просвещенные добавляли: «Он любит парадоксы». Разве могли они — не знающие, не любящие ни мира Господня, ни нашей России, понять его русскую, темную, шалую душу?

Не поняв, не могли ненавидеть, но мимоходом расстреляли. Альбигойцы⁵⁶ разбивали изображения Христовы, веруя, что низвергают антихриста. Страшна хула слепца, который верит, что он зряч, но трижды страшней слепец, который творит скверну, не замечая того. Альбигойцев в поруганном храме можно понять, но не мэра какой-нибудь деревушки, который теперь выкидывает за ненужностью статуи и сдает церковь в аренду под синематограф⁵⁷.

Розанова разбили и выкинули из церкви «добрые ребята», не понимая, что они делают. Луначарский скажет: «А, это тот, который любит парадоксы...» И все... А над молящимися — архангел, и говорит он о мече, и о Хозяине, изгнавшем торгашей из храма, о справедливости и возмездии. Зачем убить? — Пред тайной волей падают ниц пришедшие — петербургские фельетонисты, киевские монархисты и старая слепенькая старушка, Бог весть как забредшая сюда.

О душе Розанова молятся, о незнаемой, но страшной и большой душе. Стройны и величавы готические соборы, и в торжественных нефх душа идет к творцу. А русские в своих церквях любят закоулки, затворы, тайники, часовенки, подземелье и кривые коридорчики. Уйдешь, и заблудишься. И душу Розанова, русскую душу, в которой сто тайников да триста приделов, напоминает Софийский собор. Темно, и вдруг ослепительным контрастом буйный луч играет на черном лике угодника, и снова ночь. Не таков ли был Розанов? Там, где зацветали Шартрский собор и Авиньонская базилика, не поймут его. Но мы, блуждая в киевской Софии или в Василии Блаженном, путаясь в заворотах, томясь тьмой и солнцем, чуя дьявольский елей в Алеше Карамазове и мученический венец в хихикающем Смердякове, — мы можем сказать о Розанове — он был наш.

Был похож Розанов на Россию. Был он похож на Россию беспутную, гулящую и покаянную. На черное дело всегда готов, но с и неизменным русским «пост-скриптумом» — я тоскую и каюсь, Господи, да будет воля Твоя!

Его книги порой жутко держать в комнате — не то общая баня, не то Страшный Суд, и хихикает он воистину страшно. Но

⁵⁶ Участники еретического движения на юге Франции (XII-XIII вв.) против католической церкви и церковного землепользования; разгромлены в 1209-1229.

⁵⁷ В статье «Социалистическое строительство и мэр Перпиньяна» (Новости дня. 1918. 4 апреля) Эренбург рассказал о мэре французского городка, приказавшем в 1913 вымостить общественные уборные плитами с изображениями упоминых епископов из местного собора. Альбигойцев и мэра Перпиньяна Эренбург упоминает и в статье «Без бенгальского огня» (Киевская жизнь. 1919. 11 сентября).

все кощунство лишь от жажды крепко верить. Любовь к покою — только муки в уютном аду, все эти плевки и земные поклоны, критика христианства и записки на ночных туфлях — одна мысль, одна тоска, один бред об Отце. Наплюет на дух, но и обожествит плоть, и вот уж плоть-дух, и кто хихикал, кто молился — не поймешь.

Распад, развал, разгул духа — это Розанов, но это и Россия. В последние месяцы, в томлении и в нужде, всеми покинутый Розанов глядел на смерть отчизны. И в последний раз «зловеще хихикнул» — «как пьяная баба, оступилась и померла Россия». Смешно? А все-таки сие апокалипсис. Сам Розанов, живший в кануны страдных лет, был тоже знаком приближения конца. И прилетела губить людей неисчислимая саранча; кажется нам, пришедшим на панихиду, что поминают не только убиенного Василия, но убиенную Россию — любимую мать и великую грешницу.

А молитва говорит о воскресении во плоти, и невольно от темных затонов глаз уходит к светлому ясному куполу. Ведь есть над всеми изломами великий исход. Об отпущении всех прегрешений молятся, и статьями в «Новом Времени» трепещет очищенная страдным концом величаявая душа.

Россия, о твоём воскресении поют ныне. И тебе отпустятся грехи твои, вольные и невольные. Еще в огне ты, и много мук надо пережить. Но там, где солнце, где свет, где исход и разрешение, — там высший воин повис над тобой.

Лети, рази, неистовый архангел, карай и усни. О воскресении говорят слова молитвы, треск свечей и биение сердец. Воскреснешь!

Утро. 1918. 12 декабря

Тогда же Эренбург пишет две статьи о поэзии — для полтавского журнала «Ипокрена» о современной русской поэзии «На тонущем корабле»⁵⁸ и для харьковской «Камены» (редактор П.Б.Краснов) о французском поэте Андре Спире (1868-1966) «Святое "нет"». Спир, проживший почти сто лет, остается неизвестным в России; по-русски изданы только три его стихотворения, переведенные Эренбургом для осуществленной им антологии «Поэты Франции. 1870-1913». «Еврей по происхождению и по душе, — писал о Спире Эренбург, предваряя свои переводы, — вечно неудовлетворенный, блуждающий и мятежный, он кажется каким-то иностранцем, варваром, случайно вошедшим в светский салон. Грубый и меткий стих Спира, не связанный никакими рамками, породил (за последние годы этому содействовало возрастающее влияние Уит-

⁵⁸ Вошла в сборник публицистики: Эренбург И. В смертный час / Сост. А.Рубашкин. Под ред. А.Гдалина. СПб., 1996 (Тир.1000 экз.).

мена) новое поэтическое течение, но, конечно, чисто национальное, еврейский дух его поэзии остался исключительным явлением»⁵⁹. Обращение к поэзии Андре Спира в тревожной атмосфере ноябрьского Киева не было случайным. Позже Эренбург вспомнил, что именно в ту пору впервые услышал (это было на Крещатике) клич: «Бей жидов, спасай Россию». «Евреев они убили немало, — заметил в связи с этим писатель, — но своей, старой России этим не спасли»⁶⁰. Андре Спир был яростным борцом с антисемитизмом еще со времен дела Дрейфуса, и Эренбург это хорошо знал. К другой теме этой статьи — традиционному иудейскому отрицанию мира, — издавна занимавшей писателя, он еще вернется через несколько лет, работая над своим первым романом «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников».

СВЯТОЕ «НЕТ»

Среди изысканных и гармоничных, подобных стриженным дубам туренских дорог, поэтов современной Франции Андре Спир кажется грубым чужеземцем, почти варваром. Напрасно было бы в его книгах искать утонченных и цветистых образов, которые золотом великолепного заката озаряют поэзию наших дней. Стихи Спира — суровые и торжественные — напоминают своей наготой стены походного шатра или древней молельни. Их ритм порывистый и сухой, слишком буйный для салонов, слишком резкий для душ, убаюканных верленовской музыкой, подсказан горьким ветром пустынь. Не нужно знать «Еврейских поэм»⁶¹, излишне вглядываться в паспорт поэта, чтобы опознать в современном писателе, символисте, потомка пророков Израиля.

Андре Спир написал книгу стихотворений на еврейские темы, он сионист и один из ярких бойцов за «национальное возрождение», но его иудейская сущность раскрывается тогда, когда он о ней не думает, в лирике. Глаза, исполненные древней тоски, красноречивее голубого значка в петличке. Семена векового кедра ветер разносит далеко окрест, и всходы их — в песках, на голой скале, в холемом саду. На куполе старого храма, на выскобленной дорожке парка, негаданный, зацветает одуванчик и миру шлет свой легкий сев. Рассеянный Израиль не так ли предстает пред удивленным миром то мощным деревом, то малой былинкой; то в пучинах народных смут, то в Версале французской поэзии.

Спир-публицист хорошо знает, кто он и куда он идет. Спир-поэт, как и всякий поэт, слеп священной слепотой. Кто-то выс-

⁵⁹ Поэты Франции: 1870-1913 / Переводы И.Эренбурга. Париж: Гелиос, 1914. С.100.

⁶⁰ ЛГЖ. Т.1. С.288.

⁶¹ Сборник стихов А.Спира «Poèmes juifs». Париж, 1919.

ший подсказывает ему слова, которых язык порой еще не умеет вымолвить. Он начинает говорить о любви и радости, и кто-то властно обрывает сладкий лепет. В минуты счастья о чем еще тосковать, чего желать? Открываются внутренние глаза, и уютная комната полна бесплотными пришельцами. До уха доходят непостижимые уму, но внятные сердцу, стенания. И вновь тоска, о которой он не ведал сам, не уместаясь в отдельной душе, исходит в унылых песнопениях. «Ты слышишь — это они поют», — говорит поэт испуганной возлюбленной. Кто поет? Не Спир, не счастливый за минуту до этого юноша, не друзья и не звонкие музы. Кто? Он не ведает — этот расцветший далеко от отчего дома кедр, — что в нем поют века и поколения Израиля. Иудейская тоска, как малярия, рассосалась, незаметная, по сердцам и убивает, когда ее не ждут.

Родина? О, конечно, он любит «прекрасную и нежную Францию», но сам боится этой легкой и усыпляющей любви. Ему страшно, что его прельстят навсегда слишком безмятежные черты самой ласковой мачехи.

Вежливость, ты и меня хочешь сделать пресным!
Шутка, ты хочешь и мою душу сделать удобной!
О скорбь, о гнев, о безумие,
Чем я буду без вас?
Придите, спасите меня
От рассудка этой счастливой страны!⁶²

Но вместо этой именуемой им не без иронии «прелестной» страны у него нет ничего. Ведь «скорбь» или «безумие» не родина, и с ними вечно жить нельзя. А так усталого путника манит и берег, и дом на нем, и в окне огонь лампы... Причаливает и падает на желанную землю, но земля боится его; она говорит пришельцу:

Погляди на эти пугливые дома, столпившиеся, как стадо,
На согбенные плечи этих покорных людей.
Можешь ли ты мне служить, как они?
Хочешь ли ты думать о том, как проводить межи,
Ставить изгороди и убивать дороги?
Хочешь ли ты разделить свои мелкие заботы,
Взять жадную жену, которая будет жить надеждой
Раздвинуть шире крышу твоего дома?
Хочешь ли ты сыновей, мечтающих об урожае соседа,
Слуг, которых ты презираешь и которые тебя ненавидят,
Гостей, приживалок и родных?

⁶² Из стихотворения «Франция».

Я люблю прикреплять людей,
Но мне страшно упреков твоей бродячей души.
Иди, блуждай, гребни и пой!
Погляди другие поля, другие сады и другие страны,
Уходи скорее от той, что полюбишь,
И блуждай, и блуждай... пока
Одним вечером ты не умрешь в гостинице,
Неоплаканный, даже для виду,
Ни хозяйкой, ни доброй служанкой...⁶³

О, здесь дело не в родине и не в чужбине... И Палестинская земля испугалась бы принять этого воистину Вечного Жида. Весь мир для него какая-то гостиница, где он, случайный проезжий, должен провести свой земной день. Отравленной душе мнится счастьем покой, свой кров, своя страна, пока она лишена этого. Но золото в руке теряет очарованье, становится не только жалким прахом, но тяжелым камнем, который мешает идти. А идти нужно без конца, идти, не зная ни цели, ни конца пути. Но не только в этом мире нет отчизны: даже смерть не несет отдохновения. Господь для Спира не живая любовь, не родимое лоно, но отвлеченная и беспокойная справедливость.

Какие же радости сулит нам земной путь? Природа — она томит лишь беспредельностью полей и недоступным далеким небом. Любовь — это ненасытная жажда, вечные муки истомившегося путника в безводной пустыне. Искусство — но и оно лишь великая ложь, ибо никогда самые нежные звуки и самые прекрасные линии не могли насытить души, чающей неземной Правды.

Что делать в этом мире?
Я иду — все глухо и тревожно.
Я кричу — но уши внимающих мне
Еще трусливей, еще грубей, еще презреннее,
Чем руки нищих, от которых я убегаю.
О, Музей, о, тихое чудовище,
Открой твоё молчание, твой сумрак
Моим безнадежным шагам.
И вы, картины, статуи, геммы,
Дайте мир моей душе,
Вы, счастливые,
Никому не причиняющие зла.
«Дитя, дитя», они отвечают,
«Смотри лучше, подойди ближе —
Вот наша правда:
Полотно, доски, винты,
Масло и пыль,

⁶³ Стихотворение «Непостоянство».

Старое железо и камни,
Неподвижные, серые, мертвые». ⁶⁴

Отрицание искусства у Спира подобно фанатизму многих религиозных сект. В тюрьме, вокруг эшафота сердце не хочет принять выхолощенных цветников. И не для нежного примирения созданы его стихи. Их ритм — гул осеннего вихря, который подымает мертвые листья, крутит их и несет Бог весть куда. Напрасно ухо ждет умиротворяющей рифмы или хотя бы далекого созвучья — оно услышит лишь диссонансы, поединок враждебных гласных. Спир не знает тайного родства звуков, и здесь ему доступны лишь одиночество и раздор.

Истинная поэзия всегда была, есть и будет — молитвой. Истомленный и тонущий в водах жизни человек чувствует целящую близость Божества, и в гармонических строфах прося — получает, жалуясь — утешается, благодарный — славит мир. Не высшая ли поэзия в скромных «Цветочках» св. Франциска Ассизского ⁶⁵, прославляющего в гимнах брата Солнце, сестру Воду, великого Творца и малую тварь. Прозревший и в Боге воскресший человек всему миру говорит свое святое «да! принимаю и люблю». И поэзия всех племен и всех веков лишь бесчисленные вариации этого «да».

А человеческое страдание, а вечная несправедливость? Можно ли все принять и все оправдать? Коршуна, уносящего голубя, и мать, рыдающую над мертвым младенцем? Господь справедлив, Его славим, но разве не Он «Иакова возлюбил, Исава возненавидел»? И как забыть Иова, тщетно на гноище пытающего Бога?

Нет, живое сердце никогда не уснет на мягком ложе всеприемлющего «да», во имя Божье оно бросает слово тоски и гнева — тоже трижды святое «нет». Это «нет» вложено в уста караемого Израиля, и оно звучит в стихах одного из его сыновей — Андре Спира.

Отрицанием жить нельзя, но без него замер бы мир, без соли стал бы пресным ⁶⁶. Собранная воедино тоска Израиля образовала бы мертвое море, и народ умер бы, не зная ни единого «да». Но страшная и высокая миссия иудейского племени в том, что оно несет, само расплываясь, растекаясь, умирая, — всем и всякому животворную тоску. Когда настанет согласие между «да» и «нет», когда придет царствие Божие на земле? Многие, и иудей, и христи-

⁶⁴ Стихотворение без названия.

⁶⁵ В 1910-е творчество Франциска Ассизского оказало опосредованное (через Франсиса Жамма) влияние на Эренбурга.

⁶⁶ Эту мысль Эренбург повторял не раз, даже в самых последних своих стихах из цикла «Старость» (см.: Собр. соч. Т.1. М., 1990. С.203).

ане, верят, что лишь тогда, когда народ, облеченный высокой миссией, исполнит ее и сможет, впервые не лукавя, свои молитвы заключить в одно «да».

Камена (Киев). 1919. №2

II. В красном Киеве (февраль—август 1919)

«Иногда мне казалось, что я смотрю фильм и не понимаю, кто за кем гонится: кадры мелькали так быстро, что нельзя было не только задуматься, но рассмотреть. Петлюровцы вели переговоры с большевиками и деникинцами, с немцами и с мосье Энно. В Киев войска Директории вошли в декабре и пробыли недолго — шесть недель»⁶⁷. Чтобы прокормиться, Эренбург вместе с прозаиком Андреем Соболем предпринял «гастроли» по городам Украины. А.Соболь вспоминал, как они возвращались из этой поездки в Киев: «В январе я и Илья Эренбург — вдвоем — пробирались к Киеву /.../ Ради хлебных злаков поездка по городам Украины: И.Эренбург читает стихи, я — рассказы. В Бердичеве в первом ряду сидит поп (на афишах "Молитва о России"), в Белой Церкви девушки у кассы спрашивают: "А танцы будут?". Обратном ведем импресарио на свой счет — и в Киеве попадаем в призывной участок: мобилизация, а вечером на Подоле первые отряды петлюровцев. На улицах запрещают говорить по-русски, журналы, газеты изъяты»⁶⁸.

Большинство старых газет действительно было закрыто; но в январе 1919 начала выходить русская литературная газета «Киевское эхо» под редакцией И.Василевского (Не-Буквы). В ней печатались М.Кольцов, Л.Никулин, В.Финк, Н.Агнивцев, но Эренбург в ней не сотрудничал (в 1922 в Берлине Василевский напечатает в газете «Накануне» злобный пасквиль на Эренбурга).

В январе-феврале Эренбург работает над книгой «Лик войны», используя в качестве материалов для нее свои корреспонденции из Франции для газет «Утро России» и «Биржевые ведомости».

В феврале 1919 Киев взяли красные. Новая власть издавала массу декретов, стараясь регламентировать все, что можно. 24 февраля газета «Коммунар» сообщила о переименовании улиц: Институтская, на которой родился Эренбург, стала улицей 25 октября, Николаевская, на которой помещался литературно-артистический клуб (КЛАК), — улицей К.Маркса, Марининско-Благовещенская — улицей Пятакова... Возникли обязательные профсоюзы. Эренбурга избрали председателем «Профессионального союза художников слова города Киева»; у него, человека деятельного, возникло несколько проектов — в частности, организация Мастерской художественного слова...

Большевики претендовали на тотальный контроль, и с этим приходилось считаться; теперь любая литературно-артистическая программа

⁶⁷ ЛГЖ. Т.1. С.289.

⁶⁸ Новая русская книга (Берлин). 1922. №6. С.39.

осуществлялась под руководством какого-либо «комитета». 21 марта газета «Коммунист» сообщала: «Отделом внешкольного образования коллегии просвещения и пропаганды при исполкоме Киевского СРД с будущей недели устраивается цикл лекций. В первую очередь намечены лекции в Купеческом собрании, в котором будут прочтены т.Хейфецом "Об эпохе социализма", т.Шубиным "Мировой империализм и судьба России", художником Г.Лукомским "Художественные сокровища России" и поэтом Эренбургом "Русская поэзия"».

29 марта возобновилась работа литературно-художественного клуба, именовался он теперь ХЛАМ (Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты), а размещался все в том же подвале гостиницы «Континенталь»⁶⁹. Вместе с Эренбургом в его деятельности участвовали О.Э.Мандельштам, Б.К.Лившиц, В.Н.Маккавейский, Л.В.Никулин, Н.Венгров,

---

⁶⁹ Коммунар (Киев). 1919. 27 марта. Гостиница «Континенталь» именовалась теперь Первым киевским Домом Советов, подобно московским «Националю» и «Метрополю». Сохранился любопытный машинописный отчет о деятельности ХЛАМа, датированный 4 апреля 1919:

Месяца два тому назад по инициативе одного из молодых киевских мастеров — тов. Семенцова — в Киеве состоялось общее собрание художников всех родов искусства. На этом собрании было предложено создать худ. мастерскую, которая объединила бы всех тех, кто ищет новых путей, независимо от их принадлежности к той или иной школе, к тому или иному течению. На этой широкой платформе и была создана мастерская, которую сокращенно называют «Хламом» (из первых букв слов: художники, литераторы, артисты, музыканты). Под мастерскую был взят подвал Первого киевского Дома Советов (бывш. Континенталь) на Николаевской ул.

Средства на организацию мастерской были собраны путем внесения паев и, таким образом, создан был основной капитал (около 18000 р.). Общее собрание выделило из своей среды хозяйственный совет и редакционную коллегия. В первый вошли т.т. Балано, Балабанов, Баранговский, Красовский, Поляков и Сухомлинов, во вторую — тов. Агнивцев, Натан Венгров, Бенедикт Лившиц, Рабинович, Семенцов и др. Было решено устраивать в помещении мастерской демонстрации нового искусства в виде концертов, литературно-художественных выступлений, докладов, лекций, диспутов, студийных постановок и выставок картин. Образовалось несколько художественных групп, в которые вошли все видные художественные силы, находящиеся ныне в Киеве, а именно: группа «Гермес» в составе Н.Венгрова, Бен. Лившица, Вл. и Ник. Маккавейских, Анд. Раппопорта, К.Терапьяно и И.Эренбурга; группа «Обелиск» в составе Н.Агнивцева, Ал. Брославского, Кирста, Льва Никулина, Семенцова, Сухомлинова и композитора Ханцина; группа «Большая Медведица» в составе П.Германа, Иранды Куниман, Любзна, Рошала, Яжгуновича и др. и группа «Интимистов», куда вошли Ал. Вознесенский, Грей, Дейч, Зозуля и Мих. Сандомирский. Эти группы и составили главное художественно-литературное ядро Хлама. Кроме того в мастерской работают многие киевские художники: т.т. Исаак Рабинович, Шифрин, Стрегуновский, Никритин, Вейнгов, Тышлер и мн. др. Часто выступают артисты и музыканты. Один из вечеров был посвящен докладу об украинской поэзии, весьма интересно составленному т.Ярошенко. Неоднократно выступал т.Черняк в произведениях собственных, В.Маяковского и Вас. Каменско-

А.М.Соболь. Возобновилась, прерванная петлюровским нашествием, традиция литературных вечеров. Киевская газета «Борьба» (орган левых эсеров) 29 марта сообщала: «Поэт Илья Эренбург в воскресенье, 30-го, днем в помещении Интимного театра расскажет свои воспоминания и впечатления об истекшей войне. Сбор с лекции поступит в фонд оказания помощи безработным журналистам». Дважды об этой лекции сообщала газета «Коммунист» (27 и 30 марта).

О специфических обстоятельствах жизни интеллигенции в большевистском Киеве весны 1919 свидетельствуют тогдашние мемуары: «Большевики строили и строили. Строили они — учреждения. Ничего иного они и тогда не были в силах создать. Но учреждения создавались поистине без удержу. Особенно в фаворе была в то время просветительная часть. Почти вся интеллигенция, постепенно отходящая от тактики саботажа, охотно шла на службу именно в просветительные учреждения /.../ Каждое уважающее себя советское учреждение имело "культ-просвет" либо "агит-просвет". При более крупных учреждениях были также особые издательские, библиотечные, лекционные, школьные и внешкольные отделы. Более всего умиляли имевшиеся в разных "губвоен-продснабах" и "компочтелях" особые "кино-комитеты" или "кино-секции", специально ведавшие кинематографической частью»⁷⁰.

1 апреля 1919 Эренбурга утверждают членом коллегии литературной секции подотдела искусств культпросветотдела киевского наробраза⁷¹. Литературную секцию возглавлял поэт Натан Венгров; соблюдая равноправие национальных культур, секретарем секции назначили украинского поэта В.Ярошенко, а членом коллегии еврейского драматурга И.Добрушина. Кроме литературной, было еще 4 секции: художественная, музыкальная, прикладного искусства и театральная (ее возглавлял знаменитый режиссер К.Марджанов). В подотделе искусств служили киевские художники Меллер, Петрицкий, Генке, с которыми Эренбург познакомился в студии А.А.Экстер; в секции прикладного искусства активно трудился художник Эль Лисицкий (с ним вместе Эренбургу предстояло издавать в Берлине журнал «Вещь», а знакомство их началось в Киеве в 1919).

Сохранился план работы литературной секции, состоявший из 4 пунктов: «1. Устройство митингов по вопросам искусства. 2. Устройство литературных показательных вечеров, а также лекций для широкой аудитории. 3. Устройство мастерской художественного слова. 4. Издание а) литературно-художественной информационной газеты и б) литературно-художественного двухнедельного журнала»⁷². Последний пункт остался не-

---

го. Читают свои произведения и пролетарские поэты, в том числе т.т. Родов, Елена Клементьева и красноармеец Петроградский. Публики всегда много: здесь обедают и ужинают многие советские работники, отдыхающие в артистической среде от дневной работы; бывают часто т.т. рабочие и красноармейцы, с интересом слушающие программу.

ЦГА высших органов власти Украины. Ф.1738. Оп.1. Ед.хр.49. Л.13, 14

⁷⁰ АРР. Т.6. С.247.

⁷¹ Киевский гос. обл. архив (далее КГОА). Ф.142. Оп.1. Ед.хр.489. Л.38.

⁷² Там же. Ед.хр.37. Л.35.

выполненным. Большевистские и левозероверские киевские газеты не проявляли большой охоты печатать непартийных авторов; свободное изложение политических взглядов вообще было прикрыто. В красном Киеве Эренбург мог публично выступать с трибун и в печати лишь по вопросам искусства, но и эти его выступления вызывали недовольство властей.

В первых числах апреля Эренбург прочел доклад во Всеукраинском литературном комитете; его содержание он использовал в статье «Искусство и современность», которую согласилась напечатать газета левых эсеров «Революционная борьба», но и она сопроводила публикацию редакционным заявлением: «Не соглашаясь коренным образом с основными положениями статьи поэта И.Эренбурга, редакция тем не менее полагает, что спорный вопрос о сути искусства должен быть освещен с разных точек зрения. Исходя из этих соображений, редакция помещает настоящую статью в дискуссионном порядке». Две первые части статьи напечатали в №4 (6 апреля); в №9 (13 апреля) напечатали третью часть, напомнив читателям, что она публикуется в дискуссионном порядке. Публикация сопровождалась сообщением «Продолжение следует», относилось оно, скорей всего, к дискуссию на поднятую Эренбургом тему, однако №10 газеты оказался последним, затем она вышла под названием «Наше зная» (№1, 17 апреля) с анонсом рассказов Е.Зозули, стихов Н.Агнивцева и Л.Никулина, а также статей по вопросам искусства (здесь среди авторов был назван и Эренбург), однако следующий №2 оказался последним для газеты и под новым названием.

ИСКУССТВО И СОВРЕМЕННОСТЬ

1. Космическая буря

Нет, не молчат раненые музы. Среди бранных кличей еще громче звучат их вещие голоса, напоминая оглушенному миру о вечном торжестве звука, линии, слова. В моей руке не меч, только хрупкая свирель. Но великий ветер — не я — дует в нее, и грому подобен каждый стих⁷³. Из тесной формы в мучительном трепетании исходит дух, и от него становится в мире неуютно, жутко и радостно, будто вселенская выюга захватила нашу исступленную землю.

Встают видения и кружат человека. Душный до смрада июльский день, и точно первые осенние листья, взметенные ветром, несущимся Бог весть куда. Люди — нельзя ждать! Зачем? Куда? Бегу! Ура! Красные флажки весной, воробьи, сумасшедшие гимназистки... Октябрьский ветер — «Совет», «Комитет безопасности» — куб? уб? Месяцы, как мгновения и как века. «Радио», и над мил-

⁷³ Этот образ развит в стихотворении Эренбурга «Я не трубач — труба. Дуй, Время!» (июль 1921) из цикла «Раздумья» (см.: Собр. соч. Т.1. М., 1990. С.93).

лионами сгрудившихся безумных людей — там, высоко — звездная буря.

Как смешны маленькие люди с жалкими аппаратами, с пухлыми истрепанными томами, которые пытаются определить направление четырех ветров и мнят себя еще вождями. Первая песчинка, занесенная ветром, ты впереди, но разве знаешь ты, доколе тебе лететь и где пасть? Где-то в аккуратном кабинете Лондона сидел над чертежами изобретатель танков, а в Башкирии косоглазые упрямые пастухи учиняли свой совдеп. Не все ли они исполняли непостижимую волю Того, кто бросил в воды Эфира и закрутил — вертись! несись! — нашу дикую звезду?

Я знаю — многие, куражась, падая и танцуя, верят, что они только стройно и ровно шагают к намеченной еще в таком-то году, еще на таком-то съезде цели. Они верстовыми столбами разметили небесный океан и хотят буйное дыхание яростного творца подчинить каким-то «директивам». Они мудры — о, да! Но двадцать веков тому назад, когда назаретский Плотник и кровавые варвары бросили в мир неистовый огонь, когда немислимая Революция заметалась по площадям Рима, — многие уже кичились мудростью. Но не о них ли святой бунтарь, вспомнив путь в Дамаск, сказал: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, то будь безумным, чтобы быть мудрым»⁷⁴. Но современные Савлы и Павлы резолюциями, крохотными листочками ограждают себя от смерча. Они не знают благословенного безумия — они никогда, никогда не будут мудрыми!

Я слеп и счастлив, что не вижу путей⁷⁵, а только слышу в поющей ночи голоса вьюги. Наш маяк пролетариат, но я боюсь, не слишком ли он близко от меня, а ведь нам лететь далеко, в гудящий хаос. Я знаю, что в России, в Европе, на Земле развернулся занавес времен. Великая трагедия! Но является ли пролетариат автором и режиссером или только одним из актеров мирового хора — этого я не знаю. Революционная сущность его духа для меня остается невыясненной и спорной. Расшатаны основы прежней циничной материалистической культуры. К старому нет возврата, в этом высшая радость нашей эпохи, но грядущий мир закрыт пеленою. Беремен ли пролетариат новым сознанием или он является неотделимой составной частью умирающего мира и погибнет, как Самсон под сводами храма⁷⁶?

⁷⁴ 1 Коринфянам 3: 18.

⁷⁵ Ср., например, в стихотворении «У приемника» (1939): «Не зря я слепоту зову находкой...»

⁷⁶ Библейский герой Самсон, заточенный в храме филистимлянами, погиб сам, обрушив на них стены храма.

Официальный поэт Маяковский уже возгласил нам о земле обетованной. Оказывается, в ней «фешенебельные гостиные» с мягкой мебелью⁷⁷. Бедные! Взлетев, они хотят присесть на облако, успокоиться в каком-нибудь надмирном кресле. «Цель опрокинута!» Но ветер мчит и опрокидывает комфортабельные кресла, не думая о том, кто в них сейчас дремлет. Нет, не учет и расчет несет революция, но новый пафос, новое религиозное сознание, которое пробивается огненным ключом из-под тверди земли. Вы верите, что оно явится в пределах постигаемого вами нового социального строя. Ваша вера, как и всякая, есть «облечение вещей невидимых», один из миллионов путей. А сейчас я гляжу в окно — ночь, черная нераздельная ночь. Ничего не видно, только доносится топот прошедших солдат, да ветер, ветер... И мнится сердцу — необходимое пепелище — здесь высились города: заводы и академии, храмы и блудилища — ничего нет, только под стенами рыжего светила резвится новое молодое племя, все потерявшее и трижды свободное.

2. Вечное и современное

Грядущий человек создаст новое искусство. Предчувствия его сквозят у современных художников. Разве не завертелся в водовороте Скрябин, разве не плыл на своем «пьяном корабле» в эфире мятежной Рембо, разве Пикассо, беспощадно рассекая плоть, не сжимал в своей руке оператора летучее сердце земли? Мы, художники, раньше всех ослепли, мы первыми сошли с ума. В творческом сне мы видели дальше социолога или историка. Мы создали великое искусство канунов. Но кто угадает, что за нами, чем наш век явится в дивной цепи времен? Рождение и смерть похожи друг на друга. Бабочка, мучительно пытающаяся выйти из кокона, как будто умирает, а агония напоминает роды. Может быть, пыльный исследователь 30-го века напишет: «В начале 20-го столетия, в эпоху войн и революций появились первые предтечи великого восхождения искусства», а может быть, только вскользь упомянут о «последних эпигонах умиравшей культуры».

Будет ли оно исходить от нас или нет, искусство грядущего будет новым по своей форме. Сущность искусства пребывает неизменной. Никакие перевороты не могут упразднить вечного триединого таинства, из которого исходит творчество. Рождение — любовь — смерть: это непостижимые законы для Сатурна и для

---

⁷⁷ В «Мистерии-буфф» Маяковского (1918) в монологе Человека будущего: «В раю моем залы ломит мебель. / Услуг электрических покой фешенебелен».

тли, для Адама и для последнего человека. Пафос искусства не в костюме, не в быте, не в правах: Соломон, царь Иерусалима, в золотом хитоне, а товарищ Соломон, член районного комитета, — в куцем пиджаке — единой ночью, любя, сжимая тленную плоть, оба соприкасались с Млечным путем и с малой былинкой, в экстазе постигая душу Космоса. Тайна рожденья каждого дня, каждого слова, вселенной и букашки — не этим ли вдохновлялись творцы Книги Бытия? Но к этому же источнику припадает и новый «усовершенствованный» человек будущего⁷⁸. Только те, кто не видит ни звезд, ни земли, могут думать, что у будущего искусства будет новая, оторванная от прежнего душа. Можно разрушить величественные царства, но нельзя уничтожить маленький знак бесконечности, связующий несуществующее начало с никогда не возможным концом.

Душа искусства вечна, но плоть его рождается, умирает и меняется каждый час. Я уже сказал, что, быть может, мы предчувствуем новые формы. Порой они непонятны толпам, как будто сейчас можно что-либо понять, летя ощупать и уютно обосноваться. «Мудрецы», революционные в политике, в области духа, этики, чувств, искусства глубоко реакционны. Мило занимаются перекрашиванием вывесок теперь, не заглядывая, что там внутри. Галерку в партер, партер на галерку, но забыли (или не могут?) изменить репертуар. Под стихами Маяковского о том, что вместо «небесных сладостей» и «бумажных страстей» надо заполучить хороший каравай хлеба и здоровую бабу⁷⁹, — подпишется каждый, слегка отощавший, спекулянт. Из заседаний рождаются только резолюции, искусство же — до и после. А если бы в спальни и в кабинеты революционеров, на заводы и в канцелярии пришли бы апостол Павел и Будда, философ Скворода или террорист Каляев, они бы объявили всех их — ох! даже самых крайних — «контрреволюционерами». Еще ветер не проник в души. Еще в ямбах восхваляют «коммунистические конвенты» и полагают, что сие — современность.

Лик современности непознаваем, но мы видим тысячи ее ликов. Войны и мятежи, религиозное томление и фанатический атеизм, пренебрежение материальными благами во имя духовных и борьба за благополучие, озверение, взрывы этического иступле-

---

⁷⁸ Проект создания «усовершенствованного» человека сатирически использован Эренбургом в рассказе «Ускомчел» (1921), положительно прокомментированном И. Сталиным в «Вопросах ленинизма» (1924).

⁷⁹ В Прологе семи нечистых пар («Мистерия-буфф»): «Нам надоели небесные сласти — / хлебище дайте жрать ржаной! / Нам надоели бумажные страсти — / дайте жить с живой женой!»

ния — все это ее движущие силы. Мы видим в современном искусстве самые различные устремления, враждебные друг другу. Футуристы тщатся передать движение, один бег, кубисты ищут спокойной монументальности. Маяковский вязнет в низинах натурализма, газеты и фотографии. Супрематисты задыхаются в безвоздушной абстракции. Пикассо утверждает вес и право материи. Андрей Белый весь изошел в холодной духовности и т.д. Новая книга поэта враждует с предыдущей. Ищут путей, чтобы не идти по ним, найдя. Но есть нечто связующее всех — и это душа современности. Она не в «изме», не в том или ином приеме, она в предчувствии, в томлении, в кружении, в «канунности» дней. Мудрецы объявят: поезд идет туда-то, мы на такой-то станции. А художники — слепые и, следовательно, зрячие — отвечают: все это лишь буйные кануны неведомого завтра. Вы хорошо составили расписание, но вы забыли, что машинист для того, чтобы понять мудрость сего века, сошел с ума и правит поезд на пляшущие семафоры звезд.

3. Классовое искусство

«Нет» — это секира, вихрь, костер. Но стихи о лезвии меча, о пляске ветра, о разливе огня уже таят в себе, пусть в тьме и хаосе, начала всепримиряющей гармонии. У поэта для мира только святое «да». Искусство не может жить отрицанием, обличая, бунтуя, все равно оно оправдывает бытие. Художник всегда утверждает, в мгновенном, преходящем находит вечное. Творения, лишённые этого непреходящего света, звездного семени, мелькают, тонут в днях, как газетная статья или рекламный плакат. Но только временным, меняющимся языком можем мы говорить о заветном и неизменном. Пафос искусства, его душа — от тверди земли и от вселенской, небесной степи, но содержание, образы, формы, ритм — от быта, эпохи, нации. Истинный художник всегда современен, дитя своего века и своего народа. Мирская душа, немая и томящаяся невоплощенными образами, в нем обретает своего первого глашатая. Он не у руля, не над картой, но глядя на яростные годы и на недвижимое небо.

Хотите почуять на щеке дыхание былых веков, увидеть здесь, рядом с вами, проясненного эллина или исступленного испанца умирающей Империи, строгого флорентийца треченто⁸⁰ или ро-

⁸⁰ Итальянское название XIV века.

мантического барина, поселившего олимпийцев в псковское село⁸¹? Не клонитесь над пыльным фолиантом, прочтите строфы «Илиады» или дантовские терцины, новеллы Сервантеса или «Онегина». Взгляните на флорентийскую компанию или на портреты Греко. Падет занавес былого, под вашими перстами вы почувствуете теплую трепетную плоть отгоревших веков. Но читайте еще, лучше глядите — не только былое вы обретете, нет, биение вашего сердца услышите под древней тогой, рыцарскими латами или пепельным фраком.

Легко, увлекшись пышным облачением, не разглядеть вещей очей, не расслышать пророческого голоса. Легко, прочтя соответствующие брошюры и запасшись десятком этикеток, определить Сервантеса выразителем умирающих феодалов, а Пушкина певцом молодой русской буржуазии. Но вряд ли найдется пролетарий, который, читая «Дон Кихота», не почувствует в мрачном рыцаре своего брата, мало интересуюсь этой официальной классификацией. Истинное великое искусство не может быть классовым — его душа вечна, его плоть всенародна.

Наш век — огонь и смерч. Всякий современный художник — сын революции. Она, разумеется, не в казенных виршах с надлежащими атрибутами, она в его душе, слепая и всесильная, ломающая заросли девственных лесов мечты, крушащая скалы давней веры. Она в оргиях красок, в безумии ритма, в извечном хаосе помыслов и чувств. Художник, способный ныне лепетать о версальских маркизах или о веселом файвоклоке⁸², прежде всего не современен. Но так же несовременны старательные стихи о «красных знаменах» под Надсона или передвижнические полотна, изображающие восстание. Зато в монументальных построениях кубистов, в «Петербурге» Белого, в якобы средневековой «Розе и Кресте» Блока, в причитаниях Ремизова трепещет мятежная душа нашей эпохи. Если условно признать пролетариат единственным подражателем и зодчим наших дней, следует мистические видения Белого или дьявольскую математику Малевича причислить к «искусству пролетариата». И придется отнести к «буржуазному» — т.е. ко вчерашнему отжившему творчеству произведения Демьяна Бедного, Леонтия Котомки⁸³ и прочих. Искусство выявляет современность. Итак, если современное, то-

⁸¹ Имеются в виду Гомер, Сервантес, Данте и Пушкин.

⁸² Намек на Игоря Северянина.

⁸³ *Леонтий Котомка* (Владимир Иосифович Зеленский; 1890-1965) — пролетарский писатель-самоучка; печатался в «Правде». Его стихи Эренбург, возможно, знал по двум номерам большевистского сатирического журнала «Соловей» (1917. 24 декабря и 1918. 24 февраля), выходившего в Киеве.

мящееся и безумствующее вы называете «пролетарским», то — да здравствует «пролетарское искусство» Пикассо и Блока, Гончаровой и Хлебникова!

Если же вы именуете «пролетарским» неведомое завтра, то вы крестите неведомое, налетающий ветер, невставшее светило. Зачем глядеть в святцы, когда не знаешь, кто родится, мальчик или девочка, святой или черт? Наши дни несут в себе великий плод. Поэт новых дней посмеется над вашими безукоризненными прогнозами и журнальными дискуссиями. Я понимаю жажду многих стать пророками, но увьи! Их очи не раскрыты перстам серафима, им невнятен гул идущих времен. Мерят, исчисляют, пишут. В своих предсказаниях принижают идущий вал до уровня своего, ибо не могут вырваться из круга современности. Но не только подобными исчислениями занимаются. Бродят вокруг беременной нетерпеливые и каждый вздох принимают за час свершения. Насадители «пролетарского искусства» устраивают преждевременные роды. В руках любопытствующих месячный зародыш, по которому нельзя опознать даже общих черт. Самые гнилые жалкие пни, снабженные штампом «пролеткульта», выдаются за новые побеги. Нерожденного окрестили, записали в партию и даже установили его образ жизни, вкусы, привычки. Бедный младенец, какие крепкие пеленки уготовлены для него!..

Оказывается, грядущее «пролетарское» искусство будет не статичным, но исключительно динамичным, оно не станет выявлять отчаянье или скорби, но только бодрость или радость и пр. Даже примененный к современному пролетарию-борцу этот план души, составленный в каком-нибудь комитете, смешон. Работница идет на баррикады, вся она движенье, вихрь — и вот она же кладет руку на свое отягченное чрево или подносит младенца к груди — все в ней спокойствие, созерцание, тишина. Разве отменяются каким-либо переворотом законы природы, разве перестанет весна взмывать в душах томление, бунт, веселую тоску, а осень наводить на них примиряющую грусть, мудрую скорбь? Социальная революция может уменьшить несправедливость, смягчить некоторые тяготы жизни, но по-прежнему смерть будет уводить людей в свой хоровод, по-прежнему будет томить сердце неразрешимый узел любви и страстей, и в 21 веке, как и в первом, искусство выявит предельное отчаяние, пафос великой безнадежности. Предсказатели хотят младенца однобокого, аккуратного, паиньку. Родившись, он их немало испугает, когда вместо примерки готовых костюмчиков начнет резвиться на вселенском лугу, великий, непостижимый, неожиданный, как все, что рождается вновь.

В настоящем — «пролетарское» искусство лишь ярлык для всего современного, в грядущем — преступление против гинекологии или жажда слепого стать проводником. Но есть еще третье применение для термина. Я говорю о стремлении создать искусство, обслуживающее политические или экономические интересы пролетариата. Вряд ли это служебное, прикладное мастерство можно назвать искусством. Средневековые кроме прекрасных эпических поэм оставило «профессиональные» рыцарские баллады. Мы в России имели не только Достоевского, но и Игоря Северянина или Арцыбашева, обслуживавших сонных тупых мещан. Великое искусство для всех: былины для т.н. буржуазного художника, Пушкин — для поэта-пролетария. Но ночные столики мюнхенских декораторов, но адюльтерные пьесы, но стихи о «шабли во льду»⁸⁴ только для буржуазного класса, для его прихоти и забавы. Если мы возьмем с точки зрения музыки «Интернационал», если обратимся к «Мистерии-буфф» Маяковского или к плакатам, пестреющим на улицах, мы увидим, что уже имеется служебное пролетарское «искусство», которое, конечно, умрет, не оставив следа, ибо не таит никаких иных устремлений, кроме газетной суетни или митингового крика. Потомки будут гореть, бунтовать и любить вместе с нами, читая Блока или Сологуба, но о пролетарской поэзии (в указанном сейчас смысле этого слова) упомянет лишь вскользь историк.

Эта статья, написанная в Киеве в первый, едва ли не романтический период советской власти, показывает, как точно нашел Эренбург, лишенный возможности публично подвергать сомнению право нового режима руководить страной, ту единственную (в очень скромных

---

⁸⁴ Выражение из стихотворения М.А.Кузмина (цикл «Любовь этого лета», 1906): «Где слог найду, чтоб описать прогулку, / Шабли во льду, поджаренную булку / И вишен спелых сладостный агат...»; выражение это употреблено также в 4-м стихотворении цикла «Прерванная повесть»; оба вошли в первую книгу Кузмина «Сети» (1908). Отметим, что первой литературной статьей, напечатанной Эренбургом, была рецензия на сборники Кузмина «Сети» и «Куранты любви» — Голос Сибири (Иркутск). 1911. 30 марта; см. также: Сибирь. 1974. №5. С.91-94, — в которой он писал: «У него нет ни слова современности. Но потому нам и дорogi умирающие маркизы, что в них мы чувствуем себя. Над его стихами ненавидишь будущее за то, что оно может стряхнуть хоть одну пылинку прошлого». В статье «Стилистическая ошибка» — Возрождение (Москва). 1918. 5 июня — Эренбург, не называя имени Кузмина, писал о «поэте, любителе нежных баншиков и шабли во льду», который «превратился в убежденного интернационалиста». Племянник Кузмина С.А.Ауслендер заметил в связи с этим: «Кузмин — поэт для одних любимых, для других — нелюбимый, но поэт; для Эренбурга авторитетно только мнение о Кузмине "Журнала журналов"», — Жизнь (Москва). 1918. 11 июня, — и затем напомнил Эренбургу его собственные стихи 1910 года: «На тонком столике был нежно сервирован / В лиловых чашечках горячий шоколад».

по политическим возможностям условиях) идеологическую нишу, которая позволила ему показать нелепость культурной платформы большевиков. В дальнейшем почти 50 лет иногда громко, по временам едва слышно, писатель пытался публично отстаивать эзоповыми средствами право искусства быть самим собой.

11 апреля 1919 в «Революционной борьбе» появилось первое объявление об организованной Эренбургом Мастерской художественного слова: «Профессиональный союз художников слова открывает мастерскую художественного слова для теоретического и практического изучения приемов художественного письма. Мастерская имеет 4 отделения. Читаться будут следующие лекции: История русской, украинской и еврейской поэзии и прозы. Построение прозы, стиховедение русское, украинское и еврейское. Иностранная эпика. История французской поэзии. История французской прозы. Теория языка. Теория драмы. Лекции читают Эренбург, Алексеев, Петров, Маккавейский, Венгров, Быстрицкий, Коральник, Гринберг, Ярошенко, Межейко и др. Читаться они будут в помещении Украинского клуба (Пушкинская, 1) ежедневно в вечерние часы, не исключая и воскресений».

13 апреля в той же газете появилось другое объявление: уже о двух мастерских. Первая — «для рабочих, занимающихся литературным творчеством. Курсы рассчитаны на 3 месяца. В Мастерской будут 3 отдела: поэтический, прозаический и драматургический. Запись принимается в гостинице "Савое" комната 28 по вечерам ежедневно». «Такая же мастерская, но с более широкой программой, организуется непосредственно Профессиональным Союзом Художников Слова. В мастерскую будут приниматься все желающие. Преподавание будет происходить на русском и украинском языке. Намечены к преподаванию следующие предметы: 1) стиховедение, 2) теория языка, 3) построение прозы, 4) история русской поэзии, 5) теория драмы, 6) исторический эпос и т.д. Во главе последней мастерской стоят М.Алексеев, Межейко, Б.К.Лившиц, Крыжицкий, В.Петров, И.Эренбург. Запись принимается в Украинском клубе "Боротьба" (Пушкинская, 1)»⁸⁵.

Занятия в Мастерской Эренбургу запомнились: «Работал я также в "литературной студии": учил начинающих стихосложению (хотя я в то время писал расхлябанным "свободным стихом", ямб от хоря отличить я все же мог). Брюсов мне долго доказывал, что можно научить мало-мальски способного человека писать хорошие стихи /.../ А я в обучение поэзии не верил и не верю: в школе, как бы она ни называлась — студией, курсами, институтом или академией, — можно только научить читать стихи, то есть поднять эстетическую культуру учащихся. Среди учеников студии был вежливый, застенчивый юноша Н.Н.Ушаков. Я рад, что недолгая эпопея моего учительства не помешала ему стать хорошим

⁸⁵ Киевский театральный деятель Г.К.Крыжицкий спустя полвека вспоминал о Мастерской художественного слова: «Помнится, открыли отделения: киносценариев (в Киеве была тогда своя киностудия), поэзии (его возглавлял, разумеется, Эренбург), художественной критики, журнально-газетной работы и отделения драматургии» (Крыжицкий Г.К. Дороги театральные. М., 1976. С.93).

поэтом»⁸⁶. В воспоминаниях «Киев и его окрестности» Николай Ушаков вспоминал это время:

Эренбург ходил в те времена в пальто, волочившемся по тротуарам, и в испанской широкополой шляпе. Он был не то католик, не то православный. В комнате его на окнах, стульях и столах — всюду лежали сборники стихов /.../ В марте 1919 года организовался первый киевский подвал поэтов ХЛАМ /.../ Из подвала были видны австрийские ботинки мимоидущих красноармейцев. В «Хламе» подавали бифштексы и вино. Поэты просили, чтобы публика не звенела ложечками о стаканы. Эренбург читал по институтскому альбомчику о детях, играющих в революцию /.../ Киев был на военном положении. Эренбурга неоднократно арестовывали за поздние хождения по улицам и неизменно отпускали как поэта⁸⁷. Он основал мастерскую художественного слова, где читал, главным образом, сам, о чем придется, о детских стихах, об ассонансах, о благочестии и разбое Франсуа Вийона, о доброй любви протоиерея из Иты, о заговорах на зубную боль, о том, что Бальмонт похож на попугая и что невозможно читать Гумилева, так как достаточно уже одного Брюсова⁸⁸.

Один из учеников Мастерской, художник Н.И.Данилов, вспоминал:

Моя сестра, студентка киевских высших женских курсов, писала стихи и, прочитав объявление об открытии Мастерской художественного слова, вступила в число ее участников. Она с таким увлечением рассказывала о занятиях и об И.Г.Эренбурге, что мне захотелось познакомиться с этой необычной школой поэтов. Я пришел в Мастерскую и с этого дня стал посещать ее, даже в ущерб моей работе художника. Помню читавшего историю русской литературы молодого тогда Михаила Павловича Алексева, ныне известного академика, киевского поэта Владимира Маккавейского, теперь забытого. Иногда выступал с докладами Осип Мандельштам, но меня больше всего привлекали встречи с Эренбургом. Читал он нам: историю русской классической и современной поэзии, историю поэзии французской и испанской, старой и новой, сопровождая лекции чтением своих переводов стихов старых французских и испанских поэтов. Читал он с истинным поэтическим вдохновением, вызывая в сознании слушателей живой образ поэта, о котором говорил. Особенно запомнились мне его лекции о Франсуа Вийоне, Ронсаре. Он научил меня понимать и ценить дотоле казавшегося мне совершенно архаичным Державина и развенчал модного тогда Игоря Северянина. На первый взгляд Эренбург мог показаться непри-

⁸⁶ ЛГЖ. Т.1. С.293.

⁸⁷ Один из студийцев вспоминал стишки, которые прочел им по этому поводу Эренбург, там были строчки: «Повели голубчика / В губчека, в губчека...».

⁸⁸ Ветер Украины: Сборник. Киев, 1929. С.121, 122.

влекательным, так как не уделял ни малейшего внимания своей внешности. Всегда появлялся небритым, в одном и том же костюме: потертой, старой коричневой тужурке и темных измятых брюках, к тому же этот более чем скромный костюм обычно был посыпан пеплом, вылетавшим из трубки, с которой он никогда не расставался. Но стоило взглянуть в его лицо, особенно в необычайно выразительные глаза, увидеть его улыбку, то добрую и ласковую, то ироническую, чтобы навсегда покориться его обаянию. В ту пору он был очень общителен, разговорчив, любил пошутить, всегда остроумно, иногда бывал очень ироничен. Из студийцев мне запомнились Н.Н. Ушаков, ставший впоследствии известным поэтом, С.Л. Фридман и Надежда Пресман. Эта тройка, к которой следует прибавить и Наталию Данилову, составляла как бы основное ядро студии. Эренбург считал их наиболее одаренными. Их стихи были помещены в сборнике Мастерской. У меня хранилась рукопись его статьи «Поэзия как волшебство», опубликованной в сборнике Мастерской. Осталась она у меня потому, что я принимал участие в печатании сборника на гектографе. Считаю гибель этой рукописи большой утратой. Обложки для всех экземпляров сборника я рисовал от руки. Но и сборник погиб⁴⁹.

У Эренбурга сборник не сохранился, но в 1961 участник студии С.Л. Фридман прислал ему статью, которая здесь публикуется впервые по этой копии.

О ПОЭЗИИ (Случайные записи)

I

«В начале было Слово, и Слово было Бог» — является для нас не только божественным откровением, но и свидетельством о первоначальном назначении поэзии как искусства слова. Слово — действие, слово — творческое начало бытия.

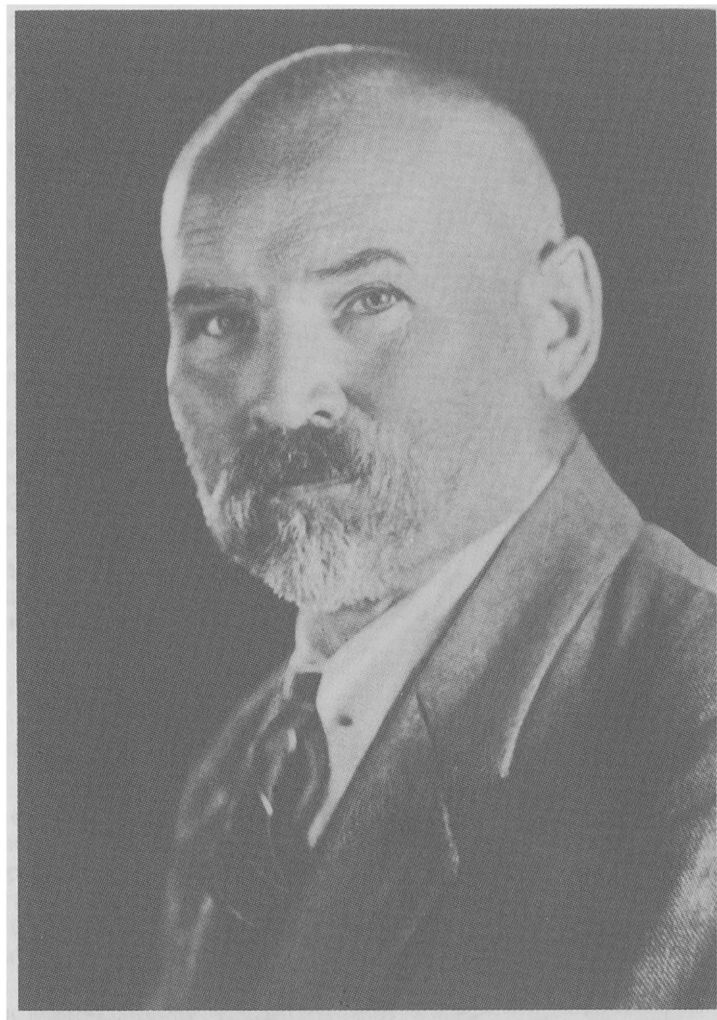
Сначала было создано слово — потом мир. Звезды, цветы, гады родились лишь тогда, когда Адам назвал их, называя, вызвал к жизни. Любой человек, в беспечности называющий любое слово, не знал, что он кудесник, что вызванные из небытия его голосом ручные привидения одарены ныне именем, а следовательно и плотью.

Поэзия возникла не от песни, не от повести, но от заговора, заклинания. Когда человек, пресытившись данной ему властью слова, перестал вещать и начал болтать, — данную тайну «Слова-

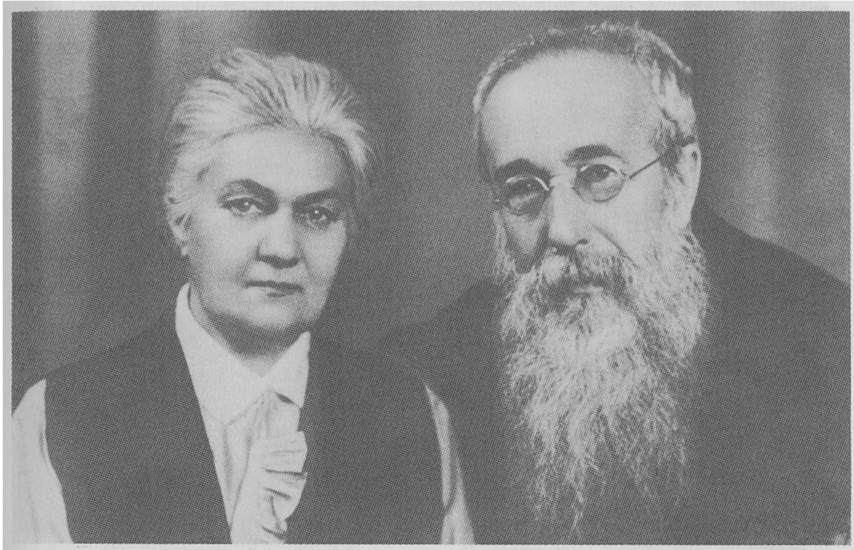
⁴⁹ Письмо к автору публикации от 19 июля 1976.

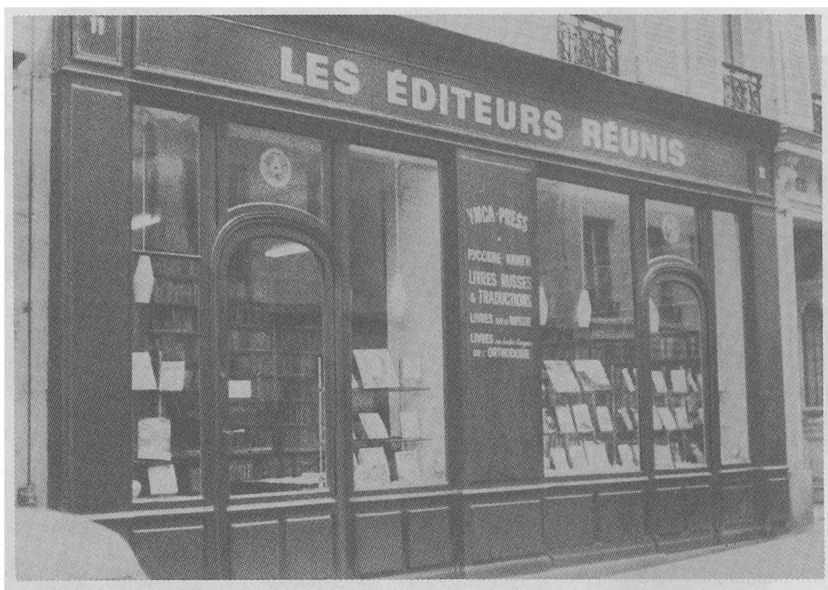
Д.А.Лутохин. Март 1916. Надпись: «Глубокоуважаемым и дорогим Антонине Федоровне и Алексею Васильевичу Пешехоновым. Далмат Лутохин. Июль 1927 г.». Из архива семьи Пешехоновых.

А.В.Пешехонов. Прага, июль 1927.
Из архива семьи Пешехоновых.

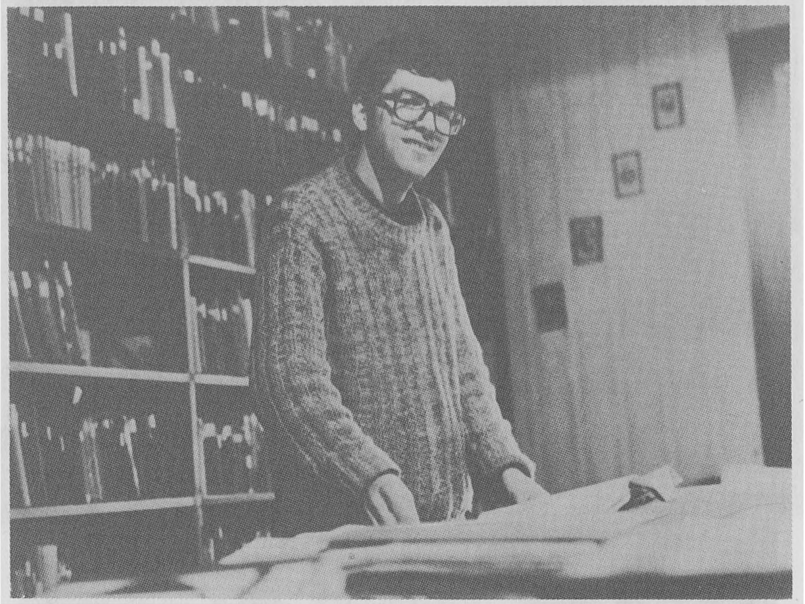
Н.Ф. и В.А.Розенберги. Прага, 1928.
Из архива семьи Пешехоновых.

Магазин «Les Éditions Réunies» и издательство «ИМКА-Пресс».
Париж, 1970-е.

Слева направо: В.Е.Аллой, Р.Г.Аллой, Н.А.Струве.

Г.Николаев в Библиотеке им.Гоголя. Рим, 1977

Вечер трех эмиграций. Слева направо: В.Е.Максимов, В.Е.Аллой,
Н.А.Струве, М.Михайлов, З.А.Шаховская, А.И.Гинзбург,
И.А.Иловайская, Н.Е.Горбаневская, В.К.Буковский, Л.И.Плющ.
Париж, 1979

К. Олимпов. Рис. И. Е. Репина. 1913.
(Опубл.: Очеретянский А., Янчек Дж.
Антология авангардной эпохи: Россия.
Первая треть XX столетия: Пoesия.
Н.-И.; СПб., 1995. С. 163).

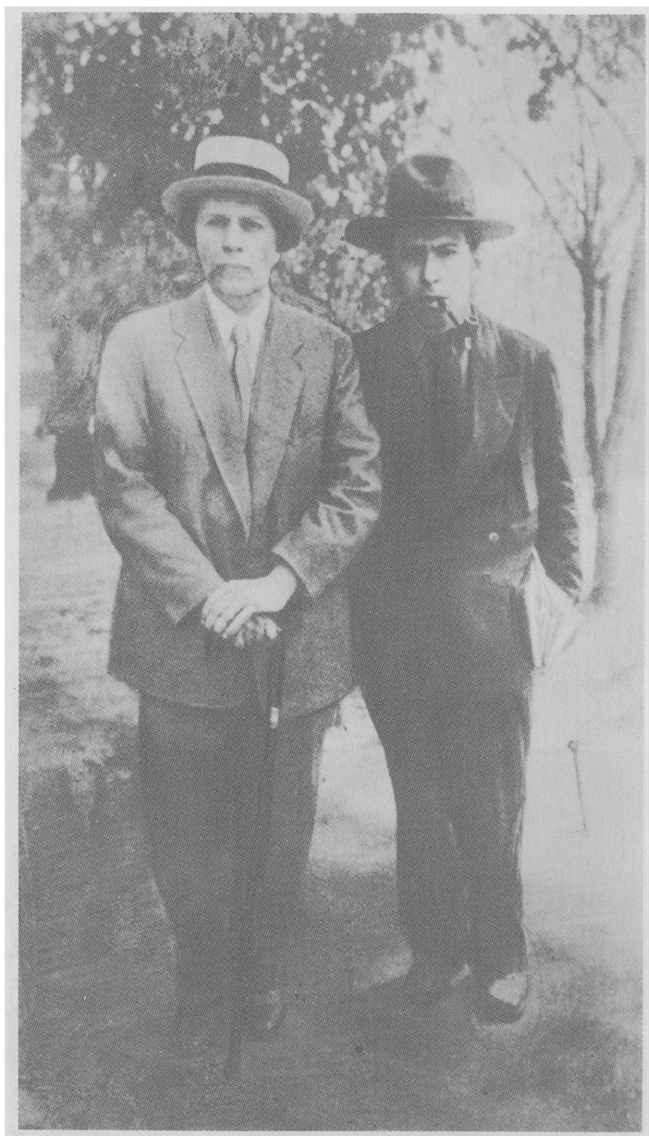
Константин Олимпов. 1914.
Из архива В. Л. Борисовой (С.-Петербург).

Борис Смиренский. 1920-е.
Собрание А.Л.Дмитренко.

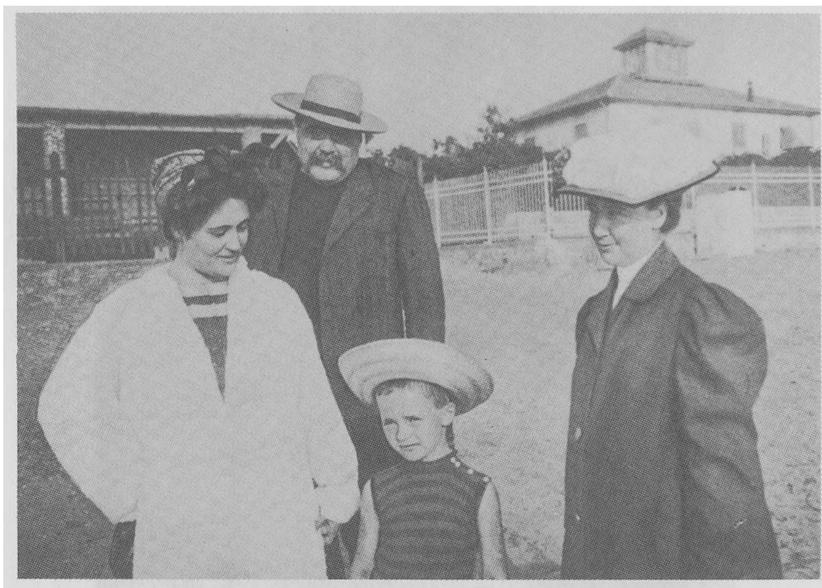
Владимир Смиренский.
На обороте: «Милому Боре на память
о брате Владимире. 1928. СПб.»
Собрание А.Л.Дмитренко.

А.Н.Толстой и И.Г.Эренбург. Москва, Тверской бульвар, лето 1918.
Собрание Б.Я.Фрезинского.

А.В.Амфитеатров. СПб, нач.1900-х. Фотоателье Е.Мрозовской.
Lilly Library.

И.В. и А.В.Амфитеатровы, их сын Даниил и неизвестная дама.
Кави ди Лаванья, 1907. Lilly Library.

Ринальдо Кюфферле. 1920-е. Lilly Library.

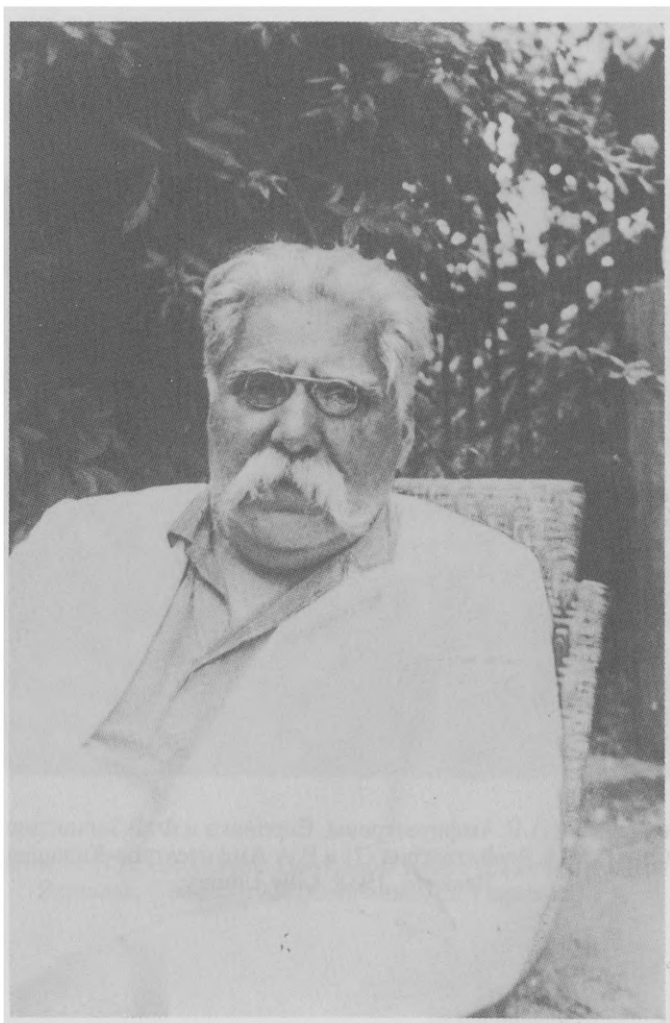

Похороны М.П.Арцыбашева. На первом плане - Д.В.Философов.
Варшава, 5 марта 1927. Собрание А.Е.Парниса.

Сидят: И.В. и А.В.Амфитеатровы, Вероника и Ф.Ф.Зелинские (?).
Стоят: М.А.Амфитеатров (?) и В.А.Амфитеатров-Кадашев.
Леванто. 1935. Lilly Library.

А.В.Амфитеатров. 1937. Lilly Library.

Бога» сохранил цех людей, всеми презираемый и в то же время у всех вызывающий поклонение, — это кудесники, маги, знахари. Это наши прародители. Знахарь мог заставить нелюбящую полюбить, дождь хлынуть на сухие нивы, змею спрятать жало, кровь остановить, чтобы не бежала из раны.

Слово несло жизнь, любовь, смерть. «Что меч перед словом?» — говорят кастильцы.

Действительно, мечом можно убить, но только слово воскрешает мертвых, вызывает воду из камня, останавливает течение светил.

Чтобы понять высокое назначение поэзии, надо забыть легкомысленные игры провансальских труверов, жонглировавших словами, потерявшими вес и силу. Лучше повторить заговор темного олонецкого знахаря, который он шепчет над строптивой коровой: «Господи Боже, благослови! Как основана земля на трех китах, на трех китищах, как с места на место земля не шевелилась, — не дай ей, Господи, ни ножного лягания, ни хвостового махания, ни рогового бодания. Стой горой и дой рекой, озеро сметаны, реку молока. Ключ и замок словам моим».

II

Для современного человека в его жизни слово только передаточный аппарат, средство наиболее точного выражения его мысли. Кто в жалкой лаконичности нашей речи, подобной языку телеграмм и пошлой болтовне гостиной, в коммерческом кодексе газет и митингов распознает черты божественного слова? Только в немногие, исключительные по своей важности минуты жизни человек произносит слово как таковое, пытаясь им достичь того, перед чем бессильна ясная мысль.

Вдумайтесь в то, как мы повторяем молитву. Разве нам важен логический смысл просьбы или восхваления, а не их таинственная сила? Ведь «Отче наш» — это заговор. Мы заговариваем Бога, и каким прекрасным в своей древности является для нас темное «аминь» — замок и ключ, слово из слов.

Когда человек действует мыслью, он осуждает, порицает. Но высшее орудие, «бессмысленное» проклятие, только оно неправомерно рассекает цепь, связующую людей; когда увещевания, доводы рассудка бессильны, человек вспоминает наивные почти младенческие мольбы, ибо только слово может спасти от неизбежности.

В любовных признаниях, нежном шепоте, меж поцелуями двух влюбленных менее всего желания точно и ясно выразить

степень и характер своего чувства, — каждое слово — приворотное зелье — действие, ранящий душу поцелуй. Имена, которыми крестят друг друга возлюбленные, почти никогда не взяты из святцев. Это магические формулы, и поэт Баратынский хорошо знал их силу, веря, что таким «своенравным» названием он после смерти призовет к себе из хаоса мертвую подругу, преодолев разлуку и смерть⁹⁰.

Молитва, бранный клич, мольба умирающего, любовные ласки — вот кельи, в которых хранится еще огонь слова. Это минуты, а из дней, годов он изгнан, и, бережно подхваченный поэтами, перенесен в стихи. Знаю, что сие покажется забавным, но повторяю: Сологуб и Иннокентий Анненский из томиков затрепанных выходят и ворожат над изумленной «любительницей» поэзии, как знахарь над бодающейся буренушкой. К прискорбию, иные поэты забывают о тайне цеха, они соблазняются легкой добычей мысли, перестают заговаривать, и начинают уговаривать.

«Проза» Ремизова, Белого, Сологуба — это «поэзия», то есть победа с помощью слова; стихи Брюсова — научная поэзия; произведения «Пролеткульта», экзотический «Бедекер» Гумилева и другие — только проза, мыслью облаченная в одеяние поэзии, с легко обретаемыми в каждой костюмерной (или, по-современному, — студии стиховедения) бубенцами рифм и картонными латами ямба или анапеста.

Левозсеровские газеты Киева дают хронику интенсивных литературных выступлений Эренбурга весной 1919. 6 апреля, в «День пролетарской культуры», Эренбург выступил в Консерватории на вечере народной поэзии. 7 апреля он читал отрывки из книги «Лик войны» в ХЛАМе. 14 апреля выступил в театре «имени тов. Ленина» (бывш. «Соловцов») на вечере искусств. 15 апреля в ХЛАМе Эренбург прочел доклад «Сущность поэзии». 17 апреля принял участие в диспуте «Классовая теория и диктатура пролетариата в искусстве» (о нем — ниже). 24 апреля Эренбург участвовал в диспуте о современном искусстве в зале Купеческого собрания, переименованного в «Дом пролетарского искусства». Этот диспут анонсировался как «Вечер искусств» с участием актрисы В.Юреновой, поэтов И.Эренбурга, О.Мандельштама и Н.Венгрова и режиссера К.Марджанова, но в газетном отчете именовался уже диспутом; о выступлении Эренбурга рассказывалось так: «Последним оказался поэт Эренбург, который прочел декларацию вместо доклада. В декларации, написанной довольно ярко, много достается тем, кто желает декретами создать новое искусство. Это место самое сильное в декларации. Много достается и "презренному" материализму современному. Доклад Эренбурга был

⁹⁰ Имеется в виду стихотворение Е.А.Баратынского «Своенравное прозвание» (1834).

направлен против некоторых угодливых казенных поэтов, сочиняющих мадригалы. Несомненно, это был самый живой, самый интересный доклад /.../ Затем говорили другие /.../ И еще один человек в черной косоворотке негодовал на Эренбурга, обозвал его буржуазным поэтом» (Перец. Сапоги всмятку // Борьба. 1919. 27 апреля). 28 апреля Эренбург участвовал в «Вечере искусств» в театре им. Ленина. Этот вечер много раз откладывался и вызвал газетные отклики. «Совершенно непонятно, какие цели вечер преследовал, — недоумевал корреспондент "Борьбы". — Если цели ознакомления публики с творчеством художников сегодняшнего дня во всех областях искусства, то при чем тут Вл. Маккавейский, которому слишком много внимания было уделено на вечере? /.../ Может быть, прав поэт Мандельштам, который бросил развеселившейся выступлением Вл. Маккавейского публике гневный упрек в неумении вести себя, но права и публика, которая шикала, ибо она охотно посещает все диспуты об искусстве, жадно ловит каждое новое слово о зарождающемся пролетарском искусстве от лиц, которые призваны, по недоразумению, его вершить, и которой взамен хотя бы просто понятных положений об искусстве, пусть в корне неверных, преподносят туманные постулаты В.Маккавейского. Под знаком игривого настроения прошло все литературное отделение вечера и жаль, что по вине Вл. Маккавейского скомканным в восприятии слушателей прошло выступление всегда интересного И.Эренбурга» (30 апреля 1919).

Диспут о диктатуре пролетариата в искусстве проводила 17 апреля Дискуссионно-академическая комиссия Наркомпроса Украины. Сохранилась стенограмма четырех заседаний диспута⁹¹, начавшегося несколькими докладами. Текст первого доклада (т.Терапьяно) не сохранился⁹²; вторым по программе был доклад Эренбурга.

Доклад т.Эренбурга

Прежде всего, дабы товарищам были вполне ясны мои мысли по указанному вопросу, я считаю необходимым отметить свою полную неуверенность в подлинности революционного духа пролетариата. Я полагаю, что современная культура, глубоко материальная и механическая, столь цинично оголенная в годы, предшествовавшие войне, действительно потрясена в своих основах вихрем войн и революций. Те стихийные силы, выявителями которых порой бессознательно являются и изобретатели танков, и главари каких-нибудь башкирских совдепов, не подчинены нашим осознанным законам и полны неожиданности. Я не знаю, беремен ли пролетариат новым сознанием или, наполненный чисто мещанским духом, он тщательно пытается направить воды потопа в

⁹¹ ЦГА высших органов власти Украины. Ф.166. Оп.1. Ед.хр.619. Л.6-63.

⁹² Этот доклад значился в программе, но, возможно, не был произнесен.

канонические каналы и будет смыт ими как часть неотделимая умирающего мира. Вне творчества религиозного сознания я не мыслю расцвета нового искусства, и для меня остается тайной, взойдет ли оно в мыслимых пределах нового социального строя или на пепелище всей городской машинной культуры.

Совершенно очевидно, что новые формы жизни, иные горизонты грядущего человека создадут и новые для нас формы искусства. Сущность искусства, исходящая из тех же таинств рождения, любви и смерти, пребывает во все времена неизменной. Поскольку эти двигательные силы не отменяются никакими революциями, надо признать, что постигаемое нами искусство новой эпохи в своей сущности будет мало отличаться от искусства Вавилона или жителей островов Маори. Остается революция формы, перерождение плоти искусства. В современном искусстве имеются многие симптомы этого мучительного периода, причем вновь для меня остается окончательно невыясненным вопрос — что это: трудные роды или агония.

Если не верить в то, что пролетариат принес миру новое зрение, нельзя говорить о классовом пролетарском творчестве. Все художники, выявлявшие разноликую динамическую душу нашей эпохи, являются детьми и выявителями революции. Вечное они выражают во временном и современном. Абстракта «вечного», разумеется, не существует, ибо меняются образы, язык и даже ритм. Поэтому все художники, не претворяющие вечного в сегодняшнем, его выявляют в устаревших и отживших формах вчерашнего дня. Безусловно, можно отделить искусство живое от ретроградного, реакционного, которое должно погибнуть в огне наших дней. Если условно принять пролетариат как единственного активного поджигателя и зодчего, следует все живое современное искусство определить как «пролетарское». Война и мятеж, пренебрежение материальными благами во имя духовных и жажда наибольшего использования земных усад, религиозное томление, фанатический атеизм, озверение, взрывы этического иступления — все это является положительными движущими силами и моментами современности. Выявление их в искусстве — задача художника, независимо от того, пришли ли они из кабинета или от станка.

Возможно, конечно, насаждение и «пролетарского» искусства в ином смысле этого слова, а именно — обслуживающего политические и экономические потребности данного класса. Как и всякое служебное искусство, этот вид творчества мне представляется мало значительным. По отношению к истинному искусству оно будет занимать такое место, как профессиональные рыцарские

баллады по отношению к эпическим песням, или Игорь Северянин—адюльтерные пьесы по отношению к Достоевскому—Владимиру Соловьеву.

Всякие попытки оформления искусства нового человечества равносильны сознательной организации преждевременных родов. В руках любопытствующего окажется мертвый зародыш первого месяца, по которому нельзя будет определить даже общих очертаний. Мы можем лишь признать отдельные моменты в современном искусстве предчувствиями грядущего, хотя — я снова повторяю это — все наши исчисления могут быть развеяны космической бурей, и для внуков наши творения будут казаться только предсмертной судорогой и бредом.

Надо прежде всего отбросить мысль, часто высказываемую, о том, что пролетариату или, вернее, новому человеку в неклассовом обществе, будут свойственны одни из основных человеческих положений и чужды другие. «Динамика, но не статика», «бодрость, но не отчаяние», «радость, но не скорбь» и прочее... Если основные законы бытия не отменяются никаким переворотом, очевидно, что не только человек грядущего мира, но и пролетарий, живущий в наши неистовые дни, разнолик и многогранен. Пока существует осень, беременность и материнство, сумерки, старость, в искусстве будут выявляться и созерцательные, спокойные, монументальные этапы человека. Пока не разрешен трагический конец жизни, смятенье страстей, смерть — в искусстве будут полноправны отчаянье и скорбь.

Но если верить, что настоящий сдвиг предшествует созданию большого искусства, следует признать, что всякие переходные мелкие моменты (наслаждение, грусть и пр.) уступят место полновзвучным чувствам восторга и безнадежности. Вместо мистических полутомных элегий — оды и псалмы, вместо комедии и драмы — мистерии и трагедии. Также должны отмереть выявления индивидуальных нюансов, завитков и особенностей, сменившись воссозданием единой соборной души человечества. Искусство вновь должно стать всенародным.

Итак, вот вам основные мысли. Искусство не может быть классовым. В наши дни оно может быть лишь выявлением переходной эпохи и неведомого мира бури и всего хаоса бранных кличей и молитв. Единственный показатель искусства будущего — воссоздание наших дней, независимо от того, из какой среды вышли творцы. Намечающиеся начала нового искусства — его полнотонность и соборность.

Относясь так к классовому пролетарскому творчеству, я несколько затрудняюсь ответить на вопрос о «диктатуре пролета-

риата в искусстве», тем более, что формулировка для меня отнюдь не ясна. Я не знаю, идет ли речь о классовой диктатуре пролетариата в искусстве, о творческой диктатуре или о его давлении на разноклассовых творцов. В первом случае идея мне представляется прежде всего неосуществимой, ибо всякая диктатура предполагает наличие диктатора. Известные мне образцы творчества рабочих слишком примитивны и художественно реакционны для того, чтобы сыграть какую-нибудь роль в развитии новых художественных форм. По своей идеологии мало чем отличаясь от малых писателей, выразителей материалистического и, я бы сказал, крайне буржуазного мировоззрения, они остаются учениками представителей тенденциозного псевдоискусства. Можно спорить и гадать о том, что дадут они в будущем, но ныне их создания — копии и перепевы. Отсутствие нового содержания и реакционность формы не искупаются обилием революционных тезисов или многообещающих обещаний. Совершенно очевидно, что теперь, в 1919 году, ученики студии «Пролеткульта» не могут быть диктаторами.

Остается предположить, что речь идет о диктатуре над искусством, то есть об организационном воздействии на художников. Крушением былых форм и, быть может, созданием новых революция действует на творцов, но всякая мысль об ином воздействии, о прививке определенной идеологии или о декретировании каких-либо творческих форм была бы безумием. Являясь по своему существу свободным, искусство не потерпит никакого административного следствия. Я прошу прощения, что высказываю здесь общеизвестные истины, но меня принуждает к этому сама постановка вопроса.

Итак, неприемлемы, да и неосуществимы, ни диктатура пролетариата в искусстве, ни диктатура пролетариата над искусством. Единственно правильным было бы воспользоваться полнотой власти для раскрепощения искусства, которое было связано тысячью телесных пут в буржуазном государстве. Всякое подлинное выявление живого духа, как бы далеко ни было оно от канонов марксистского понимания или от произвольно намеченных контуров будущего устройства мира, должно приветствоваться и поощряться. Переживаемая нами мировая катастрофа глубже и таинственнее программ, теорий, наших споров и резолюций. Художник в творческом сне видит шире и глубже, чем историк или социолог.

Я неоднократно указывал на свои сомнения, и на сей раз остается закончить вопросом, будут ли соответствующие государственные учреждения пытаться ввести творческий океан в русло постановлений различных комиссий или, наоборот, помогут бу-

шующим волнам снести плотины, установленные прошлыми веками?

Докладчики, выступавшие вслед за Эренбургом, читали заготовленные тексты и его острого выступления не комментировали. Иные из них понимали несостоятельность концепции пролетарского искусства, но, опасаясь говорить об этом прямо, предпочитали, как В.Маккавейский, изъясняться витиевато и бессодержательно, либо, как Б.Лившиц, откровенно критические пассажи («О классовой теории говорить не приходится: прорыв в вечность, коим знаменуется рождение истинного произведения искусства, есть прежде всего разрыв с временем /.../ Диктатура в искусстве мыслится только метафорически») окружали длинными туманными, а то и заумными рассуждениями об искусстве как таковом. Писатели, заискивавшие перед властью, пели дифирамбы пролетариату (Н.Венгров: «Происходит пролетаризация искусств /.../ Не единица, а коллектив, масса, не комната, а улица, площадь, мир — вот что должно зажечь искусство грядущего»; особенно старавшийся Л.Никулин: «Теперь пролетариат своей сплошной массой вытесняет старое искусство. Темнота прошла. Рабочие приходят к творчеству сознательно»). Чиновникам Наркомпроса было легче: их не связывали никакие условности; некто т.Гереншафт настаивал на необходимости решать все проблемы искусства декретами: что запрещать, а что разрешать.

Я.З.Черняк первым из докладчиков отозвался на речь Эренбурга: «Я считаю доклад т.Эренбурга глубоко реакционным. Идея религиозной соборности, как бы ни понимать ее, увлекает на ложный путь. Необходимо совершенно уничтожить религиозность и создавать коллектив. Психология коллектива должна вытеснить психологию личности. Неправильна мысль, будто в огне сегодняшнего дня сгорит пролетариат и культурные ценности. В огне сгорит только часть мира, враждебная пролетариату. Пролетарское искусство имеет все права на существование. Пролетариат не нуждается, чтобы его учили творчеству».

Собственно дискуссию открыл сам Эренбург.

Выступление т.Эренбурга

Я читал доклад первым, когда формулировка вопроса «Классовое творчество и диктатура пролетариата в искусстве» была недостаточно ясна. Я не собираюсь теперь возражать тому или другому из высказывавшихся ораторов — хотел бы синтезировать свою точку зрения в связи с выставленными противной стороной тезисами. Тема делится на 2 части: 1) Классовое творчество, 2) Диктатура пролетариата в искусстве. Второй вопрос поставлен особенно ясно и подчеркнут т.Гереншафтом. Коснусь первого вопроса. Меня упрекают, что я говорю о неизменной сущности искусства и об изменчивости формы и содержания. Говоря о не-

зыблемости искусства, я говорил о тех вечных тайнствах природы — рождении, любви и смерти, которые являются вечно сущными, неизменными. Изменяется содержание искусства, образы греческих богов сменяются христианской мифологией, но не это является сущностью в смысле эволюции художественного творчества. Я говорил, что искусство, черпаясь из непреходящего, говорит преходящими формами. Формы меняются. Каждая современность имеет свое искусство. Если акт бодрой силы нашего современного общества является пролетарским, то бодрое, живое в искусстве является искусством пролетарским, независимо от кого оно исходит, и наоборот. Таким образом, Ремизов является пролетарским поэтом, а Демьян Бедный — буржуазным. Вы по себе, по своей современной психологии стараетесь предвосхитить психологию будущего — 20-30-х годов. Разве это не есть организация преждевременных родов? Интересно то, что по психологии переходной эпохи вы стараетесь определить психологию эпохи, еще не родившейся. Скажу несколько слов т.Гереншафту. Вы понимаете пролетарское искусство как искусство служебное. Если бы такое понимание искусства было принято всеми, оно свелось бы к плакатам для Красной Армии. Во все эпохи было искусство служебное. И буржуазия имела свое служебное искусство. Вы же хотите сделать для пролетариата все искусство служебным. Для искусства это задача вредная. Поэзией и раньше пользовались для целей, ей враждебных. Это является плохим пережитком буржуазного строя, но отнюдь не задачей грядущего искусства. Можно создать служебное искусство, но, когда мы говорим об искусстве, мы говорим о великом искусстве нашей эпохи, называя его либо пролетарским, либо современным. Организация пролетарского служебного искусства не относится к нашей задаче, а должна быть отнесена к другим учреждениям.

Перейдем теперь ко второй части темы — о диктатуре пролетариата. Воздействие жизни и современности на творца не может быть никем отвергнуто. Революция действует на художника, но в таком смысле не приходится говорить о диктатуре пролетариата в искусстве. Жизнь действует на художника, преобразуя формы и изменяя его. В полемике с т.Гереншафтом т.Войтовский все старался смягчить острые углы, но все же затронул вопрос по существу: допустима ли диктатура или нет? Т.Гереншафт предложил реальные средства — закрыть рынок: если не будут писать известным образом, книги не будут покупаться. Но вопрос, будет ли ценно такое творчество или в результате получится ненужный никому материал, хлам? С таким подходом к искусству нельзя говорить в плоскости защиты искусства самого по

себе, даже о техниках-специалистах вопрос ставится так, что одним принуждением ничего не сделаешь. Я рад, что на такую точку зрения не стал ни один из выступавших здесь представителей советской власти.

В вопросе о диктатуре может быть решение: или принять точку зрения т.Гереншафта, или вопрос снять, ибо диктатура есть действительное начало, а не дискуссионное. Если же диктатура представлена как декларация прав пролетариата в искусстве, то это излишнее, ибо практически права осуществлены.

Вся дискуссия по второму пункту доказывает полную несостоятельность темы, если не стать на точку зрения т.Гереншафта. Я приветствую эту речь, т.к. она была деловой и расшифровала те речи, которые здесь произносились нерасшифрованными.

Новый тур полемики с Эренбургом открыл Гереншафт: «Я не обладаю эрудицией т.Эренбурга, к вопросу подхожу практически. Если бы жизнь оставалась неизменной, мы могли бы заниматься искусством для искусства, но если перед нами стоит вопрос служения народу, у нас нет возможности заниматься такой бесполезной роскошью. Надо работать для того, чтобы и народ воспринимал утонченные формы искусства. Если мы проведем параллель между утонченным т.Эренбургом и не имеющим элементарных познаний Иваном, то я скажу — пусть лучше исчезнет один утонченный эстет, чем тысячи людей пойдут в рабство». Эстафету подхватил партийный публицист и «теоретик» т.Рожицын (позднее, вспоминая «свободу искусств» в красном Киеве, Эренбург назовет ее «муштровкой Рожицыных»⁹³): «Мы ведем борьбу, в результате которой одна сторона восторжествует, а вторая окажется уничтоженной. Не сомневаюсь, что последняя участь постигнет т.Эренбурга. Восторжествует т.Гереншафт. Это неизбежно /.../ Т.Эренбург, безусловно, является крайним реакционером в области созидания. Сейчас идет дело о творчестве культурных ценностей, и искусство имеет значение, поскольку лежит в плоскости воплощения новой культуры /.../ Романтика прошлого, ведущая бой с настоящим, может заключать в себе красоту, но она бессильна. Когда я знаю, что здесь присутствует Л.Шестов, я думаю о его книгах, как о прошлом, которое ликвидировано современностью /.../ Все прошлое омертвело; творчество возможно только в рамках диктатуры пролетариата в искусстве, а вне этого творчество невозможно. Тов. Эренбург отстаивает высшие ценности, но уже умершие».

Неизвестно, собирался ли выступать на диспуте философ Лев Шестов, но после реплики Рожицына он взял слово.

---

⁹³ Амбир с цветочками // Киевская жизнь. 1919. 5 октября; с взглядами Рожицына Эренбург был знаком и до его выступления на диспуте: так, 14 апреля 1919 на вечере искусств в театре им. т.Ленина, где Эренбург выступал с чтением стихов, В.Рожицын читал доклад «Строительство пролетарского искусства» (ЦГА высших органов власти Украины. Ф.1738. Оп.1. Ед.хр.49. Л.10).

Я не вполне убежден, что мне удалось освоиться с темой. Повидимому, в вопросе есть две стороны: более теоретическая и более практическая. 1) Может ли пролетариат стать властителем дум, устранить прежних властителей и сам заговорить? или 2) Нужно ли выработать средства, чтобы заставить современных художников и писателей работать нужным для пролетариата образом? Следует эти две темы разделить. Начнем со второй.

Если бы мы это затеяли, то это было бы узурпацией прав пролетариата: с какой стати мы решаемся ограничить право общения пролетариата с писателями, художниками? Какое сомнение может быть в том, что пролетариат имеет право на все сокровища литературы, искусства?

Далее, может или должен пролетариат выступить с новыми идеями? Это не вопрос. Предрешить вопрос, что будет делать пролетариат, невозможно. Почему мы знаем, что он откажется от V века эллинской культуры⁹⁴? Мы не убеждены, что ему захочется забыть все прошлое и делать все по-новому. Я вспоминаю мимолетный разговор с народным поэтом Шишениным в Москве. Это было в то время, когда в Москве ждали прихода немцев. Все страшно волновались. Волновался и я. Шишенин спросил меня: «Чего вы волнуетесь?». Я ответил. «Нечего волноваться, — сказал он. — Праведники живут и при немцах». Совершенно для меня неожиданно народ стал на точку зрения праведников, живущих и при немцах. Мы не должны хотеть чем-нибудь стеснять народ. Если мы верим в него, дорожим возможностью дать ему выявить себя, самым правильным будет предоставить ему полную свободу проявления творчества — пусть читает, что хочет, пусть смотрит, что хочет. Революции уже происходили, вспомним великое переселение народов, но христианство, которое убило язычество, не убило V век эллинской культуры.

Смысл слова «диктатура пролетариата» — один: всеми способами помогать народу использовать завоеванную свободу, чтобы он получил доступ ко всем сокровищам культуры, чтобы мог творить.

Большинство участников диспута высказывалось достаточно путанно и неопределенно, но две позиции были заявлены вполне отчетливо:

---

⁹⁴ Вопрос в связи с тезисом Рожицына: «В прошлом есть ценности гораздо большие, чем вся современность, возьмем 5-й век эллинской культуры. Но нельзя из-за этого отказаться от современности».

идеологов диктатуры пролетариата в искусстве и их противников; в качестве этих последних в сознании участников диспута закрепились Илья Эренбург и Лев Шестов (в заключительных выступлениях их имена упоминались слитно и в негативном контексте).

В глазах большевистских властей Киева Эренбург стабильно выглядел скрытым врагом. Еще 27 марта «Известия исполкома Киевского Совета рабочих депутатов» напечатали рецензию на книгу стихов Эренбурга «В смертный час», подчеркнув в ней, что «книжка И.Эренбурга как нельзя лучше выявляет настроения мещанства во время революции, его смертельный страх, испуг, недоумения, чувство ужаса и жажду мести». «Мы бы и не уделили столько внимания небольшой книжке Эренбурга, — замечал рецензент, — если бы не считали настроения, выраженные в ней, крайне характерными для буржуазного интеллигента. Чувство страха, как известно, имеет свойство сублимироваться, переходить в озлобление и ярость. Эта трансформация испуга мещанского как нельзя ярче проявляется и у нашего автора, когда он живописует участников революции. Герои и борцы революции в воображении перетрусившего буржуазного интеллигента не люди, а звери-чудовища». 6 июня киевская газета «Коммунист», как бы подводя итоги общественно-литературной деятельности Эренбурга в Киеве в связи с выпуском сборника «Революционное искусство», где было напечатано его стихотворение, констатировала: «Есть, разумеется, в сборнике и вездесущий Илья Эренбург, который для кокетства делает вид, что не приемлет пролетарской революции, хотя в сущности обязан ей больше, чем своему завоеванию. Ибо что же как не революция на Украине превратила Эренбурга из малозаметного поэта в лидера целой группы юных поэтов, к услугам которых и дом пролетарского искусства, и советская трибуна, где они под флагом борьбы за чистое искусство "взрывают" несостоятельность декретов о выселении буржуазии».

Неожиданным образом реплика о «кокетстве» аукнулась шесть месяцев спустя в Ростове, где Эренбург находился месяц проездом в Крым и где печатал резкие антибольшевистские статьи в «Донской речи», одновременно состоя сотрудником деникинского ОСВАГа⁹⁵, — 5 декабря 1919 газета «Вечернее время» (редактор Б.А.Суворин) поместила реплику, в которой напомнила Эренбургу «большевистский Киев, артистический погребок "Хлам", где он развлекал комиссаров, приехавших отдохнуть

⁹⁵ О работе Эренбурга в ростовском ОСВАГе пишет Г.Н.Михайловский (Записки. Т.2. М., 1993. С.276): «Во главе литературного отдела [ОСВАГа. — Б.Ф.] стоял Е.Н.Чириков /.../ Впрочем, должен сказать, что и помимо Чирикова в ОСВАГе и его окружении были литераторы: Илья Эренбург, служивший в ОСВАГе, Борис Лазаревский, Любовь Столица; из молодых Александр Дроздов, тогда только начинавший свою писательскую деятельность, и горе-поэт, но более удачливый художник-кубист с громкой фамилией Голубев-Багрянородный. Все эти беллетристы так или иначе были причастны к ОСВАГу; а Илья Эренбург совместно с И.Я.Билибиным, ведавшим художественным отделом ОСВАГа, издавал литературно-художественный орган "Орфей" (подобие известного петербургского "Аполлона"). Впрочем, этот "Орфей" так и не вышел, хотя все материалы были готовы и часть вещей была напечатана».

после работы в чрезвычайке, сотрудничество в "пролеткульте", милостивое разрешение советской властью устройства литературных вечеров, похвалы большевистских критиков»⁹⁶.

Эренбург был взбешен и на следующий день «Донская речь» напечатала его ответ:

«ВЕЧЕРНЕМУ ВРЕМЕНИ»

В только что освобожденных от большевиков городах происходили порой кошмарные сцены. Какая-нибудь торговка, заведев человека в широкой шляпе с физиономией, ей не понравившейся, заявляла: «Вот комиссар». И толпа всю свою ненависть к свергнутым палачам вымещала на злополучном прохожем. У торговки есть одно только оправдание — она торговка, ее мир — темный жестокий базар. Этого оправдания нет у г.редактора «Вечернего времени», который обвинил меня в большевизме. Стыдно, не приводя никаких доказательств, обвинять кого-либо «вором» или «шулером», а г.редактору «Вечернего времени» не менее меня известно, что слово «большевик» звучит еще оскорбительнее.

Анонимный автор заметки уверяет, что я служил в «пролеткульте». Это ложь. Далее он говорит, что большевики «милостиво разрешили» мне выступать публично. На самом деле я прочел три лекции: о духовных стихах, о Пушкине и о Бальмонте. Лекции эти были устроены частным образом. Моя лекция о Тютчеве была запрещена комиссаром Ческисом, заявившим, что «читать о черносотенце нельзя». Еще раз я выступил на публичном диспуте об искусстве с резким протестом против мерзости «пролеткультов». Моя речь, явно поддержанная публикой, обратилась в антибольшевистскую демонстрацию, и на следующий день «Коммунист» возмущался тем, что я «хожу на свободе» да еще собираю вокруг себя «буржуев, недовольных реквизициями».

Автор заметки ставит мне в вину похвалы большевистских критиков. Возможно, что какой-нибудь очень наивный или очень хитроумный большевик смог использовать какую-нибудь строфу из моих стихов. Большевистских похвал я не читал, зато читал о своих книгах две статьи. Их названия хоть и малопристойны, зато выразительны: в московских «Вечерних известиях» была помещена обо мне статья «Певец и вдохновитель белогвардейской сволочи»⁹⁷, в киевских «Известиях» — «В час смертельного стра-

⁹⁶ Реплика «"Экватор" г. И.Эренбурга», подписанная инициалом «Я.», — отклик на статью Эренбурга «В защиту экватора», напечатанную в «Донской речи».

⁹⁷ В московских и питерских газетных хранилищах комплекты московской газеты «Вечерние известия» неполны; номера с этой статьей в них нет. (Сообщено В.В.Поповым).

ха»⁹⁸. Книга моя «Молитва о России» была конфискована. Полагаю, что все это мало похоже на «похвалы» и «милостивые решения».

В кафе «Хлам» я стихи читал, притом и стихи из книги «Молитва о России». Насколько это «развлекало комиссаров», сужу по тому, что один из них, некто т.Кулик, учинил скандал, назвал меня «белым гробокопателем». После сего устроителями кафе было предложено выключить меня из числа выступающих.

Заметка грозит мне тюрьмой за то, что я с «комфортом сидел на большевистском полюсе». Этот «комфорт» выразился в следующем: избивание меня красногвардейцами в Москве, арест, бегство на юг, киевская губчека, ночевка у добрых знакомых и пр.

Я ответил на ложный донос, полемизировать же с его составителем не хочу. Мои статьи могут не нравиться «Вечернему времени». Статьи «Вечернего времени» могут не нравиться мне. Но есть нечто вне политических споров, борьбу идей и различия убеждений: это совесть, правда, честь. Переступить их безнаказанно нельзя. Моя деятельность в Москве и в Киеве известна многим, мои книги и статьи доступны для всех. Я приглашаю г. редактора «Вечернего времени» или доказать эти тяжкие обвинения, или публично признаться в преступном легкомыслии⁹⁹.

Автопортрет Эренбурга эпохи большевистского Киева, каким он написан в отповеди «Вечернему времени», что и говорить, упрощен. Понятно, что в 1919 Эренбург не был поклонником советской власти, но на первых порах (март-апрель 1919) он, естественно, искал способ существования с ней и нашел его. О его работе в киевском Наробразе по обследованию детских исправительных заведений и по оказанию помощи детям-беженцам подробно рассказала в своих воспоминаниях тогдашняя коллега Эренбурга искусствовед Е.Ю.Спасская («Именно благодаря настойчивости и отзывчивости И.Г.Эренбурга в Киеве многое было налажено для медицинского обслуживания и общего улучшения быта сотен несчастных сирот и полусирот военного времени»¹⁰⁰). Не имея возможности свободно высказывать политические взгляды и суждения, Эренбург вынужден был ограничить себя в публицистике областью ис-

⁹⁸ Цитированная нами рецензия на сборник стихов «В смертный час» — Известия (Киев). 1919. 27 марта.

⁹⁹ «Ответ г. И.Эренбургу» был напечатан в «Вечернем времени» 10 декабря 1919 за подписью Н.Ф.Яблонского (автор сообщил, что первоначальная заметка не была подписана его полным именем в силу «технических условий»). В ответе утверждалось, что Эренбурга не обвиняли в большевизме, но все пассажи заметки подтверждались (например, что при большевистском режиме посещать ХЛАМ «могли только комиссары и прихвостни советской власти, а приличным людям это не шло в голову» и т.д.).

¹⁰⁰ РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.3664; фрагмент этих воспоминаний приведен нами в комментариях к ЛГЖ. Т.1. С.600.

кусств — но здесь он недвусмысленно, хотя и дипломатично, выступал против концепции пролетарского искусства как единственно дозволенного (неупотребление им тогда выражений типа «мерзости пролеткульта» не делало его тогдашние выступления менее убедительными). В те весенние месяцы 1919 Эренбург часто выступал публично. Три лекции о русской поэзии, упомянутые в заметке «Вечернему времени», были прочитаны в ХЛАМе позже — 3, 9, 14 мая (в афише второй лекции, кстати сказать, значился пункт «Пророческий дар Тютчева»¹⁰¹). Примерно с мая 1919 политическое положение Эренбурга в Киеве начинает ухудшаться, его недовольство советской властью становится все более резким, так что картина, столь эмоционально изображенная в его ответе «Вечернему времени», относится преимущественно к маю-июню.

Характерно в этом смысле, что в марте-апреле вышли две книги Эренбурга: роман в стихах «В звездах» (Киев: Типография школы-мастерской печатного дела; обложка Диего Риверы)¹⁰² и сборник стихов 1918-1919 гг. «Огонь» (Гомель: Издательство «Века и дни»); в то же время появился вышедший в Харькове второй номер журнала «Камена», где, кроме статьи Эренбурга, была напечатана и вызвавшая значительный резонанс большая статья М. Волошина «Поэзия и революция. Александр Блок и Илья Эренбург», в которой сопоставлялись поэма «Двенадцать» и «Молитва о России», причем стихи Эренбурга оценивались чрезвычайно высоко: «"Еврей не имеет прав писать такие стихи!" — пришлось мне, — писал Волошин, — однажды слышать восклицание по поводу этих поэм Эренбурга. И мне оно показалось высшей похвалой его поэзии. Да! — он не имел никакого права писать такие стихи о России, но он взял себе это право и осуществил его с такой силой, как никто из тех, кто был наделен всей полнотой прав». Тогда же было объявлено о готовящихся изданиях многих книг Эренбурга — документального «Лица войны», мистерии «Золотое сердце», сборника детских стихов «Заячья елка», сборника переводов «Поэты старой Испании», переизданий «Повести о жизни некой Наденьки» и полного текста «Стихов о канунах», а также написанной совместно с А.Н.Толстым стихотворной пьесы «Рубашка Бланш». Ни одна из этих книг не вышла.

Столь же безуспешными оказались и театральные попытки Эренбурга (им вообще не везло при всех режимах в Киеве). 29 мая «Борьба»

¹⁰¹ Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург: Хроника жизни и творчества. Т.1. СПб., 1993. С.166-167. Газета «Борьба» систематически объявляла об этих лекциях. Они были организованы Обществом народного театра и искусств и сопровождались чтением стихов русских поэтов артистами В.В.Алексеевой-Месхиевой, В.А.Вертер, К.А.Зябловой, Л.С.Ильяшенко и С.Л.Зиминой.

¹⁰² Зрительный образ этой книги забавно трансформировался в памяти Г.К.Крыжицкого, вспоминавшего 1919 год в Киеве: «Помнится, Эренбург, тогда еще совсем молодой поэт, пленил нас переводами стихов своего мексиканского друга Рибейры — нам очень понравились нарисованные почему-то на обложке сборника фантастические рыбы» (Театр. 1957. №1. С.124). В книге его воспоминаний «Дороги театральные» (М., 1976. С.78) слова о мексиканском друге опущены, но по-прежнему мексиканский художник Ривера, друг Эренбурга, превращен в несуществующего поэта Рибейру.

сообщила, что из представленных на конкурс пьес Театральный комитет приобрел к печатанию пьесу поэта Ильи Эренбурга «Золотое сердце» (печатание, разумеется, не состоялось). В июне Эренбург написал на испанском материале стихотворную трагедию «Ветер»; напечатать и поставить ее также не удалось. Бежавший из Киева в Одессу театральный деятель Г.К.Крыжицкий писал в 1919: «Эренбург несколько раз читал "Золотое сердце" в Киеве, между прочим, в обществе Соборного творчества "Взыскующие града", где горячим оппонентом автору явился хорошо известный Одессе артист В.В.Сладкопцев, настаивавший на кощунстве подобной темы /.../ С "Ветром" Эренбурга произошло то же недоразумение, что и со стихами Максимилиана Волошина: большевики, не разобрав, в чем дело, приняли драму за "агитпросвет", и Наркомвоен приобрел ее для постановок в красноармейских театрах. На самом же деле это ярко "контрреволюционная" вещь, в которой Эренбург хотел изобразить трагедию всякой революции вообще»¹⁰³. Летом К.Марджанов (его спектаклем «Фуэнте Овехуна» в театре «Соловцов» Эренбург всегда восхищался) приступил к постановке «Рубашки Бланш» в декорациях Н.Шифрина, но работа эта так и не была доведена до премьеры...

В июне Добровольческая армия генерала Деникина начала поход на Украину; 25 июня пал Харьков, затем Екатеринослав, Полтава... «Киев, — свидетельствует мемуарист, — был объявлен "укрепленным районом" и Петерс назначен его комендантом. Его помощником был назначен Лацис. Будучи не в силах изменить что-либо в военном положении, Петерс и Лацис стали отыгрываться на внутреннем враге /.../ Хватали и сажали в чека по малейшему подозрению и без всякого подозрения...»¹⁰⁴

13 августа подотдел записей браков при VII Конс. Ком. (написано от руки поверх типографского: «камеры народного нотариата» и потому не читается) зарегистрировал «брак литератора Ильи Григорьевича Эренбурга, 28 лет, и художника Любви Моисеевны Козинцовой, 20 лет, пожелавшей впредь именоваться Козинцовой-Эренбург и проживать по адресу Рейтерская 45, кв.1»¹⁰⁵.

31 августа 1919 года в Киев вступила Добровольческая армия.

III. Письма Вере Меркурьевой

30 октября 1918, рассказывая в письме М.А.Волошину о пережитом в Москве, Эренбург написал: «Я перевидел за год немало людей, но близко

¹⁰³ Современное слово (Одесса). 1919. 26 декабря.

¹⁰⁴ АРР. Т.6. С.257.

¹⁰⁵ Отца Л.М. и Г.М.Козинцевых по документам звали Моисеем Исааковичем, а в жизни — Михайлом Исааковичем, так что впоследствии в документах его дети писались Михайловичами. Отметим здесь попутно, что регистрация брака Эренбурга с Л.М.Козинцовой — единственный факт его личной жизни, нашедший место на страницах этой хроники. Все, что касается «кружения сердца» Эренбурга в Киеве 1918-1919 гг. (его бурный любовный роман с пианисткой Б.А.Букеник или нежная дружба с Я.И.Соммер), осталось за ее бортом.

ни с кем не сошелся, кроме двух поэтов — Кузьминой-Караваевой и Меркурьевой»¹⁰⁶. С обеими поэтессами, уехав из Москвы в Киев, Эренбург переписывался. Их письма, как и весь довоенный архив Эренбурга, погибли в Париже в 1940. Уцелели ли письма Эренбурга Е.Ю.Кузьминой-Караваевой — неизвестно, скорее всего — нет. А четыре его письма (1918-1919) В.А.Меркурьевой сохранились в ее архиве¹⁰⁷. Это единственные известные нам письма Эренбурга из Киева той поры.

С поэтессой Верой Александровной Меркурьевой (1876-1943)¹⁰⁸ Эренбург познакомился в Москве зимой 1917-1918, по-видимому, у Вяч. Иванова. В автобиографии Меркурьевой имя Эренбурга выделено: «Зима 1917-18 г. /.../ знакомство почти со всеми находившимися тогда в Москве поэтами и философами, дружба с И.Эренбургом»¹⁰⁹.

В начале 1918 Вера Меркурьева посвятила Эренбургу четыре стихотворения. Одно — «Эренбург Неистовый» в цикле «Любительские снимки» (сборник «Тщета», 1915-1920; не издан)¹¹⁰, второе — в той же неопубликованной книге в разделе «Из ночи в ночь»; оно никогда не печаталось.

И. Эренбургу

Чуткий враг, угадывающий
ряженных в каждой норке,
зоркий бес, подглядывающий
в сердца скважины, в песни створки, —
кто вам показал в колдовской кристалл
преломление никогда не бывшего, вечно-сущего,
приближение — удаление мимоидущего?

Ах, не враг, не бес,
не маг — творец фокусов — чудес,
но в одной купели смоляной
крещены мы,
но мы песни наши пели, палимы
одной огневой рекой,
одной вековой тоской иссушимы.

¹⁰⁶ Звезда. 1996. №2. С.200.

¹⁰⁷ РГАЛИ. Ф.2209. Оп.1. Ед.хр.42.

¹⁰⁸ Подробное описание жизни и творчества В.А.Меркурьевой см. в работе М.Л.Гаспарова (Лица: Биографический альманах. Вып.5. М.; СПб., 1994. С.5-97). Отмечу, что в 1985 моя публикация стихов В.Меркурьевой и статьи о ней была отвергнута альманахом «Поэзия», где до того мною были напечатаны неизвестные стихи Эренбурга и Е.Полонской, с такой мотивировкой: «К сожалению, публикация В.Меркурьевой нас не заинтересовала, так как предлагаемый Вами автор в литературе не оставил своего сколько-нибудь заметного следа, и вытаскивать из забвения вообще-то случайное имя нам кажется нецелесообразным для такого издания, как наше» (письмо редакции от 2 октября 1985). Через 4 года в журнале «Октябрь» (1989. №5. С.149-159) М.Л.Гаспаров открыл русскому читателю неизвестную поэтессу, и с тех пор имя В.А.Меркурьевой вошло в русскую поэзию.

¹⁰⁹ Лица. Вып.5. С.31.

¹¹⁰ Опубликовано: Там же. С.32; рукопись: РГАЛИ. Ф.2209. Оп.1. Ед.хр.6. Л.215-216; беловая машинопись: Там же. Ед.хр.8. Л.117.

Оттого легко вам в моих глазах
увидать смертный грех, древний страх,
тех подземных рек огни —
отблеском багровым в тяжких вен тени
исчерна лиловой.

Знаете ли вы, чайтель благ, скользкий бес,
как земной прах любит глубь небес?
Как дышащих мглами
влечет следить обожженными глазами
полет Белокрылых —
зная, о зная, — что никогда им
не ошибиться, не опуститься на могилах,
и прощать им, любить их —
заключать забытых —
за то, что они так белоснежно безучастны,
так непонятно — беспощадно — прекрасны.

И еще одно известно вам:
как тесно здесь и там
смыкаются похожие створки темнокожие
«я — не я — тоже я»,
узнавая в чужой сколотине — свои оттенки,
отвечая знакомым уголькам горящим —
звенящим льдинок изломом;
как в чужой отчизне, на тризне чужих поминок
расстриженный инок и вставшая мумия
меняются отравным злагом,
прощаются уставным знаком изъятия —
разного безумия рабы —
но исчадия одной роковой судьбы,
одного проклятия.¹¹¹

Третье и четвертое стихотворения — полушуточные; их названия приводит М.Л.Гаспаров¹¹²: «На смерть Эренбурга (если бы он умер)» и «На выздоровление Эренбурга (если бы он остался жив)»; разыскать их мне не удалось.

В мае-июне 1918 в Москве в издательстве «Зерна» вышел составленный М.О.Цетлиным и И.Г.Эренбургом сборник «Весенний салон поэтов» (работа над ним велась еще в Париже в начале 1917, причем, по свидетельству М.О.Цетлина, Эренбург предъявлял к стихам сборника «чересчур абсолютные требования»)¹¹³. Эренбург напечатал в нем четыре стихотворения Веры Меркурьевой (под общим заголовком «Души неживых вещей») — это первая и единственная при жизни автора московская публикация ее стихов. Первый печатный отклик на стихи Меркурьевой

¹¹¹ РГАЛИ. Ф.2209. Оп.1. Ед.хр.6. Л.153-155 (рукопись); Там же. Ед.хр.8. Л.104-105 (машинопись).

¹¹² Лица. Вып.5. С.32.

¹¹³ Звезда. 1996. №2. С.189.

также принадлежит Эренбургу. В статье «Четыре» Эренбург говорил о стихах Н.Крандиевской, М.Цветаевой, В.Инбер и В.Меркурьевой. Вот его характеристика Меркурьевой: «Вера Меркурьева — послушница, но в ее келью часто залетает не чертенок какой-нибудь, а сам дьявол. Я думаю, что это он галантно оставил ей томики русских символистов /.../ Но порой он искушает ее по-настоящему, не рифмами /.../ В ее стихах последняя борьба, между слезами Сладчайшего и улыбкой второго господина. В них елей и желчь. Но иногда она забывает и книги Вячеслава Иванова, и ночные нашептывания, и ложные рифмы, чтобы нелепо и трогательно жаловаться, как ребенок»¹¹⁴. В Киеве в конце 1918 Эренбург в обзоре современной русской поэзии написал о Меркурьевой в ряду таких имен: Блок, Белый, Есенин, Клюев, Мандельштам, Маяковский, Каменский, Бальмонт, Волошин, Гумилев, Гиппиус, В.Иванов, Ахматова, Цветаева, Инбер, Крандиевская, Кузьмина-Караваева: «Любопытны стихи новой поэтессы Веры Меркурьевой. Она уже давно потеряла все, даже последнюю ниточку, отделяющую добро от зла. Небом и адом она интересуется как-то по-этнографически. Страшный суд ей кажется чем-то из "хроники происшествий"». Впрочем, как и самому дьяволу, ей даны минутами младенческие слезы, и возможно, что она уже в водах океана, забыв об Индии и Вячеславе Великолепном, робко шепчет "Отче наш"»¹¹⁵.

С вступлением в Киев белых переписка Эренбурга с Меркурьевой прервалась, затем с отъездом Эренбурга в Крым, а Меркурьевой во Владикавказ они вообще потеряли друг друга из виду. В 1922 в Берлине Эренбург напечатал стихотворение Меркурьевой «Прокимен» в составленной им антологии «Поэзия революционной Москвы». В бумагах Эренбурга последующей поры имя Меркурьевой не встречается; в бумагах Меркурьевой мелькают упоминания о встрече и дружбе с Эренбургом в Москве в 1918. В анкете, составленной Е.Я.Архипповым, отвечая на вопрос «От каких поэтов, ценимых Вами раньше, Вы отошли теперь?», Меркурьева написала: «Вяч. Иванов, Блок, все символисты, Эренбург»¹¹⁶. Тот же Е.Я.Архиппов, перечисляя книги, которые он видел у Меркурьевой во Владикавказе, называет «Стихи о канунах» Эренбурга и три тетради его рукописей¹¹⁷. То, что Эренбург продолжал интересоваться Меркурьеву, видно и из письма к ней М.О.Гершензона от 21 июля 1921. Подробно рассказывая о судьбе многих ее московских друзей 1918 года, Гершензон упомянул и Эренбурга, который, прожив в Москве 4 месяца, получил с помощью Н.И.Бухарина заграничную командировку в марте 1921: «Эренбург пожил здесь недолго, вел себя хамски и очень скоро получил то, чего никому не дают, — право выезда за границу. Куда и удалился»¹¹⁸.

¹¹⁴ Новости дня (Москва). 1918. 13 апреля.

¹¹⁵ Эренбург И. На тонущем корабле // Ипокрена (Полтава). 1919. №4. С.29-30. Включена в: В смертный час. Указ. изд., но в комментариях о Меркурьевой не говорится.

¹¹⁶ Лица. Вып.5. С.70.

¹¹⁷ Там же. С.69.

¹¹⁸ РГАЛИ. Ф.2209. Оп.1. Ед.хр.34. Сообщено С.В.Шумихиным.

Возникает имя Эренбурга и в переписке Меркурьевой 1940 года с Цветаевой¹¹⁹. Последний раз Меркурьева вспоминала Эренбурга за месяц до смерти, в Ташкенте, в письме к К.И. Чуковскому¹²⁰.

Эренбург — Меркурьевой

1

[2 октября 1918¹²¹]

Дорогие мои¹²², сижу пока в Киеве. На днях, вероятно, еду с антрепренером в Бердичев!!! и прочие самостийные города читать стихи, б.м. заработаю что-либо, а то с копейками плохо. Здесь очень худо. Хочу в Швейцарию (если нет, жду вас и Елиз[авету] Юр[ьевну]¹²³, чтобы ехать в Владикавказ и Кубань).

Известите немедленно о Ваших планах. Что с пьесой¹²⁴? Привезите «Театр[ального] Курьера»¹²⁵. Устроили ли мои дела?

Привет.

Ваш Эренбург

Мой адрес: Б.Подвальная, 2, кв. Лурье.

2

Киев,
24 февраля [1919]

Милая Вера Александровна, может быть, это письмо разыщет Вас, и Вы узнаете, что Ваш баян еще живет. Постарайтесь тотчас же по адресу, который Вам укажут, снести ответ, тогда я скоро получу. Я очень соскучился по Вас, по комнате, кофе, разговорам об ассонансах и о Дьяволе и по стихам. Если что-либо

¹¹⁹ 20 февраля 1940 Цветаева писала Меркурьевой: «Э[ренбург] говорил мне, что вы — ведьма и что он, конечно, мог бы Вас любить» (Цветаева М. Собр. соч. Т.7. М., 1995. С.685).

¹²⁰ Лица. Вып.5. С.94.

¹²¹ На письме две пометы рукой В.А.Меркурьевой, возможно, по почтовому штемпелю на несохранившемся конверте: «Петроград 15 X 18»; «Киев 2 X 18».

¹²² Возможно, письмо обращено к В.А.Меркурьевой и Е.Ю.Кузьминой-Караваевой.

¹²³ Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (1891-1945) — поэтесса, впоследствии эмигрировала; под именем «Мать Мария» прославилась как участница французского Сопротивления.

¹²⁴ Возможно, речь идет о попытках напечатать в России мистерию Эренбурга «Золотое сердце».

¹²⁵ Московская ежедневная газета, выходила с 17 сентября 1918; в №5 (21 сентября) в разделе «Книжные новости» сообщалось о выходе альманаха «Еврейский мир» и его содержании, в частности, названа была «Поэма И.Эренбурга» (т.е. «Баллада об Исаке Зильберсоне»), в №11 (29 сентября) напечатан фельетон Ю.Айхенвальда «Лирик нашего времени» (об А.Блоке).

вышло в Москве с осени, имеющее отношение к нашему ремеслу, пришлите. Здесь ничего нет. Хоть чьи-нибудь новые стихи! Я мало писал (браните!). Вышла в декабре моя книга «В смертный час» (это «Молитва» + восемь новых)¹²⁶. Печатается теперь книжка для детей «Заячья Елка»¹²⁷ — старые из «Детского»¹²⁸ и несколько новых. Заканчиваю книгу о войне. «Лик Войны» — не то впечатления, не то вымысел, поэзия, психология и прочее. Стихов мало писал, одно посылаю. А вот заключительные строки другого длинного «Хвала Смерти!»¹²⁹:

Любите эти жаркие летние розы!
Любите ветерка каждое касанье!
Любите! Не то будет слишком поздно...
О, любимая! И тебя не станет.
Эти милые губы целую, —
Цветок на ветру, — а ветер дует, дует...
О, как может любить земное сердце,
Чуя разлуку навек, навек!
Благословенна любовь, освещенная смертью!
Благословенен мгновенный человек!
О, расторгнутые узы!
О, раскрывшаяся дверь!
О, сердце, которому ничего не нужно!
О, Смерть!
В твоё звездное лоно
Еще одну душу прими!
Я шел. Я пришел. Я дома.
Аминь.

Я все более, может, даже против воли, иду к примирению и спокойствию. Даже ритм становится широким и прямым. Это опасно, может быть, это смерть? Если бы мы могли побеседовать сейчас, я бы лучше Вас понял, чем летом. Индия меня еще

¹²⁶ Сборнику «В смертный час» (Киев: Летопись, 1919), как и «Молитве о России» (Москва, 1918) был предпослан эпиграф из Евангелия от Иоанна («Всякий пьющий воду сию возрадет опять / А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек»); в сборник вошло 14 из 15 стихотворений «Молитвы о России» (стихотворение «В Судный день», как отмечено в книге, не вошло «по независящим обстоятельствам»), а также 7 стихотворений, написанных в 1918 в Москве, и одно, написанное в Киеве в ноябре 1918.

¹²⁷ Книга не вышла.

¹²⁸ Эренбург И. Детское. Париж, 1914; маленький сборник (4 стихотворения), посвященный Франсису Жамму.

¹²⁹ Написано в Киеве в ноябре 1918, вошло в кн.: Эренбург И. Огонь. Гомель, 1919 (с незначительными разночтениями). По свидетельству Б.А.Букеник, четыре строчки из этого стихотворения Эренбург написал на обложке подаренного ей сборника.

пугает¹³⁰, или, вернее, она только начинает меня пугать, как неотвратимое и неминуемое, куда должна провалиться душа. Мое «Святое нет» слабеет. Впрочем, сейчас я курил трубку и читал молитву Клоделя¹³¹ апостолу Иуде (святому). Он зовет его «Patron des causes désespérées»¹³² и говорит о нем:

Sa journée ne commence qu'au soir, il n'embauche qu'a l'onzieme heure.
Il est plus final que le désespoir et ne guérit que ceux qui meurent.¹³³

Я хотел бы его найти. Ведь теперь двенадцатый час!

Скажите Вячеславу Ивановичу¹³⁴, что я часто думаю о нем и что я полюбил его истинно. Что он? Над чем работает? Что Вы делаете, Вера Александровна? Пришлите мне Ваши стихи. Не поленитесь, напишите подробно обо всем. Каковы настроения литературной Москвы? Собираются ли и кто что пишет? От Елизаветы Юрьевны я имел только в октябре телеграмму из Анапы. Где она теперь и как живет, не знаю. Я узнал окольному путем, что еще в августе мои друзья¹³⁵ и дочка из Владикавказа перебрались в Моздок, но ничего от них не имею. Пришлите новые книжки, если что-либо вышло. Я видел только «Мистерию-Буфф» Маяковского. Это очень стыдно, писать так... Впрочем, не все ли равно. Я сегодня глядел на нарциссы и думал, что есть много более прекрасного, чем цветы, но нет ничего мудрее. Да хранит Вас Господь. Помните меня.

Ваш Эренбург

На всякий случай мой киевский адрес: Б.Подвальная, 2, кв.2.
Вере Александровне г-же Меркурьевой
Из Киева в Москву
24 февраля 1919 г.

Староконюшенный пер., дом (кажется, №23) в глубине церкви, против паперти. Церковь, если идти от Мертвого переулкa,

¹³⁰ Древнеиндийские мотивы встречаются в лирике Меркурьевой (Лица. Вып.5. С.40 и др.); об увлечении ими Эренбург упоминает и в цитированной нами статье.

¹³¹ Сочинения французского поэта и драматурга Поля Клоделя (1868-1955) в 1910-е привлекали Эренбурга («Меня сильно занимает теперь Клодель», — писал он Волошину в 1914).

¹³² Покровителем случаев безнадежных (*фр.*).

¹³³ Его день начинается лишь вечером, и принимает он лишь с одиннадцатого часа. / Он по ту сторону безнадежности и лечит лишь действительно умирающих. (*фр.*).

¹³⁴ Речь идет о Вяч.И.Иванове.

¹³⁵ Речь идет о первой жене Эренбурга Екатерине Оттовне Сорокиной (урожд. Шмидт, 1899-1977) и ее втором муже Тихоне Ивановиче Сорокине (1879-1959), получившем в начале осени 1917 назначение комиссаром во Владикавказ от Временного правительства. Об их жизни во Владикавказе вместе с дочерью Эренбурга Ириной см.: Ehrenburg Irina. So habe ich gelebt. Berlin, 1995. P.18-26.

налево, пройдя Гагаринский пер., почти напротив Медведниковской гимназии. Это ряд домов как бы в церковном дворе. Внутри в том же дворе, что в глубине против церкви. Квартира №5 (Иванова) или, если не найдете, по адресу Вячеслава Ивановича г-на Иванова, Зубовский бульвар, кв. 25 с просьбой указать адрес Меркурьевой¹³⁶.

3

10 апреля 1919

Чем мы хуже Вас? Даже на пяти языках¹³⁷! Я председатель и, кроме сего, вообще занимаюсь сотней неподобных дел. Устроил «мастерские худож[ественного] слова» для рабочих, и потом еще для всех просто. Кручусь, работаю что ли, очень много. Во все это верю мало. Утешает весна и вечность. Правда! Бесконечно рад был получить Ваше письмо. Как бы хорошо бы сейчас сидеть у Вас, пить кофе, подвывать стихи свои или говорить о «да» — «нет». Кстати, вот для Вас

«Нет» для сеч,
«Нет» это меч,
«Нет» это склеп,
«Нет» для тех, кто слеп.
«Нет» внизу, а мне от века
Быть на горе.
Но в моей руке поэтовой
Свирель.
Летят года.
Любят — твердят «навсегда»,
Умирают — кричат «никогда»,
И в Лету лет течет гряда.
Поет Летейская вода.
Я пою! У меня для мира
Только святое «да».
Блаженно земное житье.
Нет греха или зла.
Мое сердце покроет все —
Великий звездный плат.
Убил, растлил и канул в ночь.
Приди ко мне и ты и ты.

¹³⁶ К описанию адреса Эренбург добавил два рисунка, показывающих, как найти дом Меркурьевой.

¹³⁷ Письмо написано на бланке Профессионального союза Художников Слова г. Киева с шапкой на пяти языках: украинском, русском, иврите, идише и польском.

Я вплету тебя в звездный венок,
Ибо ты для меня цветов,
Ибо вы для меня цветы.
Ядохнул, и вздох мой стер пути стыда иль славы.
Явзглянул — нет грешных и праведных.
Далеко от звездного эфира до сердца сирого,
Но мои объятия шире мира.
На скрижалях начертали законы, а в небе плывет весна.
Мои слезы с камня смыли письма.
Судите! делите! ведите межи —
Буйно цветет неделимая жизнь.
О чем ваши споры? ведь нет же неправых,
И сладко пахнут сорные травы.
Я прошел все поля — я видел, я знаю —
Одна земля, один Хозяин.¹³⁸

В течение марта я написал с десятков стихотворений, кажется, в них есть что-то новое. Грядущая книга должна именоваться «Прославление Жизни и Смерти»¹³⁹, и действительно прославлять ныне я, кажется, могу все. Вот конец стихов «прославления» нашего века:

...Я не знаю грядущего мира.
На моих очах пелена.
Цветок — я на поле брани вырос,
Под железной стопой отзвенела моя весна.
Смерть земли? Или трудные роды?
Я летел, и горел, и сгорел.
Но я счастлив, что жил в эти годы, —
Какой великий удел!
Другие слагали книги пророчеств,
Пламена небес стерегли —
Мы же горим, затопив вселенские ночи
Костром невозможной любви.
Небожители! духи! святые!
Вот я, слепой человек,
На полях обреченной России
Прославляю мятежный век.
Мы ничего не создали,
Захлебнулись в тоске, растворились в любви,
Но звездное небо нами разодрано,
Зори в нашей крови.
Гнев и смерть в наших сердцах,
На лицах отсвет кровавый —

¹³⁸ Написано в марте 1919, вошло в сборник «Огонь» (С.31) с разночтениями.

¹³⁹ Вышла под названием «Огонь».

Это мы из груди окаменевшего Творца
Мечом высекали новую Правду.¹⁴⁰

Ваша надрубленная песня меня сладостно заморила. Обязательно не ленитесь и пришлите побольше ваших стихов. Грустно и страшно думать о Москве, о вашей жизни, о всех поэтах, замерзающих и вконец отощавших. Бедный куцый Бальмонт на рынке! Что Марина¹⁴¹? Толстые, Цетлины, Волошин, Инбер были все вместе в Одессе, где теперь, не знаю¹⁴². Но счастлив, что Вы тоже чувствуете, как вновь, после стольких веков, течение звуков стало вновь жертвенным подвигом.

Хотел Вам послать еще стихов, но торопят с письмом. Шлю оказией. От своих¹⁴³ с Кавказа ничего не имею. Знаю только, что они в сентябре переправились из Владикавказа в Моздок.

Всем поэтам мой братский привет!

Пишите скорей и больше о себе, о Москве, о поэтах, о сумасшедшей Вселенной. Жду.

Ваш Эренбург

4

Киев,
7-го мая [1919]

Милая Вера Александровна,
радовался очень Вашему письму. Томительно хочется поговорить с Вами. Помните? Ну вот... А здесь комитеты, союзы, лекции и прочее. Спорю, борюсь, томлюсь. Нужно ли? Кажется, нет. Но иначе сейчас не могу.

...Я могу только петь и молиться,
Среди толп мирских я одинок.
Пусть тяжелые кони победной колесницы
Растопчут звонкий цветок!
Пусть погибну — безумный глашатай —
В хляби земной утону —
До последнего часа мой яростный факел
Озарял небывшую весну!¹⁴⁴

¹⁴⁰ Написано в марте 1919; впервые напечатано: Эренбург И. Кануны. Берлин, 1921. С.30. В 1963 при включении в т.3 собрания сочинений исправлено автором: в 1-й строке — «полярные ночи»; 15-я и 16-я строки: «На полях мятежной России / Прославляю восставший век».

¹⁴¹ Речь идет о М.И.Цветаевой.

¹⁴² А.Н.Толстой и Н.В.Крандиевская вместе с М.О. и М.С.Цетлиными уехали в эмиграцию, М.А.Волошин вернулся в Коктебель, В.М.Инбер также осталась в России.

¹⁴³ Е.О. и Т.И.Сорокиных.

¹⁴⁴ Из стихотворения «Вам все понятно в мире...» (апрель 1919); вошло в сборник «Огонь».

Хочу писать трагедию современную для невозможного театра¹⁴⁵. Кстати, что с «Золотым Сердцем»? Здесь печатаются одни, другие, м.б., будут печататься следующие мои книги: «В звездах»¹⁴⁶, «Заячья Елка» (детские), «Лик Войны» (вновь написано, проза, воспоминания с фронта)¹⁴⁷ и книжечка новых стихов под заглавием «Огонь» («Огонь пришел Я низвесть на землю» от Луки¹⁴⁸).

Мало я думал о нашем деле и служении и, кажется, многое осознаю впервые. Так хотелось бы поделиться с Вами. Я здесь читал доклад о «существовании поэзии»¹⁴⁹, но кому... Все вехи для меня убедительны и новы: слово — действие, заговор. Отказ от чисто музыкального («заумный язык»), от живописного («парнас»). Искусство во времени. Вселенская песнь без начала и конца. Ложь законченного и прежней архитектуры и пр.

Где Вы? Когда увижу Вас?

Читали ли «Известия» от 27-го, там есть о нашей поэтессе¹⁵⁰.

Что в Москве? Вячеслав Ив[анович Иванов] и другие. Бога ради, напишите мне обо всем. Кто что делает и что пишет? Я здесь поэт на необитаемом острове с туземцами.

Посылаю две статьи, м.б., будет любопытно Вам прочесть их¹⁵¹ и одно стихотворение «Огня». Вы увидите, сколь взмыла меня какая-то космическая буря.

Пришлите Ваши стихи. Не ленитесь и соорудите большое и основательное письмо.

Ваш поэт

Черной ночью гляжу на звезды вещие.
С дальней звезды кто-то смотрит на меня.
И в ответ мое сердце горит и трепещет,
Негасимый маяк.
Вот она — вселенская степь
Иссохшая, жадная, дикая!
Моя радость гореть и сгореть,
Чтоб за мною все небо вспыхнуло.
Плоть, любовь, дар певца я ночи отдал.
Сладко голым на тучах кувыркатся!

¹⁴⁵ Стихотворная трагедия «Ветер» была написана в июне 1919.

¹⁴⁶ Роман в стихах «В звездах» вышел отдельным изданием в Киеве в 1919.

¹⁴⁷ Книга была подготовлена к печати в Киеве (27 сентября 1919 газета «Объединение» сообщала, что «Лик войны» печатается); вышла в Софии в 1920 в обложке работы В.Макавейского.

¹⁴⁸ Евангельский эпитаф к книге «Огонь». Лук. 12: 49.

¹⁴⁹ 15 апреля 1919 в ХЛАМе.

¹⁵⁰ В «Известиях» за 27 апреля 1919 была напечатана статья Ларисы Рейснер «Памяти В.М.Альфатера»; другие поэтессы не упоминались.

¹⁵¹ Возможно, статьи Эренбурга и Волошина из журнала «Камена» №2.

Потерять — какая свобода!
Раздать — какое богатство!
Рассекал я уста закрытые,
Целовал их в огне и в бреду.
Сколько взыскующих душ насытил
Мой мятежный и буйный дух.
Если взор мой темнеет и тускнеет,
Если ладони в крови и в грязи,
Если голос порой слишком грустный,
Не может греметь и грозить —
Не судите меня! Я столько падал, радовался и плакал,
Убегал от смерти,
Окровавленный, вновь карабкался
От звезды на звезду, от сердца к сердцу.
Глядите, младенец ладошами плещет,
Зори пылают вновь —
Это я, зажег миры бесконечные
Своею смертной любовью.
Мои песни, нежные и гневные,
Я ветру бросил,
Но они цветочным севом
Распылились по свету:
Поток любви человеческой
Я не хотел запрудить.
Друга иль недруга, каждого встречного
Прижимал к распаленной груди.
Не могилу, не прах, не пепел
Я оставляю миру,
Только горячий ветер,
Блуждающий в выси эфирной.
Забудьте меня! Горите и пойте!
Пусть Господь возопит:
«Что стало с безумной Землею?
Земля, Земля горит!
Архангелы! Звезды! Глядите на Землю —
Она сожгла свою темную плоть,
Предала непостижимой Вселенной
Слепую, святую Любовь!»¹⁵²

Пишите. Да хранит Вас Господь!

И.Э.

IV. В белом Киеве (сентябрь—ноябрь 1919)

С приходом в Киев Добровольческой армии экономическая и общественная жизнь оживилась. Еще недавно грозные имена большевистских

¹⁵² Это стихотворение (с небольшими разночтениями) открывало сборник «Огонь».

вождей Украины — Раковского, Пятакова, Подвойского теперь вспоминали только куплетисты. Один из них (под псевдонимом Гарольд) писал: «Просыпаюсь, нет Раковских, — / Улетели, словно пух... / От бумажек пятаковских / Гражданин совсем распух...»¹⁵³. Возобновились газеты, закрытые большевиками (от шульгинского «Киевлянина» до меньшевистской «Киевской мысли»), появились и новые издания: орган торгово-промышленного комитета «Киевское эхо», литературный еженедельник «Жизнь» и вполне антисемитские «Вечерние огни».

Белых встречали не только колокольным звоном. 7 сентября газеты сообщали: «Сегодня во всех киевских театрах состоятся спектакли, сборы от которых поступят в распоряжение Добровольческой армии» — Опера, театр «Соловцов», музкомедия, драмтеатр б.Бергонье, «Кривой Джимми», «Пель-Мель» — все!

В среде художественной интеллигенции не обошлось без выяснения отношений и сведения счетов. 7 сентября в литературно-артистическом клубе состоялось многолюдное общее собрание киевских журналистов. В повестке дня вопрос: участие журналистов в советских изданиях в пору, когда все другие были закрыты. Председательствовал Д.И.Заславский¹⁵⁴. Однако вопрос решено было снять, отнеся его к компетенции суда чести¹⁵⁵. Состоялось и собрание русской секции Киевского союза художников слова, председателем которого был Эренбург. «Вечерние огни» сообщали об этом в издевательских тонах: «На собрании основатель союза И.Эренбург заявил, что пора закрывать лавочку, так как союз был основан при большевиках главным образом с целью освобождать литераторов от окопных работ и других скорпионов. Г.Эренбург при этом откровенно признался, что он записывал в союз и не писателей, а всяких добрых знакомых, которых надо было избавить от большевистских ущемлений. Собрание решило реорганизовать союз, но никто почему-то не счел нужным отметить заслугу г.Эренбурга, столько времени морочившего голову наивным писателям, поверившим в то, что они состояли членами писательской организации, платившим членские взносы и т.п.».

С первого же номера Эренбург принял участие в работе литературного еженедельника «Жизнь», выходившего при участии В.Асмуса, Л.Войтоловского, А.Дейча, Г.Крыжицкого, О.Мандельштама, С.Мокульского, А.Соболя и др. В первом номере газеты (1-7 сентября 1919) были напечатаны рассказ Соболя, стихи Мандельштама, отрывок из стихотворной трагедии Эренбурга «Ветер» и его статья «Звездная буря и фешенебельные гостиные», в которой была продолжена полемика с культурной политикой большевиков. Эренбург сохранял в статье сдержанность тона, отличавшую его весенние публичные выступления на эту тему.

¹⁵³ Киевская жизнь. 1919. №1. 7 сентября.

¹⁵⁴ Заславский Давид Иосифович (1880-1965). В с.-д. движении с 1890-х, меньшевик. В 1917-1918 — чл. ЦК Бунда. В 1919 исключен из партии за сотрудничество в деникинской прессе. Позднее сделал карьеру в советской печати: стал ведущим сотрудником «Правды», неизменным участником травли деятелей культуры — от Д.Шостаковича в 1936 до Б.Пастернака в 1958. С 1934 — в ВКП(б)—КПСС.

¹⁵⁵ Киевская жизнь. 1919. 9 сент. №2.

С алтарей и с кафедр долгие века говорили о сладчайшем смирении, но кто без страха мог припомнить непостижимый возглас Христа: «Огонь пришел Я низвесть на землю». Любовались ясными звездами, не слыша там, в небесах, диких песен несущихся миров. А из земной утробы, разбухая, прорастали бледные побег ползучей плоти, разлученной с душой. Ныне земля переживает двойное чудо в одних свершениях, два лика единой эпохи.

На горы и доли, на алчущие города низведен вселенский огонь, опаливший души, закрутивший мирские толпы. Но чрево земли взалкало, отвергло дух и вечность, чудище, разметавшись в плотской истоме, обрывает звездный виноград и пользуется солнцем, как совершенную печь. Две враждующие стихии в современности, в ее сердце откормленный удав и пылающий голубь.

Это началось давно. Предчувствия томили Европу, мирно дремавшую на террасе кафе. Лейпцигский профессор, прочитав Достоевского, пугливо шептал: «Сумасшедший или пророк?» и уносил подальше из спальни опасный томик.

Какие-то испанцы резвились, бросая в небо, в короля, в своих жен бомбы. На пьяном корабле уплыл в Харрару к восторженным неграм мальчишка Рембо. Заглянув в черную дыру, там, где сияла прежде бирюзовая эмаль, отсек свое пылающее ухо Ван-Гог. Венки на стене Пер-Лашез, не засыхая, цвели кровавыми гвоздиками.

Закружился в водовороте, к себе пригвожденный, Скрябин. Ученые в уютных кабинетах чертили — заклиная дьявола — планы подводных лодок, аэропланов, танков. Наконец горячие ключи пробили земную кору. Безумие гениев стало безумием мира. В смрадные, распаленные дни после четырнадцатого года сошли с ума все — от Вильгельма до сенегальца, от Пикассо до писаря из Царицына. Связь времен распалась. Прежняя гармония прорвана, еще бесформенными потоками, не мысля о берегах, несется по земле извечный Дух. Кто не чувствует присутствия космических сил в современности, кто хочет о ней судить по газетам, съездам и революциям — безнадежно слеп. Не ночь просто над миром, но тютчевский оголенный хаос; в выстрелах и столах, в предсмертных молитвах, в гимнах расстрелянных, в топоте проходящих батальонов. Не дождь, но потоп, не гроза, но очищение дряхлого мира в огненной купели. Европа томится, трепещет, горит под яростным дыханием единого творческого Духа. Несутся, бьются под разными знаменами, с разными песнями, народ против народа, класс против класса, партия против партии, но с тем же низведенным свыше огнем в сердцах.

Это сверху, а снизу из глубин плоти, материи, праха вышли трезвые безумцы, математики революции! Они тоже давно томилась в смердящих столицах Европы. Они — люди всех наций и всех классов, у них, как у нас, глаза, волосы, язык. Но это машина, жаждущая идти против работника, плоть, порвавшая с духом.

Это разница во времени, в языке, в костюме, но это не революция! Материалисты решили предоставить звезды астрономам, отвести для Бога музейную залу и разрешить космические страсти декретами о разводе. Они победили задолго до октября, ибо Европа двадцатого века была торжеством и завершением материализма. Война и революция явились не борьбой за новые идеи, но катастрофами, порожденными гниением неодоухотворенной плоти. Слабый человек, я могу томиться и жалеть о гибели творцов и творений.

Я люблю искусство современности, мучительное, бесформенное, взыскующее, воистину искусство канунов, Белого и Хлебникова, Блуа¹⁵⁶ и Папини¹⁵⁷, Пикассо и Татлина. Тысячи иных, еще безымянных, несутся к тому пределу, за которым вечность, в жажде передать вневременную мелодию хаоса нашими бессвязными, дикими, летучими словами.

Но пытающиеся остановиться среди вьюги хотят тоже творить. Канонизируя мгновенное состояние народов — они тщатся еще увенчать его пламенем искусства. Это идеологи так называемого «пролетарского» искусства. Их ощущение современности ярче всего передал когда-то мятежный поэт, а ныне казенный бард коммуны Маяковский в своей последней пьесе «Мистерия-буфф». Там очень четко отмечены причины: надоели «небесные сласти» и «бумажные страсти», хотим «жрать» и жить с здоровой бабой (в другом месте, впрочем, еще проще — прославляется «блуд»).

---

¹⁵⁶ Леон Блуа (1846-1917) — французский писатель, яркий католик, полемист; незавершенное собрание его сочинений содержит 23 тома. Оказал влияние на юного Эренбурга в пору его парижской эмиграции. «Я читал книги Леона Блуа; он называл себя католиком, но ненавидел богатых святош и лицемеров в митрах; его книги были теми прокламациями, которые должны печататься в аду для ниспровержения рая» (ЛГЖ. Т.1. С.121). Памяти Блуа Эренбург посвятил статью, напечатанную в московской газете «Понедельник "Власти народа"» 11 марта 1918.

¹⁵⁷ Джованни Папини (1881-1956) — итальянский писатель и журналист; Эренбург познакомился с ним в 1911: «Во Флоренции однажды я встретил тридцатилетнего Джованни Папини; незадолго до того вышла его нашумевшая автобиография "Конченный человек". Мы сидели в маленькой трактирии; молодые писатели спорили о футуристах, о "сумеречниках" (так называлась одна из литературных групп), о философии Кроче. Папини мне показался горьким, едким. Вдруг, растерянно улыбнувшись, он сказал: "А что ни гсворите, главное, чтобы человек был счастлив, и таким счастьем, от которого счастливы другие..."» (ЛГЖ. Т.1. С.135).

Спросите тысячи тысяч спекулянтов, банкиров, маклеров, не подпишутся ли они под этими пожеланиями. Стол со всякими яствами, как алтарь и святыня, должен погибнуть в огне наших дней. Истинные бунтари Герцен или Бакунин с негодованием отвергались от красных мещан, видя, что рвущиеся к вкусному соусу еще тупее и страшнее объевшихся и пресыщенных, которых легко выкинуть прочь одним пинком.

Маяковский рассказывает, как «революционеры», переплыв моря и океаны, скинув в море «буржуев», произведя, как подобает, две революции, пришли в новый коммунистический рай. Пророк новой (ох, какой старой!) веры вещает:

Судите сами: Христово небо ль,
евангелистов голодное небо ли?
В раю моем залы ломит мебель,
услуг электрических покой фешенебелен.

Да, это не [Христово небо, не евангелистов голодное небо]¹⁵⁸ и даже не земля, а просто старая знакомая гостиная с золочеными Людовиками, в которую врываются неопиты «новой» веры с реквизиционными ордерами. Неужели мы томились, неслись, умирали только затем, чтобы, описав несколько кругов, вернуться в фешенебельную мерзость мещанского общества?

Все, что преподносится ныне как искусство «революционное» и «пролетарское», безнадежно мертво. Слепой может, размахивая штыком, убить дракона, но он никогда не поймет, кого сразил, более того, если бы он видел, быть может, штык выпал бы из его рук. Все поэты «пролеткультов» — слепцы, не понимающие величия нашей эпохи. Они полагают, что прославление коммунистического благополучия, перечень лозунгов знамени, придворные мадригалы и прочее — это и есть новое искусство.

Выхваченные, как одно звено, они остаются жалкой — земной суетней, достойной хроникера, но не поэта. «Плач о гибели земли Русской» Ремизова или клерикальные бредни Леона Блуа — мятеж, а музыка «Интернационала», стихи из «Правды», всякие агитационные плакаты — стоячее, зацветшее болото.

Счастье нашего времени в его лете. Сегодня — для завтра мертво. Можно верить, что коммунистическая программа — новое Евангелие, что человечество успокоится в фешенебельных креслах мюнхенских декораторов, взятых на учет. Можно эту веру подкреплять соответствующими карами и разрешениями: печача

¹⁵⁸ Типографский пробел в публикации; восстановлено по смыслу.

тать Демьяна Бедного и устранить Вячеслава Иванова; вместо «Розы и Креста» ставить «Красные Зори» или «Борьбу за власть Советов на Кубани». Внешний успех обеспечен — тысячи «пролеткультов», в книжных магазинах только стихи о фабричных гудках и демонстрациях, на улицах плакаты мастеров из «Синего Журнала»¹⁵⁹, представляющие лихих красноармейцев. Это можно устроить, но нельзя никакими декретами насадить искусство по соответствующим директивам, но никакими запретами нельзя остановить безудержный ветер, творческую бурю, которая теперь охватила мир.

Смысл знамений наших дней велик. Он, конечно, не по плечу идеологам коммунизма. Мы трепещем на перевале. В небесах пылают две зори, закатная и восходная. Новый день, омытый нашей кровью, встанет в негаданной красоте. Взыгравшие силы найдут иную, невидимую нам гармонию. Нет пророка, который мог бы ныне прочесть письма небес и угадать, куда мчится земля. Быть может, нашим внукам эта революция будет казаться темным, сумеречным кануном, наше искусство — предрассветным томлением. Но есть у нас иная радость, муки родов, потеря всего, светлая нищета и щедрость безумия.

Наша земля действительно приняла огонь и мечется в звездной буре. Не ради фешенебельных гостиных мы пять лет горим на невозможном костре, горим все — русские, англичане, немцы, негры, «белые», «розовые», «красные», просто люди, но чтоб на выжженной земле зазвенели новые песни, выросла бы буйная, невиданная досель новь.

Жизнь: Еженедельная газета (Киев). 1919. 1-7 сентября

Главной трибуной Эренбурга-публициста в белом Киеве стала газета «Киевская жизнь». Как свидетельствует очевидец событий, меньшевистская «Киевская мысль», закрытая большевиками, не могла быть восстановлена в прежнем виде вследствие политических трений в редакции. Вместо нее вышла газета под названием «Киевская жизнь», в которой не принимали участие руководившие «Киевской мыслью» меньшевики Эйшишкин, Балабанов, Дрелинг, Наумов. Д.И.Заславский (Notunculus) — по партийной принадлежности бундовец — остался в редакции¹⁶⁰. Первый номер «Киевской жизни» вышел 7 сентября 1919, а уже в №4 (11 сентября) Эренбург напечатал первую из серии политических статей «Без бенгальского огня». Материалы Эренбурга печатались в 17 номерах «Киевской жизни» (статья «Об украинском искусстве» появилась 16 нояб-

¹⁵⁹ Иллюстрированный бульварный еженедельник, выходил в Петербурге в 1910-1918.

¹⁶⁰ АРР. Т.6. С.263.

ря¹⁶¹, когда автор ее уже уехал из Киева; авансированные редакцией очерки «Мои кочевья» печатались в трех номерах: 30 ноября, 2 и 7 декабря — Эренбург присылал их с дороги).

При белых изменилась форма литературной жизни города — диспуты и литературные вечера сменила печатная полемика в газетах различной политической ориентации. Таковы были, в частности, и отклики на сборник стихов Эренбурга «Огонь» (в сентябре его выпустило гомельское издательство «Века и дни»). 2 октября рецензент «Вечерних огней», приведя евангельский эпиграф к сборнику, заметил: «Новоявленный мессия обжигает нас лучами своего огненного вдохновения». Затем, протицировав строфу одного из стихотворений, выдал окончательный приговор: «При всем своем желании мы не могли найти в претенциозной книжечке ничего пророческого, юродства же в ней сколько угодно». Через неделю в газете «Русь» киевский поэт З.Давыдов высказался об «Огне» вполне восторженно: «Эренбург написал свою молитвенную книгу в смертный час России. Он один (может быть, ранее только еще и З.Гиппиус) был тем избранником, который обречен был — и в этой, и в предыдущей "Молитве о России" — испепелить свою душу на жертвенном огне. Он молился за Россию, "когда распинали московские соборы"¹⁶², так, как ни один из русских поэтов не молился. И этого Россия никогда не забудет».

Публицистику Эренбурга осени 1919 отличает стремление точно сформулировать идеологическую программу обновления России, определить тот третий — не большевистский и не монархический — путь, путь демократического развития, осуществить который не удалось ни в 1919-м, ни в 1991-м. В этом смысле наиболее характерна его программная полемическая статья «В защиту идеи».

В ЗАЩИТУ ИДЕИ

Я знаю, что идеи сейчас не в моде и что лучшей агитации, чем слобная булочка, не придумаешь. Со скептической улыбкой, как

¹⁶¹ Статьи Эренбурга из «Киевской жизни» вошли в кн.: В смертный час. Указ. изд. Статья «Об украинском искусстве» в нее не включена, выпала она и при подсчете числа публикаций Эренбурга в «Киевской жизни»: вместо 17 названо 16 (отмечу, что эта статья не только названа, но и процитирована в известной составителю книге «Илья Эренбург. Хроника жизни и творчества» (Т.1. СПб., 1993). Не включены в сборник и не упомянуты в нем все статьи Эренбурга, напечатанные в других киевских газетах 1918-1919 гг. — «Русский голос», «Утро», «Революционная борьба», «Жизнь». Еще больше немотивированных пробелов в «московской» части этого сборника. Послесловие составителя излагает обстоятельства жизни и творчества Эренбурга в Киеве в 1918-1919 упрощенно и неточно. Впрочем, в недавней монографии А.Рубашкина об Эренбурге этот период описывался, по существу, двумя соображениями: потянуло в более сытые и спокойные места и — с уходом красных оставаться в городе было все опасней (Рубашкин А. Илья Эренбург. Л., 1990. С.52, 54), — о киевской публицистике Эренбурга не говорилось вообще.

¹⁶² Первая строка стихотворения Эренбурга «В смертный час» (вошло в сборник «Молитва о России»).

пристроившийся чиновник о студенческих годах, вспоминает Россия о своих давних разноликих снах; Русская правда, св.София, всемирная революция... Где уж... Вот хлеб по восьми рублей... И «буржуазная чернь» Крещатика торжествует. Открыты «Интимные» театры. В клубах «железка». В кондитерских пирожные с заварным кремом. У Ивана Ивановича снова дом доходный, у Абрама Исааковича снова «мальцевские», у мадам Софи бриллиантовое кольцо. Снова жизнь! И они снисходительно благодарят освободителей, величественным жестом раскрывая бумажник и жертвуют в пользу Добровольческой армии стоимость одного ужина в «Континентале». Они не только считают жандарма крестоносцем — они готовы крестоносцев принимать за жандармов. Полтора года тому назад, так же приветливо улыбаясь, они кидали цветы под копыта германской конницы. А заказывая стакан кофе русскому офицеру, милостью гетмана попавшему в лакеи «Франсуа», они мечтали о культурных сенегальцах. Россия, Франция, Германия, Украина, ах, не все ли равно. Скудная география. Главное — порядок!

Есть публицисты, которым на руку это торжество чрева. Они умеют использовать усталость и бездумье. Один из них, достаточно Киеву известный, торжественно освятил несложное кредо обывателя: хочу кушать белый хлеб, ездить не на крыше, но с плацкартами и спать, не ожидая любопытных посетителей. Все это было до февраля 17-го года, значит, надо восстановить былую Россию. Какое дело Ивану Ивановичу до разгрома отчизны, до Сухомлинова¹⁶³, до Распутина и до темной униженной страны, уже беременной грядущим большевизмом? Он едет в Ялту! Да здравствует порядок!

Я осмелюсь отстать от моды и поплыть против течения. Я позволю напомнить Иванам Ивановичам, что добровольцы не городовые, единственной целью которых является возвращение награбленного имущества законным владельцам. Возрождение России — это не возобновление почтенной деятельности «Брачного листка», «Театра миниатюр» и погребка «Венеция». Добровольческая армия теперь большая и сложная величина, в ее рядах могут оказаться и движимые частными интересами и поддавшиеся голосу мести. Но разве за банки и за поместья сражались осенью семнадцатого года в Москве и Питере молоденькие юнкера, студенты и гимназисты? В степях Кубани и в городах Урала, босые,

---

¹⁶³ Владимир Александрович Сухомлинов (1848-1926) — военный министр царского правительства; в 1916 арестован за неподготовленность русской армии к войне, в 1917 приговорен к пожизненному заключению, в 1918 освобожден; эмигрант.

раздетые, голодные, разве они умирали за бриллианты м-м Софи и за дома Ивана Ивановича? Нет, трижды нет, не корысть, но великая идея на знамени встающих легионов.

Не надо забывать, что, кроме китайцев и реквизиций, кроме похищенных серебряных ложек и подвалов Садовой¹⁶⁴, у большевиков были идеи, пусть и ложные, но все же идеи. Даже банде разбойников нужно знамя. Идеи коммунизма были ненародными и нерусскими. Россия вкусила яда, изготовленного в чужих лабораториях, и не только за свои грехи ответила, за темноту, нищету и бесславие, но и за грех бездушного машинного Запада. И все же против большевистских идей нельзя выставить лозунг былой дореволюционной России, ибо большевизм и был ответом на идиллию прежнего строя. С чекистами и китайцами надо бороться штыками, с голодом — булками, но против знамени надо поднять знамя, с идеей бороться идеей.

Они говорят «интернационал», мы ответим «Россия». Это не сужение горизонта, не замыкание в интересы своей хаты. Мы знаем, что всечеловеческая правда познается по-особому каждой нацией, что можно перевести на все языки мира Данте или Пушкина, но нельзя написать «Бориса Годунова» на эсперанто. Через близкое-дальнее и любя Россию — любим мир. Униженные и разоренные, мы продолжаем верить в свою русскую правду. Мы видим Западную Европу в тупике, внешне мощную, внутренне подточенную тяжким недугом, роковым материализмом, социальными противоречиями. Что даст Европе Россия, мы не знаем, но в ночи вспыхнет негаданный факел. Но только не тащите из сундуков изъеденных молью одежд, не рядите новорожденного в ветошь покойника. Любовь к России — это не презрение к Западу, и своя русская правда не опровергает республиканского строя. О высоком назначении России грезили не только Леонтьев и Тютчев, но Пестель и Герцен. История не круг, но спираль. Были — Россия — бабушка в византийском терему, Россия — мать в пышном платье, которую били по кроткому лицу немецкие сановники и титулованные проходимцы. Россию — дочь, новую, грядущую, неомраченную, — мы дадим жаждущему миру.

Большевики говорят — насилие, мы отвечаем — свобода. Мы не верим в рай, куда нужно загонять людей пулеметами. Они насилием вводили свободу, мы свободно признаем цепи любви, ярмо жертвы, тяжкую ношу государственного строительства. Советский строй — аракчеевское поселение, все регламентировано, и люди вечно в строю. Всякий забежавший вперед или отстав-

¹⁶⁴ Адрес киевской ЧК.

ший, чья голова выше на вершок других, должен погибнуть. Зная новой России — свобода, и все, пытающиеся запретить человеку верить или думать, говорить или петь по-своему, только способствуют торжеству большевистской идеи насилия.

Большевики признают лишь революцию, мы верим в смену весен и зим, в неустанный ход жизни. Благодетельны грозы, но молния не бросает зерен и гром не жнет колосьев. Рука человека никогда не оставит молота, и лицо его всегда обращено вперед. Между Россией 1916 и 1919 годов — пропасть в триста лет. Большевики справа, как большевики слева, верят в прыжки. Но Россия больше не хочет акробатических упражнений. Она знает, что «стоять» значит умереть, что «прежде» — это смерть. Ее истоки — болото, ее устье — ясное и величественное море.

Вместо большевистского лозунга гражданской войны — согласие и мир. Вместо арифметической справедливости — жажда правды и любовь. Но мы узнаем о помещиках, сводящих старые счета с крестьянами, мы слышим о приключениях политических авантюристов, о счете, который будет предъявлен всему еврейскому народу. Черному противопоставляется белое, тьме — свет. Классовому угнетению нельзя противопоставлять угнетение другого класса. Мир меж народами России и общая работа над преодолением нечеловеческих тягот духовного и материального строения — вот за что мы боремся.

Дух против хаоса, Россия против ленинского «интернационала», свобода против насилия, любовь против ненависти. Слышите, Иван Иванович? Эти гордые слова не похожи на свистки городских, которые ловят вора. Не прославляйте же нынешних героев устами, славившими генерала Эйхгорна¹⁶⁵, гетмана Скоропадского¹⁶⁶ и ультрафиолетового Энно¹⁶⁷. А вы, для которых голос Иванов Ивановичей вдруг стал «Божьим голосом», не думайте, что вся Россия в восторге задремала, переваривая первый сытный и спокойный обед. Она проснулась, и широко разверстые глаза глядят на хмурую и трудную зарю неведомого дня, и великое сердце ее бьется жаждой новой правды.

Киевская жизнь. 1919. 27 сентября

¹⁶⁵ Герман фон Эйхгорн (1848-1918) — командующий немецкими войсками на Украине, убит эсером Борисом Донским.

¹⁶⁶ Павел Петрович Скоропадский (1873-1945) — украинский гетман в период немецкой оккупации Украины; бежал из Киева с уходом немцев.

¹⁶⁷ Эмиль Энно — французский вице-консул в Киеве и Одессе, представитель держав Антанты на Украине, имя которого постоянно мелькало в киевской прессе в связи с тайными переговорами о помощи союзников в борьбе с большевиками. См. о нем также в комментарии Б.И. Колоницкого: Лица. Вып.5. С.311.

В это же самое время в «Киевлянина», вспомнив старый лозунг «Юго-Западный край [т.е. Украина. — Б.Ф.] — русский, русский, русский», писали, что теперь не отдадут этот край «ни украинским предателям, ни еврейским палачам». Единого общероссийского антибольшевистского и антимонархического фронта не получалось.

14 октября неожиданный налет большевиков вызвал панику и массовое бегство из Киева. Эренбург в числе многих ушел из города пешком¹⁶⁸. Пережитым он поделился с киевлянами в статье «Исход»¹⁶⁹. Четыре дня в городе не выходили газеты; как только они возобновили свою деятельность, «Вечерние огни» начали целенаправленную погромную кампанию, публикуя адреса еврейских квартир, откуда якобы стреляли в спину бежавшим из Киева войскам Добровольческой армии. Фальшивку разоблачили на следующий день, но погромы уже начались. «Техника октябрьского погрома 1919 года была примерно следующая, — свидетельствует очевидец. — В еврейскую квартиру заходит вооруженная группа, человек пять-шесть. Один становится у парадной двери, другой у двери на черный ход. Один из шайки обращается к хозяину квартиры с речью: вы, евреи, мол, большевики и предатели, вы стреляли в нас из окон, вы уклоняетесь от призыва в армию и т.д. — извольте отдать на нужды Добровольческой армии все, что у вас есть ценного, деньги, золото, драгоценности; не отдадите добровольно, будете немедленно расстреляны... Под предлогом ареста уводили еврейских молодых людей, которые больше не возвращались. Расправлялись и с теми, кто позволял себе защищаться и защищать других. Убивали не в квартирах, не в пылу борьбы. Нет, жертву уводили и приканчивали в укромном месте. И в этом сказалась модернизация погромного дела»¹⁷⁰.

21 октября в «Киевлянине» была напечатана статья, запавшая в память всех вспоминавших осенний Киев 1919 года.

В.В.Шульгин

ПЫТКА СТРАХОМ

По ночам на улицах Киева наступает средневековая жуть. Среди мертвой тишины и безлюдья вдруг начинается душу раздражающий вопль.

Это кричат «жиды». Кричат от страха. В темноте улицы где-нибудь появится кучка пробирающихся «людей со штыка-

¹⁶⁸ См.: Минувшее. Вып.17. С.136.

¹⁶⁹ Киевская жизнь. 1919. 19 октября. №31.

¹⁷⁰ АРР. Т.6. С.267, 268. Киевские погромы вызвали протесты на Западе. Воззвание против них в Париже подписали А.Франс, А.Барбюс, А.Жид, В.Маргерит и др. (Киевская жизнь. 1919. 3 ноября. №8). Расследованию еврейских погромов на Украине посвящена книга Бернара Лекаша (с середины 1920-х парижского приятеля Эренбурга) «Когда Израиль умирает» (русский перевод: Л.: Прибой, 1928), получившая одобрение Р.Роллана.

ми», и, завидев их, огромные пятиэтажные, шестиэтажные дома начинают выть сверху донизу. Целые улицы, охваченные смертельным ужасом, кричат нечеловеческими голосами, дрожа за жизнь.

Жутко слушать эти голоса послереволюционной ночи. Конечно, страх этот преувеличен и приобретает, с нашей точки зрения, нелепые и унижительные формы. Но все же это подлинный ужас, настоящая «пытка страхом», которой подвержено все еврейское население.

Власть, поскольку это в ее силах, борется за то, чтобы не допустить убийств и грабежей. Русское же население, прислушиваясь к этим ужасным воплям, исторгнутым «пыткою страхом», думает свою думу.

Оно думает о том, научатся ли в эти страшные ночи евреи чему-нибудь.

Поймут ли они, что значит разрушать государства, не ими созданные? Поймут ли они, что значит добывать равноправие какой угодно ценой? Поймут ли они, что значит по рецепту «великого учителя» Карла Маркса натравливать класс на класс? Поймут ли они, что такое социалисты, из лона которых вышли большевики? Поймут ли они, что такое в России осуществление принципа народовластия?

Поймут ли они, что им надо делать сейчас?

Будут ли во всех еврейских синагогах всенародно прокляты все те евреи, которые приложили руку к смуте? Отречется ли толща еврейского населения с той же страстностью, с которой она нападала на «старый режим», от создателей «нового»? Будет ли еврейство, бия себя в грудь и посыпая пеплом главу, всенародно каяться в том, что сыны Израиля приняли такое роковое участие в большевистском бесновании?

Будет ли основана «еврейская лига борьбы с социализмом»?

Или же все останется по-старому, и после страшных ночей, проведенных в смертельном ужасе, по-прежнему будет создаваться «Лига борьбы с антисемитизмом», своим нелепым отрицанием совершенно явных фактов разжигающая антисемитские чувства?

Перед евреями две дороги:

Первая — *признать и покаяться.*

Вторая — *отрицать и обвинить всех, кроме самих себя.* От того, какой дорогой они пойдут, — будет зависеть их судьба. Уже ли же и «пытка страхом» не укажет им верного пути?

На следующий же день «Киевская жизнь» напечатала ответ Шулгины:

О ЧЕМ ДУМАЕТ «ЖИД»

В.В.Шульгин рассказывает, о чем думает он в эти жуткие темные ночи, когда доносится до него вой и плач «пытаемых страхом жидов». Я тоже слышал эти стоны и слезы и поэтому не могу я ни спорить, ни доказывать азбучной истины. В.В.Шульгин интересуется, о чем думают в эти ночи евреи, и чему учат их треск винтовок и грохот разбиваемых дверей. Надо ли еще раз говорить о том, что евреи, как и все люди, друг на друга не похожи и думают они по-разному? Верно, евреи-большевики радуются происходящему, ибо видят в этом поношение враждебной им идеи. Под замирающий грохот орудий они все же продолжают мечтать о своем «третьем интернационале». А сионистам грезятся не менее отдаленные белые пески приснившейся Палестины. Есть и такие, что не помышляют ни о Сионе, ни об интернационале, а только о шапке-невидимке, которая спасла бы их от шального взгляда разгневанного прохожего. Я хочу рассказать о том, что пережил и передумал я в эти дни, и вместе со мной все евреи, для которых Россия — родина, которые не уедут отсюда ни в Циммервальд, ни в Яффу, ибо дано человеку любить равной любовью родную землю и в годы тучных нив, и в годы голода и смерти. В прошлый четверг шел я из Дарницы в Киев, шел, радуясь русской победе и залитому солнцем крутогорбому Киеву.

Я пережил великую пытку, В.В.Шульгин, пытку страхом за беззащитных и обреченных. Никогда на фронте не испытывал я подобного, ибо там, рядом со мной, в окопах, были взрослые мужчины, а не грудные младенцы. Я все это пережил. Я не протестую, не уговариваю. Просто и искренно говорю — думал я в эти ночи о России.

Кто любит мать свою за то, что она умна и богата, добра или образована? Любят не «за то», а «несмотря на то», любят потому, что она мать. Помню, как спорил я с Бальмонтом, когда написал он в 1917 году прекрасное стихотворение «В это лето я Россию разлюбил». Я говорил ему о том, что можно молиться и плакать, но разлюбить нельзя. Нельзя отречься даже от озверевшего народа, который убивает офицеров, грабит усадьбы и предаст свою отчизну. В годы большевизма мне часто приходилось слышать такие понятные и вместе с тем такие невозможные рассуждения: «Ах, Россия, дикая, отвратительная страна!.. Если бы перейти хоть бы в бразильское подданство!.. Хотя бы прислали сюда негров, что ли?» Я видел тысячи Петров, отрекшихся от своей

родины; я познал, что многие любили Россию, как уютную квартиру, и прокляли ее, как только громилы выкинули из нее мягкие кресла. Может быть, и все муки приняла наша земля оттого, что любили ее не жертвенно, но благодарственно, за сдобные булки и хорошие места.

Я благословляю Россию, порой жестокую и темную, нищую и неприютную! Благословляю некормящие груди и плетку в руке! Ибо люблю ее и верю в ее грядущее восхождение, в ее высокую миссию. Не потому люблю, что верю, но верю, потому что люблю.

Есть оскорбления трудно забываемые, и мне тягостно вспоминать рыжий сапог, бивший меня по лицу. В первый раз это был сапог городского, изловившего меня «за революцию», во второй раз красноармеец избил меня за контрреволюцию. Это был сапог того, кто мнится мне Мессией. Я не потерял веры, я не разлюбил. Я только понял, что любовь тяжела и мучительна, что надо научиться любить.

В эти ночи я, затравленный «жид», пережил все то, о чем говорит В.В.Шульгин. Только «пытка страхом» была шире и страшнее, чем он думает. Не только страх за тех, кого громили, но и за тех, кто громил. Не только за часть — за евреев, но и за целое — за Россию.

Я верю и знаю — она воскресает, она просыпается. Этот маленький флажок трехцветный перед моими окнами говорит о том, что вновь открыт для жаждущих источник русской культуры, питавший все племена нашей родины. Ведь не нагайкой же держалась Россия от Риги до Карса, от Кишинева до Иркутска! Из этого ключа пили и евреи, без него томились от смертной жажды. В эти ночи я радовался взятию Киева и Орла, и я томился страхом, ибо там, где есть столько ненависти и мести, еще нет полного исцеления. Меня пытали страхом не только за еврейских детей, но и за великое русское дело.

Научились ли евреи чему-нибудь за эти ночи? — спрашивает В.В.Шульгин. Да, еще сильнее, еще мучительнее научились любить Россию. О, какая это трудная и прекрасная наука!

Любить, любить во что бы то ни стало! И теперь я хочу обратиться к тем евреям, у которых, как у меня, нет другой родины, кроме России, которые все хорошее и плохое получили от нее, с призывом пронести сквозь эти ночи светильники любви. Чем труднее любовь, тем выше она, и чем сильнее будем все мы любить нашу Россию, тем скорее, омытое кровью и слезами, блеснет под рубищами ее святое, любовь источающее сердце.

Киевская жизнь. 1919. 22 октября

Ответ Эренбурга Шульгину вызвал неоднозначную реакцию в интеллигентских кругах. Наиболее резко о статье Эренбурга высказался шесть лет спустя очевидец тех событий писатель С.Д.Мстиславский, назвав ее «рекордом холопства». Приведя выдержки из статьи Эренбурга, он заметил: «На фоне шедшего в городе "тихого погрома" цитированные выше строки, подкрепленные еще и другими, тоже "исходившими кровью сердца по трехцветному флажку" статьями Эренбурга, появившимися в те дни, вызвали гадливое чувство даже у самых невзыскательных. Обедая в ресторане в день появления этой статьи, я слышал, как издевалась над ней компания офицеров...»¹⁷¹.

Единственный, сколько мне известно, ответ Эренбургу напечатала газета «Жизнь» в №7 за 27 октября:

НА ЛЕСТНИЦЕ (открытое письмо И.Г.Эренбургу)

Лестница — вот вчерашний сборный пункт обывателей. Днем и ночью она насыщена своими особыми настроениями, острыми ощущениями и переживаниями. Здесь уж боятся, грезят, дремлют, бредят.

Отсюда, с лестниц Киева, услышал и В.В.Шульгин дикие нечеловеческие и «средневековые» стоны. Потому что здесь в первую очередь узнают, кого и где убили, изнасиловали, ограбили. Нет, не вестибюль, не «парадная», не случайные ступени, — *лестница* — новый символ нашего уродливого, извращенного быта...

Я, может быть, преувеличиваю. Но у меня большая психология еврея, стоящего на лестнице. И вот мне приходит в голову, врывается мне в душу одна лишь мысль — исход.

Между одним и другим налетом, на лестнице я прочитал, г.Эренбург, Вашу блестящую статью «О чем думает жид». И сразу же решил: нет, еврей так не думает. Да, и я знаю эту привязанность и любовь к России, которая обуревают еврея и здесь, на русской земле, и на чужбине. Гонимые, без права на жительство, не попавшие в русскую школу и в русский университет из-за процентных ограничений, пережившие погромы в нескольких поколениях, мы не устали любить Россию. Мы ее любили и любим — в этом Вы правы, И.Г., — но в этом не наше благословение, а наше проклятие.

Еврейская интеллигенция в России слилась в чаяниях и действиях с русской интеллигенцией и вместе с нею не за «развал», не за «разрушение», но за освобождение и своей родины отдавала свою жизнь. Вместе с русской интеллигенцией мы мечтали о народовластии, а не о «комиссародержавии», о братстве и равенстве,

¹⁷¹ Былое. 1925. №1. С.192-193.

а не о «чрезвычайках», вместе с нею считаем первыми «контр-революционерами», мракобесами и предателями освобождения целой страны людей эшафота и чрезвычайки, вышедших, может быть, и из ее и из нашей среды.

Развал, боль крушения из-за держиморд большевизма — мы переживаем общие.

Но ведь у нас, евреев, есть еще одна боль, своя отдельная драма жизни, которой мы не желали замечать прежде, которую не желаете и сейчас видеть Вы, г.Эренбург, но которая шипами колет еврейское сердце.

На лестнице я читаю: «Я благословляю Россию, порой жестокую и темную, нищую и неприютную! *Благословляю не кормящие груди и плетку в руках* (курсив мой). Ибо люблю ее и верю в ее грядущее восхождение, в ее высокую миссию. Не потому люблю, что верю, но верю, потому что люблю».

Кто это пишет в таком иступлении, с надрывом в душе, кто выкрикивает эти нервные слова надорванным голосом, почти в истерике? Это с лестницы говорит поэт Эренбург, у которого есть только одна молитва о России и нет другой для еврея. До какого слияния с чужой культурой нужно дожить, до какой ступени рассеять свой дух по чужой земле, чтобы сказать эти слова, звучащие, как псалом иступленного?..

Но ведь ни один славянофил современности в стане русской интеллигенции еще не вымолвил, кроме разве Лациса¹⁷² и идеологов погрома, благословения плетке в руке и ни один не назвал *Мессией* сапог красноармейца, избивавшего за «контрреволюцию». Напротив, явственно мы слышим слова лучших русских людей, неистово влюбленных в Россию и нестерпимо стыдящихся «плетки» и «сапога».

Мы слышали проклятия русскому народу за «плетку» и «сапог» от Герцена и Чаадаева. И вдруг благословение, приятие, оправдание плетки — от еврея — поэта Эренбурга!

В годы, когда Ив.Бунин пишет свои огненные проклятия родине, когда Ал.Ремизов в адской тоске вырывает из сдавленной груди стон: «Нет, я не русский... не русский...», в эти дни еврей Эренбург забывает обо всем на свете, кроме любви к России, любви во что бы то ни стало, хотя это от психологии раба, но вовсе не от психологии сына великого народа и гордой страны.

Очевидно, ассимиляция еврейской интеллигенции стала рабством. Поэт Эренбург выразил это так ясно.

---

¹⁷² Мартын Иванович *Лацис* (Ян Фридрихович Судрабс; 1888-1938) — член коллегии ВЧК, в апреле—сентябре 1919 председатель Всеукраинской ЧК. Расстрелян.

Мы живем на лестнице, а не в доме, и я даже думаю, что мы живем в подворотне среди сутулых и согбленных людей — и там у нас рождаются смиренные благословения и извращенная психика. На чужбине в Америке старые евреи — выходцы из России, пережившие по несколько погромов, тоскуют и плачут по родине. В Париже, в суе и сумбуре Латинского квартала, еще не так давно и я бродил среди эмигрантов и *безумно* тосковал по России. Еще раньше я осенними холодными ночами расхаживал по петроградским улицам, не имея пристанища за отсутствием «права на жительство». Но и тогда я тосковал и любил только Россию.

Сейчас я стою на лестнице. Возле меня — евреи. Я пережил всю боль за поругание революции большевиками, весь ужас — озверения масс, весь гнет — мести и ярости расколовшихся групп народа. Но ведь самое болезненное, самое гнетущее, самое кровавое я пережил как еврей.

И вот почему я думаю, что грех — убить в своей душе чувство сродства с евреями, и что для всей еврейской интеллигенции открылось непреложное жизненное дело — мыслить об *исходе* еврейских масс. Куда? Не знаю... Но для меня ясно, что лестница не дом, не родина. И понял, что нужно, непременно нужно еврею отдать все свои силы, мысли, чувства и действия, сейчас, евреям.

Самуил Марголин¹⁷³

Три позиции, заявленные в трех статьях о киевских погромах 1919 года, — великодержавная, ассимиляционная и национальная — были уязвимы каждая по-своему.

В воспоминаниях, записанных 51 год спустя, Шульгин, говоря о статье «Пытка страхом», представлял действия погромщиков как вполне невинные, а действия евреев как неадекватные: «Шел в городе так называемый "тихий погром". Он состоял в том, что по вечерам, когда стемнеет, в еврейские дома входили вооруженные бандиты и требовали, чтобы их кормили. Они были голодные и потому тихие. Но естественно, что евреи тоже не купались в изобилии. Эти тихие налеты им не нравились, и они отвечали на это громко, необузданно громко. Под лозунгом "Делайте шум" они выбегали во дворы с тарелками и кастрюлями и подыма-

¹⁷³ Журналист С.А.Марголин, вернувшийся в Россию, как и Эренбург, из парижской эмиграции в 1917, печатался в киевских изданиях и при большевиках (скажем, рецензия на спектакль К.Марджанова «Фуэнте Овехуна» в газете «Театр» №9, 4-7 мая 1919; 9 апреля газета «Революционная борьба» сообщала о его докладе «Стихия восстания — муза Александра Блока» в кинотеатре Шанцера), и при белых (в №1 газеты «Жизнь» рецензия на книгу «Народное искусство Галиции и Буковины», в №6 — статья «Максимализм в искусстве», в №12 — «Всемирный держиморда»). Впоследствии эмигрировал; в 1925 его статьи о художниках (цикл «Московские мастера») появились в просоветской газете «Парижский вестник» (№165. 7 ноября и №178. 2 декабря).

ли отчаянный шум с криком: Спасайте такой-то дом!! Эти вопли по ночам были нестерпимы. Человеческих жертв не было, никого не убивали, но мрачность этой обстановки действовала на нервы»¹⁷⁴. При этом Шульгин не считал нужным вспомнить ни дореволюционные (вполне реальные, а не «тихие») погромы, ни черту оседлости, ни процентную норму, ни прочие дискриминационные меры. Между тем *история* еврейского вопроса была чрезвычайно важна для разумной ориентации в 1919. Получив миллионы евреев в наследство вместе с оккупированной еще при Екатерине Польшей и не дав им статуса полноправных граждан, властители России заложили еще одну мину в фундамент государства. В 1917-1920 великодержавные амбиции политиков типа Шульгина способствовали провалу белой идеи. Пришлось довольствоваться осуществлением великодержавной программы в сталинском варианте.

В статье Эренбурга выражена его личная позиция безусловного сторонника ассимиляции, человека, не знавшего еврейского языка, никогда не изучавшего всерьез еврейскую культуру и традиции. Всю жизнь он оставался убежденным противником еврейской автономии, как своего рода гетто. Эренбург вспоминал о своем еврействе только в связи с антисемитизмом, но уж в этом смысле никогда не имел возможности о нем забыть. Погромы 1919 года писатель воспринял в контексте общероссийской проблемы построения демократического общества. Осуществление этого он тогда связывал только с Добровольческой армией — отсюда не инвективный, а неожиданно молитвенный тон его статьи. Выражение «благословляю плетку», что и говорить, «подставило» Эренбурга, хотя, подобно тому, как «благословение не кормящих грудей» не означало благословение голода, оно было несомненно молитвой о выздоровлении России, физическом и моральном. Именно смещение акцента с осуждения погромщиков на вполне христианскую «молитву о России»¹⁷⁵ и не прощали евреи Эренбургу.

В этом смысле направленная против погромщиков статья С.Марголина была убедительна и там, где речь шла о собственно еврейской (вне общероссийской) проблеме, но до тех пор, пока автор не подводил читателя к мысли «об исходе еврейских масс». Географическая безадресность этого призыва (Марголин явно не соблазнялся сионизмом) лишала его какой-либо содержательности.

***

Последняя статья Эренбурга, написанная в Киеве, называлась «Об украинском искусстве». В пору, когда русский шовинизм на Украине, разогретый событиями гетманского и петлюровского правления, пытался

¹⁷⁴ Лица. Вып.5. С.275-276.

¹⁷⁵ Заметим, что летом и осенью 1917 Эренбург пересек Россию от Петрограда до Крыма, и увиденного ему хватило, чтобы принять решение вернуться на Запад; свое решение он объяснял Волошину так: «Делаю это, чтобы спасти для себя Россию, возможность внутреннюю в ней жить» (Звезда. 1996. №2. С.195). Отринуть Россию навсегда он не желал и не мог.

утвердить полное пренебрежение украинской культурой, Эренбург писал о совсем еще молодых украинских поэтах и художниках с душевным теплом и участием.

ОБ УКРАИНСКОМ ИСКУССТВЕ

Как-то весной пришлось мне беседовать с одним украинским писателем, вождем киевской литературной молодежи¹⁷⁶. Сначала все шло по-хорошему — мы оба «душу облегчали», жалуясь друг другу на невежество и деспотизм идеологов «пролетарской культуры». Потом заговорили о завтрашнем дне, и собеседник мой резко изменился. Человек высокой культуры, он в своей ненависти к русскому началу дошел до восхваления коновальцевской войны с твердыми знаками.

«Яд в малых дозах может явиться целительным, и мы должны привить народу яд шовинизма», — говорил он. Его возмущали не только та или иная форма государственного устройства России, но и русская культура, русская интеллигенция, русский язык. Он готов был за дурной нрав какого-нибудь исправника мстить Достоевскому и, узнав о закрытии украинской газеты, отрицать Пушкина. Он был не одинок, и, к прискорбию, слишком часто украинскими культурными деятелями руководила, в лучшем случае, слепота сектанта из лозаннского кафе, в худшем — политический авантюризм.

Теперь картина изменилась — вместо искусственного увеличения начинается умаление и отрицание всего, сделанного украинцами в области культуры и искусства. Порой русские литераторы ослеплением и непримиримостью напоминают мне описанного украинца. Я не верю в лечебные свойства шовинистического яда и слишком крепко верю в мощь и величие русской культуры, чтобы объявить войну мягким знакам и брать штурмом «книгарні». Мне кажется, что области культурные, и в частности вопрос об украинской литературе, должны быть отделены от политической тяжести. Прежде всего следует бросить спор об имени. Жители Барселоны требуют, чтобы их называли каталонцами, а негры на Кубе,

¹⁷⁶ Видимо, речь идет о Михайло Семенко (1892-1937), вожде украинских футуристов, авторе сборника «Кверофутуризм» (1914). «Среди украинских футуристов, — вспоминал Эренбург, — самым шумным был футурист Семенко; он был невысокого роста, но голос у него был сильный; он отвергал все авторитеты и уважал только Маяковского» (ЛГЖ. Т.1. С.294). С Семенко Эренбург встречался в Киеве и в 1924 на репетициях спектакля «Универсальный Некрополь» в театре-студии им. Г.Михайличенко (см. об этом воспоминания: Терещенко Марко. Кризь лет часу. Киев, 1974. С.28).

недовольные своим именем, заменили его аллегорическим «брюнеты». Требуется ли этого историческая точность или только элементарная вежливость — все равно, пусть украинцы будут украинцами. Далее, праздным является вопрос о том, что такое украинский язык — вполне сложившийся язык или только диалект. Филологи, как и все смертные, одержимы страстями, а официальных экзаменов на право именоваться языком не существует. Гораздо разумнее проверить, что создано за последнее время украинцами в литературе и искусстве.

Начну с поэзии и вновь вернусь к проблеме языка, отнюдь не с точки зрения политики и национальности. Народ растет органически, и его нельзя объявить, как «самостийную» державу. Уплотнение украинского словаря, произведенное в спешном порядке, быть может, и пригодилось для передовиц и канцелярий, но поэтам оно помочь не могло. Украинский язык вырос и жил в деревне; пересаженный в кабинет философа или на улицу современного города, он поблек и зачах. Поэтому у поэтов, близких природе, народным образам и цельным лирическим переживаниям, язык красочен и богат. Зато авторы стихотворений абстрактных, философских или передающих усложненные, истонченные чувства современного человека, певцы города не могут преодолеть трудностей юного языка. Сплошь да рядом мы встречаем у украинских критиков обвинения поэтов (даже Тычины¹⁷⁷) в употреблении «москализмов». Напуганные поэты поворачиваются лицом в другую сторону и заселяют язык часто совершенно неприемлемыми галицинизмами, напоминающими жаргон Игоря Северянина.

Винниченко¹⁷⁸ как-то в статье заверял, что Украина получила от России только царя, самовары и тараканов. Его собратья по перу, украинские поэты, могли бы опровергнуть сие глубокомысленное заключение. Вся молодая украинская поэзия носит следы глубокого и длительного влияния поэзии русской. Это вполне естественно, и не только потому, что русская муза старше и богаче своей южной сестры, но и вследствие стремления молодых украинцев оторваться от былых традиций. Преодолев простое подра-

---

¹⁷⁷ О встречах с Павло Тычиной (1891-1967) в Киеве в 1918-1919 Эренбург вспоминал: «Встречал я П.Г.Тычину, молчаливого, мечтательного; казалось, что он все время к чему-то прислушивается; была в нем мягкость, доходящая до смущения. Поглядев на него, я как-то сразу поверил, что он настоящий поэт» (ЛГЖ. Т. I. С.294). В издании мемуаров Эренбурга (М., 1961), хранящемся в личной библиотеке П.Тычины в Киеве, эти строки подчеркнуты красным карандашом.

¹⁷⁸ Владимир Кириллович Винниченко (1880-1951) — украинский писатель, в марте 1917 один из организаторов Центральной рады; в ноябре 1918 — феврале 1919 глава Украинской директории; эмигрант.

жание Шевченко, они очутились в пустыне, в то время как в России поэтическая культура 90-х годов была очень высока, а неутомимые искатели пролагали все новые и новые пути. Все чужестранные воздействия доходили до украинских поэтов через Россию. Наконец, проблемы формы — ритма, рифмы и аллитерации, — уже разрешенные на Севере, при близком родстве двух стихосложений, заставляли украинцев учиться у русских поэтов. Этим я ничуть не хочу умалить достоинств и значительности украинских поэтов, ибо встающий образ Бальмонта вовсе не лишает меня возможности наслаждаться многими строфами Олесь¹⁷⁹.

Самым своеобразным и сильным из молодых поэтов является П. Тычина. В его стихах не космический пафос религии, но ее лирическая магия. Он удачно сочетает народный земляной дух с умеренными отступлениями импрессиониста. Относящимся с недоверием к музыкальным возможностям украинского языка достаточно прочесть его стихи о Скорбной Матери. Он испытал влияние различных русских поэтов от Блока до Есенина, но в каждом стихе проступает его поэтическая индивидуальность. Его крохотная книжка «Сопяшні Кларнети»¹⁸⁰ служит оправданием сотням никому не нужных томов и всему отнюдь не поэтическому шуму, с которым выступила в свет украинская литература.

Стихи Загула¹⁸¹ «На грані» пошли от «Тишины» и «Безбрежности» Бальмонта. Рыльский¹⁸² хороший ученик хороших учителей Анненского и Блока. Ярошенко¹⁸³, к сожалению, учится у Виктора Гофмана¹⁸⁴. Футурист Семенко весь еще во власти «демонических» сюжетов ранних декадентов и словотворческих шалостей Игоря Северянина. У всех этих поэтов есть хорошие стихотворения, но в целом все они (кроме Тычины), оторвавшиеся от безымянной народной песни, поэзии индивидуальной еще не создали.

¹⁷⁹ Александр *Олесь* (Александр Иванович Кандыба; 1878-1944) — украинский поэт, входивший в 1919 в группу украинских символистов «Музагет»; в 1919 эмигрировал, с 1923 жил в Праге.

¹⁸⁰ «Солнечные кларнеты» — первая книга П. Тычины (Киев, 1918).

¹⁸¹ Дмитрий Юрьевич *Загул* (1890-1938) — украинский поэт, в 1919 входил в группу «Музагет».

¹⁸² Максим Фаддеевич *Рыльский* (1895-1964) — украинский поэт. См. о нем: ЛГЖ. Т. I. С. 283.

¹⁸³ В. М. *Ярошенко* (1898-1937) — украинский поэт, в 1919 входил в группу «Музагет», издавал одноименный журнал (1919, №1-3). С апреля 1919 Эренбург и Ярошенко служили в литературной секции подотдела искусств Киевского губнарбраза; в те же месяцы они работали в «Мастерской художественного слова».

¹⁸⁴ Виктор Викторович *Гофман* (1884-1911) — русский поэт, символист, эпигон Бальмонта, покончил самоубийством в Париже.

В области живописи дело обстоит еще печальнее. Крайне интересны работы художницы Прибыльской¹⁸⁵ по собиранию народного творчества Украины. Но в работе современных художников совершенно отсутствуют какие-либо национальные черты. Пришлось прибегнуть к излюбленному методу — перекрашиванию вывесок. Например, художник Петрицкий¹⁸⁶, по мере своих сил и разумения переживавший Париж (через Москву), был объявлен национальным украинским художником.

Заслуживают всяческого поощрения искания «Молодого театра», хотя они сильно отравлены невзыскательным «модернизмом» и совершенно чужды национальному началу.

Таковы итоги. Пусть они скудны и бледны. Не надо забывать, что творческая работа украинцев протекала при обстоятельствах крайне неблагоприятных. «Самостийники» приказали в двадцать четыре часа создать украинскую культуру, как большевики — пролетарскую. Парады и празднества мало способствуют истинному творчеству. Я верю, что теперь украинское искусство, перестав быть золоченой мишурой на коронах мгновенных властителей, окрепнет и утвердится. Песни создаются в поле и в тюрьме, но не в приемных дворцов. Пусть иным публицистам из «малороссов», которые готовы исправить Пушкина, осмелившегося говорить об «украинской ночи», не дают спать еще неувядавшие лавры коновальцевских маляров. Стихи Тычины не зависят от того, беседует ли Клемансо с Петлюрой гласно или только на ушко в уголке, ибо опыт пяти лет доказал необходимость несколько переделать латинскую поговорку: орудия замолкают, но не Музы.

Киевская жизнь. 1919. 16 ноября.

Пережив в Киеве четыре политических режима и при каждом находя свою нишу, Эренбург покинул родной город в начале ноября 1919¹⁸⁷. Эренбург двигался в Крым, к морю, чтобы оттуда отправиться в Европу¹⁸⁸. Судьба решила иначе — прожив в Коктебеле почти год, Эренбург в октябре 1920 оказался в Москве.

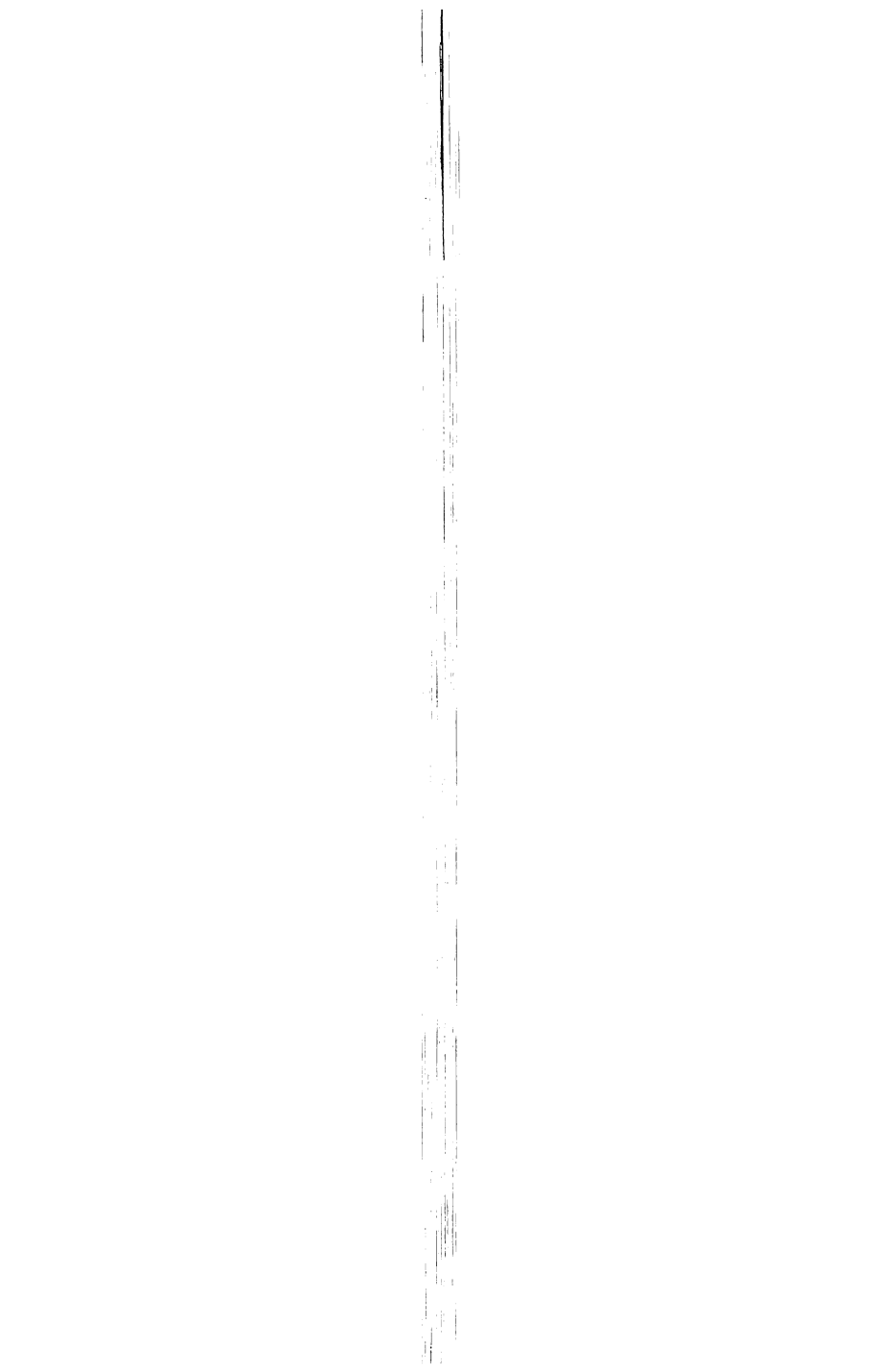
¹⁸⁵ Евгения Ивановна *Прибыльская* (1878-1948) — киевская художница, см. о ней: ЛГЖ. Т.1. С.292.

¹⁸⁶ Анатолий Галактионович *Петрицкий* (1895-1964) — киевский театральный художник, ученик А.А.Экстер.

¹⁸⁷ 12 ноября харьковская газета «Заря России» поместила заметку «Приезд Ильи Эренбурга»: «В настоящее время в Харькове остановился на некоторое время проездом в Крым поэт Илья Эренбург, известный своей книгой "Молитва о России"». Поэт предполагает на днях прочесть здесь лекцию на тему: Искусство и Европа сегодняшнего дня».

¹⁸⁸ 8 ноября «Вечерние огни» в обычном своем тоне сообщали: «Поэт Илья Эренбург уезжает за границу. Как нам сообщают из надежного источника, И.Г.Эренбург в Париже и других центрах Европы намерен заняться печатной агитацией».

***ИЗ ЛИЧНЫХ
АРХИВОВ***

**Редактор-составитель раздела
Э.ГАРЭТТО**

ДВЕ ЭМИГРАЦИИ ПИСАТЕЛЯ АМФИТЕАТРОВА

Составитель раздела Э.Гарэтто

В настоящем разделе публикуются материалы из архива писателя и журналиста Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862-1938). Несмотря на внушительный объем раздела, он представляет лишь самую малую часть огромного амфитеатровского архива, охватывающего не только его многообразную литературную и общественную деятельность, но и содержащего в себе обильный массив документов по истории русской культуры с конца 1880-х почти до начала Второй мировой войны¹.

Поскольку Амфитеатров наиболее яркую часть своей жизни провел в противостоянии российскому правительственному режиму (сначала — царскому, а затем — большевистскому), то наиболее информативные пласты его архива отложились за время двух эмиграций (первой — в 1904-1916 и второй — с 1921 до конца жизни). Поэтому включенные в настоящий раздел публикации и посвящены этим двум периодам.

Первый из них представлен здесь лишь частично: обзором жизни писателя во время первой русской революции и перепиской с поэтом М.Волошиным того же времени². Второй из названных периодов — как и для многих других российских деятелей культуры и общественности, — остается значительно менее изученным,

---

¹ О составе и истории формирования этого архива см. наше сообщение: Гарэтто Э. Наследие А.В.Амфитеатрова за рубежом // Культурное наследие российской эмиграции 1917-1940. Кн.2. М., 1994. С.416-421.

² Более обстоятельную публикацию об этом периоде деятельности Амфитеатрова см.: Литературное наследство. Т.95: Горький и русская журналистика начала XX века. М., 1988.

несмотря на ряд публикаций за последние годы³, главным образом из-за обилия сохранившегося и пока еще труднодоступного материала. Поэтому для характеристики этого периода мы отобрали три более объемных эпистолярных комплекса: переписку Амфитеатрова с русскими в Польше, с поэтом Вяч.Ивановым, жившим в Италии, и прозаиком М.Алдановым — в Париже.

***

Ореол одного из внепартийных лидеров антимонархической эмиграции не утратил своего значения и в новой реальности — эмиграции антибольшевистской. Установившиеся еще до революции связи Амфитеатрова с политическими деятелями разных ориентаций сохраняются. Как и дореволюционные жилища Амфитеатрова в Феццано и Кави ди Лаванья, дом в Леванто становится средоточием полуподпольной деятельности, нацеленной на Россию.

Его политическая позиция в это время основывается преимущественно на непримиримом антибольшевизме с упором на «активные методы борьбы» (включая индивидуальный террор и даже диверсии). Амфитеатров резко эволюционирует вправо, откровенно симпатизирует Муссолини (а с начала 1930-х — и Гитлеру), разочаровывается сначала в социалистах, а затем и вообще в представителях демократического лагеря, не стесняется даже связей с монархистами (хотя наиболее крайние из них его не приемлют сами — не могут простить «Господ Обмановых»).

Подобно тому, как, живя в дореволюционной эмиграции, он не переставал мечтать о «своей газете» и метить во властители дум всей читающей России, так и сейчас время от времени его ведет «потолковать с эмиграцией по душам», выяснить «отчего мы такая дрянь?». С представлениями об учительной функции русской литературы, о ее громадной роли в отечественной истории, о долге русского писателя перед Родиной — он расстаться не может.

---

³ См., напр.: Кондратьев А. Письма Амфитеатровым / Публ. В.Крейд // Новый журнал (Н.-Й.). 1991. №181. С.139-172; №182. С.106-130; Письма З.Гиппиус к А.Амфитеатрову / Публ. Ж.Шерона // Новый журнал. 1992. №187. С.297-307; [Письма К.Бальмонта Амфитеатровым 1906-1938] // Бальмонт К.Д. «Где мой дом?»: Стихотворения, /.../ письма / Сост. В.Крейд. М., 1992. С.401-414; Амфитеатров и Савинков: Переписка 1923-1924 / Публ. Э.Гарэтто, А.И.Добкина, Д.И.Зубарева // Минувшее: Исторический альманах. Вып.13. М.; СПб., 1993. С.73-158; Письма З.И.Гржебина к А.В.Амфитеатрову (1921-1924) / Публ. Ж.Шерона // Око: Вестник Русского института в Париже. 1994. №1. С.43-46; Письма Д.С.Мережковского к А.В.Амфитеатрову / Публ. М.В.Толмачева и Ж.Шерона // Звезда. 1995. №7. С.158-169 и др.

Провал фантастического проекта итальянской вооруженной интервенции в Россию с целью освобождения ее от большевизма⁴, а также вполне недвусмысленный отказ Муссолини использовать Амфитеатрова в качестве эксперта по русским делам — вовсе не обескураживают нашего героя. Много времени и сил он отдает деятельности полумифической антибольшевистской организации — Братству Русской Правды; постоянно выступает на страницах печати с разоблачениями происков ГПУ в Европе; а под конец жизни, как бы мы теперь сказали, «раскручивает» бежавшего из СССР М.З.Никонова (С.В.Смородина) — фактически пишет за него воспоминания о «красной каторге» и антибольшевистском подполье в СССР, пристраивает их в газеты, организует переводы и т.д.

Амфитеатровский «активизм» сказывается на его литературной судьбе двояко. С одной стороны, резко манифестированное «поправение» закрывает ему путь в некоторые важные органы печати Зарубежья. Ни в кадетские «Последние новости», ни в основанные эсерами «Современные записки» ходу Амфитеатрову нет. С другой стороны, оживляются некоторые старые, казалось бы, утраченные навсегда связи и завязываются новые отношения.

Так, давнее знакомство с П.Б.Струве помогает Амфитеатрову уверенно обосноваться в «Возрождении», а добрые отношения в 1900-е с редактором «Руси» А.А.Сувориным способствуют знакомству с его братьями — Михаилом (редактором белградского «Нового времени») и Борисом (возглавлявшим несколько лет парижское «Вечернее время», а затем «Шанхайскую зарю»).

На страницах эмигрантской периодики писатель публикует фрагменты своей неисчерпаемой беллетристики; театральные и литературные воспоминания; полуйсследовательские-полухудожественные очерки на излюбленные им темы: судьба русской женщины, народные поверья и предания, фольклорные и этнографические наблюдения; наконец острые политические статьи и литературную критику. Несмотря на то, что Амфитеатров — опытный «газетный волк», отношения с изданиями складываются нелегко: одни не могут своевременно и полноценно платить (как варшавская «За Свободу!»⁵), другие не устраивают писателя политически (как берлинский «Руль»), отношения с которым не продлились и двух лет), третьи — неожиданно закрываются от безденежья (как белградское «Новое время» — на самом пике амфитеатровского успеха на его страницах⁶).

⁴ См. подробнее: Амфитеатров и Савинков: Переписка 1923-1924. Указ. изд.

⁵ См. ниже публикацию Д.И.Зубарева в наст. разделе.

⁶ Публикация здесь эссе Амфитеатрова «Стена Плача и Стена Нерушимая»,

Не лучше обстояло дело в эмиграции и с книгоизданием. После шумного успеха «Горестных замет»⁷ Амфитеатрову удалось переиздать в эмиграции ряд его знаменитых дореволюционных книг («Жар-цвет», «Восьмидесятники», «Марья Лусьева» и др.), продолжить хронику «Концы и начала» романом «Вчерашние предки», а также напечатать часть своего обширного труда по демонологии и фольклору «Одержимая Русь»⁸. Однако вольно предаться сочинению новых беллетристических произведений ему так и не довелось.

Трудно шли у него дела и с итальянскими книгоиздателями и периодикой. Несмотря на завязавшиеся еще в период первой эмиграции прочные связи с местной прессой и новое знакомство с одним из наиболее талантливых переводчиков Р.Кюфферле⁹, по-итальянски было опубликовано совсем мало амфитеатровских произведений. Видимо, не последнюю роль здесь сыграла и откровенно правая позиция Амфитеатрова, осложнявшая его отношения с той частью итальянской интеллигенции, которая была настроена антифашистски.

Во второй эмиграции Амфитеатров вступает в эпистолярный контакт со многими писателями, от которых раньше он был далек. Помимо тех, чьи письма уже напечатаны и публикуются ниже, это — Бунин, Шмелев, Тэффи, Б.Зайцев, Саша Черный, А.Куприн, А.Ремизов и др. Переписка с некоторыми из них была продолжительной и весьма объемной. Примечательно, что многие писатели, далекие от Амфитеатрова политически и художественно, постоянно выказывают ему знаки большого уважения, видят в нем старейшину литературного цеха. Сам он также с неизменной

вышедшего затем двумя отдельными изданиями, вызвала одну из последних вспышек читательского внимания к писателю в русской диаспоре.

⁷ Очерки красного Петрограда. Берлин, 1922.

⁸ Подробные сведения обо всех перечисленных изданиях приведены в комментариях к публикуемому в разделе материалам.

⁹ Кюфферле Ринальдо Петрович (1903-1955) — уроженец Петербурга. Его отец — скульптор и литератор; мать — Анна Будайтис-Вольская (см.: Chi è? Dizionario biografico degli italiani d'oggi. Ed.5. Roma, 1948. P.337). После революции Р.Кюфферле уехал в Италию, преподавал русский язык и литературу в миланском культурном центре Circolo Filologico, сотрудничал в крупнейших газетах и журналах. Сам поэт и прозаик, становится одним из самых рафинированных переводчиков классической и современной русской литературы (переводит Пушкина, Тургенева, Достоевского, Бунина, Б.Зайцева, Шмелева, Мережковского, Вяч.Иванова, Алданова). Переводил либретто опер Римского-Корсакова, Мусоргского, Стравинского. Позднее был известен и как антропософ. Соавтор Амфитеатрова по антологии русского юмора (Amfiteatrov A., Küfferle R. *Intorno al samovar: Umoristi russi moderni*. Milano: Bompiani, 1931). Амфитеатрову посвящена его статья «Amfiteatrov, ospite nostro» (Corriere della Sera. 1929. 29 aug.).

живостью откликается (печатно или в письмах) на новые произведения собратьев по перу, твердо веря в творческие силы русской литературы в изгнании.

Помимо профессиональных вопросов большое место в переписке Амфитеатрова занимают история и политика¹⁰, здоровье (он и его корреспонденты, как правило, не молоды), а также материальные проблемы.

***

Частная жизнь писателя в солнечной Италии ничуть не напоминала дореволюционную и по концентрации трагических эпизодов вполне могла бы составить канву объемного романа. Почти во всех его письмах встречаем жалобы на крайнюю бедность (вплоть до отсутствия денег на почтовые расходы). Едва поселившись в Леванто весной 1922, он оказывается в гуще финансовых и хозяйственных проблем.

Литературных заработков сразу начинает не хватать на жизнь. Из России вывезти ничего не удалось. Единственная ценность, которой Амфитеатров располагал, — огромная библиотека, которую он оставил в Леванто в 1916 в надежде скоро за ней вернуться. Библиотека выручает¹¹, но ненадолго.

Будучи оторван от Италии войной и революцией, писатель сильно задолжал арендодателям. Началась изнурительная судебная тяжба, завершившаяся секвестром всего имущества в покрытие долга и процессуальных издержек. Уже в 1923 Амфитеатровы вынуждены покинуть виллу Оливьери в Леванто и переселиться в уединенную местность в двух километрах от города, известную местным жителям под названием Л'Агоре. Там в оливковой роще находился дом амфитеатровских друзей, и те разрешили им в нем жить из сочувствия к бедствиям писателя. В новом доме приходится разводить кроликов и выращивать овощи. Но и это не спасает от долгов и кредиторов. Материальные бедствия в 1929 усугубля-

---

¹⁰ Мучительные поиски причин прихода большевиков к власти, фантастические слухи о скором их падении, нередко сопряженные с разнообразными обвинениями и шпиономанией, составляли неизменный контекст этих дискуссий.

¹¹ «Эмигрантская берзобитца вынудила меня еще в 1923 г. расстаться с моею весьма обширною библиотекой. Ее приобрело у меня правительство Чехословацкой республики, но, благодаря любезности президента, мне было предоставлено право удержат в своем пользовании отделы библиотеки, нужные для завершения некоторых книг» (Амфитеатров А. [Предисловие] // Он же. Одержимая Русь. Берлин, 1929. С.3).

ются психической болезнью сына — Романа, которого в конце концов приходится поместить в лечебницу.

Под бременем всех этих невзгод, в деревенском одиночестве и нищете, отказавшись от многих идеалов и привязанностей своей прежней жизни, утратив те черты, за которые В.В.Розанов называл его то «картиной, составленной из великолепия и нелепостей»¹², то «словесным, общественным и политическим "бумом"»¹³, Амфитеатров остался все же настоящим русским писателем, с неистребимой любовью и вкусом к слову. Эти качества, вызывавшие неизменное уважение товарищей по перу, он сохранил до конца жизни.

***

Публикуемые эпистолярные комплексы полного представления о спектре проблем до- и послереволюционной русской диаспоры не дают. Их значение видится нам в ином: обнаружены общие мотивы в жизни двух эмиграций (до и после 1917); дан объемный материал о двух наименее изученных русских диаспорах — в Польше и в Италии; вводятся в оборот дополнительные сведения о русско-итальянских культурных связях, биографии и творчестве как самого Амфитеатрова, так и его корреспондентов; наконец, может быть поставлен вопрос, в какой мере содержательный архив одного писателя может служить источником для комплексного изучения истории двух российских эмиграций.

Большинство публикуемых материалов хранится в фонде Амфитеатрова в Manuscript Department Lilly Library при Индианском университете (Блумингтон, Индиана, США; далее при ссылках — LL). Руководству и сотрудникам этого архива я искренне признательна за всестороннюю помощь во время работы и любезное разрешение опубликовать хранящиеся там материалы.

Обработка указанного фонда, когда мы там работали, еще не была завершена, поэтому в ряде случаев не было возможности привести точные шифры документов. Все тексты печатаются по современной орфографии с сохранением индивидуальных авторских особенностей. Датировки писем не унифицировались. В датировках писем Амфитеатрова (они выставлены, как правило, в порядке: год, месяц, число) римские цифры в скобках после указания года означают годы фашистской эры, принятой в Италии при Муссолини.

---

¹² Новое время. 1910. 13 мая.

¹³ Там же. 1912. 23 апр.

Э.Гарэтто

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ ПАРИЖА

К биографии А.В.Амфитеатрова (1904-1907)

ИЗ ССЫЛКИ — ЗА ГРАНИЦУ

Первая половина 1904 была насыщена для Амфитеатрова поворотными событиями: освобождение из ссылки, где он провел два года за публикацию принесшего ему всероссийскую славу антиправительственного фельетона «Господа Обмановы»¹, возвращение в Петербург, новый арест (в апреле) и новая ссылка в Вологду за статьи в газете «Русь» и, наконец, летом — разрешение уехать за границу на лечение².

Выехав из России с сыном Даниилом в июле 1904, Амфитеатров направляется сначала в Италию, где он неоднократно бывал еще до первой ссылки (во время стажировки в миланском театре «Ла Скала» в 1886-1887 и будучи корреспондентом «Нового времени» — с 1895 почти ежегодно). Уезжая, писатель не вполне ясно представлял себе, когда он сможет вернуться на родину. Уже в первые месяцы за границей, внимательно следя за развитием ситуации в России и оценивая положение в периодической печати, он отчетливо осознает фактическую невозможность для себя писать на политические темы и смотрит на возвращение со все возрастающим скептицизмом. Этому посвящено его письмо жене³, оставшейся в Петербурге в ожидании окончательного решения об их дальнейшей жизни (см. Приложение. Док. №1).

¹ Россия. 1902. 20 янв. Писатель был немедленно арестован и отправлен в Минусинск. Год спустя ему был разрешен перевод в Вологду.

² Из справки Департамента полиции: «В июне 1904 г. Амфитеатрову, ввиду тяжелого заболевания грудной жабой и неврастенией, разрешена отлучка для лечения за границу, куда он и выбыл по выданному ему вологодским губернатором заграничному паспорту от 24 июля [Так! — Э.Г.] 1904 г. за №4081» (ГА РФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1904 г. Д.879. Л.47-48).

³ Амфитеатрова (урожд. Соколова) Иллариya Владимировна (1873-1949) — дочь композитора В.Т.Соколова, училась в Петербургской консерватории, в моло-

Первые месяцы за границей Амфитеатров проводит преимущественно в Риме, где знакомится с Энрико Ферри⁴, Анжеликой Балабановой⁵ и другими итальянскими социалистами.

В ПАРИЖЕ

Решение Амфитеатрова переехать во Францию и обосноваться в Париже объясняется главным образом тем, что во французской столице сконцентрировалась та политическая оппозиция, к которой писатель рассчитывал присоединиться, будучи твердо убежден, что его публицистическая ориентация и двухлетняя ссылка за плечами дают ему на то полное право.

С начала 1905 он в Париже, где завязывает многообразные отношения с теми политическими кругами, которые — особенно активизировавшись после январских событий — развернули энергичную пропагандистскую кампанию против царизма. Хотя Амфитеатров и не желал стеснять себя как публициста принадлежностью к какой-либо партии, свои симпатии к эсерам он выражает вполне открыто: их идеологические и культурные корни были ему куда ближе, чем марксистский фундамент социал-демократов.

Один из первых, с кем Амфитеатров устанавливает связь, — историк, публицист и революционер Владимир Львович Бурцев (1862-1942), у которого к тому времени были уже позади: подполье времен заката «Народной воли», побег из сибирской ссылки за границу, 16-летняя эмиграция, неоднократные попытки российской полиции его вернуть силой и даже череда европейских тюрем за печатные призывы к царубийству. В первом же письме к Амфитеатрову (нач. 1905) Бурцев подчеркивает сближающий их пафос внепартийной революционности, настоянный на традициях освободительного движения: «На последней странице Вашей сказки⁶ я встретил дорогие для меня слова "Народная воля", — не знаю — употребили ли Вы их в аллегорическом смысле или хотели использовать случай, чтобы вспомнить тех славных борцов Н[ародной] Воли, идеи которых только

дости актриса (по сцене — Райская); вторая жена Амфитеатрова. Во время ссылки писателя в Минусинск выступала с театральными рецензиями в «Новом времени» (псевд. — Old Lady). Некоторые сочинения Амфитеатрова времен ссылки вышли с указанием «издание Райской».

⁴ Энрико Ферри (1856-1929) — итальянский юрист, социолог и политический деятель, в 1903-1908 возглавлял орган Итальянской социалистической партии (ИСП) газ. «Avanti», в 1920-е перешел на фашистские позиции.

⁵ Анжелика Исааковна Балабанова (1877-1965) — политическая деятельница. Выехала из России в 1897 для продолжения образования. Участница итальянского рабочего движения. Примыкала к «Союзу русских социал-демократов», после 1903 — меньшевичка. Одна из лидеров ИСП, в ней занимала максималистские позиции (в 1912-1916 — член ЦК ИСП). После октября 1917 — в России, член большевистской партии, секретарь Исполкома Коминтерна (1919). В 1922 покинула Сов. Россию, в 1924 исключена из ВКП(б); жила во Франции, затем в США. После Второй мировой войны — вновь в Италии, где участвовала в деятельности новой ИСП.

⁶ Амфитеатров А. Современные сказки. Вып.1: Сказка об Иване-мужике и Петре, запорожском казаке. Женева: Тип. Бунда, 1905.

и спасут Россию... Да, Н[ародная] Воля — это та старая "вдова-богатырка", о которой надо напоминать почаше современным рус[ским] деятелям: ни с.д., ни б., ни о., ни с.-р. — не спасут России, если не будут работать в духе Н[ародной] Воли 1879-1881 гг.»⁷. Отношения с Бурцевым продлятся еще треть века (вплоть до кончины Амфитеатрова), в их переписке с редкой обстоятельностью будут запечатлены судьбы и устремления обеих русских эмиграций (антимонархической и противобольшевистской). Амфитеатров на долгие годы станет одним из самых доверенных конфиденентов Бурцева в его борьбе против полицейских ведомств России (сначала — Департамента полиции, а затем — ВЧК—ГПУ—НКВД). Их взгляды не всегда будут совпадать (Бурцев и во второй эмиграции, невзирая на политические реалии, будет упорно призывать к единению на базе «общего дела», оставаясь при этом последовательным либералом и демократом; Амфитеатров же значительно поправеет, горько разочаруется в революционных идеях, русских политиках и России вообще, и, все меньше значения придавая идеям и лозунгам, будет все больше уповать на вождей). Однако то обстоятельство, что на заре первой русской революции оба эти деятеля со столь разным жизненным и политическим опытом обратились к крайним формам отечественного вольнолюбия, представляется глубоко знаменательным.

В Париже Амфитеатров устанавливает связи и с французскими социалистами, особенно с Ж.Жоресом и Г.Лагарделем⁸, рассчитывая с их помощью выйти на мировое общественное мнение в планируемой им антицаристской агитационной кампании. С Бундом — еврейской партией социал-демократической ориентации завязываются деловые отношения: в бундовской типографии в Женеве Амфитеатров печатает несколько книг и брошюр, сбор от которых он собирается направить в пользу жертв январских событий в России и в парижскую эмигрантскую кассу.

В уже упоминавшейся «Сказке об Иване-мужике...»⁹ писатель высмеивал либеральную интеллигенцию, которая еще верила в осуществимость легального и мирного процесса реформ. Несмотря на издевательские выпады по адресу либералов, круг общения Амфитеатрова в Париже не ограничивается представителями исключительно левых партий и групп: вполне доброжелательные отношения устанавливаются у него с П.Б.Струве. Петр Бернгардович и его жена Нина Александровна часто приглашают Амфитеатровых (Илларию Владимировна присоединилась к мужу в феврале-марте 1905) на свои вечера и иные общественные акции. Эти отноше-

⁷ LL. Box 1. Fold. «Burtsev».

⁸ Жорес Жан (1859-1914) — руководитель французской социалистической партии, основатель газ. «L'Humanité»; Лагардель Гюбер (1875-1914) — французский социалист, один из лидеров синдикалистского движения.

⁹ Всего в 1905 в женеvской типографии Бунда вышло 4 вып. амфитеатровских «Современных сказок»: Вып.1 описан в прим.6; Вып.2: Сказка о богине. Сказка о слонах; Вып.3: Грехопадение Минервы; Вып.4: Смерть Иронии [Стихотворный фельетон]. Все тексты были датированы автором январем 1905 (Рим). На каждом из выпусков было указано: «издается автором в пользу рабочих, пострадавших в петербургском январском восстании»; треть тиража оставалась в распоряжении Бунда.

ния остаются близкими несмотря на то, что Амфитеатров нелестно отзывался о периодическом издании Струве¹⁰, а последний отклоняет присланные писателем рукописи «как не вполне удачные для моих целей»¹¹. Вопреки идейным и политическим разногласиям русские эмигранты в Париже продолжают ощущать себя единой семьей, вплоть до бытовых и деловых мелочей. В октябре 1905 Н.А.Струве просит Амфитеатрова: «не продадите ли кому-либо прилагаемые два билета в 5 fr[anc]s. Хотя соц[иал]-демократы и много глупостей делают теперь, но все же и их работа ведет к торжеству свободы, а деньги им очень нужны для этой работы»¹². Месяцем позже, узнав, что Амфитеатров собирается издавать газету (см. об этом ниже), Н.А. предлагает ему со скидкой запас тонкой бумаги, оставшейся от «Освобождения»¹³.

За первые месяцы пребывания в Париже Амфитеатров приходит к убеждению, что вынужден пока оставаться в эмиграции. Об этом он сообщает в письме к С.А.Венгерову, настойчиво зовущему его вернуться на родину: «Что же мне, собственно говоря, делать в России? Журнала у меня нет, а писать без точек на *i*, — зачем же, когда за границу я могу писать и публиковать со всеми точками на *i*? /.../ Даже и не сердился на то, что собственными глазами убеждаюсь на примере "Нашей жизни" и "Наших дней"¹⁴, изданий, действительно, прекрасно проведших свои краткие дни, что время ставить точки на *i* русским читателем еще не завоевано, а писатель русский за такую предерзость продолжает расплачиваться слишком дорогою ценою, при сравнительной малой пользе для других. Возвращение в Россию значит для меня проехать с границы в Вологду на остальной срок не досиженных двух с половиной лет. Ну, думаю, что я здесь, хотя бы беспрестанно говоря с представителями европейского общественного мнения и разбивая официозные миражи, напущенные в Италии и Франции, буду куда более полезен, чем в славном городе Насоне»¹⁵.

¹⁰ Амфитеатров назвал издававшиеся П.Б.Струве в 1904-1905 в Штуттгарте и Париже и нелегально распространявшиеся в России сборники «Освобождение» — «онанизм мозговых полушарий» (письмо к Е.В.Аничкову от 28 июня 1905. — ИРЛИ. Ф.123. Оп.2. Ед.хр.1).

¹¹ Письмо Струве к Амфитеатрову от 31 марта 1905 (LL. Вох 5. Fold. «Struve»).

¹² Там же.

¹³ Там же. Письмо от 18 нояб. 1905.

¹⁴ «*Наша жизнь*» — «ежедневная общественно-политическая, литературная и экономическая газета без предварительной цензуры», редактор-издатель — проф. Л.В.Холдский. Выходила с окт. 1904 по осень 1906 (из-за преследований властей иногда вынуждена была менять названия). В рубрике «Письма в редакцию» здесь дважды печатались протесты Амфитеатрова: один — по поводу объявления о зачислении его в постоянные сотрудники журн. «Театральная жизнь»; другой — в связи с публикацией в газ. «Гражданин» его сатирического стихотворения «Герой нашего времени», не предназначенного для печати (1904. 25 нояб.). «*Наши дни*» — ежедневная газета, выходившая «без предварительной цензуры» в 1904-1905 вместо газ. «Сын Отечества».

¹⁵ Письмо от 22 февр. 1905 из Ниццы. — ИРЛИ. Ф.377. Ед.хр.121. *Насон*-город — древнее фольклорное название Вологды. Ср.: «Что на славной реке Вологде, / Во Насоне было городе...».

Как видно из этого письма, Амфитеатров вполне уверен в своих способностях, убежден в том, что сумеет развернуть эффективную общеввропейскую кампанию против царизма, и считает себя одним из центральных деятелей такой кампании.

РУССКАЯ ШКОЛА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Для рассматриваемого периода первой эмиграции Амфитеатрова большое значение имеют его связи с М.М.Ковалевским и его Школой общественных наук в Париже¹⁶. Основанная в 1901, Школа была первой русской попыткой «создать свободное от правительственной опеки учебное заведение». В ее работе приняли участие многие выдающиеся отечественные ученые и педагоги. Читал там лекции и дядя Амфитеатрова — профессор А.И.Чупров¹⁷. Благодаря ему и Ковалевскому, у которого Амфитеатров учился еще в университете, писатель был приглашен прочесть в Школе несколько лекционных циклов. Как и многие другие преподававшие здесь, он не преминул воспользоваться кафедрой как агитационной трибуной: читая курс истории культуры, он эмоционально сопоставлял Римскую империю¹⁸ с современной Россией. Отдельные лекции были посвящены истории положения женщины и современному русскому искусству. Материалы этих лекций были изданы за счет автора в виде брошюр в типографии Бунда¹⁹, что также предусматривало дополнительный пропагандистский эффект.

Однако к моменту начала амфитеатровской деятельности в Школе ее положение было уже весьма непрочным: финансово вполне обеспеченная, она испытывала хронический недостаток в преподавателях (многие не рожались на сотрудничество, опасаясь репрессий царского правительства). К тому же к 1905 обострились разногласия между двумя самыми крупными студенческими фракциями — эсеровской и социал-демократической.

¹⁶ *Ковалевский* Максим Максимович (1851-1916) — историк, юрист и публицист; в 1887-1905 — в эмиграции. См.: Гамбаров Ю.С. М.М.Ковалевский, Русская Высшая Школа Общественных Наук в Париже. Ростов-на-Дону, 1903; Ковалевский М.М. Моя жизнь: Из воспоминаний: Тетрадь XXII / С пред. В.М.Шевырина // История СССР. 1969. №4. С.59-79; №5. С.76-100; «Слушателей будет много...»: Русская Высшая Школа Общественных Наук в Париже по письмам М.М.Ковалевского / Публ. Ю.С.Воробьевой // Исторический архив. 1993. №6. С.171-179; Погодин С.Н. М.М.Ковалевский и Русская Школа Общественных Наук в Париже // Русская эмиграция во Франции: 1850-1950. СПб., 1995. С.17-24. Письма Ковалевского к Амфитеатрову хранятся в РГАЛИ (Ф.34. Оп.2. Ед.хр.116).

¹⁷ *Чупров* Александр Иванович (1842-1908) — политэконом и статистик, преподавал в Московском ун-те; один из лидеров либерально-народнической экономической мысли. (Письма М.М.Ковалевского к нему см.: Исторический архив. 1993. №6. Указ. изд.). Чупров — родной брат матери Амфитеатрова — Елизаветы Ивановны.

¹⁸ Тема в то время занимала Амфитеатрова — он работал над историческим романом «Зверь из бездны».

¹⁹ Женщина в общественном движении России. Женева, 1905; Искусство и русская современность: Лекция в Высшей Русской Школе /.../, прочитанная в пользу Парижской кассы русских эмигрантов. Женева, 1905.

Вскоре эти разногласия переросли в открытый конфликт, осложненный общим недовольством студентов Ковалевским за его либеральную ориентацию. Когда Максим Максимович в конце декабря 1905 вернулся в Россию, Школа почти сразу прекратила свое существование.

Первый опыт вольного преподавания не прошел для Амфитеатрова даром: в начале 1906 он попытается сам возродить детище Ковалевского, а еще через несколько лет примет участие в каприйской Школе — этой «кузнице кадров» русских революционеров крайнего толка.

РУССКИЕ МАСОНЫ В ПАРИЖЕ

Участие Амфитеатрова в деятельности Школы и его отношения с Ковалевским тесно связаны с другим эпизодом, отметившим его парижские годы, — вступлением в масонство. Как известно, стоявшие во главе Школы М.М.Ковалевский и Е.В. де Роберти²⁰ были в числе виднейших русских масонов Парижа²¹. Они и «перемасонили» — как выразился Амфитеатров в воспоминаниях четверть века спустя²² — значительную часть лекторов Школы и других эмигрантов. По его сведениям, ложа «Космос», куда он вступил и к которой принадлежали многие парижские русские, относилась не к «Великому Востоку», как указывают многие другие источники, а держалась Шотландского Устава²³.

Среди причин, побудивших его стать масоном, Амфитеатров на первое место ставит обаяние М.М.Ковалевского, которого он «обожал» еще со студенческих лет. Другой мотив был «оборонительным»: принадлежность к масонскому братству казалась надежной защитой от «происков и интриг со стороны заграничных охранников». Наконец не следует упускать из виду и давний повышенный интерес писателя ко всякого рода сектам, ересьям и тайным организациям.

По некоторым данным, Амфитеатров был принят в масоны 13 мая 1905 вместе с другими участниками Школы²⁴. Месяцем позже масоном стал историк литературы и критик Е.В.Аничков, которого Амфитеатров

²⁰ *Де Роберти* Евгений Валентинович (1843-1915) — социолог и философ-позитивист, профессор в Брюсселе (1894-1907) и Петербурге (1908-1915).

²¹ См.: Николаевский Б.И. Русские масоны и революция / Ред.-сост. Ю.Фельштинский. М., 1990; Старцев В.И. Русское политическое масонство 1906-1918: Документы из архива Гуверовского института войны, революции и мира // История СССР. 1989. №6. С.119-134; 1990. №1. С.139-155; Он же. Русское политическое масонство. СПб., 1996.

²² Мое масонство // Сегодня. 1930. №164; Мое пребывание в масонской ложе // Там же. №184.

²³ Эта версия косвенно подтверждается и ежегодником масонского общества (*Annuaire de la franc-maçonnerie*. Verne, 1930), указывающим, что ложа «Космос», основанная в 1887, принадлежала Великой Ложе Франции (*Grande Loge de France*), бывшей Шотландского Устава. В кн. Н.Н.Берберовой «Люди и ложи. Русские масоны XX столетия» (Н.-Й., 1986) даты и подробности масонства Амфитеатрова приведены неточно (С.19, 25, 109).

²⁴ См.: [Щеголев П.Е.] Охота за масонами, или Похождения асессора [Б.К.] Алексеева // Былое. 1917. №4(26). С.127; Он же. Охранники и авантюристы. М., 1930.

поздравляет 28 июня: «Слышал, что Вы во ффрах. Complimenti!²⁵». По сведениям П.Е.Щеголева, 30 января 1906 Амфитеатров и все, кто стали «вольными каменщиками» одновременно с ним или чуть позже (как Аничков), обретают 3-ю степень мастера.

В бумагах писателя сохранилось немного материалов, касающихся его масонства: речь, произнесенная, вероятно, по случаю посвящения в масоны, а также несколько писем. Обращаясь к ложе «Космос» в декабре 1905, Амфитеатров останавливается на роли масонства в истории России (приводя в пример декабристов) и выражает надежду, что масонство окажет воздействие на революционный процесс в стране²⁶.

Пребывание писателя в масонстве было недолгим и ограничилось внешними и формальными проявлениями. «Вскоре мой главный масонский магнит, — вспоминал он впоследствии, — т.е. М.М.Ковалевский, уехал в Петербург, и с его отъездом связь с ложей потеряла для меня уже всякий интерес»²⁷. Действительно, во всем архиве писателя не обнаруживается ничего, что бы указывало на его более поздние связи с масонскими организациями, если не считать случайного, может быть, совпадения ряда черт между этим «братством» и правой организацией 1920-1930-х «Братство Русской Правды». Во всяком случае, во второй эмиграции Амфитеатров будет относиться к масонству крайне негативно, видя в своем увлечении 1905 года лишь «грех молодости»: «Вспомоюна этот эпизод своей биографии без малейшего удовольствия. Виденное и слышанное было бесполезно и пошло. Сейчас же, когда масонерия пала до объятий с большевиками и ведет интригу против фашизма, она сделалась вредоносной и, в лицемерии своем, мне просто отвратительна»²⁸.

Между тем в 1905 масонство было не так уж «бесполезно» для Амфитеатрова. Через «ффера» Аничкова ему открылся путь в издательство «Шиповник», для которого они совместно написали книжку-памфлет о Победоносцеве²⁹. Среди «перемасоненных» М.М.Ковалевским был и М.А.Волошин, который в то время жил в Париже и был приглашен редактором газеты «Русь» А.А.Сувориным помогать Амфитеатрову — главному корреспонденту этого издания в Париже. Между поэтом и Амфитеатровым завязались дружеские отношения, подкрепленные их общим интересом к оккультным наукам³⁰.

***

В газете Суворина-сына «Русь» Амфитеатров сотрудничал с первого дня ее существования в конце 1903, еще находясь в вологодской ссылке

²⁵ Поздравляю! (итал.). ИРЛИ. Ф.123. Оп.2. Ед.хр.1.

²⁶ РГАЛИ. Ф.34. Оп.2. Ед.хр.46. В этом же фонде содержатся дополнительные подтверждения принадлежности ложи «Космос» Шотландскому Уставу (Там же. Ед.хр.148).

²⁷ Мое пребывание в масонской ложе. Указ. изд.

²⁸ Письмо к М.А.Алданову от 18 февр. 1936. См. его полный текст в публ. писем Алданова в наст. разделе (№28).

²⁹ Амфитеатров А., Аничков Е. Победоносцев. СПб.: Шиповник, 1907.

³⁰ См. воспоминания Амфитеатрова (Чудодей: Памяти М.А.Волошина // Сегодня. 1932. №252), а также публикацию его переписки с поэтом в наст. разделе.

(он печатал там роман «Восьмидесятники»). Хотя отношения с редактором газеты были с самого начала довольно напряженными (они резко расходились как по поводу политической линии, так и в вопросах выбора сотрудников), Амфитеатров продолжал печатать там свои беллетристические сочинения: с мая 1905 начинается публикация романа «Сумерки божков». Кроме того, писатель ведет рубрику «Зарубежные отклики» со статьями об Италии и Франции.

Летом 1905 он все еще оптимистически смотрит на будущее газеты, строит грандиозные планы расширения своего в ней сотрудничества из-за границы. Однако эти планы не находят понимания у А.А.Суворина, и постепенно становится ясно, что стабильного заработка ждать от «Руси» не придется. Поэтому писатель все серьезнее задумывается об упрочении своего положения в Париже. Одновременно он пытается сохранить и свои связи с Италией: весной 1905 ездит в Рим, а лето проводит с семьей в курортном городе Виареджо на Тиренском море.

Осенью 1905 появляется замысел создания «своей» литературно-политической газеты в Париже. Амфитеатров планирует начать ее выпуск с 1 января 1906 под названием «Зарубежная Россия» с явной аллюзией на первое его детище. В анонсе газеты, которая должна была стать впоследствии ежедневной, были сформулированы политические устремления писателя: всероссийская федеративная республика³¹. В задуманное им издание Амфитеатров приглашает сотрудничать многих видных литераторов: Горького, с которым как раз в это время он завязывает самые тесные отношения³², Л.Андреева, К.Бальмонта и др.; из политических лидеров — обращается к Г.В.Плеханову.

В ГУЩЕ СОБЫТИЙ. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГ

Октябрьский манифест и последовавшая 22 октября 1905 амнистия временно отодвигают все эти планы. Амфитеатров не отказывается от неожиданной возможности вернуться в Россию и на месте оценить, какими конкретными перспективами чревата новая ситуация.

Писатель приехал в Петербург в середине декабря, после подавления московского вооруженного восстания, и сразу активизирует свое сотрудничество в «Руси», выходявшей с 5 декабря 1905 по 16 января 1906 под названием «Молва»³³. Здесь, начиная с 24 декабря, он печатает в рубрике «Листки»³⁴ серию хлестких фельетонов против усмирителя Пресни — московского генерал-губернатора Ф.В.Дубасова. В 9-м номере «Молвы» за 1906 год Амфитеатров перепечатывает «Смерть Иронии»³⁵, где как бы

³¹ РГАЛИ. Ф.34. Оп.2. Ед.хр.149.

³² См.: Литературное наследство. Т.95: Горький и русская журналистика начала XX века. М., 1988. С.68-69.

³³ После публикации манифеста Совета рабочих депутатов 21 ноября 1905 «Русь» была закрыта (7 янв. 1906 Суворин был приговорен к трехмесячному заключению — см.: Гольдштейн М.Л. Печать перед судом. СПб., 1906). Газета продолжала выходить под названиями: «Молва», «Двадцатый век», «Око».

³⁴ Молва. 1905. №16, 20-22; 1906. №1, 3, 4, 7, 9.

³⁵ Современные сказки. Вып.4. Женева, 1905. В «Молве» («Руси») были

прощается с жанром сатирического фельетона, принесшим ему огромную популярность. Перед лицом трагической реальности смех, даже обличительный, представляется ему неуместным.

В отличие от многих либералов, Амфитеатров не считал московское восстание политической ошибкой. Сказать, что он всем сердцем был на стороне восставших, было бы преувеличением. Однако, несомненно, радовался каждому промаху властей. Бурный накат событий и обилие политических впечатлений на какое-то время порождают у Амфитеатрова ощущение, что жить ему вне Петербурга невозможно, да и материальные соображения (дешевизна жилья и перспективы журналистского заработка) свидетельствуют в пользу этого. Он восстанавливает отношения с Ковалевским, который включает его в список сотрудников своей новой газеты «Страна»³⁶; встречается с Горьким, с другими литераторами и деятелями культуры.

Однако ситуация в Петербурге стремительно и грозно ухудшается: волна обысков и арестов докатывается даже до «Башни» Вяч. Иванова. Как напишет Амфитеатров впоследствии в составленных в третьем лице материалах к автобиографии: «Предупрежденный об аресте, успевает уехать из Петербурга за несколько часов до прихода полиции»³⁷. В конце января 1906 писатель возвращается во Францию.

«КРАСНОЕ ЗНАМЯ»

В феврале 1906 он пишет отцу:

Я опять в Париже. В Петербурге последние дни невозможно было оставаться: сыщики замучили, а, главное, опротивели, шляясь по пятам. Выпустили меня за границу, по-видимому, с большой радостью, — теперь вопрос, как впустят? Собирался все время в Москву, но из-за дубасовщины было невозможно ехать. Собрался было ехать на юг, в Одессу, но оттуда юноша один нарочно приехал от моих друзей, чтоб не ездил ни в каком случае. Уехал я полный мыслей тяжелых и настроений темных, с предчувствиями самыми черными. Что безумное правительство погубило себя, туда ему и дорога, но погубило себя вместе с ним и жалкое, трусливое общество наше, и это ужасно, стыдно и прискорбно. Не простятся ему ни московская, ни одесская, никакая кровь. Весна все сомнет³⁸.

перепечатаны и остальные вып. этой серии: «Сказка о слонах» (12 янв. 1906), «Сказка об Иване-мужике...» (15 янв.) и «Сказка о богине» (21 янв.).

³⁶ Первый номер газеты вышел 19 февр. 1906, уже после отъезда Амфитеатрова из Петербурга. Позже писатель будет сотрудничать и в другой газете, организованной Ковалевским, — «Телеграф» (в янв. — февр. 1907).

³⁷ Амфитеатров А. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих [Материалы к автобиографии]. — LL. New materials; об атмосфере этих дней см. также: Амфитеатров А. О вооруженном восстании: Публичная лекция в пользу парижского студенческого общества взаимопомощи // Красное знамя. 1906. №4. С.103-141.

³⁸ Цит. по агентурной выписке из письма от 4 февр. 1906 к Валентину Николаевичу Амфитеатрову (в Москву, Воронухина гора, дом Рыбаковой) — ГА РФ. Ф.102. Вещественные доказательства. Оп.265. Д.52. Л.31.

Оказавшись в Париже, Амфитеатров не утрачивает связей с газетой А.А.Суворина. Его выступления там становятся все резче. Особый резонанс имели направленный против С.Ю.Витте амфитеатровский памфлет — «Акафист служителю неподобному Сергию Каменноостровскому», а также «Стихиры российские, исправленные и усовершенствованные по закону сего времени»³⁹. Для «Руси» и для зависящего от ее гонораров Амфитеатрова этот резонанс имел двойкий смысл. С одной стороны, росли тиражи⁴⁰, с другой — добавлялись и неприятности: 20 марта 1906 газета была в очередной раз закрыта.

Таким образом, планы возвращения в Россию оказались несбыточными, а надежды получать оттуда регулярный заработок — нереальными: А.А.Суворин должен писателю тысячи рублей и не в состоянии заплатить, а положение газеты с каждым днем становится все более неустойчивым.

Отчетливо поняв, что о скором возвращении в Россию не может быть речи, Амфитеатров вновь принимается за проект нового периодического издания, задуманный им еще до поездки в Петербург. Теперь в первоначальный замысел приходится внести некоторые изменения: ограниченность средств не позволяет рассчитывать на издание не только ежедневной, но даже и еженедельной газеты. Речь идет уже о журнале, который будет называться «Красное знамя», Новый проект находит поддержку в кругах французских социалистов и синдикалистов, содействовавших юридическому оформлению издания. С их помощью писатель также надеется привлечь внимание международной общественности к положению в России.

С марта 1906 Амфитеатров ведет активную переписку со многими литераторами, приглашая их к сотрудничеству в новом журнале и прося о присылке материалов. О недостатке средств он вынужден сразу предупредить будущих авторов: «Условия гонорарные у нас не существуют нынче — по бедности нашей, а общее положение об авторском вознаграждении таково: 1/3 чистой прибыли на революционную деятельность, 1/3 на амортизацию расходов предварительных, 1/3 на авторский гонорар, пропорционально количеству листов, занятых в книжке, причем общее нормальное количество листов считается за 10»⁴¹.

Первый номер журнала вышел в апреле 1906 с названием на трех языках — русском, французском («Le drapeau rouge») и немецком («Die Rote Fahne») — и подзаголовком «политический и литературный журнал».

³⁹ Русь. 1906. 19 февр., 19 марта. «Акафист» и «Стихиры» затем были допечатаны отдельными оттисками и продавались на улицах, а также распространялись в списках (один из таких списков любезно предоставлен нам Р.Дэвисом — Leeds Russian Archive. Dmitrevskii Coll. Ms.943/44). Позднее автор перепечатал эти тексты и за границей: Акафист Сергию Каменноостровскому и стихиры. Paris: Изд. «Красное знамя», 1906.

⁴⁰ М.М.Ковалевский свидетельствовал впоследствии: «Когда Амфитеатров печатал в "Руси" свой "Акафист" Витте, номер расхололся в количестве 150 тысяч экз. и требовалось 2-е издание» (Ковалевский М.М. Моя жизнь. Указ. изд. С.65).

⁴¹ Амфитеатров — В.Ф.Боцяновскому, 15 марта 1906. — ИРЛИ. Ф.439. Ед.хр.258. Такие же условия были сообщены и Куприну: РГАЛИ. Ф.2567. Оп.2. Ед.хр.154.

Красное знамя, поднятое против царизма, было не только в названии, но заполняло собой почти всю обложку. Номер открывался обширной статьей «От издателя», в которой Амфитеатров излагал программу нового органа и формулировал его политическую ориентацию. Журнал объявлялся внепартийным, ставил себе задачу объединить все течения революционного лагеря. Явное предпочтение по отношению к эсерам уравнивалось вполне определенно заявленным отрицанием «партийности и фракционной исключительности». Идеальный государственный строй будущей России представлялся как федеративная республика.

Помимо программы и идейных установок журнала, большое место во вступительной статье занимали и личные эмоции автора (это было довольно типично для Амфитеатрова-публициста). Гневно обличая «роковой обман правительственной болтовни, известной под именем манифеста 17 октября», который «заманил русскую гласность в ловушку», писатель с горечью констатировал, что периодическая печать в России фактически перестала существовать. «Мысль о собственном журнале явилась у меня уже давно, но вызрела теперь, в Петербурге, когда я написал для легальной газеты ряд статей о гнусностях правительства при и по усмирении московского вооруженного восстания. Читались, хвалились, но никогда так не сознавал своего бессилия, как за корректуру этих статей»⁴². В заключение Амфитеатров выражал уверенность, что новое издание даст ему полную свободу слова, а надежда на то, что это слово сможет быть услышано в России, оправдывала для него все усилия.

В номере было помещено воззвание М.Горького к зарубежным гражданам «Не давайте денег русскому правительству» (против русского займа), а также его «Письмо к Анатолю Франсу»⁴³. Горький занимал в журнале второе после издателя место (номер даже открывался его портретом). Далее следовали 13 политических стихотворений Бальмонта, рассказ Д.Айзмана «Утро Анчла», статья Густава Эрве⁴⁴ «Русская армия и революция», амфитеатровские «Сказка об одной голове» и статья «Господа Обмановы. История романа и ссылки»⁴⁵, стихотворения и переводы Волошина, статья Лагарделя «Интеллигенция и пролетариат» и рубрика «Русские дела», продолжавшаяся и в следующих выпусках.

В шести номерах, вышедших в 1906⁴⁶, характер издания определился вполне четко: журнал стремился освещать наиболее острые политические и экономические вопросы, вставшие перед Россией после революции 1905. Политические статьи безусловно преобладали. Особое внимание уделялось деятельности Думы и революционному крестьянскому движению.

⁴² Красное знамя. 1906. №1. Апрель. С.3.

⁴³ См.: Литературное наследство. Т.95. Указ. изд. С.466-468.

⁴⁴ *Густав Эрве* (1871-1944) — французский публицист и политический деятель.

⁴⁵ Здесь писатель впервые получил возможность полно и свободно изложить свою версию событий, связанных с публикацией рокового для него фельетона «Господа Обмановы» и последовавшими репрессиями. В начале был приведен текст самого фельетона. (Публикация здесь не была завершена, продолжение последовало в №5 «Красного знамени»).

⁴⁶ Седьмой номер был анонсирован, но — по нашим данным — не вышел.

Для последней темы, начиная со второго номера, в журнале был выделен особый раздел «Голос Крестьянского союза», под редакцией Б.Н.Кричевского и С.П.Мазуренко⁴⁷.

Наиболее ярким материалом второго номера была «исповедь» Матюшенского, раскаявшегося соратника Гапона⁴⁸. В каждом номере были амфитеатровские статьи и лекции, в четвертом — даже длинное стихотворение «Стенька Разин» с посвящением Горькому. Тот также присутствовал почти во всех номерах, преимущественно с открытыми письмами, воззваниями, выступлениями в Америке, куда он тогда ездил. В журнале сотрудничал также М.А.Рейснер⁴⁹, из французов — Лагардель и Эрве. Некоторые материалы переводились на французский и печатались в «L'Humanité».

Беллетристическая часть журнала явно уступала политической, если не по качеству, то во всяком случае по количеству материалов. Хотя здесь страницы «Красного знамени» и были украшены именами двух лидеров поэтического авангарда — Бальмонта и Волошина⁵⁰, привлечь других литераторов такого же калибра Амфитеатрову не удалось. Леонид Андреев уклонился от сотрудничества, прислав письмо слегка саркастическое, особенно по отношению к Горькому⁵¹, а Куприн хотя и послал рассказ, но его публикация не состоялась из-за пропажи рукописи на почте.

Большое значение Амфитеатров придавал иллюстративному ряду, наполненному исключительно эпизодами насилия со стороны царского режима. Редактор специально обращался к Н.Н.Брешко-Брешковскому⁵², прося его прислать фотографии картин или скульптур, запрещенных цензурой.

Часть тиража журнала, предназначенная для контрабандного ввоза в Россию, печаталась на тонкой бумаге. Однако журнал расходился медленно (еще в феврале 1907, уже после прекращения издания, сотрудники Амфитеатрова пытались распродать невостребованные тиражи по 2-3 франка за полный комплект)⁵³.

⁴⁷ Кричевский Борис Наумович (1866-1917) — журналист. Мазуренко Семен Петрович — один из создателей Всероссийского крестьянского союза, впоследствии член ВЦИК 1-го созыва и Предпарламента.

⁴⁸ За кулисами гапоновщины: Исповедь А.И.Матюшенского // Красное знамя. 1906. №2. Май.

⁴⁹ Рейснер Михаил Андреевич (1868-1928) — юрист и публицист.

⁵⁰ Из произведений Бальмонта в «Красном знамени» были помещены циклы «Песня мстителя» и «Гнев славянина», а также переводы из Уитмена. Волошин напечатал стихотворение «Ангел смерти».

⁵¹ Публикацию фрагмента см.: Литературное наследство. Т.72: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М., 1965. С.518. Полный текст — в Приложении (док. №7).

⁵² Брешко-Брешковский Николай Николаевич (1874-1943) — прозаик и журналист, в описываемое время — плодовитый художественный критик.

⁵³ С.Ромов — Амфитеатрову. 21 февр. 1907. — LL. Box 6. Fold. «Romov». Ср. также: «Французские железнодорожные киоски отказались продавать "Красное знамя" как по причине "вызывающей" (?) обложки, так и за название» (Красное знамя. 1906. №2. С.158).

Отклики на новое издание были разнообразными, но по большей части отрицательными. Ругали и за политическую неопределенность, и за слабость беллетристического раздела⁵⁴. Попытку Амфитеатрова создать внепартийный, объединяющий орган можно считать всего лишь политически наивной. Однако нельзя не видеть, что им двигало не только естественное для издателя желание не быть ограниченным партийными рамками, но и отзвуки традиционного либерального настроения в духе М.М.Ковалевского. Резко изменившаяся политическая ситуация превратила ту внепартийность, в которой Амфитеатров видел свое едва ли не главное достоинство, в фундаментальный недостаток. А физическая удаленность от России и бесконечные почтовые задержки лишь ускорили кончину журнала.

Амфитеатров изо всех сил пытался сохранить и укрепить журнал, привлечь в число авторов видных политиков: обращается за помощью к П.А.Кропоткину⁵⁵, Г.В.Плеханову, Н.В.Чайковскому⁵⁶. От Кропоткина ответа не последовало⁵⁷, Чайковский призвал издателя усилить остроту политических выступлений и расширить социальную базу журнала⁵⁸, а Плеханов поблагодарил за приглашение, но сослался на занятость⁵⁹.

«Красное знамя» — вторая (после «России») из многочисленных попыток Амфитеатрова создать свой орган печати. За этим последуют журнал «Современник» (1911), сборники «Энергия» (1913-1914), газеты «Русская воля» (1916-1917) и «Вольность» (1917), снова журнал «Красное знамя» (уже в Петрограде в 1917) и «Бич» (май — ноябрь 1917). Участие писателя в каждом таком начинании (кроме первого) не продлилось больше года, ни одно из них нельзя считать удавшимся либо оставившим сколько-нибудь заметный след в общественном сознании. Впоследствии он будет неоднократно сетовать на отсутствие «своего» печатного органа, все другие по разным причинам не будут его удовлетворять. Быть может, в этих неудачах сыграло немаловажную роль и то, что Амфитеатров считал себя не только журналистом, но и политическим деятелем. А в этом амплуа никто из настоящих политиков его не признавал.

НОВАЯ ШКОЛА

Одновременно с журналом Амфитеатров затевает восстановление Русской Школы Общественных Наук, чтобы «заместить немножко пустоту после исчезнувшей в декабре 1905 г. Высшей школы Ковалевского и др.»⁶⁰. В этом ему помогали Лагардель и другие французские социали-

⁵⁴ См.: Весы. 1906. №7. С.78.

⁵⁵ См. Приложение. Док. №9.

⁵⁶ Чайковский Николай Васильевич (1850-1926) — участник народнического движения, в 1874-1906 — в эмиграции, в 1890-е — один из организаторов Фонда вольной русской прессы, в 1904-1910 — эсер.

⁵⁷ Правда, в №5 было напечатано его воззвание (анонс) об издании листков «Хлеб и воля» (С.152-154).

⁵⁸ Н.В.Чайковский — Амфитеатрову. 25 дек. 1906. — LL. Box 3. Fold. «Chaikowski N.».

⁵⁹ Плеханов — Амфитеатрову. 26 апр. 1906. — РГАЛИ. Ф.34. Оп.2. Ед.хр.126.

⁶⁰ Амфитеатров — П.А.Кропоткину. 20 сент. 1906. См. Приложение. Док. №9.

сты. Приняли участие в этом начинании и сотрудники амфитеатровского журнала Б.Кричевский и М.Рейснер. Дабы отличить новое учреждение от предшествующего, его назвали Коллегией.

Занятия начались 30 апреля 1906 с приветственной речи Амфитеатрова, подчеркивавшей роль свободной науки и взаимоуважения и содержащей традиционные заклинания против фракционности: «Широкая свобода кафедры предоставит каждому слушателю выбрать ту социалистическую проповедь и группу идей, которая окажется ему по душе и по убеждению. Если Коллегия сумеет хоть отчасти стать центром, сводящим к себе разрозненные радиусы русской социалистической мысли в Париже, ее начинатели будут искренно счастливы и горды своим детищем»⁶¹.

В весеннем семестре в Школе числилось около 250 студентов. Кроме Амфитеатрова и Лагарделя, здесь выступали с лекциями Бальмонт, Волошин, Н.Минский, с которым А.В. был знаком еще до ссылки⁶², Е.В.Тарле⁶³.

В осеннем семестре в Коллегии возникли те же проблемы, что и в первой Школе. Прежде всего — дефицит русских лекторов. Кроме того, возникли разногласия с Лагарделем: тот полагал возможным и полезным ввести циклы лекций и на французском языке, в то время как Амфитеатров считал «самым главным условием существования Русской Школы наличие в ней лекторов, читающих на русском языке»⁶⁴. Кроме того, хронически не хватало средств. В сентябре для их сбора, а также чтобы помочь парижской эмигрантской кассе, Амфитеатров отправляется в лекционное турне по Швейцарии и Бельгии⁶⁵.

То ли добытых им средств оказалось недостаточно, то ли отношения между участниками Школы перешли через некоторую критическую черту, во всяком случае, в январе 1907 Амфитеатров оказывается вынужден покинуть Школу, передав заработанные деньги студентам: «В случае, если бы Русская Школа Социальных Наук, паче чаяния, прекратила свое существование, то я прошу Вас передать деньги в то учреждение, которое окажется в состоянии осуществить необходимую задачу русского социалистического преподавания в Париже, без различия, какая из русских соци-

⁶¹ LL. New materials.

⁶² Минский (наст.фам. Виленкин) Николай Максимович (1885-1937) — поэт и публицист. В 1905 — номинальный редактор большевистской «Новой жизни», где печатались Воровский, Горький, Ленин, Луначарский. Был арестован и привлечен к суду, но бежал за границу. В Париже был корреспондентом «Утра России».

⁶³ Тарле Евгений Викторович (1874-1955) — историк, в описываемое время — приват-доцент С.-Петербургского ун-та и профессор ряда других вузов. Был необычайно популярен и обладал устойчивой репутацией «левого». Был ранен во время демонстрации 18 окт. 1905. В 1903-1914 часто ездил во Францию для занятий в архивах. Программа занятий Школы хранится в РГАЛИ. Ф.34. Оп.2. Ед.хр.151.

⁶⁴ Амфитеатров — Коллегии студенческих старост Русской школы социальных наук. 11 янв. 1907 (LL).

⁶⁵ Амфитеатров — Е.В.Аничкову. 8 сент. 1906. (РГАЛИ. Ф.2567. Оп.2. Ед.хр.150). Во время этой поездки Амфитеатров останавливается в Женеве и произносит там яркую речь на похоронах одного из лидеров эсеровской партии Михаила Рафаиловича Гоца (1866-1906). — РГАЛИ. Ф.34. Оп.2. Ед.хр.47.

алистических партий за то возьмется. В случае, если бы такого учреждения ни в одной партии не оказалось, я прошу Вас предложить деньги кассам с.-д. и Бунда, в равных долях»⁶⁶.

Спустя много лет в автобиографических материалах писатель описывал свою неудачу на ниве «вольной педагогики» так:

После ухода директора Высшей Школы Общественных Наук, проф. М.М.Ковалевского, А[мфитеатров], ученик и поклонник этого ученого, пытается спасти покинутое им дело, но терпит полное фиаско — отчасти тоже по недостатку средств; главным же образом чрез распри между парижскими профессорами-синдикалистами и берлинским с.д., проф. Рейснером. И, пожалуй, еще главное, по решительному нежеланию с[оциал]-д[емократов] терпеть учреждение объективно нежелательного характера.

Для прироста средств Школы А[мфитеатров] совершил два лекционных путешествия по Бельгии и Швейцарии, но это не помогло, а лишь раздражило некоторые аппетиты. Пошли недоразумения, третейские суды и пр. А[мфитеатров] махнул на безнадежную школу рукой, сдав ее студенческой организации. По отъезде А[мфитеатрова] она не просуществовала и недели⁶⁷.

***

В начале 1907 Амфитеатров расценивает свое положение как «каторжное»⁶⁸. Газета «Русь» в очередной раз закрыта, а писатель заочно привлечен к суду за фельетон «Иисус и буржуа»⁶⁹. В конце февраля закрывается и «Телеграф», в котором он сотрудничал (см. прим.36). Хотя у Амфитеатрова еще сохраняются связи со «Столичным утром», «Утром России» и рядом других периодических изданий метрополии, нерегулярное сотрудничество с ними не может обеспечить его стабильным заработком.

Беспокоит его и давление со стороны российского полицейского ведомства. В письме к Энрико Ферри Амфитеатров жалуется, что Россия просила у Франции о его высылке. По счастью, «Клемансо отказал»⁷⁰.

Стечение разнообразных обстоятельств, политических, профессиональных и личных (болезнь сына Даниила и рождение близнецов Романа и Максима), побуждают писателя прервать свою бурную парижскую деятельность. Ему кажется, что в Италии он сможет вести более спокойный образ жизни и более интенсивно заняться беллетристическим трудом, обеспечивая семью. Посетив несколько раз лигурийское побережье, он останавливает свой выбор на маленьком городке Кави ди Лаванья, куда и переезжает с семьей весной 1907.

⁶⁶ Амфитеатров — Коллегии студенческих старост... Указ. док. См. также: Приложение. Док.№10.

⁶⁷ LL. New materials.

⁶⁸ Письмо к Е.В.Аничкову от 16 марта 1907. См.: Приложение. Док. №11.

⁶⁹ См.: Речь. 1907. 28 февр.

⁷⁰ РГАЛИ. Ф.34. Оп.2. Ед.хр.85.

1. Амфитеатров — И.В. Амфитеатровой

[Рим, ноябрь-декабрь 1904]¹

Милый дружок!

Вот — список. Он ужасен! По-моему, все тащить в Рим, чтобы перетаскивать в Париж, не стоит. Направь в Рим только отмеченное X, а остальное путь едет в Париж и лежит до востребования. 5 сантимов в день с ящика! Авось, осилим.

Ну, о чем я буду писать Далину²?! О том, что он похож на пленного Дака в барельефе Траяновой колонны?

В Петербург я не поеду. Высказаться никакой Святополк мне не позволит³, выскажусь я за границей рядом брошюр, на что мне и нужны деньги, помимо газетного заработка. За «Бирж[евые] Вед[омости] — tante grazie⁴?! За что покупать себе такое несчастье?!

«Русь» платит хорошие деньги, а — какой она хочет быть, в конце концов, чорт с ней. Я только не желаю, чтобы мною распоряжались, как упокойником, и вмешивались в то, что я пишу. Желаю, словом, сохранить свое первобытное «status in statu», как мы и начинали. Я за них не ответчик, они — за меня.

Приезжайте, ребятки, поскорее, а то мы скучим. У нас дивная погода. По утрам иней в тени на низких местах, а затем сияющий день. Сегодня возил Бубку⁵ в San Paolo fuori le mura⁶ и водил гулять к Tre Fontane⁷. Говорит: ого-го!

В каких цифровых данных «Литературный Альбом»?⁸

Пришли, пожалуйста, поскорее «Сибирские этюды», 2-ое издание «Женск[ого] Настр[оения]», а также «Викт[орию] Павл[овну]»⁹. У меня тут есть некоторое рассуждение.

Нат[алья] Серг[еевну] не видал миллион лет.

Не получаю «Петерб[ургских] Ведомостей»! Что за притча?! Должно быть, итальянский адрес был отмечен конторою только до 1 ноября. «Наша Жизнь» тоже еще не приехала.

Далину хорошо разговаривать о компромиссах! Я уверен, что и он не надолго сошелся с Проппером¹⁰... Не выдержит, стошнит.

Приехать в Петербург? А где гарантия, что я смогу уехать обратно?

Нужны деньги, страшно нужны деньги, потому что с ними — газетная работа газетной, а своя своей... А теперь — как ни вернуться — опять весь зависишь от «хозяина». Ты меня все попрекала последнее время, что я слишком много думаю, как быть с деньгами. А я, дружок, ей Богу, не о деньгах думаю, но о свободе, о выходе из роли работающего слона.

О чем бороться? С кем бороться? — Этого пункта я не понял у Далина. С новыми газетами? Да, с какой же стати я буду бороться против людей, распространяющих идеи, которым я сочувствую?

Молодежь на моей стороне... Я столько же уверен в том, что молодежь меня совершенно забыла уже, как в том, что у меня сегодня насморк. Да, и — ведь она теперь не в фаворе у либеральной прессы, кажется? По крайней мере, я все время читаю в газетах нравоучения по ее адресу.

Кстати: скажи Мельникову¹¹, что размышляя о текущих событиях, реформах и пр., я могу характеризовать эпоху, которую мы переживаем, пятью словами:

Революция по Высочайше установленному образцу!!!

Что, если я приеду в Питер, то, конечно, какое-нибудь газетное княжество управлю, я знаю очень хорошо. Но что же я за специалист такой по устройству чужих доходных статей? Слон находит, что он работает, довольно за свою цену, и ложится отдыхать под пальму.

Бубка понемногу распускается, но меньше, чем мог бы.

До свидания, милый мой. Люблю тебя очень и целую крепко.

Твой Ал.А.

Что ничего не пишешь о доме, собаках и проч.?

[Приписка на полях:]

«Сибирские этюды» надо послать Столыпину¹²: они печатались в «СПб Ведомостях», когда он редактировал.

Возвращаться в П[етер]б[ур]г, как ты всем хорошо говоришь, стоило бы только в том случае, если бы, действительно, была газета, на которую можно бы смотреть, как на свою собственную. Вот, например, если бы Ковалевский отдал мне «ХХ век» или что-нибудь этакое сверхъестественное. Тогда мы трянули бы отечественную пустыню! А так... где ни гнить, все равно.

Спроси у князя¹³ или у Мельникова новую мою сатиру, к[о]тую я им послал.

LL. New materials. Автограф.

¹ Датируется по содержанию.

² Далин — наст. имя и фам.: Линеv Дмитрий Александрович (1853-1920) — писатель и журналист.

³ Святополк-Мирский Петр Дмитриевич, кн. (1857-1914) — в авг.1904 — янв.1905 — министр внутренних дел.

⁴ Большое спасибо (итал.).

⁵ Имеется в виду сын Даниил.

⁶ Церковь Св. Павла «за стенами» — собор, построенный по заказу императора Константина в 314 г. на месте, где был похоронен св. Павел. Разрушен пожаром в 1823, впоследствии был восстановлен.

⁷ Три Фонтана (*итал.*). Место на окраине Рима.

⁸ Амфитеатров А. Литературный альбом. СПб.: Общественная польза, 1904. Писатель интересуется ходом продажи книги.

⁹ Речь идет о книгах Амфитеатрова: Сибирские этюды. СПб., 1904; Женское настроение. СПб., 1904; Виктория Павловна (Именины): Роман. СПб.: Изд. Райской, 1904. Первая из названных печаталась также в «СПб. ведомостях» в 1902-1903.

¹⁰ *Проппер* Станислав Максимилианович (1855-1931, в эмиграции) — в 1880-1918 — редактор-издатель «Биржевых ведомостей».

¹¹ *Мельников* Петр Петрович (ум. 1909) — мировой судья и журналист.

¹² *Столыпин* Александр Аркадьевич (1863-1925, Югославия) — журналист, сотрудник дорев. «Нового времени», в нач. 1900-х — ред. «СПб. ведомостей», брат П.А.Столыпина. См.: Руль. 1925. 28 ноября.

¹³ *Князь* — Ухтомский Эспер Эсперович (1861-1921) — камергер, публицист и поэт, с 1896 редактор-издатель «СПб. ведомостей» и ряда других газет. Друг молодости Николая II.

2. Амфитеатров — В.Н.Амфитеатрову¹

[11 апреля 1905]

Я проживу в Париже до конца русского мая. Затем, вероятно, поеду в Англию. Дел специальных у меня там нет, так что поехал бы просто для изучения. Здесь, наоборот, в деле с утра до вечера. Я очень много издал нового за границей, так что это берет много времени. А затем народ всякий приходящий. Я как-то странно создан: в какое место ни приеду, сейчас вокруг меня нарастает новая публика и глагол начинает утруждать неистово [Так! — *Публ.*]. Из русских часто вижу только с М.М.Ковалевским и П.Б.Струве, который на днях, совершенно измученный, уехал в Грецию, так что русский элемент у меня совсем в умалении, зато француз и итальянец одолевают. К тому же тут поднялась газетная кампания в защиту М.Горького², в которой я принимаю самое энергичное участие и надеюсь, что если Европе удалось вырвать этого великого человека из когтей Трепова и К°, то она же спасет его и от комедии суда и осуждений при закрытых дверях. На днях читаю здесь в Высшей Школе в пользу русских студентов. Собрал

через издание брошюр довольно много денег для рабочих. Имею приглашение ехать в Америку для конференции³. Что касается писания в России и специально в «Руси», то чувствую себя человеком с завязанным ртом. После январских событий не могла появиться ни одна моя статья по общественным вопросам. Приходится сосредоточить публицистическую деятельность за границей. Здесь ряд моих «Современных сказок» и «Письмо к Жоресу»⁴ разошлись во многих тысячах.

Выписка из полученного агентурным путем письма А.Амфитеатрова из Парижа от 11 апреля 1905 «К Протоиерею Валентину Николаевичу Амфитеатрову в Москву, Воронухина гора, д. Рыбаковой». ГА РФ. Ф.ДП ОО. Оп.1904 г. Д.879. Л.11, 11об. Машинопись.

¹ *Амфитеатров* Валентин Николаевич (1833-1908) — отец писателя, священник, протоиерей, известный проповедник.

² Речь идет о суде над М.Горьким, который был назначен на 3 мая.

³ Поездка не состоялась.

⁴ Нелегальное гектографированное издание: Амфитеатров Ал. Франко-русский союз и 9 января (Письмо к Жану Жоресу). Женева, 1905. В этом открытом письме писатель приветствует «пробуждение европейского общественного мнения в защиту угнетенного народа».

3. Амфитеатров — С.А.Андреевскому¹

Paris.1905.IV.29

Дорогой Сергей Аркадьевич, такую суматошную жизнь приходится вести, что только сейчас сообразил: а ведь завтра Пасха! и спешу написать Вам привет. Народ у меня толчется неистово. Верите ли: в Лувре до сих пор не был! Салон, по-моему, весьма не важен в этом году². «Письмо к Жоресу» только что вышло по-русски, да ведь почтою его послать, оно как печатное не дойдет, — я уж лучше Вам и его и «Смерть Иронии»³ с оказией через недельку. Страшно скучаю без публицистической работы. С «Сумерками божков» думал-думал, да вдруг и отказался от всего сделанного, вывернул весь план наизнанку и начал писать сызнова. Через неделю высылаю Суворину новую часть (по реформе)⁴. А сколько частей всего будет, ей-Богу, не знаю: боюсь, что по числу богов олимпийских⁵!

Пишу для немцев статью о русских женщинах⁶. А впрочем, не столь пишу, сколько о ней думаю, и прихожу в отчаяние от отсутствия библиотеки. Здесь очень интересно, только — как при-

едет человек из Питера, да начнет жевать конституцию, так оно немножко и тошно бывает, ибо начинает казаться, что слышишь глаголы пещерного века. Переслушал я здесь столько конституций, что и числа несть, а в Питере все еще весьма автократично. Боюсь, что — по причине, изложенной в моей «Сказке о богине»⁷. И боюсь, что, вырабатывая конституцию кабинетным путем, многие насидят себе конституцию. Для отдыха, с горя, занимаюсь знакомством с символистами и декадентами. Много талантливых людей. И читают они чорт знает как много.

Ил[лария] Вл[адимировна] утопает в океане блаженства: столь ей нравится Париж. Сегодня к нам приезжает на житье О.Ф.Коммиссаржевская⁸ со своею подругою, которую зовут как — не знаю, но красоты она столь замечательной, что даже сквозь политику видно. Так что оживление у нас значительное.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Поедете летом за границу? Тогда — Бог даст — встретимся. Я, кажется, вместо Англии весьма шляться намереваюсь.

Из адвокатуры здесь Маклаков⁹. Приехал за рукоположением в российского Мирабо. Но, сказать правду, опоздал, ибо здесь уже больше мечтают о Робеспьере. И Струве эту поспешностью так огорчился, что даже уехал избывать скорбь в Грецию.

Ваш Амфитеатров

РГАЛИ. Ф.2567. Оп.2. Ед.хр.149. Отправлено из Виареджо. Автограф.

¹ Сергей Аркадьевич *Андреевский* (1847-1918) — поэт, литературный критик и юрист.

² Имеется в виду Salon National des Beaux Arts. М.Волошин написал о нем: «По общему мнению парижан, Весенние Салоны этого года слабы и неинтересны» (Русь. 1905. №123. С.3).

³ См. прим. 35 к вступит. статье.

⁴ Первая часть романа «Сумерки божков» («Лира Аполлона») начала печататься в «Руси» с 9 мая 1905 (№121. С.2-3).

⁵ Из задуманных двенадцати томов вышли два: «Серебряная фея» и «Крестьянская война» (СПб.: Прометей, 1908).

⁶ Амфитеатров А. Женщина в общественном движении России. Женева: Изд. автора. 1905.

⁷ «Сказка о богине» была опубликована во 2-м выпуске «Современных сказок» (Женева, 1905).

⁸ *Коммиссаржевская* Ольга Федоровна — младшая сестра актрисы В.Ф.Коммиссаржевской, скульптор.

⁹ *Маклаков Василий Алексеевич (1870-1957)* — адвокат, один из лидеров партии кадетов.

4. Амфитеатров — И.В.Амфитеатровой

[Не ранее 20 декабря 1905]

Милый Ларочек,

совсем меня, злополучного, затормошили. С 10 часов прет народ и говорят, говорят, говорят. Должно быть, с марта надо в П[е-тер]б[ур]г. Он представляется издали много грознее, чем в действительности. 9 января, по всей вероятности, пройдет тихо, ибо в Москве проба, хотя обострила сторонников вооруженного восстания, но показала им и степень подготовки, которой надо достигнуть. Москва — большая победа революции, хотя правительственные органы и стараются раславить ее неудачу. Факт-то тот, что дружинников в деле было всего 2000, а боролись они против 8000 войск с 14000 резервов 11 дней. Помощь населения, строившего баррикады, была настолько велика, что обманула правительство, вообразившее, будто революционеров тьмы тем. Мирных людей подвернулось под шрапнель и пули видимо-невидимо, а напр[имер], социал-демократы из своих 500 потеряли только 3 убитых, 4 раненых и 18 пленных. Обозлились москвичи на стрельбу до того, что напр[имер], у Сухаревки все баррикады были построены местными купцами, т.е. вчера еще черною сотнею. Несмотря на страшные зверства Мина¹ и семеновцев, а в особенности сумских драгун, разгром кончился изрядным пшиком: главари все ускользнули, оружие обобрали только никуда не годное, настоящие боевые материалы все вывезены, спрятаны, зарыты.

Мои «Листки» произвели здесь шум великий, что еще более усилило визитацию, меня удручающую. Если переедем в Питер, нам надо опять будет поселиться где-нибудь, куда бы публика остановилась перед извощичьим расходом ехать, а то невозможно. Был у меня, между прочим, Куприн: чудачище! мил, но как будто плутоват. Вчера был на grand soirée у Свирского², где видел массу восходящих, многообещающих и подающих надежды. Скука была адская, спасался подле жены Куприна³, дамы с языком, ехидством и не без приятности, вроде Книппер, только помоложе. Мне воздавались божеские почести, а ты знаешь, как я от этого глупею и конфужусь. Каждый Божий день день предлагают газету либо деньги на газету, но все неподходящее, кроме одного, где денег мало, но и люди хороши, и смысл виден. Это пункт

еще без заглавия, с коим меня свел Аничков. Если мне удастся к их деньгам пристегнуть еще какие-нибудь, то может быть интересно.

Я послал тебе телеграмму, что перевозжу деньги, поехал, а банки заперты и отпираются только завтра, т[ак] ч[то], вероятно, ты получишь их вместе с письмом. Как вы, мои миленькие, живы-здоровы? Я о тебе усиленно скучаю утром, вставая от одра, и вечером, ложась в одр, ибо так привык излагать тебе программы дня и давать отчет в оных, что решительно не могу без того обходиться, не говоря уже о всех прочих нежных мыслях. Еще не был у Мрозовской посмотреть Бубеньша⁴. Только сегодня попал к Кедрову⁵ и к Софье Александровне. А ведь она, брат, совсем не Павлинова, но Магидова, и теперь я уже ровно ничего не понимаю, кто у них где, как и на каком иждивении. Сегодня был у меня Порфирий, трезвый, революционер на месте, у меня и пил. Марфу не видал. Она живет в горничных... как бы ты думала, где? У Старка⁶! Должно быть, уж пропиалась очень жутко... До свидания, милый дружок. Целую тебя много-много и крепко люблю.

Твой Ал.А.

[На полях:] Встретил сейчас толстейшую Союю Гладкую и такого же супруга⁷, которые даже разревелись, узрев меня, чем я, конечно, весьма тронут.

LL. New materials. Автограф.

¹ Мин Георгий Александрович (1855-1906) — генерал, командир лейб-гвардии Семеновского полка, руководитель подавления московского вооруженного восстания в дек. 1905. Убит эсеркой З.В.Коноплянниковой 13 авг. 1906.

² Свирский Алексей Иванович (1865-1942) — писатель.

³ Мария Карловна Куприна (урожд. Давыдова, во втором браке — Иорданская; 1881-1966) — в 1904-1907 — жена А.И.Куприна. См. о ней: Иорданская М.К. Новый table-talk / Публ. С.Шумихина // Новое литературное обозрение. 1994. №9. С.192-230.

⁴ Мрозовская Елена Лукинична — жена инженера-технолога, владелица художественной фотографии на Невском, 20. Вероятно, Амфитеатров заказал у нее отпечатки со снимков сына Даниила, сделанных в Париже.

⁵ Кедров Николай Николаевич (1871-1940, Париж) — оперный и камерный певец и педагог; организатор знаменитого вокального мужского квартета, с нач. 1890-х в течение многих лет — приятель Амфитеатрова.

⁶ Старк Эдуард Александрович (1874-1942) — журналист, историк театра, музыкальный и театральный критик.

⁷ *Гладкая Софья Николаевна* (1875-1965) — оперная и камерная певица и педагог. Жена Н.Н.Кедрова. После 1922 — жила в Париже.

5. Е.О.Волошина — А.В.Амфитеатрову

31/ХІІ.1905

Многоуважаемый Александр Валентинович,
в газете «Наша жизнь» №13 30 декабря есть описание обыска в квартире Вячесл[ава] Иванова под названием «Конституционная идиллия»¹, закончившегося тем, что я в сопровождении чиновника Охран[ного] Отд[еления] Статковского² была водворена в 4 1/2 ч. утра в одну из комнат Охран[ного] Отд[еления] и освобождена только в 12 ч. ночи, т.к. возмутительный обыск в квартире Г-жи Орловой³, где я остановилась, также ничего не дал; а между тем я и сегодня не могу ехать к моему сыну Максу Волошину в Париж, потому что мне не возвращают корзины с вещами и фотограф[ические] карточки, которые Г[осподин] Статковский честным словом обещал вернуть 30-го утром. Если Вы хотите узнать все подробности этого курьезного, смешного, возмутительного обыска и ареста для напечатания в «Молве», то заезжайте ко мне завтра, 1-го января, по адресу: На Выборгской, Симбирская улица 17, кв. 2, Орловой. Буду ждать Вас от 12 до 2 ч.⁴

Елена Волошина

LL. Voh 7. Fold. «Voloshina E.». Автограф.

¹ Статья Д.Философова «Конституционная идиллия» появилась 30 декабря 1905 в газете «Народное хозяйство», которая выходила вместо приостановленной «Нашей жизни». Здесь события излагались так: «Одну из гостей, г-жу Волошину (мать парижского корреспондента "Руси" Макса Волошина) потребовали к градоначальнику для выяснения личности». Об обыске см.: Пяст Вл. Встречи. М., 1929. С.96-102.

² *Статковский Павел Семенович* (1856-?) — ротмистр, сотрудник Петербургского охранного отделения. См. о нем: Охранник Статковский // Русская воля. 1917. 19 мая. №119. С.3.

³ Об Александре Иосифовне Орловой (1876-?) см.: Максимилиан Волошин в Петербурге: Осень 1906: Письма к М.В.Сабашниковой / Публ. В.П.Купченко // Минувшее: Исторический альманах. Вып.21. М.; СПб., 1997. С.298, 300-303, 330.

⁴ Статья Амфитеатрова на эту тему не обнаружена.

[1 янв. 1906]

Милый Ларик, надо нам решать вопрос переезда. Я не знаю, как сложатся дальнейшие обстоятельства, но вижу ясно, что, по денежным возможностям, вдали от П[етер]б[ур]га жить опасно. Можем сесть совершенно. С другой стороны, переезжать сейчас в Питер на 3-4 месяца не имеет смысла, имея устроенную квартиру в Париже. Правда, квартир множество, и упали они в цене поразительно. Я думаю, что до 1 апреля тебе лучше оставаться в Париже, в конце января или в первых числах февраля я приеду, а на весну мы приедем в Питер и — либо найдем какое-нибудь Сменцово, либо поедем на Кавказ, к которому у меня прямо душа болит. А устройство дальнейшего, таким образом, переместится на осень. Вещи можно перевозить не все, оставив все тяжелое на сохранение в Париже, — m-g Druget, вероятно, порекомендует тебе, как это сделать. Одно из моих соображений, что теперь переезжать не стоит, Бубка. За климат я не боюсь, п[отому] ч[то] погода здесь покуда отличная, но мне хотелось бы, чтобы он в своем детском саду все-таки научился лопотать по-французски. Вчера слушал Шаляпина в Демоне¹, — это нечто сверх-прекрасное. Федька опять поумнел и лил на меня покаянные слезы. После спектакля ужинали — слава те Господи! до восьми часов: он, Иола, Збруева, Кузнецова-Бенуа, Корещенко, Блюменфельд² и я.

Была у меня один раз Жека Вреден³ в очень жалком виде: 6 месяцев никакой работы, заложенный аппарат, мать два года лежит, не вставая, умирает от рака в матке. Я сказал, что ничего не могу сделать: денег нет, а редакция переполнена. Нютка живет на содержании у какого-то старца. А вчера приперла ко мне, но я спал и не мог принять, дама, визитную карточку коей прилагаю. Приехала наконец Мария Андреевна Потапенко⁴. Милые дочки не пустили ее к себе в квартиру и приказали поселиться в гостинице. Сегодня приказал взять заграничный паспорт.

Зилотти⁵ говорит, что Витте зол на меня как чорт, больше, чем на кого бы то ни было в печати, потому что он ждал, что я «его пойму», а я его, действительно, понял... В пятницу читаю в концерте в пользу пострадавших от забастовки. Думаю читать «Птичку Божию». 9 января в П[етер]б[ур]ге волнений не будет. Решено подождать. Мирная демонстрация, вероятно, осуществится, и думают, что правительство воздержится от репрессий. Московская революция даже во дворце оконфузила бесстыжие лбы. Постарайся с Максом⁶ прислать мне возможно больше брошюр «Женщины» и, если пришли наконец, то «Искусство»⁷.

О последнем сделай запрос в Genève, 81 rue de Carouge, Imprimerie israélite.

До свидания, голубчик. Всего хорошего. Целую Бубочку и тебя несчетно. Если в моих перспективах тебе что не нравится, измени оные, как хочешь. До свидания. Целую тебя много-много-много.

Твой Ал.

[На полях:] Если бы ты знала, какие отвратительные стали Тихонов с женою⁸. Совершенно помешанные алкогольные и половые психопаты!.. Я очень хорош сейчас с Куприными. Он любопытный тип совсем нового пошиба, а она очень умна, ядовита и, мне кажется, из таких дам, презирающих дамство, что с нею ты поладишь.

В виде курьеза прилагаю образец, чем сейчас промышляет Новое Время.

LL. New materials. Автограф.

¹ Опера «Демон» с участием Шаляпина шла 31 декабря 1905 (рец.: Молва. 1906. 1 янв.).

² *Иола* (Иоле) Игнатъевна Шаляпина (урожд. Ле-Прести, по сцене Торнаги; 1873-1965) — итальянская балерина, первая жена Ф.И.Шаляпина; *Збруева* (по первому мужу матери; урожд. Булахова, в браке — Штембер) Евгения Ивановна (1868 или 1869-1936) — оперная и камерная певица (контральто) и педагог; *Кузнецова-Бенуа* (урожд. Кузнецова, в первом браке Бенуа, во втором — Карепанова, в третьем — Массне) Мария Николаевна (1880-1966, Париж) — оперная и камерная певица (лирич. сопрано) и балерина, в 1905-1915 — солистка Мариинского театра; *Корещенко* Арсений Николаевич (1870-1921) — композитор, пианист и дирижер, аккомпаниатор Шаляпина; *Блуменфельд* Феликс Михайлович (1863-1931) — композитор, пианист и дирижер; в 1895-1911 — дирижер Мариинского театра; в 1905 — постановщик «Демона».

³ Очевидно, речь идет о бывшей ремингтонистке Амфитеатрова.

⁴ *Потапенко Мария Андреевна* — переводчица.

⁵ *Зилотти* Александр Ильич (1863-1945) — пианист и дирижер, организатор ежегодных концертных циклов в Петербурге.

⁶ По-видимому, речь идет о М.А.Волошине, но — по всем данным — он вернулся в Россию лишь осенью 1906.

⁷ Имеется в виду: «Искусство и русская современность». См. прим. 19 к вст. статье.

⁸ Речь идет о писателе, драматурге и журналисте Владимире Алексеевиче *Тихонове* (1851-1914), сотруднике «России» и «Руси», и его жене

7. Л.Н.Андреев — Амфитеатрову

20 марта 1906

Многоуважаемый Александр Валентинович!

Принципиально я вполне согласен работать в «Красном знамени», и если мое имя в числе сотрудников может что-нибудь значить, я сочту за честь встать хоть таким образом в ряды непримиримых врагов самодержавия. Вообще самодержавие вещь отвратительная, а тот сорт его, что употребляется в России, такая гадость, что никакие конституционные компромиссы не в состоянии его подрумянить. Покойников нужно хоронить, а не румянить им щек и не причесывать им головку.

Вопрос только в том, как и когда могу я фактически осуществить свое участие в Вашем журнале. Все, что у меня в этом году написано, уже разобрано, а писать больше не могу — устал. Ваше письмо застало меня как раз на рубеже между окончанием одной большой работы и началом летнего отдыха. Будь бы я публицист, фельетончик или статейку, коротенькую, написать бы не так трудно, — но беллетристику двинуть трудно. Вот я и не знаю, как быть. Во всяком случае, постараюсь — но за успешность своего старания не ручаюсь. Что касается гонорара, то сейчас, по счастью, в деньгах я не особенно нуждаюсь и на всякие условия, конечно, согласен.

Портрет? Это можно бы — но стоит ли, особенно после Горького? Горький сам — Красное Знамя, а я — Красный смех, нечто в политическом смысле никакого значения не имеющее. Правда, по существу моей литературной деятельности, я революционер, но это не то революционерство, к[отор]ое требуется моментом. Нужна программа, нужна определенность, нужна личность — а ничего этого у меня нет. Я даже ни к какой партии не принадлежу. Если меня сажают в тюрьму¹, если и теперь жить мне в России невозможно, опять посадят — так это просто недоразумение. И говоря по совести — в Вашем журнале, преследующем не литературные, а политические цели, — я просто не заслуживаю занять место после и рядом с Горьким.

Конечно, буду пропагандировать «Кр[асное] Знамя». Надеюсь все-таки, что ему удастся вскоре перебраться в Россию. Ибо самый крупный в конце концов недостаток журнала — это его отдаленность от места действия.

За Ваше доброе мнение обо мне, о котором я уже знаю по Вашим статьям — сердечное спасибо. И Вы не сочтете за простую вежливость, если я скажу, что из всего, в нынешнем году мною читанного, — больше всего понравилась мне Ваша «Смерть богини иронии»². Ничто так верно и хорошо не отразило настроения сурового гнева и безулыбочной мести, как эта вещь. Теперь у нас опять начинают улыбаться — действительно, свет еще не видал таких смешных идиотов, как наше правительство, — но это не ирония. Это другое.

Очень нравится мне — из последних вещей — «Вредная раса»³. Вы так оригинально и хорошо подошли к вопросу; одного жаль, что это не целая книга, а маленькая брошюрка.

Крепко жму руку. Горький вчера уехал в Америку.

Леонид Андреев

Будет невероятно мерзко, если заем во Франции состоится⁴.

РГАЛИ. Ф.34. Оп.2. Ед.хр.104. Автограф. Публикации фрагментов см.: Вопросы литературы. 1958. №3. С.91; Литературное наследство. Т.72: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М., 1965. С.518.

¹ Речь идет об аресте Андреева (9 февр. 1905), предоставившего свою квартиру для заседания ЦК РСДРП.

² Андреев смешивает два названия — «Сказка о богине» и «Смерть Иронии». Ср. прим. 9 к вступ. статье.

³ Амфитеатров А. Вредная раса. Paris, 1906.

⁴ Об обстоятельствах получения царским правительством займа у Франции см., напр.: Ананьич Б.В. Россия и международный капитал: 1897-1914: Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С.149-177.

8. Н.М.Минский — Амфитеатрову

I

21 апреля [19]06
Hôtel de l'Univers[ité]
9, rue Gay Lussac

Многоуважаемый Александр Валентинович,
Очень хотелось бы видеть Вас, но я слышал, что Вам нездоровится, и не знаю, принимаете ли. Будьте любезны, сообщите, можно ли Вас видеть и когда.

Помните наш разговор на площади Св. Марка? Кто бы мог подумать, что через несколько лет мы оба попадем в политические эмигранты! Неисповедимы пути русского писателя...

Искренне преданный Вам

Н. Минский

Адресуйте на имя N. Wilenkinе (Николай Михайлович Виленкин-Минский).

II

10 мая [19]06
9, Gay Lussac

Многоуважаемый Александр Валентинович,
Название моей лекции — «Идея русской революции». Мог бы прочесть ее недели через три, но предпочел бы через четыре: я должен раньше кончить одну спешную работу. Итак, можете назначить и на 10 июня.

Искренне преданный Вам

Н. Минский

9. Амфитеатров — П. А. Кропоткину

20.IX.1906

Глубокоуважаемый Петр Алексеевич,
очень благодарю Вас за Ваше любезное письмо¹, которое долго путешествовало за мною в моих передвижениях по Швейцарии и, наконец, нагнало лишь в Женеве, куда я попал, по поручению Вс[ероссийского] Крестьянского Союза, присутствовать на похоронах Готца². Было весьма торжественно, хотя с. д. уклонились от участия, что значительно сократило кортеж.

Опять хочу кланяться Вам о портрете. Желательно было бы очень, чтобы, по возможности, явился он при 6 № «Кр[асного] Зн[амени]», к[ото]рый выйдет в течение октября. Если не затруднительно, не откажите выслать Вашу фотографию в возможно скорейшем времени. Затем — целый ряд накопившихся к Вам просьб, весьма важных для товарищей, со мною работающих, и, между ними, для меня всех больше.

I. Если Вы находите «Кр[асное] Зн[амия]» изданием недурным и работающим целесообразно в революционном смысле, не согласитесь ли Вы дать мне хотя бы небольшую Вашу статью, которую Вам интересно было бы провести в ту новую эмиграцию, что составляет, преимущественно, публику «Кр[асного] Зн[амени]»? Я был бы искренне счастлив, если бы Вы нашли возможным удов-

летворить эту мою просьбу. Думаю, что если тому не воспрепятствуют какие-либо партийные соображения, то предложение мое будет и Вам небезвыгодно, в смысле нового поля для идейной пропаганды. «Кр[асное] Зн[амя]» расходится в 10 000 экз. и идет в читательскую массу, которая так называемой *партийной* литературы не любит и даже избегает, утомленная фракционными спорами, мало ей понятными и т.д. Мое глубочайшее уважение к Вашему имени и литературно-политической деятельности побуждает меня искренне желать, чтобы столь обширная аудитория, как «Кр[асного] Зн[амени]», слышала Ваше важное и веское слово. Мы можем расходиться и расходимся, без сомнения, в некоторых взглядах, но 1) Вы — лицо историческое, и все Ваши взгляды должны быть оповещены ожидающей их публике, независимо от критики, которую они могут вызвать; 2) если Вы будете любезны просмотреть мою вступительную статью к 1-му № «Кр[асного] Зн[амени]», Вы убедитесь, что программа моя ставит первым пунктом — объединение всех *разрушительных* элементов революции, способных опрокинуть — начиная с русского царизма, продолжая европейским монархизмом вообще и кончая его республиканскими псевдонимами, — современные буржуазно-государственные рамки.

Повторяю: Вы сделаете меня искренно счастливым, согласившись на мое предложение. Если же нельзя, то — не взыщите за спрос! Он был от души.

Что касается до материальной стороны дела, то — хотя мы народ и бедный, — но употребим все зависящие от нас старания, чтобы оплатить Ваш труд в размере для Вас приличном, для нас посильном.

II. Быть может, до Вас доходили слухи о Collège Russe d'études sociales, к[ото]рый я и Лагардель основали, чтобы заместить немножко пустоту после исчезнувшей в декабре 1905 г. Высшей школы Ковалевского и др. Несмотря на отсутствие средств и имени-тых сил, дело это весной разрослось у нас широко. Было 265 постоянных слушателей, число гостей шаталось между 50-200. Словом, начав дело без копейки, мы оплатили свой трехмесячный сезон и еще 800 фр[анков] капитала перенесли на наступающую зиму. Теперь мы собираемся открыть двери коллежа уже с более серьезными программами и кафедрами, чем весной. Нам обещали читать Рейснер, Рейхесберг, Чупров — из русских, список французских лекторов — у Лагарделя. Так как коллеж наш лишен какой-либо сверху управляющей дирекции и руководится самими студентами, то и выбор лекторов зависит исключительно от студенчества. И вот, по приезде моем в Париж, старосты коллежа

обратились ко мне с требованием, чтобы я просил Вас прочитать нам хотя бы несколько лекций на любую избранную Вами тему. Выполняю это студенческое единодушное желание с особенною радостью, присоединяя к нему и наши лекторские просьбы. Время, количество и содержание лекций указать зависит всецело от Вас. Очень прошу Вас не отказать мне в скорейшем ответе на этот пункт моего письма, т.к. старосты очень им волнуются. Начало семестра у нас 1 ноября. Конец — 1 июля.

III. Один петербургский журнал заказал мне Вашу биографию-характеристику³. Не будете ли Вы так добры указать мне, где я могу найти наиболее верные данные для этой работы, а также — что из своих многочисленных трудов Вы сами считаете наиболее для себя характерным и задушевным? Работу свою я должен сдать лишь в конце ноября, так что у меня впереди добрый месяц для чтения и изучения.

[На полях:] Если Вас не затруднят просимые мною указания, не откажите в них, пожалуйста.

Простите невозможную длинноту моего письма!

До свидания. Желая Вам всего хорошего.

Ваш Ал.Амфитеатров

P.S. Надеюсь, что, если будете в Париже, то вспомните свое любезное намерение меня посетить!

LL. New materials. Черновой автограф на бланке: «Александр Валентинович Амфитеатров. Издатель журнала "Красное знамя" [То же на фр. яз.]. 2, Avenue de Boufflers, Villa Montmorency, Paris-Auteuil».

¹ В бумагах Амфитеатрова это письмо нами не обнаружено.

² См. прим. 65 к вступит. статье.

³ Статья Амфитеатрова о Кропоткине напечатана не была.

10. М.А.Рейснер — Амфитеатрову

2.II.1907

26, Rue Poussin
Paris-Auteuil

Многоуважаемый Александр Валентинович,

В виду того, что Вы оставили в настоящее время всякое участие в управлении и делах русской школы социальных наук и притом бесповоротно, я считаю себя принужденным просить Вас передать те две тысячи франков, которые были пожертвованы на школу через мое посредство и за моей ответственностью и ко-

торые были сданы Вами в качестве члена правления школы в банк на хранение, представителям студенчества как единственно легальным представителям школы для употребления этих денег на потребности вышеуказанной школы или же, в случае если бы школа прекратила свое существование, для хранения этих денег впредь до определения жертвователями нового назначения пожертвованных ими денег. Упомянутую сумму прошу передать представителям школы г.г. Жермунскому и Ижбицкому¹ под их личную ответственность.

С совершенным уважением и преданностью

М.Рейснер

LL. New materials.

¹ Речь идет о помощнике присяжного поверенного Ароне Савельевиче Жирмунском и студенте Коллегии Владимире Избицком.

11. Амфитеатров — Е.В.Аничкову¹

16/III 1907

Дорогой Евгений Васильевич,

Получил я Ваше письмо о «Мире Божьем», послал Вам согласную телеграмму, а ответа и привета и, главное, обещанного посылка нету. Ради Бога, устройте, чтобы они не задерживали денег². Я в таком каторжном положении, как никогда в жизни. У сына вместо тифа оказалось воспаление брюшины, и теперь доктора спорят: простое или на туберкулезной почве. Мальчик уже 6 недель в постели. А тем временем народились еще 2 сына — Роман и Максим. Сие оптовое производство было сюрпризом, внесшим в дом новый кавардак. И все это совпало с полнейшим безденежьем. А.А.Суворин должен мне несколько тысяч рублей и радуется письмами с нравоучениями, что теперь не такое время, чтобы платить долги³. Что касается текущих счетов, то вот сейчас март, а я едва получил за январь. «Телеграф» умер, да я там отписывал старый аванс. Словом, очень скверно. Если будет хоть какая-нибудь тень амнистии, то приеду в Петербург, несмотря на все риски и черносотенные угрозы. Журнал пришлось приостановить: нет больше денег. Проборолся десять месяцев, как один в поле воин, больше не под силу. Отдохнув до весны, может быть, я опять оживу. Но все-таки пришел к убеждению, что мудроно быть Герценом, не имея 60 000 герценовой ренты!.. К безденежью присоединяется отвратительное нравственное состояние: чувст-

вую себя человеком с завязанным ртом, не имею, где своего слова сказать. «Русь» — в отношении меня — пуганая ворона, которая куста боится, и хоронит мои рукописи, как покойников, расстрелянных по военно-полевому суду. Да и не лежит мое сердце к ее лавочной системе ловить момент. С другими газетами сейчас не в связи. Очень бы хотел я добыть в каком-либо хорошем и периодическом ежемесячнике регулярный фельетон на лист, на полтора, того типа, как когда-то «Отеч[ественные] Записки» давали, Щедрин писал. Со Щедриным сравняться не обещаю, но интересно будет. Это моя старая мечта, да все как-то не исполняется. Не пошел ли бы на это «Мир Божий»? Я даже и не стал бы дорожить. Поговорите с ними при случае⁴. Что Куприн? Он совершенно забыл о моем существовании.

[На полях:] Простите, что торможу Вас своими заказами и поручениями, и большое спасибо за первые хлопоты. До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал.А.

Нельзя ли, чтобы «Мир Божий» мне прислали?

Кстати, вспомнил я, что в рукописи «Рабства» перестукальщица где-то пропустила строк десяток, которые я, отсылая, позабыл восстановить. Если можно, пусть мне пришлют корректуру, я больше двух-трех часов ее не задержу.

Черновой автограф на том же бланке, что и док. №10 наст. публ. — LL. New materials.

¹ Аничков Евгений Васильевич (1866-1937, Белград) — историк литературы и прозаик. См.: Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. Т.1. М., 1989. С.77-78.

² Речь идет о неудачной попытке Аничкова содействовать публикации в «Мире Божием» отрывков амфитеатровской хроники из эпохи Древнего Рима.

³ Ср. в недатированном письме А.А.Суворина к Амфитеатрову: «Ваше раздражение и филиппика мне весьма понятны, иного я и не ожидал найти в Вашем письме, но Вы понятия не имеете, в каком положении все это время находилась газета. Когда Вы писали мне об уплате 6 т[ысяч] для сохранения дружеских отношений, то Вы поймете мое чувство при чтении этого проекта, когда я Вам скажу, что в эти дни касса заключалась итогом не 6 рублей даже, но даже не в гривенники, и на завтра я не знал, будут ли у меня деньги купить бумагу на послезавтра. И при этом предстояли не 2-3 таких дня, а долгие недели таких дней, а оказалось даже и месяцы!» (LL. Вох 6. Fold. «Suvorin A. A.»-II).

⁴ Регулярное сотрудничество Амфитеатрова в «Мире Божием» не состоялось.

ПЕРЕПИСКА А.В.АМФИТЕАТРОВА И М.А.ВОЛОШИНА

Публикация Н.Ю.Грыкаловой

А.В.Амфитеатров и Максимилиан Александрович Волошин (1877-1932) не были людьми духовно или творчески близкими. Ко времени их знакомства в Париже в начале 1905 один из них — известный публицист и писатель, «восьмидесятник»-позитивист, сторонник натурализма в искусстве и радикализма в политике, другой — поэт, художник, критик, впитавший дух *fin de siècle* и «нового искусства», мистик и эзотерик *par excellence*. По разным причинам оказались они и в Париже: одного привела сюда конфронтация с русским правительством, второго — собственные «блуждания духа». 1905-1906 гг. — период их почти ежедневного общения¹. Согласно дневниковой записи Волошина от 14 ноября (н.ст.) 1904, он положительно ответил на предложение А.А.Суворина, издателя газеты «Русь», стать на полгода помощником приезжающего в Париж в январе 1905 Амфитеатрова, «чтобы после остаться парижским корреспондентом» газеты². В «Руси» Волошин сотрудничал уже с апреля 1904 как автор заметок о художественной жизни Франции, являясь одновременно парижским корреспондентом символистских «Весов».

Благодаря своему «вольнлюбивому» прошлому (как известно, Волошин был исключен из Московского университета за участие в студенческих беспорядках и отбывал ссылку), Волошин приобрел в русских эмигрантских кругах репутацию «радикала» и, импонируя тем самым либеральной профессуре Высшей школы общественных наук, директором которой был М.М.Ковалевский, стал участвовать в ее работе. (Что не ме-

¹ См.: Амфитеатров А. Чудодей // Сегодня. 1932. 11 сент. (перепеч. в кн.: Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С.133-139). Характерен, в частности, такой факт: приехав в Париж вечером 11 ноября 1905, Волошин уже на следующее утро посещает Амфитеатровых. См. письмо к М.В.Сабашниковой от 12 ноября (н.ст.): «Я с утра был у Амфитеатровых и Гольштейнов. И там, и там все говорят о России. Но ни те, ни другие пока туда не собираются» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.111. Л.3).

² Волошин М. Автобиографическая проза; Дневники. М., 1991. С.215.

шало ему, впрочем, критически относиться к этой «кафедре позитивной мысли»³). В тот же период и Амфитеатров читал здесь курс истории Римской империи и лекции на общественно-политические темы. В Париже их жизненные пути неожиданно пересеклись еще на одном поприще. Оба они при содействии Ковалевского были введены в масонские ложи: Амфитеатров — в ложу «Космос»⁴, Волошин — в «Великую ложу Франции»⁵, — и оба, по разным причинам, вскоре отошли от этой деятельности⁶.

Дальнейшее развитие отношения Амфитеатрова и Волошина получают в связи с очередным издательским предприятием Амфитеатрова. С апреля 1906 начинается выходить новый литературный и политический журнал антимаонархической направленности «Красное знамя», призванный, по мысли издателя, объединить силы русской эмиграции, поставив их на службу революционной демократии. Фамилия Волошина анонсируется в списке постоянных сотрудников журнала, а в №1 публикуются два его стихотворения «Голова принцессы Ламбаль (4 сентября 1792 г.)» и «Ангел мщенья». Это было единственное выступление Волошина на страницах журнала, не отвечавшего его эстетическим пристрастиям и духовным устремлениям. И участие его в этом злободневно-публицистическом и малохудожественном издании может показаться на первый взгляд чем-то случайным, обусловленным внешними обстоятельствами, если бы не та значимость, какую придавал поэт опубликованным здесь произведениям. Оба стихотворения Волошин включил не только в свою первую поэтическую книгу (1910; раздел «Годы странствий»), но и в концептуально важный для него пореволюционный сборник «Демоны глухонемые» (1919), в первой части которого идейно доминировало стихотворение «Ангел мщенья», более того, оно дало заглавие первому разделу книги. Волошин расценивал это стихотворение как этапное, характерное для определенного «цикла» своего духовного развития: он неиз-

³ Волошин М. Письмо из Парижа: Анни Безант и «Русская школа» // Русь. 1905. 12 авг.

⁴ См.: Амфитеатров А.В. Мое масонство // Сегодня. 1930. №167; ср.: Берберова Н. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. New York, 1986. С.19.

⁵ См. дневниковые записи Волошина за 1905: «5 мая. Четверг. Пятница — завтрак с Ковалевск[им], Немиров[ичем], Амфитеатр[овым], Маклаковым — предложение масонства. /.../ 9 мая. У Ковалевского. Масонский экзамен. Я видел людей почтенных, старых, профессоров, которых расспрашивали об их жизни, верованиях, взглядах, и они мешались и краснели, как школьники. /.../ Амфитеатр[ов] конфузится, как мальчик, потому что ему трудно говорить по-французски. Я сижу в стороне, так как меня должны принять в другую ложу. /.../ В прошлый вторник — 22-го — я посвящен в масоны. Завещание. Удар шпагой» (Волошин М. Автобиографическая проза; Дневники. Указ. изд. С.225, 227).

⁶ Уже в октябре 1905 Волошин писал Сабашниковой: «Напиши мне, что он [Р.Штейнер] будет говорить о Франк-Масонстве. Это мне так важно. Мне ужасно важно это. Свои "Impressions Massoniques" я все откладываю. Я не могу сейчас ничего сказать об этом. Мое масонство, то, которое я видел, кажется мне поверхностным и ненужным. Я не знаю, как быть теперь мне с моим масонством» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.110. Л.40). Ср.: Амфитеатров А. Мое пребывание в масонской ложе // Сегодня. 1930. 6 авг.

менно указывал его в автобиографиях⁷, придавал ему провиденциальный смысл, помещая в финал статьи «Пророки и мстители. Предчувствия Великой Революции»⁸. Оба стихотворения возникли в результате «эзотерического» осмысления событий первой русской революции — как предчувствие грядущих испытаний, уготованных России, несущей в себе семя новой культурной эпохи — эпохи «самодуха» (Geistselbst)⁹, рвущей покровы реальности в муках нового рождения.

Безусловно, мистическое истолкование происходящих исторических событий было глубоко чуждо Амфитеатрову, нацеленному на практическую деятельность — борьбу с царизмом «в самодержавной его наглости и в конституционных лицемериях», как было заявлено в программе «Красного знамени».

Волошин не мог не почувствовать, что его стихотворение прозвучит диссонансом на сугубо «реалистическом» фоне журнала, и, посылая стихотворение Сабашниковой, замечал: «Я его хотел написать для Амфитеатровского "Красного Знамени", но подумал, что там оно слишком не подойдет, и послал его в "Русь". Я надеюсь, что его не побоятся напечатать»¹⁰. Вероятно, Амфитеатров все-таки хотел получить стихотворение, которое ему казалось «эффектным», для своего издания и пытался отговорить поэта от намерения опубликовать его в «Руси». В следующем своем письме к Сабашниковой Волошин вновь заострял внимание на потаенном смысле стихотворения: «Амфитеатр[ов] вчера уверял меня, что "Русь" не напечатает "Ангела Мщенья", а если напечатает, то меня арестуют. Я что-то не верю. Все... буквально все принимают это стихотворение за анархический призыв. Какая слепота охватывает людей в такие эпохи! Вот опять эзотеричность искусства — то, что должно остаться неведомым для "испивших хмельной отравы гнева", остается им неведомым, хотя оно сказано. Пожалуйста, давай его и читай его — это стихотворение как можно большему числу людей, мне кажется, что будут многие, которые поймут его так, как оно есть»¹¹. В конце концов стихотво-

---

⁷ В автобиографиях, относящихся к 1925, Волошин, в частности, отмечал: «К 9-му января 1905 года судьба привела меня в Петербург и дала почувствовать все грядущие перспективы русской революции. Но я не остался в России, и первая русская революция прошла мимо меня. За ее событиями я прозрел смуту наших дней ("Ангел мщенья")» (Волошин М. Автобиография [«по семилетьюм»] // Воспоминания о Максимилане Волошине. Указ. изд. С.31); «Интерес к оккультному познанию был настолько велик, что совершенно отвлек меня от русских событий 1905 года и удержал меня вдали от России. Первую русскую Революцию я увидел в том преображении, которое выразилось у меня в моем стихотворении "Ангел Мщенья", осуществившемся только теперь» (Волошин М. Автобиография // Там же. С.38).

⁸ См.: Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С.188-208. Впервые: Перевал. 1906. №2 (ноябрь).

⁹ Термин Р.Штейнера. Ср. изложение его точки зрения на европейские события в письме Волошина к А.М.Петровой от 21 июня / 4 июля 1905 (Волошин М. Из литературного наследия. I. СПб., 1991. С.181).

¹⁰ ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.107. Л.47.

¹¹ Там же. Л.49об.

рение появилось и на страницах «Красного знамени», и в газете «Двадцатый век» (1906. 29 июня)¹².

В аналогичном ключе решалась Волошиным и столь актуальная для эпохи проблема царубийства. К ней он обращался в вольных переводах из Верхарна — «воспоминаниях», по его собственному определению, — «Казнь» и «Человечество», которые были посланы Амфитеатрову для возможной публикации (см. письмо 1). Мыслями о ней он делился с Сабашниковой¹³ и Петровой¹⁴, касался ее в беседе с «теоретиком» террора В.Л.Бурцевым, с которым познакомился при посредничестве Амфитеатрова¹⁵, ей посвятил доклад, прочитанный 11 июля 1905 в масонской ложе¹⁶. Размышления Волошина были актуализированы чтением статьи Вяч.И.Иванова «Религия Диониса. Ее происхождение и влияния» (Вопросы жизни. 1905. №6/7), где речь шла о языческих корнях трагедии — человеческом жертвоприношении, когда избранный для жертвы становился царем-богом в течение года, после чего его торжественно убивали. В периоды исторических катаклизмов и мятежей просыпается дремлющее мистериальное сознание народа. «В эпохи, когда буря сотрясает душу народную до самой глубины, — пишет Волошин Сабашниковой 4 июля (н.ст.) 1905, — должна снова возникать старая вера в священного Царя и Царь принимается в жертву. Публичная казнь Царя — это апофеоз царской власти. Он действительно как агнец принимает на себя грех своего народа. И это должна быть не гибель от руки случайного человека, а торжественное народное жертвоприношение. В слабости, безволии, чувствительности и слепоте Николая II есть что-то, что ясно указывает на его обреченность. У Людов[ика] XVI это было, но в несравненно меньшей степени. Но и громадность и полнота искупления далеко не были так значительны, как это предстоит теперь»¹⁷.

Конечно, Амфитеатрову, «позитивисту до мозга костей», подобная «философия жертвы» не могла быть близка. При всей своей склонности к историческим аналогиям и любви к оккультной литературе и мистико-фантастическим сюжетам он не мог разделить увлеченности Волошина метафизическими проблемами. Его привлекали антицаристские настроения поэта своим пафосом, однако собственные его интересы лежали в другой — реальной — плоскости. Неудивительно, что период их сбли-

¹² Под таким названием в 1906 выходила газета «Русь».

¹³ См.: ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.107. Л.35-36об.

¹⁴ См. письмо к Петровой от 21 июня / 4 июля 1905.

¹⁵ См. письмо к Сабашниковой от 4 и 6 июля (н.ст.) 1905 (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.107).

¹⁶ «12 июля. Вчера в Мас[онской] Ложе я читал свой доклад об России — священное жертвоприношение» (Волошин М. Автобиографическая проза; Дневники. Указ. изд. С.241).

¹⁷ ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.107. Л.37об. Мотив ритуального убийства монарха звучал и в стихотворении «Король», которое Волошин предлагал М.Горькому для публикации в сборниках «Знание». Стихотворение Волошин не напечатал, поскольку оно напоминало переводы из Верхарна. См.: Купченко В.П. М.Горький и М.Волошин // Русская литература. 1976. №2. С.144-151.

жения оказался хотя и насыщенным, все же достаточно кратким¹⁸. Правда, в июне 1917 в журнале «Красное знамя», который вновь будет издавать Амфитеатров, на этот раз в революционном Петрограде, появятся три перевода Волошина из Верхарна¹⁹ — своеобразный «знак» из прошлого. Жизненный круг замкнулся. Близился к завершению и один из «циклов» исторического развития.

***

Письмо Амфитеатрова печатается по автографу, хранящемуся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.177), 5 писем Волошина — по автографам, хранящимся в LL (Box 7. Fold.«Voloshin M.»). Датированы по новому стилю.

1. Волошин — Амфитеатрову

24, Rue Octave Feillet
[Начало июля 1905]

Дорогой Александр Валентинович!

Благодарю Вас за совет и предложения. Я, к сожалению, рассчитывал уехать позже и потому связан в настоящую минуту обещаниями и ожиданиями разных лиц, так что не могу покинуть Париж сейчас¹.

Да и денег не приберег заранее.

Впрочем, я сейчас об этом и не жалею, так как на меня напала горячая полоса работы, чтения и стихов, которых я пишу так много, как никогда в своей жизни не писал.

Посылаю Вам два перевода или скорее «воспоминания» о стихотворениях Верхарна. Они оба ужасно подходят к моим мыслям и чувствам относительно России и перевел я их с одушевлением². Напишите мне, как они Вам понравятся. Поклон Илларию Владимировне и всем Вашим.

Макс Волошин

¹⁸ Отдельными чертами Волошина Амфитеатров впоследствии наделил героя своего романа «Вчерашние предки» (1929) мистика-«автофантаста» графа Зигмунта Стембровского.

¹⁹ Красное знамя: Двухнедельный журнал. 1917. №3/4. С.62-70. Сохранилась копия (отпуск) письма Волошина к В.А.Амфитеатрову-Кадашеву от 7 сентября 1917, в котором он извещал о получении журнала с публикацией, просил выслать причитающийся гонорар и передавал привет А.В. и И.В.Амфитеатровым (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.1).

Казнь

(из Верхарна)

Ты сложишь голову на каменном помосте
Под гулкий плеск толпы среди шумных площадей.
И ярко вспыхнет кровь, и слабо вскрикнут кости,
И будет оргия и благовест церковей.

И солнца мутные, как красные виденья,
Сквозь дымы серные передвечерних действ
Увидят торжество и тайну искупленья
Тобою созданных лирических злодейств.

Толпа вокруг тебя, как древний образ змея,
На миг свой океан заставит замолчать
И будет, точно мать, ярься и пламеня,
Тебя в твоём гробу баюкать и качать.

И память о тебе распухнет, как травы,
Живая, острая, как яд осинных жал,
Заблещет красками настоенной отравы,
Останется в мозгу прямая, как кинжал.

Ты сложишь голову на каменном помосте
Под гулкий плеск толпы среди шумных площадей.
И ярко вспыхнет кровь, и слабо вскрикнут кости,
И будет оргия и благовест церковей...

Датируется временем работы Волошина над переводами из Верхарна.

¹ Вероятно, речь идет о несостоявшейся поездке Волошина в Далмацию. Ср. в его письме к А.М.Петровой от 27 мая / 9 июня 1905: «Париж меня очень утомил, и я собираюсь через месяц ехать на велосипеде через Ломбардию в Далмацию. Амфитеатров мне очень советует это путешествие» (Волошин М. Из литературного наследия. Указ. изд. С.171).

² Автограф второго переведенного в это время стихотворения из Верхарна — «Человечество» — в данной единице хранения отсутствует. Волошин познакомил с этим переводом Петрову, в письме к которой от 18 июня / 1 июля 1905 он также называет образцы своего творчества «воспоминаниями» (Волошин М. Из литературного наследия. Указ. изд. С.174-175). Оба перевода были посланы также М.В.Сабашниковой в письме от 3 июля 1905 со следующим комментарием: «Я перевел еще два стихотворения Верхарна и думал о России и об Революции, перевода их. Это должно было сказаться. /.../ Мне было жутко переводить их, такой пророческой жестокостью веет от него. Мне вспоминалась легенда Иоаннитов, и я думал о том, к кому он[о] может быть адресовано» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.107. Л.35); о «легенде Иоаннитов» см. в статье Волошина «Пророки и мстители».

Viareggio.
Piazza Giovanni Pacini. 10
1905. VII. 20.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович.

Я был очень болен, почему и не мог своевременно написать Вам, получив Ваше письмо и прекрасные стихи, у [ото]рых, для меня, один недостаток: они фразисто-вечеславо-иванистые. Я не знаю оригинала, поэтому и не могу говорить о некоторых образах, мне представляющихся не слишком удачными, потому что, может быть, это Верхарнов грех, а не Ваш¹. Так — «на каменном помосте» голов не рубят, и жаль, если бы начали рубить, потому что камень есть символ института долговечного, каким смертная казнь быть не должна и не может. Хорошо бы и множественное число «среди шумных площадей» перевести в единственное: совершенно достаточно, если человеку отрубят голову на одной площади, — прочие затем бесполезны. Осенью это надо напечатать².

Суворин принял все мои планы и проекты насчет Парижа, так что готовьтесь много писать об искусстве и обо всем, что Вам угодно³, не опасаясь и не сокрушаясь за политику: эта чаша пойдет мимо Вас. Что? Жарко сейчас в Париже? У нас было достаточно, да и сейчас тепло.

Пожалуйста, будьте такой добрый — позвольте навязать Вам несколько поручений. 1) Вышлите «Марью Лусьеву» 2-го издания⁴ по адресу: *Italie, Napoli, Vico Basilio Puoti, 23, S[igno]r Giovanni De Nava* 2) Дайте все мои сочинения в единственном экземпляре И.З.Лорис-Меликову (*Avenue d'Observatoire, 3*)⁵.

Я говорил Вам зимою, что в Италии собираются издавать международный сатирический журнал. Дело это в настоящее время организовано, — я достал им денег, и 15 ноября выйдет первый номер «Rosso e Nero», под редакцией Giovanni De Nava⁶ и при постоянном сотрудничестве Scarpelli⁷, очень блестящего римского карикатуриста. Я показал им Ваши рисунки в «Весах»⁸, и они очень обрадовались, когда я сказал, что просил Вас участвовать в журнале. Было бы очень хорошо, если бы Вы дали что-нибудь для первого номера. Особенность журнала — все в двух красках: красная и черная. Заглавный плакат издания — красная ведьма скачет на помеле сквозь тучи на шабаш — Скарпелли сделал шикарно. Дайте какой-нибудь символический рисунок общественного содержания: красную революцию, опрокидывающую черные тени монархии; Януса из социализма и клерикализма, — вообще, что в голову придет. Это я не темы Вам даю, а просто журнал характеризую.

Будут чрезвычайно рады. Покуда они, в качестве начинающих, бедны и скудны, но вскоре собираются опереться и платить. Если вдохновение осенит Вас в скором времени, пришлите рисунки мне. Формат издания, как «Assiette au Beurre»⁹. Нельзя ли добыть что-нибудь от Витгоффа¹⁰? И вообще, привлечь русских рисовальщиков?

Я три недели не делал ровно ничего, сидел на диване, дрожал в лихорадке, исходил потом и прислушивался к несносным болям в ухе и левой половине головы. Сейчас это в прошлом, но было очень тяжело, тем более, что все время не спал иначе, как сидя, просыпаясь каждые 10-15 минут. Теперь остался только шум в ушах и глухота. Надеюсь скоро быть здоровым. А, впрочем, все к лучшему в этом лучшем из миров. По милости болезни, я спустил столько туков, что не надо ехать ни в Монтекаттини, ни в Карлсбад.

Когда будете у Пикар¹¹, попросите мне выслать снова его каталоги. Как с ними надо расплачиваться? в какие сроки? Я всегда очень осторожничаю с книжным кредитом, потому что человеку свойственно в оном зарываться, и однажды мне пришлось заплатить берлинскому Praeger¹² такую сумму, что я волком взвыл. Но, с другой стороны, без кредита тоже нельзя, ибо мне сейчас нужна чертова пропасть книг для моего римского курса¹³.

До свидания. Желаю Вам всего лучшего. Наши все Вас усердно приветствуют. Приезжайте к нам. Море здесь уж очень хорошо. Я ужасно скучал, им не пользуясь.

Ваш Ал.Амфитеатров

Если имеете какую-нибудь новую русскую декадентщину, пришлите почитать. А то тут насчет книг — слабо.

¹ Смысловые отступления от оригинала, допущенные Волошиным, были отмечены и В.Брюсовым в заметке (без подписи) «О Максе Волошине и древнем змее» (Весы. 1905. №8. С.69-71).

² Оба перевода были опубликованы в газ. «Русь» 14 августа 1905 вместе со стихотворением «Предвестия» («Казнь» — без посвящения).

³ Возможно, Амфитеатров здесь несколько преувеличивает заинтересованность А.А.Суворина в материалах на зарубежные темы. 11 июля 1905 тот писал ему: «Что-нибудь серьезное пока с заграничным бытом предпринять трудно /.../ Заграничное интересуется мало /.../ Трудно из-за границы писать о русских делах, а все-таки придерживайтесь таких тем. Когда дом читателя горит, читатель любит, чтобы ему говорили об его доме».

⁴ Роман Амфитеатрова «Марья Лусьева», печатавшийся в течение 1903 в газ. «Приазовский край», впоследствии выдержал несколько изда-

ний и имел продолжение — «Марья Лусьева за границей» (газ. «Одесские новости», в течение 1910 г.; отд. изд. — СПб., 1911).

⁵ *Лорис-Меликов* Иван Захарович (1862-?) — доктор медицины, издатель созданной М.М.Ковалевским газеты «Телеграф» (СПб., январь—февраль 1907).

⁶ *Де Нава Джованни* (1873-1941) — итальянский журналист, социалист, редактор сатирического журнала «L'asino», сотрудник газеты «Avanti», его статьи «Как мы не пустили царя в Рим» и «Русская тайная полиция в Италии» анонсировались в журн. «Красное знамя» для №7 (не вышел). Журнал «Rosso e Nero» («Красное и черное») нами не обнаружен.

⁷ *Скарпелли Филиберто* (1870-1933) — итальянский художник-карикатурист и кукольный мастер.

⁸ См.: Весы. 1904. №3, 9.

⁹ «*Assiette au beurre*» («Тарелка с маслом») — иллюстрированный сатирический ежемесячный журнал, выходивший в Париже в 1901-1936.

¹⁰ *Витгофф* (Видгоф, Видхопф) Давид О. (1867-1933) — живописец, график, карикатурист. Автор обложки журн. «Красное знамя». См. о нем: Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции (1917-1941): Биографический словарь. СПб., 1994. С.130-131.

¹¹ *Пикар* — французский книгоиздатель.

¹² *Прайер* (Prayer) — немецкий книгоиздатель.

¹³ В 1905 Амфитеатров читал курс истории Римской империи в Высшей школе общественных наук в Париже. См.: Амфитеатров А. Собр. соч. Т.5. СПб., 1911. С.ХХVI.

3. Волошин — Амфитеатрову

[Начало августа 1905]

Многоуважаемый Александр Валентинович!

Простите, что не отвечаю Вам сразу. Ваши поручения я исполнил, но потом меня вдруг унесло в Руан и Шартр, откуда я только что вернулся¹.

Я очень благодарен Вам за предложения «Rosso e Nero». Книжки высланы и переданы. Пикару сделаны распоряжения сегодня. На днях напишу Вам подробнее. Сейчас я в вихре.

Вернулся Бальмонт из Мексики².

Макс. Волошин

Датируется по содержанию.

¹ 18 июля (н.ст.) 1905 в Париж приехала А.Р.Минцлова, с которой Волошин совершил поездку в Руан и Шартр (с 23 по 27 июля).

² К.Д.Бальмонт вернулся в Париж из поездки в Мексику и США 29 июля (н.ст.) 1905. Амфитеатров привлек Бальмонта к чтению лекций и

участию в журн. «Красное знамя», где публиковались его «Песни мстителя». См. очерк Амфитеатрова «К.Д.Бальмонт» в его кн. «Современники» (М., [1908]). Письма Бальмонта к Амфитеатровым опубликованы В.Крейдом: Бальмонт К.Д. Где мой дом: Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма. М., 1992. С.401-414.

4. Волошин — Амфитеатрову

[9 декабря 1905]

Дорогой Александр Валентинович!

Вы правы — я почти совсем превратился в астральное тело. Простите мое исчезновение — я все время поглощен был с головой личными делами и французской революцией¹.

Сейчас уже седьмой час, так что сегодня не смогу приехать к Вам. Тем более, что ночью — провожаю своего брата в Россию². Если позволите, то я... хотел написать приду завтра, но Вы вполне определенно назначаете воскресенье, — так что, может быть, завтра Вас и не будет дома, так я буду, наверное, в воскресенье. Привет Илларию Владимировне.

Очень жаль, что сегодня поздно, и я не смогу увидеть Максима Максимовича³.

Макс Волошин

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Пытаясь осмыслить революционные события в России в оккультном плане, Волошин обращался к мистическим течениям кануна Великой французской революции. В письме к Петровой от 1 июля 1905 он признавался: «Во мне все больше и больше растет мистическое чувство подходящего пламени. Может быть, мистические секты и предвидения, предшествовавшие Великой Революции, которые я изучаю теперь, меня настраивают на это» (Волошин М. Из литературного наследия. Указ. изд. С.174). А в письме к Сабашниковой от 25 октября 1905 он делился мучившими его вопросами: «/.../ мое старое политическое отношение рухнуло окончательно; мне необходимо подойти ко всему с совершенно новой — теперешней стороны знания. Как это связать с оккультизмом, какое отношение Русская революция имеет к духовному перевороту человечества в эти годы? Как подойти к ней с эзотерической точки зрения? Я пока мало знаю, а время требует немедленного ответа. Я стараюсь ответ найти в Истор[ии] Франц[узской] Революции. — Но там ответ психологический» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.110. Л.62-62об.). См. также статью Волошина «Пророки и мстители. Предвестия Великой Революции».

² Двоюродный брат Волошина Яков Александрович Глотов (1877 — ок.1938) выехал из Парижа в начале декабря 1905.

³ Ковалевский *Максим Максимович* (1851-1916) — профессор государственного права, за границей с 1887. Один из организаторов и директор Русской Высшей школы общественных наук в Париже (1901-1905). Член масонской ложи «Великий Восток Франции». В 1905 вернулся в Россию. С 1909 — издатель и редактор журнала «Вестник Европы». Один из основателей партии демократических реформ (конец 1905 — конец 1907).

5. Волошин — Амфитеатрову

[Начало января 1906]

Дорогой Александр Валентинович!

В настоящее время в Петербурге находится моя мать Елена Оттобальдовна Волошина. Если Вам надо что-нибудь переслать в Париж, то это можно сделать. Ее адрес: Симбирская 17, кв. 2 (Орловой). Напишите ей или известите ее¹. Я пишу ей тоже одновременно и прошу зайти к Вам, если у нее будет время.

Как дела в «Руси»? Как Вы сами себя чувствуете в России? Вчера я был у ИллариИ Владимир[овны] и застал все Ваше семейство в полном здравии и веселии.

Макс Волошин

На почтовой открытке, изданной в Базеле, с репродукцией гравюры Гольбейна «Танец смерти». Датируется по содержанию — времени пребывания Амфитеатрова в Петербурге. Дата получения по штемпелю Петербургского почтамта — 23 декабря 1905 (ст.ст.).

¹ См. док. №5 в приложении к статье Э.Гарэтто в наст. разделе.

6. Волошин — Амфитеатрову

[15 июня 1906]

Дорогой Александр Валентинович!

Я готов читать лекцию в среду. Заглавие: «Предчувствия Великой Революции»¹.

В какой зале это будет и в котором часу? Лекция займет от 40 м. до 1 часу. Ни в каком случае не больше.

Привет ИллариИ Владимировне и Бубе.

Максимилиан Волошин

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Речь идет о лекции, прочитанной Волошиным во второй Русской школе общественных наук. См. мемуарный очерк Амфитеатрова «Чудодей» и статью Волошина «Пророки и мстители».

АМФИТЕАТРОВ И РУССКИЕ В ПОЛЬШЕ (1922-1932)

Публикация Д.И.Зубарева

В 1919 русской эмиграции в Польше, по существу, не было, если не считать русскоязычного сельского населения восточных кресов и немногочисленных ассимилированных евреев в городах, к таковой себя не относивших. Началом ее возникновения можно считать санкционированную тогдашним главой польского государства Ю.Пилсудским (в предвидении польско-советской войны) переброску из Эстонии остатков разбитой Северо-западной армии Юденича. Одновременно завязываются связи Пилсудского с Б.В.Савинковым — единственным из политических лидеров Белого движения, кто внушал доверие польскому руководству своей революционной биографией¹, демократизмом и варшавскими корнями. Главное же было в том, что Савинков в глазах Пилсудского не был «русским империалистом», т.е. должен был согласиться, что граница Польши с Россией будет определена в Варшаве.

На деньги польского правительства Савинков вместе со своим ближайшим окружением в июне 1920 создает фактически «русское правительство в изгнании» (Русский политический комитет в Польше — далее РПК) и 20-тысячную армию. Именно остатки этого правительства и этой армии составили ядро русской эмиграции в Польше, просуществовавшей до июля-августа 1944.

Доминантой умонастроений этого социума становится, во-первых, антибольшевистский активизм, т.е. стремление продолжать гражданскую войну в новых условиях любыми средствами (со ставкой на террор и восстание), а во-вторых, на редкость откровенные связи с правящими кругами страны пребывания². Рупором этой системы взглядов становятся

¹ Пилсудский, как и Савинков в 1903-1911 в ПСР, руководил в 1905-1908 Боевой организацией ППС (Польская социалистическая партия).

² «Полонофильство», выходящее за рамки естественной благодарности к приютившей стране (да еще в контексте русофобской политики молодой польской государственности, агрессивно бравшей реванш за полуторачековское унижение), воспринималось русскими и в Польше, и в других центрах рассеяния как нечто гра-

выходившие друг за другом в 1920-1939 и сохранявшие кадровую и идейную преемственность газеты «Свобода» («За Свободу!»), «Молва» и «Меч»³. Последний номер «Меча» (27 августа 1939) вышел незадолго до крушения польского государства.

***

Бежав 23 августа 1921 из Петрограда в Финляндию, Амфитеатров уже в териокском карантине возобновляет свою бурную журналистскую деятельность, прерванную летом 1918 в связи с закрытием меньшевистской прессы в Советской России. Среди газет русской эмиграции, в которых он немедленно начинает сотрудничать, — гельсингфорская «Новая русская жизнь», рижское «Сегодня», парижское «Общее дело» (во главе со старинным приятелем В.Л.Бурцевым), берлинский «Руль» и др. Газеты «Свобода», выходившей с июля 1920 в Варшаве, в этом списке нет, причиной чему была критическая ситуация, переживавшаяся в тот момент этой газетой и издававшим ее РПК. В сентябре 1921 Комитет доживал последние дни, 7 октября польское правительство постановило выслать большинство членов этого Комитета из страны, и газете было не до поиска новых авторов⁴.

Приехав в октябре 1921 в Прагу, Амфитеатров встречается там с только что высланным из Варшавы Савинковым, однако деловых результатов эта встреча не дала. Между тем газета, слегка изменив название (с 4 ноября 1921 — «За Свободу!»), сумела выжить, и уже 22 января 1922 ее редактор приглашает Амфитеатрова к сотрудничеству (этим письмом открывается наша публикация).

1 марта 1922 появляется его большая статья (в терминологии русской журналистики — «фельетон», один из ключевых жанров амфитеатровского творчества) «То, чего нельзя выдумать» — воспоминания о Петрограде времени военного коммунизма. Сотрудничество становится постоянным: в апреле 1922 Амфитеатров публикуется в 5 номерах⁵. Переезд в конце месяца из Праги в Леванто не сказался на регулярности этого сотрудничества⁶.

ничащее с национальной изменой, предательством коренных интересов России и диаспоры.

³ Одним из редакторов «Меча» в 1935-1938 был Владимир Владимирович Бранд (ум. 1942), капитан артиллерии в армии Юденича, печатавшийся в «Свободе» с 1920.

⁴ См. также: Амфитеатров и Савинков: Переписка 1923-1924 / Публ. Э.Гарэтто, А.И.Добкина, Д.И.Зубарева // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 13. М.; СПб., 1993. С. 73-158 (далее при ссылках Мин. 13).

⁵ Первые три: «Дом Литераторов в Петрограде» (1 апр. №122. С. 2-3; 6 апр. №126. С. 2-3; 9 апр. №129. С. 3-4). Эта публикация, как и аналогичная в «Новой русской жизни», осталась неизвестной А.Г.Виноградову, напечатавшему амфитеатровский текст по архивной машинописной копии (Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996. С. 141-164).

⁶ Фельетон «То, чего нельзя выдумать. II», посвященный Генуэзской конференции, датирован 3 мая 1922. Опубл.: 9 и 10 июня (№175 и 176).

С 1923 Амфитеатров становится главным автором газеты: его фамилия появляется там через день. Читатели знакомятся с его романами и повестями⁷, историческими исследованиями⁸ и — коронным жанром писателя — «Записной книжкой», мгновенными откликами на все увиденное, прочитанное и вспомненное: от убийства Воровского до новонайденного «хазарского письма X века из Киева» и личных встреч автора с Чеховым и Коммиссаржевской. Такая активность писателя не была обусловлена материальными соображениями. Из его переписки с Савинковым видно, что получение гонорара от «За Свободу!» было скорее приятной неожиданностью, чем правилом⁹.

Основной причиной стойкой привязанности Амфитеатрова к этой газете (на фоне, например, разрыва отношений с «Рулем») была близкая тогдашним его умонастроениям и бурному темпераменту традиция варшавского «активизма», стремившегося преодолеть дореволюционные идейные догмы. В то время как большая часть русской эмиграции (и левой, и правой) хранила верность основным дореволюционным установкам (каждая группа — своим) и энергично пыталась воссоздать думский партийный спектр 1906-1917 гг. в европейских столицах в 1920-е, варшавская газета в глазах Амфитеатрова была в соответствии с названием *свободна* от идейной зашоренности. Дело в ней явно доминировало над Словом, а небольшие политические несогласия с курсом газеты несколько не мешали (как это и было оговорено в самом начале сотрудничества) интенсивности участия писателя в ней. Предоставив Амфитеатрову ничем не стесняемую возможность публичного самовыражения, газета (почти бесплатно) получила взамен высококлассного автора, хорошо умевшего завлечь широкого читателя¹⁰.

Кульминация амфитеатровского сотрудничества в «За Свободу!» приходится на 1923-1926. В это время не только читатели, но и руководство газеты (сначала Савинков, а затем М.П.Арцыбашев) воспринимают Амфитеатрова не только как постоянного автора, но и в качестве лица, полностью включенного во внутриредакционные отношения¹¹. Не поки-

⁷ «Две Надежды» (1923. 8-22 июля); «Ассоциация "Феникс": Эюд к роману "Мария Лусьева"» (1923. 15-28 окт.).

⁸ Этюды к «Соломонии Бесноватой» печатались с перерывами с 16 декабря 1923 по 18 августа 1924, а пересказ текста памятника появился в газете 5, 6 и 8 января 1926. Там же 17-23 января появился в пересказе Амфитеатрова «фантастический роман XVIII века» — «Повесть о Савве Грудыне».

⁹ Мин.13; ср. также в письме В.В.Португалова — Савинкову осенью 1923: «...Если будете писать Амфитеатрову, поблагодарите его за его удивительное отношение к "Свободе": ведь его "Две Надежды" и пр. он прислал нам, не требуя ни копейки гонорара, а сам, я знаю, бедствует» (ГА РФ. Ф.5831. Д.159. Л.76).

¹⁰ Португалов писал Савинкову 10 октября 1923: «главное, читают Амфитеатрова уж очень усердно, а нам приходится сильно бороться за читателя» (ГА РФ. Ф.5831. Д.159. Л.48).

¹¹ Ср. опасения Арцыбашева при составлении списка членов редколлегии газеты, не включившего писателя в апреле 1924: «Боюсь только, чтобы не обиделся Амфитеатров» (Арцыбашев М.П. Письма Борису Савинкову: К истории русской эмиграции в Варшаве / Публ. Д.И.Зубарева // De Visu. 1993. №4. С.53; далее при ссылках на эту работу DV).

дая лигурийского побережья, Амфитеатров, благодаря максимальной доверительности его варшавских корреспондентов, деятельно участвует во всех перипетиях бурной редакционной жизни этих лет. И «варшавский пожар» (так Савинков назвал уход Португалова в январе 1924 с поста редактора газеты), и политическая катастрофа с самим Борисом Викторовичем в августе-сентябре 1924¹², и окончательный уход из редакции «слишком демократических» Португалова и П.Э.Бутенко в феврале 1926, и финансовые несчастья, бывшие постоянным фоном жизни газеты в эти годы, — все это живо наполняет публикуемую переписку, почти исчерпывающе зафиксировавшую труды и дни газеты в это время.

Безоблачные отношения Амфитеатрова с газетой постепенно сходят на нет после смерти Арцыбашева 3 марта 1927. К ставшему после этого полновластным хозяином газеты Д.В.Философону Александр Валентинович с самого начала относился с подозрением, попросту его не любил. Без видимого разрыва количество публикаций Амфитеатрова в газете постепенно сокращается, а за последние два года ее существования не появляется ни одной¹³.

В статье, подводящей итоги 12-летнему существованию газеты, Д.В.Философов писал: «...Волной смыло Савинкова. Погиб Арцыбашев. Скончался покинувший нас Португалов. Скончался верный друг, д-р Пасманик. А старый, заштопаный котел приходится топить каждый день, все время думать о том, чтобы огонь не погас»¹⁴. Пропуск имени Амфитеатрова в этом списке ближайших сотрудников означал не точку в отношениях писателя с кругом варшавских «активистов», а лишь много-точие... Когда в середине 1930-х на смену уходящему от руководства газетной повседневностью Философону пришли молодые силы — «новопоколенцы» В.Бранд, А.Вюрглер, В.Клементьев и др., сотрудничество престарелого писателя с «непримиримой» Варшавой возобновилось и не прекращалось до его кончины. Однако этот сюжет должен стать предметом отдельного исследования.

***

Настоящая публикация состоит из 34 писем к Амфитеатрову и двух ответных (письма писателя к его варшавским соратникам нам неизвестны¹⁵). Охарактеризуем кратко корреспондентов Амфитеатрова.

¹² Казалось бы, переход двух членов редколлегии (Савинкова и А.А.Дикгофа-Деренталья) на сторону большевиков должен был похоронить газету навсегда. (Возможно, в этом и состояла одна из целей операции ОГПУ.) Однако «За Свободу!» не потеряла читателей, а приобрела их еще больше, став источником уникальной информации о «деле Савинкова» (с 30 августа 1924 по 1 июля 1925 — 58 публикаций, не считая перепечаток из других изданий).

¹³ Фамилия писателя, как правило, продолжает появляться на страницах газеты в благожелательном контексте. См., напр., изложение его книги «Стена Плача и Стена Нерушимая» (Правительство эмиграции // За Свободу! 1930. 25 июля. С.3).

¹⁴ Встреча и самопроверка // За Свободу! 1932. 25 февр. С.2.

¹⁵ В значительной мере это связано с общей печальной судьбой русских архивов в Польше, разделивших трагическую судьбу Варшавы в августе-сентябре

Виктор Вениаминович *Португалов* (1873, Самарская губ. — 16 мая 1930, Париж) — сын еврейского врача, бескомпромиссного сторонника ассимиляции, прославившегося на всю Россию настойчивыми призывами к евреям отказаться от обрезания. Журналист, сотрудник «Смоленского вестника» и «Самарского листка», с молодости — в освободительном движении. В конце 1890-х встречался с Лениным. С 1904 — в Петербурге. В 1906-1917 — народный социалист, автор многочисленных брошюр по истории освободительного движения. В 1918-1920 проделал характерный для эмигранта путь: Киев—Ростов—Одесса—Белград. В Белом движении разочаровался, наблюдая его вблизи, и, очевидно, поэтому в декабре 1920 с радостью принял поступившее из Варшавы предложение фактически возглавить газету «Свобода», с традициями Добровольческой армии идейно не связанную. Следующие три года занимался исключительно газетой, к политической и конспиративной работе своих коллег имел косвенное отношение. К началу 1924 начинает испытывать неудобство из-за отсутствия своего политического влияния на курс газеты, все дальше отходившей от демократических установок: уходит с поста главного редактора, хотя и остается в редколлегии. Безуспешность попыток вернуть газету к ее первоначальным посылкам — идеалам народовластия — привела Португалова к скандальному разрыву со своим детищем в феврале 1926. Следующие три года провел в Варшаве в состоянии острого конфликта и непрерывных судебных тяжб с бывшими соратниками. Для заработка писал в «Последних новостях» и в «Сегодня». Возглавлял варшавское отделение партии «Крестьянская Россия». Последние месяцы жизни провел в Париже, куда уехал осенью 1929¹⁶.

Александр Геннадьевич *Мягков* (1870-1957, Прага) — племянник Н.К.Михайловского. В 1889 окончил Костромское реальное училище, в 1889-1890 — студент С-Петербургского технологического ин-та (исключен за участие в студенческих волнениях), в 1890-1895 — студент Горного ин-та (не закончил «по политической неблагонадежности»). В 1891-1892 — работал «на голоде»¹⁷. В 1895-1904 занимался железнодорожными изысканиями и геологоразведкой золота (Пермь, Котлас, Чукотка, Маньчжурия, Абиссиния). В русско-японскую войну сотрудник миссии Красного Креста. В 1905 женился на старшей сестре Савинкова — Вере Викторовне. В 1914-1920 — управляющий имениями графа Уварова в Волынской губ. С декабря 1920 привлечен Савинковым к руководству Русским политическим комитетом (назначен начальником хозяйственного отдела). После высылки из Польши в октябре 1921 поселился с семьей в Праге, возглавлял местное отделение савинковской партии — Народного союза защиты родины и свободы (далее — НСЗРС). К лету 1923 организация распалась, однако именно с Мягковым и его женой Савинков сохранил доверитель-

1944. Однако нельзя исключить возможность дальнейших находок. Ср.: Дюррант Дж.С. По материалам архива Д.В.Философова // Лица: Биографический альманах. Вып.5. СПб.; М., 1994. С.444-459 — далее Лица-5.

¹⁶ См.: Вельмин А. Памяти В.В.Португалова // Вестник Крестьянской России (Прага). 1930. №7 (Декабрь). С.12.

¹⁷ См. его воспоминания: ОР РГБ. Ф.218. Карт.1269. Ед.хр.12.

ные отношения. Отправляясь в августе 1924 в СССР, Савинков доверил хранение своего архива именно сестре Вере. После суда и покаяния Савинкова Мягковы остались единственными людьми из его эмигрантского окружения, кто отказался его публично осудить и поддерживал с лубяньским узником родственную переписку¹⁸. Мягков — волею судьбы первый научный биограф Савинкова: в сентябре 1924 — апреле 1925 он проанализировал конспиративную часть савинковского архива, пытаясь опровергнуть разноречивые домыслы о мотивах и подоплеке поездки Бориса Викторовича в СССР (сотни листов этого архива имеют мягковские пометы)¹⁹. С апреля 1925 Мягков начинает в личной переписке излагать ставшие ему известными тайные подробности жизни варшавской эмиграции. Гибель Савинкова в мае 1925 открыла Мягкову возможность для публикации своих выводов²⁰. В последующие годы (до 1933) передавал в РЗИА савинковский и свой (преимущественно за 1924-1925)²¹ архивы. О дальнейшей жизни Мягковых в Праге, носившей преимущественно частный характер, содержатся сведения в мемуарах Б.Н.Лосского²². А.Г. и В.В.Мягковы похоронены на Ольшанском кладбище в Праге.

Михаил Петрович *Арцыбашев* (1878-1927) достаточно известен в русской литературе²³. Менее известным (вернее, хорошо забытым) оставался до последнего времени варшавский период его жизни, короткий, но удивительно насыщенный²⁴. Появившись в Варшаве в августе 1923 после пятилетнего молчания в Советской России, он буквально за три месяца заставляет всю читающую эмиграцию забыть о его полускандалной репутации специалиста по проблемам пола, становится одним из ведущих публицистов русского Зарубежья, идеологом «непримиримости» и антибольшевистского «активизма». Регулярно появляющиеся на страницах «За Свободу!» его статьи из цикла «Записки писателя»²⁵ имеют громадный читательский успех. Связанный с ним рост интереса к газете естественно приводит к тому, что уже к началу 1924 писатель, биографически и идейно вполне далекий от руководства «За Свободу!», к тому же беспартийный (вне савинковского НСЗРС), легко вливается в ядро редакции, а в апреле 1924 становится членом редколлегии и формально. Ровно через год в Варшаве чествуют 25-летие литературной деятельности Арцыбашева. Это торжество проводится с таким размахом, который был бы совер-

¹⁸ См.: «Три недели беспросветного кошмара...»: Письма С.Рейлли / Публ. Д.И.Зубарева // Минувшее. Вып.14. М.; СПб., 1993. С.275-310 (далее при ссылках — Мин.14).

¹⁹ Ныне ГА РФ. Ф.5831.

²⁰ Нужна правда // Последние новости. 1925. 13 июня. Перепеч.: За Свободу! 1925. 20 июня. С.2.

²¹ Ныне ГА РФ. Ф.6756. (65 ед.хр.).

²² Минувшее. Вып.16. М.; СПб., 1994. По указ.

²³ См., напр.: Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь. Т.1. М., 1989. С.113-115 (далее при ссылках — РП).

²⁴ См.: DV. С.49-69.

²⁵ С 26 сентября 1923 по 11 февраля 1927 в газете появилось 112 статей этого цикла. Значительная их часть немедленно перепечатывалась в других газетах диспории — напр., в ревельских «Последних известиях».

шенно непредставим, оставайся юбиляр в лоне своего дореволюционного творчества²⁶.

Помимо информационной насыщенности (Арцыбашев находился в самом сердце варшавского активизма и его олицетворял), публикуемые здесь 29 его писем замечательны и в художественном отношении. Вынужденный заниматься исключительно публицистикой, писатель весь невостребованный талант беллетриста употребил для сочного описания быта и нравов русской эмигрантской среды.

Ранняя смерть писателя не была неожиданной: почти всю жизнь он подолгу и тяжело болел — туберкулез, почечная недостаточность, глухота... Сам объем и способ подачи материалов в «За Свободу!» о болезни, кончине и похоронах Арцыбашева — были своего рода вызовом либеральной части варшавской эмигрантской колонии, с которой покойный писатель в последний год жизни откровенно конфликтовал²⁷. Как писал Е.С.Шевченко, могила Арцыбашева на Вольском православном кладбище в Варшаве «стала святыней русской эмиграции и алтарем, на котором она произносит клятву продолжать борьбу»²⁸.

О том, что эти клятвы не были пустым звуком, говорит биография следующего корреспондента Амфитеатрова. Борис Софронович *Коверда* (12 августа 1907, Виленская губ. — 1987, США) родился в белорусской крестьянской семье. В 1915-1920 — семья жила в эвакуации в Самарской губ. После Рижского мира (1921) вернулась на родину, ставшую польской территорией. Отец оставил семью (его фамилию можно встретить среди рядовых членов Русского политического комитета). Сам Борис в 1925-1927 учился в Виленской русской гимназии; в старших классах подрабатывал в виленской газете «Белорусское слово». Выпускные экзамены сдавать не стал (исключен из гимназии за прогулы). 7 июня 1927 на главном варшавском вокзале застрелил в упор (стрелял 6 раз) советского полпреда в Польшу П.Л.Войкова и тут же сдался в руки полиции. Принято считать Коверду монархистом-мстителем. Этому противоречат три обстоятельства. Во-первых, как справедливо заметил Алданов по другому поводу: «об идеях гимназиста много говорить не приходится»²⁹. Во-вторых, вся атмосфера семьи, школы и, особенно, газеты (едва ли не пробольшевистской), где работал Коверда, исключала какой бы то ни было монархизм

---

²⁶ Юбилейную статью, помимо коллег по редакции Е.Шевченко и Д.Философова, прислала из Парижа постоянно третирувавшая писателя до революции З.Гиппиус (См.: За Свободу! 1925. 25 апр. С.2-4), а на чествовании в тот же день в Русском доме в Варшаве были зачитаны поздравительные письма не только от Амфитеатрова, А.И.Куприна и старейшины русской литературы Вас. Ив. Немировича-Данченко, но и от В.Л.Бурцева, В.Жаботинского, А.В.Карташова и С.П.Мельгунова. Вполне уместна была и приветственная телеграмма от убийцы Воровского — М.Конради (см.: Чествование М.П.Арцыбашева // За Свободу! 1925. 27 апр. С.1; 28 апр. С.3-4).

²⁷ Всего 53 публикации с 19 февр. по 31 марта 1927. См. особенно траурную полосу «За Свободу!» от 5 марта.

²⁸ У могилы // За Свободу! 1927. 13 марта. С.5.

²⁹ Алданов М. Сараевское убийство // Соч. в 6 кн. Кн.2: Очерки. М., 1995. С.549.

и даже национальную самоидентификацию³⁰. Наконец, в-третьих: автограф публикуемого здесь письма написан по новой, т.е. советской орфографии — вещь для монархиста немислимая: против «большевицкого» правописания вся монархическая печать вела ожесточенную войну.

В политических результатах выстрелов Коверды нельзя усмотреть успех непримиримых: народного возмущения против власти в СССР не последовало, международное положение страны отнюдь не пошатнулось, а внутренняя политика большевиков лишь ужесточилась — очередной всплеск репрессий против интеллигенции и остатков «бывших» классов известен в истории как «войковский набор». К тому же польский суд (15 июня 1927), вопреки чаяниям русских «активистов», не пошел на использование лозаннского прецедента и не оправдал Коверду (первоначально его приговорили к пожизненной каторге). Тем не менее правая эмиграция была в целом удовлетворена ходом процесса. Подсудимый держался геройски, виновным себя не признал, реальные вдохновители покушения так и остались невыявленными, а единственным наставником юного террориста был объявлен покойный М.П.Арцыбашев, книга которого «Записки писателя» была приобщена к материалам дела³¹.

30 июня 1927 Коверду отправили отбывать срок в каторжную тюрьму Груздиондз на северо-западе страны. Летом 1931 он пытался покончить с собой, перерезав себе вены³². В 1933 лидер русских фашистов в США А.А.Вонсяцкий объявил о создании фонда Коверды, положив на его счет 300 долларов. Отбыв 10 лет, 15 июня 1937 Коверда вышел на свободу³³. Вероятно, он покинул Польшу вместе с основной массой живших там русских летом 1944. В конце 1940-х жил в лагере для перемещенных лиц в Западной Германии, не без труда получил разрешение на въезд в США, где и умер. Культ юного монархиста-мстителя время от времени продолжает возникать в некоторых отечественных кругах³⁴, хотя мотивы покушения и его предыстория до сих пор не вполне прояснены.

Дмитрий Владимирович *Философов* (1872-1940), как и Арцыбашев, известен достаточно. Кузен С.П.Дягилева и его соредaktor по изысканному журналу «Мир искусства», один из ведущих сотрудников respectable газеты «Речь», председатель столичного Религиозно-философского общества и член мистического семейно-общественного союза Межрежковских в 1906-1919 — словом, рафинированный петербургский барин³⁵. Политику главным своим делом не считал, хотя модных веяний

---

³⁰ На допросе Коверда не мог ответить, кто он — белорус или русский. См. основной источник сведений о нем: Дело Б.Коверды: Июнь 1927 / Пер. с польского и доп. W. Париж, [1928].

³¹ См.: Дело Б.Коверды. Указ. изд. С.53-54.

³² Философов Д. Почему не молчали? // За Свободу! 1931. 26 июля. С.1.

³³ Борис Коверда освобожден // Меч. 1937. 20 июня. №23. С.1 (имеется фото).

³⁴ См., напр.: Мститель: Убийство Войкова: Взгляд с другой стороны // Родина. 1992. №4. С.15-18.

³⁵ По данным же Департамента полиции, всего лишь «коллежский ассессор, младший помощник библиотекаря Публичной библиотеки, дворянин» (ГА РФ. Ф.102. Картотека).

не чуждался — был масоном. С Мережковскими, как и со всей прежней жизнью, его окончательно развело лето 1920, когда Б.В.Савинков предложил ему место первого заместителя председателя РПК, фактически — министра иностранных дел Русского правительства в Польше³⁶.

Оставленный там после «октябрьской катастрофы» (1921) в качестве «личного советника» Пилсудского «по русско-украинскому вопросу»³⁷, Философов решает связать свою жизнь навсегда с этим молодым государством. Статус неофициального посла русской эмиграции в Польше наполнялся реальным содержанием только благодаря тому, что Философов в 1922-1934 оставался фактическим издателем главной русской газеты в Варшаве. Чтобы сохранить это положение в суровых условиях эмигрантской жизни, пришлось расстаться с барскими обычаями и начать ожесточенную борьбу за существование с неизбежными моральными издержками — одни называли это подвижничеством, другие видели в Философове лишь лжеца, выжигу и интригана. За каждый день жизни газеты приходилось платить перерождением собственной личности. Атмосфера явного или тайного недоброжелательства окружала Д.В. не только за пределами газеты³⁸, но и внутри редакции.

Политическая линия Философова — редактора и публициста — вынужденно колебалась в довольно широких пределах. Однако культурный опыт дореволюционной петербургской жизни и генетическая связь с русской интеллигенцией не позволяли ему ни (в 1920-е) стать «николаевцем», ни (в 1930-е) безоговорочно поддержать Гитлера в его антисемитизме³⁹. Из знаменитой триады — девиза Французской революции — Философов был готов поступиться лишь Равенством⁴⁰.

Основав в мае 1934 еженедельник «Меч», Философов уже через год два отходит от непосредственного руководства изданием, оставаясь его почетным патроном. На смену публикациям за его подписью все чаще появляются сообщения о его нездоровье⁴¹. Крушение Польши в сентябре

---

³⁶ Позднее Савинков писал: «В глазах Зинаиды Д[митрий] В[ладимирович] связался с "авантюристом", в глазах Мер[ежковского] забыл Антрихриста для дел земных» (Мин.13. С.131).

³⁷ Лица-5. С.445.

³⁸ Вот некоторые расхожие оценки деятельности Философова-журналиста: занимается «злой и мелкой травлей»; допускает «непристойную брань»; газету называли «большой любительницей мелких интриг и каверз» и «вулканом, извергающим пепел и грязь» и т.п. (Вельмин А. Конец газеты г.Философова: Письмо из Варшавы // Последние новости. 1932. 21 апреля. №4047. С.4).

³⁹ См. его статью с резкой критикой первых шагов Гитлера-канцлера: Кто чем озабочен // Молва. 1933. 17 мая. После этой статьи один из создателей и пайщиков газеты монархист С.Л.Войцеховский немедленно вышел из редакционного комитета и редколлегии и более никогда с философскими изданиями дел не имел. Возможно, этот уход стал одной из причин закрытия «Молвы» год спустя. Сам Войцеховский в окт. 1939, после оккупации Варшавы гитлеровцами, возглавлял Бюро по делам русских эмигрантов в генерал-губернаторстве.

⁴⁰ См. изложение его доклада «Медный всадник»: В Литературном Содружестве // За Свободу! 1932. 1 марта. С.3.

⁴¹ См., напр.: Болезнь Д.В.Философова // Меч. 1936. 31 мая. №22. С.3.

1939 быстро свело Дмитрия Владимировича в могилу. К моменту его смерти русской прессы в Польше уже не было, так что извещение о его кончине и похоронах (6 августа 1940 на Вольском православном кладбище) появилось лишь в Германии⁴². Могила его затерялась.

София Викторовна *Турчинович* (ур. Савинкова, 1887 - после 1938) — младшая сестра знаменитого террориста. Хотя ее безвестность сопоставима со славой брата, из всех членов семьи она была ему наиболее близка по темпераменту, унаследованному обоими, по-видимому, от матери: авантюризм, артистичность натуры и страсть к азартному времяпрепровождению⁴³. Вслед за братом, С.В., едва окончив гимназию, вступила в ПСР⁴⁴. Печатных сведений о ее партийных делах почти нет, однако и Департаменту полиции, и руководству ПСР она была хорошо известна⁴⁵. В начале 1908 она помогла бежать из сибирской ссылки за границу перевербованному В.Л.Бурцевым бывшему сотруднику Варшавского охранного отделения — М.Е.Бакаю. Об этом самом ярком, с ее точки зрения, событии жизни С.В. собиралась в 1930 написать мемуары «в форме рассказа с налетом юмора»⁴⁶. Бурцева («Львовича») всю жизнь считала «старым и верным другом», первым браком была замужем за его помощником — П.А.Краковым⁴⁷. Дальнейшая биография С.В. до конца 1923 прослеживается пунктирно: о ее втором браке мы знаем лишь фамилию мужа и имя сына — Павел; в марте 1921 И.В.Амфитеатрова встречает ее в камере петроградской ЧК. В конце 1923 Турчинович покидает Советскую Россию, скитается по Европе, настойчиво ища поддержки у братьев и сестры⁴⁸. В декабре 1923 она поселилась в Варшаве и вскоре была взята на работу в газету «За Свободу!», в штате которой оставалась до ее закрытия. Здесь С.В. была секретарем, корректором, вела отдел шахмат, давала репортажи о скачках и цирковых гастролях. В переход Савинкова на сторону большевиков не поверила, сомневалась в подлинности объявившейся в Москве фигуры, пыталась проверить ее аутентичность, задавая контрольные вопросы в письме на Лубянку⁴⁹.

⁴² Новое слово (Берлин). 1940. 11 авг. №33. С.7.

⁴³ К характеристике матери — С.А.Савинковой (ур.Ярошенко), жены видного судейского чиновника, отдававшей массу времени и средств любительским спектаклям, игре на скачках и посещению Монте-Карло, см. мемуарную заметку: К. Из-за ширм истории // Мир (Москва). 1918. 8 окт. №23. С.1.

⁴⁴ 5 февр. 1930 она вспоминала в письме к Амфитеатрову: «...Десять лет работала я в партии с-р не потому чтобы я была социалисткой или демократкой, никогда таковой не была, а просто потому, что это была единственная партия, ставившая целью политическую свободу в первую очередь и борováвшаяся действительным в то время средством — террором — за свободу личности. Больше не с кем ведь было работать за свободу личности» (LL).

⁴⁵ Картотека ДП упоминает ее 8 раз за 1906-1915.

⁴⁶ Письмо к Амфитеатрову от 15 марта 1930 (LL).

⁴⁷ О нем см.: Лурье Ф.М. Хранитель прошлого. Л., 1990. С.122-123.

⁴⁸ См. постоянные раздраженные упоминания о ее материальных проблемах в письмах к Б.В.Савинкову брата Виктора (ГА РФ. Ф.5831. Д.177. Л.42, 61-62, 64-67) и сестры Веры (Там же. Д.138. Л.36, 52-53).

⁴⁹ См.: Турчинович (Савинкова) С. Письмо в редакцию // За Свободу! 1924. 6 сент. С.3.

О политической эволюции Турчинович в 1920-е говорить сложно (все силы уходили на борьбу за выживание семьи, да и характер был не из легких), хоть симпатии к «правому активизму» видны отчетливо⁵⁰.

Закрытие газеты «За Свободу!», в контексте сложных отношений С.В. с ее работодателем Д.В.Философовым, поставило Турчинович на грань голодной смерти. Написанное в этой ситуации письмо — выразительный человеческий документ, завершающий нашу публикацию.

Сотрудничество Турчинович в «Молве» и «Мече» (репортажи о спорте и цирке)⁵¹ было эпизодическим. Дальнейшая ее судьба нам не известна.

***

Тексты писем к Амфитеатрову печатаются по ксерокопиям оригиналов, хранящихся в LL, любезно представленным нам Э.Гарэтто. Письма Амфитеатрова к А.Г.Мягкову — по оригиналам (ГА РФ. Ф.6756. Д.1). Орфография и пунктуация приведены к современной норме. Курсивом выделены слова, подчеркнутые в оригинале; сокращения раскрыты в квадратных скобках. Кроме указанных в предисловии, в примечаниях приняты следующие сокращения: ЗС — За Свободу! Ежедневная газета (Варшава). МАЗП — Арцыбашев М. Записки писателя [Цит. по ЗС].

1. Португалов — Амфитеатрову

Варшава

22 января 1922 г.

Глубокоуважаемый Александр Валентинович, позвольте поблагодарить Вас за Ваше любезное согласие принять участие в нашей газете. Разногласие, которое Вы правильно признаете, — конечно, не таково, чтобы оно могло сказаться непременно в каждой статье. Кроме того, *мы не боимся разногласий*. У нас нет партийного папы, и интересы России дороже нам всех Марксов и всех авторитетов. И мы понимаем, что такое великое дело, как русское возрождение, не может произойти по какой-нибудь одной концепции. Словом, мы — демократы, но не доктринеры, и если нам приходилось полемизировать с другими эмигрантскими органами, то только потому, что *на нас напали*, обвиняя нас именно в отступничестве от старозаветных скрижалей

⁵⁰ Ср.: «А теперь скажу — все левые, даже средне-левые, все они сейчас соглашатели, и я их ненавижу. Дело делают, в России работают исключительно правые, левые же занимаются их травлей и словоизвержением» (Из письма к Амфитеатрову от 5 февр. 1930. — LL).

⁵¹ См., напр.: Коннозаводство и спорт // Меч. 1935. 14 июля. №27. С.5.

в национальном и др. вопросах¹. Нам удалось на деле показать, что наше «отступничество» было призраком из-за гроба...

Итак, в этой области у нас не может быть трений, и я рад, что остается только один вопрос — материальный. К сожалению, М.Р.Лубковский² запропастился в Вене и, очевидно, не был еще у Вас. Поэтому мне приходится самому касаться этой темы. Я не знаю Ваших желаний и могу пока предложить Вам как аванс, — 100 тысяч п[ольских] мар[ок] (если не ошибаюсь, это выйдет 2000 крон чеш[ских]). В остальном — условия желал бы слышать от Вас. Уверен, что и тут разногласий не будет. Не откажите ответить поскорее, чтобы я мог выслать деньги.

Примите уверение в искреннем уважении и преданности.

В.Португалов

Автограф на бланке: «Редакция газеты "За свободу!" Варшава, Новый свет 22, кв. 47. Телефон 258-34».

¹ ЗС, в отличие от большинства русских эмигрантских организаций (как левых, так и правых), отказалась от лозунга «единой и неделимой России», предложив вместо него «федерацию народов Восточной Европы», а также признала советско-польскую границу по Рижскому договору (1921).

² О М.Р.Лубковском см. прим.8 к письму 22 в публикации писем М.Алданова к Амфитеатрову в наст. разделе (далее при ссылках — Алд.)

2. Арцыбашев — Амфитеатрову

6-1-24 г.

Многоуважаемый Александр Валентинович,

Благодарю Вас и за поздравление, и за пожелания, и за сочувствие — за все, оптом и в розницу. Не менее горячо желаю, чтобы в новом году Вам жилось лучше, чем в старом.

Вы совершенно правы: я не газетный человек. Но мне кажется, что в нашем положении от изощренной диалектики мало толку. Нужно просто кричать «караул!» и чем громче, тем лучше. Я это делаю, а там — «суди меня Бог и великий государь!»

Нападок опытных полемистов я не боюсь. Меня столько травмили в течение всей моей литературной жизни, что и будучи «голым», я в то же время совершенно нечувствителен к уколам, хотя бы и самых острых перьев. А в случае чего, своим «ослопом» разнесу эти перья в лучшем виде. Ибо дело не в диалектических тонкостях, а в правде, а я искренне чувствую, что она на моей стороне.

Очень прискорбно, что Вы оставили публицистику! Ведь, в сущности говоря, Вы остались последним из могижан Божией милостью настоящих больших журналистов. Ваш голос в борьбе с «ультрафиолетовыми»¹ был бы ценен, как нельзя больше.

Конечно, это большое неудобство — эти Ваши 4 понедельника, но ведь в настоящее время все мы находимся в таком положении. Русские газеты рассыпаны по всей Европе, и везде идет переключка через понедельники. К эмигрантской прессе нельзя предъявлять те требования, которые были уместны прежде.

А между тем, нельзя же только помнить об Иерусалиме... Надо хотя бы иногда колотить себя кулаками в грудь и посыпать пеплом головы... которые этого заслуживают, конечно!.. А таких голов много. Чего стоит хотя бы голова уважаемого Павла Николаевича Милюкова!

Кажется мне, что дело не в 4 понедельниках, а просто в душевной усталости. Это понятно и оправдываемо, но грустно.

Крепко жму Вашу руку

М. Арцыбашев

Автограф.

¹ «Ультрафиолетовые» — постоянно употреблявшийся Арцыбашевым термин для обозначения деятелей эмиграции, отказавшихся от активной борьбы с большевиками. См.: МАЗП. VIII: Ультрафиолетовые // ЗС. 1923. 12 дек. С.2-3; 13 дек. С.2-3.

3. Арцыбашев — Амфитеатрову

17/III.24 г.

Многоуважаемый Александр Валентинович,

Спасибо за Вашу книжку. Я ее не читал, так как не знал даже о ее выходе. Здесь она мне на глаза не попадалась, а в Совдепии, конечно, и не могла попасться¹.

Сообщаю Вам, что по сложившимся обстоятельствам и по желанию Б.Савинкова я вошел в редакционный комитет «За Свободу»². Это было совершенно необходимо для предотвращения катастрофы полного распада. Думаю, что не допущу обычного конца всех таких комитетов. В личных отношениях я хладнокровен, как замороженный судак, совершенно неспособен «ссориться» и на предмет личных уколов обладаю кожей носорога.

Я прекрасно понимаю Ваше отношение к Горькому³, но считаю, что этот человек сделал столько зла, так полно воплотил в

себе все «литературные» язвы, что ему не должно быть ни пощады, ни прощения. Это тем более, что у нас до сих пор так сильно раболепство перед громким именем, что и теперь, когда роль Горького в революции всем ясна, огромное большинство старается ходить перед ним на задних лапках. Еще на днях мы получили от Берлинского Комитета сообщение, что им разослано воззвание по поводу «профессорского процесса» в Киеве⁴ всем выдающимся людям Европы и в том числе... М.Горькому! Таким образом, ему еще раз дают случай выступить в эффектной роли печальника о русской интеллигенции. Ведь это же, наконец, непереносно. Смею Вас уверить, что и у меня не только не было никогда столкновений с Горьким, но я его даже и видел только 2 раза в жизни, лет 25 тому назад. Мои выступления против него диктуются только твердой уверенностью в необходимости этого.

Мне очень жаль, что Вас так волнует это, но я считаю своим долгом «требовать» от Вас, чтобы Вы не молчали. Ваше выступление, ввиду Вашего имени, Вашего таланта и Вашей осведомленности (чего стоит хотя бы та комедия с расстрелами, о которой Вы пишете!), было бы чрезвычайно важно⁵. Молчание же является как бы «предательством» по отношению к тем, кто не молчит. Ведь вот, теперь... не имея возможности защищать Горького, все набросились на меня. Стараются опорочить самый факт моего выступления, помоями поливая мою победную головушку. Мне-то наплевать, что благодаря тому, что я остаюсь одиноким и все молчат, создается такое впечатление, что и в самом деле я — злостный враг Горького и только.

Преборите себя, поддержите. Не во имя свое, во имя дела и правды говорю Вам это.

Крепко жму Вашу руку

М.Арцыбашев

Автограф.

¹ Скорее всего, речь идет о кн. Амфитеатрова «Горестные заметы. Очерки красного Петрограда» (Берлин: Грани, 1922).

² Официально состав нового редакционного комитета ЗС, состоявшего из «варшавян» (Арцыбашев, Португалов, Философов) и «парижан» (Савинков и А.А.Дикгоф-Деренталь), был объявлен 23 апр. 1924. См. подробнее: Мин.13. С.141-142; DV. С.50-54.

³ Хотя многолетние дружеские отношения Амфитеатрова с Горьким (1906-1913) к нач. 1924 уже давно прекратились, в открытую полемику с Горьким А.В. еще не вступал, ограничившись печальными сетованиями

на «слепоту» Буревестника в «Горестных заметах» (1922). Первым открытым амфитеатровским выпадом против Горького, только что приехавшего в Италию, стало письмо в редакцию: «Вранье Максима Горького» // ЗС. 1924. 8 мая. С.2. Арцыбашев к этому моменту уже давно призывал к убийству Горького (см.: напр.: МАЗП. XIII: Истошный вопль // ЗС. 1924. 18 февр. С.2-3).

⁴ Речь идет о процессе над 19 членами «Киевского областного центра действия» (Н.П.Василенко и др.) — межпартийной подпольной организацией, созданной в Париже в 1921 и действовавшей в течение двух последующих лет на территории СССР. К парижскому ее ядру были близки бывшие народные социалисты, отчасти связанные с масонством, в т.ч. и М.А.Алданов. Обильный зарубежный архив организации, переданный в 1924 в РЗИА, ныне хранится в ГА РФ (Ф.5784).

⁵ Амфитеатров откликнулся на эту просьбу в своей очередной «Записной книжке» (ЗС. 1924. 3 апр. С.2-3).

4. Арцыбашев — Амфитеатрову

Warszawa
28/V.24 г.

Многоуважаемый Александр Валентинович,

Муссолини ждем с нетерпением. Статью «Кое-что о вере»¹ я еще не видал, так как ее сцапал Философов и, должно быть, размышляет над нею. С основным положением, как Вы его излагаете, я лично совершенно согласен. Еще в 17 году, когда впавшие в протрацию газеты начали возлагать надежды на пробуждение религиозного сознания в массах, я писал, что русский народ не религиозен, а только суеверен.

С Варшавским издательством, к сожалению, надо погодить. Нет денег, этим все сказано. Надежды же котируются, как известно, плоховато.

Насчет Н.Н. и его деклараций² я не могу с Вами согласиться. Думаю, что Вы не читаете монархических газет. Если бы Вы их читали, то для Вас было бы ясно, что сам Н.Н. к декларации своей имеет весьма скромное касательство. Она не им написана. Здесь действует та же, проклинаемая и Вами, и мной, да и всей Россией, «фракция». К этой декларации они уже давно готовили публику. Все та же политическая игра, и больше ничего. Если же говорить о декларации по существу, то меня она никак не удовлетворяет. Чтобы не повторяться, обращаю Ваше внимание на мою статью, специально посвященную этой декларации, которая выйдет на днях³. Думаю, что Вы согласитесь с ней в конце концов.

Савинков и Деренталь, по их собственным словам, «живут в водосточной трубе и питаются мокрицами»⁴. Савинков же, как «Савинков», впал в протрацию. Нужда, неудачи и невозможность борьбы, которой он жил, укатали его. Письма его анемичны, планы фантастичны. Мы ждем его приезда сюда, о чем усиленно хлопочем. Устроить это трудно, а там, в Париже, он скоро сам превратится в мокрицу.

Кочерга и чемодан работают над моей персоной с обеих сторон. Я начинаю думать, что во мне и в самом деле есть нечто от Пикквика!

Всего доброго. До свидания.

Ваш М.Арцыбашев

Автограф.

¹ Имеется в виду заказанный Амфитеатрову цикл статей о Муссолини «Civis Romanus» (ЗС. 1924. 20 июня. С.1-3; 5 авг. С.2-4; 8 авг. С.2-4; 13 авг. С.2-3; 14 авг. С.3; см. подробнее: Мин.13. С.146-147, 154-155) и статья «Кое-что о вере», уже полученная редакцией (ЗС. 1924. 2 июня. С.1-2; 3 июня. С.2-3).

² О декларации вел. кн. Николая Николаевича (1856-1929) см.: Мин.13. С.96-98, 145-147.

³ Речь идет о статье: МАЗП. XXV: Декларация Николая Николаевича // ЗС. 1924. 1 июня. С.2-4. Отсутствие у Арцыбашева склонности к монархизму в какой бы то ни было форме не мешало ему оставаться ближайшим единомышленником Амфитеатрова в редакции ЗС. (Ср., напр., отнесение Философовым их обоих к числу «правых сотрудников» газеты — DV. С.66).

⁴ Об Александре Аркадьевиче Дикгофе-Дерентале (1885-1939) см.: Мин.13 и Мин.14 (по указ.); DV. С.53, 59, 63-64. О водосточной трубе и мокрицах см.: Мин.13. С.132; DV. С.57, 66.

5. Арцыбашев — Амфитеатрову

21/VII.24 г.

Многоуважаемый Александр Валентинович,

Я сказал в конторе, чтобы Вам немедленно выслали книги. Но, кажется, Л.Нидерле¹ у них сейчас нет. Обещали поискать.

На неаккуратную доставку «Свободы» жалуются и другие. В чем дело, понять не можем.

Жена моя, действительно, состоит руководителем драматической студии при Русском Доме², но я никакого участия в этом деле не принимаю, зане не смыслу в этом ни уха, ни рыла. Русских театров в Варшаве нет, как нет и вообще во всей Польше. Только

где-то на окраинах имеются бродячие трупы, весьма сомнительного содержания, да и те влачат жалкое существование, так как поляки очень враждебно относятся к русскому языку.

Что говорить о Маттеотти и Калининкове¹! Это в порядке вещей. Не знаю, известно ли Вам, что Познер напечатал в «Народной мысли»⁴ статью, в которой говорит, что смерть Калининкова есть вполне заслуженное наказание за его юдофобство! А Вы говорите: «все-таки русский!». В том-то и горе, что русский. Если бы был еврейский, было бы совсем другое.

Не считайте меня антисемитом. Ненависти к этому народу во мне нет. Но надо признать факт, что в настоящее время существуют только две реальные силы: социалисты и евреи. В значительной мере между ними можно поставить соединительное тире⁵. Все же остальное, не исключая даже фашистов и большевиков, есть лишь нечто, болтающееся в воздухе и существующее лишь постольку, поскольку эти две силы благоволят, если не поддерживают, то терпят его. Правда, фашизм подает надежду вырасти в третью силу, но пока это только надежда. Италия — лишь островок.

В этом месяце исполнился год, как я стал эмигрантом, и то, что я увидел и узнал за этот год, повергло меня в отчаяние.

Эмиграция — никуда не годна. Таков мой окончательный и категорический приговор. Теперь все мои надежды на «там, во глубине России». Но Россия во мгле, сквозь которую трудно что-либо провидеть. Смута там растет, это несомненно, но когда ударит час взрыва, Бог весть.

Мое личное положение ужасное и ухудшается с каждым днем.

Мне сказали, что Фил[ософов] исполнил свое обещание, и деньги, будто бы, Вам уже посланы⁶. Получили ли? Если нет, напишите мне. Я буду настаивать, а они меня все-таки побаиваются.

Не могу Вам, по конспиративным соображениям, сказать точно, но есть серьезная надежда, что к сентябрю мы, и Вы в том числе, вздохнем свободнее⁷.

Ваш М. Арцыбашев

Автограф.

¹ Нидерле Любор (1865-1944) — чешский славист и этнограф.

² Вопрос Амфитеатрова о жене Арцыбашева вызван, вероятно, заметкой: В русской колонии // ЗС. 1924. 15 июля. С.3. Арцыбашева (ур. Княжевич) Елена Ивановна — актриса, до революции играла в московском театре Незлобина. В 1923-1931 — в Варшаве, затем уехала к родственникам в Румынию.

³ Очевидно, Амфитеатров сопоставил в своем письме убийство итальянского депутата-социалиста Джаккомо *Маттеотти* (1885-1924), похищение и убийство которого в Риме 10 июня вызвало волну международного негодования, и убийство в Софии 27 июля т.г. русского консервативного журналиста Ивана Михайловича *Калинникова* (1892-1924), редактора газеты «Русь» (София). См.: ЗС. 1924. 29 июля. С.4. На первое из названных событий оба корреспондента откликнулись статьями: МАЗП. XXVII: Снова вопль готтентотских душ // ЗС. 1924. 2 июля. С.2-3; Амфитеатров А. Интермедия (к «Civis Romanus») // ЗС. 1924. 10 июля. С.2-4; 11 июля. С.2-3. См. подробнее: Мин.13. С.155; DV. С.56, 66.

⁴ О С.В. *Познере* см. прим. 1 к письму 18 в Алд. «Народная мысль» — орган демократического еврейства Латвии, выходила в Риге в 1922-1925 под ред. М.Б.Розовского. Сотрудничество В.В.Португалова в этом издании (как слишком примиренческом) вызывало постоянные нарекания в редакции ЗС.

⁵ Наиболее полно позиция Арцыбашева по еврейской проблеме в России изложена в его статье: МАЗП. XXIX: Большой вопрос // ЗС. 1924. 31 июля. С.2-4. Центральным ее тезисом стало утверждение о коллективной ответственности евреев за участие непропорционально большой их доли в большевистской революции и в рядах РКП(б). «Два праведника, — писал Арцыбашев, подразумевая Ф.Каплан и Л.Каннегисера, — не искупают Содомы». Во избежание возмездия со стороны русского народа, он призывал евреев к более активной антибольшевистской борьбе. Статья вызвала разногласия внутри редакции. Ср. письмо Португалова Амфитеатрову от 9 янв. 1925: «/.../, а еврейства во мне нет и еврейский вопрос в России я рассматриваю *sub specie Russica*. Под этим углом зрения я считаю вредным для России антисемитизм, но *против* появления в "За свободу!" статьи М.П.Арцыбашева "Большой вопрос" (в прошлом году) я своего голоса не подавал, хотя мнение мое по этому вопросу не вовсе совпадает с тем, что выражает в своей статье Михаил Петрович». 2 авг. 1924 в ЗС появилось «Открытое письмо М.П.Арцыбашеву», подписанное «Марвин» и излагающее еврейскую точку зрения на «большой вопрос»: «сколько евреев за эти годы расстреляно в ЧК, погибло в тюрьмах, истреблено в бесчисленных погромах?» В том же номере Арцыбашев пытался оставить за собой последнее слово в споре: «Я как русский не могу не дать некоторого оправдания и росту антисемитизма в русском народе».

⁶ О гонораре и происхождении средств на его выплату см.: Мин.13. С.154, 157; Амфитеатров А. Записная книжка // ЗС. 1925. 1 апр. С.2-3; 2 апр. С.2-4.

⁷ Речь идет о подготовке к конспиративной поездке Савинкова в СССР.

Многоуважаемый Александр Валентинович,

Вы понимаете наше состояние. Уже самый арест это такой удар, от которого не скоро оправившись, а уж последующее — кошмар неопиcуемый. Философов едва не умер. На него смотреть жалко. Португалов совсем сварился. Более других сохранил спокойствие я, и по моему настоянию мы решили, отбросив в сторону всякие дипломатические соображения, взять тон чисто человеческий, то есть говорить, что чувствуем и во что верим сейчас, не считаясь с последствиями. Я согласен, чтобы меня потом называли дураком, но не хочу, чтобы называли маловером и предателем. К сожалению, прежде чем мне удалось взять верх над всеобщей растерянностью, были уже сделаны грубые ошибки. Если Вы получаете газету (Вы что-то жаловались по этому поводу), то Вы сами поймете, о чем я говорю².

Опять повторяю: пусть, в конце концов, я окажусь наивным дураком, но в измену Савинкова не верю. Я его совершенно не знаю, но в такой измене и в ее формах нет никакого смысла.

Если это правда, то Савинков с ума сошел.

Я уверен, что он или уже убит, или сидит в мешке и именем его ведется шантаж беспримерный.

Ужасно то, что для всех нас его измена была бы таким кошмаром, что все мы предпочли бы узнать о его смерти, а между тем, так или иначе, но ведь все равно его *не будет*. И я считаю это вообще таким ударом по делу борьбы с большевиками и так ясно представляю их радостное торжество, что у меня в голове мутится. И от отчаяния, и от бешенства.

В одном они ошиблись: борьба не прекратится³.

Право, сейчас не могу больше писать. Три ночи не спал.

Прилагаем все усилия, но подлинной правды все еще узнать не можем.

Ваш М. Арцыбашев

Автограф.

¹ В оригинале письмо ошибочно датировано 5 августа 1924. Датировано нами по содержанию.

² Речь идет о резких колебаниях ЗС в оценке достоверности советских сообщений о суде над Савинковым и его раскаянии — от отрицания подлинности подсудимого (Пытка клеветой // ЗС. 1924. 31 авг. С.1) до отречения от Савинкова и удаления его из редколлегии (Без Савинкова // ЗС. 1924. 2 сент. С.1) — и назад к сомнениям в реальности процесса и рас-

каiania (Пора разобраться // ЗС. 1924. 5 сент. С.1; Философов Д. Пытка неизвестностью // Там же. С.2; Шевченко Е. Заплечные фальсификаторы // Там же).

³ Эта сложная гамма чувств в тот же день была зафиксирована в статье самого Арцыбашева: МАЗП. XXXIV: Савинков // ЗС. 1924. 5 сент. С.2-4. Здесь впервые сформулирована верная версия событий: поездка Савинкова в СССР и его арест — результат давно подготовленной провокации ОГПУ. _

7. Арцыбашев — Амфитеатрову

9/IX.24 г.

Многоуважаемый Александр Валентинович,

Это не «предательство», а трагедия. В том состоянии, в котором я нахожусь, много писать не могу, но в общих чертах (сопоставляя все факты) дело представляется в таком виде: давно задуманная большевиками провокация, с целью захвата С[авинкова], как *единственного* способного на активный удар врага, совпала с тяжким душевным состоянием его. Он разуверился во всем и во всех. Его последняя надежда была на небольшую группу, работавшую в России и уже давно прослоенную провокаторами. Один из них вошел в его полное доверие и убедил его, будто 1) представляются блестящие перспективы, 2) организация так сильна, что может гарантировать безопасность, и 3) что в группе произошел раскол из-за тактики, могущий все погубить, и для его ликвидации необходимо личное присутствие С[авинкова].

Чтобы окончательно убедить С[авинкова], большевики давали возможность группе работать действительно с ошеломляющим успехом.

В результате, несмотря на то, что все друзья С[авинкова] почуяли провокатора и со всех сторон предостерегали, прямо указывая на лицо (я сам трижды писал С[авинкову] и говорил лично), С[авинков] не поверил и решил ехать. Подробности ареста еще мало известны, ибо большевики стараются замести следы слишком уж гнусной провокации, но по тому, что я знаю, дело рисуется так: когда, по переходе границы, человек, которому С[авинков] столь безгранично верил, окружил его чекистами и сказал: «Ну, Б[орис] В[икторович], все кончено!», удар был так велик, что с этого момента прежний С[авинков] перестал существовать. Он, действительно, понял, что *все кончено*.

Что происходило в Чека и в душе С[авинкова], можно только догадываться, и об этом я пока писать не буду, но факт один: С[авинков] отказался от всего прежнего и подчинился, сдался Сов.

Власти. В состоянии душевного распада все возможно: от фантастических планов мести до простого малодушия включительно.

Мне придется писать об этом в «Свободе», и там я скажу много больше¹.

Но, во всяком случае, С[авинкова] как С[авинкова] больше не существует, и для того, чтобы он «воскрес», нужно чудо.

О наших переживаниях говорить не буду, они понятны Вам. О позиции, которую займет Свобода, Вы узнаете из ближайших №№: грязью С[авинкова] мы не обольем, но бороться будем.

Ваш М.Арцыбашев

Автограф.

¹ К 9 сентября в Варшаве были получены советские газеты со стенограммой суда и текстом «Письменного показания» Савинкова, которые для людей, близко его знавших, снимали последние сомнения в аутентичности подсудимого. См.: Мин.14. С.289-296. Окончательную точку зрения Арцыбашева и его воспоминания о единственной встрече с Савинковым см.: МАЗП. XLVIII: Воспоминания // ЗС. 1925. 15 марта. С.2-4. Уже в сент. 1924 Арцыбашев стал подозревать в сотрудничестве с ОГПУ не только «московских друзей» Савинкова И.Т.Фомичева и А.П.Федорова, но и супругов Деренталь (ср. опубликованное С.В.Шумихиным его письмо М.А.Суворину от 8 сент. 1924. — Новое литературное обозрение. 1995. №15. С.200).

8. Арцыбашев — Амфитеатрову

18/IX.24 г.

Многоуважаемый Александр Валентинович,

Вы, конечно, уже получили нашу благодарственную телеграмму¹. Она послана по моему предложению и по единодушному постановлению всей редакции, так как все мы были тронуты Вашим отношением в столь тяжелое время.

А время действительно аховое!

Быть может, письмо мое опередит газету, а потому извещаю Вас, что Д[митрием] Вл[адимирови]чем получено письмо от С[авинкова], полностью подтверждающее его измену.

В подлинности письма невозможно сомневаться по многим признакам.

Деренталь и его супруга — там же!²

Не могу Вам передать, как я потрясен этим. У меня из рук вырвано оружие, которым я хотел нанести удар, и теперь все мои писания начинают мне казаться бесполезными и ненужными.

Вы правы: измена эта, конечно, не «простая», но мне кажется, что сложность ее не в том, о чем все думают. Сложность в распаде и раздвоении его души. Об этом сейчас не буду писать, так как завтра или послезавтра идет на эту тему моя статья³.

Вы увидите из нее, что я отнюдь не принадлежу к списку «злорадствующих» и «лягающих». Я вижу в этом, все-таки, трагедию. В предварительный сговор все-таки не верю.

Но так или иначе, он — с ними, а следовательно — наш враг. Разлагающее влияние его велико. С ним надо бороться. Уже и сейчас посыпались письма от читателей, которые оправдывают его поступок.

Я не разделяю точки зрения Фил[ософо]ва, который написал по поводу письма Савинкова, что все его аргументы глупы и пошлы. Нет, они ядовиты и подлы, потому что бьют в большое место — в разочарованность масс, отчаявшихся во многом.

Мы искренне просим прощения у Вас, что сбили Вас с толку известными противоречиями. Но Вы поймете наше состояние, тем более, если возьмете во внимание, что мы были на передовом посту, под ураганным огнем неожиданностей, сплетен, ложных и правдивых известий, а были, все-таки, *должны* выпускать газету.

Впрочем, такая же растерянность царила и повсюду.

Не только русские, но и польские газеты не знали, что писать, и сегодня опровергали то, что утверждали вчера.

Ждем обещанного.

Искренне Ваш

М. Арцыбашев

А тут еще Конради наскандалил⁴! Тьфу! Скоро русскому на улицу показаться нельзя будет!

Автограф.

¹ Эта телеграмма нами не обнаружена.

² О полученном 16 сент. 1924 из советского посольства с нарочным письме Савинкова Философому см.: Мин.14. С.305, 306. Само письмо и упоминаемый ниже в тексте ответ Философова см.: ЗС. 1924. 17 сент. С.1. О жене Деренталя — Любови Ефимовне (урожд. Бруд; 1890-е - 1970-е) и ее роли в биографии Савинкова см.: DV. С.59, 67; Мин.14. По указ.

³ МАЗП. XXXVII: Письмо Савинкова // ЗС. 1924. 21 сент. С.2-4. Здесь была следующая формула: «Оттого, что в лагерь палачей России ушел самый сильный и самый смелый из нас, мы можем только плакать».

⁴ Мориц *Конради* (1896- после 1931), убийца В.Воровского, в сент. 1924 был задержан за дебош в щорихском ресторане. См., напр.: Подви-

ги Конради // Известия. 1924. 19 сент. С.1. После оправдания в лозаннском суде в 1923 Арцыбашев посвятил ему апологетическую статью: МАЗП. VI: Пошечина // ЗС. 1923. 26 нояб. С.2. Впоследствии К. завербовался во французский Иностраннный легион и служил в Марокко. См. сообщение о его смерти и опровержение: ЗС. 1931. 14 марта. С.1; 24 апр. С.1.

9. Арцыбашев — Амфитеатрову

17/XI.24 г.

Многоуважаемый Александр Валентинович,

Философов до сих пор еще не вернулся¹, а потому мы все еще не знаем ничего определенного о судьбе газеты. Его отсутствие сейчас очень для нас тяжело, так как положение наше (в политическом смысле) резко ухудшилось, в связи с признанием Эррио². Поляки, как и всегда, с молниеносной быстротой перехватывают парижские настроения. Правда, ничего активного по отношению к эмиграции они пока не проявили, но морально уже слегка «дернули» нас за резкий тон по адресу Эррио, и очень заметно, как тучи над эмиграцией сгущаются. В польской печати опять появились статьи о враждебности русских к Польше, о нежелательности, в пределах Речи Посполитой, русской культуры, о необходимости «сближения» с товарищами из Совнаркома и т.д. Симптомы плохие. А между тем все нити наших «связей» — в руках Д[митрия] В[ладимировича], и без него мы ничего предпринять не можем.

Вообще, Эррио нанес нам удар, какого и не мог бы нанести ни Мак-Дональд³ и никто другой! До сих пор все эти «признания» велись в холодно-коммерческом тоне и по судьбе эмиграции скользили весьма поверхностно. Эррио перевел «признание» в плоскость подлинного дружественного сближения с большевиками, и мы тем самым оказались выброшенными за борт. Для нас наступает период подлинного, трагического одиночества во всем мире, так как Америку считать нельзя, Америка далеко. И Европе мы отнюдь не только не нужны, но мы мешаем, мы раздражаем, являясь досадным живым укором для этих господ, спрятавших совесть в карман и жирно целующихся с большевиками.

На душе становится все гаже и гаже. Именно — гаже.

А оттуда, из красного тумана, по-прежнему ничего не видать! Скверно.

Дали бы Вы нам корреспонденцию из Италии о том, к чему же, наконец, привело столь молниеносное признание большевиков любезным Муссолини⁴. Это признание как-то вообще кануло в воду. Англичане обожглись, Эррио ждет великих и богатых милостей, ну а Муссолини? Ведь он же первый признал, ну, и... что же?

Хорошо было бы получить и «Записную книжку»⁵. Она имела здесь успех и очень оживляла газету. А то у нас все такая тяжелая артиллерия.

Всяких благ

Ваш М. Арцыбашев

Автограф.

¹ В октябре-ноябре 1924 Философов ездил в Париж, где пытался восстановить отношения с Мережковскими, испорченные в 1921-1924 из-за разной оценки личности Савинкова; а также в Прагу, где пытался уладить разногласия с Мягковыми в оценке савинковского поведения.

² Речь идет об объявленном 28 окт. 1924 признании СССР французским правительством во главе с лидером радикал-социалистов Эдуардом Эррио (1872-1957).

³ Британское правительство во главе с лидером лейбористов Джеймсом Рамсеем Макдональдом (1866-1937) признало СССР «де-юре» 7 февр. 1924.

⁴ Об обстоятельствах признания СССР правительством Муссолини и реакции на него Амфитеатрова см.: Мин. 13. С. 109, 119-121.

⁵ Вместо «Записной книжки» Амфитеатров послал в газету новый мемуарный цикл «Давнія и давние», посвященный старым русским актрисам и актерам (ЗС. 1924. 11-13 дек.; 1925. 5 и 6 февр.; 2 и 9 марта). Очередная «Записная книжка» появилась лишь 13 марта 1925.

10. Арцыбашев — Амфитеатрову

21/XII.24 г.

Дорогой Александр Валентинович,

После Вашего последнего письма я считаю себя в праве на такое обращение.

Прежде чем обрисовать Вам наше положение, укажу Вам на маленькую Вашу ошибку. Или в этом пункте я что-нибудь неясно выразил, или Вы сделали замечание по каким-либо иным источникам. У нас, действительно, идет речь о включении газеты в «цепь» демократического блока, от Кусковой до Милюкова включительно¹. Но Чернов тут ни при чем. Хотя за Философова ни в чем нельзя ручаться, но пожалуй, что по отношению к Чернову он чист². Даже напротив, именно приезд Чернова и та помпа, с которой его встретили польские социалисты и заставили Ф[илософ]ова, убожавшегося за свои права и привилегии, как единственного советника по русским делам, завертеться вьюном вокруг Милюкова, Кусковой, Маслова³ и проч.

В том-то все и дело, что каким-то непостижимым образом присвоив себе наследство покойного Савинкова⁴, Ф[илософ]ов превратил газету в орудие своих личных интриг. Впрочем, непостижимого тут ничего нет. Во-первых, он был представителем Савинкова, во-вторых — действовал простой наглостью, пользуясь тем, что никто из нас на роль хозяина не претендовал, а в-третьих — использовал знаменитое правило «разделяй и властвуй!» Как проводил он это правило в жизнь, об этом после, но факт тот, что в одно прекрасное утро все убедились, что и газета, и книжный склад, и библиотека и вообще все и вся находится в полной фактической собственности г.Философова, а мы все являемся его наемниками и подчиненными. Он один, совершенно бесконтрольно, распоряжается всеми средствами и держит всех сотрудников впроголодь, сам ведя довольно широкий образ жизни... Собственно говоря, с финансовой точки зрения никто и не протестует. Все мы или довольствуемся грошами, или живем на свои посторонние заработки. И хотя все-таки, со стороны глядя, это имеет характер форменной эксплуатации, проводимой с беззастенчивостью, доходящей до грации, но это бы еще ничего.

Но мы все на горьком опыте убедились, что для этого господина не существует ничего, кроме его собственной персоны. Россия, большевизм, газета и все прочее для него — звук пустой. Важно только то, что дает ему возможность устанавливать и закреплять личные связи. Сейчас он, например, находит нужным держать руль налево, заигрывать с национальными меньшинствами и вести дружбу с польскими социалистами. Что именно он от этого выигрывает, нам решительно неизвестно. Он целый день трется по министерским передним, бегаёт по разным именитым панам, обедает и ужинает в ресторанах с дипломатами и делает такой вид, будто все это чрезвычайно важно для газеты и нас всех, но мы решительно не видим никакой пользы ни для кого и ни для чего, кроме разве самого г.Философова. А между тем под этим предлогом он заставляет нас вести ту или иную линию, говорить об одном, молчать о другом.

Португалов и Шевченко⁵, люди слабохарактерные и запуганные вообще, являются пешками в его руках. Он их вертит и дурачит, как ему угодно. Оба они его ненавидят до глубины души, но бороться с ним не в состоянии.

Ненависть его ко мне объясняется именно тем, что, во-первых, одного меня он не может согнуть по-своему, а во-вторых, потому что я «затмеваю» его. Дело в том, что отзывы, вроде Вашего «с Вашим приездом газета стала выходить за черту варшавской оседлости», он слышит со всех сторон, а русская колония в Вар-

шаве (ради Бога, не примите за хвастовство) очень любит меня и сплошь ненавидит Философова. А так как он — одно сплошное обнаженное мелкое самолюбие, то этого он мне простить решительно не в состоянии.

Цель его в том и состоит, чтобы выжить меня без скандала или, по крайней мере, обезличить меня. Для этого он старается сделать для меня невозможным сотрудничать в «Свободе», и для этого использует главным образом Португалова. Португалов больше всего на свете боится разрыва с «истинной демократией» в лице Кусковых, Прокоповичей, Масловых и т.д.⁶ Философов ловко подсунул ему формулу: «Можно не быть правым, но работать на правых». Он уверяет его, что я — правый, чуть ли не скрытый монархист, и что мое присутствие невозможно в «демократической газете». Не будь Арцыбашева, газета, мол, вошла бы в «цепь» Кусковых, сердцу Португалова неизъяснимо близких, к нам потекли бы сотрудники из демократического лагеря, нам дали бы деньги, и «За Свободу» расцвела бы пышным демократическим цветом. Арцыбашев всему препона! А так как мои статьи по существу не дают оснований для сих утверждений, то он и выдумал вышеупомянутую формулу. Получается так, что ругая разных ультрафиолетовых и полувывисленных, я доставляю радость монархистам и отвращаю сердца читателей от «истинной демократии». Напуганный Португалов начинает трепетать от каждого моего слова и поддерживает Философова, которого, повторяю, ненавидит до кровомщения. Мои статьи (и только мои!) регулярно вносятся на редакционные совещания, и так как они не смеют их просто забраковать, то стараются высосать из них весь сок, слизать все краски и превратить их в воду. Таким образом достигается (по плану Ф[илософова]) одно из двух: или я плюну и уйду, или мои статьи потеряют «всю свою прелесть», и я сойду на нет.

Лучше всего, конечно, если я уйду совсем. Но уйти я должен тихо, без скандала. Не помню, писал ли я Вам, что недели две назад, после бурного заседания по поводу моей статьи, когда мне была возвращена статья с прибавкой требования, чтобы я вообще отказался от своей точки зрения, я и вправду ушел. Но так как весть о моем уходе немедленно разнеслась по русской колонии и поднялся говор о необходимости, наконец, «положить предел засилью этого мерзавца и подлеца Философова», а «старейшины» отправились шептаться с Философовым, он явился ко мне и начал просить о возвращении, дав ряд уступок. Он увидел, что «тихо» еще не выходит, и, вероятно, рассчитывает, что выйдет в другой раз. Я уступил и вернулся, а почему — о том ниже.

Боюсь, что расчеты на «тихий уход» не оправдаются. Дело в том, что теперь я так вопроса не поставлю, а предъявлю «или — или», и думаю, что все сотрудники, вся русская колония будут на моей стороне.

Одним словом, сейчас дело обстоит так: дипломатические сношения восстановлены, но мы сидим на бочке с порохом.

Теперь перейду к делам Вашим.

Вы, конечно, совершенно правы. Амфитеатров есть Амфитеатров. Я понимаю возможность «вольного компромисса» с Вашей стороны, в тех случаях, когда по местным условиям Ваша статья будет «невозможна». Но в таких случаях г.Философов, конечно, обязан немедленно и со всей возможной полнотой объяснить Вам положение. Но этот господин обнаглел до того, что уже ни с кем не считается, по крайней мере до тех пор, пока ему не покажут зубы. К тому же, в данном случае, Вы попали в самое больное место: ведь Вы своей статьей об украинцах, косвенно или прямо, но поддержали Арцыбашева⁷! Отсюда взрыв злобы, а от злобы и это хамство. Я все-таки не ожидал этого и был уверен, что он немедленно написал Вам. Теперь же вот что: письма Вашего я ему не сообщил и пока взял на себя смелость скрыть Ваше недовольство. Почему? Объясню потом. Я ему только сказал, что Вы спрашиваете о своей статье в резкой форме и что я требую от него, чтобы он немедленно объяснился с Вами. Вероятно, он Вам напишет и, конечно, благовидно объяснит свой поступок. Боюсь только, чтобы эта лиса не воспользовалась случаем как-нибудь мимоходом опорочить меня в Ваших глазах. Но я Вас искренне предупреждаю: это не человек, а какая-то химера, сотканная из лжи, интриганства и лицемерия. Не верьте ни одному слову.

Но я Вас очень прошу, на сей раз не бросайте газеты и дайте Ваш роман⁸, хотя бы прислав на мое личное имя. Ваш уход будет ударом не только Ф[илософо]ву, но и всем нам. Об этом просят и Португалов, и Шевченко.

Но одно, в этой борьбе для меня драгоценное, я прошу мне дать: право, в случае невозможного положения в этой борьбе, бросить на весы и Ваше имя.

Я надеюсь, что у Вас ни на минуту не возникнет мысль о том, что я веду борьбу личную и хочу использовать Вас в личных интересах. Нет. Я никогда не стремился играть официальную роль, всегда, даже в тех случаях, когда был хозяином положения, сажал впереди кого-нибудь другого и только работал. Статьи же мои Вы читаете и о том, чего я хочу, что люблю и что ненавижу, конечно, видите сами. Я душой привязался к газете (которая, увы, меня не кормит!) именно как к единственной газете, по Вашему

выражению, «бегающей вольным волком». Для меня никакие интересы, кроме интересов родины и правды, не существуют. И вся моя борьба с Философовым исчерпывается страстным желанием сохранить этого волка среди полудохлых цепных барбосиков. Я отдал газете все силы, забросил беллетристику, потерял массу денег, отказывался уехать отсюда, к чему меня настойчиво призывают мои представители в Германии и Америке, и вот Философов на моих глазах, в угоду своим личным интересам, старается обезличить газету, посадить ее на общую цепь с барбосиками. Для него газета только удобный трамплин, с которого он прыгает в передние польских министерств. Она ему необходима только постольку, поскольку дает титул редактора единственной русской газеты в Польше. Иногда его расчеты совпадают с тем, что дорого мне и Вам, иногда расходятся, как в данный момент. В зависимости от направления ветра он может быть правым, левым, националистом, демократом и всем, чем угодно. Это совершенно пустая душа. Сейчас ему почему-то нужны украинцы, и ваша статья неприемлема. Завтра, быть может, он сам разделает хохлов по первое число. И весь ужас в том, что все это в зависимости *только* от его личных расчетов. Все дело в его личных связях, в его личной роли. Его юдофильство, например, происходит от его дружбы с неким Гомбергом, с которым он обдeldывает какие-то личные дела финансового свойства. Кстати, Гомберг — это тот Марвин, который некогда облял меня за мою статью об евреях⁹. Хотя есть большие основания думать, что в том случае «Марвин» был псевдонимом самого Философова!

Эх, Александр Валентинович, я вижу, что мне не удастся дать Вам точную картину дела и подлинный портрет Философова. Тут есть масса мелочей и разных черточек, которые в письме не уложись. Если Вам что-либо еще неясно, спрашивайте.

Но прошу Вас на этот раз не доводить до разрыва. Ибо если Вы уйдете, то уйду и я, так как вопрос о причинах Вашего ухода вызовет взрыв. Преждевременный же взрыв даст победу Философову. Португалов и Шевченко струсят, приедут сюда Масловы, Кусковы и прочие и посадят бедную «Свободу» на цепь, в конуру.

Пока жму Вашу руку.

Ваш М. Арцыбашев

Автограф.

¹ В 1924, когда стала очевидной консолидация монархистов (как «кирилловцев», так и «николаевцев»), а остатки белых армий организационно оформились в РОВС, та часть эмиграции, которая считала результаты

Февральской революции не подлежащими пересмотру, также начала объединительную работу (будущее Республиканско-демократическое объединение — РДО). Возглавлявший «Последние новости» П.Н.Милюков и близкая к руководству «Дней» Е.Д.Кускова оставались последовательными защитниками идеалов республиканизма и народовластия. Поскольку речь шла не о тактике борьбы, а о ее конечной цели, ЗС вписывалась в новое объединение вполне органично.

² Позиция лидера ПСР В.М.Чернова, стоявшего во главе журнала «Революционная Россия», была слишком левой (он заявлял себя социалистом-интернационалистом) даже для лидеров РДО. Польские же деятели с большей симпатией относились к Философому, чем к Чернову, поскольку последний, вопреки декларируемому интернационализму, не решался признать нерушимость польско-советской границы, установленной в 1921.

³ Маслов Сергей Семенович (1887-1945?) — до революции член ПСР, видный деятель кооперативного движения. В мае 1917 открывал Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов, был тов. председателя съезда, избран членом Всероссийского Совета крестьянских депутатов. В ноябре 1917 избран членом Учредительного Собрания от Вологодской губ. (вместе с Питиримом Сорокиным). Летом 1918 — руководитель военного отдела вологодской организации Союза Возрождения России, после падения сов. власти в Архангельске 2 августа 1918 стал военным министром в правительстве Н.В.Чайковского, после его падения уехал в Сибирь. Эмигрировал в 1920, вышел из ПСР, в 1922 создал в Праге группу «Крестьянская Россия» (при участии старейшего эсера А.А.Аргунова и филолога А.Л.Бема; до своего отъезда в США к группе примыкал П.Сорокин). Органы группы: «Крестьянская Россия» (Прага, 1922-1924, №1-8/9); «Вестник крестьянской России» (Прага, 1925-1933, №1-44/45); «Знамя России» (Прага, 1933-1939, №46-112; издание прекратилось после оккупации Праги в марте 1939). Неоднократно пытался получить для пропаганды большую ежедневную газету (см. также письма 19-25 наст. публ.; вел неудачные переговоры с Милюковым, в 1930 вошел вместе с Бемом в редколлегию «Руля» — перед его закрытием). Руководитель варшавской группы «Крестьянской России» Г.Г.Соколов входил в редколлегию газет — наследниц ЗС — «Молва» и «Меч» (Маслов и Бем объявлялись их сотрудниками, Бем был одним из ведущих лит. критиков). В марте 1938 на бухаринском процессе в Москве бывший эсер, знакомый Маслова по вологодской кооперации С.А.Бессонов дал против него показания, обвинив в шпионаже в пользу Германии. 7 марта 1938 чехословацкая полиция произвела у Маслова обыск и изъяла архив его партии (см.: Обыск у С.С.Маслова // Меч. 1938. 12 марта. С.1; Варшавский С. Рука Москвы // Меч. 1938. 19 марта. С.3). В годы войны отошел от политики, к гитлеровцам относился отрицательно. В мае 1945 арестован в Праге (как и Бем) контрразведкой СМЕРШ. Очевидно, расстрелян. Из отзывов современников:

/.../ был самоучкой, человеком способным, но крайне неживчивым и временами просто очень грубым /.../ Лидер

«крестьянской» партии соответственно себя и держал, представляя, как ему казалось, многомиллионное русское крестьянство /.../ долгие годы с большим постоянством и упорством придавал важное значение посылке людей в Россию и организации там групп и ячеек единомышленников /.../ «Крестьянская Россия» ориентировалась в своей программе на собственнические тенденции среди крестьянства и на смертную борьбу с советским строем.

Мейснер Д. Миражи и действительность.

М., 1966. С.186-187, 191.

/.../ возглавлялась она [«Крестьянская Россия». — Д.З.] бывшими эсерами /.../ грузной, неуклюжей, наспех сколоченной фигурой С.С.Маслова /.../ Все было у него построено и рассчитано на запатирование — и пышный претенциозный (под Герцена) заголовок «руководящих» статей в журнале /.../ и непрерывно, кстати и некстати, повторяемое yes, и навязчивая таинственность.

Гессен И.В. Годы изгнания. Париж, 1978. С.151.

4 Речь идет о политической смерти Савинкова.

5 О Евгении Сергеевиче *Шевченко* (1877-1932), члене редколлегии ЗС со 2 сент. 1924, см.: DV. С.62-63; Мин.13. По указ. В последние годы существования ЗС был ее театральным обозревателем.

6 Ср. оценку Португаловым своей идейной позиции в назревающем конфликте внутри редколлегии:

/.../ с большой скорбью услышал я от М.П.Арцыбашева о том, что Вы решили окончательно нас покинуть. Еще грустнее, что Вы оставили газету нашу не только потому, что газета чересчур затянула выплату Вам гонорара, но и по соображениям принципиальным. В частности, Вы ссылаетесь на то, что газета взяла курс «левый» и юдофильский, — благодаря мне /.../

Вы, вероятно, помните, как я лелеял Ваше участие в газете. И ни разу я не помню, чтобы Вы выразили мне неудовольствие по поводу направления «За свободу!», а ведь она тогда была «левее», чем теперь.

Но укор в этой относительной «левизне» я все-таки готов принять на себя, хотя теперь далеко не я один определяю направление газеты. Но что для меня неприемлемо, так это упреки в «юдофильстве». Этим грехом я, по совести говоря, не страдал никогда, ибо, хотя отец мой и был евреем, но дал мне воспитание совершенно русское, и, вследствие этого, я утратил какие бы то ни было духовные связи с еврейством, и судьба его меня никогда не интересовала. Может быть, это даже и нехорошо — я этим не хвастаюсь, но это факт, я столь же не еврей, как Петр Бернгардович Струве — не немец. /.../

А что я танцую от своей «демократической» печки, — это верно. Но, во-первых, каждый танцует от своей печки, а во-вторых, я свою [очень?] не раздуваю и когда напр[имер], шел про-

цесс лозаннский о Конради, — «За свободу» была единственной газетой, в которой этот процесс был полностью напечатан.

Из письма к Амфитеатрову от 9 янв. 1925 (LL).

⁷ Статья Амфитеатрова об украинцах в газете не появилась — очевидно, была отклонена Философовым. Арцыбашевская статья на ту же тему: МАЗП. XXXVIII: Ответ украинцу // ЗС. 1924. 4 окт. С.2-3; 5 окт. С.2-3. В дальнейшем его полемика с украинскими националистами продолжалась. См.: Прошлое и настоящее // ЗС. 1926. 28 апр. С.2.

⁸ Речь идет о романе Амфитеатрова «Лиляша. История одной женской души». Опубликовался в ЗС с 30 марта до 22 ноября 1925. Отд. изд.: Кн.1-3. Рига: Грамату Драугс, 1928.

⁹ См. прим.5 к письму 5 наст. публ. См. также: «Оставляя в стороне вопрос, под каким псевдонимом г.Марвин ведет в Польше свои коммерческие дела» (МАЗП. XXXI: Да не свершится! // ЗС. 1924. 10 авг. С.4).

11. Арцыбашев — Амфитеатрову

14/1.25 г.

Дорогой Александр Валентинович,

Ваше письмо меня чрезвычайно обрадовало. Я, признаться, не получая ответа, стал думать, не осерчали ли Вы на меня за то, что я Вас затянул, так сказать, в наши дразги. Боялся и Философова. Мало ли что он мог написать Вам. Теперь вижу, что все благополучно, и рад самым искренним образом.

Обстоятельства изменились. Атмосфера у нас по-прежнему тяжелая, но мы прибегли к последнему средству: заставили Ф[илософ]ова официально признать членов редакционной коллегии собственниками газеты. Материально мы, конечно, от такой «собственности» ничего не выиграли, да и выигрывать не хотели, но теперь права Ф[илософова] ограничиваются правами фактического редактора и, так сказать, «первоприсутствующего». Фактически «вся власть» все-таки в его руках, но теперь, в случае чего, речь может быть уже не об уходе моем или Португалова, а об уходе Философова, или, в крайнем случае, о крахе газеты. Ибо нас трое, а он один. Краха бояться оснований нет, так как мы можем продолжать газету и без Ф[илософова]. На это есть все возможности. Да на это он и не пойдет, так как без газеты — он нуль! Но таким образом мы держим его в руках. Конечно, он много может наделать глупостей и теперь, ибо за ним не уследишь, но на что-либо подобное прежним своим выходкам он уже не решится.

Таким образом, мы с Вами не уходим, и Вы можете спокойно дать свой роман. Если бы Вы прислали (или присылали) его

на мое имя, я гарантировал бы Вас от всяких «редакторских» фокусов.

Я Вас очень прошу и о романе, и о дальнейшем сотрудничестве вообще. Газета здесь, по-моему, делает громадное дело, а сил у нас так мало. Ваше участие — громадная поддержка.

О Вашем ответе Ф[илософо]ву он, конечно, молчит, словно проглотив. О том, что он его получил, я знаю только потому, что до этого он страшно волновался Вашим молчанием и жить мне с этим не давал, а теперь вдруг умолк.

Надо Вам сказать, что какое-то Ваше письмо, какой-то здешней даме — не то тетке, не то матери ближайшего друга Ф[илософо]ва, некоего Лубковского, стало ему известно¹. По-видимому, Вы написали нечто вроде — «а в "Свободе" опять плохо, и Арцыбашев уходит». Это навело панику на Ф[илософо]ва. Он Вас страшно боится. Ваше молчание и отсутствие романа он понял как результат моей с Вами переписки, волновался, намекал на что-то, каждый день спрашивал о Вас. Теперь спокоен!

Насчет Мережковского-Корейши Вы, я полагаю, не сомневаетесь в моем мнении². Но поставить этот вопрос ребром мы не можем, ибо при отношениях Ф[илософо]ва к Мережковскому это было бы равносильно тому требованию ухода Ф[илософо]ва, о котором я говорил. Производить такой взрыв из-за Мер[ежковского] мы считаем нецелесообразным. Впрочем, мне удалось все-таки остановить начавшийся было водопад, и, как Вы видите, наступила длительная передышка. Надеюсь и вообще эту эпиходовщину изничтожить.

Что у Вас? По нашим сведениям, у Вас там собирается гроза и уже сверкают молнии. Правда ли?

У нас на востоке тоже нависают тучи.

В Совдепии что-то происходит, но за дальностью никак не разберешь.

Да, сегодня пронесся сенсационный слух, будто Керенский признал большевиков и готовится ехать в Москву! Если не враки, то — замечательно! Откровенно говоря, я был бы рад. Уж очень мне было противно, когда после скандала с Савиновым все подмоченные репутации вдруг задрали хвосты, облеклись в белоснежные ризы и завопили соборно: «Господи, благодарим тя, что мы не таковы, как сей мытарь!»... Что же бы они заговорили, ежели бы и Керенский... того...

Ну, а засим искренне обнимаю Вас

Ваш М. Арцыбашев

Автограф.

¹ Речь идет, по-видимому, о письме Амфитеатрова к его знакомой Марии Мечиславне Лубковской (см. прим.2 к письму 24 в Алд.) Ср. отзыв Арцыбашева о самом М.Р.Лубковском и его отношениях с Философовым в письме к Амфитеатрову от 7 июля 1925: «О Лубковском могу сказать немного. Он, действительно, ближайший друг Ф[илософо]ва, и они почти неразлучны. Знаю, что ресторанные похождения их совместны и часты. Но кто кого поит и кормит, не ведаю. Думаю, что как бы ни было, а дружба сия Мечиславу впрок не пойдет».

² Очевидно, Амфитеатров в своем письме сравнил только что опубликованное в ЗС (после большого перерыва в сотрудничестве) философское эссе Мережковского «Небывалое» (1924. 9 дек. С.3-4), написанное в экзотически-пророческом тоне, с бессмысленными пророчаниями знаменитого московского юродивого Ивана Яковлевича *Корейши* (1780-1861).

12. Мягков — Амфитеатрову

20[-21] Апреля 1925 года

Милостивый Государь Александр Валентинович.

Неоднократно в своих фельетонах, помещаемых в «За свободу», Вы возвращались по разным поводам к «делу Савинкова». Последний, нам с женой известный, — это два фельетона, напечатанных под впечатлением «воспоминаний» Арцыбашева¹. К сожалению, самого фельетона Арцыбашева я достать не мог — в Праге «За свободу» получается в очень ограниченном количестве экземпляров и достать нужный номер спустя несколько дней по получении — вещь иногда совершенно невозможная. Лично же я порвал всякие сношения с Философовым и К°. Но *Ваши фельетоны мне удалось достать*. Буду в дальнейшем писать исключительно по поводу первого, посвященного личностям Деренталей и их «предательству» Бориса.

Скажу Вам, что вообще, читая Ваши фельетоны, относящиеся к «делу» Савинкова, — я иногда негодовал на Вас, полагая, что лучше было бы иных тем не касаться, но зато ни разу не почувствовал в них элемента низкой мести, погони за сенсацией и т.п., но ясно ощущал то неподдельный гнев, то неподдельное, недоуменное раздумье над сочетанием иных деталей и всегда искреннее желание разобраться, найти ответы, найти правду. Это-то меня и заставляет, в полном согласии с моей женой — *сестрой* Б.В.Савинкова², — не порвавшей с ним связи, обратиться к Вам и только к Вам с настоящим письмом, *вовсе не предназначенным ни для печати, ни для иного распространения*. Я надеюсь, что это обстоятельство будет Вами принято во внимание. Я хочу сооб-

щить Вам то, что известно нам с женой, и притом оговорюсь, что все важнейшее может быть неопровержимо доказано.

Еще в 23 году Б.В. однажды написал нам, что им получены необыкновенно радостные для него сведения из России, что «семя, брошенное им когда-то, — дает в России хорошие всходы». Естественно, что деталей он не писал. Спустя несколько месяцев в одном из писем проскользнул намек на возможность его отъезда в Россию. Нас это очень встревожило, и мы писали ему, что его сведения могут быть ложны, могут оказаться лишь ловушкой, что все это лишь удочка, чтобы поймать его. Он ответил, что имеет связь со старыми членами Союза в России, которым вполне доверяет, что не может, три года сидя в Париже, лишь звать к активности, не делая лично ничего, что его по этому поводу «совесть замучила» и что, наконец, «волков бояться — в лес не ходить». Летом 24 года он решил приехать к нам, чтобы хоть месяц провести в нашей семье и отдохнуть. Все было для этого приезда сделано и приготовлено. 28 июля совершенно неожиданно жена получила от него телеграмму с настоятельной просьбой немедленно приехать в Париж. Жена выехала на другой же день. Оказалось, что вновь приехали из России «друзья»: один из них лично нам известный Ив[ан] Тер[ентьевич] Фомичев, другой, Андрей Павлович — нам неизвестный. Оба перед этим неоднократно (я еще точно не установил, сколько раз они были) приезжали к Б.В. с письмами от Сергея Эдуардовича Павловского³. Павловскому и в Павловского Б.В. неограниченно верил. То же отношение к нему было и со стороны нескольких ближайших к Б.В. людей, как например Д.В.Философова, Е.С.Шевченка, В.В.Савинкова (брата)⁴ и др. На этот раз «друзья» привезли письма и др[угие] документы, из которых было видно, что (как развитие предшествовавших данных) в Союзе намечается раскол по тактическим вопросам и что только приезд Б.В. может внести необходимое умиротворение и единство. Согласно предшествовавшим переговорам, Б.В. ставил условием своей поездки — приезд за ним лично Павловского, но он не приехал якобы потому, что, участвуя в одной из экспроприаций для добывания необходимых средств — был ранен в ногу и потому лежит в постели. Но Павловский прислал письмо, в котором убеждал Б.В. довериться посланным, как ему самому. Вообще вся переписка велась с тонким знанием индивидуальности Б.В. и чрезвычайной осторожностью в развитии и подготовке создания условий последней решительной обстановки. Б.В. решил ехать, а с ним вместе и оба Деренталь.

Не буду Вам описывать чрезвычайно, на мой взгляд, интересных деталей последних дней пребывания моей жены в Париже,

уехавшей после отъезда Бориса. Ограничусь только тем, что скажу, что Б.В. вызвал ее, чтобы передать ей составленное им завещание и дать целый ряд *распоряжений*. Арцыбашев с подчеркнутой поспешностью сообщает Вам достоверное сведение, что Б.В. получил деньги из России. Да. «Друзья» знали, что средства, бывшие у Б.В., не позволяли ему выехать в Россию. Они привезли от «организации» 20 т[ысяч] франков для этой цели. Не знаю, но вполне допускаю, что Б.В. и еще у кого-нибудь занял, но знаю, да и многие другие это знают, в том числе и Философов, — сколько народу либо жило на средства, получаемые от Бориса, либо частично пользовались его поддержкой. Полученными деньгами он рассчитался с мелкими текущими долгами, обеспечил на полгода вперед наиболее близких ему лиц, купил элементарно необходимое для дороги себе и спутникам, оплатил приезд моей жены. Маленькая деталь: он не хотел покупать себе нового костюма и сдался только на настоятельные требования окружающих. Старый и единственный в то время у него костюм с протертыми сзади штанами висит теперь у меня в шкафу. Они выехали, имея каждый по небольшому ручному чемодану.

Спутники Бориса Л.Е. и А.А.Дикгоф-Деренталь... Вы их не знаете, а мы хорошо знаем. Правы Вы, когда пишете о нужде и тяжелых материальных условиях, в которых протекала парижская их жизнь. В полном соответствии с этими сведениями был и багаж Л[юбови] Е[фимовны]. (Об А[лександр]е А[ркадьевич]е и говорить нечего.) Моя жена помогала ей укладывать его. «Браслеты», столь поразившие Арцыбашева, действительно, были на ее руках, но... это были браслетки *стеклянные*, грошовые, какие одно время носил весь Париж. «Брильянтовые кольца»... да. Было у Л.Е. два колечка. Одно из них (подарок ее родителей ко дню 16-летия) она отдала пред расставанием моей жене, другое с маленьким сапфиром, действительно, осталось у нее на руке. «Шелковая мантилья»... вконец доказавшая Арцыбашеву виновность Л.Е. в предательстве. Увы. Да. И таковая у нее имелась, но... она была не «модная», а старая, подаренная Л.Е. ее родственницей еще три года назад. Мне стыдно перебирать эти мелочи, но что же делать, если они наговорили писателю-психологу столько дряни про женщину, которую он в первый раз видел и о которой писал в таком заряженном состоянии, что стеклышки и маленькое колечко да старая шелковая тряпка показались ему сокровищами, за которые она предала своего друга.

Все это хорошо известно Философову, как и все детали всей подготовительной работы. Хорошо ему лично известен и Павловский, и Фомичев. Хорошо познакомился он и с Андрей Павлови-

чем, но почему-то в долгие с ним беседы Философова его лицо не казалось лицом бандита, а вот теперь... Эх, Александр Валентинович, — нет предела подлости и хамству человеческому, и Философов тому яркий пример. Не подумайте, что я защищаю измену Савинкова или что одобряю его образ действия. Нет, это не так. Признаю и понимаю законность негодования, пусть даже брани по адресу Б.В., но не могу признать возможным и допустимым мстить ему заведомой клеветой. А Философов знает, что он нагнал, когда написал, что Б.В. еще в Париже «сговорился» с большевиками, знает прекрасно, помещая Ваши и Арцыбашева фельетоны, — что в них клевета. Для Вас — поверивших и Философова, и Арцыбашева — бессознательная, для Арцыбашева тоже не вполне сознательная (он не был, по-видимому, в курсе дела), но для Философова *вполне сознательная*.

Скажу Вам совершенно определенно: *я бы мог не в виде психологической экскурсии, а как неопровержимый или весьма трудно опровержимый факт доказать, что Философов, работая вместе с «друзьями», предавал Бориса. Но я этого не сделаю, ибо, как я ни презираю Фил[ософо]ва, но я никогда не унижусь до сознательного искажения (хотя бы и очень правдоподобного факта) в каких бы то ни было целях. Я знаю, что Ф[илософо]в не предавал Бориса, а только так же, как и Борис, сам поддался на ту же удочку и поэтому только помогал негодьям поймать Бориса. Он помогал им больше, если так можно выразиться, чем помогли Дерентали, ибо Дерентали были более пессимистично настроены, чем Философов.*

Прилагаю копии полученных женой из Москвы писем — Вы увидите, как реагировали люди, сидя в тюрьме, на фельетон Арцыбашева, вдохновивший Вас⁵.

Повторяю, можно переживать чувство великого гнева к Борису, но клевета из-под подворотни всегда была, есть и будет средством мести маленьких людишек, более позорящая клеветущего, чем оклеветанного, и каково бы ни было временное торжество клеветущего и претерпение оклеветанного, рано или поздно правда выплывет. *Сейчас еще не время.*

Повторяю — пишу это не для распространения, а лишь в надежде, что Вы примете все это во внимание и, м.б., почувствуете, что были втянуты в недостойную игру, несогласную с Вашим искренним, как я чувствую, желанием разрешить для себя и для других загадки этого дела.

С совершенным уважением

А.Мягков

Машинопись с авторской правкой. Подпись — автограф.

¹ Амфитеатров А. Кое-что о Савинкове // ЗС. 1924. 1 окт. С.2-3; Он же. Записная книжка // Там же. 1925. 1 апр. С.2-3 [с предисл. Арцыбашева]; 2 апр. С.2-4. О воспоминаниях Арцыбашева см. прим. 1 к письму 7 наст. публ.

² Мягкова (ур. Савинкова) Вера Викторовна (1872-1942) — старшая сестра Б.В.Савинкова. Учительница иностранных языков. С 1905 — жена А.Г.Мягкова. Одна из душеприказчиц брата, хранительница его архива. Умерла в Праге, похоронена на Ольшанском кладбище. Ср. ее автохарактеристику в письме Б.В.Савинкову от 8 февр. 1923: «Я — мещанка, женщина здравого смысла и практического отношения к жизни» (ГА РФ. Ф.5831. Д.138. Л.56). См. о ней также: Мин.14. По указ.

³ Справки о *И.Т.Фомичеве*, *Андрее Павловиче Федорове* и *С.Э.Павловском* см. DV. С.65, 68, а также Мин.14. По указ.

⁴ О Викторе Викторовиче *Савинкове* (1886 - после 1938) см.: DV. С.54, 64; Мин.14. С.277; Савинков В. О живописи и о Репине // Числа. 1930/1931. №4.

⁵ На следующий день (22 апр. 1925) ЗС напечатала подборку материалов с общим заголовком «Опять Савинков», включавшую московские письма Савинкова: Арцыбашеву (корректно упрекающее) и Философову (с угрозами), «Открытое письмо Арцыбашеву» Л.Е.Дикгоф-Деренталь, а также ответы Арцыбашева и Философова.

13. Амфитеатров — Мягкову

Levanto
1925.IV.29

Многоуважаемый Александр, — извините, не помню, как по отчеству!

За Ваше письмо, вчера полученное мною, я Вам очень благодарен. Бориса Савинкова после его речи пред большевицким судом я считаю человеком безвозвратно падшим и конченным. В своей советской метаморфозе он отвратителен. Но было бы очень радостно убедиться хоть в том, что раньше-то своей сдачи большевикам он был порядочным в отношении тех, кто, как я, видел в нем последнюю надежду *деятельной левой* контрреволюции, а не морочил их ловким актерством. К сожалению, Ваше письмо только слегка колеблет (да и то больше искренностью тона, чем фактами) стену предубеждений, выросшую вокруг этого грязного дела, но ее не разрушает. Конечно, я, согласно Вашему желанию, не напечатая Вашего письма и распространять его не буду. Но, на мой взгляд, если дело действительно так было, как Вам оно рисуется, Вы хорошо сделали бы, осветив его для публики с совершенной ясностью и подробностью, не стесняясь тем, что «еще не время».

В письме своем Вы несколько раз употребляете выражение «клевета» (по отношению к моей статье, впрочем, с оговоркою «бессознательная»). Это ошибка. Клеветою называется заведомо ложное и злостное обвинение кого-либо в позорном или преступном поступке, когда обвинитель не в состоянии указать источник обвинения. Этим писательским грехом не согрешал я в течение 45 лет своей литературной деятельности, не погрешил и теперь. В чем Вы легко убедитесь, прочитав фельетон Арцыбашева, из которого мною заимствованы фактические подробности, поразившие меня тождеством с многими мыслями и выражениями самого Бориса Савинкова в письмах ко мне. Полагаю, что показания такого честного и правдолюбивого писателя, как Арцыбашев, весьма достаточный источник, особенно при условии сказанного сходства. Свое же нежелание, чтобы имя Бориса Савинкова окружалось клеветами, я выявил еще недавно в «За Свободу» же, сильно одернув Алексинского за вранье в «Родной Земле»¹.

Но, вообще, я не намереваюсь больше писать о Борисе Савинкове, если только не вызовут меня к тому какие-нибудь особенно важные причины. Не намереваюсь, во-первых, потому, что вокруг этой скверной истории накопилось за восемь месяцев столько условностей и недомолвок, что блуждать между ними по путям догадок и предположений и непривлекательно, и нецелесообразно. Во-вторых, мне вполне понятна боль, ощущаемая людьми, близкими к Б.В. и носящими его фамилию или связанными с ним свойством, от царапанья по их семейной ране, и я не чувствую ни малейшего желания растревлять оную. А родня Б.В., если имеет с ним сношения, как свидетельствуют присланные Вами копии, хорошо сделала бы, посоветовав ему нести крест своего несчастья тише, не принимать интервьюеров², не печатать писем, похожих на большевицкие прокламации, и т.д. Вообще постараться, чтобы о нем надолго забыли. Все его шебаршение после сдачи на капитуляцию и покаяния пред большевиками производит впечатление очень жалкое, унижающее его как умного человека. Впрочем, я уже давно и неоднократно высказывал мнение, что психика его потрясена и едва ли нормальна.

Спасибо и за копии. Я еще не видал их в печати, а только читал заметку Философова (достаточно неумную), что родные Савинкова разогорчили его присылом каких-то неприятных писем в день Пасхи. Письма эти, все три, откровенно скажу, производят дурное впечатление. Голословие, бездоказательность, да еще и с запугиванием, и с высокомерием дурного тона. Я отнюдь не принадлежу к поклонникам г. Философова, но, если он в чем виноват, то надо его избличать фактами, а не окриками. Мадам Деренталь

строит свою защиту на прошлых заслугах. Разве это метод? Прошлые заслуги и у всех почти клиентов Бурцева³ выставлялись, как щиты. А вот — прежде чем отправлять такое «Открытое письмо» с требованием непременно его напечатания, следовало бы ей подумать о том, что раз она, находясь в руках советской власти, имеет возможность опубликовать подобное послание, то, значит, оно ей «разрешено и одобрено». То есть, попросту говоря, провокативно. Возможно, что это и не так, но для тех, кто этой госпожи не знает, а советские порядки и тюрьмы знает слишком хорошо, — очень это странно и подозрительно.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А[лександр] А[мфитеатров]

Автограф.

¹ *Алексинский* Григорий Алексеевич (1879-1967) — политический деятель, публицист. До 1914 — социал-демократ-большевик, «впередовец». В 1909 тесно сотрудничал с Амфитеатовым во время организации партийной школы на Капри. С началом мировой войны, как и Амфитеатов, совершил резкий поворот от крайнего революционаризма к патриотизму. В нояб. 1916 (будучи еще в эмиграции) входил в редколлегию «Русской воли». Вышел из нее в апр. 1917 через три дня после ухода из газеты Амфитеатрова. С июня 1919 — в эмиграции. С 1921 политическое влияние резко убывало, а позиция была крайне непоследовательной (от монархической «Русской газеты» до контактов с большевиками под видом продажи ленинских автографов). Еженедельник «Родная земля», издававшийся им в Париже в 1925-1928, субсидировался румынским правительством.

² Речь идет об иностранных журналистах, посетивших Савинкова на Лубянке в февр. 1925. См.: Интервью с Б.В.Савинковым [Пер. с нем.] // ЗС. 1925. 19 февр. С.2; Философов Д. Реклама Савинкову // Там же. Ср. также описание самим Савинковым этого посещения: «В воскресенье у "нас" произошло событие /.../: тюрьму посетила целая полдюжина иностранных журналистов. У меня они сидели (и стояли) около часа и воображаю, чего-чего не наврут теперь в газетах. /.../ Закидали меня вопросами. Гуляю ли? Толстею ли? Занимаюсь ли гимнастикой? /.../ Я, как балетная танцовщица или оперный тенор, сии автографы роздал» (Савинков — В.В.Мягковой. 20 февр. 1925. — Библиотека-архив Российского фонда культуры. Ф.1. Д.42. Л.2).

³ Имеются в виду разоблачавшиеся В.Л.Бурцевым в 1908-1914 секретные сотрудники Департамента полиции, работавшие в рядах русских революционеров.

Дорогой Александр Валентинович,

Вчера только писал Вам, а сегодня получил Ваше письмо о Мягкове, Деренталях и прочем мягком. При всем своем неуважении к Ф[илософо]ву не могу серьезно отнестись к письму Мягкова. У этого мягкосердечного дурака, находящегося под полным влиянием жены — Веры Викторовны Савинковой, отношение к Б.В. столь своеобразное, что хоть руками разводи. Я только что читал письмо Веры Вик. к ее сестре Соне, живущей в Варшаве и находящейся со мной в прекрасных отношениях. Это письмо тоже в тоне симпатичном и мягком, но так же глупо. Они положительно не в состоянии оценить поступок Б.В. в его, так сказать, историческом значении. Для них все случившееся — какое-то несчастье, вроде болезни. Но не в том смысле, чтобы они полагали Сав[инкова] в невменяемом состоянии, а именно потому, что он, в конце концов, попал в тюрьму. Верят они ему безгранично, а следовательно, верят и в то, что это тюрьма не только настоящая, но и ужасно жестокая. Это несчастье покрывает в их глазах все. И всех они считают в этом несчастье виноватыми, кроме одного Б.В.[икторови]ча! С их точки зрения, Сав[инков] предан не только провокаторами, а всеми нами, якобы спровоцировавшими Савинкова на героический, но безумный подвиг поездки в Россию. Спровоцировали тем, что требовали от С[авинкова] вообще каких-то подвигов. Самое признание большевиков они трактуют как величайший подвиг, на который подвинула С[авинкова] безграничная любовь к родине. Ничего худого они в этом не видят. Если они протестуют против обвинения в предварительном сговоре, то только потому, что против этого зачем-то протестует сам Савинков. Совершенно очевидно, что если бы он не протестовал, то и предварительный сговор трактовался бы Мягковыми как та же безграничная любовь к России. Вообще тут все дело в родственной любви, которая в соединении с природной глупостью творит чудеса! С ними невозможно серьезно считаться. Я в этом убедился после долгих и нудных попыток столковаться.

Что касается роли Фил[ософо]ва, то, откровенно говоря, мне она не совсем ясна. Что-то тут есть. Один факт мне удалось установить: в письме Деренталь есть указание на какое-то ее письмо, посланное Ф[илософо]ву и им полученное непосредственно после ареста и суда. Между тем, нам ничего об этом письме известно не было. Не раз и не два я, в присутствии Фил[ософо]ва говорил о том, что вот, мне удивительно, куда исчезли Дерентали? Как в воду канули! И Ф[илософо]в говорил: да, да, удивительно!.. Те-

перь же, после этих писем, я спросил его, действительно ли он получил тогда же известие от m[adam] Деренталь, и он сознался, что получил. Потом понес какую-то дрянь насчет того, что письма он даже не прочитал тогда... (Это в момент-то ареста и суда!) На мое желание прочесть письмо хоть теперь, он ответил уверением, что потерял его. Намек на то, что он почему-то письмо скрывает, заставил его и найти письмо, и сознаться, что он его читал. Но письмо он принес с таким расчетом, чтобы меня не было в редакции, и показал его только Е.С.Шевченко, который не стал читать, ожидая моего прихода. Как на грех, в этот день я заболел и не пришел, а на другой день письмо опять «затерялось» и доныне не нашлось!

В чем тут дело, не понимаю. Думаю, что Ф[илософо]в давно ненавидел своего «друга» Б.В[икторови]ча, как ненавидит он всех, кто так или иначе стоит выше его. Поэтому, когда с «другом» стряслось «несчастье», то Ф[илософо]в старался и старается, со сладострастием, топить его до дна. Но все же, думаю, что о замыслах Сав[инко]ва он не знал и его не предавал. По крайней мере, данных на это нет. Соответствующее место в письме Мягкова, мне кажется, надлежит понимать «духовно». То есть: Философов предал Б.В. именно тем, что, зная о его намерении ехать в столь губительную поездку, не остановил. Истинные друзья, мол, должны были ухватить его за полы и не пущать. Если бы они это сделали, то С[авинков] в Россию бы не поехал, а не поехавши, не признал бы большевиков. А оию этого не сделали, а следовательно они — виновники всего несчастья и предатели.

Мне кажется, что смысл слов Мягкова не идет глубже. Но, зная Ф[илософо]ва, я не могу ручаться. Черт же его знает! Может быть, там было и что-нибудь посерьезнее. Мягковы все время намекают на что-то... «А я что-то знаю, да не скажу!» От таких благородных идиотов все может статься. Может, и в самом деле что-то знают, да не говорят. Меня они уже считают врагом, а не попробуете ли Вы внушить им, что ежели они «знают», то долг их не «намекивать», а сказать все прямо. Ведь и в самом деле все эти «намекивания» возмутительны. Ведь они это пишут всем и каждому, и каков бы ни был Ф[илософо]в, но сие смахивает уже на ловкую инсинуацию. В конце концов, ведь будут думать, что он все знал и чуть ли не все устроил. Этого допускать нельзя. Если у них есть серьезные обвинения, они обязаны предъявить их, а если нет, то обязаны молчать вообще!

«Андрея Павловича», сколько мне известно, прислал к Ф[илософо]ву сам Сав[инков], и после первого же свидания Ф[илософо]в громко высказал недоверие к этому человеку, о чем писал и Б.В[икторови]чу.

Фомичев и Павловский — савинковцы. Фомичев — мелкий агент, а Павловский — правая рука Савинкова, его любимец, его надежда, почти герой «Коня Вороного». Это его подвиги там описаны. Только снабженные романтическим концом. По-настоящему — это был страшный бандит, и только. Но Савинков таких ценил.

И Фомичев, и Павловский оказались предателями. Это уж факт. Предали ли они самого С[авинков]ва — дело темное, но что они давно перешли в «Чеку» — верно.

Вот все, что могу сказать по поводу сей «мягкой» истории.

Ваш М.Арцыбашев

P.S. Денег до сих пор не платят. Ф[илософ]в хитрит, плуствует, врет, изворачивается, как уж, всех в чем-то обвиняет. Ничего не поймешь!

15. Мягков — Амфитеатрову

[Прага.
5-17? мая 1925]

Глубокоуважаемый Александр Валентинович!

Примите и мою благодарность за Ваш подробный и искренний ответ и простите, если этим письмом я снова позволю себе занять Ваше внимание. Но чтобы не вышло недоразумение, разрешите сначала рассказать нижеследующее.

Я член Союза¹ и был представителем организации Союза в Праге. Последнее совершенно номинально, ибо мое представительство сводилось к самым элементарным проявлениям, вроде исходатайствования виз и т.п. Был еще я хотя и маленьким, но все же сотрудником «За Свободу». Арцыбашева лично совсем не знаю, с Португаловым был в добрых отношениях, а с Философовым... трудно определить одним словом, углубляться в детали — не место. Скажу только, что мы совершенно разные люди.

Совершился отъезд Бориса... Совершилось «признание Советов». Я поверил только тогда, когда ознакомился с процессом и получены были женой первые письма от него, не оставявшие никакого сомнения. Позиция «За Свободу» напоминала слоеный пирог: сегодня одно, завтра другое... Писать в газету в этот жуткий момент я не мог — нас разъединяло 7 дней оборота почты, а газета должна была отзываться каждый день. Только в самом начале послал им на имя коллеги очень резкую отповедь за статью «Без Савинкова», и то не для печати. Но вот 15/IX (если не ошибаюсь) появилась передовица и ряд статей ближайших сотрудников газеты, в коих утверждалось, что Борис вошел, еще

будучи за границей, в соглашение с большевиками². К ним присоединился и проживающий около Праги брат Бориса Виктор, а я этого сделать не мог, ибо никаких данных в доказательство своего обвинения — газета не дала, и я написал Ф[илософо]ву письмо, в котором говорил, что, разделяя вполне точку зрения на *доказанный* поступок Б[ориса], не могу тем не менее подписаться под передовицей, ибо в ней есть элемент клеветы. Но в ответном письме Ф[илософо]в настаивал на печатном моем заявлении о согласии с точкой зрения, развитой в передовице, грозя в противном случае исключить меня из числа сотрудников газеты. Я снова обосновал ему вышеприведенную мою точку зрения, добавил, что, пока мы переписывались, время ушло и высказывать теперь мне — совершенно неизвестному широкой публике человеку — с заявлением «согласен, но с такой-то оговоркой» — уже не имеет смысла, т.к. газеты уже отошли к иным темам. Я высказал положение, что нас соединяет целый комплекс идей и убеждений, что в этом комплексе «дело Савинкова» только деталь, что недоказанное обвинение и мое с ним несогласие — есть еще только деталь детали, основное же мое отношение к доказанному поступку Б[ориса] совершенно тождественно с ними и что при таких условиях я не понимаю, как может состояться мое изгнание из сотрудников, и заключил выражением надежды, что, если все же я буду исключен, то Коллегия, конечно, пришлет мне по этому поводу свое мотивированное постановление. Это письмо мое уже не застало Ф[илософо]ва в Варшаве — он уехал в Париж, а оттуда в Прагу. В Праге мы виделись и говорили, обусловив предварительно, что наша беседа не подлежит опубликованию, — поэтому разговора не передаю, но результат его был тот, что Ф[илософо]в признал, что он «не имел и не имеет достаточных данных, подтверждающих его утверждение о предварительном соглашении». Скажу здесь, что я тогда не знал того, что знаю теперь, и обсуждались исключительно материалы, представленные самим Ф[илософо]вым. Затем он спросил меня: «Вы считаете, что я должен это напечатать?» Я ответил: «Да, но не сейчас. Сейчас печать замолкла и лучше снова не ворошить, но если по каким бы то ни было основаниям газета сочтет себя вынужденной вернуться к "делу Савинкова", то вы найдете форму, в какой сделать соответственное заявление», Ф[илософо]в на это сказал: «Вы правы — хорошо». Мы расстались.

Я вполне понимал то состояние, в котором были члены редакции и особенно Ф[илософо]в в те страшные дни начала сентября, я понимал, что, потеряв от горя голову, Ф[илософо]в брякнул в отчаянии свой вывод. Его признание примирило меня с ним. В раз-

говоре попутно мы, конечно, коснулись и моей позиции, и содержания письма, которое ожидало Ф[илософо]ва в Варшаве. Результат был вышеприведенный. Через день, по инициативе Ф[илософо]ва, состоялось второе наше собеседование. Ф[илософо]в, что называется, изливал душу. Он нарисовал мне картину своего трагического положения в Варшаве после изгнания оттуда «группы Савинкова» и по начало переговоров с «друзьями» о поездке в Россию. По его словам было — он знал лишь в общих чертах, что Б[орис] его сделал лишь доставателем виз для проезжающих из России к нему курьеров и средств на проезд, что его эти переговоры несказанно встревожили, что он предостерегал Б[ориса], указывал на возможность провокации, он его не слушал и совсем отстранил от дела. В то же время в редакции началась грызня (интриги и т.д.). Борис и здесь не поддержал Ф[илософо]ва и дал согласие на учреждение коллегии, попутно выливались потоки грязи и о внутренней жизни редакции. Часа два с половиной длились эти излияния. И я... верил и порой негодовал на Б[ориса], не внимавшего дружеским и вполне основательным предостережениям своего верного друга.

Параллельно с моими разговорами — он вел разговоры и с моей женой.

Еще два штриха.

В Праге есть прис[яжный] пов[еренный] Варшавский — сотрудник «За Свободу»³. Этот Варшавский взялся делать студентам доклады о положении дел по советским газетам. В очередной доклад после «Признания» он развил перед аудиторией свою точку зрения, как юриста, изучившего весь имеющийся материал, что данных для утверждения факта предварительного соглашения в этих материалах никаких нет. И вдруг статьи 15/IX. Варшавский снова хватается за материалы, снова приходит к тому же выводу и, делая, как и Вы, громадное различие между соглашением предварительным и соглашением — по аресте, написал статью и послал ее в «За Свободу», а на другой день к своей радости прочел в «Правде» в одной из статей прямое признание, что Савинков пал жертвой провокации. Эта статья Варшавского напечатана не была. Это первый штрих. Не была также напечатана суровая по адресу Савинкова статья Бурцева, в которой он также указывал, что данных для утверждения факта предварительного соглашения в печати не опубликовано и факт не доказан⁴. Это второй штрих. А третий — конец моей истории. Ф[илософо]в уехал, и никакого ответа от него я не получил, как никакого ответа не получил и от коллегии (писал на имя Ф[илософо]ва, но для Коллегии). А когда был опубликован список со-

трудников на новый 1925 год, то в нем моего имени не оказалось, но ни коллегия, ни Ф[илософо]в не сочли себя обязанными прислать мне свое хотя бы голословное постановление, а просто потихоньку смазали. Но газету мне продолжали высылать. После отвратительной статьи Ф[илософо]ва по поводу посещения Савинкова его иностранными корреспондентами — я просил больше мне газету не высылать и с тех пор ее не вижу и никаких сношений с редакцией не имею.

Итак — 1) статья постоянного сотрудника, доказывающая, что в материалах «дела» не имеется данных, указывающих на «предварительное соглашение», — не печатается, — 2) другая статья, такого компетентного человека и при том вполне согласного в оценке *доказанного* факта с редакцией, как Бурцев, но утверждающая, что материалов для обвинения в «предварительном» соглашении нет, — тоже не печатается. — 3) Слова одного из видных сотрудников «Правды», прямо говорящие о «провокации», жертвой которой стал Савинков, — оставляются без внимания. 4) Расследование неопубликованных данных, заставивших Ф[илософо]ва сделать вывод о «предв[арительном] соглашении», произведенное самим Ф[илософо]вым, дало в результате тот вывод, что сам Ф[илософо]в признал вышеприведенное недостаточным. — 5) Тем не менее и это заключение, и обещание исправить свою «ошибку» — не исполняется, хотя газета не только в лице Вашем, Пасманика⁵ и т.д., но и в лице самого Ф[илософо]ва неоднократно возвращалась к «делу Савинкова».

Что же? Я не имею права после всего этого сказать, что Ф[илософо]в сознательно клеветает, — хотя бы и по адресу своего врага? Нет, я это право имею. Тем более имею, что не знаю, насколько справедливы те ушатые грязи, которыми облил Ф[илософо]в редакционную и газетную работу, но теперь *знаю*, что та часть «излияний» Ф[илософо]ва, которая была посвящена «неведению» или малой осведомленности Ф[илософо]ва в работе «друзей» и в вопросе отъезда С[авинко]ва в Россию, о его роли лишь в качестве комиссионера по доставанию виз, — сплошь *ложь*, как ложь и то, что он в письмах своих отговаривал, предостерегал и т.д. Бориса. *Наоборот*. И это не «злостная клевета»?

Понимаю людей, которые мечут громы гнева по адресу Бориса за «признание», но не понимаю клеветы. А я настаиваю, что утверждение о предварительном сговоре Савинкова — совершенно не доказано и есть клевета. Что утверждение, хотя бы в виде предположения, что Дерентали предали Бориса, — есть тоже клевета, или, если это более нравится, — инсинуация.

Вы определяете клевету: «клеветой называется заведомо ложное и злостное обвинение кого-либо в позорном или преступном поступке, когда обвинитель не в состоянии указать источник обвинения». Я не юрист, точного определения понятия клевета не знаю, но всю жизнь прожил несколько с иным определением, а именно — клеветой называется обвинение кого-либо в позорном или преступном поступке, когда обвинитель не в состоянии этого обвинения доказать и все же его распространяет. Ф[илософо]в и Арц[ыба]шев не могут доказать, что Борис предварительно согласился с большевиками и что Дерентали его предали, однако обвинения эти распространяют — значит, они клеветают. Философов — сознательно и злостно. Арцыбашев — мало что знавший и знающий, — менее сознательно. Я бы таких «предположений» никогда не позволил себе напечатать. Вы — простите меня, многоуважаемый Александр Валентинович, — и в мыслях не хочу Вас оскорбить, и если бы в моих глазах Ваша позиция была тождественна с позицией Ф[илософо]ва — я бы не стал писать Вам. Но факт остается фактом. Поверив авторитету А[рцыбаше]ва и Ф[илософо]ва, — Вы повторили их клевету, т.е. были ими вовлечены в нехорошее дело. Повторяю, А[рцыбаше]вым бессознательно, Ф[илософо]вым же вполне сознательно. (Конечно, он имел в виду не персонально Вас вовлечь в свою грязь, а вообще читателей газеты.)

Вы советуете мне, «если дело было действительно так, как Вам оно рисуется, Вы хорошо бы сделали, осветив его для публики с совершенной ясностью и подробностью, не стесняясь тем, что "еще не время"». Я сам порой так думаю, но есть много «но»... Если бы Вы были в Праге — мы бы с женой показали бы Вам то, что позволяет мне говорить и утверждать все вышеизложенное, но при условии, что Вы бы словом обязались ничего этого не печатать без нашего согласия, но даже и не говорить никому, кроме тех лиц, которых мы бы совместно наметили. Но Вас в Праге нет, и я еще не знаю, с кем можно было бы в Праге по этому поводу поговорить. Может быть, наши «но» неосновательны и, может, лучше сделать так, как Вы говорите, — мы еще не решили. А ответственность большая. А порой является мысль — «стоит ли». Недавно мы с женой пошли к одному старому литератору и общ[ественному] деятелю, с которым нас связывает свыше 20 лет знакомства. Это лицо, ясно глядя нам в глаза и с полным убеждением, высказало следующее положение: «Савинков и Д[ерента]ль должны доказать, что соглашения не было. Это их дело». Понимаете — не те должны это доказывать, которые утверждают, а те, кого обвиняют. А Арцыбашев в своем ответе Деренталь

так прямо и пишет: «чудовищное преступление, этими людьми совершенное по отношению к нашей общей замученной родине, дает нам основание и право думать о них все, что угодно». С моей точки зрения — это «чудовищное» извращение понятий права и справедливости, а ведь они не только «думают», но и *печатают*. Ведь рассуждая так, можно напр[имер], взявши хронику Парижа в день отъезда С[авинко]ва и найдя там несколько убийств, краж и т. д., все это приписать Савинкову и требовать, чтобы доказывал, что это не он совершил убийства и кражи. И если такое извращение понятий права и справедливости сидит в головах «лучших» людей, то «стоит ли»? Вспомните ужасные случаи, когда в царские времена начинали вдруг «подозревать» или «обвинять» кого-нибудь в сношениях с д[епартамен]том полиции. Ведь тогда каждый порядочный человек сознавал, что не обвиняемый должен доказывать, что он не состоит в сношениях, ибо это доказать невозможно, а наоборот, обвинитель должен был представить соответственный материал, как бы это ни было трудно. Ну так вот — что бы мы ни печатали, всегда найдется такой твердокаменный «вождь», который скажет: «Нет, это не доказательство невинности», ибо доказать небытие того, чего не было, бывает часто совершенно невозможно. И еще раз: стоит ли поднимать все это?

Хотелось мне еще написать Вам, как я смотрю не на дело Бориса (это Вы уже знаете), а на него самого теперь — после «признания», но, во-первых, мое письмо и так разрослось, а во-вторых, я не уверен, что это Вам интересно: ведь для Вас я совершенно чужой и неизвестный Вам человек. И это письмо я пишу Вам потому, что совершенно соглашаюсь с Вами: и мне было бы непереносно думать и знать, что Борис нас всех сознательно еще из Парижа морочил. Что случилось в России после ареста — темно, и можно только строить догадки, но то, что было здесь, *мне известно*, и нет ни в материалах моих, ни в советских опубликованных, ни в неопубликованных Философова — нет никаких, ни малейших указаний не только на соглашение предварительное, но даже на ведение каких-либо переговоров в этом направлении. Я делаю вывод, что их не было.

Добавлю еще, что Ф[илософ]ов так изоврался, что счел необходимым в своих писаниях, относящихся до роли моей жены, — и тут врать и извращать факты. Не стоит писать, но если захотите, то и это можно сделать.

Примите мой и жены моей привет и простите за длинное послание.

Искренно уважающий Вас

А.Мягков

А зовут меня А[лексан]др Геннадиевич.

Praha VII
V Zateři, 17.V

Муж мой, уезжая из города и спеша на поезд, просил меня исправить пропущенные буквы и добавить, что и это письмо он пишет исключительно одному Вам, *отнюдь не для печати*.

В.Мягкова

Машинопись с авторской правкой. Подпись и приписка — автограф.

¹ Речь идет о НСЗРС.

² Предположение о том, что Савинков отправился в СССР по предварительному сговору с большевиками, содержалось в неподписанном редакционном комментарии «Предатели», предварявшем публикацию эпистолярного обмена Савинкова и Философова. См.: ЗС. 1925. 17 сент. (а не 15/IX, как пишет Мягков). С.1.

³ *Варшавский* Сергей Иванович (1879 - после 1945) — журналист, жил в Праге. Сотрудничал в варшавских газетах («За Свободу!», «Меч»), член «Крестьянской России». Арестован в Праге в мае 1945 контрразведкой СМЕРШ.

⁴ Мягков ошибается: в ЗС были напечатаны отрывок из письма Бурцева о Савинкове (1924. 24 сент. С.2), а также его статья «Торг, измена, предательство» (1924. 15 окт. С.2-3).

⁵ *Пасманик* Даниил Самойлович (1869, Гадяч Полтавской губ. — 1930. 5 июля, Ницца) — деятель русского революционного и сионистского движения, врач. В 1887-1906 — в эмиграции, в 1906-1914 — член ЦК Поалей-Цион. В 1914-1917 — на фронте. С 1919 снова в эмиграции (Париж). В 1919-1922 — ближайший помощник Бурцева по изданию газ. «Общее дело». В 1924-1928 — парижский корреспондент ЗС. О его отношениях с Савинковым в 1923-1924 см.: Мин.13. По указ. Материалы о его кончине и оценку его русскими и еврейскими политиками (В.Л.Бурцевым, В.Жаботинским, П.Б.Струве и др.) см.: ЗС. 1930. 7 июля. С.2; 11 июля. С.1; 13 июля. С.2; 27 июля. С.2.

16. Амфитеатров — Мягкову

Levanto
1925.V.16

Многоуважаемый Александр Геннадиевич.

Ваше письмо я получил в один и тот же день и час с письмом от Арцыбашева, о том же самом предмете. И только что собрался отвечать Вам, как назавтра в итальянской «Tribuna» прочитал

известие о Борисе Викторовиче, что кончил он свое земное странствие¹. Жалеть ли? Как напрасно истраченную и зря погибшую большую силу — конечно, да. Из суммы российского интеллекта, не весьма крупной, выпала единица значительная и своеобразная, которая, в условиях лучшего времени и общества, могла бы вырасти в громадную величину с настоящим историческим значением. Но для него лично едва ли не наилучший конец, и скорее жалеть надо, что решился он на самоубийство в мае 1925, а не в августе 1924 года. У Лермонтова, с которым покойный Б.В. имел много сходственных черт², Печорин, с которым сходственных черт у Б.В. было еще больше, говорит, что ожидание насильственной смерти заменяет для дуэлянта, самоубийцы и т.д. болезнь, приводящую смерть естественную. Я совершенно уверен, что этим ожиданием Б.В. болел очень давно, а тянуть агонию в течение девяти месяцев того двусмысленного положения, что нашел он у большевиков, было, несомненно, адом заживо для такого гордого и страстного человека. Я ничего не пишу Вам по существу Вашего письма, потому что теперь могила поглотила все споры и пререкания. Имел я письмо от Бурцева. Он держится Вашей версии. Мне кажется, что теперь Вам следует публиковать весь материал, коим Вы располагаете о Б.В., не стесняясь отношениями к тем или другим лицам. Должна быть выяснена также и роль Философова в его поездке. А то, как пишет мне Арцыбашев, выходит не совсем хорошо: «мы что-то знаем, а что — не скажем» (его выражение). Так как Арцыбашев терпеть не может Философова, а все-таки на него письма родных Б[ориса] В[икторовича] производят такое впечатление, то, я думаю, у людей, более расположенных к Философову или даже только равнодушных к нему, оно будет еще острее, и найдутся охотники (да, по-видимому, уже и нашлись) обвинять Вас и Веру Викторовну в бездоказательных инсинуациях. А потому надо вскрыть эту историю³, в особенности, если ее вскрытие может пообчистить память покойного Б.В. от пятен, налипших на нее во время его пребывания в Москве.

Если предсмертное письмо Б.В. к Дзержинскому, напечатанное в «Руле», не апокриф, то оно свидетельствует о глубоком упадке несчастного как личности. Видно, что с августа он неожиданно остался без руля и без ветрил и потерялся совершенно. Нет, с какой стороны ни взять, это хорошо, что он прекратил свою жизнь. Вообразите только, что большевики исполнили бы его просьбу и действительно дали бы ему ответственный пост, как он просит! Единственно, о чем приходится жалеть (исключая, конечно, родственные и дружеские мотивы, к священности коих обсуждение прикасаться не смеет), это — запоздалость акта. Мог-

ло быть самоубийство героя, захваченного предательскою изменою, а вышло лишь самоубийство с отчаяния, самоубийство игрока, у которого шулер-банкомет убил последнюю карту, сулившую отыгрыш, — хотя и она уже, карта-то эта, была не из тех, чтобы лестно было на нее играть.

В 1922-1924 гг. я очень полюбил Б[ориса] В[икторовича] и утратить его в августе 1924 г. было мне очень тяжело. Девять месяцев ощущал я на этом убылом месте большую пустоту в сердце. Теперь, когда он отдал себя смерти, эта пустота как бы опять заполняется возвращающимся хорошим чувством. Бог с ними, с этими девятью месяцами его позора! Не исчерпывается ими Савинков. Не одной сотни дюжинных политических праведников стоил этот политический грешник. Перечитываю письма его и со скорбью думаю о том, какая неудобная и трагически губительная роль — уродиться богатырем в русском обществе... Да, пожалуй, и во всем народе!

До свидания. Прошу Вас передать мой почтительный привет Вашей супруге и выражения моего искреннейшего сожаления и сочувствия Вашему общему семейному горю. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] А[мфитеатров]

Автограф.

¹ Сообщение о самоубийстве Савинкова 7 мая 1925, а также текст его предсмертного письма к Дзержинскому, содержащий — как выяснилось ныне — важные смысловые купюры, были распространены РОСТА 13 мая 1925. См. также: «Человек, который хотел расширить человеческую свободу»: К 70-летию со дня гибели Савинкова / Публ. Д.И.Зубарева // Независимая газета. 1995. 23 мая. С.5.

² Сравнение Савинкова с Лермонтовым было высказано Амфитеатовым в не известном нам письме Савинкову (См.: Мин. 13. С.123), а также в его статье «Загадка Савинкова» (Возрождение. 1925. 14 июня. С.2-3).

³ Мягков последовал совету Амфитеатрова. О его статье см. сноску 20 к предисловию наст. публ., а также DV. С.59-61, 67-68.

17. Арцыбашев — Амфитеатрову

12/VI.25 г.

Дорогой Александр Валентинович,

Прежде всего — спасибо Вам за фотографии. При тех добрых отношениях, которые между нами завязались, весьма не лишнее знать в лицо друг друга¹. А ведь действительно, о Вас у меня со-

хранилось только впечатление массивной фигуры и больше ничего. Да если бы сохранилось и более, то чего бы это стоило, после стольких лет и всего, нами пережитого? Вы, вон, стали совсем белый, а я — совсем лысый. На прилагаемой при сем карточке лысины не видно, но Вы сему не верьте: ловкость рук фотографа и некий обман зрения — вот и все.

Я рад, что Вы получили приглашение в «Возрождение»². Говорят, там есть деньги, и, быть может, это хоть немного облегчит Ваше положение. Боюсь только, что ущемят Вас там!

У нас дела не лучше, чем у Вас. Вот уже 3 недели, как мы ничего не получаем, хотя Ф[илософ] в каждый день пьян и одет франтом. Мы сделали его директором-распорядителем, так как он обещал при этом условии наладить дело и так как по наивности своей полагали, что при столь трогательном доверии его зазрит совесть. Но совесть, по-видимому, не зазрела! Правда, он все уверяет, что это временный кризис, но нам от этого не легче. Если бы не случайно полученные из Чехии деньги, я бы уже две недели тому назад «кончился» бы.

А тут еще никак не могу получить из Италии свои деньги за «Ревность»³, хотя она и находится под покровительством Союза итальянских драматических авторов. По условию (письменный договор) они должны были произвести расчет через 3 месяца после первого представления. Теперь уже 5-й месяц, а расчета не видать. А между тем, агент Раджио говорил в Париже одному моему знакомому, будто мне уже причитается чуть ли не 40.000 лир! Вы подумайте! Я таких цифр уже давно даже и во сне не вижу.

Всего доброго.

Ваш М. Арцыбашев

Автограф.

¹ Ср. в амфитеатровской некрологической статье: «В лице Михаила Петровича я потерял ближайшего друга /.../ Лично мы с М.П. Арцыбашевым виделись только однажды, двадцать два года тому назад, на вечеринке у писателя Свирского (ныне, увы, большевика) в Петербурге. Да и то лишь видели друг друга, а беседы между нами не вышло» (М.П. Арцыбашев // Возрождение. 1927. 10 апр. №677. С.2-3).

² Сотрудничество Амфитеатрова в парижском «органе русской национальной мысли» — газете «Возрождение» продолжалось с перерывами с июня 1925 до смерти писателя, однако сопровождалось взаимными претензиями и конфликтами. Ср.: «"Возрождение" — не газета, а серьезный отдел плохого толстого ежемесячного журнала (тот, который остается неразрезанным подписчиками), разбитый на ежедневные порции» (Амфитеатров — М.А. Суворину, 22 декабря 1925. — Новое литературное

обозрение. 1995. №15. С.203). «Ах, и не говорите мне о "Возрождении"! Более бездарного ведения газеты при больших возможностях успеха я не запомню /.../. Скучно у них работать до тошноты». (Амфитеатров — А.И.Куприну. Цит. по: Куприна К.А. Куприн — мой отец. М., 1979. С.155).

Ср. также встречные недовольства: «А рядом с ним [П.Б.Струве] и с его глубокой все же мыслью пристыжными скачут разные прохвосты, вроде Амфитеатрова» (А.В.Гольштейн — В.И.Вернадскому, 9 июля 1925. — История полувековой дружбы / Публ. А.А.Сергеева и А.Н.Тюрина // Минувшее. Вып.18. М.; СПб., 1995. С.407). Сам Струве нередко отклонял присланное Амфитеатровым, подчас сопровождая отказ неллицеприятными замечаниями:

Еще недавно я Милюкову указал, что его статьи смахивают на «доносы» (конечно, большевикам). Ваша же «Удалецкая сказка» [название отклоненной статьи Амфитеатрова. — Публ.] представляет то, что в доброе старое время называли «письмами к родственникам» восторженных революционеров — на основании таких писем делались обыски и аресты, а, главное, в данном случае эти откровенности дают материал для «разоблачений» и «обличений» в большевицкой прессе и в таких газетах, как «Пол[едние] Новости». /.../

Читатели находят (и я не могу с ними не согласиться), что Вам следует разнообразить темы. Отчего бы Вам не написать об Италии и, в частности, о *фашистской* Италии? Отчего бы Вам не разобрать антирусский проект гр.Куденхова «Все-Европа» (Pan-Europe)? Отчего бы Вам не коснуться пособников большевизма на Западе, из снобизма его приемлющих и поощряющих (классический образчик представляет Анатолий Франс)? Словом, для Вашего пера тем множество.

*Из письма Струве — Амфитеатрову, 15 авг. 1925
(LL. Box 6. Fold, «Struve P.V.»)*

Попытки Амфитеатрова пристроить в «Возрождение» Арцыбашева натолкнулись на холодный отказ Струве: «Вы пишете об Арцыбашеве. Но я полагаю, что курс, взятый "Возрождением", ему не подходит. Впрочем, Вы можете с ним предварительно списаться, [а нет] — ну и нет тогда. Философова тянет к Милюкову, да и Пасманик почему-то (я думаю, от еврейской пугливости) увидел разные "страхи" в превосходной речи Ильина» (16 авг. 1925).

³ «Ревность» — пьеса (1912) Арцыбашева, с большим успехом шедшая на русской дореволюционной сцене.

18. Арцыбашев — Амфитеатрову

3. VIII. 1925 г.

Дорогой Александр Валентинович,

Не писал Вам эти дни потому, что тяжело заболела моя жена, что, при нашей бедности и одиночестве, весьма хлопотно. При-

шлось одновременно и сидеть возле больной и, со скоростью сорока зайцев в минуту, бегать по городу за деньгами и лекарствами.

Вчера вечером наш управляющий сообщил мне, что наконец высланы Вам 400 лир за июль. Я уж так напуган постоянными обманами, что и теперь боюсь — не надует ли. Но, кажется, нет. Думаю с воскресенья начать печатать «Лиляшу», сделав соответствующие анонсы, и надеюсь на получение от Вас еще чего-либо.

Что касается денег, высланных Ф[илософовым], то Вы их, конечно, не ищите, ибо не обряцете! Объясняться с ним по этому поводу не хочется — все равно толку не будет, — но, разумеется, ничего он не посылал. Дела газеты поправляются, но медленно, и нельзя еще ничего с уверенностью сказать, ибо нас оставили не то что у разбитого корыта, а просто у голого места, где когда-то это корыто стояло. Наш Лехно говорит, что месяца два придется еще помучиться, а потом встанем на ноги. Так и Вы, дорогой Александр Валентинович, эти два месяца не сетуйте, если будут какие шероховатости. Верьте, что и я, и Португалов не допустим, чтобы Вы были обижены вновь. Только бы выползти.

Что Вы знаете и что Вы думаете о съезде «зарубежников»¹? Я смотрю на него, как на новую постановку старого водевиля «Съехались, [изругались?] и разъехались». Но мы очень слабо на этот счет информированы.

Читали ли Вы мою статью «Последний царь»²? Судьба этой статьи весьма примечательна: о ней восторженно отозвались г-жа Кускова и от нее в восторге здешние «николаевцы и кирилловцы»! Такое беспрецедентное единение меня даже растрогало!

Ну, иду в аптеку.

Ваш М. Арцыбашев

Автограф. На бланке газеты «За Свободу!».

¹ Первый зарубежный съезд готовился с лета 1925 под руководством П.Б.Струве с целью объединения всей «национально мыслящей» эмиграции, выработки общей программы и создания единого политического руководства (во главе с вел. кн. Николаем Николаевичем). Сама организация съезда и выборы делегатов на него вызвали очередные распри в эмигрантской среде. См.: «Боюсь, не осрамили бы организаторы идею Зарубежного Съезда. Может выйти великим делом, а может и смешным, и между возможностями — один шаг» (Амфитеатров — М.А.Суворину. 22 декабря 1925. — Новое литературное обозрение. 1995. №15. С.203).

Отношение Арцыбашева к замыслу съезда видно из следующих фрагментов его писем к Амфитеатрову:

Прибыло сразу несколько номеров «Возрождения», между другими — номер с Вашей статьей о Савинкове. Она очень интересна и значительна. Но последний номер «Возрождения» прямо подымает Николаевский флаг. Мне бы хотелось знать, что Вы по этому поводу думаете? Считаете ли Вы, что «николаевское» дело действительно серьезно? У нас на этот счет никакой солидной информации нет, и отсюда нам все эти выкрики о «вожде» кажутся просто комическими. Но Ваше участие заставляет меня задуматься — так ли это?

(24 июня 1925)

Возвращаю Вам письмо Струве. Оно меня не убедило. Вы, я думаю, не сомневаетесь, что надо мной не имеют власти никакие «демократические шпаргалки», но у меня ум так устроен, что я приемлю только логически доказуемое. Ничего такого у Струве я не нашел. У меня была подозрение-надежда, что за шумихой вокруг Н.Н. скрываются реальные силы иностранцев, которые, не желая лично путаться в рискованных авантюрах, готовят русскую «интервенцию» под флагом Н.Н. Если бы это было так, я мог бы надеяться на успех и, конечно, пошел бы помогать Н.Н. Но никакого намека на это я у Струве не нашел.

(16 авг. 1925)

Что касается нашей газеты, единственной русской газеты в Польше, то хотя я не могу ее сделать «николаевской», но в моих силах заставить ее сохранять «благожелательный нейтралитет», с некоторой даже долей поддержки. Но для всего этого нужно, конечно, чтобы я сам *верил* и *знал*. Зная меня уже довольно, Вы, вероятно, в этом не усумнитесь!

(2 сент. 1925)

Но зато я совершенно теряюсь по поводу Вашего отношения к парижскому совещанию. Может быть, из нашего варшавского далека судить правильно трудно, но у нас получилось впечатление как раз обратное: ничего не сдвинется, все останется по-старому!

(26 сент. 1925)

Съезд состоялся в парижском отеле «Мажестик» с 4 по 11 апреля 1926. На нем 450 делегатов представляли 200 эмигрантских организаций из 26 стран рассеяния. Монархисты-кирилловцы приглашены не были, группы республиканской ориентации (Милюков и левее) от участия отказались. Съезд провозгласил вел. кн. Николая Николаевича «вождем русского народа» и принял несколько политических деклараций, однако никаких органов, координирующих деятельность эмиграции, создать не смог.

² Нами найдена лишь перепечатка этой статьи: МАЗП: Последний царь // Последние известия (Таллинн). 1925. 25 июня. №167. С.2-3.

Дорогой Александр Валентинович,

Ваше письмо повергло меня в отчаяние. Во-первых, оно пришло не 18-го, как Вы предполагали, а 20-го, а во-вторых, в кассе «За Свободу» абсолютная пустота. Лехно всеми правдами и неправдами едва-едва затыкает те дыры, в которые, если их не заткнуть, все провалится *немедленно*: платят только за бумагу, наборщикам, типографии и проценты по векселям. Мы, редакторы, и все служащие или вовсе ничего не получаем или получаем по 5-10 злотых, когда уже вовсе есть нечего. Что касается меня лично, то нужда уже дошла до края и я буквально не знаю, что буду делать завтра. У меня осталось денег (от полученных летом из Италии) ровно на сегодняшней обед.

При таких условиях, Вы понимаете, я доложил о Вашей просьбе прямо дрожащим голосом, и доклад этот был встречен гробовым молчанием. Потом вынесли постановление «принять все меры», чтобы хотя бы выслать Вам 400 лир за октябрь и недоплаченное за сентябрь. На это Лехно пожал плечами и сказал «попытаюсь». Поэтому у меня никакой надежды нет, что просьба Ваша будет удовлетворена к указанному Вами сроку.

Я лично могу обещать только то, что ежедневно и неустанно буду напоминать о Вас.

Все это меня вконец утомило! Я вполне согласен с Вашим отрицательным мнением о моей поездке в Париж. Такого же мнения держится и д-р Пасманик, которого я запросил о парижских возможностях. Но существование в Варшаве становится физически невозможным!

Положение такое, что хоть стреляйся. У меня лично одна надежда — на присыл денег кем-либо из зарубежных издателей и антрепренеров. Надежда весьма эфемерная.

В таких настроениях и обстоятельствах Ваше положение и невозможность помочь Вам окончательно меня пришибают морально. До известной степени на мне лежит ответственность за Ваше возвращение в «Свободу», где Вас так долго эксплуатировали, а теперь к этим эксплуататорам невольно присоединился и я. Это безмерно тяжело!

Повторяю, что сделаю все, от меня зависящее, но за успех не ручаюсь, ибо знаю теперь все положение и вижу, что, действительно, взять неоткуда.

Есть, правда, слабенькая надежда на заем, который обещал устроить г.Бутенко¹. Возможно, что он его и устроит, но когда?

А между тем до нашего аукциона осталось только 5 дней. Простите, дорогой, я не виноват.

Ваш М. Арцыбашев

Автограф.

¹ Бутенко Петр Эрастович — инженер-строитель, предприниматель и общественный деятель варшавской эмиграции. С 3 июня 1925 по 6 февраля 1926 — член редколлегии ЗС. Ср. его характеристику Арцыбашевым в письме к Амфитеатрову от 7 июля 1925:

Левый кадет. Хитрый, но деловой хохол. Кажется, был в Киеве «головой». К нам попал потому, что ему газета нужна вообще, а нам он понадобился, чтобы выбраться из цепких лапок Ф[илософо]ва и Певного, которые нас совершенно задушили. Следов его в газете нет потому, что он не журналист вовсе. Предполагается, что он будет у нас директором-распорядителем по хозяйственной части, избавит нас от «экономического гнета» и выведет из финансового кризиса, который принял угрожающие размеры.

(LL. Box 1. Fold. «Artsybashev M.P.»).

До 1936 — пред. Русского попечительного комитета в Польше, член РДО.

20. Арцыбашев — Амфитеатрову

11-XI-25 г.

Дорогой Александр Валентинович,

Простите, что долго молчал. Причиной тому — просто подавленное состояние духа и полная невозможность сообщить Вам что-нибудь утешительное. Мне приходится целиком принять на себя ответственность перед Вами за то, что я уговаривал Вас не покидать «Свободу», а она Вас покинула в трудную минуту. Но я ничего сделать не мог. Фактически — газета лопнула, хотя и выходит каждый день. Происходит сие странное явление, рассудку вопреки, наперекор стихиям, потому что дефицит покрывается плотью и кровью всех служащих и сотрудников; служащие (кроме, конечно, тов. наборщиков!) получают ежедневно на обед за счет *сентябрьского* жалования; сотрудники просто ничего не получают, если не считать изредка, когда уже они окончательно начинают голодать, выдаваемых 10 злотых. Нас высосали долги и прикончил финансовый кризис в Польше. Дальнейшее существование зависит от того, сколько времени выдержат нервы и силы. Это что-то кошмарное! При таких условиях, Вы понимаете, вопрос о

посылке Вам 400 условленных лир, не говоря уже об увеличении этой суммы, стоит почти безнадежно. Есть слабая надежда на вхождение в газету пражской демократической какой-то группы со своими средствами¹. Об этом хлопочет В[иктор] В[ениаминович]. Подробностей не знаю, так как моя «правизна» ставит меня вне круга переговоров. Возможно, что мне придется тогда уйти. Впрочем, гораздо возможнее просто закрытие газеты. Долго, во всяком случае, не выдержим. Ввиду этого я попросил ускорить печатание «Лиляши»², дабы в случае закрытия не оборвалась она на полуслове. Это все, что я еще мог сделать.

Не сердитесь и простите. Мне очень тяжело и трудно.

Ваш М.Арцыбашев

Автограф.

¹ Речь идет о группе «Крестьянская Россия» (см. прим.3 к письму 10 наст. публ.), варшавским представителем которой летом 1925 стал В.В.Португалов.

² Печатание амфитеатровского романа «Лиляша» было возобновлено в ЗС после перерыва с 15 ноября 1925 (№291).

21. Арцыбашев — Амфитеатрову

4.XII.25 г.

Дорогой Александр Валентинович,

Верьте Вы этому Лукашу¹ больше! Он от всего приходит в восторг, а потом гнет свою линию, как будто ничего и не было. Конечно, ко мне он не обратился и не обратится, ибо ему гораздо веселее быть самому редактором, чем посадить себе на шею какую-нибудь тяжеловесную фигуру. Впрочем, откровенно говоря, вряд ли бы я решился взять редактуру «Слова». Судя по всему, их идеал — именно лавочка, типа «Сегодня»². Для того же, чтобы редактировать чисто репортерскую газету, я не гожусь. А превращаться в серьезную политическую газету они, конечно, не хотят, ибо и на самое издание их соблазнили барыши «Сегодня».

Что касается нашей несчастной «Свободы», то она является объектом вожделения для многих. Не прочь скушать ее монархисты (местные), лезет к нам демократическая Прага, а в последние дни вокруг, шелкая зубами, заходили эсеры («Пламя»³). Имеются предложения о слиянии и о полной продаже, но я всячески отбиваюсь. Философов не прочь от слияния, Португалов не прочь и от продажи. Я же хочу выкарабкаться самостоятельно. Может быть

и удастся, сохранив штат служащих, приняв какого-нибудь пайщика в книжную лавку и подтянув потуже собственные животы.

Выяснится все через месяц, полтора. А так как некоторые надежды есть, то не разрешите ли без названия обещать на будущий год Ваш роман или повесть? Если ничего не выйдет, то это так и замрет, а заглавие я попрошу только тогда, когда буду твердо уверен, что мы в состоянии возобновить Вам регулярный платеж.

Относительно гонорара в «Слове». Мне тоже предложили 2 цента. И я тоже думаю, что надо увеличить, хотя бы до 3-х, уже потому, что у них варварски длинная строка — в 1,5 раза больше нашей. А так как это — лавочка, то и миндальничать с ними нечего.

Вашу формулу — «у нас умные чересчур честны, а подлые чересчур глупы» я предложил бы изменить так: «честные — глупы, а умные подлы». Это ближе к истине, по крайней мере, как правило общее. Исключения же ничтожны.

Отношение «За Свободу» к Муссолини есть результат того, что Порт[угалов] и Фил[ософов] загипнотизированы модным пугалом «большевизм справа», а я и Шев[ченко], откровенно говоря, не можем разобраться, в чем тут, наконец, дело. Ведь судим по газетам, а в газетах Муссолини мажут всеми красками, от густо черной, до ослепительно белой. Ни об одном государственном деятеле нет таких противоречивых мнений. Даже правые разделяются.

О себе писать нечего. Голодаю и замерзаю. У нас небывалые для Польши морозы, а пальтишко у меня на рыбьем меху. Денег нет. «Демократы» душат.

Думаю послать одну статью в «Возрождение». Хочется по одному поводу высказаться, а П[ортугалов] и Ф[илософов] не дают.

Ваш М. Арцыбашев

Автограф.

¹ Лукаш Иван Созонтович (1892-1940) — русский писатель. До революции примыкал к футуристам (псевд. Иван Оредеж), в 1915-1917 — доброволец в российской армии, в 1918-1920 — в Белой армии. В эмиграции — прозаик, журналист. В 1925-1928 — редактор литературного отдела газ. «Слово» (Рига). Занимал крайние «активистские» позиции (так, в 1933 выдвинул идею обратиться к Гитлеру с просьбой о создании из русских эмигрантов добровольческого корпуса для войны с СССР). В 1938-1939 — член «Национального фронта» (эмигрантское профашистское объединение). См. также о нем: РП. Т.3. С.401-403.

² «Слово» — русская ежедневная газета, выходявшая в Риге в 1925-1929. Местный аналог парижского «Возрождения»; вела постоянную полемику с газ. «Сегодня», игравшей роль местных «Последних новостей». О сотрудничестве обоих писателей в рижских газетах см.: Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии 1917-1944 гг.: Библиографический справочник. Часть I: А—Г. Stanford, 1990.

³ «Пламя» — эсеровское издательство в Праге, в 1925 возглавлявшееся В.С.Миролюбовым (см. о нем далее).

22. Арцыбашев — Амфитеатрову

5.I.26 г.

Дорогой Александр Валентинович,

Что-то давно от Вас нет писем, если не считать поздравительной открытки. Болели Вы или впали в тоску?

Мне совсем становится немого. «Крестьянская группа» во главе с Португаловым и Бутенко окончательно берет верх. Каждая моя статья проходит сквозь редакционную бурю и, по мере возможности, кастрируется. Мне определенно стараются зажать рот. Вы, вероятно, заметили, что я стал писать очень редко? Невозможно, ибо не хватает нервов, чтобы каждый раз выносить целую баталию. Ограниченность, узость этих людей потрясающа. Они пугаются каждого свободного слова, каждой самостоятельной мысли, не апробированной Милюковым и К°. Так, например, из моего новогоднего обзора эмигрантских «итога»¹ меня умолили выбросить место, где я говорил о том, что борьба с зарубежным съездом, каков бы он ни был, явление печальное и радоваться его провалу, как доказательству невозможности сговориться, во всяком случае — нечего². Чего скромнее? Но Вы посмотрели бы на пылающий лик Португалова, в венце вставших дыбом рыжих волос, и на бледное лицо Философа! Ужас, паника, потрясение основ, провал газеты и черт в ступе!

Положение такое, что даже Ф[илософ]ов растерялся и бухнул мне с великолепным цинизмом:

— Я не знаю, что мне делать: соединиться с вами для борьбы со всеми или со всеми для борьбы с вами!

Это было даже трогательно!

Они выжили бы меня в два дня, если бы не то печальное и несомненное обстоятельство, что в случае моего ухода тираж газеты упадет вдвое.

Но, вероятно, мне самому придется уйти, так как я начинаю задыхаться.

А тут еще все столь же катастрофическое финансовое положение, при котором газета висит на волоске, а мне лично жить нечем.

Вы когда-то уполномочивали меня, в случае своего ухода, заявить и о Вашем. Так как это очень возможно, то подтверждаете ли Вы это полномочие? Откровенно говоря, мне бы не хотелось, чтобы Вы остались без меня. Мне часто приходилось опираться на Вас и если я уйду один, то выйдет так, точно я без всяких оснований ссылался на Вас.

Кстати, со мной уйдет и Пасманик.

Тогда тут окончательно и бесповоротно (до краха, конечно) воцарится «крестьянская группа».

Обнимаю Вас

Ваш М. Арцыбашев

Автограф.

¹ См.: Арцыбашев М. Эмигрантские итоги // ЗС. 1926. 1 янв. С.2.

² Ср. крайне резкую оценку самим Арцыбашевым хода подготовки к Зарубежному съезду: «Торжественно оглашённого "Вождя" не признал никто, кроме тех, кто его признавал и раньше /.../ Монархисты думают не об объединении со всеми антибольшевистскими силами, а о том, чтобы все дело борьбы с большевиками направить в русло монархической реставрации» (МАЗП. LXXII: Новая страница в книге нашего позора // ЗС. 1925. 15 ноября. №291. С.2-3).

23. Арцыбашев — Амфитеатрову

15-I-26 г.

Дорогой Александр Валентинович,

Сегодня получена рукопись Вашего романа¹. Благодарю Вас от души и, искренно говоря, дивлюсь Вашему великодушию. В конце концов, «мы» этого вовсе не заслуживаем.

Сейчас у нас идет чертова неразбериха. «Где труп, там собираются орлы!» Приехал Евреинов² от пражской «крестьянской группы» (Маслова) с деньгами и с предложением войти в полный симбиоз с «мужичками». Португалов вне себя от восторга и отчаяния. Восторгу причина — это было всегда его заветной мечтой, прикрыть печальное савинковское пятно на своих демократических ризах хотя бы одним краешком Милюковского сюртука. Причиной отчаяния являюсь я. «Демократы» желали бы за чешскую наличность получить голову Арцыбашева. Оно бы и ничего. По-

торговаться они бы и не прочь, но, все-таки, совесть грызет. Ведь я дважды спас газету: подняв ее тираж вдвое, когда она умирала от истощения, и «мощною рукою Свободу вздернув на дыбы», когда она уж и копыта вроде расставила под тяжестью савинковского позора. Плюс к этому — и самого-то Португалова я спас, когда Ф[илософов] уже, было, его выставил год тому назад. Посему В[иктор] В[ениаминович] находится в мучительнейшем колебании, хотя... переговоры, все-таки, идут.

С другой стороны, ясным соколом налетел В.Чернов, предлагающий купить «Свободу» на предмет укрепления эсеров в Польше. Тут дело обстоит крепче, ибо Ф[илософов] прекрасно знает, что эсеры его скушают. Португалов же не прочь, ежели — 500 долларов ему отступного.

С третьей стороны, кучка дельцов во главе с Бутенко просто желают прикарманить это дельце, для ради книжного магазина.

Во всех трех комбинациях я и Шевченко стоим поперек горла. Поэтому прилагаются все усилия, чтобы незаметно довести меня до того, чтобы я *сам* хлопнул дверью.

Впрочем, Ф[илософов] еще не решил, что ему выгоднее, и на всякий случай справляется, что сказал бы я на уничтожение всякой редак[ционной] коллегии и замену ее редактурой «Арцыбашев—Философов».

Возможно, что этим, или почти этим, дело и кончится. Но еще возможнее, что дверью я хлопну. Я человек нервный, резкий, вернее — вспыльчивый, а этот клубок интриг меня душит. Я совсем и писать-то перестал!

О последующем сообщу.

Ваш М.Арцыбашев

Автограф.

¹ Имеется в виду роман Амфитеатрова «Вчерашние предки». Публикация его продолжалась в ЗС с перерывами с 21 февр. по 29 дек. 1926. Было напечатано всего 18 глав (см. об этом далее).

² Евреинов Владимир Алексеевич (1887, Курск — 1967, Франция) — агроном-помолог, член «Крестьянской России»; жил в Праге. В ЗС (после разрыва с «К.Р.») в 1926 печаталась реклама его кн.: Краткое плодоводство, ягодоводство и огородничество для начинающих. Прага, 1926.

24. Арцыбашев — Амфитеатрову

2.II.26 г.

Дорогой Александр Валентинович,

Я задержал ответ на несколько дней, так как мне хотелось сообщить Вам окончательные результаты моей борьбы.

Бой продолжался почти неделю и только сегодня кончился. Возможно, что завтра же нам придется считать раны, так как вероятно уход запутавшегося Португалова и еще с большей силой выступят наши материальные затруднения.

Но во всяком случае, в этом бою я победил.

Надо отдать полную справедливость моей стойкости, ибо все удары были направлены против меня и первое время я был совершенно одинок. Ф[илософ]в не знал, на чью сторону переметнуться, а Шевченко был совершенно пассивен. Португалов же и Бутенко действовали как настоящие предатели, дав противникам в руки все аргументы и указав все слабые пункты.

Было бы очень длинно описывать все перипетии этой гнусной истории. Может быть, возвращаясь к сему сюжету в следующих письмах, я передам Вам постепенно все подробности. Пока ограничусь общими чертами.

Когда положение газеты, благодаря управлению Философова и воровству зав. конторой, стало угрожающим, возникла мысль о помощи со стороны. Тогда Порт[угалову] и Бутенко дано было поручение войти в переговоры с пражской «крестьянской группой», которая представлялась нам наиболее свободномыслящей и которая имела деньги, но не имела газеты.

Директивы были даны в том смысле, что все должно быть основано на принципе абсолютного равенства договаривающихся сторон.

О чем в действительности договаривались эти господа в белоснежных демократических ризах, мы не знали до самого конца. Неоднократно я задавал по этому поводу вопросы, но каждый раз получал ответ, что они являются лишь честными маклерами, задача которых довести дело до возможности прямых переговоров. Когда я спрашивал, не будут ли какие-либо персональные препятствия, оба официально отвечали, что ни в коем случае. Впоследствии оказалось, что неофициально, каждому порознь, намекалось: мне, что вопрос будет только о Философове. Ф[илософ]ву — что вопрос идет только обо мне. В конце концов оказалось, что вопрос шел и обо мне, о и Ф[илософове], и даже о Шевченко, а в общем — о полном захвате не только газеты, но и всего имущества Т-ва «За Свободу».

Тем временем Португалов старался всячески доказать, что газета не может существовать без политической и литературной поддержки Праги, а Бутенко, пользуясь своим положением директора-распорядителя финансово-хозяйственной части, разрушал дело изнутри, парализуя все другие возможности и ставя нас перед лицом неизбежной гибели.

Эти господа, по-видимому, были так уверены, что мы уже совершенно «готовы», что Маслов и Евреинов, как представители Пражской группы, приехали в полной уверенности, будто их призывают княжить и владеть.

Фигура Маслова — это бессмертная фигура! Большого хама я в жизни своей не встречал. Это живой Лопехин из «Вишневого сада» (Кто купил?.. Я купил!). Огромный парень купеческой складки, хам с потными руками, скидывающий на собраниях «спинжак», говорящий «перво-наперво», разваливающийся, харкающий, плюющий, хлопающий по столу кулаком-пудовиком. Сунь в зубы стальную рельсу — пополам перекусит!

«Спинжак» был снят вчистую. Нам было без обиняков сказано, что все мы ни к черту не годимся, что наши взгляды на большевиков устарели, а посему мы должны передать газету и все прочее им — «демократам» из Праги.

Мы обязуемся принять в дело 5 пайщиков из Праги (на сумму в 12.000 злотых, вносимых в рассрочку) и шестого — Бутенко, за которого или Прага внесет пай, или, еще лучше, мы дадим ему пай бесплатно. Сие, совершенно открыто, делается для того, чтобы иметь абсолютное большинство голосов, т.е. быть полными хозяевами.

Затем редакционная коллегия нынешнего состава упраздняется, образуется новая, из 3-х лиц, под председательством Португалова, при двух членах — Маслова или какого-то Малолеткова и Философова. Бутенко остается директором-распорядителем. Я и Шевченко... нам милостиво было позволено оставаться сотрудниками, но при этом мне было дано понять, что сотрудничество нежелательно, а для сего редактору Португалову дается безапелляционное право veto. Когда я заметил, что я понимаю сие как «позвольте вам выйти вон», возражений не последовало. При сей okazji было еще указано, что жалование получают только члены коллегии и директор-распорядитель, мы же можем претендовать на единственное вознаграждение: дивиденд от книжного склада, «если он когда-нибудь будет».

Таким образом, это был не только захват, но и грабеж.

Надо Вам объяснить, почему в коллегиях был назначен, все-таки, и Философов. Это мне откровенно объяснил Португалов: «Философова они боятся, ввиду его влияния в польских кругах, а поэтому вынуждены с ним считаться, но один он в коллегии равен нулю и будет вынужден потом сам уйти. При Вашей же (т.е. моей) поддержке Ф[илософов] превратился бы в силу. Поэтому решили начать с Вас, хотя, в сущности, Вы менее неприемлемы для них, чем Ф[илософов]».

Для того, чтобы заставить уйти меня, была выработана «тактическая программа», явно составленная при посредстве Португалова, так как вся она, самым идиотским образом, была составлена из отрицания всех тех положений, на которых были основаны мои последние боевые статьи: интервенция, святая месть, недопустимость нападков на лидеров демократии (Милюков!) и непримиримость.

Так как я оказался настолько хитер, что понял провокацию и, зная, что неприемлем прежде всего захват газеты и имущества, прехладнокровно заявил, что в общем программа ничего, то произошла отвратительная сцена.

Португалов вскочил с места, подбежал ко мне с листом «программы» и, тыкая пальцем во все сии пункты, бешено начал меня убеждать, что они для меня ни под каким видом неприемлемы! Я просил его предоставить это мне самому, но он не отставал, пока у него сил хватило.

Вообще им хотелось, чтобы разрыв (они почувствовали его возможность и были в положительно неприличном бешенстве) произошел именно на политической почве.

Когда они увидели, что я на провокацию не иду, не теряю хладнокровия и стою на почве именно намерения их ограбить нас во всех смыслах, то компания была перенесена на Ф[илософо]ва. Его стали просто шантажировать, устно и *письменно* угрожая, что в случае его отказа от «соглашения» он будет подвергнут «активной изоляции» со стороны всех демократических организаций.

Все это разбилось о меня. Я заявил, что ежели нам суждено погибнуть от нищеты, то я предпочитаю «смерть бесчестию» и ни в коем случае не допущу, чтобы то дело, за которое мы страдали несколько лет, в которое вложили столько сил и из-за которого шли на голод и лишения, было совершенно даром захвачено людьми, в полезность деятельности которых для России я не верю...

Понемногу Ф[илософо]в и Шев[ченко] оживились, поняли, в чем тут дело, и твердо, наконец, стали на мою сторону.

Все сие запротоколировано, и Маслову было предложено отправляться к его почтенной матушке.

Я не мог здесь передать Вам великого множества художественных деталей. Честная компания показала себя во весь рост, включительно до грязных портянок и без всякого фигового листка.

Кстати сказать, Вы и Пасманик были обречены, особенно Вы. Обречены были также и все наши служащие, столько времени безропотно и геройски голодавшие ради спасения газеты (в том

числе — сестра Савинкова). Их места были намечены для безработной «демократической» братии.

Но это кончено.

Теперь вот что: мы в ожидании всяческих скорпионов — и политических и финансовых, ибо у них осталась еще одна надежда: уморить нас и завладеть трупом. Поэтому я ничего не могу Вам обещать, но если Вы так будете великодушны, то может быть, дадите роман?

Сейчас мне, конечно, было бы необходимо всячески оживить газету. Не найдется ли у Вас «записной книжки»¹?

До следующего письма

Ваш М. Арцыбашев

Автограф.

¹ Очередная «Записная книжка» Амфитеатрова с воспоминаниями о Л.Н.Толстом и его семье появилась в ЗС 21 марта 1926 (С.5-6).

25. Арцыбашев — Амфитеатрову

17-II-26 г.

Дорогой Александр Валентинович,

Получил Ваше письмо и вижу, что беспокойство мое было напрасным, чему очень, очень рад¹.

Вы ошиблись: Португалов ушел и ушел не просто, а с письмами в редакцию² и распространением через своего приятеля, хозяйина «Русспресса», г.Кельнича³ многочисленных инсинуаций на наш счет. Пущенные ими темные слухи пошли гулять, постепенно, как в Горбуновском рассказе, претворяясь в полную чепуху. Так, в «Русском Времени»⁴ уже Философов превратился в социалиста, желавшего продать газету Чернову и Маслову, обоим сразу!

Впрочем, Португалов уйти-то ушел, но заработка лишиться не пожелал и остался «техническим работником». Чтобы и демократические ризы соблюсти и кусочек хлеба сохранить. Хлеба мы его пока не лишили (для чего, дабы он аккуратно получал и при нашей нищете, я отказался от всего, благо у меня сейчас есть маленькие заработки от пьес и книг), но от работы уклонились. Ничего, берет, ничего не делает и нам гадит!

Евреинов — это не тот Евреинов. Большевицкого драматурга и режиссера⁵ я знаю: это ближайший друг Португалова, который был летом здесь и из-за которого у меня началось охлаждение к самому Португалову, а у моей жены была крупная ссора с женой Португалова⁶.

Теперь мы ведем всю газету втроем. Трудно, но справляемся. Благодаря этому безмерно возросло мое влияние в газете, и она медленно отодвигается вправо и в сторону антибольшевицкую, от которой, было, совсем откатнулась в период диктатуры Португалова.

Думаю, что благодаря этому мы приобрели больше симпатии среди здешней колонии, а посему и вылезает из ямы. Полагаю, что вскорости удастся послать и Вам малую толику.

Страшно буду рад, если Вы заедете в Варшаву.

Возвращаю Вам письмо Кутепова. Статьи я получил и по мере возможности их использую. Нужно будет только, в самом деле, остороженько все пересмотреть. А материал интересный.

Жду романа. Постараемся его печатать елико возможно чаще. Это ведь и в наших интересах, только размер у нас плохой, и не столько размер, сколько идиотски неубористый шрифт.

Всего Вам доброго.

Ваш М. Арцыбашев

Автограф.

¹ Речь идет о задержке амфитеатровского ответа на письмо 24 наст. публ.

² 6 февр. 1926 из списка ближайших сотрудников ЗС без объяснения причин исчезли фамилии П.Э.Бутенко и В.В.Португалова; 12 февр. было опубликовано «Вынужденное объяснение» Португалова (С.2). В ответ на начатую им и Бутенко кампанию против ЗС в «Руле» и «Последних новостях» 27 февр. ЗС напечатала «Протокол заседания Правления Товарищества "За Свободу"» от 2 февр. 1926 (С.3), излагающий события, описанные в письме 24 наст. публ.

³ *Кельнич* Сергей Михайлович — русский журналист. С 1910 — сотрудник газ. «Варшавский дневник». В октябре 1920 — сентябре 1939 — директор основанного им в Варшаве телеграфного агентства «Русспресс» (имело отделения в 8 европейских странах, издавало еженедельный политический бюллетень). Одновременно (с 1923) — владелец варшавского книжного магазина и издательства «Добро» (существовали до массового исхода русских эмигрантов из Варшавы в июле 1944). Дальнейшая судьба неизвестна. См. о нем: Десятилетие «Русспресса» // ЗС. 1930. 27 сент. С.3; Сергей Михайлович Кельнич (к 30-летию газетной работы) // Новое слово (Берлин). 1940. №52. 22 дек. С.7.

⁴ «Русское время» — монархическая ежедневная газета, выходившая в Париже с 10 июня 1925 по 6 янв. 1929 под ред. Б.А.Суворина и А.И.Филлипова.

⁵ Арцыбашев именует Николая Николаевича *Евреина* (1879-1953) «большевицким драматургом и режиссером», очевидно, помня о его ру-

ководстве массовым действием «Взятие Зимнего дворца», устроенном в Петрограде к 3-й годовщине Октябрьской революции. До 1927, постоянно гастролируя за границей, Евреинов сохранял советское гражданство. Выступление его труппы в Варшаве весной 1925 с его пьесой «Корабль праведных» получило злобный отклик в ЗС (Шевченко Е. Корабль без флага // 1925. 24 апр. С.2-3).

⁴ *Жена Португалова* — Журавская (урожд. Лашкевич) Зинаида Николаевна (1867-1937) — переводчица. В 1920-1929 жила в Варшаве, затем в Париже. См. о ней: DV. С.63; РП. Т.2. С.291-292; а также некролог: Меч. 1937. 24 янв. №3(139). С.4.

26. Арцыбашев — Амфитеатрову

28-II-26 г.

Дорогой Александр Валентинович,
«Декабристов» пускаем как они есть, без всяких подзаголовков¹. Хотя Ф[илософ]в и съезился весьма, увидев, что «нужна центральная личность» (сиречь, Н[иколай] Н[иколаевич]), но протестовать не посмел. А статья блестящая и оригинальная.

Нас все еще травят. По городу распускают слухи, что мы окончательно и бесповоротно «продались полякам», а в зарубежных газетах печатают инсинуации «Русспресса».

Кстати, обидевшись за наши насмешки, «Русспресс» сдуру ляпнул, что сведения об обстоятельствах ухода Португалова и Бутенко даны ему «непосредственно одним из них»! Мы-то в этом, положим, и не сомневались, но Португалов и Бутенко это с благороднейшим видом отрицали. А «Русспресс» взял да их и пришил. И правильно: за ушко да на солнышко!

Но хороши наши правые! Ведь ясно, что у нас борьба произошла из-за желания «истинных демократов» захватить в свои лапки газету. Я этого не допустил, ценою больших жертв. Казалось бы, правые должны были бы радоваться и нас, т.е. меня, поддерживать, а они на радость Милюковцам подняли травлю нас же, усердно подхватывая распущенную самим же Португаловым (+ Бутенко) сплетню о «польских деньгах».

В чем дело? Чего же правым хотелось бы? Чтобы в Польше образовалось филиальное отделение «Последних Новостей»?!

Да знают ли они, что депутат Серебрянников², которого они, совместно с «Русспрессом» и Португаловым (альянс-то каков!), поддерживают, — еженедельно бывает с визитом у Войкова³, чего и сам не скрывает. Причем на вопрос наш «происходят ли эти свидания наедине?» ответил «разумеется!».

Вообще глупость все проявляют потрясающую. Руки опускаются.

Хоть бы Вы повлияли.

Ваш сердечно

М. Арцыбашев

«Предки» имеют успех, и больший, чем «Лиляша», хотя и о судьбе этой интересной дамы до сих пор справляются наши читатели.

Автограф.

¹ Амфитеатров А. Декабризм и декабристы // ЗС. 1926. 3 марта. С.2-3.; 4 марта. С.2-3.

² *Серебрянников* Николай Сергеевич — во второй половине 1920-х — депутат польского сейма, единственный там представитель русского национального меньшинства.

³ *Войков* Петр (Пинхас) Лазаревич (1888-1927) — в окт. 1924 — июне 1927 — полпред СССР в Польше.

27. Арцыбашев — Амфитеатрову

18-V-26 г.

Дорогой Александр Валентинович,

Что Вы замолкли совсем? Не осерчали ли за что-нибудь?

На последнее письмо мое я ответа не получил, а потом тут у нас заварилась такая каша, что я совершенно выбился из колеи. С одной стороны пушки стреляли¹, с другой — нас усиленно поливали помоями гг. Португаловы и Бутенки².

И все это было бы даже не скучно, если бы в связи с пушечным громом не осел наш бедный «злотый». Благодаря этому положение было критическое, и я до сих пор не мог урвать ничего, чтобы послать Вам. Но на этой неделе хоть что-нибудь наскребу.

Мы уже давно (с момента ухода Португалова) встали бы на ножки и наладили бы регулярное питание наших сотрудников, если бы не эти пертурбации. Нам нужно оплатить один душастый нас долг, который благодаря высокому курсу доллара поглощает все излишки, остающиеся от уплаты расходов первой необходимости.

Когда мы его оплатим, в нашем распоряжении сразу окажется некоторая сумма — от 1500 до 2000 злотых в месяц, что позволит нам произвести хоть небольшую, но регулярную раскладку на своих постоянных сотрудников, оставив немного и для гоноара случайным.

Если бы не эти катастрофы, вожделенный момент наступил бы в конце мая или в начале июня. Теперь же, боюсь, не справимся раньше июля. Конечно, если не грянет еще какой-нибудь гром.

А живем мы на вулкане. Писать об этом я сейчас не могу, по «независящим обстоятельствам», но Вы, вероятно, и сами понимаете положение.

Из «личных впечатлений» могу поведать Вам, что два дня пулеметы всего мира, по-видимому, были заняты исключительно обстрелом той улицы, на которой я живу. Кстати, на соседний балкон упала какая-то заблудшая бомба. По глухоте своей я проявил чудеса храбрости, в течение 5 минут гуляя под аэропланом, который кружился надо мной и усиленно поливал меня из пулемета. А я добродушно смотрел на него и думал, что это он так низко летает и так странно трещит? Публика же, наблюдавшая за мной из всех щелей, вероятно, была в восторге от моего мужества!

Пишите же, а то я Бог знает что подумаю.

Ваш М.Арцыбашев

Автограф.

¹ Имеется в виду военный переворот в Польше, осуществленный маршалом Юзефом Пилсудским (1867-1935) 11-14 мая 1926. Проживавший с 1923 в отставке в своем имении Сулеювки (под Варшавой), он 10 мая 1926 в интервью газете «Курьер Поранны» назвал действующего премьер-министра В.Витоса «бесчестным и продажным». После конфискации номера и объявления о возбуждении против Пилсудского уголовного дела о клевете, он 11 мая во главе верных ему кавалерийских частей двинулся на Варшаву. Следующие два дня в городе шли бои с применением бронетехники (в итоге 52 убитых и 252 раненых). Утром 14 мая президент С.Войцеховский ушел в отставку. ЗС сообщала об этих событиях крайне сдержанно, без малейшего комментария: Маршал Пилсудский против правительства деп. Витоса // 1926. 12 мая. С.1; События в Варшаве // 1926. 15/16 мая. С.1; Победа маршала Пилсудского // 1926. 16/17 мая. С.1.

² Острый конфликт Арцыбашева с демократическим крылом русской эмиграции в Варшаве начался с его письма в редакцию («Русский дом» // ЗС. 1926. 20 апр. С.2) с резкими нападками на руководство (Бутенко) единственного в польской столице русского культурного центра. Дальнейшую историю этого конфликта (вызов Арцыбашева в третейский суд, его отказ от этой процедуры, выход его, Философова и Шевченко из Союза русских писателей и журналистов в Польше) см.: Философов Д. Исходящая №2727: История одного неприличия // ЗС. 1926. 28 апр. С.2-3; Арцыбашева Е. Письмо в редакцию // Там же. С.4; Арцыбашев М. Письмо в редакцию // Там же. 2 мая. С.3; Он же. В эмигрантском болоте // Там же. 13 мая. С.2; МАЗП: ХСII: Печальная история с хорошим концом // Там же. 30 мая. С.2; [Б.п.] В русской колонии // Там же. 3 июня. С.3.

1-VI-26 г.

Дорогой Александр Валентинович,

В понедельник выслал Вам на подмогу 20 долларов, а завтра посылаем требуемое удостоверение.

Задержка не по нашей вине. У нас опять были очень тревожные дни. Только сегодня наконец выборы президента закончены и, кажется, наступило успокоение¹.

В конце концов, как я угадал с самого начала, победил Пилсудский, чему я лично искренно рад. Это человек моего романа: честный, прямой и, по-настоящему, человечный. Теперь, когда все сделались демократами, монархистами и т.п., — это большая редкость. А мир явно устал от всяческой игры в парламентаризм и нуждается не в программах и партиях, а в сильных и честных людях, просто — людях².

К сожалению, мне не удалось сыграть роль Пилсудского в нашей эмигрантской колонии! Мой поход на «прохвостов, мошенников и болтунов» не увенчался успехом. Кончилось тем, что я сам отошел. Правда, у меня не было пушек, но я и сам виноват: в какой-то переломный момент мне эта возня с Бутенками, Португальвыми и Вельмиными³ вдруг стала так противна, что я плюнул и ушел. Очевидно, настоящего «деятеля» из меня не получается. Я слишком человек.

Однако газету я, все-таки, отстоял? А ведь это было нелегко, ибо с одной стороны была целая, крепко сплоченная организация, а с другой — один я, с Философовым, который никак не мог решить, к кому ему выгоднее примкнуть⁴.

Зато и ненавидят меня теперь! Ой-ой-ой!..

Но зато могу похвастаться тем, что со времени ухода Португалова у нас тираж прибавился на 900 экземпляров. Если удастся его удержать, то недалеко то время, когда мы вздохнем свободнее, что, конечно, и Вам не причинит убытка!

Всего Вам доброго

Ваш М. Арцыбашев

А знаете, после проявления моей глухой храбрости, в нашем квартале меня определенно считают «варьяком», т.е. сумасшедшим! Так пишется история!

Автограф.

¹ Избранный Национальным собранием 31 мая 1926 президентом Польши, Пилсудский от этого поста отказался и предложил от себя две

кандидатуры. 1 июня президентом стал один из предложенных — профессор Игнатий Мосщицкий.

² В более развернутой форме эти мысли изложены в: МАЗП: ХСІ: Забытые слова // ЗС. 1926. 27 мая. С.2. Под «забытыми словами» автор понимает «честь, добродетель, мужество», присущие — по его мнению — Пилсудскому. См. также воспоминания Философова о Пилсудском — Воскресные беседы: Великие люди и мы // Меч. 1935. 7 июля. №26. С.4-5; 14 июля. №27. С.4-5; 21 июля. №28. С.4-5.

³ Вельмин Анатолий Петрович — журналист и общественный деятель. В 1920-1930-е — варшавский корреспондент «Последних новостей», член РДО, последовательный противник философских газет. В 1936-1939 — председатель Русского попечительского комитета в Польше, в годы войны — библиотекарь «Русского дома» в Варшаве. В авг. 1944 вывезен в Германию. После войны жил на Западе, сотрудничал в «Русской мысли». Автор мемуаров: Русское население в Польше во время немецкой оккупации // Новый журнал (Н.-Й.). 1946. №14.

⁴ Ср. в письме Философова к Амфитеатрову от 4 марта 1927 (уже после смерти Арцыбашева): «Когда нас бутенковские молодцы обокрали, я предлагал Мих[аилу] Петр[овичу] бросить газету и издавать вдвоем еженедельник "Записки писателя и журналиста". Но он настаивал на том, чтобы не сдавать позиций». (LL)

29. Арцыбашев — Амфитеатрову

16-VII-26 г.

Дорогой Александр Валентинович,
Конечно, размеры моего гонорара в Италии не секрет. Я никогда из этого секрета не делал. Но точную цифру сказать не могу, так как ее не помню. Думаю, что в течение 1,5 года, как идут там мои пьесы, я получил около 20.000 лир. (К сожалению, лира стоит у нас очень плохо.) Собственно говоря, я должен был бы получить гораздо больше, но меня страшно обирают посредники — агент Раджио, переводчица Naldi и Societa Italiana — в общей сложности отбирающие в свою пользу 50%. А так — я должен получать 10% с валового сбора.

Впрочем, все это скоро кончится, так как больше пьес у меня нет, а новых я не пишу.

В «Сегодня» Вы, конечно, не попадете, так как там Ваши требования совершенно неприемлемы, мне кажется¹.

А веки все меняют и меняют. Сегодня в «Руле» прочел о том, что возвращается в СССР В.С.Миролюбов! Мне было сие прочесть весьма неприятно. Миролюбов ведь был, можно сказать, моим настоящим крестным отцом в литературе, и с молодых ногтей у меня было к нему особое чувство².

И чего, спрашивается?! Симпатии к большевизму у него быть не может, а в Чехии он устроился недурно и материальные соображения тут не могли иметь места. Тоска по родине, что ли³?

Все посылки Ваши благополучно прибыли и печатаются.

Но, увы, несмотря ни на какие мои усилия, выжать из нашей нищеты в Вашу пользу еще сколько-нибудь не удастся. Единственное, что я могу пока делать, это регулярно высылать 20 долларов. Очередные как раз сегодня контора посылает. Задержка произошла благодаря трудности получения разрешения на перевод валюты.

Ну, всего доброго.

Ваш М. Арцыбашев

Автограф.

¹ Арцыбашев ошибся: сотрудничество Амфитеатрова в «Сегодня», восстановившееся во второй половине 1926 (№210: Письмо из Италии в «Сегодня»), продолжалось с перерывами (в 1928 и 1936) вплоть до кончины писателя.

² *Миролюбов Виктор Сергеевич* (1860-1939) — редактор и издатель, достаточно тесно связан был с обоими корреспондентами в разные периоды своей жизни. В редактировавшемся им «Журнале для всех» (1901. №10) появился рассказ Арцыбашева «Встреча», ставший дебютом писателя в большой литературе. В 1905-1906 Арцыбашев возглавлял литературный отдел этого журнала, а после его закрытия и запрещения Миролюбову заниматься издательской деятельностью Арцыбашев был номинальным редактором фактически руководимых Миролюбовым журналов «Народная весть» и «Трудовой путь» (1906-1908). С Амфитеатровым Миролюбов был связан совместным ведением журнала «Современник» в 1911.

³ О возможных причинах возвращения Миролюбова из эмиграции в СССР в 1926 см. недатированное письмо С.Я.Эфрона к В.Ф.Булгакову: «...он [Миролюбов] был бичом всех редакций, в которых принимал участие. Последними его выживали эсеры из своей газеты, и с большим трудом и скандалом выжили» (Цит. по: Цветаева М. Собр. соч.: В 7 тт. Т.7: Письма. М., 1995. С.21).

30. Арцыбашев — Амфитеатрову

26-VIII-26 г.

Дорогой Александр Валентинович,

Вы, вероятно, уже получили 20 дол[ларов], которые я незамедлительно выслал при первой возможности. В сентябре постараюсь посылку ускорить.

Относительно СССР Вы совершенно правы: это не русское, а сесесерское и, хотя, конечно, чем скорее они перегрызутся, тем нам будет легче, но все же ликование эмиграции весьма и весьма преждевременно¹.

Впрочем, ведь кто ликует-то? Альбо «вобла»² — сдуру, альбо левая «верхушка» — по подлости. Милюков, уже совсем не стесняясь, заголил и прямо пишет, что мы должны делать выбор между Сталиным и Зиновьевым. Да ведь мы с Вами давно знали и писали, что наши «демократы» только и ждут, чтобы их пустили приложиться к чьей-нибудь ручке. Что от ручки-то кровью пахнет, сами понимаете, — их не беспокоит.

Самое разительное в этом то, что ведь никто — ни Зиновьев, ни Сталин — их пускать не собираются. Так что они совершенно платонически себе морды грязью мажут. Хоть бы подождали немного! Нельзя же так предлагаться!

До меня из Парижа дошли вести, что «Возрождение» в сентябре прекратится, так как оно стоит Гукасову бешеных денег, и он, будто бы, решил расстаться со Струве и открыть этакий парижский «Руль» под редакцией Благова и Яблоновского³. Не знаю, правда ли, но тревожусь, чтобы сие не отразилось и на Вашем бюджете.

Ввиду этого, может, и в самом деле столкнуться с «Сегодня»? Я думаю, что условия Ваши они, в конце концов, и приняли бы.

Туберозов — молодой человек, впервые пишущий⁴. Сначала он корреспондировал нам из провинции, теперь стал постоянным сотрудником и секретарем редакции. Интересного в нем мало, но он специалист по церковным делам, которые в Польше занимают очень важное место. Взяли мы его к себе потому, что уж очень нас мало и мы решительно не справляемся. Выбирать же у нас не из кого. Людей совсем нет.

Ну, а за сим всего доброго.

Ваш М. Арцыбашев

Автограф.

¹ Имеется в виду отношение эмигрантской прессы к резкому обострению борьбы в ВКП(б) летом 1926 (появление объединенной оппозиции во главе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым и их постепенное вытеснение из высшего партийно-государственного руководства). См.: Борьба в компартии; Тревога в ЦК; Зиновьев о вырождении компартии // ЗС. 1926. 1 авг. С.1; События в Советской России: Начало гражданской войны? // Там же. 5 авг. С.1. Сам Арцыбашев оценивал события в СССР так: «Разложение партии и переход внутренней склоки в вооруженную борь-

бу между отдельными группами является совершенно фатальным /.../. Партия обречена» (МАЗП: ХСVI: Фатальное // ЗС. 1926. 6 авг. С.2-3).

² «Вобла» — введенная Арцыбашевым кличка для обозначения эмигрантов-обывателей. См.: МАЗП: XIV: Эмигрантская вобла // ЗС. 1924. 25 февр. С.1-3.

³ Об А.О.Гукасове см. прим.6 к письму 24 в Алд.; об А.А.Яблоновском — там же, прим.3 к письму 23. Благов Федор Иванович (1866-1934) — врач и предприниматель, до революции — редактор «Русского слова». После 1917 — в эмиграции. Возможно также, что имеется в виду не он, а его сын — журналист Владимир Федорович (1895-?), сотрудник берлинского «Руля» в 1920-е, с 1930-х живший в Румынии. Слухи о смене редактора не подтвердились: П.Б.Струве покинул газету только в авг. 1927.

⁴ Туберозов — псевд. (по фамилии героя лесковских «Соборян»; наст. фам. Свитич А.К.) — в 1926-1932 вел в ЗС отдел церковной жизни.

31. Арцыбашев — Амфитеатрову

22-XI-26 г.

Дорогой Александр Валентинович,

С Вашим романом у нас целая катастрофа. Мы подсчитали, что в редакции имеется еще около 13-14 тысяч строк и имеющееся кончается на 26-й главе. Таким образом, еще у вас остается 6 глав, а следовательно, нет возможности закончить роман в этом году. А между тем, помимо того, что это вызовет протесты старых подписчиков и еще большие — новых, ибо им, конечно, не интересно получить только хвостик романа, мы затеяли с нового года покончить с тяготившим нас прошлым и в корень реформировать газету, вплоть до нового названия. Конечно, перенос романа в новую газету особой роли не играет, но все же это переворачивает наши планы.

Поэтому прошу Вас, во-первых, написать мне, какое количество строк (приблизительно) составят те 6 глав, которые еще у Вас, а во-вторых, не найдете ли Вы возможным, как уже сделали раньше, механически сжать конец, оставив некоторые главы для отдельного издания.

Я хорошо понимаю, что такое предложение автору весьма и весьма «не того»... но тут трудно придумать что-нибудь иное. Между прочим, Вы пишете, что все это получилось благодаря антрактам, которые делал Ф[илософов] в печатании романа. Это-то так, но дело в том, что он не предполагал, что роман так велик, и в периоды наплыва материала сплавлял его, убежденный, что для окончания романа места хватит. А тут еще привходящее обстоятельство: новый заведующий хозяйством поставил дело с объяв-

лениями и отнял чуть не 1/4 газеты. При нашей бедности это очень хорошо, но места стало очень мало. В новой газете будет строк на 400 больше, но пока очень трудно.

Напишите Ваши соображения по сему поводу немедленно. Конечно, в крайнем случае, придется переносить окончание романа на будущий год. Но это нехорошо.

Болезнь моя сказалась и на Вас¹. Я, лежа в постели, передал 20 [олларов] для отсылки Вам еще 6-го числа, а 19-го узнал, что они еще не отправлены! Теперь деньги уже высланы, но какова аккуратность нашей банды!

Мне все еще плохо. Сравнительно с прошлым я поправился, но ходить все еще не могу, пишу с большими отдыхами, и температура у меня скачет, как бешеная, от 36,1 до 37,9 в день. Выздороветь-то я, все-таки, рассчитываю, но не скоро.

Я так слаб, что не могу ручаться за точность своей мысли, а потому не будьте строги к моему письму, если оно недостаточно вразумительно.

Всего Вам доброго.

Ваш М.Арцыбашев

Р.С. Шмелев прислал мне свое «Солнце мертвых». Это жуткая книга. Особенно жутко то, что он сумел показать не только гибель людей, но и гибель животных и вещей. И в гибели вещей у него не меньше трагизма, чем в гибели человеческой. Это правильно и хорошо. Единственный недостаток — это растянутость и повторяемость. Он часто, слишком часто, возвращается на места, которые уже истоптаны им до крови. Это утомляет. Но все же книга редкая².

Напишите, пожалуйста, как его имя отчество. Я хотел бы ему написать, да забыл, как его зовут.

М.Арцыбашев

Автограф.

¹ Первое сообщение о болезни Арцыбашева («10 октября захворал довольно тяжелой формой гриппа») и о временном прекращении его переписки с читателями см.: ЗС. 1926. 23 окт. С.4. Дальнейшая хроника болезни: Там же. 28 окт. С.4 («переведен 26 октября в лечебницу»); 7 нояб. С.4 («перевезен домой»); 14 ноября писатель сообщил читателям ЗС о своем выздоровлении (МАЗП: СИИ: Примирение).

² Повесть Ивана Сергеевича Шмелева (1875-1950) «Солнце мертвых», опубликованная в альманахе «Окно» в 1923, вышла отд. изд. в Париже (изд. «Возрождения») в 1926. См. рецензию о ней Амфитеатрова: Страшная книга // Возрождение. 1926. 17 нояб. С.2.

Дорогой Александр Валентинович,

Катастрофа! Теперь понятно, почему Вы не получили ноябрьских 20 долларов и неизвестно — получите ли декабрьские. Совершенно неожиданно явился судебный пристав и описал наш книжный магазин. Оказалось, что член правления Т[овариществ]ва Гольберг, всего 2,5 месяца назначенный управляющим, растратил огромную, для нас, сумму. И что хуже всего, помимо растраты чисто кассовой, он растратил все деньги, которые должны были покрывать векселя фирмы «Логос», доставлявшей нам книги. В отчетах он показывал эти векселя своевременно оплаченными, а когда их предъявляли к протесту, молчал. Не знаю, может быть, мы как-нибудь выпутаемся, но положение ужасное. Касса оказалась совершенно пустой, а протестованных векселей на 600 долларов — сумма для нас недостижимая. Если будет назначена продажа, газета лопнет. А между тем, надеяться на какое-нибудь соглашение с «Логосом» очень трудно. Ведь «Логос» — это «Руль», а «Руль» уже давно, с помощью Бутенко и Португалова, стремится удушить «Свободу», чтобы захватить польский рынок¹. До сих пор, по крайней мере, они ни на какие уступки не идут. Вопрос решится на этих днях. Я сообщу, конечно, Вам об окончательных результатах. Возможно, что получите от меня траурное объявление!

Вот она — апельсиновая корка, о которую мы так поскользнулись! И вот результат моей двухмесячной болезни: если бы я был в редакции, этого не случилось бы. Мое отсутствие заставило всех чрезмерно работать и обратить все свое внимание на газету. Этим вор и воспользовался.

Газета выходит по-прежнему, но в редакции паника и она похожа на обезматочивший улей.

От всех этих историй мне стало много хуже, но я не могу лечь, потому что если меня не будет, то начнется уже полный развал. Философов совершенно растерялся, остальные просто впади в оупение.

Будем бороться до последней крайности, но надежд мало.
До следующего письма.

Ваш М.Арцыбашев

Автограф.

¹ Один из эпизодов этого дпящегося конфликта документируется открытым письмом руководства ЗС в редакцию «Руля» от 25 нояб. 1926, объявляющем о привлечении П.Э.Бутенко к суду за клевету на страницах «Руля» (ЗС. 1926. 27 нояб. С.4).

12.II.27 г.

Дорогой Александр Валентинович,

Живу по-прежнему. Оправиться окончательно никак не могу. Заедает сердце. Мокрая тряпка, а не сердце. Однако умирать еще не собираюсь¹.

Лично мне стало хуже в материальном смысле. Прекратился один постоянный заработок, в Чехии, где все это время выходили выпусками мои сочинения. Теперь там все уже перепечатано, и мой месячный бюджет сокращается на 1/3. Но что же делать! Буду по одежке протягивать ножки.

Что касается газеты, то кое-как крутимся. Дело это такое, что живет изо дня в день. Оно бы и ничего, если бы это не нервировало, не отнимало внимания и времени. А то мне каждый день приходится часа по 3 тратить на «изыскание способов», а сил у меня так мало, что просидев 2-3 часа на заседании Правления, я могу уже только читать Дюма и Майн-Рида. На что-нибудь более существенное уже не гожусь.

«Борьба за Россию» — это мой крест! Зовут, и чувствую, что нужно что-нибудь написать (Вам тоже!), хотя бы для того, чтобы в Россию проникли трезвые слова. Но как посмотрю на всю эту сверхинтеллигентщину, так моментально все мои таланты куда-то испаряются, и я чувствую, что слова сказать не могу. Прямо гипнотизируют они меня!²

Завтра высылаю Вам 20 долларов. Это, ей-Богу, самое остроумное, что я могу сказать!

Тоска и апатия напали страшные.

Всего Вам доброго

Ваш М. Арцыбашев

Хороша была Ваша «Записная книжка» о сов[етских] поэтах. Вот бы нам побольше в таком роде³. Публика любит злое и резкое, на повествовательное ее не тянет.

Автограф.

¹ Именно этот день (12 февр.) стал последним рабочим днем Арцыбашева. На следующий — он «почувствовал себя дурно, сидя дома за столом», 23 февр. был перевезен в больницу; с 25-го бюллетени о его здоровье появляются в ЗС ежедневно. 3 марта, проведя двое суток без сознания, он скончался. Атеизм писателя, составлявший глубинную основу его пессимистического мирозерцания, остался неколебим: умирая в мучениях, он категорически отказался принять священника. См. мемуар Е. Шевченко: У могилы // ЗС. 1927. 13 марта. С. 5.

² «Борьба за Россию» — еженедельный журнал, издававшийся в Париже с 27 нояб. 1926 по 7 нояб. 1931 (вышло 239 номеров). Во главе стояли: В.Л.Бурцев (вышел из редакции в 1928), А.В.Карташев, С.П.Мельгунов, Т.И.Полнер, П.Я.Рысс и М.М.Федоров. Политической платформой журнала было «активное непредрешенчество»: ставка на насильственное свержение большевиков на основе тактического союза умеренных монархистов, либералов и правых социалистов. Недовольство Арцыбашева было вызвано программным отказом журнала от союза с крайне правыми: «Всякая власть лучше большевицкой /.../ будь то власть "Бонапарта", монарха, будь то даже власть пресловутого Маркова II» (МАЗП: CVIII: Всякая власть // ЗС. 1927. 6 янв. С.2-3). Уже после смерти писателя с 1 авг. 1927 было заключено соглашение, действовавшее до прекращения выхода журнала, о бесплатной его доставке подписчикам ЗС.

³ Имеется в виду: Амфитеатров А. Записная книжка // ЗС. 1927. 6 февр. С.5. Посвящена была, в основном, издательскому комментированию произведений Д.Петровского и Вл.Заводчикова.

***

На смерть своего заочного друга Амфитеатров откликнулся телеграммой в редакцию: «Нет слов выразить горе. Поклянемся продолжать героическую борьбу» (ЗС. 1927. 8 марта. С.1); очередной «Записной книжкой» (Там же. 29 марта. С.2) и статьей «Арцыбашев и Герцен» (Там же. 7 мая. С.2).

34. Коверда — Амфитеатрову

Родной Александр Валентинович!

От всего сердца спешу Вас поблагодарить за Ваше сердечное письмо ко мне¹.

Рамки обстановки не позволяют мне написать Вам так, как хотелось бы.

Ограничусь поэтому здесь глубокой моей благодарностью.

В судьбе моей приняли большое участие Елена Ивановна Арцыбашева², благодаря которой мне не приходится в чем-либо нуждаться: которая так заботится, что мне прямо совестно. Сестре моей в Вильно дали мое место³, так что и дома мои обеспечены. В тюрьме ко мне относятся очень хорошо, поэтому не чувствую себя особенно тяжело в обстановке здешнего режима.

Еще раз горячее спасибо за сердечное ко мне участие.

Глубоко уважающий Вас

Борис Коверда
След[ственная] Тюрьма
Варшава
18 июля 1927 г.

Автограф. Новая орфография. На Л.2 — штамп тюремной цензуры с датой «19.7.1927».

¹ Во время полуторамесячного пребывания в Варшавской следственной тюрьме после суда Коверда получил массу приветственных писем и телеграмм от русских эмигрантов из разных стран. Однако польская печать и прежде всего ЗС опасались высказать явное сочувствие террористу, осужденному судом страны пребывания. Большинство материалов о Коверде в ЗС носило информационно-справочный характер. См.: Борис Коверда // 1927. 9 июня. С.1; Л.С. Борис Коверда и его семья // 14 июня. С.3; К судьбе Коверды // 27 июля. С.1; Судьба Коверды // 29 июля. С.2. Единственная апологетическая статья пришла из Парижа: Хирьяков А. Варшавский узник // ЗС. 1927. 29 июня. С.3.

² Вдова писателя *Е.И.Арцыбашева* продолжала опекать Коверду с момента его ареста и до своего отъезда из Польши в 1931. По-видимому, занималась этим вместе с другими варшавскими «активистами». 5 ноября 1927 она писала Амфитеатрову:

Не дождавшись от Вас ответа, передала дело Д[митрию] В[ладимировичу] и В.И.Семенову. Семенов, хотя и «квадратный дурак», как говорил о нем Михаил Петрович, но в этом деле, я думаю, он будет полезен, ибо у него огромные связи, а также есть и деньги; но с ним надо быть осторожным, он из желания щегольнуть «делом» может проболтаться. Когда мальчики Мих[аила] Петр[овича] убили Войкова, то Семенов везде говорил, что это их работа, т.е. монархистов; на этом же основании просил у великого князя Н[иколая] Н[иколаевича] субсидию для дальнейших работ. Узнав об этом, я сейчас же написала д-ру Ладыжникову, рассказала, как обстоит дело, а тот, видимо, написал в Париж, и субсидия г-ну Семенову не прошла.

В дальнейшем до освобождения Коверду навещал С.Л.Войцеховский.

³ Младшая сестра Б.С.Коверды — Ирина Софроновна — работала вместе с ним в виленском «Белорусском слове» экспедитором, после его ареста получила должность корректора, которую ранее занимал брат.

35. Философов — Амфитеатрову

Warszawa, 24 октября 1928 г.

Многоуважаемый Александр Валентинович,

Я перед Вами неоплатный должник во всех отношениях, и сейчас пишу Вам только для того, чтобы поблагодарить Вас за Ваши статьи и просить Вас не гневаться. Дело в том, что мне надо Вам написать послание в сто страниц, чтобы изложить положение вещей здесь вообще и положение, создавшееся вокруг нашей газеты. Сделаю я это в ближайшие дни. Сейчас только скажу, что дело с Бр[атством] Русск[ой] Пр[авды] запутано донельзя¹. При Вашем

опыте читать между строк Вы, вероятно, поняли значение, с внешней стороны очень странной, корреспонденции, помещенной в польском «Курьере Поранном» и дословно перепечатанной у нас в номере от 16-го октября². Обратите также внимание на заметку в том же номере «Современные Картинки». Обо всем этом будет Вам подробный доклад, хотя я не особенно люблю почту.

Вместе с грядущим письмом, вероятно, вышлю Вам нечто более существенное, а то мы истощаем Ваше терпение и все больше жомини да жомини, а о водке ни полслова.

Вкратце скажу Вам, что положение в общем тяжелое, и не столько даже в материальном смысле, сколько в политическом. Потакать господам Серебренниковым это значит отказываться от борьбы с ультрафиолетовыми. Борьба же с ними не только надоела, но дошла уже почти до рукопашной. Вы, конечно, понимаете, что за Серебренниковым стоят Португалов и Вельмин, который ездил в Белград со специальной целью вести против меня кампанию³. Я рад, что не поехал. С одной стороны, не хотелось там состязаться с Вельминым, а с другой стороны — я был бы в фальшивом положении по отношению к Мережковским. Относительно них могу Вам сказать одно — я их лучше знаю, чем Вы, и знаю, что они всегда были такими, при всех обстоятельствах, на обедах покойной «Речи», на собраниях в Вольно-Экон[омическом] О[б]ществе, в редакции «Русской Мысли», в религ[иозно]-философском собрании и т.д. Поэтому многочисленные на них нарекания в сущности неосновательны. Их надо брать такими, какие они есть. Карикатурой на них, и очень удачной, можно считать неисправимого Константина Дмитриевича Бальмонта.

У меня впечатление такое, что русская печать за границей переживает кризис. Не думаю, чтобы «Руль» процветал, «Возрождение» как-то не сумело использовать своих возможностей, «Новое Время», насколько я знаю, дышит на ладан⁴, и боюсь, что и «Сегодня» раньше или позже начнет переживать кризис, несмотря на всю выгоду своей конъюнктуры. Пожелания Лиги Наций как будто исполняются, и русская эмиграция в своей толще денационализируется, а резко антибольшевицкие газеты ей надоели. В частности, наш читатель интересуется гораздо больше польской жизнью вообще, а затем местными делами русскими, церковью, меньшинствами и т.д. Если бы мы довели эмигрантщину до минимума, стали бы более желтыми и писали статьи о «нашем» правительстве, имея в виду правительство польское, мы бы имели куда более успеха. Но для такой «реформы» нужны большие оборотные средства, во-первых (которых нет), и второе — «перелом религии» в Вашем покорном слуге. Но этот Ваш слуга слыш-

ком стар, чтобы менять свои убеждения. Я готов идти на многие компромиссы, готов примириться с желтизной, но от ненависти к большевикам и от борьбы не только с соглашателями, но и с ультрафиолетовыми отказаться не могу. Впрочем, об этом подробнее в следующем письме.

Теперь к Вам маленькая просьба. Знаете ли Вы Грегуара Алексинского и знаете ли Вы, что он теперь делает? У меня имеются сведения, что он часто бывает в Румынии. По разным обстоятельствам мне важно собрать о нем некоторые сведения. С такой же просьбой я обратился к Влад[имиру] Льв[овичу] Бурцеву. Какой-то журнал он издает в Париже. Не откажите написать все, что знаете. Но лучше не на редакцию, а по адресу /.../⁵

Машинопись. На бланке газ. «За свободу!». Подпись-автограф.

¹ О *Братстве Русской Правды* см. в прим.3 к письму 23 в публикации переписки Амфитеатрова с Вяч.Ивановым в наст. разделе.

² Имеется в виду: Почему высланы русские эмигранты?: Сенсационные разоблачения об интригах немцев и русских монархистов в контакте с агентами ГПУ // ЗС. 1928. 16 окт. С.1.

³ Имеется в виду проходивший 25 сент. — 1 окт. в Белграде под председательством Вас.И.Немировича-Данченко Первый зарубежный съезд русских писателей и журналистов. Здесь был образован Зарубежный союз русских писателей и журналистов, председателем которого избрали А.А.Яблоновского, а председателем Правления — Ф.В.Тарановского. Пребывание Мережковских на этом съезде колоритно описано корреспондентом Амфитеатрова, сотрудником «Нового времени» Н.З.Рыбинским в письме от 2 октября 1928:

Пятном съезда была чета Мережковских. Большой фанатерии и фанфаронства трудно представить. Сакья-Муни и все остальные — черви! Всюду эта чета опаздывала не менее, чем на 3/4 часа. Снобизм, которому позавидовали бы в Царевкокшайске. Приезжали, когда начинались речи. Оратора прерывали, и все внимание устремлялось на эту чету. Уезжали, как высочайшие особы, до конца банкета. А банкеты были каждый день. На прием к королю просили всех явиться в черном, так Мережковский пришел в рыжем пиджаке. А через час приехал в театр в прекрасном смокинге.

⁴ О положении белградского «Нового времени» см. публ. С.В.Шумихина: Новое литературное обозрение. 1995. №15. С.194-198. Ср. также в письме к Амфитеатрову Н.З.Рыбинского от 12 окт. 1930 (незадолго до окончательного закрытия газеты):

Причины гибели газеты? Их много. 1. Дряхлость Мих[аила] Ал[ексеевича] Суворина — человек пальцем о палец не ударил, чтобы похлопотать, все ждал, что будет, как в Петербурге

— придет в приемную Пашич [югославский премьер. — Публ.] и будет ждать приема. 2. Отсутствие национальной России и ослабление у сербов памяти о прошлом. 3. Официальный курс на Югославию, когда прошлое Сербии затушевывается. 4. Появление «Возрождения»: при одинаковой цене — возможность читать большую газету с именами. 5. Резкий курс «Нов[ого] Вр[е-мени] на белое движение. В этом повинен В.Х.Даватц, и за это черная сотня честит его «жидо-масоном». Благодаря В.Х.Даватцу газета утратила свой специфический черносотенный тон и временами бывала вполне приличной, но это охлаждало к ней и раздражало правых. Доходило до того, что Скражинский (председ[атель] мест[ного] монарх[ического] объед[инения]) рассылал циркуляры с призывом к бойкоту газеты.

⁵ Конец письма дефектен: утрачено не более двух строк.

36. Турчинович — Амфитеатрову

Варшава, 16/VII 1932

Глубокоуважаемый Александр Валентинович,

Не писала я Вам все время потому, что не было денег на марку. Сейчас я превратилась в нищую и даже хуже. И все это благодаря Философому. Но расскажу все по порядку. Когда «За Св[ободу]!» умирала, то Философов — и все его подхалимы — держали от меня в тайне основание новой газеты¹, т.е. где, какой, кто будет работать в ней. На последних двух редак[ционных] совещаниях Философов говорил, что будет с каждым из прежних членов редакции договариваться о работе в новой газете отдельно, индивидуально. Со мной не «договаривался». На все мои попытки добиться «беседы» с ним — откладывал со дня на день. Тогда я без предупреждения пошла к нему на квартиру, и он мне, глядя змеиными стеклянными глазами, заявил, что у него для меня «работы и заработка нет». По настоянию некоторых сотрудников вскоре мне поручили вести отдел скачек при условии, чтобы число строк не превышало гонорара в 30 зл[отых] в месяц. Иными словами, Философов выбросил меня на улицу. Это — после 8 с половиной лет работы в «За Св[ободу]!», где последние 5 лет я была, как Вы знаете, секретарем редакции. А после кончины незабвенного Михаила Петровича я была такой идиоткой, что работала в качестве секретаря и помощника редактора в течение 10 месяцев с полдевятого утра до 9—полдесятого вечера без перерыва, не выходя из редакции и питаюсь тут же за своим столом молоком, яйцами и огурцами. Все это уже Философовым забыто, и я наказана за свою доверчивость и веру в его честность. Вечно он мне говорил, что я

могу быть спокойна, что всегда буду иметь свой заработок, даже если газеты у него не будет, в качестве его секретаря. Но все дело в том, что я не оправдала его ожиданий: 1) не пожелала быть его лазутчиком; 2) имела дерзость иметь свои суждения и 3) суждения эти высказывала и ему в глаза, и на заседаниях пайщиков и редакционных, указывая на недостатки ведения дела и не восхищаясь его начинаниями. Возненавидел он меня окончательно, когда я не вошла членом в его Российский Обществ[енный] Комитет², который ничего не делает, кроме саморекламирования. К тому же его очень против меня настраивала жена старика Хирьякова³, с которой Философов вечно кутит по ресторанам, чем вся Варшава давно возмущается. Словом, я оказалась не «своим, преданным» человеком, а потому — меня на улицу, несмотря на мою хорошую работу. Окружил он себя теперь только подхалимами, лижущими ему пятки и, как попугаи, повторяющими его слова и мнения. Отвратительнее же всего вот что: в марте 1931 г. заведыв[ающий] конторой Свитич, в то время «преданный» Философову, а ныне его заклятый враг, на заседании пайщиков потребовал постановить, чтобы мы, пайщики, официально получали только по 100 зл[отых] жалования, а остальное выплачивалось бы неофициально, как гонорар. Это для того, чтобы гораздо меньше платить за нас всяких отчислений в фонд безработных, больн[ичную] кассу, работников умственного труда и пр. Я тогда же на заседании заявила, что не согласна, ибо в случае потери места буду получать пособие для безработных не с моего жалования (300 зл[отых]), а только со 100 зл[отых]. Философов разозлился, чтобы я «не лезла с глупостями», так как мое жалование всегда буду получать независимо от того, будет ли газета или нет. Тогда я согласилась. А теперь — я умираю от истощения, получая пособие для безработных 30 зл[отых] в месяц от 95 зл[отых], а не 100 зл[отых] от 305 зл[отых]. Философова же поддержка и все его лживые обещания выразились в том, что он дает мне — после того, как я ему устроила скандал, напомнив его же слова, — апрель, май и июнь по сорок (!) зл[отых] в месяц, а в июле дал 20 зл[отых] и попытался не дать ничего, крича: «что же я всю жизнь тебя содержать (!!)

обязан». Словом, оказался подлецом; каких мало и каким его давно считали и Вы, и все в Париже. А я-то, глупая, за него заступалась всегда! Смерть Евгения Сергеевича⁴ всецело на совести Философова: он его почти отстранил от новой газеты, Евгений Сергеевич голодал очень и не вынес этого всего. Его друзья уверены, что он отравился, но вследствие чьего-то влияния вскрытие тела произведено не было, хотя брат Евгения Сергеевича настаивал на вскрытии. Я исхудала так, что меня не узнают на улице. При моем росте

в 154 см., нормальный вес 54 кгр., а во мне сейчас 40 с половиной клгр., т.е. вес десятилетней девочки. Иду по улице и шатаюсь. Муж безработный, пособия не получает никакого. Иногда случайно заработает 2-3 злотых поденной работой. И все это после 8 с половиной лет работы в газете, основанной моим братом Борисом, который пригласил одним из редакторов Философова. Да и все положение Философова здесь создано только благодаря Савинковской организации, благодаря связям Бориса. Это уж потом только Фил[ософов] сам упрочил свое положение, а устроился он здесь только благодаря Борису.

Вполне понятно мне теперь, почему у него всюду кругом враги, а около него только осталось несколько человек верных латучиков.

Я вынуждена была до сих пор сотрудничать в паршивой «Молве» (философовской, вместо «За Св[ободу]!»), пока не будет закончена «ликвидация» «За Св[ободу]!», т.к. «За Св[ободу]!» должна мне жалование за 3 с половиной месяца, т.е. 800 зл[отых] и гонорар 238 зл[отых] (но в тайне от этого мерзавца сотрудничаю в «Нашем Времени»⁵. К сожалению, голод приводит к тому, что я не в силах писать политические статьи часто и подрабатываю тоже лишь 30 зл[отых] в месяц, не больше). Питаемся: на мужа, меня и «Азу» полклгр. черн[ого] хлеба в день, 1 кгр. картошки, 3 огурца и 2 яйца плюс молоко. Это все. Бывает, что по 2 дня нет ни куска хлеба, только молоко, которое получаю в кредит. Если Вы переписываетесь с Бурцевым, расскажите ему обо мне⁶, у меня нет денег на марку. Вера Конст[антиновна] любезно предложила мне вложить письмо в ее письмо и поэтому я могу Вам написать. Сейчас я получила временную на полтора месяца работу в польском спортивном издании (на время Лодзинских скачек), но деньги получу после окончания сезона 15 августа. Но не знаю, достигну ли до того времени, т.к. сил совсем не осталось. (По всем этим причинам не могла бы взяться за распространение Вашей книги⁷: не в состоянии ни ходить, ни писать людям.) Но если Вера Конст[антиновна] даст мне прочесть новое издание «Стены», то я напишу о ней большой фельетон в «Нашем Времени». Я уже говорила об этом с редактором, и они будут очень рады. Напишу, как только получу книгу. Подписываюсь в «Наш[ем] Времени»: С.Ш-ль (Шевиль был мамин псевдоним⁸ для ее пьес, шедших и в Александринке и в театре Суворина). Интересно бы мне знать, знает ли Мечислав Рудольфович⁹ о поступке Философова со мной и о «поддержке» в... 40 зл[отых]? Наверное, Философов ему лжет и не указывает суммы. Написала бы Вам еще, но нет больше бумаги. Это — остатки от «За Свободу!» Была бы очень рада получить

от Вас несколько слов. Я стараюсь не падать духом, но так бесконечно тяжело живется и так больно разочаровываться в людях.

Крепко жму Вашу руку. Всего светлого!

Ваша С. Турчинович

Автограф.

¹ Последний (3748-й) номер ЗС вышел 3 апр. 1932. На С.2 была «Прощальная статья» Философова, а шапка номера (С.1) сообщала о начале выхода с 6 апр. «большой ежедневной иллюстрированной газеты "Молва"».

² Русский (а не *Российский*) *общественный комитет* в Польше (далее РОК) был создан в 1930 в противовес РПК, возглавлявшемуся П.Э.Бутенко и включавшему в основном членов РДО. Философов был наряду с В.В.Брандом, ген. П.Н.Симанским и А.М.Хирьяковым лишь членом РОК. Бессменным председателем РОК вплоть до его закрытия в окт. 1939 был близкий друг Философова — Николай Георгиевич Буланов.

³ Имеется в виду: Александр Модестович *Хирьяков* (1863-1942) — писатель-толстовец и журналист, в 1922 — член правления изд-ва «Задруга», кратковременно арестованный и после освобождения в 1923 эмигрировавший. В 1923-1928 жил в Берлине и Париже. Резко эволюционировал от непротивленчества к антибольшевистскому активизму. Участвовал в изданиях С.П.Мельгунова. С 1927 — сотрудник ЗС. В 1928 переехал в Варшаву. В 1934-1939 — член группы «Меч». Последний председатель Союза русских писателей и журналистов в Польше. См. о нем: Гомолицкий Л. А.М.Хирьяков: Пятидесятилетие литературной деятельности // Меч. 1937. 28 авг. №33. С.3. *Жена* А.М.Хирьякова — Хирьякова-Вебер Елена Сергеевна (ок. 1900 — 1939, окт.) — литературный критик. В 1927-1932 — литературный обозреватель ЗС, в 1932-1934 — член редакционного комитета газ. «Молва», в 1934-1939 — член литературной группы «Меч». Печаталась под псевд. Андрей Луганов. (Ср. полемику по поводу принадлежности этого псевдонима между Р.Д.Тименчиком и Дж.Малмстадом: Новое литературное обозрение. 1993. №4. С.159, 160; Там же. 1995. №14. С.135). Коррективы к утверждениям обоих авторов вносит следующий мемуарный текст:

Е.С.Вебер-Хирьякова и ее муж, А.М.Хирьяков, которого иногда называли «другом Льва Толстого» потому, что в молодости он, бросив службу во флоте, стал толстовцем и бывал в Ясной Поляне, приехали в Варшаву из Парижа по приглашению Философова, который рассчитывал на их помощь в редакции «За Свободу». В этом он, отчасти, просчитался — душевно и телесно бодрый, несмотря на немалый возраст, Хирьяков был литератором, но не журналистом. В Литературном Содружестве он удивлял слушателей необыкновенной памятью — мог прочитать

наизусть не только несколько лирических стихотворений, но и целую поэму. Все злободневное занимало его мало. Зато неоценимой помощницей редактора стала молодая, по сравнению с мужем, Е.С.Вебер-Хирьякова, соединившая свою девичью фамилию с фамилией супруга. Она угадывала настроение Философова, понимала вызванную скрытой причиной сложность его характера, при которой ладить с ним было не легко.

Жизнь ее оборвалась трагически. В октябре 1939 года, на третий или четвертый день германской оккупации Варшавы, она отравилась и пыталась отравить свою семилетнюю дочь — красивую, похожую на отца девочку, которую родители называли Елочкой. Сделала она это потому, что была еврейкой и понимала, чем ей и ребенку угрожает гитлеровский расизм. Девочка, однако, выжила, а после смерти отца, скончавшегося в 1942 году, ею занялись польские монахини. В католическом монастыре она благополучно дождалась конца войны.

*Войцеховский С.Л. Эпизоды.
Лондон; Канада: Заря, 1978. С.16-17.*

Ср. фантастические сведения о «Хирьяковой» в примечаниях Ж.Шерона к письмам З.Гиппиус к Амфитеатрову: Новый журнал. 1992. №187. С.301, прим.4.

⁴ См.: «Скоропостижно скончался в Варшаве б[ывший] сотрудник газеты "За Свободу!" Евгений Сергеевич Шевченко, в прошлом — судебный деятель на юге России. Покойный жил одиноко в помещении бывшей редакции ликвидированной варшавской газеты, и труп его был обнаружен более чем через сутки со дня смерти. Е.С.Шевченко умер, по-видимому, от внутреннего кровоизлияния» (Смерть русского журналиста // Возрождение. 1932. 11 июня. №2566. С.4).

⁵ «Наше время» — русская газета, издававшаяся в Вильно под ред. Ф.А.Котляревского.

⁶ Просьба С.В.Турчинович была исполнена Амфитеатовым: ее тяжелое положение и обвинения в адрес Философова стали известны в русском Париже. Ср. письма З.Гиппиус о ней Амфитеатову от 18 авг. и 2 сент. 1932:

Свойство «злыдни», особенно если она «с сумасшедшиной», — вранье, недержанье какое-то вранья, уж потом незамечаемое и крупное от мелкого неразличаемое. Просто потеря ощущения действительности. /.../ К примеру: сегодня она говорит, что Шев[ченко] по вине Ф[илософова] отравился — завтра будет говорить, что Ф[илософов] сам его отравил. Вы поручитесь, что не будет? Уж, наверно, нет, Вы для этого достаточно психолог! /.../ Вы покорно послали ее письмо — Бурцеву. Это неважно, зато вполне бессмысленно. Что, он должен исследовать, кто отравил Шевченку, что ли? Или может прислать ей тысячу франков? /.../ по сведениям, не из ф[илософов]ского лагеря идущим, а просто от студента, бывшего прежде в Содружестве, но пере-

ехавшего в Париж, у этой самой Софьи Викторовны фатальная страсть к скачкам, и когда я спросила вскользь, очень ли она прежде нуждалась, он спокойно ответил: «Да ведь у нее нужда всегда, сколько бы не было, всегда проигрывает. Это ведь не секрет, она и сама, верно, не рада».

Письма З.Гиппиус А.Амфитеатрову / Публ. Ж.Шерона // Новый журнал. 1992. №187. С.302, 304) с уточнениями по оригиналу (LL).

⁷ Речь идет о втором издании кн. Амфитеатрова «Стена Плача и Стена Нерушимая» (Брюссель, 1931).

⁸ О С.А.Савинковой см.: Мин. Т.13. По указателю.

⁹ Речь идет о М.Р.Лубковском; см. прим. к письму 1 наст. публ.

А.В.АМФИТЕАТРОВ И В.И.ИВАНОВ. ПЕРЕПИСКА

Предисловие и публикация Джона Малмстада

Вячеслав Иванов и Амфитеатров — сопоставление двух этих имен должно, на первый взгляд, показаться более чем странным. С одной стороны, изысканный «мэтр» и «башенный житель», теоретик русского символизма и один из его выдающихся поэтов, выпускавший свои произведения малыми тиражами в элитных издательствах модернистской ориентации, а с другой — невероятно плодотворный автор «романов-хроник», сатирик и фельетонист, один из представителей «массовой литературы». Его хлесткий фельетон «Господа Обмановы», публикация которого в редактируемой им газете «Россия» (13 января 1902) окончилась для него сибирской ссылкой, принес ему огромную популярность. По данным отчета библиотечной выставки за 1911, он был вторым из наиболее читаемых в провинциальных библиотеках авторов (первой была Вербицкая). Спрос на его книги превысил спрос на книги Гоголя, Достоевского, Толстого, Горького и Л.Андреева, и с 1910 по 1916 петербургское издательство «Просвещение» выпустило в серии «Современная библиотека» далеко не полное собрание его сочинений в 37 томах.

Критика, сочувственно относившаяся к «прогрессивным», по ее мнению, социальным и политическим взглядам Амфитеатрова, иногда обвиняла его в поверхностности. Говоря о многих из его работ, нужно признать, что в этих обвинениях была большая доля правды, хотя сегодня для нас стало очевидней, чем было для читателей того времени, что его манера вводить в свои произведения фигуры реальных людей, пространственные цитаты из современных ему документов, газетные объявления и т.д. предвосхитила литературную практику, ставшую широко распространенной в двадцатом столетии (Дос Пассос и Пильняк, например), и в рамках этой литературной практики Амфитеатров показал себя подлинным новатором стиля. (И здесь не может не возникнуть вопрос: читал ли его Солженицын?) Как сам Амфитеатров признавался в письме к Иванову: «Воображать — как люблю и не боюсь быть романтиком, но в *что* столь же люблю опираться на человеческий документ, да, собственно говоря, иначе и писать не умею» (29 апреля 1932).

Однако в начале века и темы его, и манера, так далеко отстоявшие от интересов и практики модернистов, вряд ли могли привлекать Иванова (из переписки ясно, что он не имел ни малейшего представления об Амфитеатрове как писателе). Если бы Амфитеатров жил в это время в России, он едва ли стал бы вхож в рафинированные литературные круги двух российских столиц. Если кто-либо из этих кругов и снисходил до того, чтобы обратить на него внимание, то по большей части это была резкая критика его произведений. Правда, Валерий Брюсов писал о «постоянной и разносторонней талантливости» Амфитеатрова¹, но общий тон скорее задавал не менее авторитетный (несмотря на «парадоксальность» и «реакционность») Василий Розанов, заявивший, что «Амфитеатров просто есть словесный, общественный и политический бум»². Амфитеатров, в свою очередь, не только выпустил целый сборник статей («Против течения», 1908), посвященных критике «декадентства», но и постоянно высмеивал «погрешности» литературной и духовной атмосферы этих кругов. Можно сказать с уверенностью, что Амфитеатров и Иванов не только вращались в разных социумах, но и существовали в каком-то смысле в разных культурах.

Тем не менее, было и что-то общее между этими столь различными писателями. Оба они происходили из духовного сословия: Амфитеатров был сыном, а Иванов правнуком священника; даже фамилии их родных указывают на это (девичья фамилия матери Иванова — Преображенская). Оба были тесно связаны с Москвой (где часто происходит действие в произведениях Амфитеатрова). Там же они получили гимназическое образование, а затем и университетское (хотя учились на разных факультетах), прежде чем жизнь наставила их на совершенно различные пути. Оба они, до 1916, провели много лет в любимой ими Италии, где в конце концов суждено было им (после событий октября 1917) жить и умереть. Там, в суровой обстановке эмиграции, они и познакомились, вдали от той страны, которую так горячо и горестно любили.

Бежав из Петрограда с семьей в августе 1921 и вскоре оказавшись в Италии, Амфитеатров сразу стал играть активную роль в литературной и политической жизни русского зарубежья. Иванов же, оставаясь верным слову, которое он дал Луначарскому в обмен на разрешение легально покинуть Советскую Россию с семьей в 1924, не принимал никакого участия в общественной жизни эмиграции (из переписки очевидно, что он едва ли и следил за нею и почти ничего не знал о литературных ее событиях); зато он принимал самое активное участие в общеевропейской культурной жизни, и в числе его друзей было много видных ее представителей. В 1920-е Иванов вообще воздерживался от каких бы то ни было публикаций в эмигрантской прессе, в то время как Амфитеатров печатал новые и перепечатывал старые свои произведения и был постоянным итальянским корреспондентом и сотрудником нескольких русских газет. Впрочем, этими заработками ему едва удавалось содержать свою большую семью³.

¹ Русская мысль. 1916. №6.

² Новое время. 1915. 11 (24) ноября. №14251.

³ См. предисловие Э.Гарэтто к настоящему разделу «Минувшего».

К началу 1930-х его материальное положение, как, впрочем, и у многих писателей эмиграции, ухудшилось, в основном из-за того, что стали закрываться одно за другим издательства и органы печати, в которых он до этого публиковался (главным образом, в Югославии и Польше), — это побудило его приступить к чтению лекций в Италии.

Весной 1931 Амфитеатров, скорее всего, побуждаемый Ф.Ф.Зелинским, его общим с Ивановым другом, обратился к Вячеславу Ивановичу за помощью. (Есть интересная деталь, свидетельствующая о степени их незнакомства друг с другом: в первом письме Амфитеатров просит у Иванова прощения на тот случай, если случайно ошибся в его отчестве.) Иванов, который в это время преподавал в Колледжио Борромео в Павии и был, кроме того, нагружен многочисленными обязательствами, тем не менее, живо откликнулся на просьбу соотечественника, понимая, наверное, до какой степени тот бедствует. Иванов прилагал все усилия, чтобы устроить своему новому знакомому чтение лекции, которая все же так и не состоялась (из-за не вполне корректного поведения павийского священника Милани, фигуры, с одной стороны, комической, а с другой — вполне жуткой, этакого «Чичикова в сутане»); вместе с тем не суждено было состояться и личному знакомству обоих писателей.

В течение шестнадцати месяцев, пока между ними велись переговоры о судьбе этой несчастной лекции (переписку можно было бы назвать «история несостоявшейся лекции»), тон писем становился все более и более теплым. Они так никогда и не перешли на «ты», но довольно быстро перешли от формального «многоуважаемый» к вполне душевному «дорогой». Суждения о русской эмигрантской литературе и всякого рода сведения о том, что в ней и с ее авторами происходит, шли в основном от Амфитеатрова, корреспонденты также обменивались книгами (которые опять-таки, главным образом, посылались Амфитеатровым). Все это способствовало тому, что Иванов все больше открывал для себя художественный мир своего собеседника. Для историков русской литературы именно в этом и состоит главная ценность этой переписки.

«Как же не знал я до сих пор о существовании столь замечательного произведения⁴? — писал Иванов Амфитеатрову 20 января 1932. — Все оттого, что в нашей литературе была кружковщина и не было критики, что она была вся загромождена какими-то бюрократическими перегородками, что повсюду торчали какие-то политически- и литературно-партийные рогаки, что каждому предоставлено было свободно циркулировать в своем отделении общей больницы для душевно больных и почти не разрешалось заглядывать в чужое». Иванов не оставил этот роман (как и другие, которые Амфитеатров посылал ему по его просьбе впоследствии) без критики их «позитивизма», но, живя в эмиграции, так сказать, «вне контекста», и не зная всего огромного массива амфитеатровской беллетристики, Иванов восхищался «мастерской прозой» произведений своего корреспондента, панорамой русской жизни, сочностью их «чистой, коренной русской речи». Он ценил начитанность Амфитеатрова и его обширные знания, особенно в области русской «живой старины» и русско-

⁴ Речь идет о романе «Жар-Цвет».

го фольклора. (Исследователям ивановской «Повести о Светомире Царевиче» придется в поисках некоторых ее источников внимательно ознакомиться с увидевшими свет при жизни Амфитеатрова частями его большого труда, задуманного под названием «Соломония Бесноватая».)

Амфитеатров, разумеется, ценил дружескую поддержку своего корреспондента и был глубоко тронут его высоким мнением о своих произведениях («Да, Вы большой и — несмотря на внешний успех и известность — неоцененный по достоинству писатель», — писал ему Иванов 25 апреля 1932), но чувствуется, что хотел большего. В итальянской глуши, вдали от культурных центров русской эмиграции (и самой Италии) живое эпистолярное общение стало для него одним из главных способов преодоления изоляции и интеллектуального одиночества. Однако диалог с Ивановым не мог получиться прежде всего по той причине, что даже в эмиграции эти писатели жили в разных мирах. Амфитеатров, несмотря на то, что его произведения были переведены на итальянский (и многие другие языки), и наличие друзей в итальянской литературной среде, а также постоянные публикации в итальянской прессе, все-таки оставался русским писателем, Иванов же к началу 1930-х если не стал знаменитостью европейской интеллектуальной жизни, то был уже достаточно широко признанным европейским литератором, интересы которого были гораздо шире сравнительно узкого эмигрантского мирка.

В 1935 Амфитеатров возобновил переписку (по-видимому, не все письма дошли до нас), рассчитывая привлечь Иванова к работе эмигрантского Пушкинского Комитета, готовившего предстоящие торжества — столетие со дня смерти Пушкина. К этому времени Иванов жил уже не в Павии, а в Риме; с получением итальянского подданства (и отказом от советского) он стал время от времени печататься в заграничной русской периодике (главным образом, в «Современных записках»). Он охотно соглашался содействовать работе комитета в Италии, хотя категорически отказался от должности председателя итальянской его «ветви».

В начале 1938 тяжело больной Амфитеатров уже был не в силах поздравить Иванова с Новым годом: от его имени поздравление послала его жена. 26 февраля того же года он умер. Иванов дожил до 1949 и умер «последним русским символистом».

***

Письма Амфитеатрова находятся в римском архиве В.И.Иванова, хранителю которого, Д.В.Иванову, приношу благодарность за предоставление мне копий. Ивановские письма находятся в огромном фонде Амфитеатрова в Lilly Library, Indiana University (США), кураторам которого я также выражаю благодарность.

Особую благодарность приношу Эльде Гарэтто, чья помощь сделала возможным саму эту публикацию. Превосходный знаток всех материалов, связанных с Амфитеатровым, она внесла очень ценные добавления и уточнения в корпус комментариев. Ей же принадлежит и перевод всех итальянских текстов.

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

Во-первых, простите, если ошибаюсь в отчестве.

Во-вторых, простите, что, не будучи лично знакомым с Вами, позволяю себе обратиться к Вам с просьбою о совете, а, может быть, если найдете для себя удобным, то и о содействии.

Мы с Вами, не зная друг друга, конечно, знакомые незнакомцы с весьма почтенной древности. Я еще едва начинал печататься, когда сестра моя Александра Валентиновна Пассек писала мне о Вас из Берлина весьма восторженные отзывы¹. А затем поэтическое и философское Ваше творчество мне, само собою разумеется, известно, хотя и далеко не полностью. Я ведь с 1902 года очень мало жил в России, а от литературных ее кругов был всегда далек².

Просьба же у меня к Вам вот какая. С литературной голодухи начал я промышлять итальянским лекторством и, кажется, это дело идет у меня сносно и не бесполезно для итальянцев, интересующихся русскою литературою и искусством. Во Флоренции я читал «L'Italia nella poesia russa classica»³ (напечатана в «Le Opere e i giorni» di Genova⁴), в Милане «Una letteratura in esilio»⁵ (также) и «I grandi tragici italiani e l'arte russa»⁶, а совсем недавно «Le vie e le sorti dell'umorismo russo»⁷ (выдержки в последнем номере Convegno, — в Convegno я и читал)⁸. Эту лекцию я повторил в Accademia Olimpica di Vicenza⁹ и завтра, 30-го марта, повторю в Lyceo di Genova. А в Padova я тоже только что читал «Goldoni e i suoi riflessi nella commedia russa»¹⁰. Всюду имел хороший успех.

Вот мне и пришло в мысли — спросить у Вас, нельзя ли мне устроить una conferenza¹¹ также и в Павии? Мне очень хвалил тамошнюю публику наш общий друг, профессор Ф.Ф.Зелинский, читавший в Павии года три тому назад¹². Если бы Вы сообщили мне, возможно ли сие к осуществлению и с кем и как по этому поводу надо иметь общение и сговор, то весьма тем обязали бы меня. Исчисленные лекции я готов читать — когда угодно. А недели через три-четыре мог бы выступить с двумя новыми: об Атлантиде по Мережковскому (в антитезе с Джузеппе Серджи) и о Наполеоне (Мережковского) и Юлии Цезаре (Silvagni)¹³. Д.С.Мережковскому эти свои выступления я обещал уже давно, но, за болезнью, а потом за разъездами, все не успевал их осуществить.

Если проект мой относительно Павии принципиально возможен, то, на всякий случай, спешу предупредить Вас, что материальные мои претензии довольно скромны. Были бы покрыты дорожные расходы и пребывание в чужом городе, да что-нибудь при-

везти бы домой. Правда, в Firenze мне заплатил Paolo Ogano тысячу лир, но это был особый праздничный случай¹⁴. Милан за лекцию и десять минут беседы по Radio заплатил мне, по совокупности, 600 лир, Падуя платит 500, Genova так же, Vicenza 350, но + возмещение дорожных расходов andata e ritorno¹⁵ от Levanto и всего vitto¹⁶, так что выходит также на 500-600. В подобных размерах хотелось бы, если состоится, быть вознагражденным и в Павии.

Я посылаю это письмо наудачу, не зная Вашего точного адреса. Если оно дойдет, уведомьте меня о том, пожалуйста, поскорее. Тогда я pošлю Вам также и некоторые газетные отчеты о моих conferenze.

18-го марта я сделал небольшой доклад в миланском «Союзе русской молодежи» об Александре II. Председатель этого Союза, ген[ерал] Константин Константинович Черный¹⁷, очень просил меня рекомендовать русских лекторов. В Милане я никого подходящего указать не мог, а очень советовал ему обратиться к Вам в Павию. Не знаю, писал ли он Вам или был ли у Вас уже? Они, хотя и очень скромно, платят. Я, так как читал проездом из Padova e Vicenza, взял с них совсем дешево.

Простите еще раз и за просьбу и за длинное письмо. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

В Genova еду завтра и завтра же возвращаюсь в Levanto.

Письмо написано на бланке: Alessandro Amfiteatrov. Levanto. Villa delle Lagore.

¹ В 1886 Иванов начал заниматься в Берлине. См.: Вахтель М. Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета // Cahiers du Monde russe. 1994. Vol. XXXV. №1/2. Janvier — Juin: Un maître de sagesse au XX-e siècle. Vjaceslav Ivanov et son temps. P.353-376. С того же года Амфитеатров стал итальянским корреспондентом и фельетонистом «Русских ведомостей» (в то время он учился оперному пению в Милане).

А.В.Амфитеатрова — жена Е.В.Пассека (1860-1912), юриста, профессора римского права и ректора Юрьевского университета, публициста. В сохранившихся ее письмах нет упоминаний об Иванове.

² Хотя Амфитеатров с весны 1907 до осени 1916 постоянно жил в Италии, он играл очень активную роль в русской литературной жизни и много печатался в русских газетах. См. его переписку с Горьким: Литературное наследство. Т.95: Горький и русская журналистика начала XX века: Незданная переписка. М., 1988. С.31-473.

³ Италия в русской классической поэзии (*итал.*).

⁴ «Труды и дни» (Генуя) (итал.).

⁵ «Литература в изгнании» (итал.).

⁶ «Великие итальянские трагики и русское искусство» (итал.).

⁷ «Пути и судьбы русского юмора» (итал.).

⁸ 16 мая белградская газета «Новое время» опубликовала отчет о лекции Амфитеатрова во Флоренции на тему «Италия в русской классической поэзии», а 9 апреля 1929 отчет «Русская эмиграция: лекции А.В. Амфитеатрова в Милане». Его большая статья в восьми частях «Литература в изгнании» (с подзаголовком «Публичная лекция в миланском Филологическом Обществе») появилась там же между 16 и 26 мая 1929. Статья была опубликована отдельной книжкой в июне 1929. См. также его статьи: Завоевание Италии русской литературой // Новое время. 1930. 12 и 13 августа; L'Italia nella poesia russa classica // Le opere e i giorni [Ежемесячный журнал]. 1930. №11. P.42-60; Una letteratura in esilio // Ibid. №6. P.46-65.

4 мая 1930 в рижской газете «Сегодня» была опубликована «Италия и Пушкин (Из публичной лекции во Флоренции на "Празднике Книжки")». Статья «Le vie e le sorti dell'umorismo russo» была напечатана в миланском журнале (Il Convegno: Rivista di letteratura e di arte. 1930. Vol.VIII. №11/12. 25 dicembre. P.445-454), а прочитана как лекция в кружке («circolo») сотрудников журнала 24 января 1931.

⁹ Олимпийская академия города Виченцы (итал.).

¹⁰ «Гольдони и его отражения в русской комедии» (итал.).

¹¹ одна лекция (итал.).

¹² О своей встрече с филологом-классиком Фаддеем Францевичем Зелинским (1859-1944) Амфитеатров писал:

В итальянской глуши, где я живу, крестьянских праздников так много, что, при желании, право, кажется, люди, если бы не опасались несколько умереть с голода, имели бы законное основание ничего не делать 365 дней в году простым и 366 в високосном. Некоторые счастливы так и поступают. Зато праздника на своей интеллигентской улице и того, что Манилов называл «именинами сердца», здесь не каждый год дождешься. Природы — хоть торговать, а людей — не видать. Ну вот, и выпал мне праздник «именин сердца». Заехал к нам в Леванто профессор Тадеуш Зелинский и пробыл три дня. /.../ Зелинский приехал из Павии, куда был приглашен по инициативе местного подеста и профессора университета, синьора Ваккари, и итальянского посланника в Польше, синьора Майони, прочитать две лекции. Одну он читал по-итальянски, другую по-французски. Темами взял: для одной, по своей специальности историка античной культуры, — «Развитие морали от Гомера до Христа», для другой —

«Польский крестьянин в литературе». Эта вторая лекция — извлечение из читанной им ранее в Оксфорде на английском языке, а в Германии и Голландии на немецком. /.../ Прием профессору в Павии был торжественный и радушный, а успех лекций превзошел ожидания самого лектора. Он был изумлен умением живой и бойкой итальянской молодежи слушать долгую серьезную речь с вниманием, которое нельзя назвать иначе, как благоговейным. Вообще, два-три дня, проведенные им в павийском Колледжо (студенческом общежитии), Зелинский причисляет к приятнейшим в своем ученом скитальчестве.

Амфитеатров А. Записная книжка // За свободу! 1927. 3 апреля. №77.

¹³ Имеются в виду «Тайна Запада: Атлантида — Европа» Мережковского (Ч.1-2. Белград, 1930 — Русская библиотека. №26 и 27) и многочисленные работы *Giuseppe Sergi* (1841-1936) по антропологии и палеонтологии, в том числе и его знаменитая книга «Europa: L'origine dei popoli europei e loro relazioni coi popoli d'Africa, d'Asia e d'Oceania» (Milano: Fratelli Boccia, 1908), а также «Наполеон» Мережковского (Белград, 1929 — Русская библиотека. №1 и 2) и «*Giulio Cesare*» Umberto Silvagni (1862-?) (Togino: Fratelli Boccia, 1930). Последний также является автором двухтомной биографии «*Napoleone Bonaparte e i suoi tempi*» (Roma, 1894-1895). Статья Амфитеатрова «Существовала ли Атлантида?» появилась 14 декабря 1930 в газ. «Сегодня», а «Возрождение атлантов» — там же, 2 мая 1931.

¹⁴ *Orano Paolo* (1875-1945) — критик, журналист, видный идеолог итальянского фашизма, автор нескольких книг о Муссолини. Был назначен директором Итальянского института по делам культуры в Париже, а в 1939 был избран сенатором. Умер в концлагере близ Салерно.

¹⁵ туда и обратно (*итал.*).

¹⁶ питание (*итал.*).

¹⁷ *К.К. Черный* — председатель основанной в 1925 «Русской колонии» в Милане.

2. Иванов — Амфитеатрову

2 апреля 1931

Большую радостью было для меня получить письмо от Вас, глубокоуважаемый Александр Валентинович, и иметь с Вами наконец, хоть на старости лет, какие ни на есть непосредственные личные сношения, — тем более, что на душе у меня лежало сказать Вам, как глубоко был я тронут Вашими — года два, должно быть, тому назад, — авторитетно произнесенными в эмигрантской печати теплыми словами обо мне, в защиту моего доброго имени от каких-то фантастических нареканий, или попросту сплетен¹: давно поэтому сам я собирался писать Вам, чтобы выразить

мои чувства и глубокого уважения к Вам как писателю и моей сердечной признательности.

Что касается практического вопроса, о котором Вы пишете, я должен, к огорчению моему, поставить Вас в известность о том, что с 1928 г. окончательно прекратились циклы лекций, которые наш университетский Collegio (самостоятельный *ente*², основанный в 1580 г. и имеющий целью поддерживать лучших студентов университета)³ вместе с *Consortio dell'università di Pavia*⁴ устраивал для приезжих лекторов: участвовали в этих циклах, между прочим, французский ученый, наш общий друг Фаддей Францевич, флорентийский историк проф. Николай Петрович Оттокар — и сам я читал целый курс из пяти лекций о «русской религиозной мысли»⁵. Теперь такие лекции отменены окончательно; и лучшим доказательством этому служит тот факт, что Ф.Ф.Зелинский, к прошлогоднему юбилею которого наш университет послал торжественную латинскую грамоту⁶, при своем посещении Павии год тому назад (после лекции о Вергилии, которую он читал в миланском *Università Cattolica*⁷) не был приглашен рассказать и нам что-нибудь о Вергилии, хотя отпраздновать *l'anno Virgiliano*⁸ была нужда, и метра здесь высоко почитают и ценят⁹. — Остается позондировать почву в некоторых культурных обществах, устраивающих здесь иногда публичные чтения, и я принял к тому все надлежащие меры при помощи нашего ректора (т.е. ректора нашего *Almo Collegio* имени *S. Carlo Borromeo*), моего доброго друга (*canonico prof.*¹⁰ *Rinaldo Nascimbene*)¹¹. Если нам удастся чего-нибудь достигнуть, это будет для меня радостью, о коей немедленно Вас уведомяю. — Генерал К.К.Черный писал мне из Милана о лекциях, но, к сожалению, это для меня решительно невозможно. *Collegio* и университет берут все мое время, остаток которого употребляю на сотрудничество в иностранных журналах. — Горячо, хотя и все еще заочно, жму Вашу руку и прошу Вас верить в мою безграничную душевную преданность.

Вячеслав + Иванов
(+ Иванович, совершенно точно)

Письмо на бланке с гербом (корона над латинским словом *Humilitas*)
Almo Collegio Borromeo. Pavia.

¹ В своем фельетоне о встрече с Ф.Ф.Зелинским в 1927 Амфитеатров писал:

Любопытно, что в павийском колледже Зелинский встретил, на должности воспитателя, своего старого друга и весьма знаменитого русского интеллигента — поэта Вячеслава Иванова. Он

перешел в католическое вероисповедание, что и позволяет ему занимать служебный пост в интернате клерикального строя. [Строй в Колледжо Борромео не был «клерикальным», и переход В.Иванова в католичество не имел никакого отношения к его приглашению в Колледжо. — *Дж.М.*] Кстати, пользуясь этим случаем, чтобы опровергнуть ходившие в эмиграции слухи, будто Вячеслав Иванов, подобно В.Брюсову, Андрею Белому, С.Городецкому и т.д. «съякшался» с большевиками. Диффамация эта весьма огорчает поэта. А между тем он терпит напраслину только за то, что он выехал и семью вывез из СССР не в порядке бегства, а по паспорту, который ему с трудом выхлопотал Луначарский.

Подобным мнимым «якшанием» грешны сейчас многие тысячи зарубежных и, хотя лестного в советском документе, конечно, ничего нет, но и ставить его человеку в обличительную вину без проверки причин — взыскательность уж чересчур суровая и несправедливая. Гораздо важнее того, *как выехал* эмигрант из СССР, то, *как повел он себя* в эмиграции. Арцыбашев не бежал, а тоже выехал «легально», да испортил большевикам и дела, и крови больше всех беглецов. Субъекты вроде А.Толстого, Дроздова, Эрвина Гримма и пр. «сменовеховцев», либо типов, как Неандер, Слащев и легион им подобных предателей, «бежали». Да что в том толка, если они вспять возвратились, Антихристу поклонились и ему раболепно служат? Что касается Вячеслава Иванова, то уже одно углубление в католицизм противопоставляется подозрению в соглашении с большевизмом. Разве может ладить с врагом Христовым искренний католик? А Вячеслав Иванов, как поэт и философ, всегда был — весь — искренностью.

За свободу! 1927. 3 апреля.

Иванов внес эту выдержку из статьи Амфитеатрова в письмо из Павии от 27 апреля 1927 к своей дочери Лидии, сопроводив следующим комментарием: «Побуждением к этим излияниям [т.е. к присылке приведенного текста и прочих материалов, полученных Ивановым от Сергея Юлиановича Кулаковского. — *Дж.М.*] было желание Зелинского, чтобы мне была переслана статья Амфитеатрова, выдержки из которой прилагаю. О степени его *indiscrétion* судите сами». Письмо находится в римском архиве В.Иванова.

² учреждение (*итал.*).

³ См. письмо В.Иванова С.Л.Франку от 3 июня 1947: «Более терпимою к моему советскому подданству, несмотря на фашизм профессуры, явилась Павия, где я получил место проф. новых языков и литературы в университетском Колледжио Борромео, старинном, роскошном и даровом общежитии для наиболее успешных студентов всех факультетов, и вместе лекторство русского языка в Университете» (Мосты. 1963. №10. С.364). Иванов был приглашен в Павию осенью 1926. См.: Иванова Л.В. Воспоминания: Книга об отце. М., 1992. С.163-166.

⁴ Сообщество Павийского университета (*итал.*).

⁵ См.: Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.171-172. *Оттокар Николай Петрович* (1884-1957) — историк, специалист по итальянскому Средневековью, ученик И.М.Гревса. В описываемое время — профессор Флорентийского университета.

⁶ После первых павийских «гастролей» (по выражению Зелинского в письме В.Иванову из Варшавы 5 января 1927), Зелинский был частым гостем в Collegio Voggotheo. В элегантно напечатанной латинской грамоте, обращенной к ректору и Сенату Варшавского университета, где Зелинский преподавал, Павийский университет шлет Зелинскому свои поздравления по поводу пятидесятилетия научной деятельности. В послании упомянуто, что юбиляр был в Павии «*hospes gratissimus*» («дорогим гостем»). Документ датирован: a.d. XIV Kal. Jun. MCMXXX. Один экземпляр хранится в римском архиве В.Иванова.

⁷ Католический университет (*итал.*).

⁸ [юбилейный] год Вергилия (*итал.*).

⁹ В связи с юбилеем Вергилия В.Иванов написал по-немецки статью «*Vergils Historiosophie*», которая была напечатана в шестом выпуске знаменитого швейцарского журнала «Корона» («*Corona*») за май 1931.

¹⁰ каноник профессор (*итал.*).

¹¹ *Нашимбене Ринальдо* (1883-1958) — епископ, ректор Collegio Voggotheo с 1928 по 1939.

3. Амфитеатров — Иванову

Levanto. 1931.XI.7

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

простите, что беспокою Вас просьбою, исполнением которой Вы меня весьма обязали бы. Для одной работы, меня в настоящее время занимающей, мне очень нужна *Legenda aurea*. Не могли бы Вы снабдить меня каким-либо ее изданием латинским, итальянским или французским¹? Я, к сожалению, не знаком с ее библиографией и не знаю, где ее искать. Впрочем, если бы и нашел, то толка мало, ибо приобрести, по плачевности нынешних моих дел, не в состоянии. Вот и надумал я обратиться к Вам, рассчитывая, что *Legenda aurea*, наверное, имеется, если не в Вашей собственной библиотеке, то в библиотеке Вашей коллегии, и, может быть, Вы можете ссудить меня ею на некоторый срок. Я книг не зачитываю, отношусь к ним бережно, отметок на полях не делаю и, бу-

дучи не курящим, не пропитываю их табачным дымом. Если Вы можете так или иначе исполнить мою просьбу, пришлите мне книгу наложным платежом (она, поди, тяжелая?). Продержать ее я хотел бы до Рождества, а к Новому году возвращу в порядке. Если нельзя, то не будете ли Вы так добры указать мне, какие имеются позднейшие обработки Зол[отой] Лег[енды] и где бы можно было ими раздобыться. Заранее благодарю Вас, желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

Почтовая открытка. Почтовые штемпели: Levanto и Pavia: 7.11.31. Адрес: Reverendo P. Venceslao Ivanov. Almo Collegio Borgomeo. Pavia.

¹ «Золотая легенда» — сводный сборник житий святых, составленный около 1260 итальянским священником (позднее архиепископ Генуи, канонизированный как святой) Якопо да Вараджине (Iacobus de Varagine; 1228/29-1298). Она была переведена с латинского на все западноевропейские языки и неоднократно переиздавалась в многочисленных версиях и перделках. В позднем Средневековье только Библия пользовалась ббльшей популярностью в Европе.

4. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1931.XI.19

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

Сердечно благодарю Вас за любезный присыл. Простите, что не сразу уведомил Вас о получении. Причина та, что, как получил, так и зачитался. Как эта «Legenda Augea» хороша, — Господи ты Боже мой, как хороша! Такое море, что, как окунешься в него, так и выйти не пускает.

Собираюсь вскоре читать в Милане лекцию. Если состоится, хочу воспользоваться случаем — буде позволите, побывать у Вас в Павии, повидать Вас и Certosa¹.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] А[мфитеатро]в

Посылаю Вам — «в знак чувств» — две мои книжки, к[ото]рые, может быть, пробежите на досуге. Зелинский, Кизеветтер и Бальмонт — ничего, хвалили². Все это часть большущей моей работы некоторой, полотну Пенелопы подобной.

¹ Знаменитый картезианский монастырь (*certosa*), который считается шедевром итальянской архитектуры XV века. Он находится в восьми километрах к северу от Павии.

² Историк Александр Александрович *Кизеветтер* (1866-1933) опубликовал две рецензии на книги Амфитеатрова: «Одержимая Русь» (Сегодня. 1929. №220) и «Русская демонология (Амфитеатров, "Русский поп XVII в.")» (Там же. 1930. №54) (см. прим. 4 к письму 8). См. также некролог, написанный Амфитеатровым: «Ключевский Старший и Ключевский Младший: Памяти А.А.Кизеветтера» — Сегодня. 1933. №36.

5. Иванов — Амфитеатрову

24 ноября [1931]

Многоуважаемый Александр Валентинович,

Примите мою сердечную благодарность за полученные мною Ваши книги, до коих еще не коснулся, будучи завален неотложною работой, но которые чрезвычайно интересуют меня своим содержанием, более того — прямо нужны мне для некоторых работ. А добрые строки, Вами на них для меня начертанные, делают Ваш дар дорогим и моему сердцу. — Три тома «Золотой легенды» — не мои, и посему должен просить Вас вернуть мне их в положенный Вам срок. —

Чрезвычайно обрадовало меня Ваше обещание остановиться проездом в Милан или из Милана в Павии, — и я сейчас же постарался разузнать, нельзя ли соединить эту Вашу павийскую остановку на пути с публичною лекцией — в единственном месте, где устраиваются еще у нас публичные лекции, а именно в *Circolo di Cultura* имени *Alessandro Manzoni*¹. К моему великому удовольствию, дело, кажется, на этот раз налаживается удачно. Прибавлю между нами, что оплата расходов на проезд, снятая ныне со счета (п[отому] ч[то] Вы остановились на пути в Милан или из Милана), облегчает для небогатого ресурсами *Circolo* дело устройства Вашей лекции, которая, впрочем, разумеется, будет гонорарно оплачена. Итак, мне поручено в спешном порядке спросить у Вас, когда Вы желаете читать лекцию (дни предпочтительные для *Circolo* суть воскресенье и четверг, но это не есть условие абсолютное), п[отому] ч[то] объявление о предстоящих лекциях уже *печатается*, и на какие *темы* Вы ныне располагаете говорить. Если Вы дадите не одну тему, а две, три или больше, выбор будет сделан здесь сейчас же, и таково будет и оповещение, и Вы будете немедленно о том осведомлены. Прежде же всего, необходимо знать, *когда* Вы едете в Милан и когда остановитесь в Павии. Если же о том *определенно* Вы еще ничего не знаете, то имейте в виду, что январь наиболее удобный месяц для *Circolo*. Но и в *декабре* можно передвинуть ту или другую лекцию, чтобы заменить ее Вашей или вдвинуть в серию и Вашу лекцию. Итак, прошу *спешно*²

ответить мне на поставленные вопросы для осведомления каноника Monsignor Milani, стоящего во главе Circolo. È un circolo femminile cattolico³, но на лекцию вход свободен для всех, и посещает их «un pubblico scelto»⁴. С глубоким уважением душевно преданный Вам

Вячеслав Иванов

Письмо на бланке Collegio Vogromeo.

¹ Кружок культуры (*итал.*). Мандзони Алессандро (1785-1873) — классик итальянской литературы.

² Трижды подчеркнуто.

³ Это католический женский кружок (*итал.*).

⁴ избранная публика (*итал.*).

6. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1931.XI.26

Дорогой Вячеслав Иванович,

Спасибо за милое письмо и приглашение. Январь и для меня месяц наиудобнейший, тем более, что из Милана я еще не имею ответа о точном сроке. Притом, раз Istituto оплачивает публичные лекции более или менее прилично, то не составит для меня труда и нарочно приехать в Павию, не заботясь о совпадении с Миланом: мне ведь, лишь бы не изущербить скудных домашних ресурсов, а разбогатеть от Павии до состояния Ротшильдов (впрочем, они, кажется, ныне просвистались) я не мечтаю. Так что выбирайте в январе любое воскресенье или любой четверг, как удобнее, — лучше, впрочем, на средние числа. Если читать надо в декабре, то я могу дать только «L'Italia nella poesia russa classica», если же в январе, то на выбор — эту или «S. Francesco d'Assisi e S. Sergio di Radonež»¹ — вот, еще не знаю, как лучше написать и пока ставлю чешское z. Я думаю, что это подойдет, а если нет, то напишите, прочту другое что-нибудь. В Милане-то я буду читать «Mussolini oratore»², но думаю, что для Павии эта тема не подходящая, равно как едва ли «католическим девицам» удобно слушать о феминистках прошлого столетия и о влиянии итальянских актеров на русский театр (другие мои готовые темы). О «S. Francesco и S. Sergio» я прочитал бы с особенным удовольствием, будучи величайшим поклонником обоих, причем — грешу — с

перевесом в сторону первого. Но это надо отделать, а на отделку надо время иметь. Словом, распорядитесь мною сообразно содержанию сего письма. Если же в сих днях выйдет какая-либо экстренная перемена, я извещу Вас немедленно.

Радуюсь, что доставил Вам удовольствие посылом книг. Ежели так, то посылаю Вам еще «Зарю русской женщины»³.

«Legenda Aurea» будет возвращена своевременно. Сейчас нагло обкрадываю ее для приближающихся рождественских и новогодних номеров «Сегодня» и «Иллюстр[ированной] России»⁴.

Значит, жду от Вас известий.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Еще раз спасибо.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

¹ «Св. Франциск Ассизский и св. Сергей Радонежский» (*итал.*).

² «Муссолини — оратор» (*итал.*). 22 октября 1931 статья Амфитеатрова «Муссолини на трибуне» была опубликована в газете «Сегодня».

³ Амфитеатров А. Заря русской женщины: Этюды. Белград, 1929 (Русская библиотека. №5).

⁴ Амфитеатров обращался к «Легенде» неоднократно: Рождество Христово в «Золотой легенде» // Иллюстрированная Россия. 1931. №346; Роман Пилата: по «Золотой легенде» и другим сказаниям // Сегодня. 1932. 25 апреля; Юмор святых // Там же. 1932. 2 мая; Поклонение Трех Волхвов: по «Золотой легенде» Якопо де Вараджине // Там же. 1933. 7 января.

7. Иванов — Амфитеатрову

20.I.[19]32

Дорогой Александр Валентинович,

Наше ближайшее личное знакомство начинается, увы, с того, что я невольно обнаруживаю перед Вами свои непростительные слабости и Вы прежде всего узнаете во мне великого грешника по части переписки. Мне стыдно, что давным-давно не принес Вам своей прочувствованной благодарности за Ваш новый и доставивший мне столько живой художественной радости подарок — за «Fior[e] di Fuoco»¹. Как же не знал я до сих пор о существовании столь замечательного произведения? Все оттого, что в нашей литературе была кружковщина и не было критики, что она была вся загромождена какими-то бюрократическими перегородками, что повсюду торчали какие-то политически- и литературно-партийные рогаки, что каждому предоставлено было свободно цир-

кулировать в своем отделении общей больницы для душевно больных и почти не разрешалось заглядывать в чужое. Правда, Ваше собственное отношение к своему «фантастическому роману» было очень не цельным и противоречивым: Вы сами занесли его в рубрику т[ак] наз[ываемого] «легкого чтения» — и в то же время щедро рассыпали в нем огромную эрудицию; разрешив себе вольно и безудержно фантазировать («Wage du zu träumen»²), Вы в то же время ухитрились обратить все Ваше фантазирование в ученое, психиатрическое и фольклористическое исследование. Вы перегрузили его и анализами, и легендами — и, пожалуй, лишили его художественного единства. Поэт должен *верить* в изображенный им фантастический мир, а Вы и в процессе творчества крепко держались за свой «позитивизм»³. Вы вздумали танцовать со связанными ногами. А все-таки — вытанцовывалось! Tour de force!⁴ Я отнюдь не желаю занимать какую-либо «оккультистскую» точку зрения, а все же скажу: по прочтении романа испытываешь метафизическое ощущение, что все в жизни глубоко загадочно, как будто действуют во всем одновременно две причинности — причинность эмпирическая, отданная в ведение положительной науки, и под ее маской другая таинственная и духовная причинность, где есть место всему, что нам кажется чудесным, где события ткутся взаимодействием божественных и демонических сил. В этом смысле, может быть, и правда, что Вы уподобились Валааму⁵. Роман для меня лично еще и тем высокоинтересен, что в нем отведено много места змеиному культу, который меня глубоко занимает — между прочим и по той причине, что я прилежно исследовал греческую религию Диониса, где змея играет важную роль, разумеется — не без экскурсов в область сравнительного изучения религий⁶. Я был бы Вам благодарен за указание, откуда Вы черпали богатый материал о змее в африканских религиях и о распространении этого культа. Ваши две другие книги — превосходные, богатейшие и увлекательнейшие исследования, которые дают мне для моих разнообразных интересов в области фольклора и русской «живой старины» необычайно много. Как я Вам благодарен за них! И какое наслаждение читать Вашу чистейшую, коренную русскую речь! Неспроста я получил Ваши книги: tout vient à point à celui qui sait attendre⁷. — Так как мы говорим о легендах и так как милый наш друг Кюфферле пишет мне⁸, что Вам жаль расставаться с Золотой Легендой, спешу сказать Вам, что возвращение книги оказывается делом не столь спешным: держите Золотую Легенду еще некоторое время у себя! — Monsignor Milani разочаровал меня сообщением, что в январе лекций не будет и что он ждет Вас в одно из воскресений апреля или мая. Здесь в четверги

устраивают лекции в маленькой зале del Circolo Manzoni, а в воскресенье они переносятся в большую «физическую» аудиторию университета. Я читал у них в один из декабрьских четвергов (о Петрарке и лавре, т.е. о культуре лавра в поэзии Петрарки) в маленькой зале и получил, будучи павийским жителем, 100 лир⁹. О Вашем гонораре я осведомился: каноник Милани, директор кружка, обещал 300 лир и, кроме того, уплату издержек на Ваше путешествие из Levanto. Тема Ваша («св. Франциск и св. Сергей») была вполне одобрена. Впрочем, по словам Милани, он состоит с Вами в переписке. Итак, наша встреча откладывается до весны.

С сердечным пожеланием доброго здоровья и всего счастливого в новом году

преданный Вам

Вяч[еслав] Иванов

P.S. Почему Вы пишете мне на конверте «reverendo»¹⁰? Считаете ли Вы меня ошибочно священником¹¹? — Non sum dignus¹².

Письмо на бланке Collegio Borromeo.

¹ Amfiteatroff A. Fiore di Fuoco: Romanzo fantastico / Traduzione dall'originale di Valentina Dolghin Badoglio. Milano, 1931 (Biblioteca russa. №8) — Итальянский перевод фантастического романа «Жар-цвет» (СПб.: Просвещение, 1910; Собр. соч. Т.2. СПб., 1911; переиздан в Берлине в 1922). Роман повествует об интересе к спиритизму и оккультизму среди интеллигенции.

² Усеченная цитата из стихотворения Ф.Шиллера «Текла»: «Wage du zu irgen und zu träumen!» — «Дерзай заблуждаться и мечтать!» (нем.).

³ В предисловии к переизданию романа Амфитеатров писал:

Фантастический роман, подписанный моим именем, должен удивить многих моих читателей, привыкших видеть во мне постоянного и убежденного позитивиста, зачеркнувшего для себя все системы дуалистического мировоззрения, как бы они ни определялись. /.../ В начале девяностых годов я усердно занимался фольклором и историей религий. Изучение славяно-германской мифологии увлекло меня. У меня родилась мысль написать исторический роман /.../ с действием, проходящим на фоне первобытной славянской культуры. Центром романа должны были явиться легенды о «цветке жизни», сверкающей тайне молниеносного папоротника, почему и называться роман должен был «Жар-цвет». /.../ Тогда я решил оставить центром романа миф о «цветке жизни», но перенести его в современную обстановку и, вращая действие вокруг его иллюзий, развить кое-какие полемические взгляды относительно медиумических явлений, насчет которых я измладу был и остаюсь скептиком, коснущаясь

некоторых вопросов атомистического мировоззрения, сильно меня интересовавшего, а попутно рассказать несколько красивых легенд, накопленных мною в занятиях фольклором или сочиненных под их впечатлением, осветить кое-какие темные и полузабытые верования, пережитки доисторических эпох и дать широкую картину нервного и психического недуга, возникшего на их мистической почве.

Собр. соч. Т.2: Жар-цвет. СПб.: Просвещение, 1911. С. IX-XI.

⁴ Дело необычайной трудности, подвиг (*фр.*)

⁵ Имеется в виду библейская история о Валааме (в книге «Числа». Гл.22-24).

⁶ Речь идет о защищенной в 1921 докторской диссертации Иванова «Дионис и праднионисийство» (Баку, 1923). Ср.: Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.140-141.

⁷ Все приходит вовремя для того, кто умеет ждать (*фр.*).

⁸ У Иванова и Амфитеатрова фамилия поэта, прозаика, переводчика и специалиста по русской литературе Rinaldo Kufferle (1903-1955) дается и как «Кюфферле», и как «Кюферле». Ср.: Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.181. См. о нем также в предисловии к разделу.

⁹ Первая публикация этого доклада: Il laura nella poesia del Petrarca // Annali della Cattedra Petrarческа (Firenze). 1932. Vol.IV. См. также: Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.180.

¹⁰ Ваше преподабие (*итал.*).

¹¹ О переходе Иванова в католичество 17 марта 1926 см. главу «Символ веры» в «Воспоминаниях» его дочери. Ходили фантастические легенды, что он не только стал священником, но и кардиналом!

¹² Я этого не достоин (*лат.*).

8. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1932. II. 1

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

Ваше письмо доставило мне большое, редкое удовольствие. Я такими лестными оценками не избалован. То, что Вы пишете (отчасти даже как бы покаянно) о бывлой кружковщине, к сожалению, вполне справедливо, и далеко не я один чрез то терпел отчуждение в незнаемость — неизвестно за что, про что. Я-то, по крайней мере, не страдал от того, будучи человеком беспечным и равнодушным к литературной славе, а скольких знал, которые от невнимания и, с позволения сказать, «фыркания» понывали, с сво-

его пути сбивались, чужого не находили. Я подобных всегда утешал тем, что они — против невнимательных и фыркающих — остаются в перевесе знания: эти, мол, знают только себя и своих, а вас не хотят знать, вы же и себя и своих знаете и, равным образом, их и ихних. Выгода — сумма культурности — значит, на вашей стороне.

Спасибо Вам также за известие о лекции и разрешение еще придержать *Legenda Aurea*. От Вашего каноника М[илани] я письма не получал, но апрельские воскресенья для меня наиудобнейшее время, и в одно из них я приеду с особенным удовольствием. Предлагаемый гонорар вполне достаточен, раз, как Вы сообщаете, оплачен будет и железнодорожный расход.

Относительно змеиного культа сейчас не могу Вам сказать много верного. Ведь роман писался почти 40 лет тому назад. Помните, взял я кое-что у *De Mirville* из его *Pneumatologie*¹, в к[ото-]рой, конечно, много нелепостей, но и неисчислимое накопление фольклорной казуистики, интересной тем, что автор передает ее не скептически, а с полною верою.

Относительно двойственности «Жар-Цвета» Вы совершенно правы. Поэтому я и не люблю его. Робок еще был и не смел поспорить в открытую с «позитивизмом», хотя уже усумнился в непогрешимости его церкви и пап ее, учителей наших. Поэтому «Жар-Цвет» — извилина. Теперь бы написал иначе.

В священство я Вас возвел по весьма твердой молве, к[ото-]рую, если не ошибаюсь, подтвердил мне и Ф.Ф.Зелинский. А так как Ваше местожительство и преподавание в Павийской коллегии молве не противоречат, то и укрепилось во мне соответственное предствление. Простите невольное заблуждение.

Радуюсь, что Вам понравились мои фольклорные работы. Не помню, послал ли я Вам «Зарю русской женщины». Если нет, то пришлю. Все это — лишь отрывки, ничтожная часть огромной работы о русском быте якобы XVII века (в действительности, всех веков с Гостомысла до — увы! — Сталина включительно). Называется он отчасти по центральному предмету, отчасти символически «Соломония Бесноватая»². Целиком печатать невозможно: негде и не для кого. Печатал, пока были подходящие издательства, в Белграде и Берлине — кусочки, вырезанные из живого тела работы³. Теперь и это прекратилось. В Белграде еще лежат две принятые мои книги того же происхождения и даже оплачены, но когда они свет увидят — неизвестно: покоятся мирным сном уже второй год. Там говорят, что было денег, истощили Игорь Северянин и Мережковский, а новых ассигновок сербы не дают⁴.

Так как по Вашему письму я заключаю, что я для Вас, в качестве писателя, личность довольно мифологическая, то позволяю себе послать Вам кое-что из своих писаний. К сожалению, нет у меня полного комплекта моих «Концов и Начал», начиная с «Восьмидесятников»⁵. Но «Вчерашние Предки» написаны в такой манере, что, я полагаю, удобочитаемы и в отдельности. Там много лишнего, но, может быть, найдете что-нибудь, стоящее Вашего внимания⁶.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

¹ Речь идет об издании: Mirville J.-E. de. Pneumatologie: Des Esprits et de leurs Manifestations diverses. Paris, 1863-1864.

² Статья «Соломония Бесноватая: Человеческий документ XVII века» впервые опубликована в сборнике Амфитеатрова «И черти, и цветы» (СПб.: Энергия, 1913). 30 августа 1909 Амфитеатров писал Горькому: «Можете Вы поверить, что ни в статьях о народном творчестве, ни в статьях о первых начинаниях повести и романа, ни в статьях о демонологии эта компания знатоков ни словом не обмолвилась про повесть о Соломонии Бесноватой! Чего нагородил С.Городецкий, прямо стыдно. Серdito буду писать» (Литературное наследство. Т.95. Указ. изд. С.161). В своей статье Амфитеатров рассматривал повесть как «одно из замечательнейших по своей подробности и правдоподобию, с точки зрения психофизиологического наблюдения, изображение демономании на почве сексуального расстройства» (С.1).

³ Речь идет о книгах: Одержимая Русь: Демонические повести XVII века. Берлин, 1929; Русский поп XVII века: Этюды. Белград, 1930 (Русская библиотека. №14). В предисловии («От автора») к последней из них Амфитеатров писал: «Книга эта представляет собою извлечение из моей работы по бытовой истории русского XVII века, под заглавием "Соломония Бесноватая". Так как действие замечательной демонологической "Повести о бесноватой жене Соломонии" развивается на фоне первобытной "поповки" северного лесного погоста, то я почел нужным, прежде всего, изучить условия существования и культурного уровня духовных лиц в северо-восточном углу тогдашней Московии. Отсюда сложилась та картина, которую теперь я предлагаю читателям. /.../ Однако должен предупредить, что некоторые, как бы, недоговоренности оставлены мною умышленно. Отчасти, чтобы не повторять параллельных мест из моей "Одержимой Руси" (1929, Берлин, изд. "Медный Всадник") и "Зари русской женщины" (1929, Белград). Отчасти потому, что эти мнимые недоговоренности шире развиты в других моих этюдах, которые, авось, малопомалу увидят свет: "Уездный город XVII века" (Устюг Великий), "Тайные люди", "Мужи кровей" и пр.» (С.3). «Русский уездный город XVII в.» вышел в Белграде в 1932 (Русская библиотека. №34).

⁴ Имеется в виду серия «Русская библиотека», субсидированная сербским правительством. Всего 43 книги были изданы в ней между 1929 и 1933 (последний том не имеет даты). В этой серии были опубликованы произведения Амфитеатрова, З.Н.Гиппиус, Е.Н.Чирикова, Б.К.Зайцева, А.И.Куприна, И.С.Шмелева, А.М.Ремизова, К.Д.Бальмонта, И.А.Бунина, В.Н.Ладыженского, Тэффи, Б.А.Лазаревского, С.П.Мельгунова, Николая Рощина, В.А.Оболенского, И.С.Лукаша, М.Алданова, И.А.Ильина, Д.С.Мережковского («Наполеон» — №1 и 2; «Атлантида-Европа» — №26 и 27; «Иисус Неизвестный» — №36, 37, 39 и 40) и Игоря Северянина (под №33 том его стихов в 1931: «Классические розы. Стихи 1922-30 гг.» с посвящением: «Ее Величеству Королеве Югославии Марии с искренним восхищением почтительно подношу в дар свою книгу — Автор»). См. также: Турип О. Руска литературна Србија. 1920-1941: Писци, кружоци и издања (Джурич О. Русская литературная Сербия. 1920-1941: Писатели, кружки и издания — *сербск.*). Београд, 1990. С.189-202.

⁵ Роман «Восьмидесятники» (Т.1: Разрушенные воли; Т.2: Крах души. СПб.: «Общественная польза», 1907). Во втором издании (1908) роман получил подзаголовок «Хроника 1880-1908 гг.», а в третьем (Собр соч. Т.11-12. СПб., 1911) — «Концы и начала. Хроника 1880-1910 гг.». Пятое издание романа было выпущено в двух томах в Берлине в 1923.

⁶ Вчерашние предки: Роман в пяти частях. Т.1-2. Новый Сад: Русская типография С.Филонова, 1928-1929.

9. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1932.III.26

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

поздравляю Вас с праздником Пасхи и желаю Вам провести его в радости и благополучии. Пасхи в этом году разошлись жестоко: русской надо ждать еще месяц с лишком. Символ, что ли?

Ф.Ф.Зелинский прислал мне на днях отпечаток своей статьи о Willamowitz¹. Вероятно, и Вы ее получили?

Если вопрос о моей лекции в Павии не заглох совершенно, то я был бы рад получить о том известия и — в случае «да» — просил бы назначить ее на последнее апрельское воскресенье 24 апреля, или уже на 1 мая (хотя это наша русская Пасха). Если же вообще «нет», то не поленитесь уведомить меня поскорее, чтобы я о лекции уже не заботился.

До свидания. Да! А биографические и библиографические данные, о коих писал Вам мой сын В.Кадашев? Очень ждет².

Еще раз всего Вам хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

Почтовая открытка. Штемпель: Levanto. 26.3.32. Послана: «Al Chiarissimo Professore [Светлейшему Профессору] Venceslao Ivanov».

¹ Вилламовиц-Мёллендорф Ульрик фон (1848-1931) — немецкий филолог-классик, который впервые получил известность своим полемическим ответом (1872) на кн. Ф.Ницше «Рождение трагедии». Статья Зелинского нами не разыскана.

² 22 февраля 1932 старший сын Амфитеатрова от первого брака Владимир Александрович (1888-1942), писавший под псевдонимом *В.Кадашев*, написал В.И.Иванову из Леванто:

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Простите, что не будучи лично Вам известен, решаюсь обратиться к Вам с просьбою.

Но дело в том, что никто, кроме Вас, не может помочь мне в моих затруднениях.

Мой отец в настоящее время работает над составлением для итальянского перевода книги по истории русской литературы и привлек к сотрудничеству меня. В мое ведение входят главы, касающиеся последних 3-х десятилетий. И вот, приступив к главе о символизме, я очутился в ужасном положении: после продажи в Прагу библиотеки, у нас в доме нет ничего из Ваших сочинений.

Если бы Вы были так бесконечно любезны одолжить их на время, конечно, с гарантией, что они вернутся целы и невредимы?

Равным образом, был бы бесконечно благодарен за сообщение Ваших биографических сведений и, вообще, всего, что Вы найдете нужным сообщить о себе.

Надеюсь, что эта просьба Вас не затруднит, и заранее благодаря Вас, еще раз прошу извинить меня за беспокойство. Мой отец просит передать Вам привет.

Остаюсь искренне уважающий

Владимир Амфитеатров-Кадашев

Адрес мой тот же, что у моего отца.

(Оригинал хранится в римском архиве В.И.Иванова)

10. Иванов — Амфитеатрову

Pavia, Almo Collegio Borromeo

25.IV.[19]32

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Валентинович, Безмерно виноват я перед Вами, испытывая дружеское долготерпение Ваше столь долгим и неблагодарным молчанием: стбит ли уж и смягчающие обстоятельства приводить в свою защиту?.. Наконец-то приношу Вам выражение моей глубокой и сердечной

признательности за дары Ваши щедрые, — и вещественно щедрые, и душевно! С величайшим увлечением и почти непрерывным любованием на художническую (Репинскую, что ли) силу Вашу, — богатырскую, хотя и не высветленную до художественной гармонии силу и фантазию Вашу, — прочел я «Вчерашних Предков», этот фрагмент Ваших «Ругон-Маккаров»: *mieux tard que jamais*¹, — как ни стыдно признаваться в своем невежестве на старости лет. Да, Вы большой и — несмотря на внешний успех и известность — неоцененный по достоинству писатель. Все Ваши лица стоят передо мной как живые, каждое говорит своим единственным языком; каждый мазок верен, выразителен, сочен, колоритен. Сатиры слишком много, традиционного обличительства: чудно дело сатира, — юмор вечно зелен и свеж, а вот уж какой сатирик был Щедрин, а забыт! И запах позитивизма вредит, — неотвязный, как запах больничного иодоформа. Леденящее дыхание позитивизма омертвило весь мир Флобера (которого люблю не за «Саламбо», а за «Бовари»), — а ведь какой тонкий и изумительный был он художник! Но к Вам все это относится лишь отчасти: роман Ваш все же не сатира в целом, и позитивистом Вы были также лишь отчасти, платя дань времени и постоянно (каким-то глубоко в Вас заложеным, как манящий соблазн, магиейством) из позитивизма выбиваясь. Натурализм, или веризм, сам по себе стихия художественно здоровая, нехороша только его рассудочная позитивистическая подоснова, или предпосылка. Отсюда в нем это quasi-научное рассеяние целостной жизни на обособленные специальные сферы, или «среды», каков, например, мир деловиков с их неперменными спутниками и паразитами: ан за деревьями и не видишь леса. Вы именно и хотели, чтобы запахом мертвецкой отдавало от Вашей пессимистической вырезки русской жизни, и кажется, будто эта вырезка представляет всю русскую жизнь и что единственно здоровыми в ней элементами были Постелькин (которого Вы мастерски, но скрепя сердце, показали достойным уважения и сочувствия) да старые революционеры, которых Вы любите, хотя исторически их следовало бы осудить как элемент именно нездоровый; да и не уживаются между собою мирно Постелькин и старые революционеры, как Вы их ни мирите в лице Постелькина. *Вся* Россия, конечно, была разложена, но *всей* России у Вас все-таки не видишь; да и было же в ней однако что-нибудь живое, какое-то невидимое семя горчичное², — иначе уже нет, в наши-то дни, абсолютно никакой надежды на ее восстание из мертвых. А есть ли в Вас еще эта надежда? Вот это наш самый последний и больной вопрос... Чудно еще: я родился и воспитался в Москве — и не люблю ее, как-то давила она на меня

с детства; а между тем старую Никольскую и Ильинку я всегда ощущал фантастически и живописно привлекательными (как любил до страсти и ветхие Ряды), — привлекала меня московская Сити с ее церковками среди магазинов, складов и контор, с ее до-резанными и недорезанными скопцами... У Вас же не видно ко всему этому никакой нежности, хотя Вы больше москвич, нежели я... Но довольно праздной болтовни, словно я критику пишу в старинный пухлый ежемесячник. Одним словом: очень хорошо, очень крепко, — силачески и фантастически размашисто!

В немалое затруднение поставило меня письмо Вашего сына, с которым рад я был заочно познакомиться. Ничего почти у меня из моих книжек под рукою нет: немногое, что имею в *единственном* экземпляре, взято на чтение друзьями (между прочим, нашим другом Кюфферле, который меня изучает и переводит, — кстати, нужно бы Вам молодого талантливое писателя, к Вам относящегося с какою-то просто сыновнею любовью и почитанием, на его первых шагах ободрить, — разве не по сердцу Вам его очень замечательный дебют «Il cavallo cosacco»³?). Итак, прислать мне нечего, увы, а вот из книжки французской «Переписка из двух углов» можно почерпнуть кое-какие биографические и библиографические сведения, — м[ожет] б[ыть], их будет довольно. Посылая Вам на память эту книжку, надеюсь, что Вы прочтете в конце ее мое открытое письмо к Charles Du Vos о моем взгляде на Россию, советскую и эмигрантскую, о католичестве, о культуре: это Вам ближе меня покажет⁴.

Не знаю, следовало ли мне положиться на обещание каноника Милани, заведующего циклами лекций в здешнем Circolo Alessandro Manzoni, что он непременно Вам напишет, чтобы окончательно условиться о лекции. Он уверяет (но не очень-то я ему верю!), что уже давным-давно писал Вам, да, видно, письмо его не дошло. Лекцию предполагал он на май—июнь, и, по моей просьбе, не назначил ее на русскую пасху, а на 8 мая, так и решил, обязуясь немедленно Вас о том уведомить. Гонорар от 300 лир, кроме того, оплата поездки и остановки в гостинице «Stоге Bianca»⁵, тема («св. Франциск и св. Сергей») им чрезвычайно нравится — сравнение, говорят, «двух культур», место лекции — большая аудитория в унив[ерситете]. Он было предполагал назначить лекцию на первое воскресенье, 1-го мая, но я просил остановиться на 8-ом мая. Если он все же не писал, уведомьте меня *espresso*, и я забью тревогу. Видеть его часто не удастся, — он человек деловой (*fin troppo!*⁷). С нетерпением жду свидания. Поздравляю со светлым праздником.

Глубоко Вам преданный Вяч[еслав] Иванов

¹ лучше поздно, чем никогда (*фр.*).

² См. Евангелие от Марка 4:30-32.

³ «Казацкая лошадь» (*итал.*). Первая публикация: Milano, 1931. Была перепечатана в сборнике «Persone e personaggi» (Milano, 1934).

⁴ Речь идет об издании: Correspondance d'un coin à l'autre / Précédée d'une introduction de Gabriel Marcel et suivie d'une lettre de V.Ivanov à Ch. Du Bos / Traduction du russe par Hélène Izwolski et Charles Du Bos. Paris: Editions Roberto A'Corrêa, 1931. Это перевод русского издания (Пб.: Алконост, 1921). Свое письмо к Шарлю дю Босу (1882-1939), французскому писателю, автору произведений на религиозные, философские и литературные темы, редактору журнала «Vigile» (где перевод «Переписки» на французский впервые появился в 1930), Иванов написал по-французски. Впоследствии переведено на русский Ольгой Дешарт. Французский текст и русский перевод письма см.: Иванов Вяч. Собр. соч. Т.3. Брюссель, 1979.

⁵ Белый крест (*итал.*).

⁷ Даже слишком, чересчур (*итал.*).

11. Амфитеатров — Иванову

Levanto, 1932.IV.29

Дорогой Вячеслав Иванович,

Сердечно благодарю Вас за милое письмо. Глубоко растроган Вашими добрыми словами. Критику Вашу приемлю безоговорочно, — за исключением, пожалуй, указаний на фантастический элемент. Как это ни странно, но в «Вчер[ашних] Предках» выдумки почти вовсе нет, так что работа моей фантазии сводится только к преувеличению фактических основ, иногда с перемещением действия. Это относится даже к сценам сатанического общества. Не так давно в газете «Сегодня» я рассказал, как и откуда я взял дьяволоподобную баронессу и «сонм» ее¹. И во всем прочем так. Воображать — как, люблю и не боюсь быть романтиком, но в *что* столь же люблю опираться на человеческий документ, да, собственно говоря, иначе и писать не умею.

От каноника Милани я никакого письма не получал, а, так как замечено учеными, что по почте не доходят письма только не посылаемые, то... спасибо, что хлопотали о 8 мая, но вышло так, что долго не получая от Вас известий, я подумал было, что лекция вообще не состоится, а потому и принял на 8 мая другое приглашение здесь, в Лигурии, по соседству, от которого теперь отка-

заться было бы очень неудобно. А так как канонику Милани нравится первое воскресенье июня, т[о] е[сть] 5 июня, то и прекрасно: остановимся на этом дне, у меня свободном и совершенно мне удобном.

О Ринальдо я поговорю с Вами при свидании. Он паренек не плохой и стоящий внимания и участия. Сейчас очень спешу на почту.

До свидания. Вы Пасху отпраздновали уже, а нам еще завтра она предстоит. Буду ночью слушать по Radio службу из Женевы. А вчера получил горестное сообщение из Бари от кн[язя] Жевахова²: дела русского тамошнего подворья так плохи, что нет средств выписать священника для Светлого Воскресенья, и Пасха — в городе св[ятого] Николая и у гробницы его — пройдет без заутрени... Вот они — наши православные благочестивцы и усердствующие, архиереи, книжники и фарисеи. Грызться между собою мастера, а в церкви, за их пустосветскими спорами и вздорами, гаснет Божий свет и водворяется мерзость запустения...

Только что вышло 2-е издание моей «Стены Плача и Стены Нерушимой»³. Посылаю Вам ее. Книжка эта, два года тому назад, нашумела много. Теперь я ее немножко изменил, немножко освежил. А также посылаю Вам «Восьмидесятников», коих, однако, в дар поднести не могу, потому что цельного экземпляра у меня у самого ни одного нет, а только сборные — первая половина 6-го издания (зарубежного), а вторая — третьего изд[ания] (Просвещенского) и в безобразном виде. Познакомить же Вас с «Восьмидесятниками» хочу потому, что из них увидите, что к мраку «Вчер[ашних] Предков» я пришел путем не случайным, а в довольно-таки логической, хотя и плачевной, последовательности.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Христос Воскресе!

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

О лекции — на всякий случай — послал Вам телеграмму.

¹ В статье «Сатанинские мессы и невероятные правды» Амфитеатров писал:

Признаюсь: варшавские разоблачения произвели на меня весьма сильное впечатление. И повторю: может быть, к стыду моему, но — отчасти торжествующее. Потому что, по выходе в свет моих "Вчерашних Предков", я был несколько огорчен недоверием некоторых уважаемых мною друзей моего бытописания к картинам московского сатанического общества в третьем и четвертом томах названного романа.

— Как хотите, — писал мне литератор, весьма ко мне расположенный, — а на этот раз вы изменили своему обычному ре-

ализму: фантастично и невероятно! Это романтический вымысел, а не натура.

Между тем, в фактической основе укоряемых глав вымысла нет нисколько. Каждый эпизод там построен или на виденном (это, конечно, реже всего), или на достоверно слышанном, или на вычитанном из хороших, добросовестно наблюдательных источников. Вымысел — только в романтическом расширении изображаемых явлений.

Сегодня. 1930. 28 сентября. №268

См. также продолжение этой статьи: Спириты и сатанисты. Там же. 1930. 5 октября. №275; Вербовщица Сатаны. Там же. 1930. 26 октября. №296. В последней, в частности: «С этого чудища запала мне в голову мысль ввести в действие "Вчерашних Предков", которых я тогда обдумывал, сатаническую фигуру баронессы Эйс Гаутон. И я начал ее писать, но не портретом, который вышел бы непримиримо противным, как фотография похабной ведьмы с шабаша».

² *Жевахов* Николай Давидович (1880?-1947, Вена) — товарищ обер-прокурора Святейшего Синода, с 1911 член Комитета для сбора пожертвований и построения в Бари храма Св.Николая. В эмиграции жил в Риме и в Бари, где управлял подворьем Св.Николая. Активный антисемит. Симпатизировал Братству Русской Правды (см. предисловие к разделу). О нем см.: De Michelis C. Il principe N.D.Zevaxov e i «Protocolli dei savi di Sion» in Italia // Studi storici. 1996. Anno 37. Luglio-settembre. P.747-770.

³ *Стена Плача и Стена Нерушимая* / Изд. второе. Брюссель: Союз русских патриотов, 1931. В предисловии («От автора»), датированном 2 июня 1931, Амфитеатров писал: «Странную судьбу имела эта книжка в первом издании. Зарубежная печать ее глухо замолчала. /.../ молчание печати не помешало изданию быстро разойтись и найти широкий и громкий отклик в эмиграции, не прекращающийся и по сейчас. Сто семьдесят восемь писем принесла мне "Стена Плача и Стена Нерушимая" /.../. Почти во всех письмах — требования на экземпляры "Стены" для распространения, а, между тем, книга давно "вся вышла". Это побуждает меня выпустить в свет ее второе издание». Книга является откликом на разрушение большевиками в Москве часовни Иверской Божьей Матери и других святынь. Амфитеатров укоряет русскую эмиграцию за ее нежелание и неумение отстаивать свои религиозные и национальные святыни. Книга открывается вопросом: «Отчего мы такая дрянь?» Первые напечатана в 25-ти частях в газ. «Новое время» (Белград) между 24 сентября 1929 и 25 апреля 1930. Первое отд. изд. — Белград, 1930.

12. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1932.V.7

Дорогой Вячеслав Иванович,

Ваше письмо получил. Спасибо. Канонику посылаю с сим одновременно письмо, предлагая ему на выбор 29 мая, 5 и 12 июня.

«Восьмидесятников» пошлю Вам в понедельник. А «Стену Плача» получили? «Золотую Легенду» привезу. Между 10 и 20 мая во Флоренции — Мережковские. Звали меня туда, да не так это близко, — может быть, мимолетом, побывают у меня?¹ Интересно бы послушать их о Париже. До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Надеюсь, скоро увидимся.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

Почтовая открытка. Почтовые штемпели: Levanto. 7.5.32; Pavia. 8.5.32.

¹ 28 апреля 1932 Гиппиус писала Амфитеатрову из Парижа: «Отсюда кажется, что Ваше Levanto и Флоренция — рукой подать. А потому мы с Д.С. [Мережковским] в глубине души надеемся встретиться с Вами во Флоренции, где мы будем между 10-20 мая. Очень бы этого хотелось» (Новый журнал. 1992. №187. С.298). Встреча не состоялась. См. также публикацию писем Мережковского к Амфитеатрову, подготовленную Ж.Шероном и М.В.Толмачевым: Звезда. 1995. №7. С.158-169 (особенно письмо из Флоренции от 15 мая 1932 — С.167-168).

13. Иванов — Амфитеатрову

8 мая [19]32

Дорогой Александр Валентинович,

Ваша телеграмма была мною немедленно показана мною [Так! — Публ.] увилисту канонику, который в ответ демонстрировал мне конверт с надписанным Вашим адресом в доказательство, что как раз Вам пишет; при этом он уверяет, что уже писал Вам, — явно врет. Кроме сего, — так как он желал иметь для здешних газет заметку о Вас, чтобы напечатать ее перед лекцией, — то я вручил ему статейку о Вашей литературной деятельности, написанную *ad hoc*¹ по моей просьбе нашим милым Ринальдо. Сим исчерпал я все свои возможности воздействовать на каноника и просил его сноситься с Вами отныне непосредственно. Относительно 5 июня он выразил некоторое сомнение, не помещает ли в некоторой мере лекции то обстоятельство, что она совпала бы с *festa dello Statuto*². И разное сообщал о других своих знаменитых лекторах, которые перемещают назначенные для них дни; чего я не усвоил, п[отому] ч[то] все было неопределенно, и ограничился тем, что взял с него окончательное и торжественное заявление, что он немедленно с Вами спишется окончательно. Однако, он мне что-то не сообщает, на чем Вы с ним порешили. Буде он все еще не писал Вам, запросите его о дне лекции *сам[у]*, по адресу: Rev-mo Prof. Canonico Milani. Piazza Municipio, Pavia.

Это уже, несомненно, будет действительно. Мне очень жаль, что такая простая вещь вызвала, благодаря посторонней деятельности каноника, столько осложнений.

Благодарю Вас за доброе письмо и за обещание выслать мне на прочтение «Восьмидесятников», которых мне очень хотелось прочесть. Но их я еще не получил. Кстати, принужден просить захватить с собою в Павию «Золотую Легенду», не мне принадлежащую. Спешу. Авось, до скорого свидания.

Глубоко преданный Вам

Вяч[еслав] Иванов

¹ для данного случая (*лат.*).

² Праздник конституции (*итал.*). Речь идет об итальянской конституции, действовавшей с 1861.

14. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1932.V.27

Дорогой Вячеслав Иванович,

извините, что не послал Вам «Восьмидесятников»: в тот понедельник денег не было, а сейчас уже не стоит посылать, так как 5-го июня должен я сам быть в Павии и привезу с собою, как «Восьм[идесятников]», так [и] *Legenda Aurea*. Только меня смущает канониково безмолвие после писем, которыми мы обменялись любезнейше. В последнем, утвердив лекцию определенно на 5-е, он писал мне, что после 15-го мая сообщит мне условия, предлагаемые комитетом. Я, по правде, полагал, что условия эти давно установлены, как то было в Вашем письме: это 300 лир, проездные и суточный расход в отеле. Поэтому кратко ответил, что на 5-ое июня согласен, а затем жду его *ulteriore notizie*¹. Но с тех пор никаких *notizie*'в не имею, а между тем до 5 июня остается всего десять дней, в кои мне надо весьма лекцией заняться. Она у меня готова и много времени взяла и у меня и у моей жены, ее переводчицы, но надо еще обработать ее стилистически и прорепетировать ее произношение, что опять-таки требует времени и времени. Так что, пожалуйста, не поставьте себе в труд исполнить новую мою просьбу: изловите *reverendissimo* и внушите ему, чтобы он немедленно известил меня обещанным письмом, что́ и как. Самому мне напоминать ему как будто не совсем ловко, я потому буду Вам очень признателен, если Вы это исполните. Извините, что беспокою. Надеюсь, до скорого свидания и желаю вам всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

¹ дальнейшие сообщения (*итал.*).

15. Иванов — Амфитеатрову

28 мая [19]32

Дорогой Александр Валентинович,

Мне хотелось устроить Вашу лекцию в Павии. Единственное место для этого — *Circolo Alessandro Manzoni*. Учреждение старинное и почтенное. Сам я прочел там, по приглашению каноника, им заведующего, в виде лекции то, что было под рукой — готовый этюд о Петрарке, ныне напечатанный в парижской «*Vigile*»¹. За мое указание на желательность Вашей *conferenza* любезный каноник с жаром ухватился. Я предлагал ему назначить вместо моей лекции в декабре Вашу, потому что я, живя в Павии, не связан никакими сроками; но он сказал, что Вы — воскресный, а не четверговый лектор (по четвергам устраивают маленькие интимные лекции, а по воскресеньям — в большой аудитории), и что в декабре все воскресенья заняты. С января, однако, лекций вовсе не было; каноник сдвинул почему-то все приглашения сначала на весну, а потом — на июнь. Почему все это так сделалось, никто не знает; пути каноника неисповедимы. Говорят про него только, что он вообще обманщик, проныра и аферист. Но к устройству лекций последние два качества не имеют явного отношения; в первом же мы с Вами, увы, убедились, — однако, и оно ничего по существу не объясняет. Как бы то ни было, мне было очень неприятно и стыдно, что я невольно оказал Вам, быть может, медвежью услугу; доверившись за Вас и побудив Вас довериться этому Чичикову в сутане. Теперь это чувство вины перед Вами возросло до ярости на каноника на основании последних фактов.

А именно, во вторник вечером (пишу в субботу) был я у него, чтобы узнать о Вашей лекции (хотя было условлено, что мне не о чем больше заботиться, п[отому] ч[то] он сносится с Вами непосредственно). Он сказал мне, что получил от Вас «*una bella e meravigliosa lettera*»², где Вы предлагаете назначить лекцию на 5 июня. Но — восклицал он — ведь в этот день приезжает *Starace*³ для студенческого *comizio*⁴ по случаю *della festa nazionale (Statuto)*⁵ и что *forse* мажеге отложил лекцию на другое воскресенье, о чем он-де Вас с извинениями и уведомляет; предоставляя себе право назначить одно из других воскресений в июне, и что все остальное между Вами «*combinato*» и «*sistemato*»⁶ и чтобы я ни о чем не тревожился. А сегодня наш ректор говорил мне, что слышал от

него вчера, что лекции распределились так: завтра, 29 мая, senator Meda — о Сильвио Пеллико⁷; 5 июня — festa dello Statuto; 12 и 19 июня — Marciano о св. Августине и prof. Сапо о Гете⁸. — И когда ректор спросил: «е Amfiteatrof»⁹, то услышал «gli ho scritto di rinviare»¹⁰... значит 26 июня? — Но так как при этом он опять Вам ничего не пишет, то мне остается только заявить ему, что все его поведение нечестно. Следует все же прибавить, что поименованные лица были приглашены для лекций на означенные темы с начала академического года. Не знаю, чем все это разрешится. (Есть еще Ada Negri¹¹, но она «четверговая».) Потребуйте от него окончательного ответа — меня он опять обманет, а от него нужен письменный документ. — Все же не окончательно потерял надежду с Вами увидиться здесь хотя бы и в самом конце июня.

Ваш душевно

Вяч[еслав] Иванов

Разумеется, я с своей стороны буду искать возможности переговорить с каноником определенно.

¹ La vision du laurier dans la poésie de Pétrarque / Traduit de l'italien par Jeanne Lac // Vigile (Paris). 1932. Premier cahier. P.59-73. См. также прим. 9 к письму 7 наст. публ.

² прекрасное и замечательное письмо (*итал.*).

³ Стараче Акилле (Starace Achille; 1889-1945) — итальянский военный деятель, с 1931 по 1939 — секретарь фашистской партии, ответственный за пропаганду. С 1936 — министр и гос. секретарь. Был арестован и расстрелян партизанами.

⁴ митинг (*итал.*).

⁵ национальный праздник (конституции) (*итал.*).

⁶ устроено... улажено (*итал.*).

⁷ Меда Филиппо (Meda Filippo; 1869-1939) — итальянский адвокат, журналист и политический деятель, близкий к католическим кругам. В начале 1920-х занимал антифашистскую позицию. Пеллико Сильвио (1789-1854) — итальянский политический деятель и писатель-романтик. Будучи арестован по политическому обвинению в 1820, приговорен к смертной казни, затем помилован и провел 10 лет в каторжной тюрьме, чему посвящено его произведение «Мои тюрьмы» (1832).

⁸ Марчиано Дженнаро (Marciano Gennaro; 1863-1944) — итальянский юрист и адвокат. Сенатор с 1913 по 1921 и во время фашистской диктатуры. Капо (Сапо) — по всей вероятности, речь идет об Инноченцо Каппа (Innocenzo Sarra; 1875-1945), профессоре, критике, авторе книг о Дан-

те, Мащини и др. Его фамилия встречается в других письмах Амфитеатрова этого же периода.

⁹ А Амфитеатров? (*итал.*)

¹⁰ Я ему написал и просил отложить (*итал.*).

¹¹ *Негри Ада* (1870-1945) — в то время очень популярная итальянская поэтесса и прозаик.

16. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1932.V.31

Дорогой Вячеслав Иванович,

Получил Ваше письмо и *espresso* каноника вчера одновременно. По правде сказать, начинаю думать, что каноник происходит не от «канона», но от «сапе»¹. Потому что посадил он меня в лужу пражестоко. Во всех отношениях. Во-первых, потому что, спеша с работой над лекцией, я и себя и жену измучил без всякой надобности. Во-вторых, потому что, ради спеха, запустил другие работы, что меня весьма изубыточило. Поэтому теперь я от лекции вообще уже не могу отказаться, хотя бы и весьма того желал, в виду явного нехотения каноника допустить меня к оной. 1-го июля мне предстоит пренеприятный платеж, для к[ото]рого я определенно рассчитывал на павийский гонорар от 5 июня и без такового взвою. А потому, спрятав самолюбие в карман, отвечаю канонику, хотя серьезно и хмуро, но вежливо и с почтением по сану. В июне у меня все воскресенья свободны; так что я в любое могу читать, но требую твердого срока и твердых условий. Я не написал ему прямо «26 июня», чтобы не явить, что знаю от Вас об уже занятых 12 и 19. Но как же он-то предлагает мне июньские воскресенья, зная, что из четырех свободно только одно? Очень досадно мне и то, что таким образом опять повисает в воздухе свидание с Вами, весьма мне желанное.

Кюфферле прислал мне книжку своих стихов². Не знаю. Может быть, они и хороши (Вы, кажется, его поощряете), но для чего они нужны? Не в утилитарном каком-либо смысле спрашиваю, а в том, что должна же в стихотворении чувствоваться причина, по коей требует поэта к священной жертве Аполлон³. А у Ринальдо, как и у подавляющего большинства бесчисленных ныне стихотворцев, никакой внутренней причины к патетике, подъемлющей речь до необходимости в ритме стиха и рифмах, нет: все — формальные упражнения в способности рифмовать, ритмовать «не хуже других». Ну, не хуже, так не хуже, — тем лучше, хотя,

по-моему, тем хуже. Парень способен на много лучшее, чем кропанье посредственных стихов и таковых же рассказов, а попусту тратит на них труд и время, вместо того, чтобы развиваться и пополнять серьезно свое образование, весьма слабое, несмотря на его докторскую степень. Если бы он был так себе, дрянцо с пыльцой, честолюбивый графоманчик, каких сейчас тысячи, я слова не сказал бы против его упражнений, столь же безвредных, сколь бесполезных: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Но ведь ради всего этого он непозволительно запустил свои работы, действительно полезные, затормозил исполнение принятых заказов и своих обещаний и пр., и пр. Да еще и связался с таким плутом и жуликом, как его издатель Locatelli! Все это — его дело, и я ему ничего по этим его делам не говорю, но он знает, вернее, чувствует, что я им с этой стороны не весьма восхищаюсь, и мною недоволен, а так как знает, что я его люблю, да, кажется, и он меня любит, то мой чувствуемый скептицизм его удручает. Вы, конечно, не говорите ему о том, что я теперь написал Вам. Пусть будет «в неведенье спокоен». Откладывал разговор до личного свидания, да — с капризами каноника — когда оно теперь состоится?

Получили ли Вы «Стену Плача и Стену Нерушимую»?

«Золотую Легенду» и «Восьмидесятников» я теперь, все-таки, лучше пошлю Вам почтою. На днях будут на то лиры.

Получил письмо от Бунина⁴. Воеет, — даже он! — что очень плохо приходится ему. До свидания, пока что. Желая Вам всего хорошего!

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

¹ собака (*итал.*).

² Il Pollice riverso: Versi. Pontedera: Tipografia A. Vallerini, 1920.

³ См. начальные строки «Поэта» (1827) А.С.Пушкина.

⁴ В последней, восьмой части своей статьи «Литература в изгнании» Амфитеатров писал:

Когда проходишь предгорья, вступаешь в горы, когда поднимаешься на горы, достигаешь вершин. Так и я, совершая свое странствие по высотам русской зарубежной литературы, прихожу, наконец, к двум ее вершинам, именам которых, вероятно, суждено обозначить исторически нынешний ее период. Имена эти — для поэзии стиха — Константин Дмитриевич Бальмонт, для поэзии прозы — Иван Алексеевич Бунин.

Новое время. 1929. 26 мая. №2419.

Там же о Бунине, «короле нашей современной художественной прозы», далее говорится:

Великою надеждою русской литературы Бунин был с первого появления в ней тридцать лет тому назад. В своем предсмертном письме ко мне Антон Чехов указывал в Бунине своего преемника (за «Чернозем»). /.../ Словом, признание Бунина литературным светилом дело давнее, дореволюционное и довоенное. Но только в эмиграции гений Бунина явил нам всю свою мощь и многогранность, весь свой блеск и беспредельно широкий охват. /.../ Современный Бунин — как бы синтез русской литературной мысли, по крайней мере, за три четверти века. Спокойный, мудрый, чудотворно разнообразный, он весь и всегда свой, никогда никому не подражает, а, между тем, в нем, как лучи в общем фокусе, сошлись и слились все. Изучать Бунина в зарубежном периоде значит видеть перед собою все положительные стороны русской художественной прозы, начиная чуть не с Пушкина.

17. Иванов — Амфитеатрову

14 июня [19]32

Дорогой Александр Валентинович,

В воскресенье, 12-го числа, имел я свидание с нашим каноником, к которому предъявил запрос: что значит его газетное объявление об июньских лекциях, в котором Ваша лекция не упомянута. Он отвечал: «Но Вы же знаете о неприятностях и борьбе с властями по поводу лекции сенатора Meda? Пришлось передвинуть ее, предположительно, на Петров день, 29-го, и еще не известно, состоится ли она; в этом случае у меня в запасе (subentra) Sig. Amfiteatgoff». На это я разразился речью наподобие «quousque tandem, Catilina»¹. Я изложил ему, что Signor A. не такой лектор, которого можно держать в запасе на случай надобности, что каноник связан формальным обязательством, которое должно быть во что бы то ни было реализовано, что Вы можете требовать с него оплаты труда, положенного на приготовление лекции, и [покрытие?] убытков, причиненных прекращением из-за лекции очередной ежедневной литературной работы в течение 8-10 дней. Каноник рассыпался в изъявлениях своего уважения к Вам и пролепетал, что именно в силу этого уважения ему было бы желательно «(inaudigage)»² Вашей лекцией... «Следующий лекционный сезон?» — прогремел я, перебивая его: «это совершенно исключается! — Вы обязаны найти любой день для лекции — четверг, если Вам угодно — обязательно еще в текущем цикле. Обязуетесь ли Вы сделать это и даете ли мне на этом Ваше честное слово». «Ma sì, ma sì,

certo, stia tranquillo, tutto sarà fatto, gli scriverò fissando il giorno della conferenza, non se ne preoccupi...»³ — «Разрешаете ли Вы мне немедленно уведомить моего моего друга, что Вы связали себя честным словом устроить, во что бы то ни было, его лекцию в конце июня или начале июля?» — «Ma sì, ma sì, scriva Lui⁴, scriva pure — a rivederLa, — scriva pure, — la riverisco...»⁵

??..

Преданный Вам и виноватый перед Вами
В[ячеслав] И[ванов]

P.S. Нельзя ли книги послать наложным платежом? Мне было бы это очень приятно, но я не знаю, можно ли это устроить.

Благодарил ли я Вас уже за Стену Нерушимую? Мы поговорим о ней при встрече. Книга превосходно написана, но согласиться с Вами нельзя.

В оценке первых литературных шагов нашего молодого друга Ринальдо я также держусь особого мнения; поговорим и об этом при встрече.

Лекции вообще устраивают теперь в Circolo с немалым трудом — лекция сенатора Meda неизвестно состоится ли; есть еще Саро (о Гете), которая ждет давно. В воскресенье вечером была лекция сенатора Magliano о св.Августине в театре, с платой за вход по 5 лир на достройку собора.

¹ Начало первой знаменитой речи Цицерона против Катилины (63 г. до н.э.): «Доколе, Катилина...»

² открыть (*итал.*).

³ Ну да, ну да, конечно, не беспокойтесь, все будет сделано, я ему напишу и назначу день выступления, не беспокойтесь... (*итал.*).

⁴ Так в тексте. Должно быть gli scriva.

⁵ Ну да, ну да, пишите ему, пишите, до свидания, всего доброго (*итал.*).

18. Иванов — Амфитеатрову

17.VI.[19]32

Дорогой Александр Валентинович,

Ваше официальное итальянское письмо Вы решительно *испортили* русскою припиской, которая лишает его той... юридичности, что ли, какую Вы хотели ему придать. Почему Вы не приложили этого русского пост-скриптума на отдельной бу-

мажке? Так как письмо едва ли не означает полный разрыв¹, я думаю, что с представлением его канонику еще можно и следует повременить, почему и пересылаю его Вам обратно в надежде получить его от Вас переписанным начисто, без русского пост-скриптума, для немедленной передачи канонику. Я бы прибавил в нем еще, что и 3 июля Вам удобно как день для лекции, и вычеркнул бы слова: «salvo a non dovermi presentare sotto le spoglie di uno sostituto in riserva»², которые относятся к одной фразе каноника в нашем интимном разговоре, на которую я тогда же резко возразил, — но это было с моей стороны только воспитательною мерой. В действительности, каноник только про себя рассчитывал, что он имеет Вас в запасе на 29-го июня, если по причинам политическим нельзя будет объявить лекцию сенатора Меды на этот день (однажды она была уже отклонена) и ему придется от нее отказаться: по существу дела, здесь нет для Вас ничего обидного и никакой вины со стороны Милани, только он выразился как-то неловко, что я и выдвинул в разговоре с ним, оберегая ревниво Ваше достоинство, — но обо всем этом Вы даже не должны были бы знать. Итак, жду от Вас чистой копии Вашего ультиматума, если Вы предпочитаете послать его Милани через мое посредство.

Если посылаете книги («Восьмидесятники» и *Legenda Aurea*), пошлите их, прошу Вас, наложным платежом, чтобы я мог заплатить здесь за их пересылку.

Душевно преданный Вам

Вяч[еслав] Иванов

¹ Приписано на полях: «который мне все же хотелось бы предотвратить, п[отому] ч[то] я убежден, что Ваша лекция Милани действительно желательна, но что он запутался в принятых на себя обязательствах».

² Но я бы не желал выступать, как заместитель в запасе (*итал.*).

19. Амфитеатров — Иванову

Levanto. 19.VI.[19]32

Illustre Amico,

Prima di rispondere alla sua gentile lettera, ho lasciato passare tre giorni, nella speranza di vedermi arrivare qualche cenno dal Sig. Canonico Milani. Purtroppo, non mi è pervenuto niente.

Il 29 giugno mi sarà comodo, come pure il 3 luglio, ma bisogna che la data sia stabilita una volta definitivamente. E' proprio stranis-

simo cha il Sig. Canonico voglia trasgredire le proprie categoriche promesse e in questa maniera metta se stesso in una situazione poco piacevole verso Lei e me.

Rifiuto assolutamente il rinvio della conferenza alla prossima stagione. A meno che io sia pagato adesso, in compenso dei danni da me subiti, derivanti dai disinvolti rinvii del Sig. Canonico. Se egli fosse stato in principio contrario alla mia conferenza, poteva dirmelo subito, senza farmi perdere tempo e fatica di quasi 15 giorni di preparazione, rinviandomi da una domenica all'altra.

Dunque arriverci a presto (speriamo). La ringrazio tanto del suo gentile e paziente interessamento. Tante buone cose.

Suo dev[otissim]o

Alessandro Amfiteatroff

Машинопись с подписью.

Приводим его перевод с итальянского:

Леванто, 19.VI.[19]32

Глубокоуважаемый Друг,

Прежде чем отвечать на Ваше любезное письмо, я в течение 3-х дней все еще ждал и надеялся получить хоть какое-нибудь сообщение от Г-на Каноника Милани. К сожалению, мне так ничего и не пришло.

Мне одинаково удобно и 29 июня, и 3 июля, лишь бы дата была окончательной. Очень странно, что Г-н Каноник намерен нарушить свое твердое обещание и таким образом поставить себя в неловкое положение по отношению к Вам и ко мне.

Я решительно отказываюсь переносить выступление на следующий сезон, разве что при условии, что мне теперь будет оплачено в качестве компенсации за ущерб, нанесенный мне по причине легкомысленных переносов даты Г-ном Каноником. Если он в самом начале был бы против моей лекции, он мог бы сразу сказать мне об этом, вместо того, чтобы переносить с одного воскресенья на другое, и я, таким образом, не терял бы время и труд на подготовку, которая заняла у меня почти 15 дней.

Итак, до скорого свидания (надеюсь). Сердечно Вас благодарю за Ваше любезное участие и терпение. Всего доброго.

Вам преданный

Александр Амфитеатров

20. Иванов — Амфитеатрову

21.VI.[19]32

Дорогой Александр Валентинович,

Сердечно благодарю Вас за присылку книг. Не сердитесь, если я вышлю Вам почтовых марок, чтобы возместить малую часть

расходов, в которые я ввел Вас своею жадностью к Вашим произведениям: довольно того, что Вы столь щедро одарили меня ими, взыскивать с Вас за эту щедрость еще и почтовые повинности уже значило бы злоупотреблять «правами» дружества.

«Восьмидесятники» (3 тома) будут Вам по прочтении мною и моею дочерью, Вашего почитательницей таланта (теперь она в Риме)¹, — значит, не так уж скоро, не правда ли? — неукоснительно возвращены.

Прилагаю копию сопроводительной грамотки², с которою я сегодня препроводил Ваше итальянское письмо — уже не нашему неключимому [Так! — Дж.М.] канонику, а председательнице del Circolo Femminile Al[essandro] Manzoni Sig[no]ra Maria Danione, особе высокопоставленной, чтобы произвести движение воды и, по возможности, скандал в их комитете, т[о] е[сть] направил Ваше письмо в высшую инстанцию.

Дружески преданный Вам

Вяч[еслав] Иванов

¹ Лидия Вячеславовна Иванова (1896-1985, Рим). Ср.: «Кстати, я считаю, что этим автором [Амфитеатровым. — Дж.М.] напрасно пренебрегают. Такие невероятно широкие фрески дореволюционной России могли быть созданы только действительно большим талантом» (Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.148).

² Имеется в виду следующий текст, написанный рукой Иванова:

Alla genti[lissi]ma Sig[no]ra Maria Danione
Presidente del Circolo Al[essandro] Manzoni

Gentilissima Signora,

Il noto scrittore Alessandro Amfiteatroff, residente a Levanto Ligure, mio caro e stimatissimo vecchio amico, fu fino dall'inizio di questa stagione invitato dal Rev[erendissi]mo Canonico Don Milani a tenere nel Circolo Alessandro Manzoni una conferenza sopra «S. Francesco d'Assisi e S. Sergio di Russia». Pospose elaborandola altri lavori letterari che lo nutrono e subi i danni emergenti da questa interruzione della sua fatica quotidiana. Dopo molti rinvii, essendosi impegnato e per iscritto verso l'invitato, e oralmente verso di me quale intermediario delle trattative colla sua parola d'onore, di organizzare la conferenza prima della fine della stagione corrente, il Rev[erendissi]mo Canonico annunzia ora le conferenze del senatore Meda e del prof[essore] Capo come ultime della stagione — quelle «di chiusura».

Sottoponendo alla di Lei attenzione la lettera acclusa del mio amico, io cerco, come lo richiede il mio dovere, di schiarire la situ-

azione che minaccia di riuscire compromettente per il Circolo per il quale nutro, avendovi collaborato, una sincera simpatia.

Gradisca, gentilissima Singora, i miei distinti ossequi.

Il suo dev[otiss]imo

V.I.

Перевод письма Иванова с итальянского:

Многоуважаемой Г-же Марии Данионе,
Председателю кружка А.Мандзони

Многоуважаемая Госпожа,

Известный писатель Александр Амфитеатров, проживающий в Леванто, в Лигурии, мой добрый и уважаемый друг, был приглашен Достопочтенным Каноником Милани, с самого начала этого сезона, прочесть лекцию в Кружке А.Мандзони о Св. Франциске Ассизском и Св. Сергии [Радонежском]. Для подготовки этой лекции он отложил другие литературные работы, которые приносят ему необходимые средства для проживания, и потерпел значительный материальный ущерб из-за прекращения своего ежедневного труда. После многих отсрочек, несмотря на многочисленные обещания и клятвы, в устном и в письменном виде, и мне, как посреднику этих переговоров, и приглашаемому докладчику, о том, что лекция состоится до конца текущего сезона, Достопочтенный Каноник объявляет теперь, что лекции сенатора Меда и профессора Капо будут последними и «заключительными» на этот сезон.

Я предлагаю Вашему вниманию нижеприлагаемое письмо моего друга, в надежде, как подсказывает мне чувство долга, выяснить ситуацию, которая грозит скомпрометировать доброе имя кружка, с которым я сотрудничал и к которому я питаю самую искреннюю симпатию.

Примите, многоуважаемая Госпожа, мое искреннее почтение.

Вам преданный В.И.

21. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1932. VI.30

Дорогой Вячеслав Иванович,

Простите, что не сразу ответил на Ваше последнее письмо. Спешил сделать кое-какие дополнения в «Зачарованную Степь», которую переводит Ринальдо Кюфферле, и отослать ему! Канитель!

«Восьмидесятников» можете держать, сколько Вам угодно. А вот «Девятидесятников» я не могу Вам послать даже в столь жал-

ком виде, потому что второй том — без конца и без начала². Хорошо почитал кто-то!

На павийской лекции, значит, ставим крест. От души желаю канонику ни дна, ни покрывки, потому что посадил он меня ужасно, — прямо не знаю, как вывернусь. Да, словно назло, еще и «Сегодня» за первую половину июня прислало ровно половину должного гонорара, так что — одна слеза.

Читали Вы флорентинскую речь Мережковского, появившуюся в «Возрождении»³? Очень хороша. Много правды сказал и себя не пощадил даже.

Грустно, что не удалось повидаться с Вами и поговорить о многом.

Дочь Ваша ведь композиторствует? Мой сын Daniele говорил мне, что она талантливая, и возмущался, что не ей досталась какая-то премия, выданная, по национальному пристрастию, какому-то конкуренту-итальянцу, гораздо слабейшему. Это было года два-три тому назад⁴.

Издатель моей «Стены Плача», к великому моему удивлению и удовольствию, не плачет. Опыт бунта против книгопродавцев и кустарное распространение удаются. Книга идет.

Давно не получал русских книг. Пришли некие «Сны Петра» Лукаша⁵. Ужас! Человек, видимо, малограмотный, а «стилизует» — и чего он в сей стилизации нагородил, невообразимо. Достаточно сказать, что Петр Великий у него вместо «охабня» говорит «охоботье», то есть... мякина!

Впрочем, с русскими Вальтер-Скоттами, за исключением Алданова, бывают подобные приключения часто. У П.Н.Краснова в романе «С нами Бог» москвичи преважно рассуждают в 1811 году о превосходстве русской истории Карамзина над русской историей Полевого за семь лет до выхода первой и лет за двадцать до второй⁶?

Года три тому назад я, заинтересовавшись Алдановым, написал большую статью о русском историческом романе и ради того пересмотрел большую часть соответственной литературы. Боже, какая труха! Не удивительно, что Алданов имеет такой большой успех: помимо таланта, ума и образования, работает на почти девственной почве⁷.

Странная вещь русское творчество. Во всех областях оно сразу производит некое совершенство, которое как бы определяет возможность крайнего достижения, — дальше уже не перепрыгнешь, а остается только возможность приближения. Так и в историческом романе. Свежее и вечнее «Капитанской Дочки» не

напишешь. В «Войне и Мире» вечен «мир», а историческая сторона уже одряхла.

А вчера нужна мне была справка в «Герое нашего времени». Начал искать, — да и перечитал весь роман с начала до конца. Вот тоже написано-то! Даже страшно, как хорошо. И опять-таки недостижимо. И откуда этот офицер раздобылся таким классическим лаконизмом? Ведь иной раз одною фразою говорит, что выразить — даже Достоевскому потребовалась бы страница. Пушкин был все-таки классического образования и «читал охотно Апулея», а Лермонтову, поди, и Апулей-то был знаком только в переводе Кострова, похабных мест ради⁸. А вот поди же ты!

До свидания, дорогой Вяч[еслав] Ив[анович]! Желаю Вам всего хорошего. Не забывайте меня и, при случае, напишите о себе.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

Простите, перо вдруг задурило и накапало и наляпало. А переписывать лень. «Сергия и Франческо [Так! — Дж.М.]» я попробую обработать в статью и напечатать в «Le Operee i giorni», где уже бывали мои статьи⁹.

¹ Этот перевод «Зачарованной Степи» (Ревель: Библиофил, 1921) увидел свет позже: *La Steppa incantata / Traduzione dall'originale accresciuta di aggiunte inedite, e introduzione di Rinaldo Kufferle*. Milano: Casa Edit. Bietti, 1933 (Bibl. russa a cura di Rinaldo Kufferle).

² «Девятидесятиники» (Т.1: Московские осколки; Т.2: Подруги. СПб.: Прометей, 1909-1911. Второе издание — 1910-1913).

³ «Леонардо да Винчи и мы: Духовный кризис Европы» — речь, произнесенная Мережковским 16 мая 1932 во Флоренции на конгрессе Высокой Культуры, была напечатана: *Возрождение*. 1932. 24 июня. №2529 и 25 июня. №2530.

⁴ См. Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.142, 148, 198. История с премией произошла в 1929 (Там же. С.224-225). Даниил Александрович Амфитеатров (1901-1983) — старший сын А.В.Амфитеатрова от брака с Илланией Владимировной. Композитор и дирижер, с 1938 — в США, после Второй мировой войны вернулся в Италию.

⁵ Иван Созонтович Лукаш (1892-1940) — писатель. Имеются в виду его: *Сны Петра: Трилогия в рассказах*. Белград, 1931. (Русская библиотека. №31).

⁶ Речь идет об историческом романе П.Н.Краснова в двух книгах «С нами Бог» (Берлин: Медный всадник, 1927). Генерал Петр Николаевич Краснов (1869-1947), в частности, стоял во главе Союза русских патриотов, который выпустил «Стену Плача».

⁷ Об оценке Амфитеатровым творчества Алданова см. подробнее в публикации их переписки в наст. разделе.

⁸ Речь идет об издании: Апулей Л. Превращение, или Золотой осел / Перевел с латинского Императорского Московского Университета бакалавр Ермил Костров. Ч.1-2. Москва: В Университетской типографии у Н.Новикова, 1780-1781.

⁸ Статья о св.Франциске и св.Сергии не была опубликована в этом журнале.

22. Иванов — Амфитеатрову

Павия, 12.VII.[19]32

Дорогой Александр Валентинович,

Долго не писал я Вам, не желая понапрасну приводить Вас в досаду отчетами о полемической переписке между мною и (глупейшей!) председательницей кружка «Alessandro Manzoni», которой — ибо она представляет собою высшую в нашем деле инстанцию — подал я (с приложением Вашего письма) жалобу на предосудительное поведение богомерзкого каноника. Эта полемика поссорила меня с обоими, но не дала никакого положительного результата. Однако мой друг, монсиньор Нашимбене, ректор нашего Collegio, сделал на днях, при встрече с Милани, попытку пристыдить его и услышал в ответ, без всякой запинки и как будто ничего не случилось: «Come mai?¹ Лекция просто отложена на осень, так как свободного дня мы при всем нашем желании не могли найти». Тогда Нашимбене заметил, что в таком случае, и в виду нарушенных обязательств и прав лектора на неустойку, следовало бы послать ему вместе с объяснениями и некий аванс в счет будущего гонорара. На что каноник воскликнул с чувством: «Конечно, конечно! И это будет непременно сделано. Я теперь же напишу ему и вышлю деньги, direttamente²... без посредства профессора] Иванова!» На этом разговор пока кончился; Нашимбене, разумеется, ему не верит и намеревается при ближайшей встрече возобновить беседу.

Как я сокрушаюсь, что так жестоко подвел Вас, дорогой Александр Валентинович! Вы бы подождали сразу же печатать Вашу работу о св[ятых] Франциске и Сергии Радонежском: быть может, осенью прочтете ее в разных местах. Для Флоренции надеюсь на содействие милого Николая Петровича Оттокара — знакомы ли Вы с этим превосходным, а теперь, в качестве ордин[арного] профессора во Флор[ентинском] унив[ерситете], и немного влиятельным, человеком? Благодарю Вас за доброе и интереснейшее «ли-

тературное» письмо. Я неутешно огорчен тем, что свидание наше не состоялось. Заменяю личное общение чтением мастерской Вашей прозы, где в каждой строке все же Вы весь. «Восьмидесятники», помимо эстетической радости, которую они во мне вызывают, имеют для меня еще особую прелесть, не лишенную и горечи, но уже смягченной действием времени и безболезненной: ведь это все — Москва моей юности, ведь я вскормленник Первой Гимназии и в московский унив[ерситет] поступил в 1884 году!³

Обнимаю Вас с сердечною благодарностью заочно. Ваш

Вяч[еслав] Иванов

Посылаю Вам почтовых марок в покрытие расходов на последнюю посылку книг. А «Девятидесятников» как хотел бы — *впоследствии* — иметь хоть и в неполном виде.

¹ Как же так? (*итал.*).

² прямо (*итал.*).

³ См.: Автобиографическое письмо В.Иванова С.А.Венгерову // Русская литература XX века: 1890-1910 / Под ред. проф. С.А.Венгерова. Т. III. Кн. VIII. М.: Изд-во т-ва «Мир», [1916]. С.81-96. Перепечатано как приложение к «Воспоминаниям» дочери писателя.

23. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1932. VIII. 16

Дорогой Вячеслав Иванович,

Простите, что так долго молчал, не отвечал. В извинение свое могу привести нижеследующие причины.

1) По «Стене Плача и Стене Нерушимой» развилась у меня переписка совершенно непосильного мне объема: ежедневно два-три письма, из коих на многие надо немедленно отвечать, да еще и подумавши. Книга эта имеет совсем сумасшедший успех. Издание уже идет к концу. Осенью выпустит Б.Поппер новое¹. Вот тебе и «без магазинов и казенных объявлений».

2) В Варшаве и Риге изобрели и публиковали никогда небывалые и менее всего мне желанные мои якобы юбилеи: 70-летие возраста и 50-летие литер[атурной] деятельности. Вопреки моим опровержениям с указаниями на неправильность дат, подняли шум, а в результате опять письма, письма и письма, на которые опять-таки надо отвечать, да еще и каждому надо же объяснить, что я тут ни при чем и являюсь жертвою произвола охочих до сенсации коллег². А потому по целым дням сижу у письменного стола, долбя, как дятел, одни и те же отречения от незаслуженного поче-

та. Эта история доставляет мне много неприятных минут, но, так как нет худа без добра, то, с другой стороны, она позволила мне, хотя и ошибкою, узнать о добром расположении многих, коих я, по правде сказать, почитал настроенными в отношении меня совсем иначе. Ввели юбилейщики в заблуждение и Зелинского. Он прислал мне такое чудесное письмо, что ради него — куда уж ни шло, — можно простить всю эту напрасную и лживую шумиху.

3) В промежутках переписки должен был спешно сделать две работы: дополнения и примечания к «Зачарованной Степи», которую переводит Ринальдо Кюфферле (если только переводит, — я от него давным-давно не имею ответа ни на письмо, ни на последний посыл рукописи) для итальянского издания; и очень ответственный публицистический диалог «Беседа о Братстве Русской Правды»³. Сей последний поглотил две недели работы с утра до вечера.

4) Надо же было наряду с сими трудами для души строчить кое-что и ради хлеба насущного.

5) У нас здесь сейчас гостят уже месяц Н.Н. и Соф[ия] Н. Кедровы с дочкой Лиля [Так! — Дж.М.], что весьма приятно, но также ущербляет время⁴.

Затем... «на Шипке все спокойно»⁵, то есть... сквернее чего можно [придумать], но трудно.

От прелестного каноника Mario Milani, конечно, я не получил никакого письма, не говоря уже о деньгах. Это, очевидно, надо срезать с бирки.

В Париже, кажется, начинают сильно нажимать на русских. А в Риме, говорят, прозактируется закон, по которому иностранцам, живущим в Италии менее пяти лет, будет предложен «позвольте вам выйти вон» (за исключением, конечно, туристов, коим предоставляются шестимесячные и годовые сроки). Меня это, конечно, не касается, но сыну моему Владимиру Кадашеву⁶, пожалуй, придется выбираться, куда глаза глядят. Что, впрочем, не лишено хорошей стороны: засиживаться в безнадежно безработной Италии, да еще в глуши, для человека не старого и сил полного бесполезная трата жизни — капуанская погибель без капуанских удовольствий (по нищете). Только вот — куда деваться-то?

Слепну я очень. Вынужден отказаться от работы по вечерам. Опять, значит, ущерб времени. Вместо писания и чтения, играю в шахматы. Вы это любите? Кстати, о шахматах. Читали «Защиту Лужина» Сирина-Набокова? Хороша⁷.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Откликнитесь!

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров,
лже-юбиляр

¹ Склад издания отмечен на обложке «Стены Плача»: В. Поррег. Новое издание не выходило.

² Имеется в виду, в частности, статья П.М. Пильского «А.В. Амфитеатров. Его 70-летие и 50-летие литературной деятельности», в которой говорилось:

/.../ и тут я должен, прежде всего, заявить, что амфитеатровский двойной юбилей я справляю помимо его воли и даже вопреки его желаниям — словом, как будто назло. Дело же происходило так: при помощи разных вычислений я установил, что Александру Валентиновичу исполнилось 70 лет, а писателю Амфитеатрову — 50. Разумеется, я решил его чествовать. /.../ Естественно, я обратился к нему, во-первых, с поздравлением, во-вторых, с извещением о том, что о его юбилее редакция «Сегодня» поместит статью. В сущности, речь шла о самом простом: мы решили отметить достовернейший факт, на основании неоспоримых данных. Какой тут может быть разговор, тем более спор? Но возникли и разговоры и споры. Амфитеатров заартачился: юбилей не юбилей /.../ даты неверны, шум не желаю — словом, запел из «Жизни за Царя»: «сыграйте эту свадьбу без меня!»

Сегодня. 1932. 11 июля. №189.

В действительности, Амфитеатров родился 14(26) декабря 1862, а начал сотрудничать в юмористическом журнале «Будильник» в 1882. Так что газеты вполне правильно отметили оба юбилея.

³ *Братство Русской Правды* — законспирированная антибольшевистская организация, созданная в 1921 герцогом Г.Н. Лейхтенбергским, публицистом С.А. Соколовым-Кречетовым и ген. П.Н. Красновым. Кречетов выпускал и редактировал в Берлине журнал «Русская Правда» (1922-1933). Амфитеатров участвовал в деятельности БРП с 1927. Следы его работы над «Беседами о БРП» в архиве писателя имеются, однако опубликован этот материал, по-видимому, не был. См. также: Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Т.1. Ставрополь, 1992. С.232-233; Зубарев Д.И. «Красная чума» и белый терроризм (1918-1940) // Индивидуальный политический террор в России: XIX — начало XX в.: Материалы конференции. М., 1996. С.164-166.

⁴ Николай Николаевич *Кедров* (1871-1940) — основатель знаменитого мужского вокального квартета, который много гастролировал по России и Европе до Первой мировой войны. Он продолжал свою деятельность в эмиграции. Его дочь стала известной русско-французской актрисой.

⁵ Название трех объединенных сюжетом картин В.В. Верещагина, изображающих гибель русского солдата на Шипкинском горном перевале в Болгарии во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Верещагин взял название картин из официальных донесений генерала Ф.Ф. Радецкого, который сообщал, что «на Шипке все спокойно», в то время как его небольшой отряд был обстрелян со всех сторон турками.

⁶ Амфитеатров писал о своем сыне В.А.Амфитеатрове-Кадашеве, прозаике, поэте и публицисте, в шестой части своего обзора «Литература в изгнании»:

Владимир Кадашев (утвердившийся за ним псевдоним) обосновался в ней [в области фантастики. — *Дж.М.*] очень прочно и убежденно ("Фрачник с хвостом", "Зум-Зум" и пр.). Сильное воображение, напитанное Гофманом, Эдгаром По, Стивенсоном.

Новое время. 1929. 23 мая. №2417.

⁷ В пятой и шестой частях «Литературы в изгнании» Амфитеатров писал о В.В.Набокове:

Под несомненным влиянием Зайцева стоят молодые, возникшие и развившиеся уже в эмиграции, Николай Рощин и Владимир Сирин. Под последним псевдонимом стал известен сын публициста и политического деятеля, конституционалиста-демократа В.Д.Набокова, убитого в 1922 году шальной пулей сумасшедшего Шабельского.

Сирин, в рассказах и стихах своих мечтательный эстет и лирик с уклонами в фантастический импрессионизм, обещает выработать в очень значительную величину. Он хорошей школы. В первом своем романе «Машенька» он подражательно колебался между Б.Зайцевым и И.А.Буниным, успев, однако, показать уже и свое собственное лицо с «не общим выраженьем». Второй роман Сирина «Король, дама, валет» — произведение большой силы: умное, талантливое, художественно психологическое, — продуманная и прочувствованная вещь. Так как ее действующие лица и вся обстановка — не русские (область наблюдения автора — среда богатой немецкой буржуазии в Берлине: если бы не типически русское письмо В.Сирина, то роман можно было бы принять за переводный), то ему надо отвести место, и очень почетное, в том разряде зарубежной литературы, который я обобщу (хотя будет и не точно) названием «экзотического» /.../

В.Сирин, возвысившийся в «Короле, даме, валете» до глубины и типической изобразительности, удивительных для автора, который сам не немец. О, как знает Сирин немецкого бюргера и его женщину! В этом романе он отнюдь не нежный, сумеречный лирик полужантасического настроения, как в рассказах и стихах, а, напротив, резкий, иногда даже жесткий натуралист не германской, а французской школы, — я сказал бы, до «золаизма» включительно. /.../ Берлин Сирина уже проведен через обработку футуризма. Поэтому Сирин большой мастер передавать самое трудное для слова: впечатления быстрого движения, мелькания и т.д.

Новое время. 1929. 22 и 23 мая. №2416 и 2417.

Levanto
1935.VIII.19

Дорогой Вячеслав Иванович,

Миллион лет не писал Вам и от Вас не имел вестей. Кажется, с того вечера, уже давнего, как побывал у нас проездом Ваш сын¹. Очень много воды утекло с того времени. Лучше и не начинать рассказа, — начав, и век не кончишь. Да и все беспросветно грустное.

Сейчас пишу Вам по такому случаю. 27 января 1937 года исполняется, как Вам известно, столетие со смерти Пушкина. В русском Зарубежье задумано и уже решено с достаточным единодушием помянуть этот знаменательный день торжественно и широко. Во всех крупных центрах эмиграции сложились пушкинские комитеты, из коих центральный и руководящий в Париже, под председательством В.А.Маклакова и М.М.Федорова². А в членах — Бунин, Куприн, Зайцев, Шмелев, Бальмонт, Тыркова-Вильямс, Тэффи, Алданов и пр., и пр. — словом, все. Меня выбрали представителем для Италии, и я спешу пригласить Вас включиться в число членов: кому же, как не Вам, большому поэту, чтить поэта величайшего! Было бы еще приятнее и полезнее, если бы я мог сдать Вам представительство, так как, наверное, Ваши связи с итальянскими литераторами и поэтами гораздо обширнее и теснее моих, весьма ограниченных, по одиночеству моего житья в пустыне. Я, пока что, привлек к делу Ettore Lo Gatto, Ugo Ojetti, Riccardo Bacchelli [Так! — Дж.М.], Piero Gadda, Mario Puccini, написал G.V. [Так! — Дж.М.] Borgese, да он, кажется, в Америке³. Не знаю адреса Татьяны Варшер⁴. Она могла бы быть полезна. Не знаете ли Вы? Недурно было бы привлечь Rinaldo Küfferle, но я, во-первых, не знаю, где он, а во-вторых, мне не хочется ему писать, так как со времени своей женитьбы он, по каким-то неведомым мне причинам, очень невежливо меня покинул, и вот уже два года, что я по поводу этой загадки пребываю в недоумении без догадок.

Первая и, по-моему, главная цель Пушкинских комитетов — новое хорошее издание Пушкина в одном томе (на библейской бумаге) стоимостью не свыше 10 франков. Конечно, надо для этого и денег пособрать мало-мало, но, судя по именам некоторых членов комитета (Л.П.Детердинг, лэди Вернер) деньги и без сбора найдутся; нужно ведь, писал мне Федоров, всего сто тысяч франков. А мечта — дать Пушкина каждому зарубежнику за посильную цену. Как Суворин когда-то — за рубль. По-моему, на чем я настаиваю, всего. Парижане говорят: избранного. Но, получив проект

выбора, я пришел в изумление. Редактировать издание будет, кажется, М.Л.Гофман⁵. Если отбор сделан им, то не постигаю предположенных исключений и пропусков. Пушкин без «Дубровского», «Села Горохина» [Так! — Дж.М.], «Русалки», «Анджело», без «Под вечер осенью ненастной»... странное что-то⁶. Я написал откровенно и Маклакову и Федорову. Пишет последний, что дебаты по сему поводу будут, когда возобновятся заседания комитета. Если хотите, я пришлю Вам копию списка.

Хорошо было бы подвинуть итальянских друзей на печатание в 1935 и 1936 году в итальянских газетах статей о Пушкине для более полного ознакомления с Пушкиным и подготовки к столетней годовщине его смерти. В самую годовщину — 27 январ[я] 1937 г. — очень важен отклик всей итальянской печати на это событие и организация в нескольких крупных центрах торжественных собраний. До этого еще далеко, но за 1 1/2 года можно хорошо подготовиться. Для предполагаемой однодневной газеты я уже получил некоторые предложения.

Вот. Напишите, по возможности, поскорее, как Вы о том думаете.

И — как сами живете и что поделяваете? Я стар, слеп, нищ, глух и, кажется, уже глуп, хотя пытаюсь быть не совершенно в том уверенным. Желая Вам всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

Нет ли у Вас случайно каких-либо книг о Гоголе? Напр[имер], Мережковского, Розанова? Я пишу большую книгу о нем, а пособий мало имею (Белый, Мочульский, Ермаков, Бем, Сергеев-Ценский, Осипов, Зеньковский) и даже писем Гоголя у меня нет⁷. Если что найдется, возвращу с благодарностью аккуратно.

¹ Димитрий Вячеславович Иванов (р.1912, живет в Риме) — сын В.Иванова от брака с В.К.Шварсалон, журналист, писатель (псевд., по месту, где он родился во Франции, в Haute Savoie — Jean Neuvacelle).

² Федоров Михаил Михайлович (1858-1949) — видный общественный деятель русского зарубежья, основатель и глава ряда фондов и ассоциаций.

³ Ло Гатто Этторе (1890-1983) — итальянский литературовед, переводчик и популяризатор славянской культуры в Италии. Профессор, преподавал русский язык и литературу в Падуе, Риме и Неаполе. *Oietti Ugo* (1871-1946) — итальянский прозаик, критик и журналист. С 1930 член итальянской Академии. В течение 40 лет сотрудничал в газете «Corriere della Sera». *Баккелли Риккардо* (Bacchelli Riccardo; 1891-1985) — итальянский романист и драматург. *Гадда Пьеро* (р.1902) — писатель, автор био-

графии композитора Дж. Пуччини. *Пуччини Марио* (1887-1957) — итальянский писатель, критик. *Боргезе Джузеппе Антонио* (1882-1952) — профессор, литературный критик, романист и журналист. Видный теоретик антифашизма и антитоталитаризма, с 1913 — в изгнании в Америке, где преподавал в университетах. Вернулся в Италию в 1947, имел кафедру эстетики в Миланском университете.

⁴ *Татьяна Сергеевна Варшер* (1880-1960) — археолог, много писавшая о Помпеях (о зверях и растениях «помпейской» живописи), вблизи которых она и жила в Италии. Была связана с Немецким археологическим институтом и Американской Академией в Риме.

⁵ *Гофман Модест Людвигович* (1887-1959) — литературовед и критик. В 1920-1922 — сотрудник Пушкинского Дома. В 1922 командирован во Францию, с 1926 — невозвращенец. Преподавал в Сорбонне. Один из организаторов Пушкинской выставки в Париже в 1937.

⁶ В.Ф.Ходасевич писал об этом проекте:

Еще в ноябре 1934 г. Русский Национальный Комитет обратился «ко всем зарубежным русским, без различия подданств» с воззванием, в котором говорилось о необходимости к предстоящему юбилею издать два собрания сочинений Пушкина: академическое и популярное. Что касается первого из них, то неосуществимость подобного замысла сразу была очевидна для всех, имеющих понятие о деле. Не говоря уже о том, что издание академическое, то есть неизбежно состоящее по крайней мере из пятнадцати весьма объемистых томов, потребовало бы огромных, невозвратимых и для эмиграции непосильных затрат, совершенно ясно, что оно не может быть выпущено и по другим причинам: во-первых, в эмиграции вряд ли нашлось бы достаточно специалистов, которые могли бы подготовить издание в короткий срок, остающийся до юбилея; во-вторых (и это, конечно, главное, решающее препятствие, покрывающее все прочее) — подготовка академического издания неисполнима в эмиграции потому, что она требует непосредственного обращения к пушкинским рукописям, которые, за ничтожными исключениями, находятся в советской России.

Таким образом, мысль об академическом издании отпала тотчас. Инициатива издания популярного из рук Национального Комитета перешла к Комитету Пушкинскому. Что сделает Пушкинский Ком[итет] (и сделает ли он что-нибудь), в настоящее время нам неизвестно. /.../ рекомендовать его [это издание. — *Дж.М.*] читателям никак невозможно, ибо оно способно лишь засорить всякую библиотеку.

Ходасевич В.Ф. Книги и люди: Пушкин в издании «Иллюстрированной России» // Возрождение. 1936. 25 июля. №4036.

Однотомное «юбилейное» издание, однако, было выпущено Комитетом в 1937. В рецензии на него Ходасевич писал:

Небесспорно, что исключенные Комитетом и редактором (М.Л.Гофманом) «незаконченные и неотделанные» произведения и даже «шалости пера» «важны только для изучения, а не для простого чтения поэта» /.../ Однако одно дело — принципы, другое — практика. /.../ Из числа более крупных произведений включена неконченная «Русалка», включен «Дубровский». Правда, попал он в книгу «по желанию подписчиков», но раз уже было допущено и это отступление от принципов издания, то приходится пожалеть, что «подписчики» вовремя не напомнили редактору хотя бы об «Истории села Горюхина», о «Сценах из рыцарских времен», о «Египетских ночах».

Возрождение. 1937. 25 июня. №4084.

В издании был опубликован «Анджело», но не было «Под вечер, осенью ненастной».

⁷ Книга Амфитеатрова о Гоголе никогда не была завершена. Только фрагменты из нее публиковались: Пленный дух в немощной плоти: Этюд к книге «Н.В.Гоголь. Человек, смешавший людей» // *Возрождение. 1936. 5 марта. №3928*; Отталкивающий магнит: Этюд к книге... // Там же. 1936. 2 апреля. №3956; Наблюдатель: Этюд к книге... // Там же. 1936. 2 мая. №3986; Актерская натура: Этюд к книге...: К столетию «Ревизора» — 19 апреля (2 мая) 1836-1936 // Там же. 1936. 11 июня. №4025; Завтра «Ревизора»: Этюд к книге... // Там же. 1938. 21 января. №4115; Из рукописей, оставшихся после смерти А.В.Амфитеатрова: Комедия без конца: Этюд к книге... // Там же. 1938. 13 мая. №4131; Комедия без конца // *Земля Колумба (Нью-Йорк; Сан-Франциско; Лос-Анджелес). 1937. №2. С.61-76.*

25. Иванов — Амфитеатрову

Roma, via Gregoriana 12
23 августа [19]35

Дорогой Александр Валентинович,

Как обрадовало меня Ваше милое письмо! Давнее безвестие меня тяготило, и совесть мою обременяло сознание, что очередь в переписке за мной; но в грехах по этой части я погряз до отчаяния в своем спасении. И вот сегодня приходит, наконец, желанная, хотя краткая и унылая, весть от Вас. Погуляло письмецо Ваше, так как с августа прошлого года я уже не в милом моему сердцу Collegio Vogameo: сократили штаты, место мое упразднили, и меня отпустили, подарив мне 10000 лир¹. Я с дочерью пока что в Риме, без места; литературные заработки не велики; я и она получили итальянскую cittadinanza², сын же, Вам известный, — француз: он родился во Франции и по достижении совершенно-

летия опирался в пользу Франции; он студент-филолог в Aix-en-Provence³. Благодарю Вас за приглашение включить меня в число членов по устройству Пушкинских поминок и с радостью его принимаю. Но представительство от Италии я бы на себя по многим причинам не взял, да и не сумел бы справиться с этою задачей по своей нерасторопности и отсутствию организаторских способностей. Нет, представителем от Италии должны быть именно Вы, старейший — *potre doyen* — из русских писателей, в Италии живущих (впрочем, их 2, 3 — и обчелся!), и притом Вы (несмотря на все Ваши сетования) человек энергический и представительный. А поговорить с некоторыми знакомыми итальянцами и побудить их к содействию — могу, поскольку Вы это одобрите: имею в виду, например, Джованни Папини, пожалуй, Бенедетто Кроче, Франческо Пастонки, академиком Формики и, может быть, Паволини, профессоров Мавера, Манакорду, Габетти⁵, Николая Петровича Оттокара, если последний, подобно Ло-Гатто, Вами еще не приглашен. (Участие Татьяны Варшер — пусть это останется между нами! — представляется мне не «полезным», как Вы пишете, а, напротив, вредным, потому что она всех и все мутит. А Михаила Ивановича Ростовцева⁶ «Современные Записки», где он сотрудничает, привлекут к участию и содействию и без ее посредничества.) С Кюфферле я сам давно не имею прямых сношений, что не помешало ему дать свои прекрасные переводы моих стихов в *пешего upico*⁷, посвященный моей лит[ературной] деятельности журналом *Convegno* (апрель 1934)⁸. Меня тем более удивляет то, что Вы об нем пишете, что прежде говорил он о Вас с неизменной любовью и почитанием и даже как-то ставил на вид свое сыновнее к Вам отношение. Уж не обиделся ли он на Вас, как это часто бывает с неуверенными в своих силах молодыми писателями, за какую-нибудь обескураживающую критику? Живет он в Милане, *via Moscova 42*; по Вашему особливому поручению могу ему написать. Из лиц, не в Италии живущих, организация не должна забыть драгоценного для всего предприятия, любимого друга нашего Фаддея Францевича; рекомендую не забывать и моего друга Евгения Васильевича Аничкова, профессора в Скопле (Югославия), и его ученика, моего молодого приятеля, Илью Ник[олаевича] Голенищева-Кутузова, профессора в Белграде⁹. Из итальянских молодых славистов, которых мне приходится экзаменовывать на приват-доцентуру по истории русской литературы, есть трое четверо, могущих быть привлеченными с пользой для дела. Наконец, могу заинтересовать в начинании институт по русской литературе при Берлинском университете; миланский *Convegno (rivista)* и блестящую немецкую rivista «Corona» в Цюрихе, где я по-

стоянный сотрудник¹⁰. На сегодня довольно. Обнимаю Вас заочно с любовью.

Ваш Вячеслав Иванов

Ваш взгляд на предположенное издание Пушкина всецело разделяю. «Избранные сочинения» никого не удовлетворят, и Пушкин без «Дубровского», без «Анджело», без «Русалки» — чудовищность и бессмыслица.

¹ «С осени 1926 г. до летних вакансий 1934 г. я жил там [в Колледжио. — Дж.М.], в дивном здании XVI-ого века, но сокращение бюджетов повело за собой упразднение отдельной профессуры в Колледжио. В Риме я, наконец, развязался с большевиками, приняв итальянское подданство; но приглашение во Флорентийский университет не было утверждено министерством, потому что мне было-де уже под 70 лет — предельный возраст, — а на самом деле потому, что я не был записан в фашистскую партию», — писал Иванов С.Л. Франку 3 июня 1947 (Мосты. 1963. №10. С.364-365).

² подданство (итал.).

³ См.: Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.225-226, 236-237.

⁴ наш старейшина (фр.).

⁵ *Папини Джованни* (Pardini Giovanni; 1881-1956) — итальянский критик, романист, поэт, сотрудник журн. «Весы». См. о нем: Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.181. *Кроче Бенедетто* (Croce Benedetto; 1866-1952) — итальянский философ и критик. О встрече Кроче с Ивановым в Павии в апреле 1931 см.: Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.180. *Пастонки Франческо* (Francesco Pastonchi; 1874-1953) — итальянский поэт, прозаик и драматург. Преподавал итальянскую литературу в Туринском университете. С 1939 — академик. *Формики Карло* (Formichi Carlo; 1871-1943) — индианист, профессор санскрита в Риме. С 1929 — вице-президент Итальянской Академии (L'Accademia d'Italia). *Паволини Паоло Эмилио* (Pavolini Paolo Emilio; 1864-1942) — востоковед, профессор, преподавал санскрит во флорентийском университете. *Мавер Джованни* (Maver Giovanni; 1891-1970) — ученый-славист, профессор польской литературы в Римском университете, в 1952 основал журнал «Ricerche Slavistiche». Считается «отцом» итальянской славистики. *Манакорда Гвидо* (Manacorda Guido; 1879-1965) — критик и писатель. *Габетти Джузеппе* (Gabetti Giuseppe; 1886-1948) — ученый-германист.

⁶ *Ростовцев Михаил Иванович* (1870-1952) — историк, ученый-классицист, археолог. В 1901-1918 — профессор Петербургского университета. С 1918 — в эмиграции. С 1925 — профессор древней истории и классической филологии в Йельском ун-те (США). Его переписку с В.Ивановым см.: Михаил Иванович Ростовцев и Вячеслав Иванович Иванов: Новые материалы / Публ. Г.М.Бонгард-Левина, М.Вахтеля, В.Ю.Зуева // Вестник древней истории. 1993. №4. С.210-220.

⁷ монографический выпуск (итал.).

⁸ Il Convegno: Rivista di letteratura e di arte. Anno XIV-XV. №8-12. 25 Dicembre 1933 — 25 Gennaio 1934. (Содержание выпуска см.: Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.181). Три перевода ивановских стихов сделаны Кюфферле и помещены в выпуске: «Cappella votiva» — «Капелла» («У замка, над озером...»); «La via d'Emmaus» — «Путь в Эммаус» и «Il corno alpino» — «Альпийский рог».

⁹ Аничков Евгений Васильевич (1866-1937) — историк литературы, критик, специалист по романским литературам. Голенищев-Кутузов Илья Николаевич (1904-1969) — исследователь европейских средневековых литератур и славянских литератур XV-XVI веков, переводчик, поэт (В.Иванов написал предисловие к его сборнику стихов: Память. Париж, 1935). Г.-К. вернулся в СССР в 1955. Об их отношениях с Ивановым см.: Иванова Л.В. Воспоминания. Указ. изд. С.228. Переписку Иванова и Г.-К. см.: Europa Orientalis. 1989. №8; Октябрь. 1993. №3.

¹⁰ О журнале «Сокопа» см.: Иванова Л.В. Указ. изд. С.141, 177-178.

26. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1935.IX.10¹

Вот видите, дорогой Вячеслав Иванович, как я был прав, считая, что представительство должны взять на себя Вы, а не я. Добрая половина перечисленных Вами имен мне и в голову не приходила, а как будет хорошо, если все они примкнут! Переговорите, пожалуйста, со всеми, и — кто принципиально согласен, всем я разошлю официальные приглашения, как скоро получу от М.М.Федорова бланки. О Н.П.Оттокаре прошу в особенности, — я его не знаю, а, между тем, из Парижа тоже в особенности о нем просят, равно как и о Lo Gatto. Относительно Т.Варшер принял к сведению. Я совсем не знаю ее лично, но, по писаниям ее, в коих она Римом и Ромреи распоряжается с ревнивым азартом вотчинной собственности, я полагал, что без нее там ныне и святая вода не святится. Кюфферле, если можно, пожалуйста, напишите. Неловко, если не будет в комитете переводчика «Театра Пушкина»². Причина его отдаления от меня продолжает быть неведомой и непостижимой. На днях он получил в Viareggio поощрительную премию за какой-то свой роман Ex-Russi³. Не читал, но заглавие мне не нравится: значит, опять пишет о том, чего не знает. Переводчик он превосходный и, если бы сосредоточился на том, то сослужил бы русской литературе и поэзии не меньшую службу, чем в Германии Боденштедт⁴. Я это не раз ему говорил и писал. Но ему хо-

чется во что бы то ни стало умножить собою неисчислимое множество итальянских беллетристов средней руки: ни хорошо, ни плохо; прочитать можно, а нужно ли — другой вопрос. Вероятно, за то он на меня и надулся. Или, может быть, еще [дуется]. Перед женитьбой он написал мне извещение с теми «сыновними» чувствами и выражениями, о коих Вы пишете, при чем очень горестно сообщал, что болен сам и невеста его больна серьезно. Я ему отвечал, что со счастьем поздравляю, а, прежде чем жениться, надо вылечиться обоим: женские болезни не шутка. Я сам двенадцать лет жизни в первом своем браке испортил и себе, и жене, повенчавшись с больной женщиной. Если на это обиделся, то совсем дурак: зачем же было и оповещать меня «сыновне» о таких интимностях, спрашивая тем самым моего «родительского» участия и совета? Это я пишу Вам, конечно, с просьбою — «между нами».

Очень радуюсь, что мы с Вами так сошлись во взглядах на издание Пушкина. В Париже это произведет должное впечатление. Тем более, что к нам всецело примыкает Лондон в лице Ариадны Тырковой-Вильямс. Я все стремлюсь написать доклад, да нет времени: поденщина заедает, надо зарабатывать на старости лет медные гроши, а то нищ, как Иов, и жена совсем изведена борьбой за существование в непосильном труде.

Думаю, что хорошо было бы привлечь к делу популярную газету, как «Giornale d'Italia», «Tribuna», «Messaggero». Я когда-то был хорош с Virginio Gayda⁵. Но литературными делами в «Giorn[ale] d'It[alia]», кажется, ведает Tilgher⁶. Вы его не знаете ли?

Как горестно, что Вы расстались с Pavia! Я Вам завидовал: тихий университетский город, кафедра и большая библиотека — всегда были моей мечтой. А теперь завидую, что Вы в Риме. Обожаю я его. А уже двадцатый год, что не видал. И как, — слышно, — он переменялся?

Не знаю, писал ли я Вам, что побывали у меня Ф.Ф.Зелинский с женой Вероникой, но так мимолетно, что — одно огорчение. И поговорить ни о чем не успели. Только снялись группю. Он нисколько не переменялся за восемь лет, что мы не видались, разве немножко вялее говорит и заметно, что мало встречается с русскими: усилился польский акцент, к[ото]рого прежде вовсе не было. Привлечь его в комитет следует непременно, если только он не привлечен уже Варшавою.

Как музыка Вашей дочки?

Ну, будьте здоровы и благополучны! Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

¹ В оригинале описки в дате: «VIII» вместо «IX». Почтовые штемпели на конверте: 10.9.35 и 10 set[tempre] 1935.

² Имеется в виду перевод Кюфферле «Бориса Годунова» и «Маленьких трагедий»: *Il Boris Godunov e le tragedie minori / Traduzione in versi e introduzione di Rinaldo Küfferle. Milano; Verona: A Mondadori, 1936.* Его же переводы романов и повестей Пушкина вышли в том же году: *Romanzi e racconti / Unica traduzione integrale dal russo di Rinaldo Küfferle. Milano, 1936.*

³ Küfferle R. *Ex-Russi: Romanzo. Milano, 1935.*

⁴ *Боденштедт* Фридрих Мартин фон (Bodenstedt Friedrich Martin von; 1819-1892) — первый знаменитый немецкий переводчик Пушкина (почти всех художественных произведений), Лермонтова, Козлова и других русских и украинских поэтов и прозаиков на немецкий язык.

⁵ *Гайда Вирджинио* (1855-1944) — итальянский историк, журналист и идеолог итальянского и немецкого фашистского экспансионизма. Автор книги: *Il crollo russo (dallo zarismo al bolscevismo). Torino, 1920.*

⁶ *Тильгер* Адриано (Tilgher Adriano; 1887-1941) — итальянский критик, эссеист и журналист.

27. Иванов — Амфитеатрову

Roma, via Gregoriana, 12
10 февраля 1936

Дорогой Александр Валентинович,

Давно собираюсь, но, отвлекаемый неотложными заботами, до сих пор не удосужился — сообщить Вам нечто важное. А именно: я говорил с вице-президентом Академии проф[ессором] Carlo Formichi о предполагаемом пушкинском торжестве и встретил самое сочувственное отношение к этому замыслу. L'Accademia d'Italia охотно устроит посвященное памяти Пушкина заседание с участием только ее членов; это придаст празднованию характер *национальной* демонстрации Италии: ясно, что это maximum наших желаний и что празднование, которое собирается устроить проф[ессор] Lo Gatto в своем Istituto per l'Europa Orientale не может идти с ним в ряд по значению и торжественности, так как l'Institutо есть только специальное научное учреждение, отнюдь не представляющее итальянской нации¹. Чтобы торжественное заседание, о котором говорит Formichi, состоялось, желательно было бы, чтобы центральный комитет, устраивающий интернациональные пушкинские поминки, обратился в Академию Италии,

— например, через того же вице-президента Формики, — то ли с приглашением присоединиться к торжествам, то ли просто с сообщением о предполагаемом чествовании. Сообщите, дорогой Александр Валентинович, что Вы об этом думаете и что предполагаете предпринять.

С глубоким уважением неизменно и сердечно Вам преданный
Вячеслав Иванов

Академия хочет почтить Пушкина самостоятельно, по своему независимому почину, но для возбуждения дела ей желательно опираться на конкретный факт русского общественного движения в пользу пушкинского чествования.

¹ Институт Восточной Европы был основан Ло Гатто. Не следует путать его с Восточным Институтом, где преподавал В.Иванов. См.: Иванова Л.В. Указ. изд. С.248.

28. Амфитеатров — Иванову

Леванто
[11 февраля 1936]

Дорогой Вячеслав Иванович,

Давно уже получил Ваше новогоднее приветствие, за какое и благодарю, прося извинения, что не ответил таковым же, затормозившись с разными, не весьма приятными, делишками плачевного эмигрантского быта. Кроме того, была на Вашей карточке приписка: «Пишу». Я и поджидал, что напишете, и я уже сразу отвечаю, изложив Вам заодно все, что накопилось за это время по Пушкинскому Комитету. К нему примкнули с большой охотой многие итальянские литературные и артистические силы, например, переводчики Пушкина: Ринальдо Кюфферле, Джованни Гандольфи¹, издатель пушкинской прозы Паоло Маранини², беллетристы: Рикардо Баккелли, Пьеро Гадда и др.

Известный славист проф. Этторе Ло Гатто также отозвался на мой призыв с большим энтузиазмом. Это было тем приятнее, что он предлагал слить наш Пушкинский Комитет с другим, проектированным в римском Институте для Восточной Европы. Слияние, конечно, значительно облегчило бы организацию подготовки к празднеству. Я сообщил предложение Ло Гатто в Париж, где оно было принято весьма радостно. Самого Ло Гатто мы с Парижем в проекте намечали активным председателем, а в почетные метили на Габриеле д'Аннунцио³.

Я полагал это дело уже на мази, как вдруг вчера, по возвращении Ло Гатто из Чехословакии, где он пробыл довольно долго,

я получил от него неожиданно письмо с отказом по «персональным» причинам, как он пишет. В этом письме он сообщает мне, что предполагавшаяся организация в Римском Институте расстроилась, и все дело здесь сведется к изданию Институтом небольшого сборника статей о Пушкине, да к его (Ло Гатто) лекциям в падуанском Университете. В том же письме он сообщает мне, что, по его сведениям, Вы в Риме организуете свой особый Комитет, для которого вошли в сношения с Академией. Это известие меня несколько озадачило, так как я ничего подобного до сего времени не слышал от Вас. Напротив, когда я просил Вас снять с меня непосильное мне представительство и взять его на себя, то Вы, к моему огорчению, отказались. Я решительно ничего не имею против Вашей организации, если она действительно существует, наоборот, приветствую ее, в особенности при условии союза с такой огромной силой, как Академия, и охотно сдам на Ваши руки «полномочия», которыми облек меня Париж. Но не могу понять, почему Вы, составляя такую крупную организацию, не сообщили о том мне, не избавив меня тем от напрасных хлопот.

Вышла таким образом неприятная двойственность приглашений, за что, боюсь, отвечать придется мне. Пожалуйста, опишите мне, как обстоит дело, чтобы я мог разъяснить его тому же Ло Гатто (он, судя по тону письма, хотя дружеского, чувствует себя как будто обиженным) и другим приглашенным, а затем сойти с Моисеева седалища, мне не принадлежащего. Вы же, как поэт и глава целой поэтической школы, имеете на оное все права, и я, как уже раньше писал Вам, буду очень рад, если Вы возядете.

Очень буду ждать Вашего ответа и до получения его приостановлю всякие свои действия по дальнейшим приглашениям.

В прошлом Вашем письме Вы назвали целый ряд лиц в высокой степени почтенных, которых присутствие в Комитете, конечно, было бы очень желательно.

В Париже собираются чествовать 50-летний юбилей Бальмонта⁴. Хорошо было бы откликнуться на него коллективно.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

Машинопись с подписью.

¹ В 1937 вышли три тома произведений Пушкина в итальянском переводе Джованни Гандольфи (Giovanni Gandolfi; 1868-?) — «Борис Годунов»; «Скупой рыцарь», «Каменный гость» и «Русалка»; «Цыганы», «Полтава» и «Медный всадник» (Изд. G.Carabba). Этот переводчик выпустил также: *Lirici Russi del secolo aureo*. Lanciano, 1926.

² Paolo Maganini возглавлял миланское издательство «Bietti», которое выпустило «Капитанскую дочку» на итал. языке в 1937.

³ *Д'Аннунцио Габриэле* (d'Annunzio Gabriele; 1863-1938) — итальянский поэт, прозаик и драматург. «Официальный» поэт итальянского фашизма, с 1937 — президент Итальянской академии.

⁴ 24 апреля 1936 Союз русских литераторов и журналистов в Париже, в ознаменование 50-летия литературной деятельности К.Д.Бальмонта устроил вечер «Писатели — поэту» в парижском *salle du Musée Social*. В программе участвовали: И.С.Шмелев, Н.А.Тэффи, М.И.Цветаева, А.М.Ремизов, Б.К.Зайцев и С.Л.Поляков-Литовцев. В состав комитета по организации юбилейного вечера вошли: М.А.Алданов, И.А.Бунин, кн. С.М.Волконский, Зайцев, Тэффи, Шмелев, А.Н.Бенуа, К.А.Коровин, А.К.Гречанинов, С.В.Рахманинов и др.

29. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1936 (XIV).II.12

Дорогой Вячеслав Иванович, только что отправил Вам длинное письмо, как получил Ваше, коим мое «аннулируется». Само собою разумеется, лучшего результата, чем академическое чествование Пушкина, мы и желать не можем, и я, не медля, напишу о том парижанам. Жаль, что Вы не написали мне о Вашем сговоре раньше, так что известие дошло до меня прежде со стороны, и *Lo Gatto*, не подозревая моего неведения, мог заподозрить, что мы ведем двойную игру, — с ним договариваемся на всякий случай, а налаживаем настоящее-то дело с Академией. Но я это все не замедлю выяснить, и все к лучшему в этом мире, лучшем из миров. Среди академиков я имею старого друга Отторино Респиги¹. Как раз сегодня я писал ему о наших пушкинских делах, но из *Corriere della Sera* узнал, что он, бедный, очень болен, так что задерживаю письмо до его — надеюсь — скорого выздоровления². Думаю, что в литературной и официальной части чествования нам больше и заботиться нечего. Я же теперь приложу старания к тому, чтобы откликнулся Пушкину италорусский артистический мирок Милана и Флоренции. Как Вы думаете? Напишите. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

Почтовая открытка.

¹ *Респиги Отторино* (Respighi Ottorino; 1879-1936) — итальянский композитор, профессор Национальной академии Санта Чечилия в Риме. «Помню в углу его [Респиги. — Дж.М.] богатой и очень разнообразной библиотеки целую полку, занятую романами Амфитеатрова. — И вы их

читаете в подлиннике? — он спрашивает. Я сомневаюсь, чтобы он мог осилить огромные (хотя и превосходные) романы Амфитеатрова. /.../ Респиги дружил с Амфитеатовым, сын которого, Даниил, учился у него». (Иванова Л.В. Указ. изд. С.147-148).

² Респиги умер 18 апреля 1936 «в полном расцвете творческих сил» (Там же. С.147).

30. Иванов — Амфитеатрову

Roma, via Gregoriana, 12
14 февраля [1936]

Дорогой Александр Валентинович,

Письма наши скрестились. Вчера получил Ваше письмо, где Вы сообщали мне целую кучу досадных вымыслов о будто бы организуемом мною где-то на задворках Академии особом комитете по чествованию Пушкина и иных моих происках — и тотчас написал Вам в ответ обстоятельное опровержение таковых слухов. Но эта апология, к счастью, не нужна, ибо вижу из Вашей сегодняшней открытки, что мое скрестившееся с Вашим письмо окончательно выяснило истинное положение дела. Сердечно Ваш

Вячеслав Иванов

Почтовая открытка. Штемпели: Roma. 14.II.36. и Levanto. 15.2.36.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иванов — М.М.Федорову

Копия
М.М.Федорову,
Товарищу Председателя
Пушкинского Комитета.
Париж

Рим, 28 декабря 1936
61, via Monte Tarpeo

Многоуважаемый Михаил Михайлович,

Из печатного перечня Пушкинских комитетов, приложенного к протоколу парижского центрального комитета номер 7, я вижу, к немалому своему удивлению, что продолжаю считаться «председателем пушкинского комитета» в Италии. Таковым не состою и никогда не состоял. Никогда со своей стороны я не подавал повода к этому недоразумению, досадному для меня потому, что оно

ставит меня в ложное положение перед лицом Пушкинского Комитета, который, если бы дело шло не о простом недоразумении, справедливо мог бы упрекать меня в бездействии, несовместимом с обязанностями местного председателя.

Но я не только не подал ни малейшего повода к этому заблуждению, а и больше того: уже давно старался его рассеять. Впервые узнал я о приписываемом мне «председательстве» от А.В.Амфитеатрова, которого немедленно уведомил, что слухи, о коих он мне сообщал, ни на чем не основаны, что я никогда не только не брал на себя формально или официально, но и фактически или по собственному почину (лучше сказать: самочинно) не предпринимал никакой организационной работы, что ни о каком «комитете» в Италии ничего не знаю и что — хотя я охотно вношу свое имя в список литераторов, примыкающих к парижскому комитету, если таковое присоединение последнему желательно, — однако решительно отклоняю какую бы то ни было направительную или организаторскую роль, находя, между прочим, что таковая в Италии должна по справедливости быть поручена ему, А.В.Амфитеатрову, старейшему из немногих живущих в Италии русских писателей.

Время от времени получал я деловые сообщения или поручения по пушкинскому делу; весь этот материал передал я проф. Гектору Доминиковичу Ло Гатто, прося его списаться с Парижем, объяснить факт моего неучастия в организационной работе и взять на себя ряд практических забот, напр[имер] о распространении пушкинских открыток и о подписке на книгу «Сочинения Пушкина» (на подписном листе я и некоторые мои знакомые выставили свое имя). Проф. Ло Гатто любезно взял на себя все эти поручения, выпустил книгу, распространение открыток и т.д. и писал обо всем этом в Париж, но, по его словам, не получил ответа.

Ло Гатто, в свою очередь, не стоит во главе никакого комитета, в качестве директора римского Istituto per l'Europa Orientale (via Lucrezia Caro, 67) подготавливает собрание с речами итальянских писателей о Пушкине и юбилейный сборник статей о Пушкине для итальянцев¹. Кроме того, его стихотворный (и, прибавлю, превосходный) перевод «Евгения Онегина» на итальянский язык, с моим введением, отметит пушкинский год в Италии². Более года тому назад я говорил в *частном порядке* (не как организатор, а как русский поэт) с вице-президентом Итальянской Академии о желательности пушкинского собрания в Академии и, следовательно, при участии *одних академиков*. Но это предложение было на заседании Академии отклонено, — по-видимому, по ображениям международной политики³.

Примите, многоуважаемый Михаил Михайлович, с моими годовыми поздравлениями и пожеланиями полного успеха делу Комитета, выражение моего глубокого уважения.

Вячеслав Иванов

Машинопись с подписью.

¹ 9 февраля 1937 Иванов, по просьбе Ло Гатто, произнес речь о Пушкине на собрании Института по поводу столетия со дня смерти поэта. См.: *Gli aspetti del Bello e del Bene nella poesia del Puškin* // Alessandro Puškin nel primo centenario della morte / Ed. E.Lo Gatto. Roma: Istituto per l'Europa Orientale, 1937. См. русский перевод: Два маяка // Иванов Вяч. Собр. соч. Т.4. Брюссель, 1987. С.330-342.

² Ло Гатто читал из своего перевода «Евгения Онегина» на вечере 9 февраля 1937. Перевод появился с предисловием Иванова: «Eugenio Oneghin» di Alessandro Puškin / Versione poetica di Ettore Lo Gatto / Introduzione di Venceslao Ivanov. Milano, 1937. Ивановский перевод предисловия см.: Роман в стихах // Современные записки. Кн.64. 1937. С.177-195; Собр. соч. Т.4. С.324-329.

³ В статье «Неожиданная встреча (Вячеслав Иванов в Риме)» М.Б.Чарный писал: «Отмечалось 100-летие со дня смерти Пушкина — и не только в Советском Союзе, но и во многих странах за рубежом. Муссолини, раздраженный неудачами своих авантюр в Абиссинии и Испании, политикой, которая проводилась Советским Союзом, запретил публично отмечать дату. /.../ И вдруг приходит приглашение от Института восточной культуры посетить закрытый вечер, посвященный Пушкину» (Вопросы литературы. 1966. №3; перепечатано: Иванова Л.В. Указ. изд. С.325-326).

Амфитеатров — М.М.Федорову

Копия

Levanto
1937.(XV).I.8

Многоуважаемый Михаил Михайлович,

Копию письма В.И.Иванова я уже три дня тому назад получил от него самого и очень огорчился. Но что же я могу сделать? Ведь Вы же знаете, что я еще в сентябре должен был отказаться от работы по Пушкинскому Комитету, с объяснением причин, почему. После того была у нас Тэффи¹, и я просил ее сообщить Вам на словах то самое, что я изложил Вам письменно. Тяжелая семейная беда — душевная болезнь моего сына Романа, — и полное отсутствие материальных средств лишают меня всякой возможности энергично помогать большому общественному делу Пушкин-

ского праздника. Я очень обрадовался, прочитав в присланном мне печатном отчете, что функции, которых я не в состоянии исполнять, возложены на Ринальдо Кюфферле, и что он осуществляет как будто тот самый план, что я отмечал в весенних письмах к Вам. Но от самого Кюфферле я не был извещен о том ни единым словом, и теперь в том же пребываю. О том, что Кюфферле в переговорах с Т.Павловой и др., и Вы мне писали. Ведь он же виделся с Вами и обо всем уговорился. Если все это были только проекты, а не дело, могу лишь выразить глубокое сожаление. Дело с Академией и Формики вел Вячеслав Иванов. У меня там связей нет, — был Отторино Респиги, да умер. Что с Академией вышел разрыв, для меня прискорбный сюрприз. Что касается Этторе Ло Гатто, о котором пишет Вячеслав Иванов, он сейчас в Чехословакии и вернется лишь в конце января. Мы с ним в отличных отношениях. Я в самом начале хлопот рассчитывал на его содействие и пригласил его и получил было его согласие. Но затем его кто-то чем-то из Парижа обидел (так думаю), и он прислал отказ, о чем я в свое время писал Вам. (Должно быть, ему не понравилось перемещение центра юбилейного торжества с Института для изучения Восточной Европы в Академию.) Он же свой пушкинский план осуществляет, как пишет Вам Вячеслав Иванов и могу подтвердить я, потому что Институтом для юбилейного пушкинского сборника приобретена и уже сдана мною статья «Дружба Пушкина и Гоголя»². Времени до 29 января — 10 февраля остается так мало, что трудно исправить пропущенное. Я Вам писал, что на бумаге ничего нельзя сделать, — Вы сами по опыту видите, что даже не отвечают. Если бы были деньги, я все-таки решился бы взяться снова за дело, — отправиться в Милан и Рим и наладить, что возможно, с оперой и театром, газетами и колониальными силами. Но у меня нет средств не только на разъезды, а и на почтовые расходы, да и сапоги надо купить и какое-нибудь подобие теплого платья, а то я и наг, и бос. Меньше тысячи лир было бы не обойтись даже самым скаредным расходом, а — удалось бы его покрыть доходом, не знаю. Во всяком случае, меня ли командировать, на местах ли кого уполномочить и средствами к действиям снабдить, поспешайте. Иначе, пожалуй, в самом деле, всеевропейское чествование Пушкина останется без Италии, что и горестно и конфузно.

Пользуюсь случаем поздравить Вас с русским[и] рождественскими праздниками и Новым Годом и от души пожелать Вам в нем всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

Машинопись.

¹ См. статью Амфитеатрова «Чары Тэффи» (Возрождение. 1936. 4 июня. №4019). В статье «Последние дни» И.В.Амфитеатрова писала: «Дни мы [с А.В.Амфитеатровым. — Дж.М.] проводили за чтением книг и газет. Чего я только не перечитала ему за болезнь. Между прочим, всю Тэффи милую. А.В. то тихо посмеивался, то улыбался, а то говорил серьезно: — Какой большой талант!» (Возрождение. 1938. 1 апреля. №4125).

² Amfiteatrov A. L'amicizia di Puskin e Gogol' // Alessandro Puskin nel primo centenario della morte / Scritti di V.Ivanov, G.Maver, A.Amfiteatrov, G.Morici, E.Anagnine, E.Gasparini, L.Gancikov, E.Damiani, R.Poggioli, W.Giusti, V.Cajola, A.Biolato Mioni, E.Lo Gatto. Ed. E.Lo Gatto. Roma, 1937.

31. Амфитеатров — Иванову

Levanto
1937 (XV).III.26

Дорогой Вячеслав Иванович,

Христос Воскрес! Поздравляю Вас с светлым праздником Св[ятой] Пасхи и желаю Вам всего хорошего. Вот для праздника радостная весть: К.Д.Бальмонт воскрес от своего недуга и прислал мне два прекрасные письма и отличные стихи¹. Слава Богу!
Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

Открытка с видом на Леванто. Штемпель: III.26.1937.

¹ В конце своей статьи «Литература в изгнании» Амфитеатров писал: «Вот уже около сорока лет Бальмонт царит в русской поэзии, время от времени переживая направленные против него поэтические революции, однако, ни одной из них не удалось лишить его трона /.../. Это едва ли не самый образованный человек в русской художественной литературе и полиглот, каких мало во всех литературах. /.../ Он — как бы живое олицетворение идеи, что русский гений есть всеславянский гений» (Новое время. 1929. 26 мая. №2419; см. также письмо №16, прим.3).

32. И.В.Амфитеатрова — Иванову

Levanto
1938 (XVI).I—5

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

А.В. просит меня приветствовать Вас и пожелать Вам счастливого Нового Года. Сам он этого сделать не может, т[ак] к[ак]

очень болен¹. Меня простите за опоздание, но я совершенно завалена корреспонденцией.

Примите и от меня наилучшие пожелания.

И.Амфитеатрова
(Илария Владимировна)

Штемпель на конверте: 5.1.38.

¹ О болезни, кончине и похоронах Амфитеатрова см.: Возрождение. 1937. 31 декабря. №4112; Там же. 1938. 25 марта. №4124; Амфитеатрова И. Последние дни // Там же. 1938. 1 апреля. №4125.

«ПАРИЖСКИЙ ФИЛОСОФ ИЗ РУССКИХ ЕВРЕЕВ»

Письма М.Алданова к А.Амфитеатрову

Публикация Э.Гарэтто и А.Добкина

Так характеризовал Амфитеатров своего будущего корреспондента в статье, посвященной его творчеству, за полтора года до начала публикуемой переписки¹. Поздравляя русскую литературу с обретением «нового превосходного исторического романиста»², вряд ли он мог предполагать, что с этим писателем, столь далеким от него политически и художественно, вскоре завяжется очень интенсивный эпистолярный диалог — не только профессиональный, но и дружеский.

Комплекс писем Марка Александровича Алданова (наст. фам. Ландау, 1886-1957) в блумингтонском архиве Амфитеатрова довольно объемён (53 письма) и, хотя уступает в этом смысле хранящимся там же эпистолярным массивам И.А.Бунина, Н.А.Тэффи и И.С.Шмелева, среди переписок Амфитеатрова с товарищами по литературному цеху в пору его второй эмиграции должен быть признан одним из наиболее содержательных³.

Творческие результаты деятельности Алданова и Амфитеатрова трудно сопоставимы. К моменту начала переписки Алданов — признанный мастер эмигрантской литературы, его прозу охотно переводят на иностранные языки, он влиятельный сотрудник ведущих эмигрантских органов — газеты «Последние новости» и журнала «Современные записки». Амфитеатров же вынужден прозябать в остывающих лучах своей бы-

---

¹ Амфитеатров А. О русском историческом романе // За Свободу! 1925. 8 октября. №258. С.2.

² Там же.

³ К сожалению, место хранения амфитеатровских писем к Алданову нам пока обнаружить не удалось. Не исключено, что они разделили печальную судьбу парижского алдановского архива, большей частью погибшего после бегства писателя в свободную зону Франции в 1940.

лой славы и, несмотря на бурную писательскую и журналистскую активность, все больше утрачивает связь с читателем⁴. Да и переизданным за последние годы несколькими книгам Амфитеатрова трудно тягаться с двумя выпущенными за короткий срок собраниями алдановских сочинений.

Однако было и нечто, сближавшее обоих писателей. Прежде всего это рационалистическое отношение к действительности, добросовестно унаследованное от прошлого века позитивизм. Оба писателя были совершенно далеки от религиозных исканий и мистических чаяний русской мысли начала XX века⁵. В той же мере Алданову и Амфитеатрову были чужды теоретические построения и художественная практика отечественного и европейского модернизма, оба с большим пиететом относились к наследию русской классической литературы (Амфитеатров при этом, видимо, считал себя не только ее современником, но и полноправным участником) и оба на нее ориентировались как на образец.

При всем различии уровня дарования, близость идейно-художественных установок не могла не воплотиться в общность литературной манеры обоих писателей. Доброжелательно настроенный к Амфитеатрову рецензент писал: «Амфитеатров-беллетрист не влечется к частностям, штрихам, психологическим подробностям и анализам, к художественным акварелям, тонкостям передачи запахов, оттенков, звуковых нюансов. Ему нужны большие холсты, ему дорого размашистое письмо, близки занимательные и захватывающие сюжеты»⁶. Те же черты современники подмечали и в творчестве Алданова.

Публикуемая здесь переписка начинается почти без преамбул, с самого важного для обоих корреспондентов — вопроса о том, как следует писать исторические романы. При этом система Мережковского подвергается острой критике, и Алданов решительно отрицает свою какую бы то ни было от него зависимость. Обосновывая свой «пессимизм», писатель формулирует свое кредо как исторического романиста: писать о прошлых эпохах необходимо для более точного понимания сегодняшней политической ситуации.

Амфитеатров понял его, быть может, слишком буквально, вычитав из алдановского творчества то, чего там, пожалуй, и не было: «Капитальный труд Алданова представляет собою высокую ценность, как историческую и литературную, так и отчасти публицистическую. В зеркале Фран-

---

⁴ Отвечая несколькими годами позже на анкету, распространенную среди русских эмигрантских писателей, Амфитеатров констатировал: «В настоящее время моя литературная работа /.../ сводится к довольно бесплодным усилиям уберечь свою семью и себя от голода и холода, печатанием там, где еще печатают, того, за что еще платят, и за столько, сколько еще дают» (Молва. 1934. №11; LL. Вох 9. Fold. «Writings. В: Bibliographical Materials»). Впрочем, в материальном отношении Алданову было не намного легче.

⁵ При этом писательский интерес Амфитеатрова к демонологии не отменял для него приверженности ко вполне традиционному православию. Что касается алдановской «философии случая», то она — как нам кажется — все же ближе к атеистическому мировоззрению, чем к какому-либо иному.

⁶ Пильский П. Об одной странной любви: «Рассказ присяжного поверенного» Ал. Амфитеатрова // Сегодня. 1936. №348.

цузской революции читатель невольно ищет параллелей к событиям и лицам современных нам революций, и автор невольно нам их выясняет. /.../ Алданов — типический западник, весь от корня вольтерианской школы, от Эрнеста Ренана, Анатоля Франса. Глубокий пессимист, при всяком удобном случае ссылающийся на безотрадную философию Экклезиаста. Художественное достоинство его романов неровно, но очень часто поднимается на высоту первоклассного мастерства. /.../ [Алданов] — мыслитель-скептик, который слывет и, кажется, сам себя считает социалистом, хотя влюбляется исключительно в дик[та]ториальные "сверхчеловеческие" фигуры⁷. Здесь не со всем хочется согласиться. Параллели с сегодняшним днем были необходимы Алданову для лучшего понимания настоящего, а отнюдь не для публицистического внесения в него готовых схем, почерпнутых в прошлом. Кроме того, при всем внимании и уважении Алданова к великим историческим деятелям «диктаториального» толка, личной симпатии к ним он все-таки не испытывал.

Думается, что одной из причин того, что Амфитеатров не до конца понимал своего корреспондента, было глубокое различие в их политических взглядах. Еще во время Первой мировой войны, когда Амфитеатров активно отстаивал ее необходимость и справедливость со стороны России, Алданов занимал выраженную антивоенную позицию. В эмиграции же амфитеатровская ориентация на «активизм», готовность идти против большевиков «хоть с чертом», симпатии к фашизму — все это не могло встретить понимания у Алданова, последовательного противника любого насилия, с какой бы стороны оно ни исходило. Кроме того, мотивы социальной справедливости и представление о непреходящей ценности каждой человеческой личности не утратили для Алданова своего значения в ходе исторического катаклизма. Амфитеатров же был здесь готов вернуться едва ли не к новременским позициям.

Важным моментом, разделявшим обоих писателей, являются и их разные представления о степени включенности их родины в общемировой исторический процесс, об уникальности исторического пути России. Если Алданов был последовательным «западником» и «европейцем», то позицию Амфитеатрова лучше всего сформулировал в письме к нему один из читателей: «Вы сумели создать /.../ такой эпос, который позволяет чуть ли не логически понять те события, которые Вас самих изгнали из России /.../ Та Россия, которая началась дягилевским "Миром искусства" и в Скрябине достигла музыкального идеала какого-то, не могу сказать по счету, Интернационала, является ярким противником того дивного творчества, которое Россия, как утопленный град Китеж, пыталась осуществить, начиная с Глинки и кончая Корсаковым»⁸.

Существенным является и разное отношение обоих писателей к Л.Н.Толстому. Если для Алданова, при всех его отступлениях от толстовской философии истории, тот оставался незыблемым нравственным

⁷ Амфитеатров А. Литература в изгнании. Белград, 1929. С.43.

⁸ LL. Vox 3. Fold. «Korzukhin». Письмо к Амфитеатрову от инженера и историка музыки, автора брошюры «Римский-Корсаков и Вагнер» (Берлин, 1922) Ивана Алексеевича Корзухина от 16 сент. 1924 из Мексики.

и литературным авторитетом⁹, то Амфитеатров относился к Толстому неприязненно — не мог примириться с толстовским дезавуированием «сильных личностей», его отрицанием роли личности в истории.

Все перечисленные различия не только не отталкивали Алданова и Амфитеатрова друг от друга, но и подогревали их взаимный интерес. Алданов видел в своем корреспонденте опытного литератора¹⁰, старшего товарища по литературному цеху, внимательно относился к его мнению о своих произведениях. Амфитеатров же искренне радовался успехам коллеги, ценил его дарование, откровенно обсуждал с ним детали современного литературного процесса и политической ситуации. Мнения их не всегда совпадали, но это отнюдь не мешало интенсивности и насыщенности их общения.

Публикуемые письма не только позволяют нам заглянуть в творческую лабораторию Алданова-писателя (вплоть до технологии разрабатываемых им стилевых приемов), но и развернуто представляют его как общественного деятеля и человека. Сам пребывая в хроническом эмигрантском безденежье, он постоянно деятельно помогает Амфитеатрову и другим литераторам, хлопочет о ссудах для них, устраивает публикации и переводы и т. п. Для Амфитеатрова Алданов (наряду с Тэффи) становится одним из немногих «своих людей» в русском Париже. При этом идейные и политические несогласия с людьми, которым он стремится материально помочь, не имеют для Алданова никакого значения¹¹: толстовский завет о «круговой поруке добра» не был для него пустой декларацией.

***

Из 53 сохранившихся алдановских писем к А.В. и И.В. Амфитеатровым мы отобрали для публикации 34 наиболее, с нашей точки зрения, интересных и присоединили к ним 2 письма Амфитеатрова к Алданову, уцелевших в виде черновиков. Все тексты печатаются по подлинникам, хранящимся в фонде Амфитеатрова в Отделе рукописей Lilly Library (Университет штата Индиана, Блумингтон, США). Кураторам и сотрудникам этого архива мы выражаем нашу глубокую признательность за разрешение опубликовать хранящиеся там материалы и прекрасные условия, предоставленные нам во время нашей работы. Все тексты печатаются по правилам современной орфографии с сохранением индивидуальных авторских особенностей. Источники всех неоговоренных цитат хранятся в LL.

⁹ Наблюдательный и острый на язык Г.В. Адамович вспоминал, что Алданов «произносил эти два слова "Лев Николаевич", почти как люди верующие говорят "Господь Бог"» (Мои встречи с Алдановым // Новый журнал. 1960. №60. С.112).

¹⁰ О том, что разница в политических взглядах не была существенна для этой репутации Амфитеатрова, свидетельствует письмо к нему С.П. Постникова от 6 февр. 1937 из Праги: «Политически я далек от Вас, но всегда восхищаюсь Вашим редким талантом публициста. К сожалению, этот талант в современной русской журналистике почти исчез, казенщина стили убивает часто и самую мысль».

¹¹ Об относящейся уже к послевоенному времени помощи Алданова Г.В. Адамовичу, Г.В. Иванову и И.В. Одовецовой см.: Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды / Публ. О.А. Коростелева // Минувшее. Вып. 21. М.; СПб., 1997. С.396-400.

Глубокоуважаемый Александр Валентинович.

Очень рад был Вашему письму и искренне Вас благодарю за все любезное и лестное, что в нем сказано. Вашему мнению я придаю исключительное значение и весьма им дорожу. Сегодня же вышло Вам новое издание «Св.Елены»¹, впрочем, не очень отличающееся от старого, а также 3 оттиска «Заговора» из «Совр[еменных] Записок» (будет еще четвертый, в ближайшей книге журнала; это лишь отрывки — роман выдет только осенью)². Статьи свои я надеюсь издать, но это дело будущего, — у меня даже и отписок нет. На днях (недели через две) в «Посл[едних] Новостях», вероятно, появится центральная глава «Заговора» — убийство Павла I³. Я и Вам пошлю.

Статьи Ваши в «За Свободу» я читал с особенным интересом (одной не мог достать). Одно замечание, если позволите. Не обмолвка ли Ваши слова о влиянии на меня Д.С.Мережковского⁴? Мы с ним в самых добрых отношениях, и как критика я его очень ценю — особенно первый том «Толстого и Достоевского». Но как романист (если он романист) он мне более чем чужд — я просто не переносу его романов. Он ведь и не пытается сделать своих героев похожими на живых людей. А в этом, по-моему, все. Мережковский играет в схемы и в идеологические куколки. Мне всегда казалось, что его беллетристика — сплошное недоразумение. Я это когда-то и писал, но Вам говорю свое откровенное мнение, разумеется, *в конфиденциальном порядке*. С историей Дмитрий Сергеевич, по-моему, церемонится тоже много меньше, чем полагается историческому романисту⁵. Не приписывайте, пожалуйста, этих моих слов обиде или излишнему самолюбию. Влияний я испытал немало, но *этого* не было ни в какой мере. Трилогию я читал лет 12, если не более, назад, а более поздние романы Д.С. едва мог осилить⁶.

Пишете ли Вы что-либо большое? По-моему, долг Ваш — довести до наших дней серию, открытую «Восьмидесятниками»⁷.

Еще раз искренне Вас благодарю за внимание и за добрые слова. Шлю Вам привет и пожелания всего лучшего.

Ваш М.Ландау-Алданов

¹ Завершающая по хронологии сюжета, но первая по времени создания часть тетралогии «Мыслитель» — роман «Святая Елена — малень-

кий остров» — впервые появился в 1921 на страницах «Современных записок» (№3, 4). Отд. изд. вышел в Берлине в 1923 (изд-во «Нева»). Второе, исправленное изд. помечено 1926 (Берлин: «Слово»).

² «Заговор» печатался в «Современных записках» (1926. №28, 29; 1927. №30, 31). Отд. изд. вышел в Берлине в 1927.

³ Глава из «Заговора» об убийстве Павла I в «Последних новостях» напечатана не была. Только 4 сент. 1927 там появилась глава «Министр полиции», посвященная Фуше.

⁴ Речь идет о пяти первых статьях Амфитеатрова о творчестве Алданова, вышедших под общим заголовком «О русском историческом романе» (За Свободу! 1925. №231, 243, 249, 253 и 258). В заключительной статье этого цикла, в частности, говорилось: «В г. М. Алданове учительство Мережковского состязается с учительством Толстого. Молодому эклектику очень хотелось бы влить толстовскую живую жизнь в скульптурные формы и архитектурные схемы Мережковского». Особенно привлекало Амфитеатрова сближавшее, по его мнению, Алданова и Мережковского (и не свойственное Толстому) «доброжелательство к "большому человеку", как таковому, независимо от пятен на его моральной репутации», «умение уважать демоническую мощь "гения" — хотя бы и под густым слоем житейской и политической грязи» (Там же. №258).

⁵ Отклики Алданова на творчество Мережковского-романиста см.: Алданов М. О новом романе Д.С.Мережковского // Последние новости. 1921. 19 сент.; Он же. Д.Мережковский. Тайна Запада. Атлантида. Европа. (Белград. Русская библиотека) // Современные записки. 1931. №46. С.489-491; Он же. [Некролог Д.С.Мережковскому] // Новый журнал. 1942. №2. С.368-373. Ср. замечание одного из первых критиков Алданова-романиста, Андрея Левинсона: «Его [Алданова. — Публ.] больше интересуют люди, а не быт, а в людях движение их мысли. Никакой любви к исторической бутафории, к крохоборству археолога, заполнившим исторический роман со времени Вальтера Скотта» (Последние новости. 1922. 15 февр. Цит. по: Чернышев А. Историко-литературная справка // Алданов М. Собр. соч. Т.2. М., 1991. С.540). Сравнение исторических взглядов писателей см.: Лурье Я.С. После Льва Толстого. СПб., 1993. С.105-111.

⁶ Имеется в виду роман-трилогия «Христос и Антихрист» (1896-1905), а также романы «Александр I» (1913) и «14 декабря» (1918). В архиве Амфитеатрова сохранился такой его отзыв о Мережковском, по-видимому, неопубликованный: «человек эпохи крутого перелома в духовной жизни русской интеллигенции /.../ В русле "богоискательства" Мережковский и его супруга Зинаида Гиппиус — главнейшие струи /.../. Инстинкт поэта внушил ему задачу ее [богоискательской мысли] художественного воплощения, инстинкт историка указал ему эпохи, поучительно богатые символическим смыслом» (LL. Box 9. Fold. «Appunti: Vari XIII». №2/4).

⁷ Речь идет об исторической хронике Амфитеатрова «Концы и начала». См. подробнее: прим.5 к письму 5 наст. публ., а также прим.5 и 6 к письму 8 и прим.2 к письму 21 в публикации переписки Вяч.Иванова с Амфитеатровым в наст. разделе (далее: ВИ).

Глубокоуважаемый Александр Валентинович.

Очень Вас прошу извинить меня, что еще не поблагодарил Вас за письмо Ваше, которое чрезвычайно меня обрадовало. Я хотел заодно послать Вам центральную главу «Заговора», но «Совр[еменные] Зап[иски]» не разрешили мне напечатать ее отдельно в «Посл[едних] Новостях», а оттиски из «С[овременных] З[аписок]» еще не готовы. Как только получу, отправлю Вам. Все ждал оттиска — очень типография тянет.

Впрочем, не судите по этому оттиску. Я в «С[овременных] З[аписках]» печатаю только отрывки из романа, а целиком роман выйдет лишь в сентябре (разумеется, Вы тотчас его получите). В этом отрывке — убийство Павла — страница мрачная. Знаю, что меня бранят за мрачность. Казалось бы, чего бы романисту, пишущему в самую безотрадную эпоху истории о другой эпохе, тоже не слишком веселой, быть настроенным «бодро»? Одно могу сказать: *русскую* жизнь конца 18 века и ее деятелей я изобразил (по самому искреннему, разумеется, убеждению) гораздо менее мрачной, чем эпоху и деятелей Франц[узской] Революции. Изучение жизни и дел русских «политических людей» того времени привело меня к заключению, что они и в моральном, и в умственном отношении стояли значительно выше тех благодетелей человечества, которым мы с гимназической скамьи поклонялись, слепо веря Мишле, Блоссам¹ и другим украшателям истории. Пален, Панин, Воронцов, Суворов, Новиков, Безбородко² были очень замечательные люди. Такими я и пытался их изобразить (за что, кстати сказать, иностранная критика меня укоряла: за «идеализацию реакции»). Не вызывает во мне доброжелательства только образ Екатерины, хоть и ее, я думаю, Л.Толстой и Пушкин (Дашковская рукопись) изобразили чрезмерно мрачно и жестоко³. Но и самые худшие из деятелей эпохи Екатерины—Павла—Александра по сравнению с каким-нибудь Фуше⁴ представляются мне людьми весьма порядочными. Я теперь в Archives Nation[ales] изучаю бумаги франц[узской] политической полиции 1794-1800 г. — то же Ч.К. — каждая бумага пахнет кровью, в каждом картоне преступление... Очень тяжело читать, и неврастения моя от этого чтения растет с каждым днем.

Я был искренне огорчен смертью Арцыбашева, хотя лично его не знал и во многом с ним расходился. Он был очень талантливый человек.

Где теперь сын Ваш Владимир Александрович⁵? Я давно не имел от него новостей. Пожалуйста, передайте ему мой привет.

Еще раз сердечно Вас благодарю и прошу верить моему глубокому уважению и преданности.

М.Алданов

¹ Мишле Жюль (1798-1874) — французский историк романтического направления, автор «Истории Французской революции». Блос Вильгельм (1849-1927) — немецкий публицист и историк, автор трудов о революции 1848-1849 в Германии.

² Ср. в авторском предисловии к роману «Заговор»: «Долголетнее изучение документов, относящихся к людям [выделено Алдановым. — Публ.], убедило меня в том, что /.../ Суворов, Пален, Безбородко, Панин, Воронцовы /.../ в умственном и моральном отношении стояли не ниже, а выше большинства их знаменитых западных современников, участников Французской революции» (Париж, авг. 1927; цит. по: Алданов М. Указ. изд. Т.2. С.7). В письме имеются в виду: Пален Петр Алексеевич (1745-1826) — военный губернатор Петербурга в 1798-1801, один из организаторов дворцового переворота 1801; Панин Никита Иванович (1718-1783) — гос. деятель и дипломат, участник дворцового переворота 1762, воспитатель Павла I, в 1763-1781 — во главе внешнеполитического ведомства; Воронцов Семен Романович (1744-1832) — дипломат, в 1784-1806 — посол в Лондоне; Новиков Николай Иванович (1744-1818) — просветитель, писатель и издатель; Безбородко Александр Андреевич (1747-1799) — дипломат, с 1775 — секретарь Екатерины II, затем канцлер, с 1783 — руководил внешней политикой России.

³ Возможно, имеются в виду неоконченная повесть Л.Н.Толстого «Посмертные записки старца Федора Кузмича...» (1905; перв. публ. — 1912) и пушкинские «Заметки по русской истории XVIII века» (1822), написанные после знакомства поэта с рукописью мемуаров Е.Р.Воронцовой-Дашковой, хранившейся в библиотеке М.С.Воронцова. О первом из этих произведений ср.: «Портрет императрицы в "Федоре Кузьмиче" по своему отталкивающему характеру ни с чем не сравним в художественной литературе. Некоторые черты этого портрета меня поражали — я не мог понять, откуда Толстой их взял: в огромной литературе о Екатерине II, даже в литературе нагло-памфлетной, этих подробностей нет; а выдумать их, конечно, не позволила бы Толстому совесть исторического романиста. /.../ Недавно в воспоминаниях о Толстом одного из его друзей я нашел решение загадки. Оказывается, источником послужили здесь рукописи Публичной библиотеки» (Марк Алданов о Толстом // Алданов М. Соч. в 6 тт. Т.6: Ульмская ночь. М., 1996. С.472; перв. публ. — Современные записки. 1928. №36).

⁴ Фуше Жозеф (1759-1820) — министр полиции Франции в 1799-1802, 1804-1810 и 1815, создатель системы политического сыска и шпионажа. В 1793-1794 — один из главных проводников якобинского террора, затем перешел на сторону термидорианцев.

⁵ О сыне Амфитеатрова от первого брака *Владимире Александровиче* (псевд. В.Кадашев, 1888-1942, Леванто) см. подробнее во вст. ст. С.Шумихина к публикации дневников Кадашева: *Минувшее*. Вып.20. М.; СПб., 1996. С.435-438. До конца 1930 он жил преимущественно в Праге и Берлине, иногда приезжая к отцу в Леванто.

3

156, av. de Versailles, Paris XVI
15.V.[19]27

Глубокоуважаемый Александр Валентинович.

Искренно Вас благодарю за Ваше письмо, которое прочел несколько раз. Не буду повторять Вам, какое значение я придаю Вашему суждению и как ценю Ваше доброе мнение. Но некоторые строчки Вашего письма, относящиеся к моему роману, побуждают меня обратиться к Вам с большой просьбой — хоть мне и совестно Вас беспокоить. Я предполагаю (или, вернее, обязан) сдать рукопись «Слову»¹ 25 мая. Не будете ли Вы добры вкратце указать мне, какие именно места Вам показались слабыми? В корне переделать все я уже не мог бы, но некоторые поправки еще можно внести в рукопись. Знаю, как это трудно, но все же, если можете, исполните эту мою просьбу, чем чрезвычайно меня обяжете. В случае Вашего согласия, Вы могли бы просто послать мне оттиски «Заговора» с краткими заметками на полях. Я их Вам тотчас верну, да и роман весь Вы получите в начале осени.

Позвольте на этот раз ограничиться только этим кратким спешным письмом. Еще раз очень Вас благодарю и шлю Вам сердечный привет и самые добрые пожелания.

Преданный Вам и глубоко уважающий

М.Алданов

¹ Берлинское издательство «Слово» (1920-1933) во главе с И.В.Гессеном специализировалось преимущественно на выпуске русских классиков, но также издавало Алданова и Набокова. См. подробнее: Гессен И.В. *Годы изгнания*. Париж, 1979; Williams R.C. *Culture in exile: Russian Emigres in Germany, 1881-1941*. Ithaca; London, 1972.

4

23.VI.[19]27

Глубокоуважаемый Александр Валентинович.

Я уезжал на несколько дней из Парижа и Ваше письмо от 16-го получил только сегодня, — простите опоздание в ответе. Насчет

оттисков нет ли недоразумения? *Сами по себе* они ведь мне не нужны — я хотел получить Ваши замечания на полях. «Заговор» уже отослан издателям, и я обещал изменений в корректуры не вносить (вечная моя война с ними из-за правки). Однако, ежели бы оказались существенные погрешности, я все-таки внес бы поправку. Да и для меня самого Ваши указания имели бы, повторяю, очень большую ценность.

Еще раз сердечно Вас благодарю за все, что Вы пишете. Очень ценю и очень тронут.

По-итальянски я читаю, но о романе «*Il Diavolo al Pontelungo*» не слышал, ничего не знаю и об авторе его¹. Постараюсь достать эту книгу. Бакунин — человек очень *загадочный* (особенно в свете его «Исповеди»), и очень интересно прочесть о нем в романе. Судя по Вашим словам, Vacchelli изобразил не конкретного революционера-идеалиста в духе романов Шпильгагена²?

Цвибак журналист очень бойкий и славный юноша вдобавок³. Газеты наши все, понятно, никуда не годятся. Но в эмиграции, где 20-тысячный тираж считается чудом, хорошую газету создать трудно. Ведь мы все, пишущие люди, получаем гроши. А.И.Куприн подсчитал как-то, что ему теперь платят в 60 раз, кажется, меньше, чем платили в России!

С Кюферле я обменялся двумя письмами. Если это Вы обратили его внимание на мои книги, то и за это искренно Вас благодарю. На итальянский язык ни один мой роман не переведен — может быть, его отзыв подтолкнет какого-либо безумца-издателя⁴. Я живу главным образом гонораром от иностранных переводов. Вот давно хочу пьесу написать, но не историческую.

О 1812 годе писать после Льва Николаевича... нет! Хоть, конечно, *историческая* картина «В[ойны] и Мира» — «субъективна» (я, кстати, прекрасно помню то, что Вы об этом писали в свое время⁵).

Шлю Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания.

Ваш М.Алданов

[Приписка на полях:] Много слышал об успехах и о таланте Вашего сына-музыканта⁶. Где он живет? Или все ездит?

¹ «*Il Diavolo al Pontelungo*» («Черт в Понтелунго», 1927) — один из множества исторических романов итальянского прозаика, драматурга и поэта Риккардо Баккелли (Vacchelli, 1891-1985). Роман посвящен пребыванию Бакунина в Италии, в местах, с детства хорошо знакомых автору. С Амфитеатровым Баккелли сближал интерес к истории, разнообразию народных речевых стилей и диалектов, а также литературная плодовитость и бурная публицистическая активность. См.: Записная книжка // За

Свободу! 1927. №104. В архиве Амфитеатрова сохранилось два письма к нему Баккелли: «Я очень рад, что мой портрет Бакунина показался Вам правдивым», — писал он 15 октября 1927. В письме от 9 июня 1932 он высоко оценивает амфитеатровский роман «Жар-цвет» (см. о нем в ВИ). На роман Баккелли «*Oggi domani mai*» («Сегодня, завтра, никогда»; Milano, 1932) Амфитеатров откликнулся рецензией: Итало-еврейский аристократ XX века // Сегодня. 1932. 27 мая. Последние годы Бакунина изображены и в алдановском романе «Истоки» (1943-1947).

² *Шпильгаген* Фридрих (1829-1911) — немецкий писатель, социально-политические романы которого были популярны в России.

³ *Цвибак* Яков Моисеевич (псевд. Андрей Седых, 1902-1994) — журналист, критик, мемуарист, сотрудник «Последних новостей», а после войны — «Нового русского слова» (с 1973 — главный редактор). Его мемуары об Алданове см.: Седых А. Далекие, близкие. М., 1995. С.51-68.

⁴ О писателе и переводчике Ринальдо *Кюфферле* см. предисловие к наст. разделу и прим.8 к письму 7 в ВИ. Позднее «издатель-безумец» нашелся, и Кюфферле перевел на итальянский роман «Святая Елена — маленький остров» (*Sant' Elena. Piccolo isola: Romanzo / Traduzione dall' originale e introduzione di R.Küfferle. Milano: Bietti, 1930*), а также написал предисловия к итальянским переводам романа «Девятое термидора» (Milano, 1933), сборника исторических очерков Алданова «Современники» (Milano, 1933) и его кн. «Десятая симфония» (Milano, 1935). Первый же перевод Алданова на итальянский относился к публицистическому жанру: Landau-Aldanov A. [Так! — Публ.] Lenin / Traduzione di Attilio Rovinelli. Milano: Sonzogno, 1920.

⁵ Амфитеатров упрекал Толстого в том, что «Наполеон "Войны и мира" — предумышленно злобная карикатура. Одна из тех многих, которые некий темный дух влагал в мысли нашего русского великана, когда он /.../ видел другого великана вровень себе или головою выше» (О русском историческом романе // За Свободу! 1925. 8 октября).

⁶ Амфитеатров Даниил Александрович (1901-1983) — композитор и дирижер, ученик О.Респиги. См. о нем также: Минувшее. Вып.13. По указателю.

Глубокоуважаемый Александр Валентинович.

Искренно Вас благодарю за добрый отзыв и о «Черчилле», и особенно о «Заговоре»¹; я не раз Вам писал, какое значение имеет для меня Ваш отзыв большого художника, заодно и мастера техники. Немного меня огорчило то, что Вы пишете о гл[авных] исторических сценах «Заговора»². Однако, если они в самом деле хо-

рошо (правда ли?) сделаны an und für sich³, то пусть читатель на них и поскучает. Для меня всего важнее в романе Штааль — милый молодой человек средних достоинств⁴. Удалось ли его сделать живым? — в этом главное. Вот Антон Арсеньев — живой человек⁵.

Если позволено автору судить о своих книгах, я скажу, что «Заговор» при бесчисленных недостатках лучше «Ч[ертова] Моста» и особенно «9 Термидора»⁶ — именно потому, что люди более похожи на живых. «Заговор», по-моему, и проще: в прежних романах я прибежал и к стилистическим «фокусам». Вы верно заметили (в печати это никем не было замечено), что в «9 Термидора» похороны Робеспьера (стр.368) написаны фразами из 7 слов, кончающимися словами с ударением на предпоследнем слоге. Сходные стилистические приемы есть и в «Ч[ертовом] Мосте» (напр., в сцене на миланской дороге — приближение конного отряда Бонапарта — каждая фраза на 1 слово длиннее предыдущей)⁷. Но я теперь сомневаюсь в целесообразности этого приема, к[отор]ый прежде очень меня занимал: едва ли чисто звуковым, почти незаметным методом можно в прозе передать погребальный тон шествия, нарастание движения отряда и т.д. Очень хотел бы знать Ваше мнение. Очень, очень хотелось бы и вообще с Вами побеседовать о нашем искусстве — в письме ничего толком не скажешь.

Ваше указание о цитатах в «Черчилле» совершенно справедливо, и я непременно ему последую.

Я сейчас нездоров и не выхожу. Но в четверг буду в редакции «Посл[едних] Новостей», разыщу статью Ладинского и вышлю Вам — как и собственную статью о творчестве феноменального пошляка Луначарского⁸.

Мои журнальные и газетные большие статьи книгами не выходили (кроме «Огня и Дыма»⁹). Если найду издателя (что теперь очень трудно), выпущу их томом листов в 15. Тогда, разумеется, тотчас Вам вышлю.

В свою очередь буду чрезвычайно Вам признателен, если будете мне высылать Ваши статьи, — я не получаю ни «За Свободу», ни «Руля». Заранее сердечно Вас благодарю за желание написать (где?) о «Заговоре».

Как Ваше здоровье? Готовите ли роман?
Глубоко Вас уважающий и преданный

М.Алданов

¹ Посвященный Уинстону Черчиллю (1874-1965) — министру финансов Великобритании (1924-1929) — очерк Алданова впервые был напечатан в «Последних новостях» (1927. 21 и 24 июля; 8 авг.). Позднее вошел в со-

став кн. «Современники» (Берлин, 1928; 2-е изд. — там же, 1932). На выход «Заговора» Амфитеатров откликнулся двумя обстоятельными рецензиями: Тетралогия // За Свободу. 1927. №248, 249, 253, 254; Тетралогия: Глава четвертая и последняя // Там же. №266, 267, 270.

² Возможно, имеется в виду следующий пассаж: «Манера писать исторические романы так, чтобы действительно исторические люди и события служили лишь фоном для бытового жанра, имеющего содержанием частную жизнь измышленных действующих лиц, весьма распространена после "Войны и мира". М.А.Алданов идет в своей "Тетралогии" тою же дорогой, может быть, даже слишком усердствуя ее утаптывать» (Там же. №248).

³ Сами по себе (нем.).

⁴ Юлий *Штааль* — герой не только романа «Заговор», но и всей тетралогии Алданова «Мыслитель». Воспитанник Шкловского училища С.Г.Зорича, он прочился своим наставником в фавориты Екатерины II, но был отослан бдительным П.Зубовым с вымышленной дипломатической миссией в Англию. Оттуда он попадает в революционный Париж, где — пережив ужасы якобинского террора — в 1794 становится свидетелем падения Робеспьера. Вернувшись в Россию, вновь поступает на русскую службу, но вскоре после воцарения Павла I отправляется с новым покровителем, «масоном и чернокнижником» кн.Баратовым, в Италию, участвует в швейцарском походе Суворова; вернувшись на родину, близко стоит к участникам убийства Павла I. Критика разошлась в оценке этого героя. «Штааль вышел совсем восковым. Алданов не дал внутренней жизни своего героя /.../ Штааль — прием, а не человек», — писал М.Слоним: Романы Алданова // Воля России (Прага). 1925. №6. С.161. М.Осоргин, напротив, называл алдановский выбор главного героя «прозорски точным» и утверждал: «Штааль, олицетворение среднего, мизерного, мелкий бес повседневности, оказался именно тем фактором, который превращает пышную историю в суету сует. Штааль — кривое зеркало героического» (Все цит. по: Чернышев А. Указ. соч. С.541).

⁵ *Антон* Валерьянович *Арсеньев* — сквозной герой исторической хроники Амфитеатрова «Концы и начала», включавшей романы «Восьмидесятники» (1907), «Девятидесятники» (1909-1911), «Вчерашние предки» (1928-1929) и незавершенный роман «Синь и глубь» (другое назв. «Дальние берега», 1935-1937). Об изданиях первых трех см. прим.5 и 6 к письму 8 и прим.2 к письму 21 в ВИ. Главы из последнего печатались в «Новом русском слове». Также является периферийным персонажем ряда других произведений писателя: «Дочь Виктории Павловны», «Законный грех», «Звезда закатная».

⁶ «*Девятое термидора*» (Берлин: Слово, 1923) и «*Чертов Мост*» (Там же, 1925) — первые две части алдановской тетралогии «Мыслитель», посвященные эпохе Великой французской революции и Директории.

⁷ Амфитеатров в рецензии добросовестно процитировал весь упомянутый эпизод, подробно объяснил «кухню» алдановского приема и с на-

зидательной иронией заметил: «Хорошо, что Бонапарт проскакал быстро, не то /.../ Бог знает, до каких цифр выросли [бы] живописующие его фразы. Все это — "бесплодные усилия любви" к словосочетанию, совсем не нужные М.А.Алданову. Он обладает кое-чем получше меланхолического педантизма» (Тетралогия: Глава четвертая... Указ. изд. №266. 19 ноября).

⁸ Имеется в виду ст. Алданова «Тепличное растение: А.В.Луначарский» (Последние новости. 1927. 29 сент. С.2-3). В ней писатель, характеризуя драматическое творчество героя как «живое воплощение бездарности», возмущался тем, что тот: «в России /.../ разрешает, запрещает произведения Канта, Спинозы, Льва Толстого», а пьесы его «идут в государственных театрах и, чтобы не лишиться куска хлеба, старики, знаменитые артисты, создававшие некогда "Власть тьмы", играют деволячиков со страусами...»

Ладинский Антонин Петрович (1896-1961) — писатель и журналист. С 1921 — в эмиграции, преимущественно в Париже. Авт. ряда исторических романов и стихотворных сборников. В 1946 принял советское гражданство, в 1955 — вернулся в СССР. По-видимому, здесь идет речь о его ст. «Город Анны Российской» (Последние новости. 1927. 10 сент. С.2), посвященной истории Санлиса и роли в ней дочери Ярослава Мудрого.

⁹ Составленный «из этюдов, написанных в течение последних двух лет», сборник «Огонь и дым» вышел в Париже в 1922 (изд-во «Франко-русская печать»).

6

19.XI.[19]27

Глубокоуважаемый Александр Валентинович.

Только теперь мне удалось получить номера газеты «За Свободу», в которых помещены Ваши, столь лестные, обо мне статьи¹. Сердечно Вас благодарю за все — они доставили мне очень большое удовлетворение. Их лестный характер лишает меня возможности остановиться на них подробнее... Прочел я также Вашу статью в «Возрождении»². По поводу ее основного положения скажу Вам только, что, хоть за все мысли Пьера Ламора³ я ответственности, конечно, принять не могу, но его ненависть к революциям — не к идеям их, а к их быту — я разделяю. Я печатно себя назвал лет восемь тому назад «социалистом-контрреволюционером». Почему социалистом? Дюбуа-Реймон⁴ говорил «все цивилизованные люди немного вольтерьянцы». Быть может, то же самое следовало бы сказать и о социализме. Не скрываю от Вас — выставившееся на *gue de la Paix* ожерелье, тогда стоившее 12 миллионов (теперь, вероятно, втрое больше), расстроило меня чрезвычайно. Именно эти ожерелья и плодят большевизм. Я думаю,

лучший способ избежать революции, это глубокие и смелые социальные реформы. Впрочем, обо всем этом надо было бы говорить подробнее, чем можно сделать в письме, — да Вы, вероятно, и спорить не будете.

Получили ли Вы в свое время мое письмо (со вложением очерка «В Константинополе»¹), в котором я Вас благодарил за Ваш подарок, очень меня тронувший?

Еще раз за все сердечно Вас благодарю и шлю Вам самый искренний привет, самые лучшие пожелания.

Ваш М.Алданов

¹ См. прим.1 к письму 5.

² Идеи Пьера Ламора // Возрождение. 1927. 12 ноября. №893. С.3-4. Амфитеатров писал здесь об алдановской тетралогии: «ультрадемократический публицист написал ряд ультрааристократических романов. /.../ Никогда еще на русском языке /.../ не получал более жестоких ударов /.../ главный кумир демократического культа — французская революция /.../ Есть от чего П.Н.Милюкову в отчаяние прийти, и Е.Д.Кусковой впасть в истерику!»

³ *Пьер Ламор* — герой алдановской тетралогии «Мыслитель», ее резонер, — бежав от якобинского террора в Россию, в дальнейшем появляется во все ключевые моменты повествования с пространными монологами, «двуногая идея и только идея», по словам Амфитеатрова (Тетралогия. Указ. изд. №254. 5 ноября).

⁴ *Дюбуа-Реймон* Эмиль Генрих (1818-1896) — немецкий физиолог и философ.

⁵ См.: Алданов М. В Константинополе: Из воспоминаний секретаря одной делегации // Дни. 1927. 16 окт. С.3-4. Позднее этот очерк появился в более развернутом виде: Из воспоминаний секретаря одной делегации // Последние новости. 1930. 20 апр. С.2-3; 26 апр. С.2-3; 22 мая. С.2-3.

Глубокоуважаемый Александр Валентинович.

Сейчас же по получении Вашего письма я написал в Берлин «Слову», — как бы оно отнеслось к изданию Ваших критических статей обо мне. Как только получу ответ, извещу Вас. Больше издательств за границей, кажется, не осталось. Поволоцкий¹, некоторые другие издают книги «за счет авторов» — и удивительно то, что находятся молодые писатели, бедняки, с трудом зарабатывающие хлеб, которые идут на это и на последние гроши пе-

чатаяют сборники стихов! «Слово» тоже в сущности не работает — 2-3 книги в год... Хоть пропадай.

После отправки Вам последнего моего письма я прочел в «За Свободу» заключительную Вашу статью, в которой Вы несколько прохладнее высказываетесь о тетралогии². Не подумайте, ради Бога, что я «обиделся», — это было бы грешно и глупо. Пишу об этом потому, что в связи с одной Вашей фразой у меня к Вам большая просьба. Вы пишете о некоторых *ошибках* в языке. Очень, очень Вас прошу по возможности тотчас прислать мне список того, на что Вы обратили внимание. Возможно, что тут недоразумение: я пишу, например, «отвращение *от* людей», а не «к людям», — так как, по-моему, «отвращение *к* людям» логически невозможно; это изобретение последнего полустолетия — Достоевский, кажется, последний писал «отвращение *от...*» («Идиот»). Есть еще несколько неупотребительных или, чаще, вышедших из употребления форм, которыми я пользуюсь, так как они мне представляются более правильными, чем употребляющиеся обычно вместо них. Но ведь возможно, что у меня есть ошибки несомненные, от меня почему-либо ускользнувшие. Теперь набирается новое издание «9 Термидора» и др.³ Если б Вы были добры тотчас мне послать список, я мог бы воспользоваться им и был бы Вам чрезвычайно благодарен. Нет ничего неприятнее и досаднее для автора, чем ошибки в языке. Сам Флобер, говорят, рвал на себе волосы, когда ему указали 11 ошибок в «Madame Bovary», — увы, это, кажется, общая участь писателей: всего не заметишь, а при чтении корректур тупеешь и ничего вообще больше не видишь. Пожалуйста, пришлите список того, на что Вы обратили внимание *во всех четырех моих романах*. Твердо рассчитываю, что исполните, и заранее искренно благодарен — мне очень совестно Вас утруждать.

Шлю Вам самый сердечный привет, желаю успешной работы и всего лучшего.

Глубоко уважающий Вас и преданный Вам

М.Алданов

Спасибо за то, что послали Küfferle Ваши статьи.

¹ *Поволоцкий* Яков Евгеньевич (1882-1945, дек., Париж) — издатель и книготорговец во Франции. Жил в Париже с 1918, погиб в результате несчастного случая. См.: Русские новости (Париж). 1946. 4 янв. №34.

² Высоко оценивая отдельные части тетралогии, Амфитеатров отмечает в ней «отрицание архитектурной стройности». «Строил художник как будто собор, — пишет он далее, — а выстроил гигантский гротеск. Оно и хорошо, и интересно, да не к тому готовил нас автор» (Тетралогия:

Глава четвертая... Указ. изд. №266. 19 нояб.). Однако завершалась эта статья вполне позитивно: «Алданов сделал в русскую литературу ценный вклад, за который русское общество будет ему благодарно многая и многая лета /.../ Тетралогия — не только ряд интересных книг, но и кафедра. Не о многих литературных произведениях можно сказать это без страха, что — слишком» (Там же. №270. 24 ноября).

³ Второе отд. изд. романа «Девятое термидора» вышло в Берлине в 1928 (Изд-во «Слово»). Третье, исправленное и дополненное, было напечатано в двух выпусках в Таллинне в 1937 в виде приложения к «Иллюстрированной России».

8

22.IV.[19]28

Дорогой Александр Валентинович.

Очень был рад тому, что Вам понравилась моя статья о Клемансо¹. Ваш рассказ о нем соответствует общему его облику.

Не спору с тем, что большевицкая революция по жестокости и гнусности далеко превзошла все другие: это совершенно верно. Но это не мешает и западным революциям и контрреволюциям быть зверскими явлениями. Каюсь, я и к *быту* «Великой» Революции большой симпатии не имею. По-моему, надо бороться с возвеличиванием и разукрашиванием революций вообще — и, разумеется, равно и контрреволюций, которые с революциями связаны неразрывно. Я революцию «допускаю» только в самой последней крайности — вот как теперь в России (т.е. против большевиков). И мой основной упрек коммунарам — в 1871 году такой крайности, конечно, не было: были способы культурной борьбы за идею. Это я и сказал в статье. При наличности хотя бы ограниченной политической свободы всякий призыв к революции почти всегда является преступлением.

Как Вы живете? Готовите ли книгу?

Шлю Вам самый сердечный привет.

Ваш

М. Алданов

Если у Вас есть что-либо небольшое, подходящее для перевода на англ[ийский] язык (рассказ, повесть), не пошлете ли Вы это (со ссылкой на меня) А.Е. Chamot², 21 Grove Park, Denmark Hill, London S.E.5. Это переводчик моих романов. Он просил меня рекомендовать его русским беллетристам. Переводит он хорошо (критика хвалила), как устраивает книги у издателей — не берусь сказать, и, конечно, не могу поручиться, что выйдет. Писать ему можно по-русски. Если у Вас есть что-либо, то прямо ему и пошлите.

¹ Очерк Алданова о Жорже Клемансо (1841-1929), возглавлявшем французское правительство в 1906-1909 и 1917-1920 и председательствовавшим на Парижской мирной конференции в 1919-1920, был напечатан в «Последних новостях» (1928. 25 и 27 марта; 1 апр.). Перепечатан позднее в кн. «Современники» (указ. изд.). К этой теме писатель обращался и раньше (Современные записки. 1921. №5; см. также: Алданов М. Огонь и дым. Париж, 1922). Амфитеатров, вероятно, сохранил личные впечатления о Клемансо с того времени, как представлял русские газеты в Париже в 1900-е.

² А.Е. Chamot (Альфред Эдвард Чеймот, 1855-?) перевел на английский язык изданные затем А.А. Кпорф'ом романы Алданова: «Святая Елена — маленький остров» (Н.-Й., 1924), «9-е термидора» (Н.-Й., 1926) и «Чертов мост» (Н.-Й.; Лондон, 1928).

19.XI.[19]29

Дорогой Александр Валентинович.

Очень Вас благодарю за письмо. Я не посылаю Вам отрывков «Ключа», так как через 2-3 недели выйдет отдельное издание этого романа (составляющее начало серии) и я уже написал «Слову», чтобы они прямо Вам послали один экземпляр¹. Так как это лишает меня возможности сделать надпись на книге, то разрешите приложить ее в письме, по французскому обычаю, для наклейки на книгу. Я буду искренне рад, если «Ключ» Вам понравится. Это мое любимое детище (т.е. серия «Ключ»). Книга по сюжету и тону мрачная (даже в том, что во всем романе нет ни одной сцены, происходящей при солнечном свете, — все ночью, вечером или в темные дни, при электричестве) — что ж, нам всем невесело, и жизне-радостности взяться неоткуда. Мрачно живем, мрачно и пишем.

Очень меня порадовала Ваша энергия, то, что Вы так много и так хорошо работаете. От всей души желаю Вам здоровья, бодрости и всего лучшего.

Глубоко уважающий Вас и преданный

М.Алданов

Шлю привет Вашим сыновьям, — они по талантам и энергии в отца.

[На отдельном листе:]

Дорогому Александру Валентиновичу
с самым искренним приветом
от почитателя его блестящего
художественного дара

М.Алданов

¹ Первое отд. изд. романа «Ключ», открывавшего алдановскую трилогию о русской революции, вышло в берлинском изд-ве «Слово» в 1930. До этого роман печатался в «Современных записках» (1928. №35, 36; 1929. №38-40).

20.III.[19]30

Дорогой Александр Валентинович.

Простите, что долго Вам не отвечал: я был в отъезде (в Шартре — чудесный городок), а потом наводил справки, чтобы Вам ответить. «Посл[едние] Новости» со статьей о Вас Словцова (Ник[олай] Викт[орович] Калишевич, член редакции «Русск[ого] Слова»)¹ Вы, наверное, уже получили: я тогда же написал Словцову, просил ее Вам послать. Теперь посылаю и от себя, взяв номер в редакции. А вот насчет высылки «Посл[едних] Нов[остей]» — дело немислимое, и не только потому, что Вы там «не пользуетесь любовью» (лишь на политич[еской] почве, однако), но и потому, что они (как и «Возрождение») даже сотрудникам (эпизодическим) газеты не высылают.

Адрес Ив[ана] Алекс[еевича] Бунина: 1, rue Jacques Offenbach. Теперь о «Литерат[уре] в изгнании»². Я наводил справки: первое издание, вероятно, удалось бы поместить, хотя и очень невыгодно (издателей ведь фактически почти не осталось), но второго не напечатают, даже с дополнениями. Гораздо больше шансов издать по-французски, но и тут предвижу трудности. Одна из них в том, что Вы хотите перевести дома: тогда профессион[альный] переводчик не заинтересован, а без такого переводчика трудно найти ход к издателям. Я бы Вам посоветовал следующее. Есть у меня добрый знакомый, переводчик и писатель André Pierre (19, rue de Cadix, Paris XV)³. Он имеет большие издат[ельские] связи и состоит членом редакции «Le Monde Slave». Напишите ему, со ссылкой на меня, пошлите новый текст «Лит[ературы] в изгнании». Думаю, что он ее устроит — может быть, есть смысл в журнале, кот[орый] тоже платит, хоть немного. Я бы его попросил, но не могу, не зная, согласитесь ли Вы, чтобы он перевел и разделил с Вами гонорар. Да и книга, посланная ему с Вашей надписью, очень могла бы быть полезна. Я думаю, что и им, и Вам могло бы быть приятно вообще Ваше участие в «Le Monde Slave». Я у них когда-то поместил статью «Сперанский и декабристы»⁴, — получил, помнится, 300 фр[анков].

Так есть надежда на Ваш приезд в Париж? Очень рад буду увидеть и Вашего сына. Если могу чем-либо быть полезен, весь

к Вашим услугам. Сердечно поздравляю [с] успехом Ваших сыновей, читаю о них и в «Сегодня».

Шлю Вам самый сердечный привет, самые добрые пожелания.

Ваш

М.Алданов

[Приписка на полях:]

Калишевичу лучше всего писать в «Les Dernières Nouvelles», 51, rue de Turbigo, Paris III.

¹ *Калишевич* Николай Викторович (псевд. *Р.Словцов*, ?-1941, май, Париж) — журналист, уроженец Каменец-Подольска. Печатался в «Киевских откликах», «Русском слове» и др. Был вторым редактором «Киевской мысли». Эмигрировал в Софию. С нач. 1920-х — в Париже, сотр. редакции «Последних новостей». См.: Новое русское слово. 1941. 21 июля. №10390; Русские новости. 1946. 31 мая. №55. Иностранним корреспондентом «Русского слова» Амфитеатров был в 1906 и в 1914-1916. Статья *Р.Словцова* об Амфитеатрове в «Последних новостях» за февр.—март 1930 нами не обнаружена.

² Брошюра Амфитеатрова «*Литература в изгнании*» первоначально появилась в мае 1929 на страницах белградского «Нового времени». Отд. изд.: Белград, 1929. «Устремление эмигрантской литературы в области исторической беллетристики» автор объясняет здесь поиском причин того, «почему столь могущественная и многосодержательная культура уступила так легко разрушительному натиску дикарей, объявивших ее ненужною» (С.34). Творчество Алданова Амфитеатров здесь называет «наиболее замечательным явлением эмигрантской исторической беллетристики».

³ *Андре Пьер* — французский писатель и переводчик на французский произведений Горького, Вс.Иванова, Пильняка и др. Биограф Л.Толстого, а в 1950-1960-е — еще и автор книг о политике СССР.

⁴ По-видимому, речь идет о переводе статьи «Декабристы и Сперанский», напечатанной Алдановым в «Современных записках» (1925. №26).

11

23.X.1930

Дорогой Александр Валентинович.

Мне чрезвычайно жаль: в воскресенье, когда шла Ваша пьеса¹, был вечер Дона-Аминадо² и мне на этом вечере необходимо было (твердо обещал) занимать место на эстраде, правда, на роли бессловесной. Я снесся с кн. С.М.Волконским³, заведующим театральным отделом «Посл[едних] Новостей», но оказалось, что и он

не может пойти в театр, ибо тоже должен быть на вечере Аминадо. Если «Мечта» пойдет опять, пока я буду в Париже (скоро уезжаю), я непременно пойду ее смотреть: мне самому очень хочется посмотреть Вашу пьесу, да еще ту, которую особенно одобрял Лев Николаевич⁴, — неужели Вы и как художника его не любите?!

«Бегство» — продолжение «Ключа» — выйдет еще не скоро, все переделываю. А вот в ноябре должна выйти книга моих статей под названием «Портреты» — непременно ее Вам пошлю⁵.

Осоргину скажу о Вашем желании при первой же с ним встрече. Вижу его редко — живем далеко друг от друга, да и вообще не очень часто у нас здесь писатели встречаются.

Шлю Вам самый сердечный привет. Говорили мне, что Ваш сын, слава Богу, поправляется. Надеюсь, молодость возьмет свое, поправится совершенно.

Ваш

М.Алданов

¹ Пьеса «Мечта» («Чудо св.Юлиана») была написана Амфитеатровым по мотивам одноименного рассказа. Премьера ее в парижском Русском интимном театре Д.Н.Кировой состоялась 19 окт. 1930 (режиссер Г.С.Панютин; всего было 3 представления). См.: Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920-1940. Франция / Под общ. ред. Л.А.Мнухина. Т.2: 1930-1934. М.; Paris, 1995. С.94 (далее — Мнухин); К.П.[Хейфиц.] Чудо св.Юлиана А.Амфитеатрова // Последние новости. 1930. 24 окт.; Возрождение. 1930. 25 окт. Постановке в Париже предшествовали безуспешные попытки Амфитеатрова устроить постановку «Мечты» в других центрах эмиграции. Об одной из этих попыток писал 13 мая 1927 Амфитеатрову из Белграда сотрудник местного «Нового времени» Н.З.Рыбинский: «М[ихаил] А[лексеевич] Суворин» говорил со мной относительно постановки "Мечты" в Белграде. Первая попытка не удалась, т.к. М[ихаил] А[лексеевич] обратился к Ракитину. Это дикий человек, мнящий себя Богом, с очень вздорным характером. Между тем в Белграде есть очень недурной кружок режиссера Павловского, и если Вы благословите, то я вступлю с ним в переговоры. Было бы хорошо поставить Вашу пьесу осенью с тем, чтобы Вы приехали в Белград, присутствовали бы на спектакле и прочли кроме того одну-две лекции».

² *Дон Аминадо* (наст. имя и фам. Аминад Петрович Шполянский, 1888-1957) — поэт, прозаик, драматург и журналист. С янв. 1920 — в эмиграции. Член парижского Союза русских писателей и журналистов. Фактический редактор журн. «Сатирикон» (1931). Умер в Париже. Литературно-юмористический вечер Дона Аминадо «Суд над русским Парижем» состоялся в Salle Gaveau 19 окт. 1930. В инсценировке участвовали: Н.В.Теленко, М.А.Алданов, В.В.Барятинский, Н.Н.Берберова, Н.Ф.Балиев, сам автор, М.С.Зернов, М.Ф.Кшесинская, Мария Кост-Вачнадзе, Л.Я.Липковская, А.Н.Вертинский, К.А.Коровин, Ф.А.Малявин, В.К.Тур-

жанский, Шарль Карабийере, А.А.Павлов и др. См.: Мнухин. Т.2. С.94; публикацию сценария этого вечера, подготовленную Р.М.Янгировым, см.: Литературное обозрение. 1996. №3. С.92-109.

³ Волконский Сергей Михайлович, кн. (1860-1937) — театральный деятель, критик, прозаик и мемуарист. В эмиграции с дек. 1921. С 1925 поселился в Париже, театральным педагог в эмигрантских и французских учебных заведениях.

⁴ Амфитеатровский рассказ «Мечта», по мотивам которого позднее была написана пьеса, датированный автором 1893, был включен во второе издание его кн. «Бабы и дамы. Междусловные пары» (СПб., 1911. С.369-400). В авторском предисловии говорилось: «Сюжет "Мечты" — посвященный мною Льву Николаевичу Толстому, потому что он был заинтересован рассказом, узнав в героине девушку ему знакомую, — сообщен мне известным народовольцем болгаринном Гаврилом Беломазовым». См. также: Амфитеатров А. Мечта: Рассказы. Берлин: Русское университетское издательство, 1922.

⁵ Роман Алданова «Бегство» (вторая часть его трилогии о русской революции) в 1930-1931 был напечатан в «Современных записках» (№43-46), а в 1932 вышел отдельным изд. (Берлин). Речь идет далее о первом томе исторических очерков Алданова «Портреты», вышедшем в Берлине в 1931 (изд-во «Слово»). Включал в себя очерки о Пилсудском, Бриане, Сперанском и декабристах, Ольге Жеребцовой, Кайо, генерале Пишгрю.

Дорогой Александр Валентинович.

Очень прошу извинить, что до сих пор Вам не ответил — по целому ряду свалившихся на меня огорчений: смерть тестя, болезнь жены, собственное нездоровье, плохие денежные дела (из-за *crise generale*¹ издатели не платят, кроме «Слова», а книги продаются хуже). Сердечно Вас благодарю за добрые слова о Разумовском — я много раз Вам писал, какое большое значение имеет для меня всегда Ваш отзыв. Эта глава входит в небольшую книгу «10-ая симфония», которая на днях должна появиться² и, разумеется, будет тотчас Вам послана. Над ней я работал весь 1930 год — ведь «Бегство», начатое 7 лет тому назад, давно кончено и его приходится только отделять. А «Портреты» — мои старые статьи, давно сданные «Слову». Кстати о них, мне очень досадно, что я не знал о Вашей статье «Жеребцов»³. «Русской Воли» нет ни в *Bibl[iothèque] Nationale*, ни в *Musée de la Guerre*, так что я не мог ознакомиться с этой статьей Вашей и после Вашего письма.

Сошлись ли мы в оценке Ольги Александровны⁴? Из статей книги «Портреты» я тоже предпочитаю «Пишегрю»⁵. Совершенно сходимся мы и в оценке второго романа Ремарка. Собственно, и первый, недурной, никак не стóит выпавшей на его долю славы; но второй — ниже критики⁶. А вот чудесные книги выходят в Англии. Знаете ли Вы ром[аны] Priestley и Huxley? «Angel Pavement» Priestley (которого все почти и тут совершенно не знают), по-моему, шедевр из шедевров⁷.

Из книг Корсака⁸ я читал только одну первую. Автора в Париже встречал.

А вот поразило меня, что Вы только теперь (после 10 лет!) впервые увидели «Совр[еменные] Зап[иски]»! И то сказать, Вы, кажется, единственный известный писатель, там не печатавшийся. Знаю, что большой талант Ваш они ценят очень, но и сердятся на Вас — очевидно, по политическим мотивам.

Шлю Вам, дорогой Александр Валентинович, самый сердечный привет, желаю здоровья и успешной работы («Р[усский] гор[од] 17-го века»⁹).

Привет всем Вашим.

Ваш

М.Алданов

[Приписка на полях:]

Из итальянских Ваших работ я получил «Una letteratura in esilio»¹⁰ и очень Вас благодарю.

¹ Общий кризис (*dp.*) — имеется в виду мировой экономический кризис в конце 1920-х.

² Кн. «Десятая симфония» вышла в Париже в 1931 (изд-во «Современные записки»). Речь идет об очерке: Концерт 7 мая 1824 года: Из книги «Десятая симфония» // Последние новости. 1931. 1 и 7 янв. Ср.: Пожар во дворце Разумовского // Иллюстрированная Россия. 1931. №298.

³ В «Русской воле» за все время сотрудничества в ней Амфитеатрова (дек. 1916 — апр. 1917) такой статьи не было.

⁴ Речь идет о графине *Ольге Александровне Жеребцовой* (урожд. Зубовой, 1766-1849), сестре последнего фаворита Екатерины II, участнице заговора против Павла I, матери героя 1812 года. Появляется она и на страницах тетралогии «Мыслитель». Параллельно с романами Алданов публиковал в периодической печати документальные очерки об их реальных персонажах. Жеребцовой посвящен очерк, напечатанный сначала в газ. «Дни» (1926. 9, 14 и 28 февр.), а затем вошедший в состав кн. «Портреты» ([Т.1]. Берлин, 1931).

⁵ Французскому генералу наполеоновских времен Шарлю *Пишегрю* (1761-1804) Алданов посвятил специальный очерк, опубликованный сначала

ла в «Последних новостях» (1928. 30 сент.; 7 и 11 окт.), а затем в составе кн. «Портреты» (указ. изд.).

⁶ Имеются в виду романы Э.М.Ремарка «На западном фронте без перемен» (1929) и «Возвращение» (1931).

⁷ Имеются в виду романы Дж.Б.Пристли «Улица ангела» (1930) и О.Л.Хаксли «Контрапункт» (1928). О наиболее известном произведении Хаксли, романе «Прекрасный новый мир» (1932) Амфитеатров написал рецензию: Эра Форда: Об утопии А.Гексли «Прекрасный новый мир» // Сегодня. 1937. №80.

⁸ Корсак (наст. фам. Завадский) Вениамин Валерианович (1884-1944) — романист и мемуарист. В эмиграции с 1920. Авт. кн.: «Плен» (Париж, 1928); «У красных» (Париж, 1930); «У белых» (Париж, 1931); «Великий исход» (Париж, 1931). На первую из них Алданов откликнулся рецензией (Современные записки. 1928. №34. С.499-500). См.: Мельгунов С.П. [Некролог] // Возрождение. 1953. №25. С.170-174. В архиве Амфитеатрова сохранилось письмо Корсака от 3 января 1931 и присланная вместе с ним по просьбе адресата автобиографическая справка.

⁹ Имеется в виду кн. Амфитеатрова «Русский уездный город XVII века» (Белград, 1932). См. прим.3 к письму 8 в ВИ.

¹⁰ Имеется в виду: *Una Letteratura in esilio* // *Le opere e i giorni*. 1930. №6. Р.46-65 — итальянская версия «Литературы в изгнании». См. прим.8 к письму 1 в ВИ.

13

10 ноября 1931 года

Дорогой Александр Валентинович.

Очень прошу извинить, что долго Вам не отвечал. Я был в Англии: имел несчастье в свое время взять большой (по нашим маленьким масштабам) аванс у «Посл[едних] Новостей» для совершения поездки по Европе, побывал в Голландии и Испании, и эти две поездки, включая и расходы моей жены, несмотря на вынужденную «скромность» в трате денег, аванс съели целиком; между тем мои статьи покрыли только две трети его. Таким образом, вынужден был третью поездку — в Англию — совершить уже в чистый убыток; а дела и вообще, к несчастью, очень ухудшились: банкротство книжной фирмы Закса¹, продававшего мои книги, весьма меня подвело, да и другие издатели (иностранные) не платят, ссылаясь на кризис. Тяжело приходится и другим: Бунину, Мережковскому, Зайцеву. Что-то будет! Мы писатели страны с населением в миллион человек и самой бедной из всех стран мира — говорю, конечно, о русской эмиграции. Люди теперь носков не покупают — зачем же им покупать книги? Извините это ли-

рическое отступление. Итак, Ваше письмо мне переслали в Англию, но оттуда я Ваше поручение исполнить не мог. Как только вернулся, побывал у Руднева, фактически главного редактора «Современных записок» (Авксентьев все ездит по делам «Земгора»)². Изложил дело и сказал, что Ваше участие в журнале, по-моему, не только более, чем естественно, но и чрезвычайно было бы полезно журналу; сказал, что думаю о Вашем большом таланте, и напомнил Вашу неизменную и редкую популярность в самых разных читательских кругах. С этим он соглашался, и все же результат был неудовлетворительный. Официальный ответ редакции: они завалены материалом и думают, что Вы очень долго ждать не согласитесь. Это правда — я знаю авторов, ждущих очереди более года. И все-таки я вынес впечатление, что дело не только в этом, а в политике. Я сказав, что Бунин, Шмелев много правее Вас. Беда в том, что к Бунину и Шмелеву у них всегда было отношение: «чистые беллетристы, настоящей политикой не занимались, и в нашем революционном лагере не были», — а в Вас социалисты-революционеры видят и редактора «Красного Знамени». Я не раз замечал, что к Вам у бывших революционеров (ведь фактически они «бывшие», сам Руднев очень умеренный человек, но партийную фирму они чтут свято) есть чувство горечи. Может быть, я и ошибаюсь, но считал себя обязанным передать Вам свое мнение — разумеется, в порядке конфиденциальном. В «Совр[еменных] Зап[исках]» участвуют многие бывшие сотрудники «Возрождения», и ничего; а Вы давно из «Возрождения» ушли (притом «Возрождение» вполне приличный и культурный орган печати)³, и на Вас левые сердятся!

Сердечно Вас благодарю за то, что Вы пишете о «Бегстве». Весьма возможно, что есть немало скучноватых страниц. Но это не влияние Пруста. Человек он был гениальный, но больной и очень злобный. Я его и перечитывать не могу, а это безошибочный признак⁴. Толстого, Гоголя, прозу Лермонтова буду и на смертном одре, вероятно, читать с таким же наслаждением.

О «романе» Мережковского спорить не приходится, однако это не роман, а фильм, который Д.С. написал для Шалапина⁵. Фильм, кажется, поставлен не будет, и Мережковский, нуждаясь в деньгах, решил напечатать фильм — большая ошибка.

Как Вы себя чувствуете? Примите мой самый искренний привет и самые лучшие пожелания.

Ваш М. Алданов

Вследствие жалоб на мой почерк, стал и письма писать на машинке. Извините и испачканный лист — работа с машинкой и со смазыванием ее у меня не ладится.

¹ Речь идет о фирме Генриха *Закса* — владельца русских книжных магазинов «Москва» в Берлине, Париже и Нью-Йорке.

² В описываемое время редколлегия «Современных записок» состояла из эсеров Николая Дмитриевича *Авксентьева* (1878-1943), Ильи Исидоровича *Бунакова* (Фондаминского, 1880-1942), Марка Вениаминовича *Вишняка* (1883-1975) и Вадима Викторовича *Руднёва* (1879-1940). Об отношениях внутри редакции см.: Вишняк М.В. *Современные записки: Воспоминания редактора*. СПб.; Дюссельдорф, 1993. *Земгор* — воссозданный в Париже в 1918 «Союз земств и городов» поддерживал здравоохранение и образование в русской диаспоре, опираясь при этом на средства российских дореволюционных посольств, а также собирая добровольные пожертвования. См.: Raeff M. *Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration. 1919-1939*. N.Y.: Oxford, 1990. P.30.

³ В 1930-1934 Амфитеатров в «Возрождении» почти не сотрудничал.

⁴ Ср. рецензию Алданова на роман Пруста «*A la réchère du temps perdu*» — *Современные записки*. 1924. №22.

⁵ Речь идет о сценарии «Борис Годунов», писавшемся Мережковским для фильма с участием Ф.Ф.Шаяпина. Постановка осуществлена не была. См.: Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н. Данте; Борис Годунов: Киносценарии / Под ред. и со вст. ст. Т.А.Пахмусс. N.Y., 1990.

Дорогой Александр Валентинович.

Очень больно было читать Ваше письмо. Все это поистине ужасно! Нам всем теперь живется очень не сладко — из-за банкротства книжной фирмы *Закса* и прекращения платежей от других издателей и мне пришлось туго (должен был поступить на службу — 3 раза в неделю читаю иностр[анные] газеты для «П[оследних] Нов[остей]»), — но Вам особенно худо. Я тотчас побывал у Зеелера, секретаря нашего Союза¹. Сейчас в кассе *ни гроша*, но послезавтра — бал². Что он даст, никому неизвестно, — пессимисты говорят: убыток; но это все-таки трудно допустить, как ни свирепствует кризис. Во всяком случае, Зеелер обещал мне поддержать меня, — чтобы Вам дали ссуду прежде всех и в возможно большем размере. Сколько, это будет зависеть от результатов бала. К несчастью, не могу очень Вас обнадежить, — уже подано 60 заявлений. Вдобавок, Вы живете в Италии, а наш Союз дает ссуды только эмигрантам, живущим во Франции. Формальным препятствием — тем, что от Вашего сына не было формального заявления в Правление Союза, как требует устав, — З[еелер] обещал пренебречь. Но все-таки, если можно, пришлите такое заявление и от Владимира Александровича, так как я сказал З[еелеру], что хода-

тайствием о двух ссудах — Вам и Кадашеву. Я не знал, что В.А. переселился в Италию. Когда он был в Праге, получить ссуду в Париже было почти невозможно, так как в Чехо-Словакии есть свой К[омите]т. Но ведь в Италии Комитета нет; а при двух заявлениях я надеюсь получить несколько больше. Если В[ладимир] А[лександрович] напишет Зеелеру (Владим[ир] Феофил[ович] — 11, rue Claude Lorrain, Paris 16) тотчас, то его заявление поспеет: заседание будет не раньше 18-го—20-го (надо подсчитать результаты). Лучше писать ему непосредственно, он это предпочитает. Ваше заявление я, конечно, передам.

Большое спасибо за «Fiore di Fuoco»³ — разумеется, я прекрасно знаю и люблю эту книгу. Кстати, читал ее с нынешней моей женой перед нашим браком. Очень благодарю и Вас, и Ваших сыновей за доброе отношение к моим писаниям. Желаю Вам успеха в работе над «Зол[отой] Легендой»⁴, здоровья и бодрости. Примите мой самый сердечный привет и передайте, пожалуйста, Вл[адимиру] Ал[ександровичу] и всей Вашей семье

Ваш М.Алданов

[Приписка на полях сверху:]

Советую Вам и В[ладимиру] А[лександровичу] послать еще заявления в Союз писателей и ученых, на имя Ив[ана] Никол[аевича] Ефремова⁵, председателя (101 bis, rue Lauriston, Paris XVI). Прибыль бала делится пополам между К[омите]том и Союзом. Иногда дают ссуды в обоих учреждениях. Я и от себя буду просить Ефремова выдать Вам ссуду, но заявления необходимы⁶.

[Приписка на полях сбоку:]

Воззвание наше писал К.И.Зайцев — этим он вызвал не без основания удивление. Философов отругал — и был прав⁷.

¹ *Зеелер* Владимир Феофилович (1874-1954) — адвокат и журналист. Окончил Харьковский ун-т, был присяжным поверенным в Ростове-на-Дону, гласным городской думы, пред. Ростовского об-ва изящных искусств, пред. Доно-Кубанского комитета Земсоюза. В годы Гражданской войны — участник Добровольческой армии и организации Южно-русского правительства. Затем — в эмиграции: секретарь Союза журналистов в Париже. См.: Юбилейный сборник «Последних новостей». Париж, 1930.

² Речь идет о благотворительном бале Союза русских писателей и журналистов, состоявшемся 13 янв. 1932 в отеле «Лютетия». Хозяйкой вечера была Н.А.Тэффи; в нем приняли участие: К.Д.Бальмонт, Н.Н.Берберова, Б.К.Зайцев, А.И.Куприн, др. русские писатели и деятели культуры, балетная труппа Русской оперы, Orchestre Mondain de Paris и др. См.: Мнухин. Т.2. С.265; Возрождение. 1932. 13 янв.; Последние новости. 1932. 17 янв. (отчет о вечере).

³ См. прим.1 к письму 7 в ВИ.

⁴ См. прим.1 к письму 3 и прим.4 к письму 6 в ВИ.

⁵ *Ефремов Иван Николаевич* (1866-?) — юрист и общественный деятель, депутат 3-й Государственной думы. После 1917 — в эмиграции в Париже.

⁶ Предыдущая (от 30 дек. 1931) и две следующие за этим письмом открытки Алданова (25 янв. и 1 февр. 1932) посвящены его хлопотам, связанным с денежной помощью Амфитеатровым. В результате Комитет выделил 200 франков для Амфитеатрова-отца и 150 — для сына, а Союз — 200 для отца.

⁷ *Зайцев Кирилл Иосифович* (впоследствии — архим. Константин, 1887-1975) — публицист, историк литературы и богослов. В эмиграции с 1920. Ближайший сотрудник П.Б.Струве по «Возрождению» и «России и славянству». (В архиве Амфитеатрова сохранилось около 30 писем Зайцева 1925-1934, связанных с сотрудничеством А. в упомянутых изданиях). В 1934 Зайцев уехал в Харбин. Для характеристики его умонастроения в 1930-е ценно следующее признание: «Не думайте, что Ваши впечатления и настроения, вызванные современностью, локально обусловлены: везде во всем мире то же самое, — писал он Н.А.Еленеву 19 мая 1938. — Что на это сказать? — "Апостольское читайте почаще" — как говорил Версилов Подростку. Кстати, достаньте книгу Е.Н.Трубецкого "Смысл жизни". Если хотите узнать мою теперешнюю mentalité — книга эта Вам это скажет /.../ Заставляет /.../ задуматься над проблемой инстинкта и Истины!» (РГАЛИ. Ф.2275. Оп.1. Д.42. Л.1). С конца 1930-х Зайцев жил в Шанхае, в 1948 переселился в США, где и умер.

Упомянутое Алдановым «*Воззвание русских писателей*» подписано им самим, К.Д.Бальмонтом, И.А.Буниным, З.Н.Гиппиус, Б.К.Зайцевым, А.И.Куприным, Д.С.Мережковским, М.А.Осоргиним, А.М.Ремизовым, В.Ф.Ходасевичем и И.С.Шмелевым. Оно взывало к русской диаспоре, настаивая на необходимости национального воспитания детей, рожденных в изгнании («Вернем нашим детям Россию»). Обошло многие эмигрантские газеты (см., напр.: За Свободу! 1931. 10 дек. №323. С.2). В помещенном здесь же комментарии «Русские писатели и денационализация» Д.В.Философов издевался над стилистическими огрехами воззвания (подписанного элитой русской словесности и зовущего к воспитанию на основе классических литературных образцов) и его беспомощностью в деловом отношении.

Дорогой Александр Валентинович.

Простите, что с опозданием и лишь открыткой отвечаю на Ваше столь любезное письмо. Оно чрезвычайно меня обрадовало и тронуло — отзыву такого писателя, как Вы, я придаю очень

большое значение. Не отвечал я потому, что хворал — да и продолжаю хворать. «Посл[едние] Нов[ости]» пошлю Вам опять, как только выйдут. Надеюсь, что марок выслал (наудачу) достаточно. Рад, что Вам нравится газета: и я с редакцией не во всем согласен, но с газетой свыкся. Что до Гитлера, то, конечно, огорчаться приходится и не одним евреям. Во Франции злоба чрезвычайно велика — ждут войны года через два! О французах и особенно о славянах, в частности о русских, Г[итлер] писал ненамного лучше, чем об евреях. В общем же, политика мне, как, видно, и Вам, опротивела до последней степени.

Еще раз от души благодарю. Сердечный привет Вам и Вашим.
Ваш

М.Алданов¹

¹ Открытка. В опущенных нами при публикации открытках от 21 февраля, 3 июня 1932 и 3 марта 1933 речь идет преимущественно о денежной помощи Амфитеатрову и попытках материально устроить В.Кадашева.

16

10 октября 1933 года

Дорогой Александр Валентинович.

Получил вчера Ваше письмо — читать было больно: очень мне Вас жаль, — поверьте, это не слова. Тотчас разыскал Владимир[а] Феофил[овича] Зеелера, секретаря нашего комитета. Он мне твердо обещал (этого ему не говорите), что найдет для Вас деньги, если не всю сумму, то большую часть, и вышлет тотчас прямо Вам, с расчетом, чтобы Вы ее получили в указанное время. Я думаю, что на него положиться можно. Денег в кассе ни гроша (последнее, что было, Комитет на днях отдал — это между нами — внучке Пушкина, дочери генерала Ал[ександра] Ал[ександрови]ча, которая буквально голодает¹). Так что дело идет о деньгах, которые Вл[адимир] Феофилович обещал достать «на стороне». Сам я, боюсь, ничего достать бы на стороне не мог, несмотря на свою «буржуазность» — родился сахарозаводчиком — и на то, что никогда богатых людей о помощи для себя не просил.

Но это так: я на этой неделе переезжаю на другую квартиру (85, Boulevard Murat, Paris XVI) — снял квартиру почти в полтора раза дешевле, так вот, на переезд понадобились деньги — ведь это разорение и катастрофа, — и я под вексель, из 25 процентов годовых, с большим трудом достал нужную небольшую сумму! Да, очень плохо дело...

Если Вам нетрудно, по получении денег от Зеелера (и, конечно, без всякой связи с этим) сделайте ему «политесс», как говорят французы: пошлите книгу с надписью или фотографию с надписью, — он собирает фотографии известных писателей. Он очень хороший, хоть резкий человек, и свою собачью должность исполняет с истинным самоотвержением. Его адрес 2, rue Claude Lorraine, Paris XVI.

«Пещера» выйдет в конце октября: первый выпуск — второй еще даже не готов. Гессен зачем-то решил выпустить в двух выпусках, с единой нумерацией страниц. Конечно, тотчас Вам вышлю².

Шлю самый сердечный привет, рад был добрым вестям о Вашем сыне.

Простите, что пишу только о деле: замучен переездом.

Ваш

М.Алданов

¹ О кавалерийском генерале *Александр Александровиче Пушкине* (1833-1914) и его дочери Елене Александровне (в замужестве фон дер Розенмайер, 1889-1943), бедствовавшей во Франции и пытавшейся заинтересовать возможных покупателей несуществующими пушкинскими рукописями, см.: Русаков В.М. Рассказы о потомках А.С.Пушкина. СПб., 1992. С.35-73, 172-180.

² Завершающая часть трилогии о русской революции — роман «*Пещера*» — далась Алданову, пожалуй, труднее всех других его произведений. Именно закончив ее, он пытался оставить литературные занятия и вернуться к химическим исследованиям. Сказалось это и на качестве текста (наиболее тяжеловесного во всем творчестве писателя), и на ходе продвижения романа в печать. «*Пещера*» публиковалась в «Современных записках» в 1932-1935 (№50, 51, 54-57). Содействие руководившего берлинским издательством «Слово» Иосифа Владимировича *Гессена* (1865-1943) позволило выпустить в этом изд-ве только I том романа (1934). II том был издан берлинским «Петрополисом» в 1936.

17

27 ноября 1933 года

Дорогой Александр Валентинович.

С изумлением я прочел в Вашем письме, вчера мною полученном, фразу: «От Зеелера] ничего не получил». Дело в том, что тотчас после получения Вашего предпоследнего письма, т.е. уже довольно давно, я побывал у Зеелера, и он меня заверил, что деньги (250 франков) им Вам посланы. Я вчера же с ним говорил, и он

мне пояснил, что действительно послал деньги, но что письма могли скреститься! Не сомневаюсь, что теперь Вы деньги эти уже получили, и не могу все же не подивиться неаккуратности этого милого человека. Моей вины нет — я был убежден, что Вы эту сумму давно получили, и потому «замедлил с ответом» на Ваше предпоследнее письмо, в чем прошу меня извинить.

Как и Вы, я чрезвычайно рад присуждению Бунину премии, — конечно, он вполне ее заслуживал. Что до следующей, то искренно Вас благодарю за столь лестное предсказание. Но можно с полной уверенностью сказать, что больше из русских эмигрантов никто никогда этой премии не получит¹. По человечеству мне искренно жаль Мережковского. Он стар, и это для него тяжелый удар, который он перенес с большой корректностью, — вспомните, что после присуждения той же премии Синклеру Льюису его оскорбил действием главный американский конкурент Теодор Драйсер! Между тем Мережковский послал Бунину телеграмму, а Гиппиус написала статью². На чествование, которое вчера прошло в Театре Елисейских Полей, Дм[итрий] Сергеевич не явился, правда, — но не явились и Ремизов, и Бальмонт.

Теперь маленькое деликатное дело к Вам, дорогой Александр Валентинович. Бунин получит 10 декабря 715 тысяч франков, да еще тысяч 150-200 от издателей и газет. Я знаю от него, что он намерен часть этой суммы, примерно тысяч 70, пожертвовать. С одной стороны, он за 13 лет, особенно в 1920-[192]2 гг., когда Союз был много богаче, задолжал нашему Союзу писателей тысяч 20 и, конечно, этот долг теперь отдаст. С другой стороны, он сам мне сказал, что хочет сделать подарки своим сверстникам-писателям. Он знает, что я, как человек еще нестарый, считаю возможным жить только своим трудом и что я поэтому никогда от него подарка не приму. Именно поэтому он со мной первым об этом заговорил вполне конфиденциально. Я однако нахожу возможным Вам об этом сообщить по понятной Вам причине. Я мог бы (и не отказываюсь) от себя, как посторонний человек, посоветовать Бунину включить Вас в число тех заслуженных знаменитых писателей, которым он намерен сделать дар. Но по совести Вам говорю, зная наизусть Ивана Алексеевича: мой совет не подействует. Если что подействует, то Ваше обращение к нему. Простите меня, если Вас мой совет заденет, и заранее предупреждаю, что я отнюдь не уверен в том, что он вообще приведет в исполнение то, о чем со мной говорил. Может быть, Вы сочтете возможным ему написать (он живет в Hôtel Majestic, av. Kleber) и из этого все-таки ничего не выйдет. Но может быть, будет и иначе. При таких условиях я очень колебался — писать ли вам об

этом вообще. Не было ничего легче, чем не написать. Однако я хорошо знаю, как Вам тяжело живется. Знаю и то, что весьма известные писатели с Буниным о себе говорили (в чем я решительно ничего не нахожу ни дурного, ни унижительного). Поэтому я считал нужным Вам об этом написать в совершенно конфиденциальном порядке: на меня Вы, разумеется, ни в коем случае не сошлетесь. Как бы Вы ни поступили и что бы из этого ни вышло, прошу меня извинить и на меня не сердиться. В союзе же во второй половине декабря будут, следовательно, деньги, советую Вам и Вашему сыну подать просьбы (Зеелеру), и я их всячески поддержу.

Шлю Вам самый сердечный привет.

Ваш М.Алданов

Вы спрашивали о Тэффи — ее новый адрес 18 bis av. de Versailles. XVI. Она недавно болела.

¹ Тремя годами ранее на Нобелевскую премию имел виды и Амфитеатров — 27 марта 1930 он писал жене: «Для шведов у меня есть готовый перевод "Двух Надежд" Линдквиста. Попробую. Кстати, это будет хорошо для Нобеля».

² В заметке З.Гиппиус «В сей час» (Последние новости. 1933. 16 ноября; благодарим Р.Дэвиса за это указание), в частности, говорилось о «всеобщей, согласной радости, которую возбудила в сердцах зарубежья полученная Буниным премия», лауреат характеризовался как «несравненный художник слова» и «олицетворение той последней ценнейшей части России, которую отнять у нас уже нельзя», отмечалась его «волшебная изобразительность» и «глубокая власть над словом». Этому событию была посвящена и восторженная статья Алданова, немало усилий приложившего для того, чтобы решение Нобелевского комитета состоялось в пользу Бунина (Выбор шведской академии: И.А.Бунин // Иллюстрированная Россия. 1933. №446). Ср. также: Амфитеатров А. Владыка пяти частей света: О Бунине, самодурах, масонах и расточительном путешественнике // Сегодня. 1933. №361. Об отношениях Мережковских и Бунина в преддверии решения Нобелевского комитета см. публикацию Р.Янгирова переписки Бунина с А.В.Тырковой-Вильямс (Минувшее. Вып.15. М.; СПб., 1994. С.170-171).

28 ноября 1933

Дорогой Александр Валентинович.

В дополнение к моему вчерашнему письму, сообщаю Вам еще следующее. Я позволил себе, не дожидаясь Вашего ответа, и, разумеется, лично от себя, поговорить (вчера вечером) доверитель-

но с В.Н.Буниной, женой Ивана Алексеевича. К большой моей радости, она мне сказала, что И.А. имеет Вас в виду и даже прежде всего другого — при составлении списка тех лиц, кому он намерен сделать товарищеский подарок. Не знаю, нужно ли Вам, при таких условиях, ему писать, и не берусь Вам советовать. И.А. не только большой писатель, но и прекрасный человек. Но он прошел в молодости тяжелую школу бедности, и, насколько я могу судить, в нем будет очень силен страх — остаться снова без денег. Боюсь, что он сейчас возлагает несколько преувеличенные надежды на предложения издателей. Зная иностранный «рынок», я не думаю, чтобы те предложения, которые он теперь получает в большом числе, принесли ему больше 150-200 тысяч франков, в дополнение к премии. Поэтому я несколько опасаясь, что в декабре он несколько «испугается» и сделает меньше того, что в настоящие дни намерен сделать.

Еще раз — извините и вообще, что я об этом Вам пишу. Как Вы, конечно, понимаете, мною руководит только желание быть Вам полезным: другого такого случая ведь никогда не будет. Вы в свое время оказывали щедрую помощь очень многим литераторам, и это лишний ваш «титр» на поддержку единственного из нас, кому в Европе судьба улыбнулась.

Сердечный привет Вам и Вашим

Ваш М.Ландау-Алданов

Бунины уезжают в Стокгольм 3 декабря.

19

9 января 1934

Дорогой Александр Валентинович.

Спешу Вас уведомить, что вчера И.А.Бунин, посоветовавшись со своими друзьями, разделил сумму в 50 тысяч франков, которую он решил пожертвовать. Деньги пошли нескольким организациям и семи старшим, известнейшим нашим писателям, друзьям и сверстникам Ивана Алексеевича. Каждое из этих 7 лиц получит от него по три тысячи франков, с просьбой принять их в дружеский дар. Разумеется, в числе этих семи писателей и Вы.

Из остальных 29 тысяч на долю нашего союза писателей (секретарь Зеелер) и Комитета помощи писателям и ученым (секретарь Познер¹ — S.Posner, 280 Boul[evard] Raspail) придется вместе десять тысяч франков. Просьбы можно и должно отправлять в оба эти союза — пожалуйста, укажите адрес Познера и Владимиру Александровичу; надеюсь, он извинит меня, что не пишу ему отдельно, — я все болею.

Из-за каких-то формальностей деньги поступят от Бунина не раньше, как через неделю. Рассылку их взяли на себя проф. Кульман² и Бунаков-Фондаминский. Я надеюсь, что Вы скоро получите эти три тысячи франков, буду им напоминать.

Меня так раздражил Зеелер своей необъяснимой и непрости-тельной неаккуратностью по отношению к Вам, что я решил больше ничего ему об этом не говорить: боюсь, наговорил бы лишнего. Не могу понять, почему этот милый и хороший человек так поступи-л, зная, что Вам деньги нужны очень сильно.

Адрес Бунина: Hôtel Majestic, Av. Kleber. Но, по-моему, Вы ему пока ничего не пишете.

Простите, что пишу только о деле. Скоро получите мою «Пещеру» (I) — еще не имею авторских экземпляров. Сердечный при-вет Вам и Вашим, лучшие пожелания на Н[овый] Год.

Ваш М.Алданов

¹ *Познер* Соломон Владимирович (1876-1946, Париж) — обществен-ный деятель, помощник присяжного поверенного, журналист и историк. Писал также на французском языке. Примыкал к кадетам; отец француз-ского писателя-коммуниста Вл.Познера. Эмигрировал в 1921. В 1924-1933 — секретарь Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции. См.: Новое русское слово. 1946. 26 окт. №12599.

² *Кульман* Николай Карлович (1871-1940) — литературовед, профес-сор. Автор статей и рец. о творчестве В.Г.Короленко, К.Бальмонта, И.С.Шмелева, М.Алданова, Н.Тэффи и др. Сотрудничал в газ. и журн. «Россия» и «Россия и славянство» (1929-1933), затем — в 1934-1938 — в журн. «Современные записки».

20

4 февраля [1934]¹

Дорогой Александр Валентинович.

Вы, разумеется, ошиблись, предположив, что сообщенные мною Вам сведения о том, что Вам будет переслано из бунинских денег три тысячи франков, ошибочны или преждевременны. Наде-юсь, Вы уже эти деньги получили. Как только я получил Ваше письмо, я сообщил Бунинскому комитету, что деньги эти должны быть Вам переведены по почте, а не чеком, и не по Вашему адре-су, а по адресу указанной Вами дамы (Tilmont)². Комитет обещал тотчас это и сделать. Правда, деньги от Бунина поступили с опозданием, но уже давно поступили. Вероятно, все в порядке? Жаль только, что вышло лишь три тысячи. Но Бунин несколько умень-шил сумму своего пожертвования, по сравнению с той, о которой

говорил первоначально. Как я и предвидел, надежды его на огромные доходы от книг после премии совершенно не оправдались. Я думал и, помнится, Вам писал, что едва ли издательства и газеты дадут ему больше 150 тысяч франков. В действительности же, он, к сожалению, не получил и половины этой суммы — по крайней мере, до сих пор — да вряд ли и получит. Соответственно с этим уменьшилось и пожертвование: он сначала говорил о 70 или даже о 100 тысячах, дал же гораздо меньше. Не ставлю ему этого в упрек, Боже избави! 40-50 тысяч тоже большая сумма для человека с состоянием тысяч в 600 (вдобавок, как назло упала и шведская крона). Но я объясняю, почему друзья Ивана Алексеевича получили лишь по три тысячи.

Комитету помощи писателям и ученым Бунин не дал ничего. Он сказал, что рассматривает деньги, полученные им в свое время от Комитета, не как ссуду, а как пособие. В связи с этим между ним и Комитетом возникла досадная переписка, очень занявшая досужий Парижск [Так! — *Публ.*]. Вероятно, слухи о ней дошли и до Вас — не об этом ли писал Вам И.С.Шмелев? (Вы сообщили мне, что получили от него странное письмо.)³ На нет суда нет, Комитету делать было нечего, и потому, к сожалению, заявление Владимира Александровича, посланное Познеру, пропало даром — я ведь предполагал, что Бунин Комитету даст некоторую сумму. Союзу же писателей он дал 10 тысяч. Они были позавчера разделены по 90 просьбам! Владимиру Александровичу назначили только 150 франков. Однако больше этой суммы дали разве 5-6 писателям. Всего разделили до 15 тысяч (кое-что дал вечер Союза), это и составляет около 150 франков на человека. Деньги переводит Зеелер.

Теперь Мондадори⁴. Все изложенное Вами я передал Бунину. Он подтвердил мне, что о Мондадори ничего не слышал. Но всеми его литературно-издательскими делами теперь ведает М.Л.Слоним⁵ (13, rue Vopararte), с.-р., которого Вы, быть может, знаете. Он открыл агентство по устройству иностранных переводов, и Бунин ему передал свои дела. Иван Алексеевич обещал поговорить об этом со Слонимом. Больше я ничего не знаю.

Вот все.

Бунин уехал в Грасс (адрес прежний). Мне очень досадно: сделал он прекрасное дело, пожертвовал немалую сумму, а ругают его (Вы были правы) чуть ли не девять десятых населения Парижска. Кое в чем он виноват (не стоит об этом писать, да и долго), виноват и «трест мозгов», как кто-то назвал Бунинский комитет. Но в общем Бунин все-таки вел себя прекрасно. Он очень измучен, вид у него ужасный.

Простите, что раньше Вам не ответил: я ждал заседания Союза, а насчет 3000 получил подтверждение «треста мозгов».

«Пещеру» Вы на днях получите. Адрес Сирина: 22, Nestorstrasse, Berlin — Halensee, bei Feigin. Да, с недостатками он писатель, но талант очень большой. Шлю Вам и Вашим самый сердечный привет.

Ваш М.Алданов

¹ В оригинале ошибочно: 1933. Датируется по содержанию.

² Валентина *Тильмон* — левантинская знакомая Амфитеатровых, жившая в отеле «Stella d'Italia». О переводе денег на ее имя В.Н.Бунину просила и И.В.Амфитеатрова в письме от 23 янв. 1934, мотивируя это тем, что «нельзя получить деньги на свое имя, а то кредиторы могут наложить арест» (Цит. по копии из архива Буниных в Лидсе, любезно сообщенной нам Р.Дэвисом). Ср. более раннюю аналогичную ситуацию: «...а сделка будет простая — по армянскому шансу: не заплачу. А с получениями [денег. — *Публ.*] напрасно боишься. Когда придет урочное время [платить долги или штрафы по суду. — *Публ.*], переведем все получения крупные на Guido, мелкие на Матильду, — только и всего» (Амфитеатров — И.В.Амфитеатровой, 2 апреля 1930).

³ Вероятно, речь идет о письме И.С.Шмелева к Амфитеатрову от 19 дек. 1933. В нем, в частности, сообщалось:

/.../ «Бун[инск]ие торжества». Ох, много-много всего. Он — ше-ствует, а мы че-ствуем. Много было истерики в *народе!* И «во праведники» его тащили, да... Он — ше-ствует... Но все же, в Сток[ольме] хоть Густав V да сказал о «радости за рус[скую] литературу». Но Б[унин] *не* сказал. Зато о честолюбии сказал. Это и без него знали. У меня двойств[енное] чувство. Д[олжно] б[ыть], Б[унин] оглушен. Никому (?) не написал за — приветы, даже Деникину... Он — ше-ствует, а мы — че-ствуем. Да ведь Михрютки на «ура» мчатся, любят поорать. И я — тоже, чего-то поторжествовал, на морозе. По сему поводу мне в утешение И.А.Ильин написал привет:

Пошли Господь свою* квартиру
Тому, кто в зимний хлад и вой
Идет близ буинского пиру
И ног не слышит под собой.

И притом сделал: *свою — значит удобную во вс[ех] отн[ошениях], tant comf[ortable]. *Есть!* А платить — негути. Но только и оставалось — просить у Господа «своей» квартиры!

Что Вы скажете — насчет «шествования». И с Яшей Сухариком? И о праздновании в Ст[окгольме] (со стор[оны] Б[унина]) в духе лиго-национном, без упоминания «матери»?! А Карташов-то его (на честв[овании] №2 — в Рос[сии] и Сл[авянстве] и Нац[иональном] Ком[итете] хотел в мантию про-ро-ка обла-

чить! «*Не предавай нас!*»! А он взял да и взял [Так! — *Публ.*] фрачок европейца куций! И теперь вот все пирует. Говорили — я квартиру все искал — в Париже всяк день был на здоровом взводе. Не до... мантии пророка. Я дал свое «слово» на честв[ование] №2, но не был — болел и все кв[артину] искал /.../ Ну, хоть один из нас погуляет, досыта поест. А особого торжества... нет. Ведь «Хеопсы»-то наши и до сего [акцидента?] видимы и ведомы были чутким мира. «Арсентьевым»-то [Так! — *Публ.*] не накроешь. И для России, и для бытия ее — и гроша не нажито. — И полслова [Карташ[ева] речь см. Р[оссию] и Слав[янство]), ожидавшегося — наивными головотяпами — не сказано. А шарк ножкой — к Франции: «j'ai contracté les dettes vers la France jusqu'au fin de mes jours!» [я в долгу перед Францией до конца моих дней. — *Публ.*]. Шарк — Швеции — рыцари и проч. А как же так... «откуда ты, прелестное дитё»? — про себя, чай, шведы спрашивали шаркающего. Матерю-то и забыл. Эх, получи вот так Достоев...! Забыл бы? а?! Как Вы думаете? А — Лев — шаркнул бы? А... Пушкин... — сошел бы *достойнейшим* манером с эстрады и хорошо... и все? И стал бы ждать, чтобы Густав там Ваза или Горшок — ему *напомнил*: ду-рак, радуйся и за русскую литературу, как я, Ушат 8-й, радуюсь! А? /.../

Грустно. Не из чего другого говорю сие, а — гру-у-стно. Я доволен, что не Мер[ежковско]му — *за искусство*, рад — но... М[ережковский], если не мантию пророка, то хоть хламиду какую напялил [бы] на себя с Аменхотепа, что ли, и *изрек* бы хоть... про Антихриста. Все веселей. /.../

⁴ Речь идет об издательстве, основанном в начале XX в. Арнольдо Мондадори. С конце 1920-х — одно из крупнейших итальянских издательств.

⁵ *Слоним* Марк Львович (1894-1976) — переводчик, критик и публицист. Эсер. Эмигрировал в 1918. Учился во Флоренции, в нач. 1920-х жил в Милане, сотрудничал в итальянской периодике (газ. «Il Secolo»). В конце 1920 переехал в Прагу. Соредактор журн. «Воля России» в 1922-1932. В Париже жил подолгу с 1927. Ряд статей посвящен творчеству Алданова: Романы Алданова // Воля России. 1925. №6. С.155-167; «Ключ» Алданова // Там же. 1930. №1. В 1931 — ред. «Новой газеты» (Париж. №1-4). В 1932 окончательно переселился в Париж. С приходом немцев уехал из Франции в США. В 1942-1947 — сотрудник журн. «Новоселье» (Нью-Йорк). Умер во Франции.

Дорогой Александр Валентинович.

Вы, вероятно, сердитесь на меня (с полным правом), долго не получая ответа на последнее письмо Ваше. Но в свое оправда-

ние могу сказать только одно: у меня были срочная, совершенно неотложная работа, и я по необходимости работал «запоем» (хорошо этот «запой» — ради получения денег, да еще столь малых!). Поэтому запустил свою переписку. Ваше письмо вопросов никаких не заключало в себе, и я его отложил. Пожалуйста, извините.

Вы правы, конечно, в том, что касается формы посылки денег. Это все к тому же, о чем я Вам писал в последнем письме: Бунин пожертвовал тысяч 40, если не больше, — но все сделал не так, как следовало бы, да и «трест мозгов» кое в чем виноват. Добавлю однако, что трест не поручал *постороннему* человеку рассылать деньги: проф. Ельяшевич¹, от которого Вы получили то письмо, тоже был членом треста, как Кульман и Бунаков. Не думаю, чтобы дело распределения денег Бунина получило огласку, по крайней мере в той части, которая касалась его дружеского дара семи известнейшим писателям. Большую огласку, к сожалению, получил его отказ вернуть деньги, когда-то им полученные от Комитета помощи писателям и ученым (ведь этот Комитет чуть было не возбудил против него иска в суде!). Это главная ошибка Ивана Алексеевича. Вторая — то, что двум писателям из вышеупомянутых семи он в конце концов ничего не предложил, тогда как они уже знали от треста об его решении, а один прямо рассчитывал на получение этих трех тысяч. Я откровенно сказал Ивану Алексеевичу, что он по отношению к этим двум писателям поступает неправильно, но он меня не послушал. Впрочем, эти шесть тысяч он распределил (уже помимо треста) между другими писателями, менее известными, но не менее нуждающимися и лично более ему приятными.

Бунины давно в Грассе (на той же вилле «Бельведер»). От И.А. я писем не имел, от Веры Николаевны получил позавчера длинное письмо. Из него узнал, что И.А. скоро опять приедет в Париж: его здесь будет чествовать Пен-Клуб. Очень рад его приезду: я его как человека люблю еще больше, чем как писателя.

С изумлением читал Ваше сообщение об урагане — что за Жюль Верн! Мы в Париже и не представляем себе, какие-такие ураганы. Надеюсь, разрушенное кое-как восстановлено?

У меня ничего нового. Простите, что до сих пор не послал Вам «Пещеры». Виноват Гитлер! «Слово», по-видимому, дезорганизовано. Управляющий Яковлев, хоть и «ариец», переехал в Латвию, и книги мне упорно не посылают, несмотря на мои повторные ругательные письма. К лету надеюсь кончить вторую часть этого романа, с которым кончится серия «Ключа» и моя деятельность романиста. Шлю Вам и Вашей семье самый сердечный привет.

Ваш М.Ландау-Алданов

¹ *Ельяшевич* Василий Борисович (1875-1956) — правовед и историк. Эмигрировал не ранее 1918, жил в Париже: сотрудник «Современных записок», профессор гражданского права Парижского ун-та. См. о нем также в статье М.А.Колерова «Русские писатели и "Русская мысль"» (Минувшее. Вып.19. М.; СПб., 1996. С.240-241).

3 апреля 1934

Дорогой Александр Валентинович.

Большое спасибо за любезное письмоцо Ваше. Буду очень благодарен, если Вы подробнее сообщите о недостатках первого тома «Пещеры». Второй том выйдет, я надеюсь, летом или в начале осени.

Был здесь Бунин. Его пригласил местный Пен-Клуб, устроивший, т.е. предполагавший устроить, банкет. В последнюю минуту банкет был отменен с разными любезными словами! Слышали мы, что произошло это оттого, что записалось около 15 человек! Так как нобелевских лауреатов Пен-Клуб чествовал всего два-три раза (всегда собиралось человек 150-200), то это может Вам свидетельствовать о коренном изменении отношения — не лично к Бунину, конечно, — а к нам, эмигрантам вообще. Года три-четыре назад тот же парижский Пен-Клуб принимал Куприна, потом Ремизова, потом меня — и всегда речи бывали весьма любезные, и публики много, хоть никто из нас Нобелевской премии не получал. Но повеял новый ветер в политике, и вот результаты в отношении первого из русских писателей-эмигрантов. Бунин не обиделся. Был он на этот раз очень весел и мил, вид у него снова прекрасный, отлично мы втроем и выпили в том чехословацком ресторане, откуда послали Вам открытку (много о Вас говорили)¹. Да, очень жаль, что Вас с нами не было. Я, кстати, беседовал с Вами только раз в жизни, минуты три, — был у Вас по какому-то делу в Петербурге с Г.А.Лопатиным в 1918 году. А впервые Вас увидел без малого тридцать лет тому назад (да, мне было лет шестнадцать) в Интерлакене — Вы там читали публичную лекцию²...

Рахманинов дал здесь концерт в пользу русских общественных организаций. Чистый сбор составил тысяч 50, из них весьма небольшая доля, верно, около тысячи франков, придется нашему (милноковскому) Союзу писателей, где секретарь Зеелер. Я просил часть этих денег послать Вам, будет сделано (сколько именно, не могу сказать). Зеелер обещал мне, что пошлет эти деньги Вам с расчетом, чтобы Вы их получили до Пасхи. Не отвечаю, что те-

перь он твердо исполнит, но очень на это надеюсь, — я убеждал и просил его не опаздывать. Человек он, повторяю, очень милый, но замученный и своими, и общественными делами. Возможно, что он эти деньги заимствует и не из сумм с Рахманинского концерта — те еще не получены, — тогда он обещал достать авансом. По получении, пожалуйста, черкните ему два слова, на меня не ссылаясь.

Шлю Вам и всей семье Вашей самый сердечный привет, лучшие поздравления и пожелания к праздникам, также от моей жены — она давняя Ваша почитательница.

Ваш

М.Ландау-Алданов

¹ Эта открытка нами в архиве Амфитеатрова не обнаружена.

² Осенью 1906 года Амфитеатров выступал в Швейцарии с циклом лекций, чтобы собрать средства для организации 2-й Школы социальных наук в Париже.

23

21 июня 1934 года

Дорогой Александр Валентинович.

Навел справку. Адрес Серг[ея] Вас[ильевича] Рахманинова: Villa Senar, Herzenstein b[ei] Luzern, Suisse. Я его видел в последний раз (не считая его концерта) в прошлом году на его чествовании — кажется, это было 60-летие. От Буниных давно писем не получал. Слышал, что у них все благополучно (только о них это и слышно) — все не могут решить, купить ли им Бельведер. На лето, кажется, они никуда не уезжают. Гостил у них Зайцев¹ — скоро, по слухам, возвращается.

С «Сегодня» дело обстоит так. По уговору моему с обеими редакциями, я имею право помещать свои статьи и в «Посл[едних] Нов[остях]» и в «Сегодня», под условием, чтобы появлялись они в обеих газетах в один и тот же день. Дело в том, что территория распространения «П[оследних] Н[овостей]» и «Сегодня» — разная. Но все же кое-где идут обе газеты — в Болгарии, например. Так что они на эту уступку авторам могут пойти — но без восторга. Добились той же привилегии Осоргин и Тэффи (она печатает фельетоны одновременно в «Возрождении» и в «Сегодня»). Статью приходится отсылать в Ригу заранее с точным указанием дня ее появления в Париже. Разумеется, «Сегодня» мне платит. Но зная приблизительно характер газеты, я всегда очень сокращаю для

нее свои статьи, обычно — длинные, — боюсь, что они и так для нее длинны. Так, например, моя статья о Пикаре составила пять фельетонов в «Посл[едних] Нов[остях]» и только три в «Сегодня»². Теперь там появится «Молътке» (в первом фельетоне была обмолвка, которую я исправил только в «Посл[едних] Нов[остях]»)³. А вот в Харбине, в Америке, в Шанхае, в Румынии, в латышских газетах Риги и меня грабят беспощадно: перепечатывают, даже не указывая источника (так что мы выходим у них ближайшими сотрудниками), и не платят ни гроша. Недавно полностью перепечатал из «Посл[едних] Новостей» мои пять фельетонов о Пикаре, тоже не указав источника, орган латвийского военного министерства. Мне прислал эти статьи редактор «Сегодня»⁴. Этот «официоз» нарочно взял текст «Посл[едних] Новостей», а не «Сегодня», так что юридически он почти чист: конвенции нет («почти» потому, что перепечатка без указания источника ведь не допускается и законами, независимо от конвенции). Я написал письмо с протестом редактору, какому-то полковнику, и никакого ответа не получил!

Очень поколебали Вы мое мнение о романе А.Толстого. Все в восторге, Ходасевич в «Возрождении» хвалит каждый отрывок в гиперболических выражениях — может, и на меня чужой восторг подействовал⁵. Теперь читаю внимательнее и боюсь, что Вы правы, хоть человек он очень талантливый. Я его знаю наизусть, мы когда-то были с ним в тесной дружбе, до его перехода к большевикам⁶.

Вы правы и в том, что касается исторических фельетонов Осоргина, вдобавок вызывающих крайнее раздражение у части наших читателей. Это и ему не мешает быть талантливым человеком (и человеком прекрасным)⁷. Взятся не за свое дело.

Лубковского я не знал. А в «Посл[едних] Новостях» есть два бывших сотрудника «Киевской Мысли». Они искренно его оплакивали⁸. Это чего-то стоит — сотрудники газеты искренно оплакивают издателя, — я и случаев таких не знаю.

С особым интересом жду Вашей статьи о книге Чинелли⁹. Не читал ее, как не читал и исторического труда Серао¹⁰. Я новых итальянских книг почти не вижу. На Папини¹¹ остановился.

Последние письма наши, как Вы, конечно, заметили, скрестились.

Шлю Вам и семье Вашей самый сердечный привет, желаю всего доброго.

Ваш

М.Алданов

¹ Речь идет о писателе Борисе Константиновиче *Зайцеве* (1881-1972).

² Очерк «*Пикар*» печатался в «Последних новостях» 1, 8, 11, 15 и 22 апр. 1934; в «Сегодня» — 1, 6 и 13 апр. 1934 — под названиями: «Роль подполковника Пикара в деле Дрейфуса»; «Суд над Дрейфусом, его разжалованье и ссылка» и «Реабилитация невинно осужденного Дрейфуса». См. также: Алданов М. Портреты. [Т.2]. Париж, 1936.

³ См.: Алданов М. Фон-Мольтке и сражение на Марне // Последние новости. 1934. 30 июня, 7, 13 и 20 июля. В газ. «Сегодня» это произведение печаталось 14, 22 и 19 июня; 8 и 22 июля 1934 под названиями: «Борьба генералов», «Дядя и племянник: Письма Мольтке к жене», «Любовь фон Мольтке к России», «В Париже в первые дни войны» и «Бесславный конец Мольтке».

⁴ Главным редактором газеты был в то время еще Максим Ипполитович Ганфман (1872-1934). Однако, по-видимому, речь идет о Михаиле Семеновиче Мильруде (1883-1941?), входившем в редакцию газ. «Сегодня» с сер. 1920-х. Уроженец Бессарабии. До революции — сотр. киевских газет и «Русского слова». С 1919 до 1924 журналистикой не занимался. Затем с 1924 жил в Риге, где 15 марта 1941 был арестован НКВД и погиб в заключении. Официально возглавлял газету с №112 за 1936 до ее прекращения в 1940. Сообщено Д.И.Зубаревым.

⁵ Ср.: Алданов М.А. [Рец.] А.Толстой. Петр I. Берлин, изд. Петрополис // Современные записки. 1930. №43. С.493-494.

⁶ В 1920 Алданов и А.Н.Толстой входили в редколлегию журнала «Грядущая Россия» (Париж; вышло 2 номера). На близкую тему ср. в письме к Амфитеатрову писателя В.П.Крымова от 29 янв. 1934:

Я удивился, что Вы, несомненно через розовые очки смотрящий на прошлое, вздыхающий о нем, и вдруг не осудили мой второй том! Теперь среди эмиграции распространено, понятно, невысокого порядка воззрение, что если человек не в розовых красках рисует прошлое, то он льет воду на мельницу большевизма. Понятно, это абсурд. Тогда надо было в свое время заклеить и «Горе от ума», и «Ревизора», и всего Щедрина, и даже «Евгения Онегина». /.../ Обращаю Ваше внимание на «Петра I» Алексея Толстого. В суждении о нем нужно отдалиться от всякой политики — это громадный талант, хотя, к сожалению, без достаточного образования, что сказывается на каждом шагу.

⁷ Об отношении Алданова к писателю Михаилу Андреевичу *Осоргину* (наст. фам. Ильин, 1878-1942) см.: Алданов М. [Рец.] М.А.Осоргин. Сивцев Вражек // Последние Новости. 1928. 15 марта; Он же. [Предисловие] // Осоргин М.А. Письма о незначительном, 1940-1942. Н.-Й., 1952.

⁸ Издатель газ. «*Киевская мысль*» в 1906-1917 Рудольф Карлович *Лубковский* умер в Варшаве 7 мая 1921. См.: Руль. 1921. 10 мая. №143. Вероятно, Амфитеатров сообщал Алданову о кончине сына издателя — предпринимателя и мецената Мечислава Рудольфовича, умершего 8 июня 1934. Некролог последнему, написанный Амфитеатровым: Памяти ото-

шедших друзей // Сегодня. 1934. 25 авг. №234. См. также об этой семье киевских знакомых Амфитеатрова его ст.: Оправданный рыцарь: Реабилитация А.Р.Ледницкого // Сегодня. 1935. 6 июля. №182.

⁹ Речь идет об издании: Cinelli D. Tolstoi. Milano: L'Egoica, 1934. Отклики Амфитеатрова на эту работу: Итальянец о русских полубогах // Шанхайская заря. 1934. 2 дек.; Листки // Возрождение. 1935. 21 ноября.

¹⁰ Возможно, речь идет о *Серао* Матильде (1856-1927), итальянской писательнице, авторе сочинений о жизни святых. О какой ее книге идет речь — установить не удалось.

¹¹ *Папини* Джованни (1881-1956) — итальянский критик, романист, журналист и философ. Был связан с международным модернизмом, в т.ч. с русским (сотрудничал в «Весах»). В 1921 пережил духовный кризис, обратился к религии. См. также прим.5 к письму 25 в ВИ.

24

2 августа 1934

Дорогой Александр Валентинович.

Простите, что не сразу ответил на письмо Ваше от 18 июля. Я, кажется, Вам писал, что с начала кризиса, т.е. года три тому назад, поступил на службу в «Последние новости»: три раза в неделю читаю там около 40 иностранных газет! (Разумеется, совершенно дурею от этого занятия, необходимого для составления первой страницы.) Но недавно мой коллега, занимающийся тем же полезным делом в остальные три дня недели, уехал в отпуск, и я работал всю неделю напролет. Поэтому и запустил свою корреспонденцию. Сегодня моя работа кончилась. Уеду в отпуск и я, но не более, чем дней на 10 (на море, еще не знаю, куда именно, но недалеко). Собственно это «отпуском» и назвать нельзя, ибо жалования я за «прогульное время» не получаю.

Сердечно Вас благодарю за то, что пишете о «Молитке» и о книге «этюдов»¹. Все Ваши указания очень ценны — жаль, что я не догадался Вас запросить. Поистине Вы кладезь всяких знаний, а память Ваша граничит с чудом.

М.М.Лубковскую² я никогда не встречал. А вот кончина А.А.Яблоновского³ была для меня большим горем — я очень его любил. Умер он в ужасных условиях — не стоит и рассказывать.

Я догадался, конечно, что Ваши «мемуарные» очерки в «Сегодня» (превосходные) — отрывки из романа⁴. Надеюсь, Вы от этого замысла не откажетесь: давно Вы романов не печатали, и грех будет, если Вы бросите эту большую вещь. Отлично знаю (и по своему опыту, хоть Ваш много более тяжкий), каково писать

книги в нынешних условиях, — и все-таки Вы должны это сделать. А вот насчет «Бури» боюсь: в мир театральный на Западе проникнуть очень трудно. Рахманинов, как Вы пишете, едва ли возьмется. А Рихард Штраус, я слышал, легко дает обещания; да и не очень ведь он «продуктивен»⁵. Все же — дай Бог! Для всех нас настоящим выходом из все ухудшающегося положения может быть только связь с западным театром. Тут один успех — и становишься обеспеченным человеком.

«Пещера» медленно подвигается, к Новому Году надеюсь кончить эту трехтомную серию «Ключ—Бегство—Пещера», над которой я работаю больше десяти лет. О «Жизни Арсеньева» слышно только то, что, к сожалению, Иван Алексеевич ничего не делает⁶. Только правит свои старые книги для полного собрания. Вести оттуда и вообще не очень веселые, — Вы, верно, знаете. Вера Николаевна в последнем (недавнем) письме сообщила мне⁷, что И.А. окончательно решил купить «Бельведер» и что договор будет подписан в ближайшие дни. В материальном отношении это дело очень выгодное: кажется, покупка и ремонт будут стоить менее 100 тысяч франков, а они платили за эту виллу 12 тысяч в год. Но минусы очень серьезные: 1) «Бельведер» расположен на высокой крутой горе, и два ежедневных подъема не могут не отражаться на здоровье И.А. и В.Н.; 2) если они купят виллу, то уж навсегда застрянут в Грассе. А в их положении было бы лучше переехать в Париж. Зайцев (он давно вернулся) и говорил мне, что этого там хотели все, кроме Ивана Алексеевича. Ну, да им там виднее, — хоть материальная сторона жизни у них там наладилась. Жизнь сложна, не в деньгах счастье, все это мы знаем, — но удивительно, как без денег все становится труднее даже в таких областях жизни, которые, казалось бы, ничего с деньгами общего не имеют. Одна молодая, очень милая писательница, Берберова, как-то мне сказала, что у меня в романах деньги занимают слишком много места. Я только развел руками. Ей, по молодости, простительно так думать или, по крайней мере, так говорить. Но я все же попытался объяснить ей, что даже в ее жизни эта сторона имеет некоторое значение, а вокруг нас три четверти горя и зла стали бы много сноснее, если б еще не безденежье.

[Приписка на полях:]

Град Ваш изумителен. Неужели до 2 кило?! Как же люди уцелели? Шлю самый сердечный привет Вам и семье Вашей. Очень благодарен Вам за память Т.М.⁸

Ваш

М.Ландау-Алданов

¹ Возможно, речь идет о кн. Алданова «Огонь и дым». См. прим.9 к письму 5 наст. публ.

² *Лубковская* (урожд. Бардецкая) Мария Мечиславовна (1858, Киев — 1934, 27 июня, Варшава) — оперная и камерная певица (сопрано), антрепренер, педагог. Дебютировала в 1882 в Тифлисе (там же, по-видимому, в 1887 познакомилась с Амфитеатровым, выступавшим в качестве ее партнера на оперной сцене). В дальнейшем пела в оперных театрах Киева, Москвы, Петербурга, Львова и др. Гастролировала в Италии. В 1898-1905 держала Итальянскую оперу в Одессе, затем в Киеве. После 1917 жила в Варшаве, организовав там в 1923 собственную вокальную школу, и преподавала. См.: Пружанский А.М. Отечественные певцы 1750-1917: Словарь в 2 чч. Ч.1. М., 1991. С.291; прим.8 к письму 23 наст. публ.

³ *Яблоновский* Александр Александрович (1870-1934, 3 июля, Париж) — писатель и журналист. Окончил Петербургский ун-т. Помощник при- сяжного поверенного. В 1894 дебютировал рассказом «Последыш» в журн. «Русское богатство». Сотрудничал в «Сыне Отечества» и «Мире Божьем», где в 1901 опубликовал напумевший рассказ «Гимназисты». В 1903-1905 вел в журн. «Образование» сатирический фельетон «Родные картины». Затем — политический фельетонист газ. «Киевская мысль». В 1916 перешел в «Русское слово». В Гражданскую войну находился на Юге России; при эвакуации Добровольческой армии был вывезен в Египет. Автор кн. «В гостях у английского короля» о трагедии русской эмиграции. Переехав в Париж, сотрудничал в «Общем деле», «Возрождении», печатался в берлинском «Руле». Пред. Союза русских писателей и журналистов в Париже. Автор кн. «Дети улицы», «Гимназические годы», «Рассказы» (в 2 тт.), «Филька» (детская повесть). См.: [Некролог] // Возрождение. 1934. 5 июля. №3319. К Амфитеатрову, хотя и нередко выступал с ним в ожесточенную печатную полемику, Яблоновский относился с неизменным пиететом — так, в начале 1930-х писал ему: «по Берлину /.../ ползут /.../ слухи о новых газетных предприятиях /.../. Не стерпит и немецкая природа пустоты! /.../ Читаю Вас в варшавской газете Философова и всегда грущу, что Вы, точно сознательно, уходите от нынешнего дня в область прошлого. /.../ Думается, что не время Вам стариной заниматься, когда каждый день драться надо. Это не только мое мнение, но и все журналисты, с которыми приходилось говорить, находят, что в нынешнем газетном хоре не хватает мощной амфитеатровской октавы». Яблоновскому посвящены неопубликованные амфитеатровские мемуары «Капризы памяти» (осень 1937) (ЛЛ. Вох 10. Fold.57).

⁴ Действительно, «мемуарные» очерки Амфитеатрова в «Сегодня» (Незабвенная: Признание закатившейся звезды // 1933. №264; Любовь? Искусство? Счастье?: Признание Незабвенной // 1933. №271; Конец Летучего Голландца: Из воспоминаний Незабвенной // 1934. №19; Черномая феминистка: Из воспоминаний Нашей незабвенной // 1934. №70; Княгиня крокодильих стад: Из воспоминаний Нашей незабвенной // 1934. №87; Суженый-ряженный: Из воспоминаний Незабвенной // 1935. №77; Нервы: Из признаний Незабвенной // 1937. №194) — представляли собой

отрывки из его незавершенного романа, первоначально называвшегося «Дарья Урошич: Из записок Незабвенной». См. также письмо 33 наст. публ.

⁵ Речь идет о попытке Амфитеатрова переработать в «музыкальную драму» пьесу Шекспира «Буря». В 1936 он предлагал ознакомиться с этой работой композитору и музыканту О.Респиги, учителю его сыновей. Опера на либретто Амфитеатрова написана не была.

⁶ Речь идет об И.А.Бунине.

⁷ *Вера Николаевна* Бунина-Муромцева (1881-1961) — жена писателя. Переписку Алданова с Буниными см.: Новый журнал. 1965. №81, 150, 152-154 (публ. М.Э.Грин).

⁸ Речь идет о жене Алданова: в 1922 он женился в Берлине на Татьяне Марковне Зайцовой.

25

14 октября 1934

Дорогой Александр Валентинович.

Очень Вас прошу извинить меня, что только теперь отвечаю Вам на письмо Ваше. Хотя Вы меня не запрашивали ни о чем, но должен был бы я Вам написать давно. Дело простое. Завтрашняя дата 15 октября — срок квартирной платы — для большинства русских парижан трагедия, в частности и для меня. Мобилизовал все свои возможности: и «Посл[едние] Новости», и издателей — вчера вздохнул: собрал. Для этого мне пришлось срочно заканчивать ту «новеллу» («Деверу»), которую пишет в «Пещере» главный персонаж романа Браун, и напечатать в «Посл[едних] Новостях» семь отрывков из нее, а в «Сегодня» — пять¹. Добавлю, что в отрывках, без разъяснения связи с романом, все это должно показаться стилизованной ерундой, и, конечно, не следовало бы это печатать в газетах, да что поделаешь? «Пещеру» надеюсь месяца через два кончить и, разумеется, тотчас по выходе пошлю ее Вам.

О московском съезде писателей думаю то же, что Вы: и смешно, и больно, и стыдно. К.И.Зайцев прочел об этом съезде в Париже доклад — и подобрал такой букет цитат, что волосы дыбом встают на голове. В «Нувель Литтерэр» буря восторгов — правда, в статье мальчишки Познера, который писал и в «Посл[едних] Новостях» и в «Днях», а потом получил какую-то должность в «Интуристе» или в чем-то таком². Но «факт налицо»: первый европейский литературный еженедельник обратился за статьей о московском съезде к Познеру! Это один симптом из тысячи.

Чрезвычайно я порадовался тому, что Вы пишете книгу о Гоголе. У нас ведь о нем почти ничего ценного нет. Большая ли будет книга? Где издадите?³ Платит ведь теперь только издательство Брянского в Белграде⁴. «Петрополис» в лучшем случае печатает на свой счет, ничего не платя автору, да и то лишь романы. Но в Белграде, конечно, издадут.

Фотография Ваша не так плоха, как Вы пишете. Но Вы, кажется, не «фотогеничны». За присылку ее сердечно Вас благодарю.

«Меч», говорят, кончился. Я его читал плохо. Знаю, что там меня выругал Философов. Ваших статей там не видел⁵.

Яблоновский умер в весьма тяжких материальных условиях. Похоронить его было не на что, если б мы, сотрудники «Посл[едних] Нов[остей]», не сложились и не собрали на это 700 франков. 500 дал от себя Гукасов⁶ — на это и похоронили. Сотрудники же «Возрождения», по слухам, оплачиваются теперь так плохо, что сами чуть только не голодают. Нет, сытино-суворинский газетный период кончился — говорят, Вы в «Русском Слове» получали 36 тысяч рублей, как и покойный Александр Александрович⁷. А вот французские газеты Пуанкаре платили по 1500 франков за статью, т.е. меньше 125 рублей!

Шлю Вам самый сердечный привет, также и от Т[атьяны] М[арковны]. Кланяйтесь, пожалуйста, Вашей семье.

Ваш М.Алданов

¹ Публикация фрагмента романа «Пещера» (новелла Брауна «Деве-ру») в «Последних новостях» была 16, 23, 28 и 30 сент. и 5, 12 и 14 окт. 1934; в «Сегодня» под заголовками «Убийство Валленштейна», «Штурм Магдебурга» и др. — 22 и 23 сент., 2, 5, 12 и 16 окт. 1934.

² *Познер* Владимир Соломонович (1905-1992) — сын С.В.Познера, русско-французский писатель, журналист и переводчик. С 1933 — член французской компартии, неоднократно посещал СССР. В годы Второй мировой войны жил в США, умер во Франции.

³ Кн. Амфитеатрова о Гоголе не была издана. Были напечатаны только отрывки из нее. См. также прим.7 к письму 24 в ВИ.

⁴ Виктор Диодорович *Брянский* возглавлял Издательскую комиссию Русского культурного ин-та в Белграде. О деятельности его издательства см. прим.4 к письму 8 в ВИ. См. также его переписку с А.И.Куприным: Исторический архив. 1995. №4. С.136-146 (публ. А.Л.Райцхаума).

⁵ Еженедельный журнал «Меч» под ред. Мережковского и Философо-ва к тому времени не прекратился, а был преобразован (с №21) в еженед. газ. Выходила с 1934 по 1939. Из публикаций Амфитеатрова в «Мече» того времени назовем: Шинтоизм в Европе // 1934. 22 июля; Микадоизм

// 1934. 5 авг.; Доктор Паскаль: Этюд к роману // 1934. 8-9 ноября; Юнцы: Этюд к роману // 1934. 20 и 27 дек.

⁶ *Гукасов* Абрам Осипович (наст. фам. Гукасянц, 1872-1969) — промышленник, общественный деятель, издатель. Основатель и владелец газ. «Возрождение» (1925-1940).

⁷ Речь идет о А.А. Яблоновском.

26

10 апреля 1935

Дорогой Александр Валентинович.

И я все собирался написать Вам (последние наши письма к Н[овому] Году скрестились) — откладывал и по нездоровью (с глазом что-то неладное), и из-за спешной работы. «Пещеру», слава Богу, кончил, уже месяца два как отослал «Слову», которому она давно была продана. Но, к удивлению моему, еще и первых гранок не получил — недоумеваю, что такое случилось с Гессеном: он все меня торопил. Кстати, Иосифу Владимировичу 15-го апреля исполняется 70 лет. Его адрес (на случай, если б и Вы пожелали написать ему): Gieselerstr[asse] 23, Berlin — Wilmersdorf.

С «Пещерой», как уже писал Вам, надолго, если не навсегда, я закончил и свою деятельность романиста. Буду писать теперь только статьи для хлеба насущного. Работаю и над своим химическим трудом¹. Добавлю, что если б я и продолжал писать романы, то их печатать было бы негде, так как издательств больше не осталось. «Слово» не печатает ничего, а белградское издательство Брянского, которое само попросило у меня книгу статей, заключило договор и обязалось в сентябре 1934 года заплатить мне деньги, до сих пор не заплатило ни гроша. Брянский так и написал, что у них денег «пока» нет, а когда будут, он не знает². Очень меня это «пока» подвело. «Петрополис» же печатает за счет авторов. Что Вы предполагаете делать с Гоголем? Статьи о нем Зайцева я не знаю: он все еще ее не напечатал³. Подумывает и он о книге о Гоголе, но думаю, никогда ее не напишет, ибо, помимо всего прочего, он чрезвычайно ленив, несмотря на полное свое безденежье.

Ксенофобия? Ее газеты несколько раздувают (некоторые, как «Жур», ею главным образом и живут). Практически она на нас, не ищущих работы у французов, не отразилась. Но действительно моральная атмосфера стала более тяжелой. Я надеюсь и даже уверен, что это во Франции пройдет, хоть мы и живем в сумасшедшую эпоху.

Томаса Гарди я знаю и очень почитаю — писал даже о нем несколько лет тому назад в покойных «Днях» вскоре после его кончины. Это, конечно, большой писатель. В Англии у него имя огромное, хоть сейчас он, кажется, там «выходит из моды» — неизбежная, но, к счастью, временная участь каждого писателя. Мне мой немецкий издатель в свое время (до Гитлера) писал, что Толстой вышел из моды!⁴

Вы послали отрывок «Гоголя» в «Возрождение». Пока я его там не видел. Могу сообщить Вам парижский слух. Говорят, что редактором «Возрождения» скоро станет Казем-бек и газета примет «младоросский» характер, в связи с чем намечаются и перемены в штате сотрудников⁵. Слышал я это из источника весьма надежного, но настроения издателя меняются часто. Было бы очень хорошо и для газеты, и в материальном отношении для Вас, если б Вы там писали часто⁶. Но, к сожалению, я Вам, как Вы догадываетесь, тут быть полезным не могу.

Как только выйдет «Пещера», пошлю ее Вам. Пошлю и «Ришелье» после того, как он войдет в книгу. В газетном облике посылать не хочется⁷.

Отчего Вы не сообщили, что именно с Вами было? Какая именно болезнь и совершенно ли прошла?

Шлю Вам и Вашим самый искренний сердечный привет. Очень кланяется и Татьяна Марковна.

Ваш М.Алданов

¹ Имеется в виду кн.: Landau M. Actinochimie: les prolégomènes, les postulats [Актинохимия: Введение и основные положения] [Vol.] I. Paris: Hermann et Cie, 1936. 128 p. Второй том этого труда не появился. Вместо него вышла брошюра: Landau M. De la possibilité de nouvelles conceptions en chimie [О возможности новых концепций в химии]. Paris: Hermann et Cie, 1950. 31 p., развивавшая представления Алданова в области методологии химии.

² Речь идет о собрании исторических очерков: Юность Павла Странова и другие характеристики / Русская библиотека. Кн.42. Белград, [1935]. Помимо упомянутого в заголовке, в нее вошли тексты: «Поездка Новосильцева», «Коринна в России», «Мата Хари», «Вальтер Ратенау», «Король Фейсал и полковник Лоуренс», «Гардье» и «Советские люди (в кинематографе)».

³ По-видимому, имеется в виду: Зайцев Б. Жизнь с Гоголем // Современные записки. 1932. №49. Возможно, Алданов ее пропустил.

⁴ Вероятно, речь идет о вестфальском издателе Ф.Шонинге, выпустившем все-таки в 1928 перевод алдановской «Загадки Толстого».

⁵ Этот слух не подтвердился: редактором газеты в 1927-1940 беспрерывно оставался Юлий Федорович Семенов (1873-1947). *Казем-бек* Александр Львович (1900-е — 1970-е) — политический деятель. Уроженец Кисловодска. В эмиграции с 1920-х, лидер группы Младороссов, выступавшей под лозунгами «Царь и Советы». С 1937 открыто контактировал с советскими представителями. В сент. 1939 был интернирован французским правительством. Освободившись, в 1940 выехал в Испанию, а оттуда в США, где был причастен к советской разведывательной деятельности. В 1957 вернулся в СССР, служил в издательском отделе Московской патриархии. См. также: Оболенский С.С. Конец Казем-бека // Возрождение. 1957. №63.

⁶ С 1935 до конца жизни Амфитеатров сотрудничал в «Возрождении» очень интенсивно.

⁷ Речь идет об очерке «Дюк Эммануил Осипович де Ришелье» (Последние новости. 1935. 2, 9, 15, 17 и 23 февр.; 10 марта). Тот же очерк под рядом других названий печатался в «Сегодня» (1935. 2, 10, 14, 20 и 24 февр.). В полном виде см.: Алданов М. Портреты. [Т.2]. Париж, 1936.

27

15 февраля 1936

Дорогой Александр Валентинович.

Очень рад был вестям о Вас, хоть веселого в них мало. Мужество Ваше удивительно. От всей души желаю, чтобы оно и дальше было таким; ведь общее наше положение — эмигрантское — все ухудшается. Молодое поколение нас всех не читает — оно денационализируется не по дням, а по часам, по крайней мере во Франции, не знаю, как у Вас. А старшее вымирает. Вот и сегодня скончался А.И.Гучков, большой и прекрасный человек. Я часто здесь его видел; по четвергам в одном французском милом доме устраивались и устраиваются в течение многих лет «русские завтраки» — еще месяца три тому назад он на них бывал всегда, видел его там и я. Случалось с ним работать — очень меня расстроила его кончина¹. Только отовсюду слышишь горькие вести.

Посылаю Вам маленькую заметку о Вашем сыне. Поместить более длинную оказалось невозможным — не потому, конечно, что Вас «ненавидят» в «Посл[едних] Нов[остях]», а потому, что накануне появилась о том же заметка в «Возрождении». Вы знаете соревнование двух газет: если какое-либо известие появилось в одной раньше, то другая его не печатает, так что добиться и помещения маленькой заметки было нелегко (я отнес Вашу заметку в самый день получения, но, очевидно, в «Возрождение» Вы послали раньше). Со всем тем главное сказано и в заметке «Посл[едних]

Новостей». Пожалуйста, передайте Максиму Александровичу мои самые искренние поздравления с успехами и славой.

Бал нашего Союза писателей дал около 9 тысяч². Просьб было 83, мы разделили почти поровну восемь тысяч; Вам и Ремизову дали больше всех, но это было так мало, что Зеелеру, верно, было совестно писать Вам. Надеюсь, деньги он Вам послал тотчас.

Чем просить Шлецера о книге для Вас, то я лучше пошлю Вам свой экземпляр³. У меня его взяли, но через несколько дней он ко мне вернется, и я его Вам отправлю. Очень, очень мне нравятся Ваши мысли о Гоголе. А вот по венгерскому вопросу мы с Вами, каюсь, расходимся. Не разделяю Вашего восторженного отношения к делам нынешней Венгрии⁴. Кстати, известно ли Вам, что из бунинской «Митиной любви» вычеркнут конец — самоубийство, — этого в Венгрии не полагается. Ну да спорить об этом не стоит. Муссолини, конечно, большой человек⁵. Смешно, что «Сегодня» не печатает Ваших статей, если принять во внимание, что они сами пишут о своих местных делах⁶. Но их положение трудное, знаю по своему опыту. В «Посл[едних] Новостях» печатаются мои очерки о советской революции. Один из них, как всегда, я послал «Сегодня», они напечатали, полпредство заявило протест: белогвардеец, мол, ругает дружественное Латвии правительство⁷, редакция после этого мне написала, что будет печатать мои статьи о чем угодно, но не о большевиках! А я только о них сейчас пишу. Вот и еще отпал на время источник маленького дохода. Казалось бы, статьи на Вашу тему «Сегодня» могло бы печатать. Кстати, слышал я, что Вы принадлежали к организации, которую Вы ругаете, говоря о Венгрии?⁸ Спорить же, повторяю, не стоит: у меня от политики истинное отвращение. Извините мое бестолковое письмо, очень болит голова. Бабушка Райского⁹ сердечно Вам кланяется и благодарит за память. Она, как и я, верная Ваша читательница и поклонница.

Сердечный привет всем Вашим.

Ваш М.А.

«Няня» Шмелева¹⁰ и мне нравится. Я слышал в его чтении. Читает он превосходно.

На Н[овый] Год и я никого не поздравлял. А теперь ведь поздно, правда?

«Пещера» выйдет в апреле, тотчас Вам пошлю.

¹ С лидером октябристов Александром Ивановичем Гучковым (1862-1936) Амфитеатрова связывали, в частности, совместные усилия по превращению лозаннского процесса (1923) над убийцами советского дипломата В.В.Воровского — М.М.Конради и А.П.Полуниным — в суд над большевиками. Приводим их переписку того времени:

Париж, 30 июня 1923 г.
XVI-me, 37, rue Poussin

Многоуважаемый Александр Валентинович,

Много лет тому назад, вероятно, в начале 90-х годов прошлого века, мы встречались с Вами в Москве в бытность Вашу московским корреспондентом «Нового времени». С тех пор наши пути не скрещивались. Но мы знали друг о друге. Во всяком случае, я был одним из внимательных Ваших читателей. С интересом следил я также за тем, что Вы писали после того, как вырвались из советской России.

Вот это последнее обстоятельство, в связи с одним разговором, который я имел на днях с В.Л.Бурцевым, заставляет меня ныне обратиться к Вам с одной просьбой.

Как только произошло в Лозанне известное Вам событие, мне и небольшому кружку моих политических друзей естественно пришло в голову воспользоваться предстоящим процессом, чтобы выполнить акт грандиозной пропаганды против большевиков и, что называется, подменить подсудимых, посадив на скамью подсудимых саму советскую власть.

Почти одновременно с нашей инициативой обратились ко мне швейцарские адвокаты, взявшие на себя защиту обоих подсудимых, Конради и Полунина, с просьбой помочь им в их задаче.

По общему, выработанному сообща, плану предполагается выставить патриотический подвиг обоих молодых людей на фоне той мрачной картины, какую представляет Россия под владычеством большевиков.

Любопытно при этом отметить, что швейцарские защитники в неменьшей мере, чем мы, заинтересованы в том, чтобы продемонстрировать перед своими присяжными, да и перед всем общественным мнением Швейцарии русского большевика в роли пьяного илота. Ибо опасность большевистской заразы все еще не миновала в Швейцарии.

В настоящее время создалась небольшая организация в Париже, которая взяла на себя подобрать и обработать материал для той части защиты, которая является обвинительным актом против советской власти. Однако наши силы не многочисленны. А задачи, какие мы себе поставили, требуют сбора обширного материала и больших сил для его обработки.

В беседе со мной по этому вопросу В.Л.Бурцев очень рекомендовал мне обратиться к Вам, многоуважаемый Александр Валентинович, а также к Вашей жене Иларии Владимировне с просьбой помочь Вашими многочисленными материалами, Вашими сравнительно свежими и яркими впечатлениями, Вашим боевым отношением к советской власти и Вашими литературными дарованиями. В.Л. вместе с тем указал, что Илария Владими-

ровна, как никто, в состоянии дать отличный очерк о разрушении школы и состоянии молодежи.

С этой просьбой и решаюсь обратиться к Вам обоим. Все, что Вы дадите нам в этой области, — отдельные факты и эпизоды, отрывочные впечатления и наблюдения, указания источников или очевидцев, наконец, обработка того или другого отдела нашей программы, все это мы примем от Вас с величайшей признательностью.

К сожалению, кружок наш располагает лишь скудными средствами, ибо наше обращение к «жертвенной готовности» нашей эмиграции нашло себе слабый отзвук. А между тем, помимо того литературного материала, который мы имеем в виду подготовить для швейцарских защитников, мы предполагаем для усиления яркости впечатления и сенсационности самого процесса провести перед присяжными заседателями и перед общественным мнением Европы ряд свидетелей, живых очевидцев того, что совершалось и совершается в России. Швейцарский процесс чрезвычайно либерален и допустит допрос свидетелей не только о том, что произошло в Лозанне, но и том, что происходит в Москве. Швейцарские адвокаты упорно настаивают на том, чтобы это обстоятельство было нами использовано. Здесь-то мы особенно и встречаемся с тем препятствием, о котором я писал Вам выше, — скудостью наших средств.

Слушание дела в лозаннском суде предполагается на конец августа. Быть может, удастся несколько отдалить срок. Во всяком случае, необходимо, чтобы материал был в наших руках в первой половине августа, ибо его придется подвергнуть обработке, координировать с материалом, идущим из других источников, и, наконец, перевести на французский язык.

Итак, помогите нам!

Искренне преданный

Александр Гучков

2. Амфитеатров — Гучкову

Levanto, 1923.VII.4

Многоуважаемый Александр Иванович, очень рад был получить Ваше письмо. Относительно путей Вы ошибаетесь: мы с Вами виделись и имели довольно долгий разговор после февральской революции, в бытность Вашу военным министром.

С удовольствием исполню Ваше желание и сделаю все, что могу. Что касается школы, я думаю, что едва ли может быть обвинительный акт против большевиков более острый, чем мои очерки «Все для детей!», печатавшиеся в «Руле» 1921 года. Жена моя того же мнения. Да и родилось это из общих наших наблюдений, когда мы «стомаха для» преподавали разные науки в средних и высших учебных заведениях. Очерки эти имеют то достоинство, что в них нет фактов преувеличенных и непроверен-

ных. Их давно следовало бы издать по-французски и по-английски, о чем в свое время и писал мне женеvский «Красный Крест», и уж не знаю, почему у них застряло тогда это дело. Если это Вам кажется полезным, я пришлю Вам их, равно как и «Советские узы» (очерки тюрьмы), только с большою просьбою сохранить и возвратить по миновании надобности, так как вырезки и наклейки эти имею в одном лишь экземпляре и потеря их была бы для меня весьма губительна. А пока посылаю Вам свои «Горестные Заметки» и «Negli artigli dei Sovieti» жены, а также мою читанную здесь в Италии публичную лекцию о Советской республике. Сейчас я работаю над статьею о проституции в Ленинском царстве. Если бы Вы могли достать мой доклад о положении детей в России, приготовленный в октябре 1921 г. для Стокгольмского съезда Кр[асного] Кр[еста], по просьбе Г.Ф.Цейдлера! Полковник Лисовой взял его у меня для какого-то русско-хорватского сборника, но вот уже больше года ни Лисового, ни сборника, ни доклада. В последнем все почти есть, что и в очерках «Все для детей!», но в более сжатой и официальной форме. Адрес Лисового был: Београд Пресбиро-а Франкопанова 25, но существует ли он вообще в природе, не знаю.

Защите Конради мы хотели бы помочь, помимо принципиальных соображений, еще и потому, что в Питере были на Песочной в его доме №4 соседями, и дети мои хорошо его помнят.

Так что, пожалуйста, напишите, высылать ли Вам предлагаемые вырезки и, если да, то не замедлю выслать.

Мой привет Бурцеву. Он давно мне ничего не пишет и «Былого» я не вижу и не слышу. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал[ександр] Амфитеатров

3. Гучков — Амфитеатрову

Berlin. W.57. Eisschalzstr[asse] 2
16/VII-23

Глубокоуважаемый Александр Валентинович.

Только что получил Ваше письмо от 4-го, пересланное мне сюда.

Да! Вы правы: я теперь припомнил нашу встречу на заре революции, когда небольшая кучка людей (в ней и мы с Вами были), лишенная всяких иллюзий, пыталась остановить ход надвигающейся лавины. В наших руках были все способы, кроме одного — простой физической силы. Но было бы грешно не использовать и всех остальных, хотя бы *par acquit de conscience* [для очистки совести (*фр.*) — Публ.].

Ваши статьи в «Руле» мне известны. Буду Вам крайне признателен, если вышлете мне все, что у Вас есть. Разумеется, за возврат и сохранность ручаюсь. Не откажите выслать все по моему парижскому адресу, т.к. там и в мое отсутствие работа продолжается. Задачу сводки и редактирования стекающегося ото-

всюду материала взял на себя Влад[имир] Иосиф[ович] Гурко, один из немногих русских людей, который в условиях беженства сохранил все свои духовные силы, а после всего пережитого расширил свои горизонты. В дальнейшем переписку с Вами возьмет на себя В.И., т.к. я в ближайшие недели частично проведу в скитаниях, частично просижу на каком-нибудь немецком курорте. Сообщаю Вам адрес Гурко: Paris 37, rue Poussin, M-me V. Karpoff (моя племянница, дочь брата Николая, б[ывшего] моск[овского] гор[одского] головы), рoug M.W.Gourko.

Со своей стороны сделаю попытки отыскать Ваш доклад о положении детей в России, подготовленный для стокгольмского съезда Кр[асного] Креста. Нет ли его у пр[офессора] Цейдлера. О полковнике Лисовом ничего не слышал.

Так как мой архив остался в Париже, то я не могу выяснить, послал ли я Вам составленную мною по соглашению со швейцарскими защитниками программу собирания сведений о России для предстоящего процесса? Распожусь, чтобы это было сделано. Если Вы усмотрите, что по какому-либо иному пункту этой программы Вы могли бы дать что-нибудь, буду Вам бесконечно благодарен.

Искренно уважающий Вас

А.Гучков

Не помню я также, писал ли я Вам в моем первом письме, что швейцарский процесс допускает допрос свидетелей о таких предметах, как состояние России под большевиками. Вы легко себе представляете, как драматично можно инсценировать процесс в Лозанне. Использование свидетелей возможно в двух видах: 1) в виде устного показания на суде (наиболее драматичная форма, но требующая больших средств, чего у нас нет), и 2) [в] виде письменного показания, данного свидетелем по месту жительства и оглашенного на суде (форма более слабая по впечатлению, но и доступная). Не согласились ли [бы] Вы дать такое показание по тем пунктам программы, которые Вам особенно близки? Юридические требования — формальности сообщу.

А.Г.

Приведенные письма Гучкова (машинопись с подписью-автографом и автограф) хранятся в LL. Письмо Амфитеатрова (автограф), сообщенное нам Д.И.Зубаревым, — в ГА РФ (Ф.5868. Оп.1. Д.236. Л.24-25). Об упоминаемых здесь лицах и событиях см. подробнее в нашей совместной с Д.И.Зубаревым публикации переписки Амфитеатрова с Б.В.Савинковым: Минувшее. Вып.13. М.; СПб., 1993. С.116, 117, 124, 149. (Далее при ссылках на эту работу — Мин.13).

² Имеется в виду организованный Союзом русских писателей и журналистов 12 янв. 1936 бал прессы в отеле «Лютетия». Сопровождался концертом из произведений русских композиторов, в котором приняли участие Иза Кремер, Елена Карницкая, Наталья Юшкевич и др. Среди по-

жертвованного для лотереи были подписанные автором экземпляры книги Алданова «Десятая симфония». Правление Союза (Б.Зайцев, Н.Тэффи и И.Шмелев) обратилось к гостям бала с призывом оказать материальную помощь престарелым и безработным писателям и журналистам.

³ *Шлецер* Борис Федорович (1883-1969) — литератор, музыкальный критик и философ. С 1920 — в эмиграции в Париже. Автор кн.: А.Скрябин: Личность — мистерия. Берлин, 1923. Печатался также по-немецки и по-французски. В 1920-1930-е — сотрудник «Современных записок». Вероятно, речь идет о его французской кн.: Schloezer B. de. Gogol. Paris, 1932.

⁴ Возможно, Алданов здесь конспирирует, и под словом «Венгрия» следует разуметь Италию. Ср. ответное письмо Амфитеатрова (№28 нашей публ.). Об отношении Амфитеатрова к фашизму см. его более ранние статьи в «Возрождении»: «Фашизм: I» (23 мая 1927); «Фашизм: II» (28 июня); «"Жестокости" фашизма» (26 авг.); «Из истории фашизма» (30 авг.); «Фашизм: V» (23 сент.).

⁵ Подробно об отношении Амфитеатрова к Муссолини см.: Мин.13. С.120, 146, 147, 155.

⁶ Двусмысленность положения Амфитеатрова в газ. «Сегодня» не раз отмечалась его коллегами. Д.В.Философов в статье «При особом мнении: Ноев Ковчег», обвиняя газету во всеядности и далекости от интересов эмиграции, писал: «Амфитеатров вдруг возмутился, завопил, закричал, а потом... вдруг послал в Ноев Ковчег статью о "Дуче" /.../ В многострадальной истории русской эмиграции этот маленький старозаветный журнал ["Борьба за Россию"] займет самое почетное место. Газета же "Сегодня" найдет должное и тоже почетное место в истории газетного дела, а отнюдь не в истории эмиграции» (Выделено автором. Конец 1931. Цит. по неатрибутированной газетной вырезке из LL). Сложности отношений Амфитеатрова с газетой «Сегодня» подробно зафиксированы в его переписке с М.С.Мильрудом. Приводим несколько выдержек из писем последнего, хранящихся в LL:

26 марта 1935

/.../ Я всегда ставил Вас в пример не только иногородним, но и местным сотрудникам, указывая, что Вы отличаетесь большой чуткостью и на расстоянии отлично разбираетесь в том, что у нас происходит. К сожалению, на сей раз эта чуткость Вам изменила, и Вы совершенно напрасно иронизируете насчет зевающих читателей в Тель-Авиве. Очень хорошо сидеть в Леванто и высмеивать газету. Но, поверьте, что мы здесь не сошли еще с ума и, если не все Вам нравится, то значит иначе нельзя. А насчет Тель-Авива Вы, конечно, не правы. Если русская культура (нрзб. 1 сл.) еще кое-как дышит на ладан, то только потому, что именно эта категория людей ее поддерживает. У нас есть здесь очень богатое русское купечество, но оно не читает русских книг, не ходит в русский театр, не интересуется русской музыкой и даже бойкотировало вечер, устроенный по случаю получения Бунинным Нобелевской премии, за то, что он печатается в «Совре-

менных записках» и «продался жидам». Если бы Вы приехали сюда с лекцией, то, конечно, кроме тель-авивцев на ней никого из русских не встретили бы. /.../

4 июля 1935

/.../ Хочу думать, что Ваша регулярная работа у нас снова восстановлена. Ведь в конце концов особых недоразумений между нами не было и появление Ваших статей изредка в «Возрождении» не может помешать одновременной работе и в «Сегодня».

Писать об Италии у нас Вы можете совершенно свободно. Многое на свете изменилось. Изменились и мы, и, понятно, Вы совершенно правы, утверждая, что нельзя стоять все время на одних «принципах 1789 г.».

Сообщение берлинской газеты о наших тель-авивских планах лишено всякого основания. Языка никто из нас не знает, условия жизни там не легкие, и ни у кого из нас такой мысли не возникало. Вероятно, слух этот пущен с злонамеренной целью лишний раз подчеркнуть «тель-авивский характер» нашей газеты. /.../

20 августа 1935

/.../ К нам поступают некоторые указания по поводу Ваших последних статей, и надо признать, что указания эти небезосновательны. Читатели наши указывают, что в Ваших письмах из Италии их больше интересовало бы отражение настроений в самой Италии, чем описание Абиссинии. Мне кажется, что было бы очень хорошо, если б Вы /.../ дали бы нам статьи, носящие характер настоящих писем из Италии, т.е. отражающих итальянские настроения. Сейчас это гораздо важнее географии и быта Восточной Африки. /.../

12 сентября 1935

/.../ К великому огорчению, приходится вернуть Вам статью о Барони. Сейчас так много срочного материала, что вообще трудно выкроить место для статьи не на актуальную тему. Очень жаль, что Вы упорно не хотите писать нам письма из Италии, которые носили бы характер откликов на сегодняшние злобы дня, вроде тех корреспонденций, которые мы получаем из других европейских центров. /.../

[О творчестве Эйдженно *Барони* см.: Амфитеатров А. Поэт рабочего и солдата // Шанхайская заря. 1935. 13 окт.]

9 октября 1935

/.../ Сложная международная обстановка и нависающая над Европой угроза войны создала для нашей газеты ряд новых положений, в особенности в вопросах внешней политики.

Как Вы видите из прилагаемого оттиска, статья Ваша о книге Бардзини была уже набрана и должна была пойти, но для нас создалось такое положение, при котором даже такую статью при всей ее объективности мы лишены возможности напечатать. Может быть, это настроение пройдет, но сейчас статей с нападками на наших соседей мы абсолютно помещать не можем. /.../

В последнем письме говорится о кн. итальянского журналиста Луиджи Бардзини (Barzini, 1874-1947), сотрудника «Corriere della Sera», в 1923-1931 издававшего в США на итальянском языке газ. «Courriere d'America», в 1932-1933 — главного редактора неаполитанской газ. «Il mattino», с 1934 — сенатора — «U.R.S.S. L'impero del lavoro forzato» (СССР. Империя каторжного труда; Milano, 1935). Упомянутая рецензия Амфитеатрова на эту кн.: Каторжное государство // Меч (Варшава). 1935. 27 окт. №42. См. также: Империя каторжного труда // Возрождение. 1935. 30 окт. №3801. С.2-3.

⁷ Речь идет о цикле из 10 очерков «Картины Октябрьской революции», которые с разными подзаголовками публиковались в «Последних новостях» с 7 сент. по 17 нояб. 1935. В «Сегодня» успело появиться только 4 из них (8-29 сент.). Тематически к ним примыкает ст. Алданова «Троцкий пишет лживую историю: Его неудачные попытки опровергнуть сведения о финансировании немцами большевицкой агитации в 1917 г.» (Сегодня. 1935. 6 сент.). Скорее всего, именно она и вызвала наиболее острую реакцию советского полпредства.

⁸ Вероятно, речь идет о масонстве. Ср. ответное письмо (№28 наст. публ.). Сам Алданов, став масоном в 1924, оставался им до 1950-х. См.: Давыдов А.В. Воспоминания. Париж, 1982.

⁹ Речь идет о жене Алданова: она была полной тезкой героини романа И.А.Гончарова «Обрыв» Татьяны Марковны Бережковой, бабушки главного героя Бориса Павловича Райского. Ср. в письме Алданова от 5 мая 1934: «Жену мою зовут Татьяна Марковна, как бабушку в "Обрыве" и горничную в "Плодах [просвещения]", я ей ничего не сказал о столь любезном предложении. Разумеется, она будет чрезвычайно рада, польщена и тронута, если Вы ей пошлете книгу (у нас нет ни "Предков", ни "Степи")».

¹⁰ Речь идет о романе И.С.Шмелева «Няня из Москвы» (1936). Рец. на него Амфитеатрова см.: Возрождение. 1936. 30 янв., 13 и 14 февр.

28. Амфитеатров — Алданову¹

Levanto
1936 (XIV).II.18.

Дорогой Марк Александрович.

Большое спасибо за заметку о Максиме и милые слова в письме. Нет, материал был послан одновременно, но, очевидно, в «Возр[ождении]» поспешили предупредить.

Радуюсь, что одобряете Гоголя, и заранее благодарю за Шлецера, коего буду ждать с нетерпением, а, получив, не бойтесь, не зажилю.

Писал мне Ринальдо Кюферле, что был у Вас и нашел Вас не весьма здоровым. Очень сожалею о таком Вашем недоброкачественном поведении. Исправьтесь!

Как Вам Кюфферле понравился? Я читаю его роман «Ex Russia»² и боюсь, что не жить ему больше в Милане: заест обиженная колония. Все — портретное письмо под прозрачными псевдонимами. Как литература — неважно. Но он прекрасный переводчик, и хорошо было бы, если бы он на этой специальности сосредоточился, не устремляясь в итальянские Боборыкины. Вот жена его (роман «Una ragazza») — та действительно талантлива³. Но что она пишет! Автобиографическая откровенность без вуалей: до первой ночи включительно!

Венгерские иносказания Вашего письма не весьма понятны. Сперва думал — читай Италия. Но в такой конспирации нет никакой надобности. Потом вижу: нет, дело идет о какой-то организации, к которой я когда-то принадлежал, а теперь ее браню. Уж не о масонстве ли Вы? Если да, то правда: имею на совести смехотворный фарс посвящения 32 года тому назад в парижской ложе «Космос». Затем присутствовал на двух заседаниях и одном банкете, после которых с разочарованием забросил эту игрушку и никогда уже к ней не возвращался. Вспоминаю этот эпизод своей биографии без малейшего удовольствия. Виденное и слышанное было бесполезно и пошло. Сейчас же, когда масонерия пала да объятий с большевиками и ведет интригу против фашизма, она сделалась вредоносною и, в лицемерии своем, мне просто отвратительна.

Читал, что будет Бальмонтов юбилей, пишу поздравление и посылаю Зеелеру для вручения. Я Бальмонта очень люблю⁴. Какая ерунда вышла у него с каким-то Мейером! Кто сей? Тоже хорош: разве можно пользоваться разрешениями, которым вышла [всякая?] давность? Этак, пожалуй, я имею право напечатать сохранившиеся у меня рукописи М.Горького от 1906-7 годов!

Живется адски трудно. Если бы Daniele и Massimo не подкармливали слегка из своих скудных средств, то совсем прихлопнулась бы крышка, а так — проходит еще свет и воздух через крошечную щелочку. Очень уж трудно без электр[ического] света и радио, с утратою которого бедный Роман потерял свою последнюю работишку, дававшую ему все-таки 120 лир в месяц. А теперь — шиш!

Я интересуюсь каждую Вашей строкою и очень огорчен, что не вижу больше перепечаток Ваших статей в «Сегодня», преступных против «соседней дружественной страны». Нелепые расчеты нелепой редакции. Писал мне Мильруд⁵. Очень мило, но — «крутится, вертится шарф [Так! — Публ.] голубой».

Потребность самосохранения? Да зачем самосохраняться так?

Прочитал «Отчаяние» Сирина⁶. Мне совсем не понравилось. Претензия огромная, а вещь не убеждает. Талант бесспорный, но

калека и так уж вяще изломился, что едва ли и выпрямится. Реальные фигуры (жена, брат ее) совсем хороши, но о герое от «я» остается такое смутное впечатление, что не [понять], кто сумасшедший, он ли, автор ли или оба? Остается, как от «Камеры обскуры»⁷, какая-то противная слизь в душе. И при том — этот искусственный, не русский язык... Нет, не для меня.

Ну, будьте здоровы. Желаю Вам всего хорошего. Татьяне Марковне привет!

Ваш [А.Амфитеатров]

¹ Печатается по черновому автографу из LL.

² См. прим.3 к письму 26 в ВИ.

³ Жена Кюфферле — Ангуисола Джана (Anguissola Giana, 1906-1966) — писательница (преимущественно, детская) и журналистка. Ее роман «Una ragazza» («Девушка»), по нашим данным, был издан отдельным изд. только в 1951.

⁴ Дружеские отношения Амфитеатрова с Бальмонтом сохранились еще со времени сотрудничества поэта в «Красном знамени» (см. статью Э.Гарэтто «Первая русская революция: Взгляд из Парижа» в наст. раз-деле). Письма поэта к Амфитеатрову за 1906-1938 см.: Бальмонт К.Д. «Где мой дом?»: Стихотворения /.../ письма / Сост. В.Крейд. М., 1992. С.401-414. Бальмонт откликнулся на амфитеатровское творчество статьей «Живописец одержимых: А.В.Амфитеатров» (Россия и славянство. 1931. 31 окт.).

⁵ 11 февраля 1936 Мильруд, в частности, писал Амфитеатрову:

Очень грустно и тяжело все то, что Вы пишете о себе лично. Впрочем, такого рода письма получаю со всех сторон от близких и дорогих мне людей все чаще и чаще. Да и сам я не могу никого порадовать отрядным ответом.

Все мы не живем, а как-то уже доживаем. Все идет на убыль. Недавно чуть было не погиб наш театр в Риге из-за отсутствия сборов. Придумали праздновать юбилей, и начались сборы денег по подписным листам. Почти никто из русских толстосумов (а их здесь немало) на это не откликнулся, и театр спасен (впрочем, только до конца сезона) опять-таки благодаря отзывчивости все тех же не очень любезных Вашему сердцу тель-авивцев. И они же поддерживают пока и русскую газету, и русскую книгу, и русскую школу, и всякие ростки русской культуры. /.../

Денационализация у нас идет очень быстрыми шагами, и газетное дело тоже обречено на весьма короткий век, даже не век, а, может быть, годы или месяцы. /.../

Придумайте что-нибудь интересное о переустройстве всего мира и о том, чтобы каждый желающий трудиться мог бы найти применение своим рукам, без того, чтобы его спрашивали о бабушках, языке, вере и т.д. /.../

⁶ Речь идет об издании: Сирия В. [Набоков В.В.] Отчаяние: Роман. Берлин: Петрополис, [1936].

⁷ Роман Набокова, изданный в Париже в 1933.

29. Алданов — Амфитеатрову

16 марта 1936

Дорогой Александр Валентинович.

Получив Ваше письмо, я тотчас попросил редакцию «П[оследних] Нов[остей]» поместить заметку, что и было сделано. Прилагаю вырезку. Но, вероятно, Ваш сын так и не попал в Париж? Я его ждал и потому несколько задержался с ответом на Ваше письмо.

Кюфферле показался мне чрезвычайно милым, приятным и интересным человеком. Мы несколько раз с ним виделись. Обедая у нас и много рассказывал, с большой теплотой говорил о Вас. Верно, он Вас уже повидал и сообщил Вам русские новости — в Париже он видел главным образом русских эмигрантов¹.

Ваше поздравление Бальмонту едва ли до него дойдет. Вам, вероятно, известно, что он совершенно сошел с ума и, боюсь, окончательно: в деревенском русском доме, где его поселили, вел себя, несчастный, как неизлечимый душевнобольной и, вероятно, окончит дни свои в «Сент-Анн». Очень, очень его жаль. Теперь он в частной лечебнице, но она дорогá и платить 2000 франков в месяц нельзя.

Последняя вещь Сирина (в «Совр[еменных] Зап[исках]») «Приглашение на казнь» и меня чрезвычайно разочаровала². Но я остаюсь при прежнем мнении: огромный талант — на непонятном мне и, думаю, нездоровом пути. Французский перевод его книги успеха не имел. Он был в Париже в феврале, устроили для него вечер, который дал тысячи две. Но работу для него здесь отыскать не удалось, а в Берлине ему очень тяжело, тем более, что женат он на еврейке. Ежедневно с болью видишь, что люди гибнут из-за того, что нет минимального, ничтожного заработка. Промысла не видно. Тираж обеих наших газет медленно, очень медленно, но неуклонно падает: молодое поколение нас не читает.

Зиму здесь провел Бунин, недавно уехал в Грасс. И у него не весело, хоть он и обеспечен материально. Капитала на его век хватит, но дохода у него нет никакого: он за три года ничего не написал, а литературного заработка от премии не прибавилось. Теперь, правда, он, Мережковские, Шмелев и Зайцев вошли в редакцию «Илл[юстрированной] России»³ и получают, — он 500,

остальные по триста с чем-то франков в месяц. Звали и меня, но я (а также Тэффи) отказались: издательство предложило, разумеется, чисто фиктивное редактирование, на самом деле весь материал и показываться редакторам не будет, они только дают имена. На это я согласиться не мог. Издатели назначили редакционной коллегии одну общую сумму, они сами ее поделили. Я очень рад за них, особенно за Зайцева и Шмелева, которые очень нуждались. Теперь это, плюс «Возрождение», плюс небольшая субсидия югославского правительства⁴, даст им возможность существовать. Зайцев пишет роман, Мережковский книгу о святых, Шмелев повесть, Гиппиус рассказы для «Посл[едних] Новостей»⁵. Вот, кажется, все литературные новости. На днях выходит второй том «Пещеры», тотчас его Вам пошлю с «Гоголем»⁶. Могу прислать и свою химическую книгу, которая выйдет по-французски месяца через два.

Дорогая Иллариya Владимировна, сердечно Вас благодарю за милые слова, хоть и обижен, что во сне меня видели с «сухенькой старушкой». Жена моя тоже очень Вас благодарит. Постараюсь найти совместную фотографию, но не знаю, найду ли. Мы скоро переезжаем (15 апреля — нашли новую квартиру 11, rue Gudín, XVI, много хуже нынешней, но и много дешевле). При переезде поневолье перерою все ящики — подумать не могу без ужаса! Но и Вы ведь пришлете свою?

Шлем Вам самый сердечный привет, самые лучшие пожелания.

Ваш М.Алданов.

¹ Встречам с русскими эмигрантскими писателями в Париже Р.Кюфферле посвятил статью: *Fra gli scrittori dell'emigrazione russa a Parigi // Nuova Antologia. Vol.XIV. 1936. 1 окт. P.325-332.*

² *Современные записки. 1935. №58, 59; 1936. №60.*

³ *«Иллюстрированная Россия»* — двухнедельный литературный иллюстрированный журнал, выходивший в Париже в 1924-1939. Сначала редактировался М.П.Мироновым, с 1931 — А.И.Куприным.

⁴ Об отношениях русских писателей с югославским правительством см. прим.4 к письму 8 в ВИ и указ. в нем литературу.

⁵ Речь идет о работе Б.К.Зайцева над романом «Заря» (Берлин, 1937), открывавшем автобиографическую тетралогия писателя; Д.С.Мережковского — над серией книг «Лица святых и Иисуса к нам»: «Павел и Августин» (1936), «Франциск Ассизский» (1938), «Жанна д'Арк» (1938) и др.; И.С.Шмелева — над началом романа «Пути небесные» (1937-1948); З.Н.Гиппиус — над рассказами «Яблонька» и «Сережа Чагин» (Последние новости. 1936. 8 марта. №5463) и др.

⁶ Вероятно, речь идет об упоминавшейся ранее кн. Б.Шлецера.

11, rue Gudin, XVI
14 июня 1936

Дорогой Александр Валентинович.

Сердечно Вас благодарю за Ваше столь милое письмо, — очень меня трогают и Ваши похвалы, и все Ваше доброе отношение к моим писаниям. Мне было бы чрезвычайно интересно прочесть Вашу статью о трилогии, но еще раз убедительно Вас прошу этого не делать, если Вы имеете в виду только «Возрождение». К сожалению, я связан словом и не могу обосновать свою просьбу, но поверьте, что я не стал бы обращаться к Вам со столь странной для писателя просьбой, если б не имел к тому весьма веских оснований, — и дело не только в том, что Ваш труд пропал бы даром. А вот, если напишете в другом месте, то я мог бы быть Вам лишь весьма признателен. Предполагаю впрочем, что таких мест у Вас сейчас нет. Что ж делать! Все это (т.е. моя просьба) совершенно конфиденциально, но я очень надеюсь, что Вы ее исполните¹.

По поводу Ваших статей в «Возрождении»: отчего Вы не проводите всю книгу о Гоголе через газету? То, что Вами было помещено, чрезвычайно интересно — и для квалифицированных читателей, и даже не для квалифицированных. Я это знаю по разговорам. И ведь так скорее получится книга, которую Вы все-таки устроите и в отдельном издании. Уж если *Вашей* книги о Гоголе не напечатает ни белградское издательство Брянского, ни издательство «Возрождения», то это будет означать культурный конец эмиграции. Боюсь этого конца, очень боюсь. Вот хотя бы парижские события, о которых вы пишете². В частном порядке сообщаю Вам, что типографии, в которой печатаются «Посл[едние] Новости», повышение заработной платы и 40-часовая рабочая неделя обойдутся тысяч в 70 в год. Это типография немедленно возложит на газету, а газета теперь и так дефицитна (пока еще, после сокращения расходов и построчной платы, дефицит невелик). То же самое, вероятно, будет или уже происходит в типографии «Возрождения» — у них собственная. Долго ли обе газеты просуществуют при таких условиях? Повысить цену они не могут и потому, что читателю и 50 сантимов за номер платить трудно, и потому еще, что во Франции, если газета стоит больше 50 сантимов, то она должна платить налог на оборот, составляющий весьма круглую сумму.

Огорчили Вы меня сведениями о своем здоровье. Надеюсь, теперь чувствуете себя лучше?

Марки для Вашего сына охотно буду сохранять, но ведь у меня самые обыкновенные — они у него, конечно, есть, а я с экзотическими [странами] почтовых сношений не имею. Берберова и мне не дала своей книги о Чайковском³. Однако о Вас я ей вскользь скажу. Знаю, что она от издателя получила всего десять экземпляров. Книга Шлецера мне не нужна, оставьте ее у себя на время неопределенное.

Очень мне хочется съездить в Италию⁴. В июне выяснится, будут ли для этого у меня деньги. Если будет хоть небольшая сумма, то мы с Т.М. хотим поехать в Остию! Я в Риме не был двадцать лет. Знаю, что в августе там очень жарко, но ведь если я не поеду в августе, то не поеду вообще. А знаменитая малярия, кажется, отошла в область преданий? Подбивал я и Бунина, он недавно был в Париже. Иван Алексеевич чрезвычайно напуган событиями во Франции (веселого в них немного, но паника пока преждевременна) и вообще поговаривает о переселении то в Италию, то в Швецию. Если б он согласился, то мы, быть может, поехали бы вместе, тогда, конечно, повидали бы и Вас. Я хотел бы жить в Остии, а раза три в неделю ездить на весь день в Рим. Со всем тем, шансов на получку денег у меня немного (хочу продать фильмовые права), и скорее всего ничего не выйдет. Не знаю также, легко ли дают теперь визу. Мечтает об Италии и Зайцев. Он вчера уехал к Бунину в Грасс.

Поправляйтесь же, дорогой Александр Валентинович. Т.М. и я шлем Вашей супруге, Вам и Вашим самый искренний сердечный привет.

Ваш М. Алданов

Сейчас под окнами орут «Интернационал», но столь же благодушно, сколь фальшиво.

¹ Ср. в письме Алданова от 2 мая 1936: «Вы сообщаете, что будете много писать о "Пещере", в "Возрождении". Не делайте этого. Я знаю из первоисточника (это, конечно, совершенно между нами), что теперь, ввиду милых отношений между обеими газетами, это невозможно или во всяком случае было бы для Вас неудобно. Ходасевич писать не будет. Если будет такая Ваша милость, то разве лишь в "Сегодня" или в "Мече" или в нью-йоркском "Нов[ом] Русск[ом] Слове" напечатают; но если Вы не напишете, то, разумеется, я "обижен" никак не буду. Очень не хочу, чтобы Ваш труд пропал даром». Насколько нам известно, амфитеатровский отклик на «Бегство»—«Ключ»—«Пещеру» опубликован не был.

² Речь идет о забастовках и политических демонстрациях в Париже в мае-июне 1936.

³ Речь идет о кн.: Берберова Н. Чайковский: История одинокой жизни. Берлин, 1936. При работе над ней автор обращалась к Амфитеатрову за сведениями о своем герое. Публикации самого Амфитеатрова о композиторе: Роман П.И.Чайковского с итальянской певицей // Сегодня. 1931. №56; Чайковский и Апухтин — друзья: К сорокалетию их кончины // Там же. 1933. №247; Встреча с П.И.Чайковским: Из личных воспоминаний // Там же. 1933. №324; Призраки славного прошлого: Николай Рубинштейн и Чайковский // Там же. 1937. №173-175; Братья Рубинштейны и Чайковский: Их сходства и контрасты // Там же. 1937. №292.

⁴ Эта поездка не состоялась.

14 ноября 1936

Дорогой Александр Валентинович.

Большое Вам спасибо и за столь милое, как всегда у Вас, письмо, и еще большее за книгу. Я ее получил вчера, а сегодня уже кончил чтение. Рассказ прекрасный, в самой лучшей Вашей манере, — кончаешь — жалеешь, что кончено¹. Не будет ли жития инокини Ираиды?² Что такое объявленные в конце книги «Две Надежды»?³ Кстати, об издании. Опечаток в самом деле очень много, но бумага и печать хороши. Откуда еще завелся этот новый издатель? Вот уж именно «экс орьенте лукс»⁴! В Европе русское издательское дело кончилось — и началось в Шанхае? Странно. Платит ли он Вам? Спрашиваю не с практической целью: у меня сейчас ничего для печати нет. Я почти полтора года работал над своим большим химическим трудом, который с месяц тому назад и вышел (первый том, но готов и второй) по-французски. Отзывов в специальной печати еще не было, но получил я несколько весьма лестных писем, в том числе одно от профессора Бессонова, которого Вы, верно, знаете⁵. Не скрою, что отзывов об этой книге я боялся и боюсь, ибо она еретическая. Не посылаю ее Вам, так как Вы не физик и не химик, а книга вдобавок и для специалистов трудная. Кончил я ее с полгода тому назад и принялся снова за литературную работу, которая появится в «Совр[еменных] Записках» (начало в ближайшей книге), — оттиск непременно Вам пошлю, когда получу (через месяц). Параллельно же с химической книгой писал только газетные статьи — для денег: белка в колесе. Дела мои очень нехороши, отчасти именно потому, что, окончив два года тому назад (она задержалась у издателя) «Пещеру», я литературу оставил. Химическая же книга мне пока ничего не дала: по условию расчет с издателем Эрманом будет лишь через полгода, да и читателей, а тем более покупателей, будет много если 600-800.

Не очень много дает и газетная работа: и «Посл[едние] Новости», и «Сегодня» сократили все гонорары процентов на двадцать. Не знаю, как буду впредь сводить концы с концами, так как иностранные переводы всем нам дают теперь много меньше, чем раньше, а Германия совершенно отпала — даже почти для всех «арийцев», в том числе и для Мережковского, который там будто бы признается революционером!! А мне немецкие издатели (их у меня там было три⁶) дружно перестали платить по старым книгам; не посылают даже отчетов о продаже. Впрочем, так же поступают и во многих других странах — не по политическим соображениям. От миланского издателя Иорио⁷, человека, кажется, весьма приличного, получил я просьбу сократить свое авторское отчисление с 10 до пяти процентов (он купил «Ключ»—«Бегство»—«Пещеру»). Я согласился: просьба была жалостная, и я ото всех слышу, что книги вообще идут сейчас худо.

Досадно мне, что Вы мои статьи читаете в «Сегодня». Помимо ужасных подзаголовков — кто их только там выдумывает! — я в «Сегодня» посылаю текст сокращенный и без единого иностранного слова. В «Посл[едних] Новостях» я довольно подробно говорил о графине Гаше, самозванке, служившей у кн.Голицыной и выдававшей себя, по непонятным причинам, за гр.Ламотт — честолюбие явно извращенное⁸. Пошлю Вам текст «Посл[едних] Новостей».

Тэффи очаровательна, другого слова нет. Я столь замечательной женщины никогда не видел и сожалею очень, что не знал ее в молодости. Напоминала мне ее другая прелестная женщина, Н.В.Толстая-Крандиевская, б[ывшая] жена Алешки⁹. Кстати, об Алешке. Месяца два тому назад Бунин и я зашли вечером в кафе «Вебер» — и наткнулись на самого А.Н.Толстого (с его новой женой). Он нас увидел издали и послал записку. Бунин, суди его Бог, возобновил знакомство (правда, записка была адресована ему), а я нет — и думаю, что поступил правильно. Мы с Алексеем Толстым были когда-то на ты и года три прожили в Париже, встречаясь каждый день. Не скрою, что меня встреча с ним (т.е. на расстоянии 10 м) после пятнадцати лет взволновала. Но говорить с ним мне было бы очень тяжело, и я воздержался: остался у своего столика. Он Бунина спрашивает: «Что же, М[арк] меня считает подлецом?» Бунин ответил: «Что ты, что ты!» Так я с новой женой Алешки и не познакомился. Об этом инциденте было здесь немало разговоров. Но, разумеется, это никак не для печати. Кажется, и Бунин сожалеет, что не поступил, как я¹⁰.

Иван Алексеевич, кстати, сейчас в Италии, кажется, кроме Рима не будет нигде: он подумывает и о переезде в Италию, но его

планы меняются каждую неделю¹¹. История в Линдау очень его потрясла¹². Ослабели, вероятно, и его политические симпатии. Впрочем, расистов он и прежде не любил.

Остальные писатели все в Париже. Тэффи у нас на днях обедала с И.В.Гессеном и много о Вас рассказывала — в таком же тоне, как Вы пишете о ней. Очень, очень жаль мне Вашего сына. Больно и за Вас.

О правой газете в Париже и я слышал, но, по-видимому, это еще только в области проектов. Для создания новой газеты ведь нужны очень большие деньги. Более вероятен последний слух о возобновлении «Возрождения» в качестве ежедневной газеты¹³. Точно я ничего не знаю. Какая вторая газета? Я о двух новых газетах ничего не слышал. Для чего же две, когда и одной существовать почти невозможно? Тэффи действительно переходит в «Посл[едние] Новости». Павел Николаевич¹⁴ заявил, что будет рад ей, Шмелеву, Зайцеву и Коровину¹⁵ — политически с «Возр[ождением]» не связанным.

Шлю Илларию Владимировне, Вам и всем Вашим самый сердечный привет, также и от Т.М.

Ваш М.Алданов

Я письма пишу зачем-то с копиями — и только что заметил, неправильно положив копировальную бумагу, сотворил безобразия со второй страницей. Не взывайте: переписывать было бы долго.

[На полях:]

Очень рады будем увидеть и услышать Вашего сына.

¹ Имеется в виду: Амфитеатров А. Рассказ присяжного поверенного. Шанхай: Слово, 1936.

² Возможно, имеется в виду роман Амфитеатрова «Мать Ираида» (Сегодня. 1923. №240-250). Отд. изд. не выходил.

³ Написанная в 1921 повесть Амфитеатрова «Две Надежды» вышла в Шанхае в 1936.

⁴ *Ex oriente lux* — свет с востока (лат.). Речь идет о шанхайском издательстве «Слово».

⁵ Бессонов Николай — специалист по физиологической химии, автор работ по синтезу гормонов. В 1930-е — сотрудник Ин-та Пастера и профессор Страсбургского ун-та. В 1940-е — профессор кафедры физиологии растений в Александрии (Египет). 17 нояб. 1950, откликаясь на новую химическую книгу Алданова, писал ему: «Ваша работа увлекает вдаль, катализирует мысль — это, мне кажется, ее главная, блестяще достигнутая цель» (Bakhtmeteff Archive. N.Y. Aldanov Collection. Box: Arranged Introducing Correspondance. A-R).

⁶ Кроме упомянутого в прим.4 к письму 26 Ф.Шонинга, вероятно, имеются в виду издавший в 1929 перевод «Современников» Шлиффен и мюнхенский издатель Карл Ханзер, выпускавший в 1930-е переводы алдановских биографических очерков и путевых записок: второй части кн. «Земли, люди» и «Несентиментальное путешествие».

⁷ Итальянский издатель *В.Иорио* (V.Jorio) выпустил перевод романа «Ключ» (Милан, 1935).

⁸ Речь идет о графине Жанне де ла Мотт, авантюристке, героине уголовного процесса во Франции в 1785-1786. См. о ней, напр. в комментариях А.В.Лаврова и Р.Д.Тименчика (Кузмин М. Избранные произведения. Л., 1990. С.560). Цикл статей Алданова о ней печатался в «Последних новостях» 20 сент. — 8 нояб. 1936; см. также: Сегодня. 1936. №260, 267, 274, 281, 288, 295, 302, 310.

⁹ *Крандиевская-Толстая* Наталия Васильевна (1888-1963) — поэтесса и мемуаристка, в 1914-1935 — жена А.Н.Толстого.

¹⁰ Ср. впечатления А.Н.Толстого от встреч с эмигрантами в Париже во время предыдущего его приезда летом 1935 — см.: Переписка А.Н.Толстого: В 2 тт. Т.2. М., 1989. С.220-221. Ср. также письмо ему от И.А.Бунина (июль 1935): Там же. С.224. Новая жена — Людмила Ильинична Баршева (урожд. Крестинская, позднее Толстая; 1906-1982).

¹¹ Во время недельного пребывания в Италии в ноябре 1936 Бунин посетил Рим (где встречался с Вяч.Ивановым и Т.Л.Сухотиной-Толстой), Флоренцию и Пизу. См. подробнее: Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н.Буниных и другие архивные материалы / Под ред. М.Грин: В 3 тт. Т.2. Frankfurt-am-Main, 1980. О планах переезда в Италию ср. в письме к Буниным от Т.Л.Сухотиной-Толстой от 8 июня 1936: «Но неужели дело дошло до того, что вам надо сниматься с места? Я что-то не верю. Мне очень хотелось бы, чтобы Вы приехали в Рим, но по доброй воле» (Leeds Russian Archive. Ms. №1066. Пользуюсь случаем поблагодарить Р.Дэвиса за сообщение этого текста).

¹² Речь идет о досмотре багажа и кратковременном задержании Бунина на германо-французской границе. Этому событию посвящена статья Амфитеатрова: «Фанатик "нового стиля"» (Возрождение. 1937. 1 янв. №4059. С.6).

¹³ В 1936-1940 газ. «Возрождение» выходила еженедельно. Приведенные здесь слухи не подтвердились.

¹⁴ Речь идет о П.Н.Милкокове.

¹⁵ *Коровин* Константин Алексеевич (1861-1939) — живописец, театральный художник и прозаик. В эмиграции в Париже с 1923. Работал как сценограф в театрах Парижа, Мюнхена, Турина и др., участник ряда художественных выставок. С сер. 1930-х занимался почти исключительно литературным творчеством.

11 rue Gudin, XVI
15 мая 1937

Дорогой Александр Валентинович.

Искренно Вас благодарю за Ваше, как всегда, любезное и милое письмо — не так часто каждому из нас (или о нас) пишут дружелюбно и благожелательно, и я чем больше живу, тем больше это ценю. Надеюсь, у Романа Александровича все прошло благополучно? Операция эта ведь, кажется, не опасна, но понимаю, что Иллария Владимировна и Вы переволновались достаточно.

Не отвечал Вам довольно долго, так как был одновременно и нездоров, и завален работой. Живу сейчас один: Т.М. уехала в Лондон к сестре, которая замужем за англичанином (балетным критиком «Дейли Телеграф» Гаскеллем). Пишу все свое «Начало конца»¹. Пьеса моя имела успех в Париже (9 спектаклей, что считается «страшно много») и в Праге. В Риге, кажется, успеха не имела². Пойдет еще в разных *русских* театрах; но о переводах что-то не слышно ничего определенного — только запросы — и, следовательно, в материальном отношении дало дело немного. В Париже все девять спектаклей дали мне около 1300 франков. В Риге же, где «Брунгильда» была поставлена всего три раза (сезон кончился дней через десять после премьеры), в пользу автора отчислилось 59 латов, да и тех я еще не получил. Пресса хвалила. Напечатана «Линия Брунгильды» будет в первом номере шанхайского журнала «Русские Записки». Слышали ли Вы об этом своеобразном предприятии? Какие-то шанхайские эмигранты обратились к редакции «Совр[еменных] Записок» с просьбой основать филиал в Шанхае! Издание и скромную оплату сотрудников они взяли на себя, а редактирование и выбор материала предоставили той же редакционной группе «Совр[еменных] Записок». Иными словами, часть материалов, печатавшихся в парижском журнале, теперь будет появляться в таком же журнале шанхайском. Первая книга выйдет недель через шесть.

Тэффи вижу не так часто как хотел бы. Увижу ее сегодня на премьере пьесы Романа Гуля об Азеве и Савинкове³. Пьеса Надежды Александровны, веселая и остроумная комедия, имела в том же театре большой успех, т.е. тоже пройдет раз 8-10⁴. Ах, наши эмигрантские масштабы!.. Бальмонт, как говорил мне побывавший у него Борис Зайцев, совершенно оправился. Бунина вижу часто — вот и вчера провел с ним вечер в русском ресторане. Он собирается в Рим, да уж очень давно собирается и меняет план

часто. Он — единственный из нас обеспеченный, хоть скромно, человек.

О князе Ливене и я слышал много хорошего. Не удивляюсь, что «Сегодня» выпустило часть Вашей статьи о нем: знаю, что они очень напуганы¹. Я у них теперь пишу очень редко, а на политические темы не пишу никогда. Вот должен был написать статью о воспоминаниях В.А.Маклакова, и ее пришлось составить крайне осторожно и даже неясно⁶! Нет, уж лучше работать в парижских условиях, со всеми их недостатками.

Итальянский издатель мой Иорио, выпустивший «Ключ», — «Бегства» и «Пещеры» все не выпускает и на письма не отвечает; он приобрел всю мою трилогию. Кюфферле что-то еще в прошлом году говорил Бунину, Зайцеву и мне о лекциях во Флоренции, но, по-видимому, из этого ничего не вышло: эмигранты нигде не в моде (также и эмигранты немецкие, австрийские и другие, Генрих Манн, по слухам, бедствует). Советские же писатели процветают. Алешка Толстой имеет в СССР миллионный доход и, как говорят, считается «фаворитом» на Нобелевской премии этого года! Он недавно был в Париже опять⁷, — из эмигрантов, кажется, на этот раз никого не видел; в «Тан» была беседа с ним.

Шлю Илларию Владимировне, Вам и всем Вашим самый сердечный привет.

Ваш М.Алданов

Не удивляйтесь пятнам на письме — я смазывал валик машины.

¹ Роман «Начало конца» в 1936-1940 печатался в «Современных записках» (№62, 63, 65, 66, 68-70); его фрагменты появились в «Последних новостях» (1936. 27, 28 нояб.; 1939. 9 апр.), а отдельным изд. вышла только первая часть (Париж: Русские записки, 1939).

² «Линия Брунгильды» — пьеса Алданова в шести картинах с эпилогом в июне 1937 была напечатана в журн. «Русские записки» (№1. С.9-92) и поставлена в Париже труппой русских актеров под руководством Г.М.Хмары. Ее текст вошел также в состав кн. Алданова «Бельведерский торс» (Париж, 1938).

³ Гуль Роман Борисович (1896-1986) — писатель и критик. Вероятно, речь идет о попытке переработать для сцены роман Г. «Генерал Бо» (1920), получивший впоследствии название «Азеф» (1959). В конце концов совместно с В.Тривасом на этом материале была написана драма «Товарищ Иван» (1968).

⁴ См.: Тэффи Н. Пьесы. Париж, 1934.

⁵ С курляндским помещиком, публицистом, военным и общественным деятелем, монархистом светлейшим кн. Анатолием Павловичем

Ливеном (1862-1937) Амфитеатров связан по совместной деятельности в Братстве Русской Правды (см. прим.3 к письму 23 в ВИ). Алданов имеет в виду статью Амфитеатрова «Рыцарь духа. Светлой памяти св. кн. А.П.Ливена» (Сегодня. 1937. №99).

⁶ Рец. Алданова на кн. *В.А.Махлакова* «Власть и общественность на закате старой России» (Париж, 1937) см.: О новой книге В.А.Махлакова // Сегодня. 1937. №133.

⁷ Вероятно, речь идет об остановке А.Н.Толстого в Париже в марте 1937 при его возвращении из Лондона, где он был на Втором конгрессе мира и дружбы с СССР.

33. Амфитеатров — Алданову¹

Levanto. 1937 (XVI).XI.10

Дорогой Марк Александрович.

С великою радостью получил Вашу открытку², а то я уже начал было сомневаться, не избидел ли Вас чем-либо непреднамеренно и непредвиденно. Сам я совсем сбился с толка в корреспонденции, потому что с лета начался в нашем житии и моей работе хаос разных выжиданий, который и сейчас кружит мозги и морочит голову; даже, пожалуй, вихрь мороки — в апогее. Сентябрь и начало октября были поглощены отъездом сына Данилы на дирижерскую службу в Америку, в Миннеаполис, а затем выжиданиям И.С.Шмелева. Он собирался приехать к нам, чтобы пожить и отдохнуть, а, вместо того, просидел целый месяц — рукой подать, в Ментоне, по непостижимой задержке визы, а потом рассердился на погоду, на Италию, кажется, на всю вселенную и еще несколько мест и уехал в Париж³. Так и не увидались. Ужасно жаль — и глупейшая история. Он, конечно, воображает, будто оказался «нежелательным иностранцем», и очень оскорблен этим. В действительности, ничего подобного, а просто, вместо того, чтобы самолично хлопотать о визе, он положился в этом на русских миланцев, которые, как водится, оказались беспечными «шляпами» и не выполнили каких-то формальностей. Я, по определенности его сборов к нам, даже и не подозревал, что ему нужна виза, — иначе Данила, пока еще был в Италии, выхлопотал бы ему в два дня. Да и мне не было бы отказа. Отказа-то, впрочем, и Шмелев не получил, а только стал жертвой, установленной для обыкновенных смертных бюрократической волокиты. Ужасно жаль. Пожалуй, так никогда и не увидимся. Я человек старый и почти слепой. Вот уезжал Данила на восемь месяцев (хотя я уверен, застрянет на год) — и то страшно: увижу ли? Ежели не страхом смерти, то слепоты.

Статье о Масарике, которая Вам понравилась⁴, лет десять или больше. Ее откопало «Сегодня», любезно предупредило телеграммой, чтобы я не трудился писать о его смерти: у них уже есть, что разогреть к тризне. Такую деликатностью лишили меня возможности помянуть одного из лучших и наиболее любимых моих друзей. Смерть безжалостно обобрала меня за последний год, с прошлой осени: Василий Ив[анович] Немирович-Данченко⁵, князь Анатолий Павлович Ливен, Крамарж⁶, Масарик... Вон какой ночной смотр!

Мне 27 декабря исполнится 75 лет. Хотел было я себе сделать юбилейный подарок, издать небольшую книжку полубеллетристического типа под заглавием «Дщери человеческие», довольно, как будто, занятную, да что-то о ней ни ответа, ни привета не получаю ни от Петрополиса, ни от С.Горного, к[ото]рого я просил блюсти судьбу «Дщерей»⁷. Должно быть, не выгорает дело.

А «Линию Брунгильды» некто обещал и надул. Это, впрочем, эпидемия среди парижских драматургов: Тэффи тоже сулила комедию, а вместо того — шиш!

Читал я Ваши статьи о Лассале⁸ и изумился искусству, с каким Вы сумели, сохраняя его политический престиж и историческое значение, выявить самодовольное ничтожество его личного характера. Огромный талант, а, по существу, все-таки предок Керенского. Да и то, сей последний, кажется, не [бабник?].

Весну и лето работал над смородинскими «Записками соловчанина»⁹, завещанными мне князем Ливеном. Сейчас кончил. От немцев имею предложение (Essener Verlag), конечно, на процентных условиях, но переговоры тянутся, задерживаемые разными случайностями то доморощенных затруднений, то чужеродных. И боюсь, что, покуда травка подрастет, лошадка с голода помрет. Но если выдержит выжидательную марку, то, может быть, и оправится несколько от хронической голодухи, так как книга переводится и на итальянский, и на английский языки. А вот по-русски как издать, не знаю. Варшавское издательство Котляревского предлагает условия неприемлемо рискованные¹⁰.

Между делом дописал-таки толстый роман из серии «Сестры». Назову, должно быть, «Невеста». Если попадались Вам в «Сегодня» разные «воспоминания Незабвенной», так это отрывки оттуда¹¹. Пильский предлагает издавать в Риге, да уж больно дешево, а издают они там скверно¹². Но, в конце концов, что поделаешь, — «за неимением гербовой, пишем на простой».

От парижских газет с Миллером, Скоблиным, Плевичкой и пр.¹³ — хроническая тошнота.

Дикое впечатление переживал, читая свои и Тэффины фелье-

тоны в «Шанх[айской] Заре». Нашел Л.В. Арнольд¹⁴, когда занимать нами публику! Под бомбами и шрапнелью-то и когда в городе холера¹⁵. Конечно, старинные перепечатки.

Я в последнее время перечитал много провинциальной беллетристики, харбинской, варшавской, ревельской и т.д. В общем ерунда несказанная, а иные перлы — даже и не разобрать, всерьез они написаны ими или на смех. Однако, если попадется Вам на глаза «Земля Именинница» некоего В. Никифорова-Волгина (вышла в Таллинне, т.е. в Ревеле)¹⁶, рекомендую обратить на нее внимание: весьма замечательная книжка рассказов — оригинально, просто, коротко, свежо. Я написал о них статью, но «Возрождение» что-то не торопится печатать¹⁷. Должно быть, ревнуют новичка к своим дивным беллетристам, Рошину, Лукашу¹⁸ и Коровину.

Будьте здоровы и благополучны. Тэффи увидите, скажите, что ее безмолвие вгоняет нас в Леванто в чернейшую меланхолию. Впрочем, на днях и сам раскачаюсь высказать ей все горести сердца, ею изъязвленного. Когда бывает охота написать, пожалуйста, не считайтесь очередями в письмах. Помните, что я стар и слеп. Сердечный привет «бабушке Райского» и всем, кого Вы любите. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал.А[мфитеатро]в

¹ Печатается по черновому автографу из LL.

² Упомянутая открытка Алданова в фонде Амфитеатрова в LL не обнаружена.

³ Шмелев пробыл в Ментоне с 12 сентября до конца октября 1937. В LL хранятся 4 письма его оттуда к Амфитеатрову.

⁴ Речь идет о статье Амфитеатрова «Мои встречи с Масариком (Из воспоминаний)» (Сегодня. 1937. №257). Теплые отношения с будущим президентом Чехословакии Томашем *Масариком* (1850-1937) сложились у Амфитеатрова еще до 1917. После второй эмиграции писателя М. содействовал приобретению чехословацким правительством амфитеатровской библиотеки, сочувственно откликался на присылаемые Амфитеатровым в подарок книги, по мере возможности помогал материально.

⁵ С писателем и журналистом Василием Ивановичем *Немировичем-Данченко* (1844-1936) Амфитеатров был дружен со времени их сотрудничества в «Новом времени» (Н.-Д. представлял газету еще во время русско-турецкой войны 1877-1878, с чего и началась его журналистская слава). В LL и РГАЛИ хранится внушительный корпус переписки между писателями. См.: 76 лет на литературном посту: Жизнь и работа Вас. Иван. Немировича-Данченко // Сегодня. 1936. №260. Амфитеатров планировал напечатать цикл статей, посвященных памяти Н.-Д., однако газ. «Се-

годня» отклонила это предложение: «Сегодня утром, — писал Амфитеатрову М.С.Мильруд 28 сентября 1936, — вернул одному из наших постоянных сотрудников статью о встречах с В.И. Это 11-я по счету статья, которую мне приходится за эти дни возвращать, и все эти статьи были посвящены В.И. Всем нашим постоянным сотрудникам я писал, что из-за обилия злободневного материала (так оно и есть) мы решили больше уже ничего не печатать о В.И. При этих условиях приходится, к сожалению, отказаться и от Вашего любезного предложения о присылке статей, связанных с В.И. Не присылайте нам также и портретов. У нас огромная коллекция их и ничего мы не можем сейчас использовать».

⁶ *Крамарж* Карел Петрович (1860-1937) — в 1890-1918 один из лидеров партии младочехов, в 1918-1919 — глава правительства Чехословакии, в 1920-е — редактор пражской газ. «Narodny listy», где часто печатался Амфитеатров. Русскому переводу кн. Крамаржа «Русский кризис» (1926) Амфитеатров посвятил цикл статей (Возрождение. 1926. 27 июля, 1, 2 и 20 авг.), где, высоко оценивая труд автора, укорял его за то, что «путеводителем по русской истории» тот избрал П.Н.Милокова, а не С.Ф.Платонова. Осенью 1926 Амфитеатров предложил «Возрождению» новую серию статей о Крамарже. 26 сентября ему отвечал К.И.Зайцев: «Ваши статьи о Крамарже застопорились, т.к. пришлось печатать самого Крамаржа и письма из Чехии о Крамарже — получилась перегрузка. Немного погодя можно будет возвратиться — но ради Господа не шлите больше о Крамарже!» Эта публикация не состоялась. В некрологе Крамаржу Амфитеатров писал: «Во мраке нашей юдоли, богатой только лишениями, огорчениями и разочарованиями, Карел Петрович 20 лет сиял неугасимо приятным светочем» (ЛЛ. Вох 10. Fold.105; Возрождение. 1937. 11 июня. №4082. С.8).

⁷ Эта книга издана не была. *Сергей Горный* (наст. имя и фам. Александр Авдиевич Оцуп, 1882-1949) — поэт, прозаик и журналист. В эмиграции с 1920. В 1921 — нач. 1930-х жил в Берлине, затем в Париже, после Второй мировой войны — в Испании.

⁸ Речь идет о цикле статей Алданова «Дуэль и смерть Лассаля» (Сегодня. 1937. №271, 278, 285, 292).

⁹ *Сморodin* Семен Васильевич (наст. фам. и имя Никонов Михаил Захарович, ок.1889- ?) — публицист и мемуарист. Будучи арестован в СССР в 1927 по политическому обвинению, в 1933 бежал с Соловков в Финляндию. (См. о нем подробнее: Резникова И. Православие на Соловках: Материалы по истории Соловецкого лагеря. СПб., 1994. По указ.). Автор мемуаров, которые Амфитеатрову и П.Н.Краснову представлялись, в частности, доказательством реальности распространения деятельности Братства Русской Правды на территорию СССР. Первоначально в амфитеатровской обработке под названием «Адострой (По запискам соловчанина Семена Васильевича Смородина)» эта книга печаталась с краткими перерывами в газ. «Меч» (Варшава. 1937. №14-49. 11 апр. — 19 дек.). Публикация фрагментов из нее продолжалась и после смерти Амфитеатрова: Товарищ Дубинкин: С.В.Сморodin под маской советского

служащего // Там же. 1938. 6, 13 и 27 февр.; 12, 19 и 27 марта; 9 и 17 апр.; 8 мая. См. также: Святой музей: По запискам С.В.Смородина // Сегодня. 1937. №120; Соловецкий «Пушхоз» [По запискам соловчанина С.В.Смородина] // Там же. №151; Командировка в Кемь: По запискам соловчанина Смородина // Там же. №160. См. также: Возрождение. 1937. 3 и 10 апр.; 1, 8 и 28 мая; 25 июня; 30 июля; 13 авг.; 17 сент.; 1 и 29 окт.; 19 нояб. и 10 дек.

¹⁰ *Котляревский* Евгений Ананьевич — издатель газ. «Русское слово» (Варшава; Вильно, 1936-1940). Русское издание мемуаров Смородина в обработке Амфитеатрова: Красная каторга. София: Национально-трудовой союз нового поколения, 1938.

¹¹ Имеется в виду: *Сестры*: Хроника в четырех романах. Берлин: Грани, 1923 (Т.1: Гнездо; Т.2: Непоседа. Ч.1: В дебрях; Т.2. Ч.2: В людях; Т.3: Супруг; Т.4: Примадонна). Роман «*Невеста*» отд. изд. не вышел. См. прим.4 к письму 24.

¹² *Пильский* Петр Моисеевич (1876-1941, 21 дек., Рига) — писатель, фельетонист, литературный критик. Товарищ В.Я.Брюсова по Крейнмановской гимназии в Москве (1891-1892). Окончил артиллерийское училище. Печататься начал в апр. 1901 в моск. газ. «Курьер» (корреспонденции из провинции). В 1902-1903 под псевд. «Журналист» печатался в бакинской газ. «Каспий» (вел там фельетон «Литературные впечатления»). Печатал также рассказы в газ. «Курьер», «Биржевые ведомости», «Волгарь», в «Журнале для всех», «Мире Божьем» и др. периодических изданиях. Рассказы его отд. изданием вышли в 1907. Прапорщиком артиллерии участвовал в русско-японской войне и был ранен. После окончания войны подал в отставку. Автор брошюры «Охранный шпинат» (СПб., 1906) и серии статей «Армия и общество» (Мир Божий. 1906. №6-8). В 1907-1914 печатался в «понедельничной» газ. «Свободные мысли». Там, отстаивая беспартийность искусства, полемизировал с марксистским сборником «Литературный распад», за что был подвергнут резкой критике В.В.Воровским («О буржуазности модернистов»). Автор книг: Критические статьи. Т.1. СПб., 1908; Проблемы пола, половые авторы и половой герой. СПб., 1909. В 1913 — редактор газ. «Одесский понедельник». В 1914 — вновь мобилизован, ранен в бою в руку (разбит локоть правой руки). В 1917 — ред. антибольшевистского журн. «Эшафот» (Пг.). С авг. 1920 — в эмиграции (сначала в Кишиневе, с окт. 1921 — в Риге, в 1922-1926 — в Таллинне, затем снова в Риге), сотрудничал в таллинских «Последних известиях», в рижской «Сегодня» (руководил отделом лит-ры и критики), редактировал в Риге журн. «Литература и жизнь», выпустил кн. «Роман с театром» (Рига, 1928). Рецензировал кн. Алданова: «Портреты. Т.1» (Сегодня. 1930. 26 нояб. №327); «Десятая симфония» (Там же. 1931. 14 марта. №73); «Бегство» (Там же. 1931. 22 окт. №292); «Земли, люди» (Берлин, 1932) // Сегодня. 1932. 9 сент. №250 [под псевд. П.Трубников]; «Пещера» (Там же. 1933. 15 дек. №346 — тот же псевд.); «Юность Павла Строганова и другие характеристики» (Там же. 1934. 11 сент. №251); позднее — «Бельведерский торс» (Сегодня. 1938. 19 сент. №259) и др. Рецензировал также кн. Амфитеатрова: «Литература в изгнании» (Сегодня. 1929.

7 сент. №248); роман «Вчерашние предки» (Там же. 1930. 14 июня. №163); и др. См. также: Пильский П. [Ответ на анкету об эмигрантской литературе] // Числа (Париж). 1930. №2/3; Амфитеатров А. Рыцарь художественной критики: К 30-летию литературной деятельности П.М.Пильского // Сегодня. 1931. №108; [Некролог] // Новое русское слово. 1942. 5 мая. №10667. В архиве Амфитеатрова сохранилось 12 писем П. за 1924-1935. Приведем выдержки из некоторых:

[1924?]

/.../ Вот Вы немного ядовито мне пишете о «Сегодня»: по-недельничная, мол, да еще и одесская. Я-то уж во всяком случае тут ни при чем. Но скажу, что из зарубежных наших газет она ведется, конечно, лучше всех других. Что до публики, то она ведь одна и та же — усталая, и ей нужно отдохнуть и за газетой, а «сюжетная» беллетристика вообще весьма нужна и пора ей выйти из тюрьмы, куда ее засадила наша упрямая pruderie. Если же «Сегодня» сравнивать с прежними газетами, то ближе всего она к «Бирж[евым] Вед[омостям]» последних лет выхода — т.е. утренним и вечерним. Меня немного возмущает, что Вы нуждаетесь: если Чехия может помогать нашему брату во имя будущего, то Италия Амфитеатрову могла бы устроить легкую жизнь уже не ради будущего, а ради его заслуг перед ней хотя бы во время войны...

23/V 1928. Рига

Сейчас я в Риге. По паспортным условиям я прожил целых 5 лет в Ревеле, упорно высидывая там эстонское гражданство, — и высидел. Это значит, теперь я могу ездить без виз в Латвию, в Финляндию, в Италию, скоро можно будет и в Чехословакию; но и все визы упрощены и удешевлены. Теперь все помышляю проехать в Париж — повидать старых приятелей и знакомых, но путешествие немного разорительно, и вот все откладываю. Если переводы на иностр[анные] языки моего романа «Тайна и Кровь» (псевдоним «П.Хрущов») что-нибудь дадут, тогда поездка осуществится, а надежда есть — что дадут.

Как жаль, что «Лиляша» попала в злые руки, небрежные и хватистые! Между прочим: здесь, в Риге, есть несколько издательств, выпускающих книги по 1 лату, т.е. по 5 франц[узских] франков за том. Лучшее из этих изд[ательств] — самое добросовестное и литературное — выпускает по 2 тома в месяц, аккуратно 1-го и 15-го числа. Называется: «Литература». К нему я стою близко и дал для его 12 книг предисловия. Попади Ваша милая «Лиляша» к нам, все было бы иначе: и Вам не пришлось бы болеть за нее сердцем и ужасаться (а ведь, в самом деле, ужасно... вместо «фермы» — «дермо» и т.д.!!), и мне теперь не нужно было бы ругаться в печати. О «Лиляше» я напишу скоро, на днях. Исхамить хочется изд[ательство] — вот как, но тут меня смущает одно соображение: не остановить бы книгу — это раз. Второе: не сочли бы за нападение критика, близко стоящего к

другому изд[атель]ству. Во всяком случае, я напишу, отмечу главные, совершенно недопустимые, воистину варварские, ломовые опечатки и, конечно, похвалю роман и сделаю Вашу характеристику, — не нужно прибавлять, что это напишется искренне: мое отношение к Вам не нужно мне разъяснять Вам. Оно доказано... некрологом. Ему 5-летний юбилей: в 1923 г. кто-то пустил весть (телеграфно!), что Вы умерли, и я написал тотчас же, наспех, строк 50, и уже готовился писать огромную статью, но... не поверил, усумнился и решил подождать. И хорошо сделал, п[отому] ч[то] уж не раз в условиях гражданской войны и эмиграции попадал в такие просаки, похоронив Ясинского, артистку Юреневу, нескольких профессоров и т.д. /.../

Возвращаюсь к «Лиляше». Ругаться буду, но придется, видимо, только «чутьочку подражаться»: о всем зарубежном в литературе хочется писать скорее одобрительно и «кумовито», чем зло, и даже в ущерб и наперекор справедливости. Жар души растрчиваю на большевизм, бушую в пустоте /.../

Рига [сентябрь 1928?]

/.../ я Вам писал, что, м[ожет] б[ыть], на днях Вы получите приглашение писать в самой распространенной латвийской газете «Янукас Зиняс». Теперь положение обстоит так. Я привлечен сотрудничать в ней и мне же поручено пригласить, по своему вкусу, русских литераторов писать из разных стран. Вот я Вас и приглашаю. Пока давайте два раза в месяц. Цена — 1 франц[узский] франк за строчку. *Предельная* величина статьи — 180 строк. Теперь о темах. Я знаю, что Вы ничего не стали бы писать против политического режима Италии. А статьи в защиту его не нужны «Янукас Зиняс». Но я думаю, что и в этой области Вы найдете примиряющую позицию. Это было бы очень важно для газеты. Конечно, тем у Вас будет очень много — бытовых, культурных и т.д.

М[ожет] б[ыть], не лишнее пояснить, на какого читателя приходится здесь работать. Нынешний читающий латыш — человек с только что раскрывшимися глазами. Начав жить самостоятельной жизнью, сменив деревенский армяк и картуз на пальто, фетр и котелок, затанцовав фокстрот, он хочет знать, как живут в Европе. Даже люди, стоящие у власти, здесь интересуются приемами Гинденбурга, раутами Бриана, манерами и салоном французского президента, обиходом будней, праздников европейской толпы и совсем никто не хочет знать ни о каком рабочем вопросе. Но не мне Вам объяснять, чем интересуется сейчас широкий читатель.

Прошу Вас, первые статьи во всяком случае не откладывайте и *посылайте сейчас же и немедленно*. Денег в газете много.

[Не ранее осени 1929]

/.../ Искренне радуюсь успехам Ваших сыновей, читаю Вас и весьма поражаюсь Вашей исключительной продуктивностью.

Ведь, кроме книг, кроме «Сегодня», Вы еще и в шанхайском «Времени» Б.А.Суворина. Откуда берется у Вас!.. Кое в чем я не совсем согласен у Вас — и Арцыбашева уже никак не мог бы зачислить не только в список эмигрантск[их] прегрешений, но даже и в число чувствительных потерь. Не подписался бы [и] под Вашей огульной характеристикой эмигрант[ских] газет. Но это — несущественное.

¹³ Речь идет о похищении агентами НКВД в сент. 1937 в Париже пред. РОВС ген.-лейт. Евгения Карловича *Миллера* (1867-1939). Среди участников этого похищения были сотрудничавшие с ИНО НКВД эмигранты: генерал Николай Васильевич *Скоблин* (1893-1937?) и его жена, певица Надежда Васильевна *Плевицкая* (урожд. Винникова, 1884-1940). См.: Амфитеатров А. К похищению ген. Миллера // Меч (Варшава). 1937. 3 окт. №38. С.2; Он же. Орден Иуды предателя // Русское слово (Варшава, Вильно). 1938. 16 февр.

¹⁴ *Арнольдов* Лев Владимирович — журналист и очеркист, сын казанского врача-гигиениста. После 1917 — в эмиграции. В 1929-1940 — редактор газ. «Шанхайская заря», преподаватель Высших экономико-юридических курсов в Шанхае. Автор кн.: Китай, как он есть. Шанхай, 1933; Из страны белого солнца. Шанхай, 1934. См. рец. на них Амфитеатрова: Под белым солнцем // Шанхайская заря. 1935. 17 марта. Появлению в «Шанхайской заре» амфитеатровских статей о Муссолини предшествовала заметка Арнольдова «Цикл статей» (1936. 25 апр.). Сотрудничество Амфитеатрова в «*Шанхайской заре*» (1924-1940) началось в 1928 по предложению ее тогдашнего главного редактора Бориса Алексеевича Суворина (1879-1940, 18 янв., Белград) и продолжалось и после ухода оттуда Суворина, поссорившегося с издателем газеты Мечиславом Станиславовичем Лембичем (1890-1932). 31 мая 1929 Б.Суворин сообщал Амфитеатрову:

/.../ Я разошелся с Лембичем и с «Шанхайской зарей» и открываю собственную газету «Время». Дело вышло так. С января за мной установили надзор, а я этого терпеть не могу и хотел отказать. Тогда Лембич предложил подождать до мая и уехать с ним в Париж, где он хотел устроить журнал. Я согласился, но незадолго до предполагаемого моего отъезда он отказался от поездки и предложил мне такие условия, на которые я согласиться не мог, т.к. в них мне предлагалось быть в распоряжении Лембича и не только разъезжать по Европе, против чего я ничего не имел, но жить в указанных им местах и переехать обратно в Шанхай по первому его требованию. Все это сопровождалось неустойкой в 10000 фр.

В это самое время группа русских людей образовала акционерное общество с солидным капиталом и решила не отпускать меня из Шанхая, пригласить меня редактором новой газеты, которая будет называться «Время» (как моя московская и симферопольская), причем по договору я являюсь полным хозяином в мо-

ей редакции. Одним словом, у меня новое дело. Пишу Вам такое длинное вступление только для того, чтобы попросить Вас не отказать мне в Вашем сотрудничестве /.../

Я много раз рекомендовал Лембичу пригласить Вас постоянным сотрудником, но он почему-то меня не слушал. Очень рассчитываю на Вашу помощь моему новому делу. Это будет тринадцатая (первая моя «статья» — мой отчет о велосипедных гонках — была помещена 13 июня 1895 г.) газета, которую я буду редактировать, не считая нескольких эфемерид, и, вероятно, последняя в эмиграции. /.../ Господь знает, может быть, отсюда пойдет то, что мы ждем. Ведь *Ex Oriente Lux*.

¹⁵ Речь идет о начавшейся японо-китайской войне.

¹⁶ *Никифоров-Волгин* Василий Акимович (1900-1939 или 1940) — писатель. Сборник его рассказов «*Земля именинница*» вышел в таллинском издательстве «Русская книга» в 1937.

¹⁷ Рец. Амфитеатрова на кн. В.Никифорова-Волгина была напечатана дважды: Тоска по Богу // Возрождение. 1938. 14 янв. С.5-6; То же // Меч. 1937. 25 дек. №50. С.4.

¹⁸ *Роцин* Николай (наст. фам. Федоров Николай Яковлевич, 1892-1956) — прозаик и журналист. Участник Белого движения. С янв. 1920 — в эмиграции. В 1920-1940-х (с перерывами) жил в доме Буниных в Париже и Грассе. (Рец. Амфитеатрова на его роман «Белая сирень»: Под душой веткой сирени // Возрождение. 1937. 3 сент. С.8). С 1942 — участник французского Сопротивления, с 1944 — член ФКП. После войны — один из лидеров движения советских патриотов. В дек. 1946 вернулся в СССР. Умер в Москве.

Лукаш Иван Созонтович (1892-1940) — прозаик, поэт, драматург и журналист. Участник Белого движения. В эмиграции — с ноября 1920 (Константинополь, Галлиполи, Тырново, София, Вена, Прага). В 1922-1925 — в Берлине, затем в Риге (редактор литературного отдела газ. «Слово»), с 1927 — в Париже. Умер в Медоне.

Глубокоуважаемая Иллария Владимировна.

Я чрезвычайно огорчен Вашим сообщением о нездоровьи Александра Валентиновича. Надеюсь, он чувствует себя лучше? Не пишу ему отдельно, чтобы не утомлять его. Но, пожалуйста, передайте ему мой самый сердечный привет.

Был я у Зеелера и говорил с ним. Наш Союз сделает все возможное. Теперь подсчитывают результаты бала. Но еще до этого Владимир Феофилович обещал послать Александру Валентиновичу аванс в 200 фр.

Жена моя и я шлем Вам и А[лександр] В[алентинович]у наш самый сердечный привет, самые лучшие пожелания (прежде всего здоровья) и самые искренние поздравления. Что-то нам принесет наступающий год? До сих пор судьба не очень-то баловала — по крайней мере, в последние 20 лет.

Моя машина испортилась, пишу от руки и боюсь, что Вы не очень легко разберете мой ужасный почерк.

Целую ручки, крепко жму руку Александру Валентиновичу.

Ваш

М.Алданов

35

25 января 1938

Дорогая Иллария Владимировна.

Вы чрезвычайно (и не одного меня, конечно) обрадовали добрыми известиями об Александре Валентиновиче. Я тоже не сомневаюсь, что он быстро поправится. Все дело в том, как бы обеспечить хоть минимальный приток средств. Надеюсь, Вы не думаете, что я ничего для этого не сделал. Что до Союза писателей и журналистов, то В.Ф.Зеелер твердо мне сказал, что послал деньги. Очевидно, он имел в виду, что «посылает», а не «послал». В его оправдание скажу, что ему приходится после нашего ежегодного бала посылать не менее ста писем и денежных переводов. Получив Ваше письмо, я побывал у него и, не застав дома, оставил напоминание. Не сомневаюсь, что Вы деньги уже получили. Знаю, что это гроши. Но бал дал тысяч четырнадцать, поделили из них десять, а заявок о ссудах было более ста! Просто совестно посылать было почтенным известным людям сто франков. Для Александра Валентиновича сделали «максимальное усилие» — самую большую ссуду, — но и перед ним, разумеется, очень совестно. Думаю, через две-три недели обратиться к Владимиру Феофиловичу с новым предложением послать что можно Александру Валентиновичу, так как небольшая сумма в кассе осталась. Попрошу Тэффи поддержать. Извините меня, ради Бога, что пишу Вам все это — но что же делать! Мы все люди весьма небогатые, а у некоторых из старших писателей, как, например, у Бальмонта, бедность потрясающая. Сборы производятся часто и, естественно, дают все меньше. Ведь Куприн уехал в СССР не по каким-либо идейным мотивам, а просто вследствие невозможности жить сколько-нибудь сносно¹. Не обеспечен же сколько-нибудь прочно ни один из нас.

Хотелось отметить в «Посл[едних] Новостях» юбилей Александра Валентиновича (еще раз сердечно поздравляю и Вас), но в отсутствие Милюкова его заместители не считали возможным своей властью решить этот вопрос, говоря, что А[лександр] В[алентинович] в свое время написал о Павле Николаевиче весьма резкую статью². А потом было и поздно. Это сообщаю Вам *совершенно конфиденциально*. Вам известны отношения между «Посл[едними] Новостями» и «Возрождением». Однако для не-политических сотрудников, как Зайцев или Шмелев, редакциями делается исключение. Очевидно, Александр Валентинович является сотрудником политическим.

Пожалуйста, примите и передайте Александру Валентиновичу мой самый сердечный привет. Такой же посылает моя жена. Очень мы были рады успехам младших членов Вашей семьи.

Глубоко уважающий Вас и преданный

М. Алданов

¹ Об обстоятельствах возвращения А.И.Куприна в СССР ср.: Храбровицкий А.В. А.И.Куприн в 1937 году // Минувшее. Вып.5. М., 1991. С.353-358. См. также в письме Амфитеатрова С.Горному (А.А.Оцупу) от 9 июля 1937:

Лезут ко мне разные человеки, чтобы написал о Куприне. А я и не могу и не хочу. Особенно, как скоро «все» высказались. И «все» очень не умно, за исключением милой Тэффи и отчасти Алданова. А на днях прочитал в «Сегодня» воспоминания Пильского и в ужас пришел. Можно же печатать такое о все-таки живом человеке, да еще и друге-приятеле! Я Куприна шестьдесят лет знаю, помню кадетиком младшего возраста — и, конечно, не считал его никогда образцом добродетелей. Но Пильский открыл мне глаза на то, что Куприн — скотина. И уж не знаю, надо ли было открывать глаза, и благодарить ли Пильского за сию «правду». (LL)

² Возможно, речь идет о статье Амфитеатрова «О милюковском инциденте» (Возрождение. 1927. 28 марта; см. также: Записная книжка // За Свободу! 1927. 2 апр.; Слово. 1927. №526), где автор критикует Милюкова за полемику с журн. «Борьба за Россию». Возможно также, что имеются в виду амфитеатровские «Листки» (Возрождение. 1927. 1 июня. №729), где он издевается над Милюковым, подвергшимся в Риге нападению Адеркаса. Ср. также отклик Б.А.Суворина на другое аналогичное выступление Амфитеатрова в письме к нему от 28 апреля 1927: «Читаю постоянно Вашу "Записную книжку" в "Последних Известиях" и горжусь Вашим соседством. Я очень не люблю Милюкова и поэтому завидовал Вам, когда Вы его называли "самым глупым другом большевиков". Знаете ли Вы, что "бог бестактности" выдуманно было не мной, не Ал[ександ-

ром] Арк[адьевичем] Столыпиным и не Пиленкой, как писал Милуков, а Василием Алексеевичем Маклаковым, который это мне сказал лично во время нашего (я ездил от "Нового Времени") путешествия в Англию в 1909 году. Это-то и есть дивно в очах наших».

Дорогая Иллария Владимировна.

Простите, пожалуйста, что не сразу Вам ответил: я хотел получить и послать Вам все три номера «Посл[едних] Новостей», с заметками или статьями о покойном Александре Валентиновиче¹. А достать их со склада не так просто. Только вчера получил и при сем их прилагаю.

С очень большой скорбью читал Ваше письмо, хоть и очень меня утешило то, что А[лександр] В[алентинович] умер без страданий. Я догадывался, что у него злокачественная опухоль — а это обычно связано под конец с ужасными муками. Спасибо за то, что сообщаете об его отношении ко мне — это мне было особенно радостно читать. Я тоже очень его любил и почитал, хоть лично знал так мало.

Прочел сегодня с волнением и первую Вашу статью о нем в «Сегодня», буду ждать второй².

Очень надеюсь, что Вам удастся наладить с ними работу. Вам, думаю, работа будет и утешением.

Т.М. и я шлем Вам и всем Вашим самый сердечный дружеский привет. Желаю сил, бодрости.

Ваш М.Алданов

Я пожалел об одной фразе в статье Словцова (Н.К[алише]вича) о «тени прежнего»³. Она совершенно несправедлива⁴.

¹ В комплекте за февраль-март 1938 мы обнаружили только одну такую статью, освещающую, в основном, дореволюционную деятельность писателя: К[алише]вич Н. А.В.Амфитеатров // Последние новости. 1938. 1 марта. №6184. С.2.

² Имеются в виду статьи И.В.Амфитеатровой: Последние дни и похороны А.В.Амфитеатрова // Сегодня. 1938. №68 [под псевд. Л.]; Последние дни моего мужа // Там же. №86 и 87. См. также прим.1 к письму 32 в ВИ.

³ Речь идет о следующем пассаже из упомянутой статьи Н.В.Калишевича: «Он писал в эмигрантских газетах, но в этих писаниях чувствовалась лишь тень прежнего Амфитеатрова. От старых благополучных времен осталась дача в Леванто, но и она уже не походила на прежнее, широкое, всегда полное людьми, гостеприимное жилище».

⁴ О другой несправедливости по отношению к покойному И.В.Амфитеатрова 7 марта 1942 вспоминала в письме к сподвижнику мужа по Братству Русской Правды — Александру Николаевичу Толлю: «Знаете ли Вы, например, что когда умер мой муж, то чиновники департамента полиции и внутренних дел не позволяли "Возрождению" отслужить по нем панихиду. Это, конечно, отрывка от старого, но какая же гнусная и знаменательная: ничего не забыли и ничему не научились».

ANNEX

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- *А.М. 268
- *Абрамович Р.А. 67, 109
- Абрикосова Н.П. см. Крамарж Н.П.
- Абызов Ю.И. 446
- Августин, св. 509, 600
- Авксентьев Н.Д. 110, 563, 564
- *А-г см. Лутохин Д.А.
- Агафонов В. 150
- Агнивцев Н.Я. 265, 275, 276, 278
- Адамович Г.В. 542
- Адеркас, монархист 619
- Азеф Е.Ф. 71, 110, 607, 608
- Айзман Д.Я. 355
- Айолла, грузинск. эмигрант 65
- Айхенвальд Ю.И. 7, 66, 108, 307
- Аладьин А.Ф. 84, 111
- Албаний, свмч. 137
- *Алданов М.А. 71, 110, 111, 340, 342, 351, 394, 399, 402, 495, 514, 516, 521, 532, 539-542, 543-621
- Александр I, имп. 189, 544, 545
- Александр I Карагеоргиевич 468
- Александр II, имп. 71, 480
- Александр III, имп. 36, 37, 42, 47
- Алексеев Б.К. 350
- Алексеев М.В. 88
- Алексеев М.П. 286, 287
- Алексеева-Месхиева В.В. 264, 302
- Алексий II, патр. 121
- Алексинский Г.А. 425, 426, 468
- Алешковский И.Е. (Юз) 152
- Аллоу В.Е. 112-161
- Аллоу Р.Г. 114, 115, 117, 122, 125, 127-129, 131, 152, 160
- Алмазов Б.А. 150
- Альберс, предприниматель 62
- Альтфатер В.М. 313
- Амфитеатров А.В. 7, 339-621
- Амфитеатров В.Н. 353, 362, 363
- Амфитеатров Д.А. 345, 359-362, 366, 368, 369, 375, 387, 514, 515, 533, 548, 549, 558, 565, 584, 592, 597, 599, 605, 609, 615, 619
- Амфитеатров М.А. 359, 375, 558, 584, 589, 592, 596, 597, 615, 619
- Амфитеатров Р.А. 344, 359, 375, 535, 592, 597, 602, 605, 607
- Амфитеатров-Калашев В.А. 381, 495, 496, 498, 518, 520, 546, 547, 557, 564-567, 570, 571, 573
- Амфитеатрова А.В. см. Пасек А.В.
- Амфитеатрова А.Н. 528
- Амфитеатрова Е.И. 349
- Амфитеатрова И.В. 340, 345-347, 360, 362, 364-366, 368, 369, 381, 386, 387, 397, 503, 506, 515, 528, 537, 538, 542, 570, 574, 590-592, 600, 602, 605, 607, 608, 617-621
- Амфитеатровы, семья 343, 377, 566, 574
- Ананьич Б.В. 371
- Андерсон П.Ф. 148
- Андреев В.М. 214, 240, 246
- Андреев Л.Н. 352, 356, 370, 371, 475

* Курсивом выделены номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Андреевский С.А. 363, 364
 Аничков Е.В. 348, 350, 351, 358,
 359, 366, 375, 376, 525, 527
 Анна Ярославна 552
 Анненский И.Ф. 179, 290, 334
 Апулей Л. 515, 516
 Апухтин А.Н. 603
 Аракчеев А.А. 31
 Аргунов А.А. 37, 100, 416
 Аргунов П.А. 100
 Аренштейн А.М. 252
 Аренштейн Михаил Б. 248, 252
 Аринштейн (Аренштейн) А.Б. см.
 Эренбург А.Б.
 Аринштейн Б.З. 249, 250
 Аринштейн Мария Б. см. Лу-
 рье М.Б.
 Аристотель 45
 Арнольдов Л.В. 611, 616
 Архиппов Е.Я. 306
 Арцыбашев М.П. 285, 390, 391,
 393-395, 398, 399-420, 422-425,
 427-429, 433, 435, 436, 437-465,
 466, 469, 484, 545, 616
 Арцыбашева Е.И. 403, 404, 452,
 456, 465, 466
 Асклепиад 266
 Асмус В.Ф. 315
 Астров Н.И. 58, 105
 Аттила, предв. гуннов 256
 Ауслендер С.А. 267, 285
 Ауслендер С.Е. см. *Нельди-
 хен С.Е.
 Афанасьев Л.Н. 195, 203
 Афанасьев Ф.М. 240, 246
 *Ахматова А.А. 117, 139, 306
- Бабель И.Э. 48, 149
 Байрон Дж.Н.Г. 207
 Бакай М.Е. 397
 Бакелли Р. 521, 522, 530, 548,
 549
 Бакст Л.С. 8, 258
 Бакунин М.А. 318, 548, 549
 Балабанов, чл. Совета ХЛАМа
 276, 319
 Балабанова А.И. 346
- Балано, чл. Совета ХЛАМа 276
 Балиев Н.Ф. 559
 Бальмонт К.Д. 266, 267, 287,
 300, 306, 312, 326, 334, 340, 352,
 355, 356, 358, 385, 386, 467, 486,
 495, 507, 521, 532, 537, 565, 566,
 569, 572, 597-599, 607, 618
 Баранговский, чл. Совета ХЛАМа
 276
 Баранов В.Н. 130, 133
 Баранова Н.Л. 130, 133, 134
 Баратынская Е.П. см. Сороки-
 на Е.П.
 Баратынский Е.А. 172, 290
 Барбюс А. 255, 324
 Бардецкая М.М. см. Лубков-
 ская М.М.
 Бардзини Л. 595, 596
 Барони Э. 595
 Бартнев П.И. 170
 Баршева Л.И. см. Толстая Л.И.
 Барятинский В.В. 559
 Батюшков К.Н. 179
 Бауман В.И. 8
 Бахтерев И.В. 237
 Бебель А. 26
 *Бедный Д. 240, 283, 296, 319
 Безант А. 378
 Безбородко А.А. 545, 546
 Белинков А.В. 115
 Белинский В.Г. 43, 101
 Беломазов Г. 560
 *Белый А. 8, 262, 282, 283, 290,
 306, 317, 484, 522
 Белявский Н.Ф. 219
 Беляев М.П. 183
 Бем А.Л. 37, 100, 416, 522
 Бенеш Э. 58, 68, 75, 105
 Бенкендорф А.Х. 171
 Бенау А.Н. 532
 Бенау М.Н. см. Кузнецова-Бе-
 нуа М.Н.
 Беранек, ресторатор 29
 Берберова Н.Н. 350, 378, 559,
 582, 602, 603
 Бердяев Н.А. 99, 120, 121, 137,
 140, 266

- Березняк, типограф 155
 Берк Э. 43, 45, 101
 Берлиоз Г. 172, 179
 Бернар Д. 150
 Бернар Ж. 150-152
 Бернацкий М.В. 7
 Бернштейн Э. 69, 110
 Бернштейн-Коган С.В. 94
 Бессонов Н. 603, 605
 Бессонов С.А. 416
 Бетховен Л. ван 169, 172
 Билибин И.Я. 299
 Благоев В.Ф. 461
 Благоев Ф.И. 460, 461
 Бланк, член «Задруги» 77
 Блейн Э. 95
 Блинов И.А. 201
 Блок А.А. 218, 262, 283-285, 302,
 306, 307, 330, 334
 Блос В. 545, 546
 Блуа Л. 260, 317, 318
 Блуменфельд Ф.М. 368, 369
 Боборыкин П.Д. 597
 Бобринский Б. 118
 Богардус Э. 45, 102
 Богданович Е.В. 24, 92
 Боголепов М.И. 88
 Богомолов Н.А. 165-185
 * Богучарский В.Я. 8
 Боден Ж. 45, 102
 Боденштедт Ф.М. фон 527, 529
 Бонгард-Левин Г.М. 526
 Боргезе Дж.А. 521, 523
 Борис Годунов 529, 564
 Борисов Л.И. 226, 237
 Борисов Ю. 150
 Борисова Т. 239
 Борозин В.С. 192
 Боткин В.П. 101
 Боханов А.Н. 90, 91
 Бояновский В.Ф. 354
 Брак Ж. 263
 Бранд В.В. 389, 391, 472
 Брель Ж. 151
 Брешко-Брешковская Е.К. 65,
 84, 108
 Брешко-Брешковский Н.Н. 356
 Бриан А. 257, 560, 615
 Бродский И.А. 117
 Бронфин Е. 177
 Брославский А. 276
 Броуд Л.Е. см. Дикгоф-Дерен-
 таль Л.Е.
 Бруцкус Б.Д. 9, 88
 Брюсов В.Я. 170, 171, 188, 195,
 196, 286, 287, 290, 384, 476, 484,
 613
 Брянский А.Р. 219
 Брянский В.Д. 585, 586, 601
 Будаитис-Вольская А. 342
 Буденный С.М. 244
 Будрогаев В.Е. 90
 Бузников А.В. 245
 Букиник Б.А. 303, 308
 Буковецкий А.И. 88
 Буланов Н.Г. 472
 Булахова Е.И. см. Збруева Е.И.
 Булгаков В.Ф. 459
 Булгаков С.Н. 120, 137, 140,
 266
 Булучевский Ю. 114
 * Бунаков И.И. см. Фондамин-
 ский И.И.
 Бунин И.А. 33, 103, 329, 342, 495,
 507, 508, 520, 521, 532, 539, 557,
 562, 563, 566, 569-577, 582, 589,
 599, 602, 604-608, 617
 Бунина-Муромцева В.Н. 571,
 574, 576, 582, 584, 606, 617
 Бунины, семья 574, 576, 578, 584
 Буравая, владелица типографии
 250
 Буренин В.П. 267
 Бурлюк Д.Д. 125, 187, 200, 212
 Бурхардт Я. 33, 97, 98
 Бурцев В.Л. 20, 110, 346, 347,
 380, 389, 394, 397, 426, 431, 432,
 435, 436, 465, 468, 471, 473, 590,
 592
 Бурыйшкин П.А. 63, 107
 Бутенко П.Э. 391, 442, 443, 446,
 448-450, 453-457, 463, 472
 Бутягина А.М. 8
 Бухарин Н.И. 306, 416

- Бучина Л.И. 13
 Быстрицкий, лектор 286
- Вагин Е.А. 132, 133
 Вагнер Р. 172, 174, 179, 541
 Вайнштейн А.Л. 107
 Вакари, проф. 481
- *Валентинов К.И. см. Есеновский К.И.
 Ван Гог В. 316
 Варшавский С.И. 416, 431, 435
 Варшер Т.С. 521, 523, 525, 527
 Василевский И.М. 275
 Василенко Н.П. 402
 Вахтель М. 480, 526
 Вебб Б. 57, 105
 Вебб С. 57, 105
 Вебер К.М. фон 172
 Вебер-Хирьякова Е.С. 470, 472, 473
 Вейнберг П.И. 189, 199
 Вейнгрот М.П. см. *Венгров Н.
 Велидов А.С. 99
 Вельмин А.П. 392, 396, 457, 458, 467
 Венгеров С.А. 189, 199, 348, 517
 *Венгров Н. 276, 277, 286, 290, 295
 Веневитинов Д.В. 216
 Венуховский, инж. 8
 Вербицкая А.А. 475
 Вергилий 483
- *Вересаев В.В. 7, 103
 Верещагин В.В. 519
 Верихов Л.А. 107
 Верлен П. 271
 Верн Ж. 576
 Вернадский В.И. 96, 439
 Вернадский Г.В. 31, 85, 96
 Вернер, меценатка 521
 Верник И.И. 146, 158, 159
 Вертер В.А. 302
 Вертинский А.Н. 559
 Верхарн Э. 380-383
 Верховский С. 104
 Визе Л. фон 44, 102
 Вийон Ф. 287
 Виленкин Н.М. см. Минский Н.М.
- Вилламовиц-Меллендорф У. фон 495, 496
 Вильгельм II, имп. 316
 Вильданова Р.И. 109
 Винберг А.В. 94
 Винникова Н.В. см. Плевичкая Н.В.
 Винниченко В.К. 264, 333
 Виноградов А.Г. 389
 Вирт Л.Й. 89
 Витгофф Д.О. 384, 385
 Витос В. 456
 Витте С.Ю. 22, 47, 91, 354, 368
 *Витязев П. 34, 98
 Вишняк М.В. 110, 564
 Владиславлев И.В. 214
 Вознесенский А.Н. 276
 Войков П.Л. 394, 395, 454, 455, 466
 Войнович В.Н. 145
 Войтоловский Л.Н. 296
 Войцеховский Сергей Львович 396, 466, 473
 Войцеховский Станислав 456
 Волковысский Н.М. 57, 63, 105
 Волконский С.М. 532, 558-560
 Волошин М.А. 252, 302, 303, 306, 309, 312, 313, 331, 339, 351, 355, 356, 358, 364, 367-369, 377-381, 381-387
 Волошина Е.О. 367, 387
 Вонсяцкий А.А. 395
 Воробьева Ю.С. 349
 Воровский В.В. 25, 92, 93, 358, 390, 394, 409, 589, 613
 Воронов А.А. 21, 90
 Воронцов М.С. 546
 Воронцов С.Р. 545, 546
 Воронцова-Дашкова Е.Р. 545, 546
 Врангель П.Н. 20, 23, 52, 92, 96, 97, 104
 Вреден Е. 368, 369
 Вырубов Н.В. 143
 Высоцкий В.С. 121, 149, 151, 153
 Вышеславцев Б.П. 140
 Вюртлер А. 391

- Габетти Дж. 525, 526
 Гадда П. 521-523, 530
 Гайда В. 528, 529
 *Галич А.А. 123, 149, 151, 153
 *Галич А.С. 153
 Галлиани Ф. 58, 105
 Гальтон Ф. 69, 110
 Гамбаров Ю.С. 349
 Гандольфи Дж. 530, 531
 Ганфман М.И. 580
 Гапон Г.А. 568
 *Гарольд, куплетист 315
 Гартман М. 250
 Гарэтто Э. 339-376, 387, 389,
 398, 476, 478, 539-621
 Гаскелл, критик 607
 Гаспаров М.Л. 304, 305
 Гдалин А.Д. 270
 Ге Н.П. 8
 Гейне Г. 45, 250
 Генке М.Г. 277
 Георгий Николаевич, герцог
 Лейхтенбергский 519
 Гервег Г. 250
 Герд Н.А. см. Струве Нина А.
 Гереншафт, сотр. Нарком-
 проса 295-297
 Герман П. 276
 Герцен А.И. 29, 94, 101, 318, 322,
 329, 375, 417, 465
 Гершензон М.О. 133, 266, 267,
 306
 Гессен И.В. 90, 99, 103, 106, 107,
 417, 547, 568, 586, 605
 Гессен С.И. 7
 Гете И.В. 505, 509
 Гиммер Н.Н. см. Суханов Н.
 Гинденбург П. фон 615
 Гинзбург А.И. 135
 Гинзбург Л.Я. 208
 Гинтер Э.Л. 240, 246
 Гиппиус З.Н. 8, 306, 320, 340,
 394-396, 411, 467, 468, 473, 474,
 495, 502, 544, 564, 566, 569, 570,
 599, 600
 Гирс М.Н. 28, 94
 Гирса, чехосл. министр 35, 37, 53
 *Гитлер А. 107, 340, 396, 445, 567,
 576, 587
 Гладиллин А.Т. 142
 Гладкая С.Н. 366, 367, 518
 Глинка М.И. 541
 Глотов Я.А. 386
 Гнедов В.И. 196, 203, 204, 206
 Гоббс Т. 45, 102
 Гоголь Н.В. 475, 522, 524, 536,
 537, 563, 580, 585-587, 589, 594,
 596, 600, 601
 Голенищев-Кутузов И.Н. 525,
 527
 Голицына, кн. 604
 Голосенко И.А. 87, 88
 Голубев-Багрянородный Л.Н.
 299
 Голубович В.А. 259
 Гольбейн Г. 387
 Гольберг, управляющий т-ва «За
 Свободу!» 463
 Гольденвейзер А.А. 261
 Гольдони К. 481
 Гольдштейн М.Л. 352
 Гольштейн А.В. 439
 Гольштейны, семья 377
 Гомберг, предприниматель см.
 *Марвин
 Гомер 282, 283, 481
 Гомолицкий Л. 472
 Гондатти Н.Л. 62, 107
 Гончаров И.А. 596
 Гончарова Н.С. 284
 Горбаневская Н.Е. 153, 154, 156
 *Горный С. 610, 612, 619
 Городецкий С.М. 194, 484, 494
 *Горький А.М. 7, 10, 11, 48, 103,
 339, 352-354, 356, 358, 362, 363,
 370, 371, 380, 400-402, 475, 480,
 494, 558, 597
 Гофман В.В. 334
 Гофман М.Л. 522-524
 Гофман Э.Т.А. 172, 177, 179, 520
 Гоц М.Р. 358, 372
 Гоци К. 172
 *Грааль-Арельский 187, 191-194,
 199, 200, 207, 208

- *Градарев см. Лутохин Д.А.
Гревс И.М. 485
Грей, литератор 276
Гречанинов А.К. 532
Гржебин З.И. 340
Грибоедов А.С. 580
Гримм Э.Д. 484
*Грин А.С. 230
Грин М.Э. 584, 606
Гринберг, лектор 286
Гришин А.Т. 240
Гришин-Алмазов А.Н. 111
Груздев И.А. 7
Грякалова Н.Ю. 10, 377-387
Гукасов А.О. 32, 96, 97, 460, 461, 585, 586
Гуковский А.И. 110
Гуль Р.Б. 97, 102, 103, 262, 607, 608
Гулькевич К.Н. 60, 106
Гумилев Н.С. 194, 218, 287, 290, 306
Гурвич Ф.И. см. *Дан Ф.И.
Гуревич В.Я. 73, 110
Гуреев Ю. 9
Гурко В.И. 593
Гуро Е.Г. 200
Густав V, король 574, 575
Гучков А.И. 20-25, 54, 90-93, 588-593
Гучков Н.И. 593
Гучков Ф.И. 90
Гучкова В.Н. см. Карпова В.Н.
Гучкова М.И. 23, 92
Гюго В. 179
- Даватц В.Х. 469
Даву Л.Н. 189
Давыдов, чиновник франц. Министерства просвещения 122
Давыдов А.В. 596
Давыдов З.С. 320
Давыдова М.К. см. Куприна М.К.
*Далин 360, 361
*Дан Ф.И. 64, 107
Данилевский Н.Я. 117
Данилов Н.И. 287, 288
- Данилова Н.И. 288
Данионе М. 512, 513, 516
Д'Аннунцио Г. 61, 106, 530, 532
Данте А. 207, 267, 282, 283, 322, 505, 506, 564
Д'Арк Ж. 257, 600
Дейч А.И. 264, 276, 315
Ден, домовладелица 170
Де Нава Дж. 383, 385
Деникин А.И. 47, 86, 303, 574
Денисов Я.И. 50
Деранти Н. 125
Державин Г.Р. 287
Дерман А.Б. 264
Де Роберти Е.В. 37, 100, 350
Детердинг Л.П. 521
Дешарт О. 499
Джурич О. 495
Дзержинский Ф.Э. 9, 71, 436, 437
Дикгоф-Деренталь А.А. 391, 401, 403, 408, 409, 420-423, 427, 432, 433
Дикгоф-Деренталь Л.Е. 408, 409, 420-428, 432, 433
Дикий А. 131
Дмитренко А.Л. 206-247
Дмитриев А.Л. 7, 87-111
Добкин А.И. 340, 389, 539-621
Добрушин И.М. 276
Дойков Ю.В. 7
Долбня И.П. 8
*Дон Аминадо 264, 558, 559
Донской Б.Д. 323
Дос Пассос Дж. 475
Достоевский Ф.М. 132, 182, 265, 285, 293, 316, 342, 475, 515, 543, 554, 566, 575
Драйзер Т. 569
Дрейфус А. 271, 580
Дрелинг, меньшевик 319
Дроздов А.М. 299, 484
Дубасов Ф.В. 352
Дуров С.Ф. 216
Дурова Н.А. 216
Дутов А.И. 72
*Дьбно см. Лутохин Д.А.
Дэвис Р. 122, 354, 570, 574, 606

- Дю Бос Ш. 498, 499
 Дюбуа-Реймон Э.Г. 552, 553
 Дюкин В.Н. 131-133
 Дюкина Е.А. 131
 Дюма А. 464
 Дюран К. 149
 Дюррант Дж.С. 392
 Дягилев С.П. 258, 395, 541
- Евреинов В.А. 447, 448, 450, 452
 Евреинов Н.Н. 452-454
 Егоров А.П. 235
 Егоров Е.А. 8
 Екатерина II, имп. 331, 545, 546, 551, 561
 Еленев Н.А. 566
 Елизавета, австр. имп. 108
 Елизарова А.И. 212
 Елисеева И.И. 13
 Ельцин Б.Н. 121
 Ельчанинов А.В. 116
 Ельчанинов К.А. 112, 121, 135, 148
 Ельчанинова см. Струве М.А.
 Ельяшевич В.Б. 576, 577
 Ермаков И.Д. 522
 Ерофеев В.В. 145
 Есенин С.А. 240, 306, 334
 Есеновский К.И. 201
 Ефимовский Е.А. 96
 Ефремов И.Н. 565, 566
- Жаботинский В.Е. 394, 435
 Жамм Ф. 274, 308
 *Жан Поль 172
 Жванецкий М.М. 140
 Жевахов Н.Д. 500, 501
 Женевьева, св. 256, 257
 Жеребцов Д.С. 560, 561
 Жеребцова О.А. 560, 561
 Жид А. 324
 Жирмунский А.С. 375
 Жорес Ж. 26, 254, 347, 363
 Жуковский В.А. 101
 Журавская З.Н. 452, 454
 Журбин А. 149
- Заболоцкий Н.А. 237
 Завадский К.И. 48
 Завадский В.В. см. *Корсак В.В.
 Завадский В.Р. 46-48, 102
 Завадский С.В. 46-49, 102
 Заводчиков В. 465
 Загорский С.О. 57, 105
 Загул Д.Ю. 334
 Зайцев Б.К. 121, 267, 342, 495, 520, 521, 532, 562, 565, 566, 578, 580, 582, 586, 587, 594, 599, 600, 602, 605, 607, 608, 619
 Зайцев К.И. 29, 30, 95, 565, 566, 584, 612
 Зайцов М. 560
 Зайцова Т.М. см. Ландау Т.М.
 Зак, знакомый В.В. Розанова 8
 Закс Г. 562, 564
 Зандер Л.А. 137
 Заславский Д.И. 315, 319
 Збруева Е.И. 368, 369
 Зверев В.Е. 157, 158
 Зверев С.И. 88
 Звонарев В.П. 166
 Зеелер В.Ф. 564, 565, 567, 568, 570, 571, 577, 589, 597, 617, 618
 Зеленский В.И. см. *Котомка Л.
 Зелинская В. 528
 Зелинский Ф.Ф. 477, 479, 481-484, 486, 493, 495, 496, 517, 525, 528
 Зеньковский В.В. 54, 104, 137, 140, 522
 Зернов Д.С. 21, 88, 90
 Зернов М.С. 559
 Зернов Н.М. 115, 137
 Зилотти А.И. 23, 92, 368, 369
 Зилотти М.И. см. Гучкова М.И.
 Зильберберг Е.З. 73
 Зими́на Н. 158
 Зими́на С.Л. 302
 *Зиновьев Г.Е. 16, 23, 213, 214, 233, 234, 245, 460
 Златовратский Н.Н. 60, 106
 Зозуля Е.Д. 276, 278
 Золя Э. 520
 Зомбарт В. 18, 69, 89, 110
 Зорич С.Г. 551

Зубарев Д.И. 340, 341, 388-474,
519, 580, 593
Зубашов Е.Л. 55, 88, 104
Зубов П.А. 551, 561
Зубова О.А. см. Жеребцова О.А.
Зув В.Ю. 526
Зяблова К.А. 302

Иван IV Грозный 176
Иванов Вс.Вяч. 558
Иванов Вяч.И. 168, 266, 267, 304,
306, 309, 310, 313, 319, 340, 342,
353, 367, 380, 383, 468, 475-481,
482-535, 536-538, 544, 606
Иванов Г.В. 119, 187, 191-194,
199, 200, 207, 208, 225, 237, 542
Иванов Д.В. 478, 521, 522, 524,
525
Иванов Е.П. 8
Иванова Л.В. 484, 485, 492, 512,
514, 515, 517, 524-528, 530, 533,
535

*Ивей см. Игнатъев И.В.
Игнатъев И.В. 187, 194-198, 200-
204

Избицкий В. 375
*Изгоев А.С. 29, 95
Ильин В.Н. 116
Ильин И.А. 33, 97, 439, 495, 574
Ильин М.А. см. *Осоргин М.А.
Ильина В.Н. 116
Ильяшенко Л.С. 302
Инбер В.М. 306, 312
Иоанн Кронштадтский 208
Иорданская М.К. см. Купри-
на М.К.
Иорио В. 604, 606, 608

Каблуков Н.А. 106
Кавелин К.Д. 47, 102
Каган А.С. 55, 88, 104
Кадонна Н. 122
Казанова Дж.Дж. 66
*Казанский И.В. см. Игна-
тъев И.В.
Казем-бек А.Л. 587, 588
Кайо Ж. 560

Калинин М.И. 244
Калишевич Н.В. 557, 558, 620
Калинников И.М. 404, 405
Кальницкий М.Б. 249
Каляев И.П. 281
*Каменев Л.Б. 214, 460
Каменский В.В. 200, 276, 306
Камкин В. 143
Кандыба А.И. см. *Олесь А.
Каннегисер Л.И. 405
Кант И. 552
Каплан Б.М. 143, 144
Каплан Г.М. 143, 144
Каплан М. 143
*Каплан Ф.Е. 405
Капнист, гр. 182
Капнист А.А. см. Чичерина А.А.
Каппа И. 505, 506, 509, 512, 513
Карабийере Ш. 560
Карамзин Н.М. 514
Карепанова М.Н. см. Кузнецова-
Бенуа М.Н.
Карлейль Т. 33, 98
Карницкая Е. 593
Карпова В.Н. 593
Каррик В.В. 8
Карсавин Л.П. 140
Карташев А.В. 394, 465, 574
Катилина 509
Катков М.Н. 41
Катуар Е.А. см. Струве Е.А.
Каутский К. 110
Кауфман А.Е. 9, 34
Кауфман М.С. 9, 98
Качоровский К.Р. см. Кочаров-
ский К.Р.
Кедров Н.Н. 366, 367, 518, 519
Кедрова Е.Н. 518, 519
Кедрова С.Н. см. Гладкая С.Н.
Кельн Г. 249
Кельнич С.М. 452, 453
Керенский А.Ф. 37, 43, 47, 56, 62-
66, 68, 71, 73, 81, 84, 85, 101, 419,
610
Керн К. 140
Кизеветтер А.А. 48, 85, 103, 486,
487

- Кизельштейн Г.Б. 165, 181
 Ким Ю. 151
 Кирова Д.Н. 559
 Кирст, литератор 276
 Клемансо Ж. 257, 335, 359, 555, 556
 Клементьев В. 391
 Клементьева Е. 277
 Клодель П. 309
 Клюев Н.А. 306
 Ключевский В.О. 103, 487
 *Книжный Червь см. Лутохин Д.А.
 Книппер-Чехова О.Л. 365
 Кнорре Е.В. 93
 Княжевич Е.И. см. Арцыбашева Е.И.
 Ковалевский В.И. 88
 Ковалевский М.М. 36, 100, 349-351, 353, 354, 357, 359, 361, 362, 373, 377, 378, 385-387
 Ковалинский В.В. 250
 Коверда Б.С. 394, 395, 465, 466
 Коверда И.С. 465, 466
 Коверда С. 394
 Ковнер В.Я. 151
 Коган А.С. см. Каган А.С.
 Козинцев Г.М. 250, 303
 Козинцева Л.М. 250, 303
 Козинцов М.И. 303
 Козлов И.И. 529
 Кокцов В.Н. 32, 97
 Кокорин П.М. 199
 Кокошкин Ф.Ф. 529
 Колеров М.А. 96, 577
 Колоницкий Б.И. 97, 323
 Колосков П.В. 212
 Колумб Х. 53
 Колчак А.В. 96, 107
 *Кольцов М.Е. 264, 275
 Комболин Ю.И. 7-111
 Коммиссаржевская В.Ф. 364, 390
 Коммиссаржевская О.Ф. 364
 Кондаков С.Н. 166
 Кондратьев, знакомый М.А.Кузина 167
 Кондратьев А.А. 340
 Кони А.Ф. 48
 Коновалов А.И. 21, 91
 Коноплянникова З.В. 366
 Конради М.М. 25, 92, 394, 409, 410, 418, 589, 590, 592
 Константин, архим. см. Зайцев К.И.
 Константин I Великий, имп. 362
 Конфуций 45
 Коральник, лектор 286
 Корейша И.Я. 420
 Корещенко А.Н. 368, 369
 Корзухин И.А. 541
 Кормер В.Ф. 145
 Корнилов Л.Г. 54, 72, 73, 84
 Коровин К.А. 532, 559, 605, 606, 611
 Короленко В.Г. 15, 78, 80, 572
 Коростелев О.А. 542
 *Корсак В.В. 561, 562
 Косинский В.А. 57, 105
 Кост-Вачнадзе М. 559
 Кострица Б.М. 165
 Костров Е. 515, 516
 Котляревский Е.А. 610, 613
 Котляревский Ф.А. 473
 *Котомка Л. 283
 Кочаровский К.Р. 60-62, 106
 Краков П.А. 397
 Крамарж К.П. 32, 96, 610, 612
 Крамарж Н.П. 32
 Крандиевская Н.В. 306, 312, 604, 606
 Кранихфельд В.П. 8
 Красин Л.Б. 42
 Краснов П.Б. 270
 Краснов П.Н. 92, 514, 515, 519, 612
 Красовский, чл. Совета ЖЛАМа 276
 Крейд В. 340, 386, 598
 Кремер И. 593
 Крестинская Л.И. см. Толстая Л.И.
 *Кречетов С. см. Соколов С.А.
 Кривошеины, семья 119

- Кричевский Б.Н. 356, 358
Кромвель О. 42
Кропоткин П.А. 357, 372-374
Кроче Б. 317, 525, 526
Круглая Н. 134
Круглый Л. 134
Крусанов А.В. 186-205, 207, 209, 212, 220, 236
Крученых А.Е. 200, 211
Крыжицкий Г.К. 286, 302, 303, 315
Крымов В.П. 580
Крючков Д.А. 203, 204
Куденхов-Каллерги Р.Н. фон 439
Кузмин М.А. 165-169, 169-185, 285, 606
Кузминский К. 186
Кузнецова-Бенуа М.Н. 368, 369
Кузьмина-Караваева Е.Ю. 304, 306, 307, 309
Кулаковский С.Ю. 484
Кулик, комиссар 301
Кулишер И.М. 88
Кульман Н.К. 572, 576
Кулябко Н.Н. 251
Куниман И. 276
Куприн А.И. 240, 342, 354, 356, 365, 366, 369, 376, 394, 439, 495, 521, 548, 565, 566, 577, 585, 600, 618, 619
Куприна К.А. 439
Куприна М.К. 365, 366, 369
Купченко В.П. 367, 380
Курепов А. 134
Кун Б. 66
Кускова Е.Д. 25, 55-58, 85, 93, 411, 413, 415, 416, 440, 553
Кутепов А.П. 453
Кшесинская М.Ф. 559
Кюфферле П. 342
Кюфферле Р.П. 342, 490, 492, 498, 500, 502, 506, 507, 509, 513, 515, 517, 521, 525, 527-530, 536, 548, 549, 554, 596, 597, 599, 600, 608
- *Л.С. 466
Лавров А.В. 179, 606
Лавров П.Л. 65, 108, 109
Лагардель Г. 347, 355-358, 373
Ладинский А.П. 550, 552
Ладыженский В.Н. 495
Ладыжников, знакомый Арцыбашевских 466
Лазарев Е.Е. 65, 101, 108
Лазаревский Б.А. 299, 495
Ландау М.А. см. *Алданов М.А.
Ландау Т.М. 560, 562, 565, 578, 582, 584, 585, 587, 589, 596, 598, 602, 605, 607, 611, 618-620
Ланде А.С. см. *Изгоев А.С.
Лассаль Ф. 610, 612
*Лацис М.И. 303, 329
Лашкевич см. Журавская З.Н.
Лебедев В.И. 66, 86, 101, 108
Левинсон А.Я. 544
Левицкая А.Н. см. Амфитеатрова А.Н.
Легрэн, франц. консул 157, 158
Ледницкий А.Р. 581
Леже Ф. 263
Лейкинд О.Л. 385
Лекаш Б. 324
Лембич М.С. 616, 617
Лемке М.К. 8
*Ленин В.И. 9, 22, 25, 26, 28, 42, 53, 76, 88, 93, 98, 212, 214, 260, 261, 358, 392, 549
Леонардо да Винчи 515
Леонтьев К.Н. 322
Леонтьев Я.В. 110
Ле-Пле Ф. 43, 45, 101, 102
Ле-Прести И. см. Шаляпина И.И.
Лермонтов М.М. 20
Лермонтов М.Ю. 436, 437, 515, 529, 563
Лесков Н.С. 117
Лесняк В. 118
Лехно, зав. конторой газ. «За Свободу!» 440, 442, 449
Ливен А.П. 608-610
Лившиц Б.К. 199, 200, 276, 286, 295

- Линдквест Я.К. 570
 Линева Д.А. см. *Далин
 Липковская Л.Я. 559
 Лисицкий Л.М. (Эль) 277
 Лиснянская И.Л. 249
 Лисовой Я.М. 592, 593
 Лист Ф. 179
 Лифарь Л.М. 154, 155
 Лобанов-Ростовский Н.Д. 144
 Ло Гатто Э. (Г.Д.) 521, 522, 525,
 527, 529-532, 534-537
 Лозинский М.Л. 218
 Лопатин Г.А. 577
 Лопухина Е. 121
 Лорис-Меликов И.З. 383, 385
 Лосский Б.Н. 115, 393
 Лоуренс Т.Э. 587
 Лохвицкая М.А. 193, 207
 Лубковская М.М. 419, 420, 581,
 583
 Лубковский М.Р. 399, 419, 420,
 471, 580
 Лубковский Р.К. 579, 580
 *Луганов А. см. Вебер-Хирьяко-
 ва Е.С.
 Лукаш И.С. 23, 28, 92, 444, 445,
 495, 514, 515, 611, 617
 Лукиан 266
 Лукомский Г.К. 276
 Луначарская-Розенель Н.А. 244
 Луначарский А.В. 233, 244, 256,
 268, 269, 358, 476, 484, 550, 552
 Лундберг Е.Г. 133
 Лурье А.Г. 250, 252
 Лурье М.Б. 250, 251, 307
 Лурье Ф.М. 397
 Лурье Я.С. 544
 Лутохин А.П. 7, 13, 90
 Лутохин Д.А. 7-13, 13-87, 87-
 111
 Лутохин И.Д. 12
 Лутохин М.Д. 12
 Лутугин Л.И. 8
 Льюис С. 569
 Любарский К.А. 134
 Любин, литератор 276
 Людовик XVI, король 380
- Лядов А.К. 181
 Ляцкий Е.А. 35, 99, 101
- Мавер Дж. 525, 526, 537
 Магидова С.А. 366
 Мадзини Дж. 506
 Мазуренко С.П. 356
 Майн Рид Т. см. Рид Т.М.
 Майони, посол 481
 Макаров В.В. 236
 Макдональд Р. 410, 411
 Макиавелли Н. 41
 Маккавейский В.Н. 266, 276, 286,
 287, 291, 295, 313
 Маккавейский Н.Н. 276
 Маклаков В.А. 64, 107, 364, 365,
 378, 521, 522, 608, 609, 620
 Максвелл Р. 144
 Максимов В.Е. 113, 119, 123,
 135, 153
 Максимова Т. 153
 Малашкин Н.Д. 7
 Малевич К.С. 283
 Малинович, дир. типографии
 155
 Малларме С. 266
 Малмстад Дж.Э. 165, 168, 181,
 472, 475-538
 Малолетков, чл. «Крестьянской
 России» 450
 Малявин Ф.А. 559
 Манакорда Г. 525, 526
 Мандельштам Н.Я. 139
 Мандельштам О.Э. 276, 287,
 290, 291, 306, 315
 Мандзони А. 487, 488, 498, 504,
 512, 513, 516
 Манн Г. 608
 Мансветов Ф.С. 73
 Маразмизин В.Р. 113, 125, 127,
 128
 Маразмизина Т.М. 113
 Маранини П. 530, 532
 *Марвин 405, 415, 418
 Маргерит В. 324
 Марголин С.А. 328-330, 331
 Маргулиес М.С. 14, 56, 87

- Марджанов К.А. 277, 290, 303, 330
 Маринетти Ф.Т. 199
 Мария, королева Югославии 495
 Маркина Г.К. 166, 169
 Марков А.Ф. 208, 220, 239
 Марков В.Ф. 186, 207
 Марков Г. 153
 Марков Н.Е. 25, 28, 37, 465
 Маркс К. 325, 398
 Марсель Г. 499
 Мартынов И.Ф. см. Martynov I.
 Марчиано Дж. 505, 509
 Масарик Т. 32, 65, 75, 83, 343, 610, 611
 Маслов С.Л. 94
 Маслов С.С. 37, 61, 62, 86, 100, 411, 413, 415-417, 447, 450-452
 Массне М.Н. см. Кузнецова-Бенуа М.Н.
 *Мата Хари 587
 Матвеевский С.К. 165-185
 Матисс А. 263
 Маттеотти Дж. 404, 405
 Матюшенский А.И. 356
 Матюшин М.В. 200
 Махно Н.И. 86
 Мащини Дж. см. Мадзини Дж.
 Маяковский В.В. 200, 224, 225, 227, 236, 237, 276, 280-282, 285, 306, 309, 317, 318, 332
 Меда Ф. 505, 508-510, 512, 513
 Межейко, лектор 286
 Мейер, издатель 597
 Мейснер Д.И. 417
 Мелик-Шахназаров А.А. 192, 199
 Меллер В.Г. 277
 Мельгунов С.П. 77, 108, 111, 394, 465, 472, 495, 562
 Мельгунова-Степанова П.Е. 77
 Мельников А.Н. 240, 244, 246
 Мельников П.П. 361, 362
 Мень А., прот. 159
 Мережковский Д.С. 8, 340, 342, 395, 396, 411, 419, 420, 467, 468, 479, 482, 493, 495, 502, 514, 515, 522, 540, 543, 544, 562-564, 566, 569, 570, 575, 585, 599, 600, 604
 Меркурьева В.А. 303-314
 Метт Д.М. 62
 Милани М. 477, 488, 490, 491, 493, 498-502, 504-506, 508, 511-513, 516, 518
 Миллер Е.К. 610, 616
 Мильеран А. 97
 Мильруд М.С. 580, 594, 595, 597, 598, 612
 Милоков П.Н. 24, 37, 50-54, 56, 58, 73, 75, 83, 86, 92, 94, 103-105, 400, 411, 416, 439, 441, 446, 447, 451, 454, 460, 553, 605, 606, 612, 619, 620
 Милоков С.П. 103
 Милокова Н.П. 103
 Мин Г.А. 365, 366
 Минден Дж. 148, 154
 Минин К.М. 20
 *Минский Н.М. 358, 371, 372
 Минцлова А.Р. 385
 Мирабо 364
 Мирзаев А.М. 186-205, 209, 212
 Миролюбов В.С. 216, 446, 458, 459
 Миронов М.П. 600
 Мирский Б. 212
 Митчел Э. 150
 Михаил Александрович, вел. кн. 54
 Михайловский Н.К. 65, 79, 108, 299, 392
 Мишле Ж. 545, 546
 Мнухин Л.А. 559, 560, 565
 Мокульский С.С. 315
 Мольтке А.В. фон 580
 Мольтке Х.И. фон 579-581
 Момзен Т. 20, 90, 182, 183
 Монахов Н.В. 88
 Мондатори А. 529, 573, 575
 Мор Я.Г. 178, 179
 Морозов И.В. 145-147, 149, 152, 154, 159-161
 Морозова В.А. 79, 111
 Морфесси Ю.С. 265

- Мосцицкий И. 458
 Мотт Ж. де ла 604, 606
 Моцарт В.А. 65, 168, 177
 Мошнягер А. 155
 Мрозовская Е.Л. 366
 *Мстиславский С.Д. 328
 Муравьев Н.В. 102
 Муратов П.П. 267
 Мусоргский М.П. 342
 Муссолини Б. 61, 106, 340, 341, 344, 402, 403, 410, 411, 445, 482, 488, 489, 535, 589, 594, 616
 Мухин А.П. 408, 421-424, 428
 Мюллер А.Г. 43, 101
 Мягков А.Г. 392, 393, 398, 411, 420-423, 424-428, 429-435, 436, 437
 Мягкова В.В. 392, 393, 397, 411, 420-422, 424, 426-428, 431, 433-437
 Мякотин В.А. 77, 79, 84, 110
 Мясоедов Н.Н. 171
 Мясоедова Е.Н. 166, 171, 177
 Мясоедовы, семья 169

 Набоков В.В. 143, 518, 520, 547, 574, 597, 599
 Набоков В.Д. 52, 93, 103, 520
 Надсон С.Я. 283
 Назаров М.В. 519
 Наполеон I, имп. 15, 67, 73, 479, 482, 549, 550, 552
 Наумов, меньшевик 319
 Наумов Е.Ю. 181
 Нашимбене Р. 483, 485, 516
 Неандер 484
 *Не-Буква см. Василевский И.М.
 Негри А. 505, 506
 Недошивина Н.А. 122
 Незлобин К.Н. 404
 Некрасов В.П. 153
 Некрасов Н.А. 49, 50
 *Нельдихен С.Е. 219
 Немирович-Данченко Вас.И. 378, 394, 468, 610-612
 Немчинов, эмигрант 133
 Нидерле Л. 403, 404
 Никитина Е.Н. 69
 Никифоров-Волгин В.А. 611, 617

 Николаев Г. 109, 132, 133, 143, 145
 Николаевский Б.И. 97, 350
 Николай II, имп. 23, 26, 362, 380, 382
 Николай Александрович, вел. кн. 47, 102
 Николай Николаевич, вел. кн. 32, 33, 402, 403, 440, 441, 447, 454, 466
 Никольская Т.Л. 207, 208, 210
 Никольский Ю.А. 89
 Никонов М.З. 341, 609, 612, 613
 Никритин, художник 276
 Никулин Л.В. 262, 275, 276, 278, 295
 Ницше Ф. 33, 130, 496
 Новиков Н.И. 516, 545, 546
 Новосильцев Н.Н. 587
 Нусберг Л. 151, 152

 Обатнина Е.Р. 215
 Оболенский В.А. 495
 Оболенский С.С. 588
 Огурцов И.В. 132
 *Одинокый Л. 215
 *Одоевцева И.В. 542
 Озолин Н. 118
 Ойетти У. 521, 522
 Окуджава Б.Ш. 149
 *Олесь А. 334
 *Олимпов К. 186, 187, 188-197, 198-242, 245-247
 Олсуфьева М.А. 132
 Ольденбург С.С. 28, 94
 Ольденбург С.Ф. 94
 *Оредеж И. см. Лукаш И.С.
 Орлова А.И. 367, 387
 Осипов В.П. 522
 *Осоргин М.А. 77, 111, 551, 566, 578-580
 Остен-Сакены, семья 119
 Островский А.Г. 208
 Оттокар Н.П. 483, 485, 516, 525, 527
 Оцуп А.А. см. *Горный С.
 Очеретянский А. 186

- Павел I, имп. 260, 543-546, 551, 561
 Павлов А.А. 560
 Павлов Н.Ф. 216
 Павлова Т. 536
 Павловский, режиссер 559
 Павловский С.Э. 421, 422, 424, 429
 Паволнин П.Э. 525, 526
 Пален П.А. 545, 546
 Панин Н.И. 545, 546
 Панютин Г.С. 559
 Папини Дж. 317, 525, 526, 579, 581
 Парк Р. 45, 102
 Парнис А.Е. 208
 Паскаль П. 135
 Пасманик Д.С. 391, 432, 435, 439, 442, 447, 451
 Пассек А.В. 479, 480
 Пассек Е.В. 480
 Пастернак Б.Л. 315
 Пастонки Ф. 525, 526
 Пастухов П.Г. 262
 Пахмусс Т.А. 564
 Пашич Н. 469
 Певный, сотр. газ. «За Свободу!» 443
 Пеги Ш. 254-258
 Пеллико С. 505
 *Перец 291
 Перикл 222
 Пестель П.И. 322
 Петерс Я.Х. 241, 303
 Петефи Ш. 250
 Петлюра С.В. 264, 335
 Петр I, имп. 514, 515, 580
 Петр Александрович, принц Ольденбургский 189, 245
 Петрарка Ф. 491, 492, 504, 505
 Петров В. 286
 Петров Г.С. 8
 Петров М.П. 62
 Петров С.С. см. *Грааль-Арельский
 Петрова А.М. 379, 380, 382, 386
 Петрово-Соловово, семья 182
 Петровский Д.В. 234, 239, 465
 *Петроградский, поэт 277
 Петрицкий А.Г. 277, 335
 Петрищев А.Б. 55, 63, 104
 *Печальный В. см. Позняков Н.И.
 *Печорин Л. см. Эренбург Л.Г.
 Пешехонов А.А. 83, 111
 Пешехонов А.В. 36, 55, 57, 58, 61, 67, 74-86, 99, 110, 111
 Пешехонов Б.А. 82, 111
 Пешехонов В. 78
 Пешехонов К.В. 82, 111
 Пешехонова А.Ф. 55, 77, 83, 111
 Пикар, издатель 384, 385
 Пикар, подполк. 579, 580
 Пикассо П. 258, 263, 280, 282, 284, 316, 317
 Пикфорд М. 83, 111
 Пиленко А.А. 32, 96, 97, 620
 Пилсудский Ю. 388, 396, 456-458, 560
 *Пильняк Б.А. 7, 10, 24, 48, 475, 558
 Пильский П.М. 268, 519, 540, 610, 613-616, 619
 Пименовы, семья 8
 Пихно Д.И. 17, 89
 Пишегрю Ш. 560, 561
 Платон 45
 Платонов С.Ф. 612
 Плева В.К. 26
 Плевацкая Н.В. 610, 616
 Плеханов Г.В. 26, 352, 357
 По Э.А. 520
 Победоносцев К.П. 36, 44, 47, 351
 Поволоцкий Я.Е. 553, 554
 Погодин С.Н. 349
 Подвойский Н.И. 315
 Подгурская К. 166, 167, 175-179
 Пожарский Д.М. 20
 Познер В.С. 572, 584, 585
 Познер С.В. 404, 405, 571-573, 585
 Позняков (Поздняков) Н.И. 216-220, 225
 Полевой Н.А. 514
 Полнер С.И. 77

- Полнер Т.И. 77, 111, 465
 Полонская Е.Г. 304
 Полторацкий Н.П. 97
 Полунин А.П. 92, 589, 590
 Поляков, чл. совета ХЛАМа 276
 *Поляков-Литовцев С.Л. 532
 Попов В.В. 300, 302
 Поппер Б. 517, 518
 Португалов В.В. 390-392, 398, 399, 401, 405, 406, 412-415, 417, 418, 429, 440, 444-455, 457, 463, 467
 Португалов В.О. 392, 417
 Посохов, адвокат 112
 Постников С.П. 68, 109, 110, 542
 Потапенко М.А. 368, 369
 Прайер, издатель 384, 385
 Пресман Н. 288
 Прибыльская Е.И. 335
 Пристли Дж.Б. 561, 562
 Прокопович С.Н. 55-58, 60, 94, 104-106, 413
 Проппер С.М. 360, 362
 Пружанский А.М. 583
 Пруст М. 563, 564
 Пуанкаре Р. 585
 Пуччини Дж. 523
 Пуччини М. 521, 523
 Пушкин А.А. 567, 568
 Пушкин А.С. 179, 207, 216, 224, 267, 283, 285, 300, 322, 332, 335, 342, 477, 481, 507, 508, 514, 515, 521-537, 545, 546, 567, 568, 575, 580
 Пушкина Е.А. см. Розенмай-ер Е.А. фон дер
 Пьер А. 557, 558
 *Пяст В.А. 8, 208, 236, 367
 Пятаков Г.Л. 315

 Рабинович И.М. 276
 Радецкий Ф.Ф. 519
 Раджио, лит. агент 438, 458
 Раев М.И. 564
 Раевская-Хьюз О. 7, 97
 Развозов А.В. 136
 Разумовский А.К. 560

 *Райская см. Амфитеатрова И.В.
 Райцхаум А.Л. 585
 *Ракитин Ю.Л. 559
 Раковский Х.Г. 315
 Раллес М.Е. 123
 Раппопорт А. 276
 *Распутин Г.Е. 132, 321
 Ратенау В. 18, 89, 587
 Рафалович А.Л. 88
 Рахманинов С.В. 532, 578, 582
 Ребиндер А.А. 120, 149
 Ребиндер С.А. 149
 Регинин В.А. 264
 Резникова И.А. 612
 Рейлли С. 393
 Рейн Р.А. см. *Абрамович Р.А.
 Рейнеке К. 250
 Рейснер Л.М. 313
 Рейснер М.А. 356, 358, 359, 373-375
 Рейхесберг, лектор 373
 Ремарк Э.М. 561, 562
 Рембо А. 280, 316
 Ремизов А.М. 215, 283, 290, 296, 318, 329, 342, 495, 532, 566, 569, 577, 589
 Ренан Ж.Э. 541
 *Репейников Ф. см. Лутохин Д.А.
 Репин И.Е. 189, 197, 207, 210, 223, 227, 237, 424, 497
 Рескин Дж. 33, 98
 Респиги О. 532, 533, 536, 549, 584
 Ривера Д. 263, 302
 Рид Т.М. 464
 Ризер В. 123, 138
 Рильке Р.М. 266
 Римский-Корсаков Н.А. 181, 342, 541
 Рихтер И. 219
 Ришелье Э.О. де 587, 588
 Робеспьер М. 42, 364, 550, 551
 Родов С.А. 277
 Рождественская М.В. 218
 Рождественский В.А. 218
 Рожицын, публицист 297, 298
 Розанов В.В. 8, 130, 268-270, 344, 476, 522

- Розанова В.Д. 8
 Розанова М.В. см. Синявская М.В.
 Розенберг В.А. 49, 55, 103
 Розенмайер Е.А. фон дер 567, 568
 Розовский М.Б. 405
 Роланд, франкский маркграф 259, 261
 Роллан Р. 254-258, 324
 Ромов С. 356
 Ронсар П. 287
 Россель Л.В. 65
 Ростовцев М.И. 40, 41, 101, 525, 526
 Рошаль Г.Л. 276
 *Рощин Н. 495, 520, 611, 617
 Рубакин А.Н. 103
 Рубакин Н.А. 50, 103
 Рубашкин А.И. 270, 320
 Рубенштайн Дж. 248
 Рубинштейн А.Г. 603
 Рубинштейн Н.Г. 603
 Руднев В.В. 110, 563, 564
 Рузский Д.П. 21, 91
 Русаков В.М. 568
 Русанов Н.С. 67, 109
 Рухлов С.В. 23, 92
 *Рыбаков В. 113
 Рыбакова, домовладелица 363
 Рыбинский Н.З. 468, 469, 559
 Рыков А.И. 244
 Рыльский М.Ф. 334
 Рысс П.Я. 264, 465
 Рябушинский П.П. 107
 Сабашникова М.В. 367, 377-380, 382, 386
 Сабина М.В. 8, 25, 93
 Савинков Б.В. 73, 138, 267, 340, 341, 388-393, 396, 397, 400, 401, 403, 405-409, 411, 412, 417, 419-437, 441, 452, 471, 593, 607
 Савинков В.В. 397, 421, 424, 430
 Савинкова В.В. см. Мягкова В.В.
 Савинкова С.А. 397, 471, 474
 Савинкова С.В. см. Турчинович С.В.
 Савицкий П.Н. 29, 95
 Сагайдачный П.К. 86
 *Салтыков-Щедрин М.Е. 376, 497, 580
 Сандомирский М. 276
 Свирский А.И. 365, 366, 438
 Свитич А.К. 460, 461, 470
 Святополк-Мирский П.Д. 360, 361
 Северюхин Д.Я. 385
 *Северянин И. 186, 187, 191, 193-195, 197, 199-204, 206, 207, 216, 223, 232, 237-239, 285, 287, 293, 333, 334, 493, 495
 Седенко Ф.И. см. *Витязев П.
 *Седых А. см. Цвибак Я.М.
 Сеземаны, семья 119
 Сейфуллина Л.Н. 48, 102, 103
 Семенко М. 332, 334
 Семенов В.И. 466
 Семенов Ю.Ф. 32, 97, 588
 Семенов, художник 276
 Сен-Симон К.А. де Р. 87
 Серао М. 579, 581
 *Серафимович А.С. 103
 Сервантес Сааведра М. де 282, 283
 Сергеев А.А. 439
 *Сергеев-Ценский С.Н. 522
 Сергей Радонежский 37, 137, 488, 489, 491, 498, 512, 513, 515, 516
 Серджи Дж. 479, 482
 Серебрянников Н.С. 454, 455, 467
 Сильвестр, архиеп. 137
 Симанский П.Н. 472
 Синявская М.В. 123, 138, 143, 144
 *Сирин В. см. Набоков В.В.
 Скарпелли Ф. 383, 385
 Скоблин Н.В. 610, 616
 Скворода Г.С. 281
 *Скорбный А. см. Смиренский В.В.
 Скоропадский П.П. 95, 96, 102, 105, 321, 323
 Скороходов А.К. 213
 Скотт В. 514, 544

- Скражинский, монархист 469
Скрябин А.Н. 280, 316, 541, 594
Сладкопевцев В.В. 303
Слащев Я.А. 484
Слепян В. 125-128, 130
*Словцов Р. см. Калишевич Н.В.
Слоним М.Л. 65-68, 101, 107, 109, 551, 573, 575
Смелов В.А. 91
Смиренский Б.В. 215, 217-220, 225
Смиренский В.В. 211, 212, 215-220, 220-234, 235-241, 243, 244, 246
Смирнов К.М. 118
*Сморозин С.В. см. Никонов М.З.
Снадзский А.А. см. Яблоновский
Соболевский В.М. 79, 111
*Соболь А.М. 262, 275, 277, 315
Соковнин, знакомый М.А. Кузмина 166
Соколов В.Т. 345
Соколов Г.Г. 416
Соколов С.А. 92, 195, 203, 519
Соколова И.В. см. Амфитеатрова И.В.
Солженицын А.И. 139, 145-148, 150, 152, 475
Солженицыны, семья 115, 117
Соловьев В.С. 37, 137, 266, 293
Соловьев Н.Ф. 181
Сологуб М.А. 121
*Сологуб Ф.К. 196, 215, 217, 285, 290
Солоневич Б.Л. 131
Соммер Я.И. 303
Сорокин А. 36
Сорокин П.А. 7, 9, 10, 15, 25, 28, 33-46, 50, 68, 87-89, 98-102, 416
Сорокин Т.И. 309, 312
Сорокина Е.О. 309, 312
Сорокина Е.П. 35, 38, 98
Сорокина П.В. 36, 100
Сорокины, семья 35, 36
Сорочин М. 249
Спартак 66
Спасская Е.Ю. 301
Сперанский М.М. 557, 560
Спиноза Б. 552
Спир А. 270-274
*Сталин И.В. 244, 267, 281, 460
Сталинский Е.А. 66, 67, 108, 109
*Станиславский К.С. 15, 87
Стараче А. 504, 505
Старк Э.А. 366
Старментова А.Ф. см. Пешехонова А.Ф.
Старцев В.И. 350
Статковский П.С. 367
*Стеклов Ю.М. 42
Степанов Е.Е. 169
Степанов Н.Ю. 95
Степанова П.Е. см. Мельгунова-Степанова П.Е.
Степун Ф.А. 267
Стивенсон Р.Л. 520
Столица Л.Н. 299
Столица С.Е. 166, 167
*Стопник см. Лутохин Д.А.
Столыпин А.А. 361, 362, 619, 620
Столыпин П.А. 20, 22, 47, 362
Стравинский И.Ф. 342
Стрегуновский, художник 276
Строганов П.А. 587, 613
Струве Г.П. 7, 16, 28, 88, 89, 92, 97, 109, 115, 139
Струве Е.А. 121
Струве М.А. 116, 117, 121, 140
Струве Никита А. 113-119, 121, 122, 128, 137-141, 145-147, 150, 152, 155, 158-161
Струве Нина А. 27, 94, 347, 348
Струве П.Б. 16, 25-33, 47, 59, 86, 93-97, 139, 341, 347, 348, 362, 364, 417, 435, 439-441, 460, 461, 566
Суворин А.А. 341, 351, 352, 354, 363, 375-377, 383, 384
Суворин А.С. 141, 471, 521
Суворин Б.А. 96, 299-301, 341, 453, 616, 617, 619
Суворин М.А. 341, 408, 438, 440, 468, 469, 559
Суворов А.В. 545, 546, 551
Судрабс Я.Ф. см. *Лацис М.И.

- Суперфин Г.Г. 97
 *Суханов Н. 14, 87
 Сухомлин В.В. 65, 66, 101, 108, 109
 Сухомлинов, чл. Совета ХЛАМА 276
 Сухомлинов В.А. 321
 Сухотина-Толстая Т.Л. 606
 Сытин И.Д. 141
 Съейес Э.Ж. 42, 101
 Сюарес А. 254
- Таборисский (Таборицкий) С. 93
 Талейран Ш.М. 42
 Тарановский Ф.В. 468
 Тарле Е.В. 358
 Татлин В.Е. 317
 Телешов Н.Д. 49, 103
 Теогнис 45
 *Теос 194, 195, 201, 202, 207, 209
 Терапяно К. 276, 291
 Терещенко М. 332
 Тернавцев В.А. 8
 Тесленко Н.В. 559
 Тик Л. 172
 Тильгер А. 528, 529
 Тильмон В. 572, 574
 Тименчик Р.Д. 179, 218, 472, 606
 Тимковская Т.А. 13
 Тимонов В.Е. 21, 90
 Тимофеев А.Г. 165-167, 171-177, 179, 181
 Тимофеев А.П. 131, 133
 Тимченко И.С. 215, 217
 Тиняков А.И. 238
 Титбол, представитель YMCA 147, 148
 Тихомиров Л.А. 36, 100
 Тихонов В.А. 369
 Тихонова Е. 369, 370
 Толль А.Н. 621
 Толмачев М.В. 340, 502
 Толстая Л.И. 604, 606
 Толстая-Крандиевская Н.В. см. Крандиевская Н.В.
 Толстой А.К. 172, 184, 185
- Толстой А.Н. 302, 312, 484, 579, 580, 604, 606, 608, 609
 Толстой Л.Н. 130, 208, 209, 251, 452, 472, 475, 515, 541-546, 548, 549, 552, 558-560, 563, 575, 581, 587, 596
 *Толстый, актер 134
 *Торнаги И. см. Шаляпина И.И.
 Трепов Д.Ф. 362
 Тривас В. 608
 *Троцкий Л.Д. 23, 27, 213, 214, 245, 259, 460
 Трубецкой Е.Н. 566
 *Трубников П. см. Пильский П.М.
 *Туберозов см. Свитич А.К.
 Тупылева Л.К. см. Фофанова Л.К.
 Тургенев И.С. 342
 Тургенева Д. 219
 Туржанский В.К. 559, 560
 Турчинович П. 397, 452, 471
 Турчинович С.В. 397, 398, 427, 469-472, 473, 474
 Тыркова А.В. 25-27, 95, 521, 528, 570
 Тычина П.Г. 333-335
 Тышлер А.Г. 276
 Тэн И. 182, 183
 *Тэффи Н.А. 342, 495, 521, 532, 535, 537, 539, 542, 565, 570, 572, 578, 594, 600, 604, 605, 607, 608, 610, 611, 618, 619
 Тюрин А.Н. 439
 Тютчев Ф.И. 300, 302, 322
- Уваров, гр. 392
 Уитмен У. 270, 271, 356
 Успенский Г.И. 60, 106
 Устинова-Фофанова Е.К. 239
 Ухтомский Э.Э. 361, 362
 Ушаков Н.Н. 286-288
 Узбб Б. см. Вебб Б.
 Узбб С. см. Вебб С.
- Фаррар Ф.В. 174
 Фауст М. 122
 Федин К.А. 10

- *Федоров А.П. см. Мухин А.П.
 Федоров М.М. 465, 521, 522, 527,
 533-535
 Федоров М.П. 107
 Федоров Н.Я. см. *Рошин Н.
 Федотов Г.П. 140
 Фейсал, король 587
 Фельштинский Ю.Г. 350
 Фемистокл 222
 Феноменов М.Я. 61
 Ферри Э. 346, 359
 Физ Б.Ю. 159, 160
 Филиппов А.И. 96, 453
 *Филиппов Б.А. 139
 Филлиппс, сторож 132
 Филонов С. 495
 Философов Д.В. 367, 391, 392,
 394-398, 401-404, 406-416, 418-436,
 438-440, 443-446, 448-452, 454, 456-
 458, 461, 463, 466-468, 469-473,
 565, 566, 583, 585, 594
 Финк В.Г. 275
 Флейшман Л. 7, 97
 Флобер Г. 497, 554
 Флоренский П.А. 121, 140
 Флоровский Г.В. 29, 94, 95, 140
 Фомичев И.Т. 408, 421, 422, 424,
 429
 Фондаминский И.И. 110, 564,
 572, 576
 Форд Г. 36, 562
 Формики К. 525, 526, 529, 530,
 534, 536
 Фофанов Б.К. 197
 Фофанов И.И. 198
 Фофанов К.К. см. *Олимпов К.
 Фофанов К.М. 189-194, 196-199,
 201, 202, 204, 207-210, 215, 217,
 219-221, 223, 224, 228, 231-233,
 236-238, 245
 Фофанов П.М. см. *Теос
 Фофанова А.К. 234
 Фофанова В.К. 234
 Фофанова Л.К. 189, 233, 238
 Фохт К.В. 178, 179
 Франк С.Л. 140, 484, 526
 *Франс А. 324, 355, 439, 541
 Франциск Ассизский 274, 488, 489,
 491, 498, 512, 513, 515, 516, 600
 Фрезинский Б.Я. 248-335
 Фридман М.И. 95
 Фридман С.Л. 288
 Фуке Ф. де ла М. 172
 Фуше Ж. 544-546
 Фэрбенкс Д. 83, 111
 Хаксли О.Л. 561, 562
 Ханзер К. 604, 606
 Ханцин, композитор 276
 Харди Т. 587
 Харун И.А. см. Сильвестр,
 архиеп.
 Хаскел У. 98
 Хвостенко А.Л. 134
 Хейфец, лектор 276
 Хейфиц К.П. 559
 Хемингуэй Э. 128
 Хирьяков А.М. 466, 470, 472
 Хирьякова Е.А. 473
 Хлебников В.В. 200, 211, 222,
 231, 234, 235, 239, 284, 317
 Хлудова В.А. см. Морозова В.А.
 Хмара Г.М. 608
 Ходасевич В.Ф. 267, 523, 524,
 566, 579, 602
 Ходский Л.В. 348
 Холидей Дж. 150
 Холявинский С.Н. 240, 244, 246
 Хомяков А.С. 117
 Храбровицкий А.В. 619
 *Хрущов П. см. Пильский П.М.
 Хьюз Р. 7, 97
 Цветаева М.И. 306, 307, 459, 532
 Цвибак Я.М. 548, 549
 Цейдлер Г.Ф. 592, 593
 Целков О.Н. 116
 Цетлин М.О. 305, 312
 Цетлина М.С. 312
 Цицерон 175, 509
 *Чаадаев Н. 42, 101
 Чаадаев П.Я. 329
 Чайковский Н.В. 357, 416

- Чайковский П.И. 172, 602, 603
 Чалидзе В.Н. 153, 154
 Чарный М.Б. 535
 Чаянов А.В. 94, 104
 Чеймот А.Э. 555, 556
 Челинцев А.Н. 61, 106, 107
 Чернин О. 259
 Чернов В.М. 43, 57, 58, 62, 64, 67-76, 85, 86, 109, 110, 411, 416, 448, 452
 Чернова И.С. 72
 Черный К.К. 480, 482, 483
 *Черный С. 57, 342
 Чернышев А.А. 544, 551
 Чернышев В., прот. 131
 Черняк Я.З. 276, 295
 Черчилль У. 549, 550
 Ческис, комиссар 300
 Чехов А.П. 390, 508
 Чимишкян С. 165
 Чинарова, актриса 250
 Чинелли Д. 579, 581
 Чириков Е.Н. 36, 48, 100, 299, 495
 Чичерин А.В. 177, 181
 Чичерин Б.Н. 167, 168, 180-182
 Чичерин В.Н. 176
 Чичерин Г.В. 165-183, 185
 Чичерина А.А. 180, 181, 183
 Чичерины, семья 167
 Чуваков В.Н. 97
 *Чуковский К.И. 188, 198, 226, 307
 Чулков Г.И. 267
 Чупров А.А. 13, 59, 60, 106
 Чупров А.И. 60, 106, 349, 373
 Чупрова Е.И. см. Амфитеатрова Е.И.
 Шабельский-Борк П.Н. 520
 Шагинян А. 134
 Шаляпин Ф.И. 368, 369
 Шаляпин Ф.Ф. 563, 564
 Шаляпина И.И. 368, 369
 Шанцер, влад. кинотеатра 330
 Шаховская З.А. 113, 119
 Шварсалон В.К. 522
 *Шевиль см. Савинкова С.А.
 Шевченко Е.С. 394, 407, 412, 414, 415, 417, 421, 428, 445, 448-451, 456, 464, 470, 473
 Шевченко Т.Г. 334
 Шевырев С.П. 34, 98
 Шевырин В.М. 349
 Шейнин О.Б. 106
 Шекспир У. 185, 582, 584
 Шелль, ресторатор 77
 Шерон Ж. 340, 473, 474, 502
 *Шестов Л.И. 130, 133, 266, 297-299
 Шиллер Ф. 491
 Шингарев А.И. 62, 107, 259
 Широков П.Д. 203, 204
 Шифрин Н.А. 276, 303
 Шишенин, поэт 298
 Шкаренков Л.К. 90
 Шкловский В.Б. 236
 Шлецер Б.Ф. 589, 594, 596, 600, 602
 Шлиффен, издатель 604, 606
 Шмаков Г.Г. 174
 Шмелев И.С. 342, 462, 495, 521, 532, 539, 563, 566, 572-574, 589, 594, 596, 599, 600, 605, 609, 611, 619
 Шмеман А.Д. 120, 137, 139, 159
 Шмидт Е.О. см. Сорокина Е.О.
 Шмоллер Г. 20, 90
 Шонинг Ф. 587, 604, 606
 Шостакович Д.Д. 315
 Шпильгаген Ф. 548, 549
 Шполянский А.П. см. *Дон Амико
 Шрейдер Г.И. 67, 73, 108, 109
 Шрейдер Е.Н. 73
 Штейн В.М. 88
 Штейн Э.А. 152
 Штейнер Р. 378, 379
 Штембер Е.И. см. Збруева Е.И.
 Штраус Р. 582
 Шубин, лектор 276
 Шульгин Вас.Вит. 16-20, 89, 90, 97, 138, 315, 324-328, 330, 331
 Шульгин Вен.Вас. 17, 89

- Шульгин В.Я. 17
 Шуман Р. 180
 Шумихин С.В. 89, 111, 165, 306, 366, 408, 468, 547
- Щеголев П.Е. 350, 351
 Щепкина Е.Н. 8
 Щербатов М.М. 61, 106
 Щетинские, семья 119
 Щетинский В. см. *Рыбаков В.
- Эйзенштейн С.М. 83
 Эйхгорн Г. фон 323
 Эйшишкин, меньшевик 319
 Экстер А.А. 262, 266, 277, 335
 *Эль Греко Д. 283
 Энно Э. 275, 323
 Эппель А. 149
 Эрве Г. 355, 356
 Эренбург А.Б. (Х.Б.) 248, 249, 252, 253
 Эренбург Г.Г. 248, 249, 252
 Эренбург Г.И. 248-250
 Эренбург Е.Г. 249
 Эренбург Изабелла Г. 249
 Эренбург Илья, прадед писателя 249
 Эренбург Илья Г. 248-253, 253-335
 Эренбург И.З. 249
 Эренбург И.И. 248, 249, 309
 Эренбург И.Л. 249
 Эренбург Л.Г. 250
 Эренбург М.Г. 249
 Эрман, издатель 603
 Эррио Э. 410, 411
 Эткинд Е.Г. 123
 Эфрон С.Я. 459
- Юденич Н.Н. 388
 Юлий Цезарь 479
 Юренева В.Л. 290, 615
 Юшкевич Н. 593
- *Я. см. Яблонский Н.Ф.
 Яблоновский А.А. 33, 97, 460, 461, 468, 581, 583, 585, 586
- Яблонский Н.Ф. 300, 301
 Язгунович, литератор 276
 Яковлев, управляющий изд-ва «Слово» 576
 Якопо да Вараджине 486, 489
 Янгиров Р.М. 104, 560, 570
 Янечек Д. 186
 Ярослав Мудрый 552
 Ярошенко В.М. 276, 277, 286, 334
 Ярошенко С.А. см. Савинкова С.А.
 Ясинский В.И. 55, 105
 Ясинский И.И. 208, 236, 615
 Ячменева П.В. см. Сорокина П.В.
 Ященко А.С. 7
- ***
- A'Correa R. 499
 Anagnine E. 537
 Anemone A. 186, 215
 Anguissola G. 597, 598
 Biolato Mioni A. 537
 Bodin J. см. Боден Ж.
 Bompiani, издатель 342
 Burgess E. см. Богардус Э.
 Cajola V. 537
 Carabba G. 531
 Chamot A.E. см. Чеймот А.Э.
 Cinelli D. см. Чинелли Д.
 Damiani E. 537
 De Michelis C.G. 186, 207, 501
 De Nava G. см. Де Нава Дж.
 Dmitrevskii, фондообразователь 354
 Dolghin-Badoglio V. 491
 Druget, знакомый Амфитеатровых 368
 Du Bos Ch. см. Дю Бос Ш.
 Gancikov L. 537
 Gasparini E. 537
 Giusti W. 537
 Hayes, проф. 43
 Hobbes T. см. Гобс Т.
 *Homunculus см. Заславский Д.И.

- Izvol'ski H. 498
*K. 397
Knopf A.A. 556
Lac J. 505
Locatelli, издатель 507
Martynov I. 186, 215
Mirville J.-E. de 493, 494
Morici G. 537
Naldy, переводчица 458
*Neuvecelle J. см. Иванов Д.В.
*Old Lady см. Амфитеатрова И.В.
Orano P. 480, 482
Park R. см. Парк Р.
Pierre A. см. Пьер А.
Poggioli R. 537
Prayer см. Прайер, издатель
Richter J.P. см. *Жан Поль
Rovinelli A. 549
Scarpelli см. Скарпелли Ф.
Sergi G. см. Серджи Дж.
Silvagni U. 482
Tchimichkian S. см. Чимишкян С
Vallerini A. 507
*W. 395
Wiese L. von см. Визе Л. фон
Williams R.C. 547

АННОТАЦИИ

В о с п о м и н а н и я

Д.А.Лутохин. ЗАРУБЕЖНЫЕ ПАСТЫРИ. Вступ. ст. и публ. Ю.И.Комболина, комм. А.Л.Дмитриева и Ю.И.Комболина.

Литератор и экономист, многолетний знакомый М.Горького рассказывает о своих встречах в Праге и Берлине в 1922-1927 с политическими и общественными лидерами русской эмиграции — В.В.Шульгиным, А.И.Гучковым, П.Б.Струве, П.А.Сорокиным, П.Н.Милюковым, Е.Д.Кусковой, С.Н.Прокоповичем, В.М.Черновым, А.В.Пешехоновым и др. В комментариях — многочисленные справки о деятелях эмиграции — ученых, публицистах, политиках и др. 7 + 73 + 24 с.

Владимир Аллой. ЗАПИСКИ АУТСАЙДЕРА.

Продолжение начатого в предыдущем выпуске повествования. Автор — журналист, редактор, издатель — рассказывает о малоизвестных сторонах эмигрантской действительности 1970-1980-х: история и деятельность Русского студенческого христианского Движения, отношения между разными «волнами» эмиграции, парижский быт, русская колония в Риме, работа издательства ИМКА-Пресс, журнала «Вестник РХД» и др. 50 с.

И з и с т о р и я л и т е р а т у р н о й ж и з н и

ПИСЬМА М.А.КУЗМИНА С.К.МАТВЕЕВСКОМУ. Вс. ст., публикация и прим. Н.А.Богомолова.

Сведения о юных годах поэта, известные до сих пор лишь по его кратким воспоминаниям и переписке с Г.В.Чичериным, дополняются семью его письмами к другому гимназическому приятелю. Описания лета 1890, проведенного на ревельском взморье, и следующего — в чичеринском имении Караул — являются фоном авторских медитаций на личные, творческие и нравственные темы. 4 + 17 с.

Константин Олимпов. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭГОПОЭЗИИ ВСЕЛЕНСКОГО ФУТУРИЗМА. Публикация А.В.Крусанова и А.М. Мирзаева.

Автобиографический текст лидера одного из футуристических течений рассказывает об истории движения, отношениях с И.Северянином, И.Иг-

натьевым, Г.Ивановым. В комментариях, помимо справок об упоминаемых лицах и реалиях, приведены малоизвестные программные документы эгофутуристов. 2 + 10 + 8 с.

ИЗ ИСТОРИИ ЭГОФУТУРИЗМА: МАТЕРИАЛЫ К ЛИТЕРАТУРНОЙ БИОГРАФИИ КОНСТАНТИНА ОЛИМПОВА. Публикация А.Л.Дмитренко.

Обстоятельно документированный биографический очерк о поэте, воспоминания о нем его младшего современника В.Смиренского и в приложении — материалы следственного дела, по которому оба привлекались в 1930-1931, рассказывают о малоизвестных аспектах петроградской литературной жизни. 15 + 14 + 5 + 8 с.

Борис Фрезинский. ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ В КИЕВЕ (1918-1919).

Собрание забытых публицистических и критических выступлений писателя, рельефно отражающих сложность его позиции в калейдоскопе сменяющих друг друга политических режимов. Дополнительно: письма Эренбурга к В.Меркурьевой, неизвестное выступление Л.Шестова. В комментариях — контекст личных и литературных отношений, подробности общественной и художественной жизни на Украине времен Гражданской войны. 88 с.

И з л и ч н ы х а р х и в о в
(Редактор-составитель раздела Э.Гарэтто)

Э.Гарэтто. ДВЕ ЭМИГРАЦИИ ПИСАТЕЛЯ АМФИТЕАТРОВА.

Предисловие к разделу посвящено преимущественно второй эмиграции А.В.Амфитеатрова, дом которого на лигурийском побережье в 1922-1938 стал одним из важных центров антибольшевистской активности. 6 с.

Э.Гарэтто. ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ ПАРИЖА. К биографии А.В.Амфитеатрова (1904-1907).

Материалы амфитеатровского архива о начале его дореволюционной эмиграции: русская колония в Париже в 1905-1907, связи с французскими социалистами, вольные школы общественных наук, масонские организации, поездка в Петербург в 1905, журнал «Красное знамя» и др. В приложении — переписка писателя с женой и отцом, письма к нему от С.А.Андреевского, Л.Н.Андреева, Н.М.Минского, амфитеатровские письма к Е.В.Аничкову и П.А.Кропоткину и др. 15 + 17 с.

ПЕРЕПИСКА А.В.АМФИТЕАТРОВА И М.А.ВОЛОШИНА. Публикация Н.Ю.Грыкаловой.

В пяти письмах поэта 1905-1906, помимо деталей его литературного сотрудничества с представителями демократического лагеря, представлен

характерный для Волошина обобщенный, «эзотерический» взгляд на русскую революцию, включая ее наиболее острые аспекты (проблему царевубийства). 5 + 6 с.

АМФИТЕАТРОВ И РУССКИЕ В ПОЛЬШЕ (1922-1932). Публикация Д.И.Зубарева.

Среди центральных тем публикуемой переписки (34 письма к писателю и два ответных) — арест Савинкова и его покаяние на суде; внутриредакционные разногласия в газете «За Свободу!» — главном органе непримиримого эмигрантского активизма; конфликты между М.П.Арцыбашевым, В.В.Португаловым и Д.В.Философовым; убийца Воровского — Б.Коверда, смерть Арцыбашева, драматическая судьба сестры Савинкова — С.В.Турчинович. В комментариях — обширные справки о малоизвестных деятелях русской диаспоры в Польше. 11 + 76 с.

А.В.АМФИТЕАТРОВ И В.И.ИВАНОВ: ПЕРЕПИСКА. Предисловие и публикация Джона Малмстада.

Среди тем переписки: жизнь русских в Италии, литературные взгляды корреспондентов, попытки Вяч.Иванова устроить амфитеатровскую лекцию в Павии, пушкинский юбилей 1937 г. в Италии. 4 + 60 с.

«ПАРИЖСКИЙ ФИЛОСОФ ИЗ РУССКИХ ЕВРЕЕВ». Письма М.Алданова к А.Амфитеатрову. Публикация Э.Гарэтто и А.Добкина.

Творческая лаборатория Алданова-романиста, литературный и политический быт русского Парижа, борьба вокруг Нобелевской премии Бунину, алдановские хлопоты о товарищах по литературному цеху и др. В комментариях — справки об упоминаемых лицах и реалиях, библиографические сведения, фрагменты писем к Амфитеатрову от А.И.Гучкова, М.С.Мильруда, П.Б.Струве, Б.А.Суворина и др. 4 + 79 с.

ABSTRACTS

M e m o i r s

D.A.Lutokhin. ALIEN PASTORS. Prefaced and edited by Yu.I.Kombolin. Annotations by A.L.Dmitriev and Yu.I.Kombolin.

A man of letters and economist, being a long-time acquaintance of M.Gorky, recalls his meetings in Prague and Berlin in 1922-1927 with the leading political and public figures of the Russian emigration, such as V.V.Shulgin, A.I.Guchkov, P.B.Struve, P.A.Sorokin, P.N.Miliukov, E.D.Kuskova, S.N.Prokopovich, V.M.Chernov, A.V.Peshekhonov and others. The annotations include numerous biographic references to Russian emigre scholars, publicists and others. 7 + 73 + 24 pp.

Vladimir Alloy. MEMOIRS OF AN OUTSIDER.

This continues the publication, started in the previous issue of the anthology. Its author, a journalist, editor and publisher, gives an account of some little known aspects of the Russian emigre life in 1970s-1980s. Among the subjects touched upon are the history and activities of the Russian students' Christian movement, relationship between different «waves» of emigration, the everyday Parisian life, the Russian colony in Rome, the author's work in the YMKA-Press publishing house and «Vestnik RKHD» (Bulletin of the Russian Christian Movement) magazine. 50 pp.

F r o m t h e H i s t o r y o f L i t e r a r y L i f e

LETTERS FROM M.A.KUZMIN TO S.K.MATVEEVSKY. Prefaced and edited by N.A.Bogomolov. Annotations by N.A.Bogomolov.

Information of the poet Kuzmin's youth, known to us hitherto only from his short reminiscences as well as from his correspondence with G.V.Chicherin, is supplemented with a new source — Kuzmin's seven letters to his another school mate. An account of the summer of 1890, which he spent at the seaside in Revel, and of the following one, spent in Chicherin's country mansion «Karaul», provides a background for the author's reflections over some personal, artistic and ethical themes. 4 + 17 pp.

Konstantin Olimpov. **THE ORIGINS OF THE EGO-POETRY OF THE UNIVERSAL FUTURISM.** Edited by A.V.Krusanov and A.M.Mirzaev.

The autobiographical notes of the leader of one of the futuristic trends relate the history of the movement, his relations with I.Severianin, I.Ignatiev, G.Ivanov. The annotations contain references to the persons and events mentioned and also cite some of the little known program documents of ego-futurists. 2 + 10 + 8 pp.

FROM THE HISTORY OF EGO-FUTURISM: MATERIALS RELATING TO THE LITERARY BIOGRAPHY OF KONSTANTIN OLIMPOV. Edited by A.L.Dmitrenko.

This thoroughly well documented biographical sketch of the poet, being the memoirs of his younger contemporary V.Smirenski, sheds light on the little known aspects of the literary life in Petrograd. In the appendix one will find some material relating to the investigation of the case of both poets who were persecuted in 1930-1931. 15 + 14 + 5 + 8 pp.

Boris Frezinski. **ILIA ERENBURG IN KIEV (1918-1919).**

This is a collection of some publicistic and critical works of the writer reflecting explicitly the ambiguity of his stance under the quickly changing political regimes. In addition, there are letters from Erenburg to V.Merkurieva, and an unknown speech by L.Shestov. The annotations provide information on personal and literary relations and contain details of public and artistic life in the Ukraine during the civil war. 88 pp.

From Personal Archives

The section editor — E.Garetto

E.Garetto. **TWO EMIGRATIONS OF THE WRITER AMFITEATROV.**

The introduction to this section is devoted primarily to the second emigration of A.V.Amfiteatrov, whose house at the Liguria coast became an important center of anti-bolshevik activities in 1922-1938. 6 pp.

E.GARETTO. **THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION: A GLIMPSE FROM PARIS.** Materials relating to the biography of A.V.Amfiteatrov (1904-1907).

Materials from Amfiteatrov's personal archive deal with the initial stage of his pre-revolutionary emigration. The subjects touched upon in them include the life of the Russian colony in Paris in 1905-1907, his connection with the French socialists, free schools of social science, mason organizations, a trip to Petersburg in 1905, the journal «Krasnoe Znamia» (Red Banner) and others. In the

appendix one will find correspondence of the writer with his wife and father, letters to him from S.A.Andreevski, L.N.Andreev, N.M.Minski, as well as Amfiteatrov's letters to E.V.Anichkov, P.A.Kropotkin and others. 15 + 17 pp.

CORRESPONDENCE OF A.V.AMFITEATROV WITH M.A.VOLOSHIN. Edited by N.Yu.Griakalova.

The five letters of the poet from his 1905-1907 period, apart from details of his literary cooperation with representatives of the democratic camp, represent Voloshin's abstract, «esoteric» view of the Russian revolution, including its most acute aspects, such as the problem of the murder of the tsar. 5 + 6 pp.

AMFITEATROV AND THE RUSSIANS IN POLAND (1922-1932).
Edited by D.I.Zubarev.

The publication of Amfiteatrov's correspondence which includes 34 letters to the writer and his replies dwells on such subjects as the arrest of Savinkov and his repentance at the trial; disagreement among members of the editorial board of the newspaper «Za Svobodu!» — the mouthpiece of uncompromising emigrants activities; conflicts between M.P.Artsybashev, V.V.Portugalov and D.V.Filosofov; the personality of Vorovski's murderer B.Koverda; the death of Artsybashev, the dramatic fate of Savinkov's sister, S.V.Turchinovich. The annotations include numerous references to the little known figures of the Russian diaspora in Poland. 11 + 76 pp.

CORRESPONDENCE OF A.V.AMFITEATROV WITH V.I.IVANOV. Prefaced and edited by John Malmstad.

The correspondence touches upon such themes as life of the Russians in Italy, the literary views of the correspondents, attempts by V.Ivanov to arrange a lecture for Amfiteatrov in Pavia, the Pushkin jubilee celebrations in Italy. 4 + 60 pp.

«A PARISIAN PHILOSOPHER BORN OF THE RUSSIAN JEWS».
Letters from M.Aldanov to A.Amfiteatrov. Edited by E.Garetto and A.Dobkin.

The publication focuses on the «creative laboratory» of the novel writer Aldanov, the literary and political atmosphere of the Russian Paris, struggle around the Nobel prize which was awarded to Bunin, Aldanov's cares for his literary colleagues etc. The annotations include references to the persons and events mentioned, as well as bibliographic data, fragments from letters addressed to Amfiteatrov by A.I.Guchkov, M.S.Milrud, P.B.Struve, B.A.Suvorin and others. 4 + 79 pp.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания

Д.А.Лутохин. ЗАРУБЕЖНЫЕ ПАСТЫРИ.

Вст. ст. и публ. Ю.И.Комболина, комм. А.Л.Дмитриева
и Ю.И.Комболина 7

Владимир Аллой. ЗАПИСКИ АУТСАЙДЕРА 112

Из истории литературной жизни

ПИСЬМА М.А.КУЗМИНА С.К.МАТВЕЕВСКОМУ.

Вст. ст., публикация и прим. Н.А.Богомолова 165

Константин Олимпов. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭГОПОЭЗИИ ВСЕЛЕНСКОГО ФУТУРИЗМА.

Публикация А.В.Крусанова и А.М.Мирзаева 186

ИЗ ИСТОРИИ ЭГОФУТУРИЗМА: МАТЕРИАЛЫ К ЛИТЕРАТУРНОЙ БИОГРАФИИ КОНСТАНТИНА

ОЛИМПОВА. Публикация А.Л.Дмитренко 206

Борис Фрезинский. ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ В КИЕВЕ (1918-1919) . . . 248

Из личных архивов

(Редактор-составитель раздела Э.Гарэтто)

Э.Гарэтто. ДВЕ ЭМИГРАЦИИ ПИСАТЕЛЯ

АМФИТЕАТРОВА 339

Э.Гарэтто. ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ:

ВЗГЛЯД ИЗ ПАРИЖА. К биографии

А.В.Амфитеатрова (1904-1907) 345

ПЕРЕПИСКА А.В.АМФИТЕАТРОВА И М.А.ВОЛОШИНА.

Публикация Н.Ю.Грякаловой 377

АМФИТЕАТРОВ И РУССКИЕ В ПОЛЬШЕ (1922-1932)

Публикация Д.И.Зубарева 388

А.В.АМФИТЕАТРОВ И В.И.ИВАНОВ: ПЕРЕПИСКА.

Предисловие и публикация Джона Малмстада 475

«ПАРИЖСКИЙ ФИЛОСОФ ИЗ РУССКИХ ЕВРЕЕВ».

Письма М.Алданова к А.Амфитеатрову.

Публикация Э.Гарэтто и А.Добкина 539

Аппех 625

МИНУВШЕЕ
Исторический альманах
22

ATHENEUM • ФЕНИКС

Редактор Т.Б.Притыкина
Корректор Е.В.Русакова
Набор — И.М.Курдина

ЛР №064815 от 30.X.1996

Подписано в печать 15.10.1997. Формат 60 x 88 ¹/₁₆.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Объем 41 п.л. + 1 л. вклеек. Тираж 2000 экз. Заказ №3325

Издательство «Феникс»: 193060, С.-Петербург,
ул.Смольного, 1/3, подъезд 6а
Тел. 276-13-35, 276-14-77
e-mail: order @ phenix.spb.su

Санкт-Петербургская типография №1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я лин., 12.